

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№5–2 2024 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

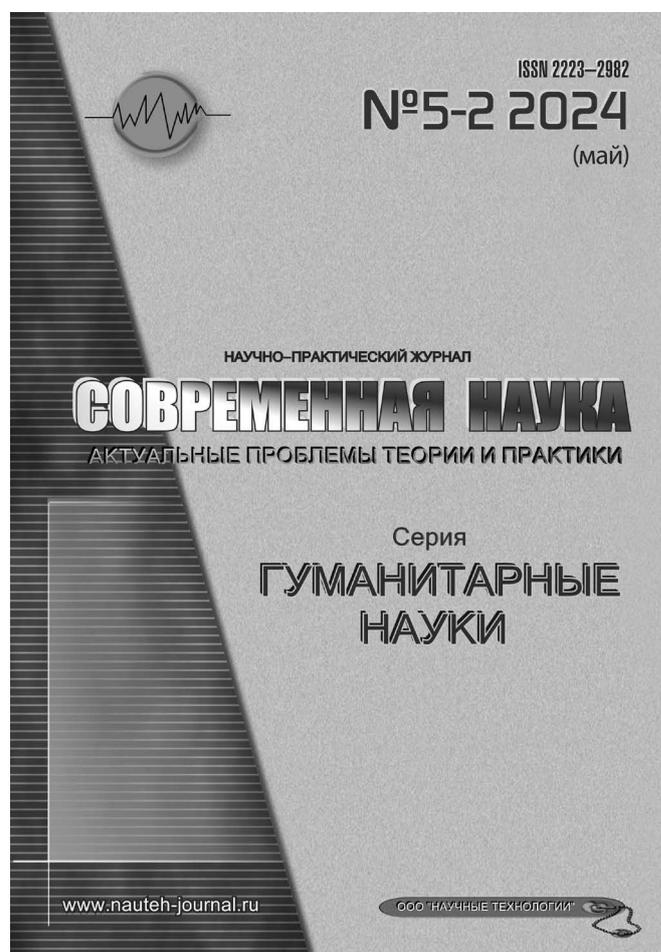
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №5-2 (май) 2024 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 16.05.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Ванькина Е.А. – Мировые и волостные суды: проблемы организации деятельности в российской провинции

Vankina E. – Magistrate and parish courts: problems of organizing activities in the Russian province. 7

Возмителъ М.К. – Переговорный процесс по мирному урегулированию Североирландского конфликта: шаги сторон и трансформация конфликта (1985–1995 года)

Vozmitel' M. – Negotiation process for the peaceful settlement of the Northern Irish conflict: steps of the parties and transformation of the conflict (1985–1995) 12

Крыжановский А.В. – Ковенант или король: политическая дилемма Джеймса Монтроза

Kryzhanovskiy A. – For Covenant or king: James Montrose's political dilemma 17

Кузнецов Г.Т., Чевпилова К.В. – К вопросу о роли античности в истории биологии

Kuznetsov G., Chevpiilova K. – On the role of antiquity in the history of biology 22

Пальчик В.Н., Михайлов А.Р. – Угольная промышленность стран Евразии: история, современность и перспективы развития

Palchik V., Mikhailov A. – The coal industry of the Eurasian countries: history, modernity and development prospects. 27

Фан-Юнг Г.Ю. – Паровая машина или «безоборочная община»: краткий анализ теоретических воззрений В.В. Берви-Флеровского и В.П. Воронцова

Fan-Yung G. – Steam engine or “free community”: a brief analysis of the theoretical views of V.V. Bervi-Flerovsky and V.P. Vorontsov 32

Фан-Юнг Г.Ю. – Работа Д.И. Лещенко «Химия в промышленности» как источник по истории дореволюционной отечественной химической промышленности

Fan-Yung G. – Work by D.I. Leshchenko “Chemistry in industry” as a source on the history of the pre-revolutionary domestic chemical industry 38

Педагогика

Алексеенко С.Н., Гайворонская Т.В., Дробот Н.Н. – Модель совместной проектной деятельности медицинского вуза и лечебных учреждений - способ повышения профессиональных компетенций будущего и действующего специалиста с высшим медицинским образованием

Alekseenko S., Gaivoronskaya T., Drobot N. – A model of joint project activity of a medical university and health institutions is a way to increase the professional competencies of a future and current specialist with a higher medical education 44

Басте З.Ю., Батурьян М.А. – «EMI» как способ обучения контенту на английском языке в рамках многоязычия

Baste Z., Baturyan M. – “EMI” as a way of teaching content in English as a part of multilingualism 50

Бобровницкая О.С. – Проблемы и принципы обучения чтению на английском языке студентов поколения Z в неязыковом вузе

Bobrovnikskaya O. – Problems and principles of teaching reading in English to ‘generation Z’ students at non-linguistic universities. 54

Воробьева О.М. – Особенности обучения студентов-журналистов профессиональному иностранному языку в условиях цифровой трансформации образования

Vorobyeva O. – Features of training student journalists in professional foreign language in the conditions of digital transformation of education 58

Карелина И.Б., Соломатина Г.Н. – Современные подходы к классификациям речевых нарушений <i>Karelina I., Solomatina G.</i> – Modern approaches to the classification of speech disorders..... 63	Николаева М.В. – Применение методов контрастивной лингвистики в аспекте формирования иноязычной коммуникативной компетенции <i>Nikolaeva M.</i> – The role of the context of foreign language culture in the development of linguocultural competence of language university students..... 102
Кишкинова О.А., Ткачева Л.В., Миндлин Ю.Б. – Использование технологии «Перевернутый класс» в преподавании математических дисциплин в высших школах <i>Kishkinova O., Tkacheva L., Mindlin Yu.</i> – Using the "Inverted classroom" technology in the teaching of mathematical disciplines in higher schools 68	Поварницына Т.С. – Организация работы с профессионально-ориентированным текстом при обучении чтению в неязыковом вузе <i>Povarnitsina T.</i> – The organization of work with profession-oriented text when teaching reading in a non-linguistic university. 106
Лазарев М.Л. – Применение метода музыкальной психорегуляции дыхания в школе здоровья для детей с муковисцидозом <i>Lazarev M.</i> – Application of the method of musical psychoregulation of breathing in the school of health for children with cystic fibrosis 73	Скопа В.А. – Формирование навыков работы с ресурсами мультимедийного исторического парка «Россия-моя история» в преподавании дисциплины «Основы духовно-нравственной культуры народов России» <i>Skopa V.</i> – Formation of skills for working with resources multimedia historical park "Russia is my history" in teaching the discipline "Fundamentals of spiritual and moral culture of the peoples of Russia" 111
Лазарев М.Л. – Применение метода музыкальной психорегуляции дыхания у детей с бронхиальной астмой в условиях летнего лагеря (ретроспективный анализ с поиском перспективных решений) <i>Lazarev M.</i> – Application of the method of musical psychoregulation of breathing in children with bronchial asthma in a summer camp (retrospective analysis with the search for promising solutions)..... 82	Татаринцева Р.И. – Дистанционное обучение в терминологическом аспекте <i>Tatarintseva R.</i> – Distance learning in terminological aspect 116
Левчук К.А., Варнакова Н.А., Попова И.В., Лисица А.В. – Влияние эффектов первичности и новизны на механизмы памяти при запоминании и воспроизведении учебного материала <i>Levchuk K., Varnakova N., Popova I., Lisitsa A.</i> – Impact of primacy and recency effects on memory mechanisms in memorization and reproduction of learning material..... 91	Тодис Л.М., Пьянова М.В. – Специфика преподавания китайского языка в российских вузах <i>Todis L., Pyanova M.</i> – Specifics of teaching Chinese in Russian universities 121
Мельников Ю.А., Пушкарёв А.В., Максимова С.С. – Влияние занятий атлетической гимнастикой на физическую подготовленность юношей старшего школьного возраста <i>Melnikov Yu., Pushkarev A., Maksimova S.</i> – The influence of athletic gymnastics on the physical fitness of high school age youths 97	Фокин Р.Р. – Некоторые содержательные проблемы преподавания теории меры студентам вузов <i>Fokin R.</i> – Some meaningful problems of teaching measure theory to university students 126
	Цой Т.Э. – Проблемы межкультурной коммуникативной компетенции при формировании и восприятии художественного текста

Tsoi T. – Problems of intercultural communicative competence in the formation and perception of a literary text132

Янь Цяоянь – Типология лексических ошибок китайских студентов при обучении русскому языку как иностранному

Yan Qiaoyan – Typology of lexical errors of Chinese students when teaching Russian as a foreign language136

Филология

Айсен Я.Д. – О типологии статей в российском энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона

Aisen Ia. – On the typology of articles in the Russian Brockhaus and Efron encyclopaedic dictionary. ... 140

Баскина Э.С. – Современная периодическая печать Израиля: тенденции и пути развития

Baskina E. – Modern periodicals in Israel: trends and ways of development 145

Бойко Б.Л., Смирнова М.А., Шляховой Д.А. – Этнические черты немецких территориальных диалектов

Boiko B., Smirnova M., Shliakhovoi D. – Ethnic features of German territorial dialects153

Горностаева А.А. – Этнокультурные особенности ироничности в политической коммуникации (на примере английской и русской лингвокультуры)

Gornostaeva A. – Ethnocultural features of irony in political communication (using the example of English and Russian linguistic culture)159

Григорьев А.В. – Фонетические палиндромы Велимира Хлебникова (на примере палиндромической поэмы «Разин»)

Grigorev A. – Phonetic palindromes of Velimir Khlebnikov (on the example of the palindromic poem "Razin")164

Дахи Лама, Попова Е.А. – Идиомы с соматическим компонентом в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков)

Dahi Lama, Popova E. – Idioms with a somatic component in political media discourse (based on English and Russian languages)168

Дэн Си – Тема войны в романе М.П. Шишкина «Письмовник»

Deng Xi – The theme of war in M.P. Shishkin's novel "The letter book"173

Ефимов Д.К. – Стилистические приемы создания образов персонажей в романе Кормака Маккарти «Старикам тут не место»

Efimov D. – Stylistic techniques for creating images of characters in Cormac McCarthy's novel "No Country for Old Men"177

Жун Синь, Го Лихун – Концепт «мать» в русской лингвокультуре

Rong Xin, Guo Li Hong – The concept "mother" in Russian linguoculture184

Игнашина З.Н. – Влияние национально-культурной специфики на формирование фразеологического состава кубинского национального варианта испанского языка

Ignashina Z. – The influence of national and cultural specifics on the formation of the phraseological composition of the Cuban national version of the Spanish language188

Киндеркнехт А.С. – К вопросу о дискурсивной профессиональной деформации медиатора

Kinderknekht A. – To the issue of discursive professional deformation of a mediator192

Киселёва И.Д. – Эмотивная лексика как средство выражения гендера в романах детективного жанра Дж. К. Роулинг

Kiseleva I. – Emotive vocabulary as gender's representation in the detective novel198

Кунашева М.М. – Языковые реализации концепта «весна» в поэтическом дискурсе

Kunasheva M. – The image of "spring" in the works of Russian poets203

Ли Цинцзе, Белоус Б.С. – Гэсэриада как памятник культуры народов Востока в работах российских исследователей первой половины XX века
Li Qingjie, Belous B. – The Geseriad as a monument of culture of the peoples of the East in the works of Russian researchers of the first half of the XX century207

Лю Лэ – Образ звезды в лирике Валерия Перелешина
Liu Le – The image of a star in the lyrics of Valery Pereleshin211

Мамилова С.А. – Русизмы «рубль» и «копейка» в испанских словарях
Mamilova S. – Russianisms "ruble" and "kopeck" in Spanish dictionaries214

Минец Д.В. – Игры с классиками, или медиатизация классической русской литературы в сфере товаров и услуг
Minets D. – Games with classics, or mediatization of classical Russian literature in the sphere of goods and services224

Пяо Хуэйминь – Интерпретация образов предпринимателей в прозе А.П. Чехова
Piao Huimin – Interpretation of the images of entrepreneurs in the prose of A.P. Chekhov230

Решетникова Д.А. – Креативный контент как ключевой инструмент PR-сопровождения бренда
Reshetnikova D. – Creative content as a key tool for brand pr support235

Соловьева Н.А., Малышева А.М. – Кеннинг как средство репрезентации культурного наследия: переводческий аспект
Soloveva N., Malysheva A. – Kenning as a means of representation of cultural heritage: translation aspect238

Стафеева Н.А., Медведева И.А., Заичко М.В. – Способы перевода терминологической лексики (на материале предметной области нейронные сети)
Stafeeva N., Medvedeva I., Zaichko M. – Methods of translation of terminological vocabulary (based on the subject area of neural networks)244

Уланова К.Л., Морозов Е.А., Дмитриева Е.В., Хорохорина Г.А., Усов С.С. – Инструмент реализации категории информативности в политическом дискурсе
Ulanova K., Morozov E., Dmitrieva E., Khorokhorina G., Usov S. – Implementing tool for the informativeness category in political discourse248

Червоный А.М. – Выражение семантического субъекта сложными существительными разговорного французского языка
Chervony A. – Expression of the semantic subject by compound nouns of colloquial French252

Чжан Хэлинь, Ли Цзесинь – Лингвопрагматические средства реализации аргументативности в судебном дискурсе (на материале текстов судебных решений)
Zhang Helin, Li Zexin – Linguopragmatic means of implementing argumentation in judicial discourse (based on the texts of court decisions)256

Широкова Г.А. – Дуализм романа Джордж Элиот «Сайлес Марнер» как отражение противоречивых религиозных воззрений автора
Shirokova G. – The dualism of George Eliot's novel "Silas Marner" as a reflection of the author's contradictory religious views262

Информация

Наши авторы. Our Authors268

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале270

МИРОВЫЕ И ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Ванькина Елена Александровна

кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева»
malkovaea@inbox.ru

MAGISTRATE AND PARISH COURTS: PROBLEMS OF ORGANIZING ACTIVITIES IN THE RUSSIAN PROVINCE

E. Vankina

Summary: The article examines the institute of world Justice, established in tsarist Russia as a result of the judicial reform of 1864, as well as the institute of volost court proceedings, established as part of the peasant reform on February 19, 1861, by the "General Regulation on peasants who came out of serfdom." Some problematic features in the activity of courts are highlighted. The specifics of the functioning of the volost peasant court and the world court are analyzed. Archival information is provided confirming the insufficient competence of the volost judge in the proceedings of peasant cases. There are a number of contradictions in the activities of the magistrate and parish courts, which undermined public confidence in justice. The reasons are noted, under the influence of which the judicial reform was carried out unevenly, which affected the development of the institution of the world court.

Keywords: court, magistrate's court, volost court, provinces, reform, institution, jurisdiction, judicial proceedings, justice.

Аннотация: В статье рассматривается институт мирового судопроизводства, учрежденный в царской России в результате судебной реформы 1864 г., а также институт волостного судопроизводства, учрежденный в рамках крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Освещены некоторые проблемные особенности в деятельности судов. Анализируется специфика функционирования волостного крестьянского суда и мирового суда. Приводятся архивные сведения, подтверждающие не всегда достаточную компетенцию волостного судьи при разбирательстве крестьянских дел. Отмечается ряд противоречий в деятельности мирового и волостного судов, которые подрывали доверие населения к правосудию. Отмечены причины, под влиянием которых судебная реформа была проведена неравномерно, что сказалось на развитии института мирового суда.

Ключевые слова: суд, мировой суд, волостной суд, провинции, реформа, институт, подсудность, судопроизводство, юстиция.

Судебная система, выполняя функции общественного арбитра, является важнейшим элементом современного правового государства. В статье 18 Конституции Российской Федерации закреплено, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Судебная система призвана гарантировать соблюдение конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Это обеспечивается посредством как судебных, так и несудебных (административных) органов государственной власти [1].

Наша страна со своей многогранной многовековой историей имеет огромный пласт накопленного правового наследия, существенной частью которого является судебная система. Будучи частью базовой культурной традиции права, она проникает в каждый народ, этнос, нацию, возникая совершенно естественным образом, являясь неотъемлемым элементом жизнедеятельности и быта.

Попытка пересмотра исторических событий про-

шлых лет через призму настоящих процессов и явлений для достижения положительного эффекта требует скрупулёзной работы. Зачастую, в процессе деятельности часто упускаются или не учитываются особо важные факты, что искажает результаты анализа исторических источников, историографического материала. Огромный пласт накопившегося наследия требует внимания и бережности, в противном случае, теряется культура предков, которая так важна и необходима современному обществу.

Нынешнюю судебную систему составляет иерархия судов, действующих на единых демократических началах, связанных между собой единой задачей – справедливого вершения правосудия. В соответствии с Законом «О судебной системе Российской Федерации» в нее входят: федеральные суды; конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации; мировые судьи субъектов Российской Федерации. Систему судов на федеральном уровне составляют: во-первых, Конституционный суд РФ; во-вторых, Верховный суд РФ, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды (система федеральных судов общей юрисдикции); в-третьих, Высший арбитражный суд РФ,

федеральные арбитражные суды округов, арбитражные суды субъектов РФ (система федеральных арбитражных судов) [2].

К судам субъектов Федерации относятся: конституционные (уставные) суды, мировые судьи, являющиеся судами общей юрисдикции.

В 1991 году в России была утверждена концепция судебной реформы, которая продолжается и по сей день. В основу преобразований ее разработчики положили начала Судебной реформы 1864 года, благодаря которой судебная система страны стала одной из лучших в Европе. Процесс введения института мировой юстиции, в частности, в провинциальных округах, накладываясь на специфические традиции менталитета, проникая в устоявшийся быт местного населения, обретал определенные особенности, связанные с мировосприятием народа, на благо которого и была воплощена в жизнь идея мирового судопроизводства несмотря на то, что провинциальное общество царской России в целом не было готово к подобным преобразованиям. Нередко все новое воспринимается простым народом с определенной настороженностью. Однако популярность мирового суда постепенно набирала силу. К тому же неоценимым плюсом явилось правовое воспитание местного населения. Организация института мирового судопроизводства имела огромное значение, выходящее за рамки многих поколений. Провозглашение новых принципов, совершенно чуждых на тот момент развития общества и государства сделали большой толчок в развитии правосознания и правовой культуры всего населения. Максимально приблизившись к населению, мировые судьи выносили решения по своему внутреннему убеждению, основываясь на принципах справедливости и бессловности, а не на том, «кто больше даст». Суды были отделены от административной власти, признаны самостоятельными и публичными, была введена система присяжных судей, адвокатов и нотариусов. Судебный процесс оформился в две инстанции и отделилось предварительное следствие. Обвиняемый считался невиновным, пока его вина не будет доказана в суде. Стороны теперь могли обжаловать приговор в вышестоящем суде.

Юстиция в провинциях Российской империи стала более доступной и объективной. Хотя недостаточное и неравномерное финансирование глубинки, окраин и центральных районов страны, неравномерное социально-экономическое развитие губерний сказались на развитии института мирового суда.

Развитие новых судебных установлений наталкивалось на определенные сложности. Поскольку должность мирового судьи можно было занять, преодолев цензу, определенные законодательством (образовательный, имущественный и возрастной), она считалась почетной.

«Достойные лица», занявшие эту должность, изначально проявляли рвение к службе и отличались вежливостью. Они становились членами школьных советов, основывали школы и распространяли образование «в народе». В сельских и отдаленных районах появлялись «цивилизованные» учебные заведения. Однако условия работы судебных чиновников в столице и в сельской местности сильно отличались. Узкий провинциальный мир был изолированным и пронизанным традициями крестьянского быта и обычными нравами простого народа. Мировой судья должен был полностью погрузиться в эту среду, чтобы стать «своим» для крестьян, лучше понять их нравы и особенности в поведении. В большинстве губерний неоднородный национальный состав населения, многогранность традиций разных этносов во многом осложняли работу мирового судьи.

Крестьянство сохраняло сословный уклад жизни, и нормы обычного права, известные только самим крестьянам, оставались в силе. Вершителям правосудия низшего звена судебной системы было нелегко изучать нормы обычного права, которые соблюдались на протяжении многих поколений и прочно вошли в жизнь простых сельских жителей. Внедрение обычая в практику судебных чиновников должно было помочь преодолеть многовековое сословное разделение в правовых взглядах судей, дворян и крестьян, но этого так и не произошло [4, с. 18].

При анализе практики мировых судов, осуществлявших деятельность, к примеру, на территории современного мордовского края, вырисовывается следующая особенность, основанная на этническом многообразии проживающих здесь народов – русских, мордвы, татар, чувашей, которые имели самобытное бытие и свои особенности культуры. Мировому судье как человеку «новому», вышедшему не из крестьянской среды, приходилось нелегко при изучении их обычаев. В силу этого обычное право при разрешении споров чаще использовалось в волостных крестьянских судах, реже в мировом судопроизводстве. Кроме того, постоянно приходившие указания из Правительствующего сената принуждали мирового судью в первую очередь ориентироваться на систему официально принятых нормативно-правовых актов. Власти опасались судебного произвола, обусловленного предпочтением применения норм обычного права при разрешении споров, прямо регламентированных законом. Однако жизнедеятельность крестьян главным образом основывалась на обычном праве, что нельзя было не учесть при оформлении института мирового судопроизводства. Согласно ст. 130 Устава гражданского судопроизводства разрешалось применение обычаев в случаях рекомендации самими сторонами, когда разрешение спора не могло положительно окончиться в рамках законодательной нормы права, т.е. применение обычного права допускалось законом. В судебной

практике это должно было способствовать преодолению сословной преграды, разделяющей мировоззрение судей-дворян и крестьян. Так, в «Своде замечаний о деятельности новых судебных установлений по применению Уставов 20 ноября 1864 года» отмечалось, что на основании правового обычая за первые годы функционирования мирового судопроизводства были разрешены в среднем по три дела в каждом мировом округе. Это свидетельствует о применении мировыми судьями правового обычая в правоприменительной практике при рассмотрении тяжб в первую очередь, касающихся сферы наследственного процесса и раздела имущества, опеки и попечительства [5, с. 74].

Введение мирового суда – прогрессивное явление в развитии судебной системы царской России. Однако сохранился отголосок крепостничества и сословности – в уездах продолжали функционировать волостные суды, которые являлись сословными крестьянскими судами, в то время как именно крестьянство как самое многочисленное сословие должно было обращаться к мировому судье. В решении гражданских тяжб волостные суды продолжали играть большую роль. Волостные суды занимались исключительно крестьянскими делами и не входили в новую судебную систему, созданную реформами 1864 года. Однако они имели немалый авторитет в крестьянской среде, тем самым вносили определенный дисбаланс в налаживание отношений с основным клиентом мирового суда – крестьянином [5, с. 74].

Учрежденный вновь изданным документом - «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» в Российской империи 19 февраля 1861 г. в ходе реформы, затрагивающей крестьян, волостной суд функционировал обособленно от действующей системы судов. Крестьянские споры решались исключительно на основе обычных норм права, которые веками складывались в крестьянских губерниях. Учитывался национальный состав проживающего населения.

Образовательный уровень волостных судей оставался низким. Жалованье за работу в суде крестьяне получали крайне низкую либо не получали вовсе. Многие относились к занятию данной должности, как к очередной повинности, поэтому при формировании состава волостного суда крестьяне хоть немного «знающие толк в праве» стремились избежать членства в нем. Кроме того, многие опасались спровоцировать к себе негативное отношение со стороны односельчан, боялись за свое хозяйство. Поэтому зачастую волостными судьями были малообеспеченные, неграмотные крестьяне. В деятельности волостных судов прослеживалось явное несовершенство их правового обеспечения, а именно – трудно было заранее определить, какое в том или ином случае волостной судья примет решение, что повлияет на его решение, или может быть, кто-то посоветует (напри-

мер, старшина или писарь). Они принимали решение по простому чувству справедливости. Волостной суд фактически получил право «творить правовые нормы». Устоявшиеся местные обычно-правовые нормы не всегда могли служить легальным руководством постоянных и одинаковых решений для разных спорных ситуаций.

Сохранение двух официальных форм суда на местах приводило к серьезным противоречиям, подрывавшим в народе доверие к правосудию. Наглядным примером может служить ситуация из практики местного суда в провинции, которую описал Н.А. Корф: «У двух живущих рядом крестьянина и мещанина было совершено воровство, при этом у мещанина украдена индейка, оцененная в 60 копеек, а у крестьянина – последняя корова, стоившая 29 рублей. Уличенными в воровстве оказались крестьяне, которые были наказаны следующим образом: крестьянин, укравший индейку, отправился по решению мирового судьи в острог на три месяца, крестьянин же, укравший корову, местным волостным судом (которому было подсудно воровство до 30 рублей серебром) был приговорен к 7 дням ареста при волостном правлении, так как волостной суд согласно ст. 102 Положения об освобождении крестьян не имел права применять более строгое наказание». Юристам такой подход был понятен, но на практике он давал самые печальные результаты, так как выглядел в глазах населения вопиющим нарушением принципов равенства и справедливости [5, с. 74].

Обратимся к судебной практике из архивных материалов. 9 декабря 1905 г. Спасский уездный съезд Тамбовской губернии в открытом судебном заседании в составе председателя уездного суда В.П. Колонтаева, почетного мирового судьи Г.К. Турусова, городского судьи Е.Г. Запенина слушали «дело по жалобе истца Калинина на решение Ачадовского волостного суда по иску крестьянина Александра Калинина к крестьянину Евдокиму Вебишеву о земле» [5, с. 102].

Из обстоятельств дела выясняется, что крестьянин села Мордовские Поляны Александр Калинин в заявлении, поданном в Ачадовский волостной суд, объяснил, что крестьянин того же села Евдоким Вебишев завладел принадлежащей ему огородной землей, чем и причинил убытков на сумму 70 рублей. Волостной суд, разобрав дело, нашел иск недоказанным. Поэтому 29 августа 1905 г. в иске Александру Калинину было отказано. На это решение истец подал жалобу, в которой объясняет, что Ачадовский волостной суд отказал ему в отобрании огородной земли с крестьянина Вебишева и взыскании 70 рублей за пользование ею на том основании, что ответчик предоставил приговор Мордовско-Полянского схода от 20 апреля 1905 г. о сдаче ему в аренду на один год пяти душевых наделов, которые он и вспахал, а огорода будто бы не трогал. «Между прочим, в протоколе видно, что ответчик снял в аренду пять душевых наделов,

которые только вспахал. Протоколом не удостоверено, что ответчик вспаханную землю засеял. Представленный приговор о сдаче в аренду пяти душевых наделов является доказательством, отвлекающим внимание от иска об усадебной земле. Истец может быть ответчиком, снял в аренду такую землю, а вспахал другую. В этом можно было убедиться, проведя осмотр на месте. ...Он, истец, указывает на огородную землю, находящуюся позади его двора, что подтверждается свидетелями, а ответчик указывает на пять душевых наделов, неизвестно где расположенных. Поэтому волостной суд не обследовал предмет спора. Осмотр спорной земли на месте не проводился, поэтому не была установлена фактическая сторона дела. Так как представленным приговором отрицается часть земли, которая сдана в аренду ответчику, якобы не входящая в черту его усадебного участка, то в правильности его иска убедиться можно было бы лишь осмотром на месте. ...Ответчик предоставленным приговором Мордовско-Полянского общества от 20 апреля 1905 года о сдаче ему в аренду спорной земли мог предполагать только свое право на обозначенную землю и за осуществлением своего права мог обратиться к власти. А следовательно, нельзя отговариваться незнанием закона, что ст. 15 Полож. о кр. влад. усадебная земля, отведенная отдельным домохозяевам под дома, конопляники, огороды и т.д., предоставлена в потомственное пользование семьи, проживающей на той земле крестьянского двора, в распоряжение которой, согласно решению департамента Прав. сената от 7 июня 1888 г. за № 2766 мир вмешиваться не имеет права. Что в случае оказавшегося излишка в усадебном участке его двора против принятого по переделу расчета, то согласно решению того же департамента от 28 января 1903 г. за № 672 общество может вычистить этот излишек из полевой, а не усадебной земли, что конопляники и огороды решением того же департамента от 25 января 1900 г. за № 235 отнесены к переделу, такие именно, которые не входят в общую черту усадебных наследственных участков. ... Волостной суд признал представленный приговор Мордовско-Полянского схода от 20 апреля 1905 г. за доказательство. Должен был привлечь к участию в качестве третьего лица общество крестьян села Мордовские Поляны, какую просьбу счел не относящейся к делу. В том же виде принята просьба его об осмотре местности, что составляет нарушение 135 ст. Общ. пол. о кр., и, наконец, самый протокол суда удостоверяет будто бы такой факт, что истец говорит про огородную, а ответчик про полевую и в общем выходит, что один говорит про одну, а другой про другую землю. И все это положено в основание решения». «Калинин просит решение волостного суда отменить и восстановить нарушенное его усадебное владение в размере 37 пог. арш. по фасаду ширины и 130 пог. саж. длины и взыскать с ответчика Евдокима Вебишева за не оказавшийся ко дню решения посеянный хлеб (овес) 70 рублей. Разрешить его просьбу с привлечением к делу в качестве третьего лица общество

крестьян села Мордовские Поляны, и в случае его ответственности, то ущерб в 70 рублей отнести на его счет» [5, с. 102].

В заседании 9 декабря 1905 г., уездный съезд, рассмотрев дело, выслушав объяснения сторон и показания свидетеля Акшенова, установил, что свидетель Акшенов удостоверил в том, что ответчик Вебишев захватил землю истца Калинина согласно приговору общества о переделе земли, который уездным съездом отменен, и что до передела спорной землей владел истец. Принимая во внимание, что ответчик Вебишев не имеет права пользоваться землей истца, так как приговор о переделе земли от 20 апреля 1905 г. съездом отменен, уездный съезд признает иск Калинина об отобрании огородной земли у Вебишева доказанным, а решение волостного суда, отказавшего в иске, неправильным и подлежащим отмене. Что касается иска Калинина об убытках в сумме 70 рублей, то такового истец ничем не доказал. Ходатайство истца Калинина о привлечении к делу в качестве третьего лица общества крестьян села Мордовские Поляны оставляется без уважения потому, что согласно решению Правительствующего сената 1871 г. № 1088 «истец может заявить в апелляционной инстанции просьбу о привлечении третьего лица лишь тогда, если возражение ответчика было сделано только в апелляционной жалобе, между тем в данном случае ответчик сделал возражение против иска еще при разбирательстве дела в волостном суде» [5, с. 103].

Подобные примеры по недостаточно добросовестному осуществлению судебных полномочий, отменам судебных решений, вынесенных волостным судом, встречались довольно часто, ввиду отсутствия достаточной судебно-правовой грамотности.

Крестьяне высказались в поддержку волостного суда, но, в то же время, хотели, чтобы их судили мировые судьи. Многие крестьяне согласились с тем, что мировой суд был бы лучше, но признали необходимость сохранения волостного суда ввиду того, что последний лучше знал обычаи простого народа и был более приближен к населению, фактически состоял из самих крестьян. Волостной суд постоянно вторгался в компетенцию мирового суда. Мировой судья судил не только, по справедливости, но и опираясь на законодательную норму. Близость мирового суда к населению, упрощенная процедура рассмотрения дел делали его доступным и скорым. Обособленность мировой юстиции от системы общих судов приводила к тому, что мелкие гражданские дела разрешались по месту жительства сторон, в уезде, а не переходили до бесконечности из инстанции в инстанцию. Дела в новых судах рассматривались гораздо быстрее.

Сохранение двух официальных форм местных судов

вызывало серьезные противоречия и подрывало доверие населения к судебной системе. Крестьяне в сельской местности, подведомственные волостному суду, по-прежнему имели возможность обратиться к мировому судье, когда уезжали на заработки в города. Члены общины имели право подать иск мировому судье по взаимному согласию или если они находились вне общей юрисдикции волостного суда (статья 31 УГС). Существуют противоречивые свидетельства того, насколько широко использовалась эта возможность крестьянами. С одной стороны, обращаться к мировому судье было «далеко и дорого», и крестьяне опасались, что ученый господин не поймет их интересов. С другой стороны, нередко крестьяне шли на «обман» и пытались заставить мирового судью рассмотреть их дело, особенно если речь шла о крупной сумме. Совпадают источники в одном: волостному суду крестьяне не доверяли, ибо слишком сильны были там противоречия местных группировок, решения были далеки от справедливости, мздоимство быстро проникло и в эту среду.

Самый многочисленный класс должен был стать ос-

новным клиентом новой системы судопроизводства - мировой юстиции. Однако в полной мере этого не произошло. Власть, с одной стороны даровала экономическую и личную свободу, а с другой стороны отбирали ее у крестьян выкупными платежами и отработками, лишением полноправной судебной защиты. Кроме того, проведение судебной реформы частями, не одновременно на всей территории Российской империи, неготовность государства полностью профинансировать развитие данной структуры, отсталость самого общества, особенно провинциальных глубин страны, не позволило новому институту мировой юстиции в полной мере развиваться и функционировать. В результате уже в 1889 г. институт мирового суда был упразднен. Тем не менее, судебная реформа 1864 г. занимает особое место в истории развития судостроительства и судопроизводства в России. Благодаря Судебным уставам в царской России вместо хаотичной и громоздкой структуры сословных судов была создана стройная система судебных органов со строго очерченной компетенцией, что впоследствии явилось важнейшим шагом к созданию современной судебной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4412.
2. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 333, оп. 1 – Спасский уездный съезд Тамбовской губернии. Ф. 333, оп. 1 Д. 2, л. 45.
4. Боева Г.А. Особенности организации и деятельности мировой юстиции в Российской империи по уставам 1864 г. (на примере Симбирской губернии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008. – 22 с.
5. Ванькина Е.А. Организация и деятельность мировых судов на территории мордовского края: 1864–1917 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 5.6.1. Саранск, 2022. – 202 с.
6. Лонская С.В. Мировой суд в России, 1864–1917 гг.: историко-правовое исследование: дис. ... канд. ист. наук / С.В. Лонская. – Калининград, 1998. – 168 с.
7. Мелехова Е.Н. Роль и место судебной власти в правовой жизни общества / Е.Н. Мелехова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 47 (233). — С. 108–111.

© Ванькина Елена Александровна (malkovaea@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС ПО МИРНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ СЕВЕРОИРЛАНДСКОГО КОНФЛИКТА: ШАГИ СТОРОН И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЛИКТА (1985–1995 ГОДА)

NEGOTIATION PROCESS FOR THE PEACEFUL SETTLEMENT OF THE NORTHERN IRISH CONFLICT: STEPS OF THE PARTIES AND TRANSFORMATION OF THE CONFLICT (1985–1995)

M. Vozmitel'

Summary: The article deals with the period of preceding the final stage of the peace process in Northern Irish conflict. Special attention is paid to the intricacies of the negotiation process, which is compared with the overall situation, which makes it possible to comprehensively assess the negotiation process and highlight its key components that became its driving force. As a result of the analysis, two transformation stages were identified, each of which provided its own incentives for intensifying the diplomatic process.

The relevance of the study lies in the fact that the chosen period is a significant stage in the process of peaceful settlement of the Northern Irish conflict. It is he who accounts for the key transformations that determined the transformation of the conflict situation. An analysis of the details of the negotiation process for a peaceful settlement from 1985 to 1995 and their impact on the transformation of the conflict situation will highlight the constructive elements that led to the settlement of the conflict, which can later be used for historical analysis of other conflicts, as well as for the development of practical methods and techniques for conflict resolution.

Keywords: Northern Ireland, negotiation process, conflict transformation, peace settlement.

Возмитель Мария Константиновна
Ассистент, Луганский государственный педагогический университет
masha.kovshar@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается период, предшествующий финальной стадии мирного процесса урегулирования североирландского конфликта. Отдельное внимание уделяется тонкостям переговорного процесса, который сопоставляется с общей ситуацией, что позволяет комплексно оценить переговорный процесс и выделить его ключевые составляющие, которые стали его движущей силой. В результате анализа были выделены два трансформационных этапа, каждый из которых дал свои стимулы для интенсификации дипломатического процесса.

Актуальность исследования заключается в том, что избранный период является значимым этапом в процессе мирного урегулирования Североирландского конфликта. Именно на него приходятся ключевые преобразования, которые определили трансформацию конфликтной ситуации. Анализ деталей переговорного процесса по мирному урегулированию с 1985 по 1995 года и их влияние на трансформацию конфликтной ситуации позволит выделить конструктивные элементы, приведшие к урегулированию конфликта, что в дальнейшем может быть использовано для исторического анализа иных конфликтов, а также для разработки практических методов и приемов по урегулированию конфликтов.

Ключевые слова: Северная Ирландия, переговорный процесс, трансформация конфликта, мирное урегулирование.

Цель настоящего исследования состоит в изучении процесса мирного урегулирования Североирландского конфликта в период с 1985 по 1995 года и выявление ключевых шагов конфликтующих сторон, которые в конечном счете привели к общей трансформации конфликтной ситуации, что в свою очередь позволило создать благоприятные условия для начала непосредственно переговорного процесса по окончательному урегулированию ситуации – подписанию Белфастского соглашения.

Нижняя хронологическая граница исследования соответствует 15 ноября 1985 года, когда премьер-министры Соединенного Королевства и Республики Ирландии М. Тэтчер и Г. Фицджеральд подписали соглашение в Хиллсборо, общеизвестное как «Англо-Ирландское

соглашение». Верхняя хронологическая граница соответствует началу предметного переговорного процесса относительно составляющих будущего соглашения о мире, именуемого «Белфастским соглашением» и решения важнейшего проблемного вопроса – разоружения военизированных группировок.

Заключение Англо-Ирландского соглашения является одним из ключевых моментов процесса мирного урегулирования конфликта в Северной Ирландии. Данное соглашение зафиксировало две ключевые позиции: оба государства поддержат решение о присоединении Северной Ирландии к Республике Ирландия в случае, если за данное решение будет выступать большинство населения Северной Ирландии; Великобритания признала влияние и заинтересованность Республики Ирландии во

внутренних вопросах Северной Ирландии и закрепила возможность ее участия в решении политических и правовых вопросов, а также проблем безопасности, хотя и на чисто консультативной основе [1].

Одним из важных аспектов англо-ирландского соглашения, которое закрепляло обязательства британского и ирландского правительств, была его обособленность от внутривнутриполитического давления в Северной Ирландии, его «надобщинность». Факт того, что противоречия между североирландскими общинами не могли оказать влияния на соглашение, значительно поменял внешнеполитическую структуру конфликта и оказал воздействие на его внутреннюю составляющую.

Несмотря на то, что данное соглашение затрагивало весьма ограниченный спектр проблем, оно стало отправной точкой в перемене позиций конфликтующих сторон.

Под сторонами конфликта в Северной Ирландии зачастую принято понимать представителей двух общин региона: католиков и протестантов. Однако такое представление о сторонах процесса является крайне упрощенным. Религиозная составляющая в конфликте действительно занимает не последнее место, но не значит определяющей, а скорее является основой сложного разделения общества. Наиболее верным представляется определить стороны конфликта как две ключевые фракции.

Первую фракцию на момент конфликта составляло меньшинство населения Северной Ирландии, которое определяло себя как ирландцы и/или католики (хотя некоторые представители других этносов и конфессий тоже относятся к этой группе), а также выступало за равные права и равное представительство в местных органах власти. Политические взгляды данной группы направлены на улучшение отношений с Республикой Ирландией, при этом менее радикальные представители – т.н. националисты (Социал-демократическая и лейбористская партия) – выступали за сближение и частичное вовлечение Ирландии в дела провинции, тогда как более радикальные – республиканцы (Шин Фейн, Фианна Файл, Ирландская республиканская социалистическая партия) – за присоединение севера острова к югу, в том числе не исключали и применение насилия для достижения своих политических целей (Ирландская республиканская армия, Ирландская национально-освободительная армия).

Ко второй фракции можно отнести большинство населения Северной Ирландии, которое не самоопределяет себя как католики и ирландцы (большинство из них являются протестантами, англиканами, представителями других конфессий, а этнически считают себя британцами, шотландцами или представителями иных

этносов). В политическом отношении данная группа выступала за поддержание тесных отношений с Британией и отвергала вовлеченность Республики Ирландии в дела провинции. В данной фракции также существуют менее радикальные направления, которые выступают за сохранение территории в составе Соединенного королевства, – юнионисты (Демократическая юнионистская партия) – и более радикальные, считающие себя верными британской Короне, – лоялисты (Ольстерская демократическая партия, Прогрессивная юнионистская партия), – а также те, кто не отвергает применение насилия (Ольстерские добровольческие силы, Лоялистские добровольческие силы).

Первоначальная реакция большинства политических сил Северной Ирландии на соглашение была неоднозначной. Радикальные партии и военизированные группировки обеих фракций были не довольны заключенным соглашением: республиканцы – потому что участие Республики Ирландии предусматривалось исключительно в рамках консультативного органа («Конференции»), который к тому же оказался полостью недееспособным, что не удовлетворяло их потребности (лидер Шин Фейн официально заявил, что соглашение лишь усложняет возможность добиться объединения Ирландии); а лоялисты и юнионисты – фактом готовности Великобритании официально признать заинтересованность Республики в делах Северной Ирландии и предоставлением возможности, пусть теоретической, объединения севера с югом острова. Это было выражено рядом бойкотов и саботированием голосования за референдум [7, с. 1–2].

Однако, первоначальная реакция довольно быстро начала претерпевать изменения, что было обусловлено рядом факторов:

- Безуспешность всех попыток достичь целей насильственными методами, а также общая усталость населения от постоянно возникающих актов насилия.
- Нестабильность региона значительно затрудняла привлечение финансовых инвестиций в провинцию, что ухудшало общее экономическое положение населения.
- Членство в НАТО и ЕЭС, которые были заинтересованы в недопущении распространения насилия и урегулировании конфликта мирным путем.
- Крайняя настойчивость правительств Великобритании и Ирландии в приверженности урегулировать конфликт, для достижения чего они были готовы к совместной работе, несмотря на напряженные отношения, разногласия, политические издержки такой совместной работы от некоторых партий внутри стран.

Первые шаги к принятию новой реальности сделали юнионисты уже в январе 1986 года, когда замести-

тель лидера Юнионистской партии Ольстера выступил с предложением созвать конференцию с привлечением британских, ирландских и североирландских политиков, что было поддержано представителями партии Фианна Файл [11].

Как впоследствии отмечал член парламента от ДЮП Джеффри Дональдсон: «Потребовалось несколько лет протестов и отсутствия какой-либо значимой реакции со стороны британского правительства, прежде чем мы пришли к пониманию, что единственный способ преодолеть наше чувство отчуждения – это договориться о новом соглашении, которое заменит англо-ирландское соглашение». Также он отмечает, что в конечном итоге юнионисты пришли к пониманию пересмотра своей стратегии и выводу, что достижение устойчивого мира не может быть осуществлено, если исключить интересы влиятельных игроков, в том числе близких к военизированным группировкам, таких как Шинн Фейн [4].

Пересмотр позиций произвели также и националисты, прежде всего СДЛП, которые начали публично выступать с критикой насилия со стороны радикальных группировок. Понимание того, что дистанцироваться от ИРА недостаточно, привело к необходимости переговоров. Открыто на такой шаг решился лидер СДЛП Дж. Хьюм, что публично показало стремление националистов к поиску путей достижения мира. Хотя официально так и не было объявлено о том, что лидер СДЛП встречался с представителями ИРА, значительно позднее в СМИ все же появилась информация о подобной встрече еще в 1985 году [8]. Официально же первая встреча лидеров СДЛП и Шинн Фейн состоялась лишь в 1988 году, при этом и данной встрече предшествовала серия тайных переговоров между партиями, которые были организованы при посредничестве католического священника А. Рида [17].

Англо-ирландское сотрудничество, получившее новое развитие после заключения соглашения, оказало влияние и на республиканцев: было значительно сокращено количество каналов поддержки (оружием и финансами) ИРА, благодаря чему удалось предотвратить большое число терактов, что в свою очередь подтолкнуло ИРА к разоружению [4]. Кроме того, сотрудничество двух государств позволило в сентябре 1986 года создать Международный фонд для Ирландии, направленный на развитие экономики региона и улучшения социального климата, который первоначально собрал более 36 миллионов фунтов стерлингов (пожертвования поступали также от США, Канады, Новой Зеландии, Австралии, ЕЭС и некоторых неправительственных организаций [16].

Атака на протестантов 8 ноября 1987 года в Энни-скиллене, в результате которой погибло 11 человек, стала одним из поворотных моментов, понизивших и без того незначительную поддержку радикальных респу-

бликанцев, а также в очередной раз утвердивших необходимость мирного урегулирования конфликта.

Сложившаяся социально-политическая обстановка буквально требовала ответных перемен от всех сторон конфликта, что создало крайне благоприятную среду для активизации дипломатии на разных уровнях. Все стороны понимали необходимость переговоров для сближения позиций, но открыто к таким шагам готовы еще не были. В решении данной проблемы далеко не последнее место занимали религиозные деятели, которые стали весьма успешными посредниками. Так архиепископ Робин Эмс, лидер Ирландской церкви (протестантская церковь, входящая в Англиканское сообщество), был посредником между лоялистами и представителями других партий, группировок (включая ИРА, с представителями которых у него была встреча) и официальных властей. В 1989 году он выдвинул предложение начать предметный диалог между католиками и протестантами по менее спорным вопросам. Инициатива не была реализована, однако стала одним из многих толчков к началу переговорного процесса между партиями. В дальнейшем архиепископ проводил мирные переговоры и инициативы, в том числе и на высшем уровне с премьер-министрами А. Рейнольдсом и Дж. Мейджором [2]. Кроме того, Р. Эмс вел секретные переговоры с радикалами по обе стороны, что в итоге поспособствовало прекращению огня лоялистами, в частности благодаря тому, что он лично получил гарантии безопасности для них от британского премьера [5].

Другим весьма успешным посредником был католический священник Алекс Рид. Благодаря тесным дружественным отношениям с главой Шинн Фейн Дж. Адамсом отец Рид имел возможность не только сближать позиции националистов и республиканцев (организовал серию тайных переговоров между Дж. Адамсом с лидером СДЛП Дж. Хьюмом в 1988 г.), что в конечном итоге позволило прийти к отказу от насилия. Достижение мира А. Рид видел исключительно в диалоге со всеми участниками, потому стал контактным лицом Шинн Фейн в диалоге с ирландским правительством с 1987 по 1998 года и помог наладить контакт с британским правительством. Также он встречался с военизированными группировками лоялистов и имел контакты с ИРА [10]. Налаженный благодаря посредничеству А. Рида диалог между Шинн Фейн и СДЛП в 1988 году положил начало мирному процессу, который получил дальнейшее развитие после ухода М. Тэтчер в 1990 году и прихода в Ирландии А. Рейнольдса в 1992 году [9].

Еще одним подтверждением того, что трансформационные процессы, запущенные подписанием Англо-Ирландского соглашения, побуждали стороны к поиску мирных путей урегулирования конфликта, являются обнародованные данные о диалоге между лидером Шинн Фейн и лидером ирландской Фианны Файл, премьером

Чарльзом Хоуи, которые выстраивал отец Рид в конце 1985 года. Исходя из этих данных видно, что инициатива в диалоге по прекращению огня исходила от Дж. Адамса. В 1987 году отец Рид направил Ч. Хоуи письмо с условиями Дж. Адамса для прекращения огня ИРА (за 7 лет до того, как это произошло). Также в данном письме были изложены аспекты, которые впоследствии легли в основу Белфастского соглашения [13].

В данном письме отчетливо прослеживаются следующие ключевые позиции [13]:

- достижение успеха возможно только при включении всех значимых сторон, в том числе Шинн Фейн;
- ИРА сложит оружие, если будет представлен альтернативный метод, который позволит им добиваться своих;
- предоставление права народу Северной Ирландии самостоятельно решать свою судьбу, для чего правительству требовалось отказаться от закрепленного в законе 1920 года права вето.

Несмотря на столь положительные шаги, вывести диалог на новый открытый официальный уровень все еще было невозможно, так как акты насилия радикалов с обеих сторон продолжались. Для нового продвижения были необходимы внешние стимулы, которые бы вновь трансформировали конфликтную ситуацию. Такие стимулы появились к 1990-м годам: распад СССР изменил международную обстановку и позволил избавиться от опасений, что Северная Ирландия будет использована в Холодной войне; приход к власти новых, более энергичных и решительных премьеров Великобритании (в 1990 году – Дж. Мейджора) и Ирландии (в 1992 году – А. Рейнольдса), у которых руки не были связаны страхами прошлого; активизировалось изучение вопросов миростроительства в научной сфере и со стороны НКО (проводились конференции с привлечением представителей различных североирландских партий) [3, с. 368–370].

В рамках вышеизложенных перемен, когда внешне- и внутреннеполитическая обстановка начала благоприятно меняться, важно было сделать первый шаг, который был реализован новым госсекретарем Северной Ирландии П. Бруком. Уже через 3 месяца после назначения он делает смелое заявление о невозможности победить ИРА военным путем и необходимости начать переговоры с Шинн Фейн. В 1990 году он инициирует секретные переговоры между британским агентом разведки и республиканскими военизированными формированиями через католического священника [14].

В 1991 году Брук вновь подал мощный публичный сигнал, заявив, что Великобритания не имеет «стратегических или экономических интересов» в Северной Ирландии и готова пойти на объединение, если на то бу-

дет согласие населения. В этом же году ему удалось добиться начала переговоров между конституционными партиями и ирландским правительством, что получило название «переговоры о переговорах» [12].

Одним из ключевых дипломатических достижений П. Брука можно считать его стратегию по сепарации переговорного процесса на три составляющие: решение проблем внутри Северной Ирландии; отношения между населением острова Ирландии; отношения между правительствами Великобритании и Ирландии [14].

Таким образом, 1991–1993 года – период активных дипломатических контактов и переговоров на разных уровнях, которые становились все более публичными. В апреле 1993 года Шинн Фейн и СДЛП выступили с совместным заявлением о достижении мира, которое они ранее тайно передали британскому правительству, что побудило последних начать открытые переговоры о мире и с лоялистами [6].

В результате, благодаря давлению со стороны общественности и нового президента США Б. Клинтона, 15 декабря 1993 года была подписана Декларация Даунинг-стрит, которая предусматривала не только официальный отказ Британии от собственных интересов в Северной Ирландии, и обязательство признать и поощрять реализацию права на самоопределение народа, но и обещание включить Шинн Фейн в официальный политический процесс [15]. За подписанием соглашения последовали конкретные меры, в частности снятие ограничений с республиканских лидеров на передвижение и появление в СМИ.

Данное соглашение вынудило военизированные группировки пойти на встречу и объявить в августе 1994 года о прекращении огня. Чтобы поощрить шаги ИРА, британское правительство сократило меры безопасности на границе с Ирландией и начало продвигать проект финансовой реконструкции региона через «Международный фонд для Ирландии». Параллельно не прекращалась межправительственная работа над документом о мире, который был представлен в 1995 году.

Однако уже в ноябре 1994 года одно из крыльев ИРА произвело террористический акт, что вывело на первый план вопрос о разоружении [3, с. 387]. Именно данный вопрос стал краеугольным камнем, который не позволял прийти к окончательному урегулированию конфликта в Северной Ирландии. Проблема разоружения станет финальной точкой перед подписанием Белфастского соглашения, на решение которой потребуется еще два года активной дипломатической деятельности.

Таким образом, в результате проведенного исторического анализа переговорного процесса по мирному урегулированию в Северной Ирландии в период 1985–

1995 годов было выделено два этапа трансформации конфликта: первый – с 1985 года по начало 1990-х годов; второй – с начала 1990-х годов по 1995 год.

На первом этапе триггером преобразования конфликтной ситуации стало подписание Англо-Ирландского соглашения, которое изменило внешнеполитическую составляющую конфликта, вывело его из принципиальной позиции внутригосударственного, что открыло в свою очередь новые дипломатические возможности и послужило стимулом для ряда компромиссных решений.

На втором этапе трансформацию конфликтной ситуации запустили общемировые и внутривнутриполитические преобразования в Великобритании и Ирландии, во многом именно приход новых лидеров на фоне международных изменений послужил толчком для начала новых конструктивных шагов.

В целом данный период может быть обозначен как этап, предшествующий финальной стадии мирного процесса (подписанию Белфастского соглашения), детальное понимание механизмов которого позволяет глубже понять и оценить финальную стадию урегулирования Североирландского конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Agreement Between the Government of Ireland and the Government of the United Kingdom. 15 November 1985 // The Department of Foreign Affairs. URL: <https://www.dfa.ie/media/dfa/alldfawebstemedata/treatyseries/uploads/documents/treaties/docs/198502.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).
2. Astute religious defender of the middle ground. Rite and Reason: Archbishop Robin Eames is one of the most important leaders produced by the Church of Ireland // The Irish Times. 2005. 28 February. URL: <https://www.irishtimes.com/opinion/astute-religious-defender-of-the-middle-ground-1.418997#:~:text=Archbishop%20Robin%20Eames%2C%20as%20many,was%20talked%20about%20for%20Canterbury> (дата обращения: 25.03.2024).
3. Bew P., Gillespie G. Northern Ireland A chronology of the Troubles 1968–1999. Dublin: Gill and Macmillan Ltd., 1999. 471 p.
4. Donaldson J. Massive «wake-up» call for unionists forced us to rethink our approach. Agreement spurred a rethink in unionism and a new sense of self-reliance // The Irish Times. 2015. 14 November. URL: <https://www.irishtimes.com/news/politics/massive-wake-up-call-for-unionists-forced-us-to-rethink-our-approach-1.2429126> (дата обращения: 25.03.2024).
5. Eames book tells of role in secret peace talks // Church Times. 2006. 2 November. URL: <https://www.churchtimes.co.uk/articles/2004/19-november/news/uk/eames-book-tells-of-role-in-secret-peace-talks> (дата обращения: 25.03.2024).
6. Gerry Adams and John Hume on peace (1993) // Alpha History. URL: <https://alphahistory.com/northernireland/gerry-adams-john-hume-peace-1993/> (дата обращения: 11.03.2024).
7. Healy D. Minister in Irish deal row // Liverpool Daily Post. 1985. 16 November // The British Newspaper Archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1985-11-16/1985-11-17?NewspaperTitle=Liverpool%2BDaily%2BPost&IssueId=BL%2F0005474%2F19851116%2F&County=Lancashire%2C%20England> (дата обращения: 25.03.2024).
8. IRA leadership kept John Hume for three days over failed meeting // Derry Daily. 2017. 19 November. URL: <https://www.derrydaily.net/2017/11/19/ira-leadership-kept-john-hume-for-three-days-over-failed-meeting-says-new-book/> (дата обращения: 25.03.2024).
9. Little I. Fr Alec Reid death: It was a photo that shocked the world, but from that dark day a sliver of light appeared on the horizon // Belfast Telegraph. 2013. 23 November. URL: <https://www.belfasttelegraph.co.uk/news/northern-ireland/fr-alec-reid-death-it-was-a-photo-that-shocked-the-world-but-from-that-dark-day-a-sliver-of-light-appeared-on-the-horizon/29777931.html> (дата обращения: 25.03.2024).
10. Maume P. Reid, Alec (Alexander) // Dictionary of Irish Biography. 2019. June. URL: <https://www.dib.ie/biography/reid-alec-alexander-a10095> (дата обращения: 25.03.2024).
11. Melaugh M. A Chronology of the Conflict // CAIN Web Service. URL: 1986 <https://web.archive.org/web/20110514130616/http://cain.ulst.ac.uk/othelem/chron/ch86.htm> (дата обращения: 25.03.2024).
12. Melaugh M., Lynn B. Brooke / Mayhew Talks (April 1991 to November 1992) – A Chronology of Main Events // CAIN. URL: <https://web.archive.org/web/20230921145600/https://cain.ulst.ac.uk/events/bmtalks/chron.htm> (дата обращения: 11.03.2024).
13. Moloney E. Fr Alec Reid letter to Haughey gave terms for IRA ceasefire 7 years in advance // Charles J. Haughey. URL: <https://www.charlesjhaughey.ie/articles/fr-alec-reid> (дата обращения: 25.03.2024).
14. Peter Brooke obituary: Former Northern Ireland secretary of state helped lay groundwork for peace process // The Irish Times. 2023. 13 May. URL: <https://www.irishtimes.com/obituaries/2023/05/20/peter-brooke-obituary-former-northern-ireland-secretary-of-state-helped-lay-groundwork-for-peace-process/> (дата обращения: 11.03.2024).
15. Text of the Downing Street Declaration – 15 December 1993 // The Rt. Hon. Sir John Major KG CH. URL: <https://johnmajorarchive.org.uk/1993/12/15/text-of-the-downing-street-declaration-15-december-1993/> (дата обращения: 11.03.2024).
16. The International Fund for Ireland. URL: <https://www.internationalfundforireland.com/about-the-fund> (дата обращения: 25.03.2024).
17. The Sinn Féin – SDLP Talks // Sinn Fein. URL: <https://www.sinnfein.ie/contents/15215> (дата обращения: 11.03.2024).

© Возмитель Мария Константиновна (masha.kovshar@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОВЕНАНТ ИЛИ КОРОЛЬ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА ДЖЕЙМСА МОНТРОЗА

Крыжановский Андрей Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений
Zibit-76@yandex.ru

FOR COVENANT OR KING: JAMES MONTROSE'S POLITICAL DILEMMA

A. Kryzhanovskiy

Summary: The phenomenon of changing political sides is an inseparable part of any revolutionary process. Not a few cases of royalists' change to the revolutionary camp are known in history. But the examples of the reverse change come rarely enough and therefore provoke a particular interest. In the Russian historiography there are no special papers dedicated to the personality and political activities of James Graham. Given study has laid the foundation of research in the field of the above-mentioned range of problems. The article traces the formation and subsequent transformation of political positions of count Montrose – one of the prominent leaders of Scottish covenanters who changed to the camp of Charles I's proponents – in the context of Bishops' wars (1639-1640) and the English revolution (1640-1653). Within the compass of the conducted study the concept of sovereignty elaborated by Montrose has been examined; its similarities and differences compared to medieval notions of power have been defined; the discrepancy between James Graham's political discourse and Covenant's political practice has been elicited. The final inference lies in the fact that the deepening contradiction between Montrose's notions of the sovereign power's nature and functions and the growing radicalism of Covenant movement which virtually deprived the English king of his authorities became the predominant reason for count Montrose's change to the royalist camp. The author has also spotted the prospects for further research of James Graham's personality against the background of revolutionary events in Scotland.

Keywords: Montrose, Covenant movement, Bishops' wars, revolution in Scotland, revolution in England, Scottish royalists.

Аннотация: Феномен смены политических лагерей является неотъемлемой частью любого революционного процесса. История знает немало случаев перехода роялистов в лагерь революционеров. Однако примеры обратного перехода встречаются достаточно редко и потому вызывают особый интерес. В отечественной историографии не существует специальных работ, посвященных личности и политической деятельности Джеймса Грэма. Данное исследование положило начало изучению указанной проблематики. В статье прослеживается становление и последующая трансформация политических позиций графа Монтроза – одного из выдающихся лидеров шотландских ковенантеров, перешедшего в лагерь сторонников короля Карла I Стюарта, – в контексте Епископских войн (1639-1640 гг.) и Английской революции (1640-1653 гг.). В рамках проведенного исследования была рассмотрена разработанная Монтрозом концепция суверенитета; определены ее сходства и отличия сравнительно со средневековыми представлениями о власти; выявлено несоответствие между политическим дискурсом Джеймса Грэма и политической практикой Ковенанта. Итоговый вывод состоит в том, что доминирующей причиной перехода графа Монтроза в лагерь роялистов стало углублявшееся противоречие между монтрозовскими представлениями о природе и функциях верховной власти и радикализацией ковенантерского движения, фактически лишившего английского короля властных полномочий. Автор также определил перспективы дальнейшего изучения личности Джеймса Грэма на фоне революционных событий в Шотландии.

Ключевые слова: Монтроз, ковенантерское движение, Епископские войны, революция в Шотландии, революция в Англии, шотландские роялисты.

Джеймс Грэм (1612-1650), пятый граф Монтроз, первый маркиз Монтроз, пожалуй, является наиболее парадоксальной фигурой в истории Шотландии. В нем органично сочетались, на первый взгляд, несочетаемые ипостаси: военачальник, привыкший к суровым условиям походной жизни, и утонченный аристократ, сочиняющий стихи в тишине уютного семейного гнезда; истовый пресвитерианин, борющийся за свободу шотландского народа и возмущающийся его угнетением, и жестокий средневековый воин, отдающий захваченный Абердин на разграбление шотландским горцам и их ирландским союзникам; один из лидеров ковенантерского движения, направленного на защиту религии, прав и свобод шотландского народа, и убежденный роялист, пытающийся восстановить в Шотландии королевский

суверенитет.

Последняя из перечисленных дихотомий предопределила печальную судьбу Монтроза в советской историографии: жизнь и политическую деятельность Джеймса Грэма не удостоили ни специальными исследованиями, ни даже короткими статьями в энциклопедиях. На фоне общей позитивной оценки английской буржуазной революции популяризация сторонника Карла I Стюарта была немислима в советское время. Советский читатель имел возможность познакомиться с Монтрозом только на страницах знаменитого романа В. Скотта «Легенда о Монтрозе» [2]. Однако в комментариях к этому произведению указывалось, что Джеймс Грэм изображен колеблющимся полководцем, лишенным целеустремлен-

ности и стойкости; им руководят честолюбие и жажда мести, а выдвигаемые Монтрозом монархические лозунги не способны «увлечь по-настоящему воинов-горцев, так как интересы Карла I остаются глубоко чуждыми народу» [2, с. 644]. Марксистская критика не пощадила даже литературный образ шотландского графа, перешедшего на сторону роялистов. Как ни странно, но «революционная инерция» сохраняется и в современной отечественной историографии. Результат такой же, как и прежде: ни одной специальной работы и отсутствие статьи в широко рекламируемой БРЭ.

Представляется, что подобное отношение к человеку, которого шотландцы ставят в один ряд с Робертом Брюсом и Уильямом Уоллесом, вряд ли можно считать справедливым. За время революции и гражданской войны в Шотландии Монтроз успел занять ведущие позиции в каждом из противоборствующих лагерей, поэтому особенно интересно выяснить, каким образом лидер ковенантеров превратился в лидера роялистов.

Формирование личности и политических взглядов Джеймса Грэма проходило в 30 – е гг. XVII в. в атмосфере усиливавшегося недовольства широких слоев населения Шотландии политикой Карла I Стюарта. Наиболее чувствительными ударами по шотландскому государству и церкви стали Акт о ревокации (1625 г.) и Каноны для Шотландии (1636 г.).

Согласно Акту о ревокации, короне возвращались все земельные пожалования, сделанные от имени шотландских королей, начиная с 1540 г. В качестве альтернативы шотландские дворяне имели возможность выплатить Карлу I денежную компенсацию, но, разумеется, оба варианта воспринимались крайне негативно. Вдобавок, новый закон предписывал восстановить дореформационный порядок выплаты десятины: реципиентом снова становилась церковь в ущерб интересам светской знати [1, с.87].

Если ревокационные мероприятия вызвали протест только со стороны шотландской аристократии, то «Каноны для Шотландии» буквально взорвали все общество, поскольку их реализация означала полный демонтаж реформированной пресвитерианской церкви и насаждение англиканства, которое в сознании многих верующих ассоциировалось с католицизмом: вся власть в епархиях передавалась епископам (пресвитеры и генеральная ассамблея в документе даже не упоминались); запрещалось проводить свободные молебны вне церквей; священников обязывали использовать новый молитвенник, составленный по образцу англиканского; наконец, пресвитерианская проповедь заменялась англиканской литургией [1, с.88].

Многочисленные петиции от всех шотландских сословий, направлявшиеся в Тайный совет в условиях на-

родных волнений в Эдинбурге, были оставлены королем без внимания: Карл I не сумел своевременно проявить политическую гибкость и в итоге упустил момент для мирного урегулирования конфликта.

В 1637 г. в ответ на индифферентность монарха пресвитерианская оппозиция сформировала параллельные структуры власти в виде четырех комитетов («столов»), представлявших различные сословия, и главного комитета, выполнявшего функции правительства. Появление организованной оппозиции побудило Карла I издать снисходительную прокламацию, в которой он обещал прощение петиционерам, если они разойдутся по домам. Это переполнило чашу терпения пресвитериан: 19 февраля 1638 г. главный комитет выпустил знаменитый манифест под названием «Национальный Ковенант». В нем осуждались папизм и англиканские нововведения в шотландской церкви, предлагалось вернуть статус-кво, установленный в правление Иакова I, и содержался могучий призыв к сплочению всех шотландцев. Была организована массовая кампания по сбору подписей в поддержку Ковенанта [1, с.88].

В сложившихся условиях граф Монтроз, незадолго до этого вернувшийся из военной стажировки во Франции, оказался в авангарде радикализующегося ковенантерского движения. Он принял активное участие в Епископских войнах (1639-1640 гг.), выступая и в качестве переговорщика (переговоры с университетом Абердина, Бервикские переговоры с Карлом I), и в качестве военачальника (победа над кланом Гордонов, арест лидера роялистов Хантли, захват Абердина).

Неудивительно, что в соответствии с королевской прокламацией 1639 г., Монтроз вошел в число девятнадцати ведущих ковенантеров, которые обвинялись в измене и не могли рассчитывать на королевское прощение [7, р. 141]. Однако это обстоятельство не озлобило Джеймса Грэма: он спокойно вел переговоры с королем, тщетно пытаясь убедить его в необходимости ликвидации епископата и утверждения Ковенанта. Но после того, как шотландский парламент исключил из своего состава епископов, Монтроз начал маневрировать и выдвинул пророялистское предложение: предоставить королю право назначать своих представителей в Комитет статей, подготавливающий законопроекты для парламентских слушаний. Реакция радикально настроенного пресвитерианского большинства оказалась вполне ожидаемой: инициативу графа не просто отвергли, но еще и упразднили Комитет статей, подлежащий, по мнению Джеймса Грэма, консервативным преобразованиям.

Постепенно назревал конфликт Монтроза с влиятельным графом Аргайлом из клана Кэмпбеллов, который отказывался от попыток найти компромисс в отношениях с королем и приобретал все большую по-

пулярность среди ковенантеров. В августе 1640 г., реагируя на усиление олигархических тенденций в руководстве ковенантерского движения, Джеймс Грэм вместе с семнадцатью единомышленниками подписал так называемую «Камбернодскую клятву», обязуясь противодействовать «скрытому правлению немногих», соблюдать букву и поддерживать истинный дух Ковенанта «перед лицом угрозы нашим жизням, состояниям и поместьям», «...дабы обеспечить безопасность религии, законов и свобод этого несчастного королевства» [6, р. 269-270].

Тем не менее в возобновившейся войне (Вторая епископская война) Монтроз храбро сражался на стороне Ковенанта, невзирая на личную неприязнь к Аргайлу: интересы Родины для него всегда были на первом месте. Более того: пытаясь исправить положение, Монтроз обратился к Карлу I с просьбой о посредничестве в его конфликте с Аргайлом, и король, стремившийся после поражения во Второй епископской войне найти опору в лице умеренных ковенантеров, ответил графу. Королевское письмо было перехвачено людьми Аргайла, что послужило основанием для ареста Монтроза 11 июня 1641 г. И только личное вмешательство короля, приехавшего в Шотландию осенью, чтобы наконец-таки утвердить пресловутую отмену епископата, позволило графу выйти на свободу. Понятно, что в результате этих событий произошло значительное ослабление позиций Джеймса Грэма в ковенантерском движении: граф дискредитировал себя тайной перепиской с королем [3, р. 262; 7, р. 211].

Соответственно, возникает закономерный вопрос: чем же была обусловлена лояльность Монтроза по отношению к монарху, который изначально воспринимал его как заклятого врага, лояльность, в конечном счете обернувшаяся крушением «революционной карьеры» графа и его гибелью в борьбе против недавних союзников?

Ответ следует искать в политическом кредо Джеймса Грэма. Граф лаконично, но при этом изящно изложил свои представления о принципах государственного управления в письме, составленном в период между осенью 1640 и летом 1641 г. и адресованном некоему «благородному господину» (предположительно, либо лорду Нейпиру, либо сэру Драммонду) [4, р. 98].

В фокусе внимания Монтроза анализ проблемы суверенной власти. Если исходить из того, рассуждает Джеймс Грэм, что любое государство нуждается в стабильном управлении, тогда должен существовать неоспоримый центр власти, именуемый суверенитетом, или «верховой властью над людьми». Суверенитет ограничен законами Бога и природы, а также фундаментальными законами государства, которые, в частности, включают в себя нормы морали, исторические традиции и обычаи [5, р. 288]. Но перечисленные ограничения, относящиеся к сферам религии, морали, конституционного устрой-

ства, являются неотъемлемыми атрибутами верховной власти, изначально присущими ей, - они не привносятся извне. Из этого следует, что функции суверенной власти «неотчуждаемы, неделимы и не передаваемы» конкурирующим властным структурам, независимо от формы правления [5, р.289]. Свободные люди на практике делегируют суверенную власть королю, как в Англии; совету нобилей, как в Венеции; сословиям нации, как в древнем Риме. Если «верховная власть разделена между несколькими органами, тогда нет правительства, подобно тому, как если бы в одном королевстве было много королей, это означало бы, что в действительности нет ни одного короля» [5, р. 289].

При этом Монтроз не выступает в качестве ревностного адвоката монархии: он защищает монархию лишь постольку, поскольку она является формой суверенитета, принятой населением Шотландии. Он продолжает анализировать природу королевской власти. Королевская власть сильна своей умеренностью и осознанием собственных моральных и конституционных ограничений; слабость монархической власти состоит в выходе за пределы установленных законов. Слабую власть, по Монтрозу, не могут терпеть люди, живущие в западной части мира и, в частности, шотландцы. Однако чрезмерное сдерживание королевской власти ничем не лучше чрезмерного ее расширения. Ни одна группа людей не должна захватывать часть суверенитета, ибо при разделении суверенной власти возникает анархия, которую Монтроз характеризует как «гнет и тиранию подданных, самую жестокую, ненасытную и нестерпимую тиранию в мире» [5, р. 290-291]. Джеймс Грэм выступает за свободные и часто созываемые парламенты, занимающие жесткую позицию в отношении монарха, поправшего закон. Но если суверенитет передан народом монарху на определенных условиях, он должен быть нерушимым до тех пор, пока соблюдаются данные условия. Парламенты стоят на страже свобод подданных в такой же мере, в какой они защищают права, делегированные суверенному монарху [5, р. 292].

Угрозы суверенитету, а, следовательно, и причины анархии Монтроз усматривает в «честолюбивых замыслах прихода к власти, скрывающихся под благовидным предлогом защиты религии и свобод подданных...» [5, р. 292]. Подобные планы, характерные для аристократии («great men»), как правило, подкрепляются пятью аргументами:

- во-первых, король предначертано свыше служить народу, и цель в данном случае благороднее любых средств;
- во-вторых, учредитель конституции выше избирателя;
- в-третьих, король и народ суть две противоположности: когда одна чаша поднимается, другая опускается;

- в-четвертых, королевская прерогатива и привилегии народа несопоставимы;
- в-пятых, власть, отбираемая у короля, добавляется сословиям нации [5, р. 292]

Лжеймс Грэм подвергает резкой критике перечисленные аргументы. Первые два пункта не означают, что свободной монархии присущ абсолютизм в какой-либо форме; монархия должна быть возвышена в разумной мере, поскольку в ее возвышении заключена безопасность подданных. Ответ на оставшиеся три пункта Монтроз суммирует в пламенном обращении к простому народу Шотландии: «А вы, шотландцы из низших сословий, не способные установить республику по многим серьезным причинам, - почему же вы подверглись благовидных намерений и, нанося себе огромный ущерб, согласились стать орудием чужих амбиций? Разве не понимаете вы, что, когда сотрясается монархическое правление, сильные мира сего борются за венок победителя вашей кровью и вашим богатством? Таким образом, вы не получаете ничего. Но вместо династии королей, которые управляли Вами две тысячи лет на основе мира и справедливости и сохранили ваши свободы в борьбе со всеми доминирующими нациями, вы приобретете стервятников и тигров, которые будут править вашими потомками, а сами вы будете терпеть все эти несчастья, кровавые бойни и проскрипции римского триумvirата до тех пор, пока королевство снова не упадет в руки одного, который в силу необходимости и по причинам государственного интереса будет тиранить вас. Ибо королевства, приобретенные кровью и насилием, удерживаются такими же способами» [5, р. 294].

Слова Монтроза можно считать пророческими, так как в грядущем тиране легко угадывается Оливер Кромвель, организовавший кровавые походы в Шотландию и уничтоживший все свободы шотландского народа.

Однако концепция суверенитета, выдвинутая Джеймсом Грэмом, интересна не только своим пророческим потенциалом. В ряде аспектов она отличается от роялистских представлений о власти, характерных для XVI-XVII вв.

Во-первых, Монтроз не отождествляет суверенитет с монархией: он готов принять любую форму правления, которая выполняет требования, предъявляемые народом к государственной власти.

Во-вторых, Монтроз не упоминает о божественном происхождении монархической власти и не защищает принцип пассивного повиновения монарху.

В-третьих, концепция Монтроза, несмотря на переклички с идеями Д. Фортескью и Ж. Бодена, не является результатом сугубо теоретических изысканий: Джеймс

Грэм выводит теорию из практики собственных наблюдений за происходящими в Шотландии событиями. Ему чужда метафизика: прагматичный подход графа направлен на то, чтобы отвести угрозу анархии, предотвратить полную дезорганизацию государственного устройства. И это вполне соответствовало конкретно-историческим условиям Епископских войн, в которых Грэм принимал самое активное участие на стороне Ковенанта.

Вместе с тем в политическом дискурсе Монтроза присутствуют два традиционалистских элемента, характеризующих графа как сына своего времени.

Во-первых, Монтрозу присущи представления о фундаментальных законах, которые не могут быть изменены ни волей монарха, ни решениями парламента. Здоровье нации, утверждает Джеймс Грэм, как и телесное здоровье, зависит от слаженной работы всех ее членов: каждый из них не может выходить за пределы своих функций. Монархия, очищенная от автократических тенденций, представлялась Монтрозу наиболее жизнеспособной частью государственного организма, дающей импульс работе остальных его частей. Второстепенность парламента вполне объяснима: Джеймс Грэм критически относился к деятельности шотландского парламента, который узурпировал функции суверена, но не смог проводить конструктивную политику и превратился в яблоко раздора между шотландской киркой и аристократией.

Во-вторых, речь идет об отношении Монтроза к демократии. Он, безусловно, не являлся либеральным демократом в современном понимании, но в то же время и в теории, и на практике был демократичнее большинства представителей своего поколения. Он считал, что законы служат единственной надежной защитой простого человека; любое нарушение равновесия в распределении общественных обязанностей только укрепляет власть той или иной олигархической фракции, но вовсе не расширяет народные свободы. Анализ политической обстановки в Шотландии приводит Монтроза к заключению, что простой народ в этой стране «не способен к суверенитету в большей степени, чем любой другой народ» [4, р. 103].

Согласно воззрениям Джеймса Грэма, главная цель правительства состоит в том, чтобы обеспечить нации свободную, безопасную и упорядоченную жизнь. Способы достижения этой цели могут варьироваться в зависимости от требований времени и местных условий, однако основной способ остается неизменным при любых обстоятельствах, а именно – наличие эффективной центральной власти, «которая объединяет и инкорпорирует людей в одно политическое тело, дабы совместными усилиями и стараниями они могли лучше способствовать достижению общего блага» [5, р. 288].

Действия шотландских ковенантеров были в конечном счете направлены на присвоение функций верховной власти (т.е. суверенитета). Именно по этой причине, исходя из традиционалистского принципа неделимости суверенитета, Монтроз перешел на сторону короны. В его понимании население Шотландии не могло доверить суверенитет двум конфликтующим властным структурам, претендовавшим на представление интересов народа. Добившись восстановления пресвитерианского вероисповедания и церковной структуры, защитив права и свободы шотландцев, Ковенант не имел права посягать на светскую власть, ибо это противоречит принципу органического единства государства и является вопиющим нарушением фундаментальных законов.

Окончательный разрыв Монтроза с ковенантерским движением был обусловлен крепнувшими связями шотландской кирки с парламентской партией пресвитериан в Англии. Как известно, кульминационным моментом этого сближения стало образование в 1643 г. «Торжественной лиги и Ковенанта» – религиозно-политической структуры, оформившей союз шотландских и английских пресвитериан в борьбе против Карла I Стюарта. В глазах Джеймса Грэма шотландские пресвитериане превратились в соучастников мятежа против короля, сталкивающих страну в бездну анархического произвола. Таким образом, узурпация Ковенантом верховной власти, равно как и прямое предательство по отношению к законному монарху, который, пусть и с большим опозданием, но все же утвердил все революционные преобразования в Шотландии, сыграли ключевую роль в переходе Монтроза в лагерь роялистов.

Как это ни парадоксально, но окончательный успех ковенантерской революции во многом зависел от союза с роялистами. Выступив в гражданской войне на стороне английского парламента, шотландские ковенантеры способствовали победе парламентской армии над Карлом I и укреплению революционной власти в Англии, но при этом спровоцировали гражданскую войну в своей

стране, сопровождавшуюся переходом в лагерь противника такой важной фигуры, как Монтроз. После того, как английских пресвитериан свергли индипенденты, судьба шотландских революционеров была предрешена: они оказались ненужными новой власти ни в религиозном, ни в военно-политическом отношении, а их земли стали рассматриваться как объект захватнической политики. Лишившись поддержки роялистов и не сумев преодолеть внутренние противоречия, Ковенант обескровил Шотландию, сделав ее слишком уязвимой перед лицом будущих карательных экспедиций английской армии Кромвеля. В итоге действительность превзошла самые мрачные прогнозы Джеймса Грэма: Ковенант потерпел поражение, а Шотландия утратила обретенную в боях независимость. Самого же Монтроза, казненного в 1650 г., посмертно реабилитировали уже во времена реставрации Стюартов.

В рамках проведенного исследования была рассмотрена разработанная Монтрозом концепция суверенитета; определены ее сходства и отличия сравнительно со средневековыми представлениями о власти; выявлено несоответствие между политическим дискурсом Джеймса Грэма и политической деятельностью Ковенанта; сделан вывод о доминирующей причине перехода Монтроза на сторону короны.

Достигнутые результаты позволяют получить достаточно полное представление о монтрозовской концепции суверенитета и обстоятельствах перехода Джеймса Грэма в лагерь роялистов. Вместе с тем ограниченный объем статьи не дает возможности расширить биографический и политический контекст формирования дискурса Грэма. Соответственно, перспективным направлением исследований является создание полноценной политической биографии Монтроза, а также фундаментальных работ, посвященных революции и гражданской войне в Шотландии. Остается выразить надежду, что все это осуществится в недалеком будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев С.В. Английская революция XVII века. М.: Издательский центр «Academia», 2010.
2. Скотт В. Собрание сочинений. Т.7. М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
3. Baillie R. The letters and journals of Robert Baillie. Vol. 1. Edinburgh: David Lang, 1841.
4. Buchan J. Montrose. A history. London: Thomas Nelson and Sons, 1928.
5. Montrose J. [On sovereign power]. A letter to a noble sir. In: Buchan J. Montrose. A history. London: Thomas Nelson and Sons, 1928.
6. Napier M. Memoirs of the Marquis of Montrose. Vol.1. Edinburgh: Thomas. G. Stevenson; London: Hamilton, Adams and Co, 1856.
7. Stevenson D. The Scottish revolution. 1637-1644. The Triumph of the Covenanters. Newton Abbot: David and Charles Ltd, 1973.

© Крыжановский Андрей Владимирович (Zibit-76@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О РОЛИ АНТИЧНОСТИ В ИСТОРИИ БИОЛОГИИ

ON THE ROLE OF ANTIQUITY IN THE HISTORY OF BIOLOGY

G. Kuznetsov
K. Chevpilova

Summary: The article presents a brief historical sketch of the development of some aspects of biological science, analyzes the contribution of Aristotle, Theophrastus, Hippocrates, Galen, Avicenna to the development of modern science, the connection between the scientific searches of scientists of antiquity and modernity. The article reveals the fundamental role of Aristotle in the formation of biology as a science, his contribution to the development of anatomy, physiology and embryology of animals, as well as the approximate classification of organisms for that time. The article reflects Aristotle's philosophical views on the origin of life. The role of Theophrastus as the "father of botany and plant geography" is described, his contribution to the development of botanical research and the accumulation of information about the role of plants in the life of nature and man. The article touches upon the question of the origins of the study of anatomy, physiology and medicine and the role of Hippocrates in these studies. The basic medical principles of Hippocrates are reflected, which have retained their relevance in modern medicine. This is the principle of empirical induction and an individual approach. A place is given to the followers of Hippocrates, among whom historians note Galen, who studied anatomy and some aspects of human physiology. In the person of Avicenna, the role of Oriental science, significant research in the field of biology and human medicine. The article analyzes the relationship between the times and scientists of different nations, the independence of science from geography and religious traditions.

Keywords: history, cognition, philosophy, religion, science, biology, antiquity, zoology, botany, anatomy, physiology, systematics, classification, medicine, embryology, biosynthesis, evolution, soul, worldview.

«В системе мира нам дан короткий срок пребывания – жизнь.

Дар этот высок и прекрасен....

Мышление – доблестнейшее занятие человека, верх блаженства и радость жизни...»

Аристотель Стагирит

История науки – это неколлекционный материал, собирающийся для памяти потомкам. Это живая наука, данные которой активно анализируются, комбинируются, сопоставляются и используются современными исследователями для более глубокого понимания новых научных открытий. Историография науки намечает пути дальнейшего развития, предоставляет материал для анализа сегодняшнего состояния научных

Кузнецов Геннадий Тарасович

к.б.н., доцент, Филиал ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,

г. Буденновск

natali.kuznetsova.48@mail.ru

Чевпилова Кристина Владимировна

к.и.н., доцент, Филиал ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,

г. Буденновск

Аннотация: В статье излагается краткий исторический очерк развития некоторых аспектов биологической науки, проводится анализ вклада Аристотеля, Теофраста, Гиппократов, Галена, Авиценны в развитие современной науки, связи научных поисков ученых античности и современности. В статье раскрывается основополагающая роль Аристотеля в становлении биологии как науки, его вклад в развитие анатомии, физиологии и эмбриологии животных, а также примерная для того времени классификация организмов. В статье отражены философские взгляды Аристотеля. Описывается роль Теофраста, как «отца ботаники и географии растений», его вклад в развитие ботанических исследований и накопления информации о роли растений в жизни природы и человека. В статье затрагивается вопрос об истоках изучения анатомии, физиологии и медицины и роли Гиппократов в этих исследованиях. Отражены основные медицинские принципы Гиппократов, сохранившие свою актуальность и в современной медицине. Это принцип эмпирической индукции и индивидуального подхода. Уделяется место последователям Гиппократов, среди которых историки отмечают Галена, изучавшего анатомию и некоторые аспекты физиологии человека.

В лице Авиценны рассматривается роль восточной науки, в области биологии и медицины человека.

В статье анализируется взаимосвязь времен и ученых разных народов, независимость науки от географии и религиозных традиций.

Ключевые слова: история, познание, философия, религия, наука, биология, античность, зоология, ботаника, анатомия, физиология, систематика, классификация, медицина, эмбриология, биосинтез, эволюция, душа, мировоззрение.

исследований, корректирует планирование научных направлений, обеспечивает развитие науки, предупреждая возможность застоя в развитии научного знания, а также способствует формированию мировоззрения.

История науки есть отражение истории народов, стран, земных цивилизаций. Знакомство с историей науки позволяет увидеть, как величие народов, так и их заблуждения. Исторический материал представляет картину социально-политической обстановки, в которой делались научные открытия, зачастую связанную с невообразимыми сложностями, препятствовавшими научной деятельностью, которая, тем не менее, продолжалась.

Начала у науки, по-видимому, нет. Поиск истины –

это природное свойство человеческого мозга. Процесс познания неумолим, и нет силы в мире, способной его остановить или прекратить вообще. Это высший закон всеобщего психического развития человечества, его эволюции. Об этом писал В.И. Вернадский в своей работе «Биосфера», говоря о неминуемом переходе земного человечества из состояния биосферы в состояние ноосферы [1]. История науки иллюстрирует эту эволюцию человечества. Процесс перехода осуществляется через судьбы живых людей. Через их вдохновение, страдания, беспрестанный поиск, творчество, борьбу интересов и зачастую гибель за отстаивание истины.

Обратимся к периоду тысячелетней давности, времени развития естествознания и возникновения научной биологии. Ее основателем по праву считают великого Аристотеля Стагирита (385-322 гг. до н.э.) [2, 4].

Аристотель родился и жил в Греции в г. Стагире, что и стало причиной его прозвища «Стагирит». Ученый и педагог Аристотель был самоотверженным тружеником. По его представлению «гений и труд – неразлучные орудия плодотворного научного творчества» [2]. Личность Аристотеля по сей день не источает духа археологического тлена, являя собой монолит мощного энциклопедического интеллекта и высокого творчества.

Аристотель – первый натуралист, который задал высочайший уровень естественнонаучным исследованиям. В его творческом наследии сохранилось 4 больших и 11 малых биологических трактатов, материал которых охватывает весь круг знаний того времени об организмах, что позволяет считать Аристотеля **основателем биологии как науки**.

Конкретным направлением исследований Аристотеля была **зоология**. Так, он изучил более 500 видов животных. Описал их внешний вид, строение, образ жизни, инстинкты, поведение. В результате им было сделано множество открытий. Он доказал существование живородящих акул и змей, наличие рудиментарного глаза у крота, наличие органов слуха у рыб. Аристотель описал зимнюю спячку у животных (рыб), полный и неполный метаморфоз у насекомых, перелеты птиц, миграции млекопитающих [2]. Изучая внутреннее строение животных, он проводил вскрытия и, анализируя строение животных, сравнивал их с человеком.

Диапазон его интересов в мире живой природы обширен. Имея огромный фактический материал о жизни животных, Аристотель заложил основы **научной систематики** животных и до К. Линнея считался единственным авторитетом в этой области. Его классификация опиралась не только на внешнее сходство, но и на родственные связи – «родственные формы» (в отличие

от К. Линнея, заметим). Так, всех животных он разделил на две большие группы: «кровные» и «бескровные», что во многом соответствует современному делению на беспозвоночных и позвоночных. В его системе отсутствовали таксономические единицы. Как таковой формальной классификации им не было оставлено. Первая научная система природы – это уже заслуга К. Линнея (1701-1778) [5]. Но тем, не менее, Аристотель, сопоставляя особенности развития и устройства животных, пришел к последовательному расположению живых существ в соответствии с определенной шкалой. Это еще не была «Лестница природы», ее разработкой занимался Ж.-Б. Ламарк в XVIII-XIX веках [2].

Научные исследования Аристотеля обширны и охватывают разные стороны естествознания. Это и зоология, и систематика, и онтогенез животных, и **сравнительная анатомия**. Его называют основоположником и этого направления. Он не просто описывал животных, их строение, повадки, образ жизни, ему всегда важно было понять причину возникновения того или иного приспособления, особенности его проявлений. Это стало основой его учения об аналогичных и гомологичных органах. В своих анатомических наблюдениях животных Аристотель приходит к выводу, который называют черновым наброском **закона корреляции**, утверждающего взаимозависимость и взаимное соответствие всех частей тела животного. Точную формулировку этого закона сделали Жорж Кювье и Жоффруа Сент-Илер уже в XIX веке [4].

Другим направлением естественнонаучных изысканий Аристотеля было изучение **эмбриогенеза** в онтогенезе животных. Так, исследуя последовательное развитие эмбриона птицы на примере цыпленка, он приходит к выводу о сходстве путей эмбриогенеза животных и человека. Позже эта идея Аристотеля обрела свою форму в виде закона К. Бэра о сходстве зародышей позвоночных [3].

Аристотель – ученик Великого Платона, чья идеалистическая философская система оставила глубокий след в истории науки и философии. Материальный мир, согласно концепции Платона, есть не более, как несовершенное отражение постигаемых разумом идей. Идеи – это прообразы предметов, воспринимаемых чувствами. Мир идей, по Платону, – это цель и причина материального мира.

Биологические взгляды Платона, изложенные им в его диалоге «Тимей» [2], отражают его философские воззрения. Жизнь, по его мнению, началась с появления человека. Творец создал человека, как самое совершенное существо, по своему образу и подобию. Следует отметить высказывания Платона о соотношении частей

тела и их функций. Кроме того, он придавал особое значение мозгу, представляющему собой вместилище бессмертной части души, в то время как другие ее части, расположенные в сердце и в области живота, – смертны. Идеи Платона не могли не оказать влияния на взгляды Аристотеля. Естественнонаучные исследования Аристотеля тесно переплетаются с философскими воззрениями Платона [2].

Так, в сочинении «О душе» он, излагая свои представления о происхождении жизни из «видимо неживого», а именно **из воды**, то есть вполне себе из материального начала, тем не менее связывает этот процесс с нематериальной, идеалистической субстанцией «психэ», без которой живое невозможно. Аристотель, подобно многим своим предшественникам гилозоистам, одушевляет природу: «Все в известном смысле наделено душой». Без «психэ» процесс одушевления невозможен.

С другой стороны, поразительно, но его представления о происхождении жизни из воды созвучны современным представлениям о механизме функционирования биосферы, основанном на энерготрофических взаимодействиях организмов ее населяющих. Фотосинтез – процесс, который обеспечивает существование биосферы и круговорот элементов, образующих организмы, невозможен без воды. Образование органических веществ, как и их катаболизм, требуют участия воды. Процессы биосинтеза в цикле Кальвина осуществляются за счет водорода, полученного в ходе фотолиза воды, равно, как и кислород, необходимый аэробам для процесса катаболизма, также образуется из воды. Озоновый экран, защищающий обитателей планеты от космического излучения, есть не что иное, как модификация кислорода, полученного в ходе фотосинтеза. Таким образом, само существование и жизненные функции земных обитателей обусловлены водой.

Реальные и подтвержденные современными научными методами биологические процессы задолго до этого были поняты учеными с помощью иных способов познания и сформулированы в науке наук – философии. Таким образом, изучение истории науки позволяет глубже понимать современные знания и формировать объемные представления об устройстве мироздания, построенном на многочисленных взаимосвязях.

Имеются сведения о ботанических исследованиях Аристотеля. Но эти работы не сохранились. Об этом известно из наследия Теофраста (370-285 гг. до н. э.), любимого ученика и друга Аристотеля. Настоящее имя его Тиртамос, Тиртам. Теофрастом его назвал Аристотель за дар слова. Теофраст – «боговдохновенный, наделенный божественным даром красноречия». Под этим именем он и сохранился в исторической памяти.

Если об Аристотеле мы говорим как об основателе биологии как науки, то Теофраст считается основателем и «отцом» ботаники и географии растений. Он описал около 500 растений. Материалы своих ботанических исследований он изложил в двух больших книгах: «История растений» и «Причины растений» [2]. Они неоднократно переписывались и дополнялись самим автором. Теофраст рассматривал особенности физиологии растений, взаимосвязь растений с внешней средой, ставил вопрос о возможности самозарождения растений и их превращения в другие формы жизни. Эти вопросы и по сей день изучаются современной наукой. Направления научных интересов Теофраста, древнегреческого ученого, созвучны интересам современных естествоиспытателей.

Логическим продолжением ботанических исследований Теофраста можно считать работы Диоскорида (1 век н. э.) [4]. Ему принадлежит сочинение, содержащее список растений, полезных для медицины, описание многих растений с указанием мест их произрастания, а также их происхождения.

Современником Диоскорида был Плиний Старший, римский писатель, ученый-натуралист. Он автор много томного сочинения под названием «Естественная история» в 37 томах. В этой энциклопедии он собрал разрозненную информацию о природе Земли, ее живых обитателях. Большая часть материала не сохранилась. Описания, по свидетельствам историков, носили скорее занимательный и, зачастую, неправдоподобный характер. Тем не менее, труд Плиния Старшего длительное время служил источником сведений о природе.

Таким образом, мы видим, что сегодняшнее состояние ботанической науки – это результат накопления знаний учеными планеты в разные времена. Наука – вид деятельности коллективного разума. Всегда надо иметь в виду, что какие бы катаклизмы не происходили на Земле, все исчезнуть не может никогда. Следы былых времен в разной форме сохраняются.

Интерес к изучению особенностей человеческого тела во многом был обусловлен потребностями медицины. Исследования в этой области имеют как более древние корни, так и более драматичную историю. Изучение человеческого тела зачастую было под запретом в виду магических, ритуальных или религиозных представлений, поэтому античные ученые вынуждены были проводить исследования на животных. Существовавший в те времена запрет на вскрытие человеческого тела и его отдельных органов препятствовал развитию анатомо-физиологических и медицинских исследований. Но неистребимый дух познания и необходимость борьбы с разнообразными недугами способствовали развитию

как анатомо-физиологических знаний, так и медицины в целом.

Огромная роль в развитии анатомии, физиологии и медицины принадлежит величайшему врачу античного мира Гиппократу (ок. 460-377 гг. до н.э.), авторитет которого по сей день непререкаем. Сохранился сборник сведений, представляющий собой комплект книг, содержащих информацию о человеческом теле и его заболеваниях, известных на тот исторический момент. Он до сих пор представляет интерес для специалистов. Сборник составлен из работ разных греческих врачей того периода. Какова доля участия в нем Гиппократа не представляется возможным выяснить.

В сборнике отражены основные медицинские принципы Гиппократа, сохранившие свою актуальность и в современной медицине. Так, Гиппократом был заложен принцип эмпирической индукции, предполагающий естественные причины заболеваний, среди которых были как внешние факторы, обусловленные охлаждением или перегревом, неправильной пищей, так и факторы, связанные с образом жизни, наследственностью и возрастом пациента. Исходя из этих представлений, все назначения Гиппократа и его последователей должны были быть строго индивидуализированы.

Гиппократ разработал учение о количественном соотношении четырех жидкостей организма: кровь, слизь, черная желчь и желтая желчь. Нарушения этих соотношений, по мнению Гиппократа, ведут к развитию патологических процессов [4].

Эстафету от Гиппократа принял выдающийся биолог и врач античного периода Гален (130-200 гг. н.э.). В основе своих физиологических представлений о человеческом организме он использовал учение Гиппократа о четырех первичных жидкостях, входящих в состав всех частей организма. За свои труды он получил признание еще при жизни. На протяжении почти полутора тысячи лет его авторитет в вопросах медицины, анатомии и физиологии был неоспоримым.

Описания человеческого тела, сделанные Галеном, во многом были результатом наблюдений за млекопитающими животными: овцами, быками, свиньями и собаками. В большинстве же своем объектом его наблюдений были берберийские обезьянки.

Помимо анатомических исследований Галена интересовали физиологические процессы. Им сделаны описания работы центральной и периферической нервной системы человека, исследованы функции спинномозговых нервов, их влияние на дыхание и сердечный ритм.

Не имея возможности анатомировать человеческое тело и опираясь на вскрытия животных, ученые того периода допускали ошибки, многие из которых сохранялись в научном знании долгие века. Так, например, ошибочными были представления Галена о переходе крови в сердце из одного желудочка в другой через отверстия в перегородке между ними [2, 4].

Гален придерживался религиозных взглядов, считая, что все в природе совершенно, так как создано Богом. Всякий орган имеет свою цель и соответствующее устройство. Религиозное мировоззрение Галена сыграло большую роль в формировании общественного сознания, создав ореол непогрешимости и неуязвимости его научного авторитета. Это не позволяло перепроверять его исследования, поэтому ошибки и заблуждения ученого без всякой корректировки сохранялись в течение многих веков. Постепенно, вплоть до эпохи Возрождения, многое из сделанного Галеном просто забылось.

Говоря о преемственности в науке, невозможно не обратить внимания на ее независимость от географических, национальных, политических, религиозных и иных социальных влияний. История нам показывает могучую независимую силу человеческой мысли ученых, живущих в разных странах и в разные исторические периоды, способную связывать времена и народы.

Обратимся к деятельности восточного ученого-медика Авиценны. Авиценна (Ибн-Сина) – врач высочайшего уровня, философ, натуралист (980-1037). В его жизни были творчество, труд – и заключение в цитадели [2, 4]. В своей деятельности он во многом опирался на представления Аристотеля. Авиценна считал, что его представления о природе и отношение к ней должны быть свойственны менталитету культурного человечества. Исследованиям Аристотеля Авиценна посвятил большой труд, от которого сохранились лишь комментарии к сочинению о животных.

Авиценна – врач, но в диапазоне его внимания были и зоология, и ботаника, особенно лекарственные растения, и геология, в которой его интересовало происхождение гор и окаменелостей. Сохранившиеся труды Авиценны – это «Канон медицины» и «Книга исцелений». В этих больших по объему работах ученый излагает и комментирует взгляды античных авторов, высказывает свои оригинальные идеи в области медицины и биологии, делая особый уклон в физиологию.

Резюмируя этот краткий обзор развития биологии в отрезке времени, охватившем античность и средние века, можно сказать о четко прослеживающемся взаимосвязи времен и ученых разных народов, о независимости науки от географии и религиозных традиций [5].

Таким образом, при сопоставлении научных направлений и результатов научных поисков ученых разных времен невольно складывается картина исторической непрерывности процесса познания. Современные открытия есть продолжение и развитие начатого ранее, и это «раннее» служит необходимым фундаментом, без

которого невозможным было бы современное. История науки показывает некую плотность времени, единство процессов познания человечеством, где временные вехи есть не более, как условность, демонстрирующая последовательность событий в едином потоке познания мирового пространства человеческим разумом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки [Составители М.С. Бахракова и др.]. М: «Наука», 1981. 359 с.
2. Лункевич В.В.: Очерки по истории биологии. т.1. Античный мир. Ленинград: Биомедгиз, 1936. 414 с.
3. Микулинский С.Р. Развитие идей эволюции органического мира. М: Наука, 1972. С. 259-284
4. Соболев С.Л. Биологические представления в древности. История биологии. М: Наука, 1972. С. 25-32
5. Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научные школы: сборник статей / АН СССР, Институт истории естествознания и техники. Институт теории, истории и организации науки; под ред С.Р. Микулинского [и др.]. Москва: Наука, 1977. 523 с. С. 7-20 (Науковедение: проблемы и исследования).

© Кузнецов Геннадий Тарасович (natali.kuznetsova.48@mail.ru), Чевпилова Кристина Владимировна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СТРАН ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

THE COAL INDUSTRY OF THE EURASIAN COUNTRIES: HISTORY, MODERNITY AND DEVELOPMENT PROSPECTS

V. Palchik
A. Mikhailov

Summary: The article highlights the history, current state and future prospects of the coal industry in Eurasia.

The subject of the study. The study of the history of the formation of the coal industry is of particular importance in scientific circles. Since the 19th century, it has been one of the most important branches of the national economy in many regions.

The purpose of the study is a retrospective review of scientific and practical provisions on the gradual formation of the coal industry on the Eurasian continent and the identification of further growth trends.

The scope of the results. The results obtained in the course of a retrospective study can be used to identify further areas of growth in the coal sector.

The novelty of the research lies in the identification of new aspects and prospects for the development of the coal industry in the main mining centers in Eurasia.

The results of the study. The review of scientific and practical information is made, the author's recommendations on the formation of a strategy for the development of the coal industry in the territory of the Eurasian countries are given.

Keywords: coal, resource, energy, production, country, exploration, oil, demand, deposit, ecology.

Пальчик Василий Николаевич

Аспирант, Государственный университет управления,
г. Москва
palchik-1997@mail.ru

Михайлов Алексей Русланович

Аспирант, Государственный университет управления,
г. Москва
azek.klark@mail.ru

Аннотация: В статье освещается история, современное состояние и дальнейшие перспективы существования угольной промышленности на территории Евразии.

Предмет исследования. Изучение истории становления угольной отрасли представляет особую значимость в научных кругах. Начиная с XIX в. она является одной из особо важных сфер национального хозяйства многих регионов.

Целью исследования является ретроспективный обзор научно-практических положений по постепенному становлению угольной промышленности на Евразийском континенте и выделение дальнейших тенденций роста.

Область применения результатов. Полученные в ходе ретроспективного исследования результаты могут быть использованы для выявления дальнейших направлений развития угольного сектора.

Новизна исследования заключается в выделении новых аспектов и перспектив интенсификации угольной промышленности в основных центрах добычи на территории Евразии.

Результаты исследования. Произведен обзор научно-практических сведений, даны авторские выводы по формированию перспектив функционирования угольной промышленности на территории Евразийских стран.

Ключевые слова: уголь, ресурс, энергия, добыча, страна, разведка, нефть, спрос, месторождение, экология.

Введение

Уголь – это важный природный ресурс (далее ПР), который имеет высокий энергетический потенциал. На Евразийском континенте (далее ЕК) имеется обширный запас данного ПР, среди ведущих стран только Япония не имеет возможностей в развитии угольной промышленности (далее УП). Видовая специфика ПР имеет различия по теплотворным способностям (у бурого угля (лигнит) низкая, у антрацита самая высокая) [2; 11].

Актуальность

Интерес к изучению истории и перспектив последующей эволюции УП связан с ростом роли топливно-энергетического комплекса (далее ТЭК). Использование угля

во все времена оказывало воздействие на процветание национального хозяйства держав ЕК. В настоящее время, в связи с увеличением производительности нефти и газа, роль УП становится менее ощутима. Но, несмотря на это, множество государств, в которых отсутствуют альтернативные источники энергии, прибегают к переработке продукции УП [7, с. 81].

Целью исследования является ретроспективный обзор научно-практических положений по постепенному становлению угольной промышленности на Евразийском континенте и выделение дальнейших тенденций роста.

Новизна исследования заключается в выделении новых аспектов и перспектив развития угольной промышленности в основных центрах добычи на ЕК.

Материалы и методы исследования

Основаны на анализе исторических и научных данных, графической интерпретации результатов, синтезе мнений и показателей.

Результаты исследования

Рассмотрим прошлые, настоящие и будущие моменты в существовании УП на территории ЕК.

История УП

История становления УП берет начало с Древней Греции и Китая, которые еще в период до нашей эры стали использовать уголь в развитии экономики. До Европейских стран его добыча добралась в более поздний период. В XVIII в. УП стала самостоятельным сектором, а в XIX в. продукция УП постоянно потреблялась паровыми машинами. В Российской Империи попытки поиска угля начались в начале XVIII в. Первые упоминания о становлении УП относятся ко времени господства Петра 1, который отправлял экспедиции на разведку различных областей. Более полное расширение существования данной сферы началось в XIX в., когда формировался рост промышленного потенциала и расширение сети железных дорог. Но до 1914 г. более 20% потребностей закрывались экспортом угля. В 1916 г. объем добычи данного ПР составил более 35 млн.т. (80% с Донбасского месторождения). Германия и Великобритания добывали почти в десять раз больше продуктов УП. Продукты, созданные на основе ресурсов УП представлены на рисунке 1 (рисунок 1) [5; 14; 16].

Основные направления в повышении производительности ТЭК и УП в ретроспективе связаны с внедрением различных видов высокопроизводительного оборудования, новейших систем механизации и вспомогательной инфраструктуры. Прорыв в УП в послевоенные годы был связан с бурным прогрессом в нефтяной промышленности (особенно в развивающихся странах). Индустриальные государства (Западная Европа, Япония и т.д.) переориентировались на импорт дешевой нефти, что привело к стагнации УП в 60-70 г. XX в. Снижение темпов добычи происходило во многих крупных державах ЕК (Франция, Германия, Япония, Великобритания). Но при этом в Советском Союзе темпы прироста существенно увеличивались. В 70-80 г. XX в. наблюдались общемировые кризисы, что сопровождалось повышением ценовой нефтяной политики и положительно влияло на интенсификацию производства УП [15].

Снижение цен на углеводородное сырье в 1980-е годы повлияло на положение угольной промышленности. В ряде стран, особенно европейских, началось не просто сокращение добычи, а закрытие шахт и вывод их

из эксплуатации. Энергетическая политика европейских стран в корне изменилась в 2000-е годы. Евросоюз хочет создать условия для более широкого применения нетрадиционных и возобновляемых источников энергии [8, с. 147].

Современность

По количеству ПР и запасам угля ЕК имеет превосходное положение во всем мире. По оценкам различных исследователей, на ЕК приходится 50-60% всех мировых ПР угля. Распределение УП по основным территориям мира представлено на рисунке 2 (рисунок 2) [1, с. 14].

В 2022 г. добыча УП во всем мире возросла более чем на восемь процентов. При этом более 65% сосредоточено именно на ЕК (в Азии, Индии, Индонезии, КНР). Ведущие страны по УП в 2022-2023 г. представлены на рисунке 3 (рисунок 3) [13].

Современная УП имеет стратегию комплексного освоения месторождений. Особое внимание уделено максимизации получения всех ПР, как побочного, так и основного плана. Это позволяет способствовать росту добавленной стоимости за счет реализации всех видов сырья, но также требует дополнительных затрат и применения инноваций [9, с. 8; 18].

Основными факторами, которые влияют на снижение мирового спроса на продукты УП являются:

1. Влияние на экологию. Несмотря на то, что большинство стран следуют политике устойчивого развития, развивают технологии очистных сооружений на тепловых электростанциях, УП также остается самым грязным видом ПР [17].
2. Огромная опасность работы в шахтах. Шахтеры – это наиболее опасная и тяжелая профессиональная деятельность, которая сопряжена с различными несчастными случаями. Поэтому в современное время наблюдается тенденция смещения трендов на разработку угольных месторождений открытым способом. Особенно заметно это становится при изучении промышленной политики развитых стран. Например, в Федеративной Республике Германии происходит сокращение добычи от УП, поскольку там преобладают в основном глубокие месторождения и невозможен открытый способ. Тогда как на других континентах, в Австралии или Канаде данный метод уже полностью освоен [4; 20].
3. Наиболее богатые углем месторождения за годы добычи заметно истощились. Например, в Европейских странах, считающихся ранее самыми лидирующими по УП, наблюдается опустение самых дешевых и рентабельных месторождений [10].

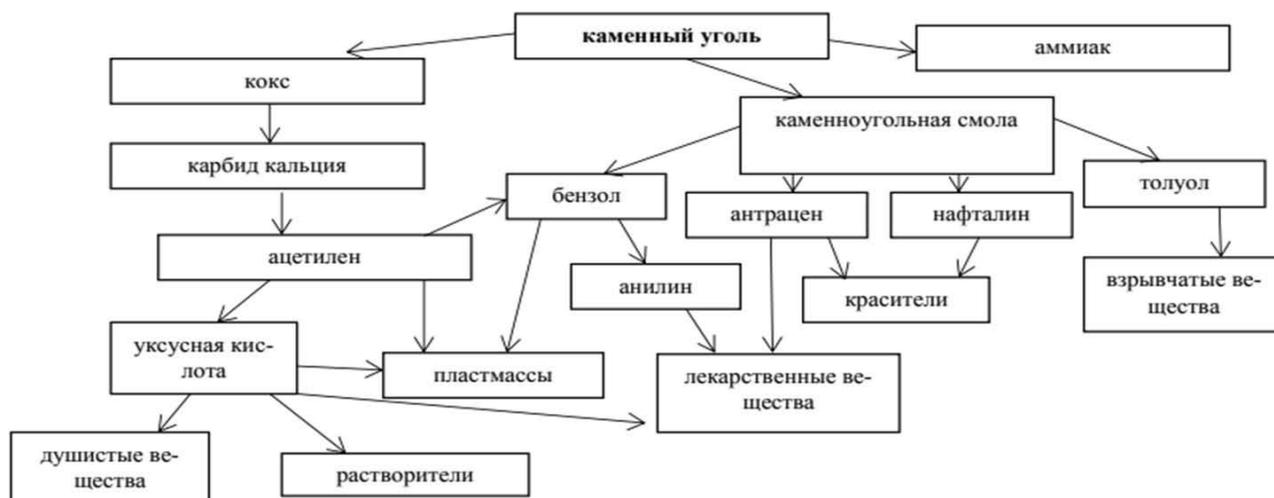

Рис. 1. Продукты, созданные на основе ресурсов УП [5, с. 97]

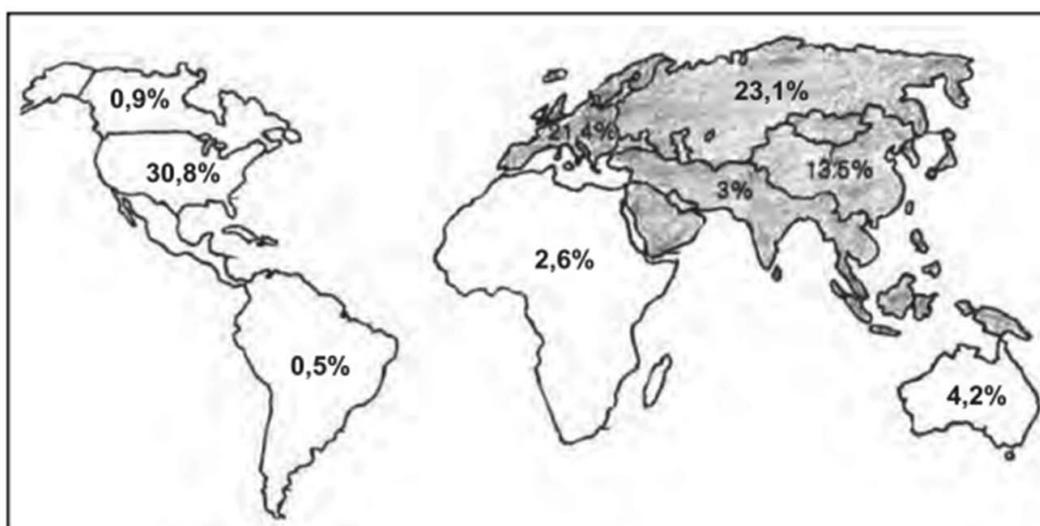

Рис. 2. Распределение УП по основным территориям мира [1, с. 14]

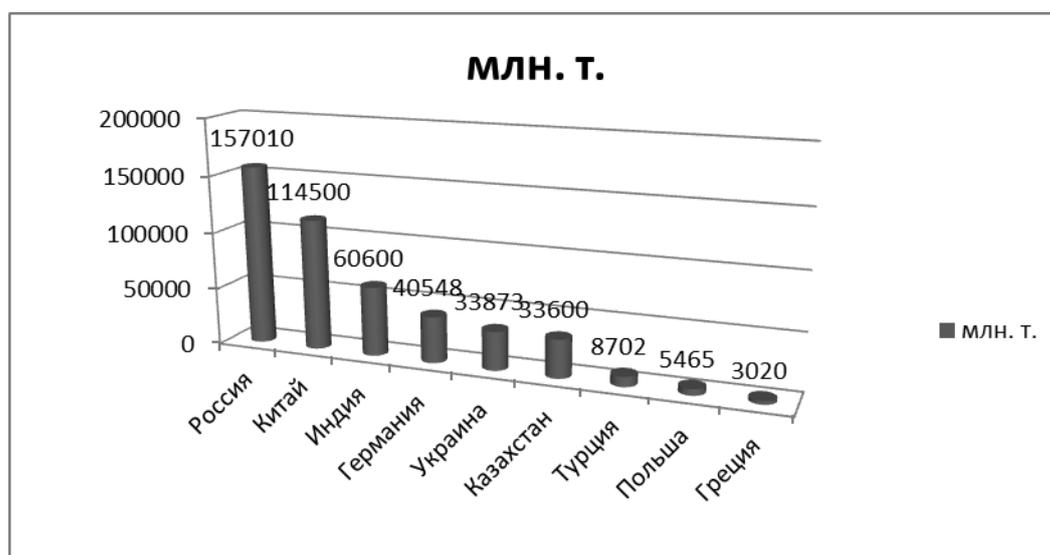

Рис. 3. Ведущие страны по УП в 2022-2023 г. [13]

4. Ландшафтные нарушения и изъятие земель под геологические нужды. Законодательство многих государств предписывает добывающим корпорациям заниматься последующей рекультивацией земель, которые пострадали при добыче угля [6; 19].

Перспективы развития

В настоящее время УП остается в центре внимания при ведении энергетической и экологической политики. Многие страны на территории ЕК стараются перейти от использования УП в связи со стремлениями к устойчивому развитию (Великобритания). В 2023 году Швеция и Франция находятся на пути к закрытию работающих на угле станций, при этом ФРГ остается самым мощным потребителем угля в Европейском союзе [3, с. 11].

Но все равно, в большинстве из них уголь так и остается наиболее перспективным и предпочтительным источником получения электричества [12].

На наш взгляд, в ближайшие 5 лет спрос на УП оста-

нется в стабильном положении и будет рассматриваться в качестве востребованного ресурса. Глобальный спрос ожидается в странах Азиатского региона. Например, в Индии наблюдается стабильное увеличение производительности УП и процесс полной электрификации способствует обеспечению спроса на энергию и уголь. Поэтому развитие данного сектора имеет перспективы и тенденции диверсификации.

Заключение

Таким образом, ретроспективное исследование показывает постепенное повышение востребованности УП среди стран ЕК. С 2015 г. и по сегодняшний день наблюдается преобладание УП в Азиатском центре. Отмечается, что некоторые державы, такие как Великобритания, стремятся к отказу от выработки угля в рамках соблюдения норм экологической безопасности. Но во многих других местностях УП по-прежнему играет главную роль в обеспечении стабильности получения энергии. Поэтому перспективы модернизации данного типа промышленности растут с каждым годом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев, Б.М. Уголь мира / Под общей редакцией Л.А. Пучкова. — М.: Издательство «Горная книга», 2013. Т. III: Уголь Евразии. — 752 с.
2. Гудим, К.В. Развитие угольной промышленности в основных угледобывающих странах мира / К.В. Гудим // Россия молодая: Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием, Кемерово, 21–24 апреля 2015 года. — Кемерово: Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, 2015. — С. 407. — EDN UKUUAT.
3. Кондратьев, В.Б. Глобальный рынок угля: состояние и перспективы / В.Б. Кондратьев, В.В. Попов, Г.В. Кедрова // Горная промышленность. — 2019. — № 2(144). — С. 6–12. — DOI 10.30686/1609-9192-2019-2-144-6-12. — EDN RJVGPI.
4. Литвиненко, В.С. Инновационное развитие минерально-сырьевого сектора / В.С. Литвиненко, И.Б. Сергеев // Проблемы прогнозирования. — 2019. — № 6(177). — С. 60–72. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41362108_61131417.pdf (дата обращения: 02.02.2024).
5. Митина, Э.А. Современное состояние и проблемы развития угольной отрасли в мире / Э.А. Митина, Е. Петрова // Инновационная наука. — 2016. — № 8-1. — С. 96–99. — EDN WJHSBH.
6. Митрофанов, Н.М. Современная ситуация на мировом рынке угля и его перспективы. Угольная промышленность как фактор экономической трансформации Кыргызстана / Н.М. Митрофанов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 49 (444). — С. 135–141. — URL: <https://moluch.ru/archive/444/97454/> (дата обращения: 02.02.2024).
7. Плакитина Л.С. Анализ развития угольной промышленности в Республике Казахстан в период с 2000 по 2014 г. и тенденции перспективного развития / Л.С. Плакитина // Уголь. — 2015. — № 4. — С. 80–82.
8. Примов, У.Б. Опыт развития угольной промышленности в зарубежных странах / У.Б. Примов, А.О. Кожошев // М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университетинин кабарлары. — 2017. — № 1(39). — С. 146–154. — EDN ZRUWBT.
9. Сергеев, И.Б. Метод стратегической оценки потенциала угольной промышленности Кыргызстана / И. Б. Сергеев // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15. — № 5. — URL: <https://esj.today/PDF/08ECVN523.pdf>
10. Таразанов И.Г. Итоги работы угольной промышленности России за январь–декабрь 2015 года / И.Г. Таразанов // Уголь. — 2016. — № 3. — С. 58–73.
11. Трушина Г.С. Влияние конъюнктуры мирового угольного рынка на развитие угольной промышленности России и Кузбасса [Текст] // ТЭК и ресурсы Кузбасса. — 2014. — №1-2. — С. 59–66.
12. Будущее угольной индустрии: мировой рынок до 2050 года. Глобальные тренды // URL: <https://yakov.partners/publications/coal-industry-overview/> (дата обращения: 02.02.2024).
13. Добыча угля в мире // URL: <https://gruntovozov.ru/chasto-zadavayemye-voprosy/dobyicha-kamennogo-uglya/dobyicha-uglya-v-mire/> (дата обращения: 18.01.2024).
14. Прогноз развития мировых энергетических рынков до 2040 г.: последствия для России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.eriras.ru/files/prognoz-razvitiya-mirovyh-energeticheskikh-rynkov-do-2040-gposledstviya-dlya-rossii.pdf>.
15. Угольная промышленность мира // URL: https://studme.org/287170/ekonomika/ugolnaya_promyshlennost_mira (дата обращения: 18.01.2024).

-
16. Угольная промышленность [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/ugolnaya-promyshlennost.html>
 17. Угольная отрасль: помощь Азии и умение выживать // URL: <https://dzen.ru/a/ZDaXOmtBc1A4WgW5> (дата обращения: 02.02.2024).
 18. Уголь в мире: добыча, экспорт, импорт, запасы, применение, перспективы // URL: <https://lindeal.com/trends/ugol-v-mire-dobycha-ehksport-import-zapasy-primeneniye-perspektivy> (дата обращения: 02.02.2024).
 19. Coal Analysis 2021 and forecast to 2024 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/f1d724d4-a753-4336-9f6e64679fa23bbf/Coal2021.pdf>
 20. Powering Past Coal Alliance: 20 countries sign up to phase out coal power by 2030. ABC Coal Information: Overview 2018. International Energy Agency 2018.

© Пальчик Василий Николаевич (palchik-1997@mail.ru), Михайлов Алексей Русланович (azek.klark@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАРОВАЯ МАШИНА ИЛИ «БЕЗОБРОЧНАЯ ОБЩИНА»: КРАТКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО И В.П. ВОРОНЦОВА

Фан-Юнг Герман Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент, Поволжский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, г. Казань
ger-fan-yung@yandex.ru

STEAM ENGINE OR "FREE COMMUNITY": A BRIEF ANALYSIS OF THE THEORETICAL VIEWS OF V.V. BERVI-FLEROVSKY AND V.P. VORONTSOV

G. Fan-Yung

Summary: In the presented article, an attempt was made to briefly substantiate the scientific inconsistency of the theoretical views of such prominent ideologists of "populism" as V.V. Bervi-Flerovsky and V.P. Vorontsov. We briefly analyzed the most significant theoretical provisions contained in the famous works of these authors concerning the market economy, large-scale factory industry and the social consequences of the industrial revolution. The author concluded that there was a lack of objectivity, a general theoretical and methodological weakness characteristic of their views, and a very superficial acquaintance of these authors with the most important works of the founders of Marxism. The need to write our work is due to the ongoing attempts of some modern authors to use the so-called "theoretical heritage" of apologists for the idea of a peasant revolution to substantiate a certain "specia" economic model, supposedly characteristic of Russia.

Keywords: industrial revolution, social policy of pre-revolutionary entrepreneurs, views of V.V. Bervi-Flerovsky and V.P. Vorontsov on the economic and social development of Russia, development of "factory" legislation in pre-revolutionary Russia, Kazan plant of the Krestovnikov brothers company, Kokshansky plant of the company Ushkova P.K.

Аннотация: В представленной статье была предпринята попытка кратко обоснования научной несостоятельности теоретических воззрений таких видных идеологов «народничества», как В.В. Берви-Флеровский и В.П. Воронцов. Нами были кратко проанализированы наиболее значимые теоретические положения, содержащиеся в известных трудах указанных авторов, касающиеся рыночной экономики, крупной фабричной промышленности и социальных последствий индустриальной революции. Автором сделан вывод об отсутствии объективности, общей теоретико-методологической слабости, характерной для их взглядов, и о весьма поверхностном знакомстве указанных авторов с важнейшими трудами основоположников марксизма. Необходимость написания нашей работы обусловлена продолжающимися попытками некоторых современных авторов использовать т.н. «теоретическое наследие» апологетов идеи крестьянской революции для обоснования некоей «особой» экономической модели, якобы, характерной для России.

Ключевые слова: индустриальная революция, социальная политика дореволюционных предпринимателей, взгляды В.В. Берви-Флеровского и В.П. Воронцова на экономическое и социальное развитие России, развитие «фабричного» законодательства в дореволюционной России, Казанский завод фирмы братьев Крестовниковых, Кокшанский завод фирмы Ушкова П.К.

Индустриальная революция, начавшаяся в Великобритании во второй половине XVIII столетия, представляла собой не только некую «модернизацию» экономической сферы жизни общества, не просто массовое техническое и технологическое переоснащение некоторой части прежних мануфактур и не простую совокупность научно-технических революций, но и весьма значительные и закономерные изменения в социальной сфере. Иными словами, именно в указанную эпоху наиболее ярко проявила себя объективная взаимосвязь между уровнем развития экономики и уровнем общественных отношений. И в Великобритании, и во всех прочих странах, где произошёл промышленный переворот, крупные и передовые частнокапиталистические производства способствовали, например, процессу урбанизации, переходу к классовой структуре общества и пр.

Объективным следствием обозначенного процесса стало не только увеличение численности городского населения и площади городской застройки, но и качественные изменения в организации системы местного самоуправления, в избирательной системе (в России только с 1905–1906 гг.) и в национальном законодательстве, в целом. Упомянутая урбанизация явилась первым «сигналом» для предпринимательских кругов, игравших не последнюю роль в делах своих муниципальных образований, о необходимости создания и развития объектов социально значимой инфраструктуры: городского и междугороднего транспорта, системы здравоохранения и системы народного образования, водопровода, канализации, уличного освещения, служб ветеринарного и санитарно-эпидемиологического надзора и пр. Следовательно, в рамках представленной работы, мы попытались кратко проанализировать эти процессы, как на основании отдельных опубликованных и неопубликованных

ванных источников, так и на конкретных примерах.

Возникновение и дальнейшее становление крупной промышленности закономерно способствовало притоку сельского населения в города и формированию пролетариата. На рубеже XVIII – XIX веков масса бывших сельских жителей и разорившихся ремесленников, скопившаяся в «новорожденных» британских промышленных центрах, трудилась в тяжелейших условиях с раннего утра и до ночи («from morning till night»). Для этой эпохи в истории Великобритании был характерен крайне низкий уровень заработной платы рабочих, которой едва хватало «... на то, чтобы душа не отделилась от тела» [1; 50]. Места проживания рабочих и членов их семей, в указанный период, очень ёмко сформулированы Фридрихом Энгельсом: «... сквернейшие дома в сквернейшей местности города. Обыкновенно, это длинные ряды двух- или одноэтажных кирпичных построек, чаще всего с жилыми подвалами; эти домики, состоящие из трёх или четырёх комнат и кухни, называются коттеджами, и служат во всей Англии, ..., обычным жилищем рабочего класса» [1; 51].

Спустя почти четверть века, вслед за Ф. Энгельсом, вопрос о тяжёлом положении уже русских рабочих был поднят идеалистом-«народником» В.В. Берви-Флеровским (псевдоним – *Н. Флеровский*) в его весьма неоднозначной работе «Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследование Н. Флеровского» [2]. Попытка изучить вопрос, поставленный автором указанной работы в её названии, на наш взгляд, только продемонстрировал общую отсталость и наивность воззрений В.В. Берви-Флеровского, недооценку исторической значимости индустриальной революции и непонимание характера происходивших экономических и социальных изменений. Уже в самом «оглавлении» своей работы обозначенный автор демонстрирует отсутствие понимания объективной разницы между высококвалифицированным рабочим, с одной стороны, и «рабочим-бродягой», «работником-приискателем», батраком и крестьянином-«отходником», с другой стороны [2;3]. Термин «рабочий» употребляется этим автором в названии лишь двух глав из пятнадцати; термин «пролетарий» встречается в конце названия пятой главы, части третьей, а словосочетание «фабричное производство» отражено в названии лишь четвёртой главы упомянутой части третьей. И, действительно, повествуя о неких «зауральских рабочих», «г-н Н. Флеровский» описывает учеников у ремесленников, кузнецов, нищего сапожника, его супругу и ещё множество персонажей, не имевших решительно никакого отношения к крупному фабричному производству того времени [2;61– 62]. Очевидно, что работа Ф. Энгельса содержит значительный объективный фактографический материал, освещающий положение, в первую очередь, рабочего класса на ранних стадиях индустриальной революции. В свою очередь, уровень сочинения «Н. Флеровского» позволяет обозначить его лишь как дилетант-

ское «квазиэтнографическое» повествование.

Ещё одной попыткой изучить влияние крупной фабричной промышленности, функционирующей в условиях рынка и, следовательно, в условиях свободного труда, на динамику общественных отношений в России, стала работа другого идеолога «народничества» В.П. Воронцова (псевдоним – *В.В.*) «Очерки теоретической экономии» [3]. Этот автор, стремившийся сформулировать т.н. «законы капиталистического производства», утверждал, что эволюция капиталистической промышленности «... имеет тенденцию понизить или, по меньшей мере, задержать подъём благосостояния большей части населения страны, что грозит сокращением производства национального богатства или замедлением в росте последнего» [3;152]. Таким образом, крупная фабричная промышленность, составлявшая основу основ упомянутого «капиталистического производства», по мысли «г-на В.В.», не только не обогащала ту или иную культурно-историческую общность, но, якобы, разоряла её (*sic!*). Уточним, что идеалом для В.П. Воронцова было «... развитие самостоятельного народного и общественного (не-капиталистического) производства на почве единения земледельческого и промышленного труда» [3;312]. Это позволяет утверждать, что «г-н В.В.» не был знаком, даже в общих чертах, с уже существовавшим научным представлением о профессиональном разделении труда. Более того, ещё советские историки, писавшие о взглядах В.П. Воронцова, отмечали: «иногда может показаться, что при разработке своей концепции ... Воронцов вооружился марксизмом» [4;48]. Вместе с тем, в своих работах этот идеолог «народничества» демонстрирует крайне поверхностное знакомство с важнейшими ранними трудами К. Маркса и Ф. Энгельса; во-вторых, наивное представление о марксизме как о «теории буржуазного строя», исходя из одностороннего и весьма субъективного восприятия более поздних трудов основоположников марксизма [4;51].

Косвенные подтверждения тезиса о недостаточной осведомлённости г-г «Н. Флеровского» и «В.В.» в важнейших теоретических положениях, содержащихся в трудах основоположников марксизма, *во-первых*, находим в Предисловии к первому изданию «Капитала», где Карл Генрих Маркс очень точно объясняет причины тяжёлого положения германского пролетариата, характерного для начальных стадий индустриальной революции: «Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, ..., наши условия гораздо хуже английских, так как мы не имеем противовеса в виде фабричных законов. Во всех остальных областях мы, как и другие континентальные страны Западной Европы, страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетёт целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя

способы производства и сопутствующие им устаревшие общественные и политические отношения» [5;9]. Столь пространное цитирование, с нашей точки зрения, исключает любую «многовариантность» толкования слов К. Маркса, прямо заявившего, что *страны и народы европейского континента страдают от недостаточного развития рыночной экономики*. Источником их бедствий, по К. Марксу, выступают не крупные механизированные фабрики и заводы, но архаичный, т.е. феодальный «способ производства» и соответствующие ему социальные отношения.

Во-вторых, попытка В.В. Берви-Флеровского «позаимствовать» название работы Ф. Энгельса для описания тяжелого положения подёнщиков, кустарей-сапожников и прочих лиц, живущих случайными и (или) сезонными заработками, весьма далёких от промышленного пролетариата, указывает на знакомство лишь с первым изданием 1845 года. Более того, для труда «г-на Н. Флеровского» характерно отсутствие даже минимальных сведений о резких качественных изменениях в правовом положении британского пролетариата, произошедших к моменту издания его работы. Не встречается там никаких сведений о причинах подобной оптимизации. В итоге, этот идеолог народничества сознательно избегал даже самых общеизвестных упоминаний о роли рыночной экономики в оптимизации труда и быта рабочих Великобритании. Между тем, в предисловии ко второму изданию «Положения рабочего класса в Англии» (1892 г.), изданного еще при жизни В.В. Берви-Флеровского, Фридрих Энгельс указывал на то, что «описанное в этой книге положение вещей, по крайней мере, поскольку оно касается Англии, принадлежит уже прошедшему» [1;1].

В-третьих, оба «народника», и «Н. Флеровский, и «В.В.», были бесконечно далеки от научных представлений о рыночной экономике и, в свою очередь, уподоблялись известному персонажу русской сказки, мечтающей перейти («по щучьему велению, по моему хотению») в социалистическое общество, избежав общественно-экономической формации, которая была обозначена К.Марксом как «Kapitalismus». Не вызывает сомнения, что «теоретики» идеи крестьянской «революции» не уделили должного внимания и трудам учёных-экономистов, на высоком научном уровне полемизировавших с К.Марксом и Ф.Энгельсом. Например, работам М.И. Туган-Барановского, который в своей обобщающей работе «Русская фабрика в прошлом и настоящем» [6] поднял вопрос о влиянии фабричной промышленности, функционирующей в условиях рыночной экономической модели (или пресловутого «Kapitalismus»^а), на материальное положение народа и благосостояние государства.

Указанный автор отмечал, что начальные стадии «... развития капиталистического производства сопровождаются ухудшением положения трудящегося клас-

са. ... Англия пережила тяжёлый кризис в эпоху борьбы машинного и ручного производства, но когда переходный период кончился и машина победила, ..., тогда и положение рабочего класса стало улучшаться» [6;336]. Согласно М.И. Туган-Барановскому, «единственное спасение от всех зол капитализма заключается в его дальнейшем развитии» [6;336]. Выдающийся учёный-химик Д.И. Менделеев, будучи не только химиком-теоретиком, но и химиком-практиком, в свою очередь, зафиксировал бурное развитие отечественной индустрии в конце XIX века. Под впечатлением от происходящего он писал: «начавшись сравнительно недавно и быстро усиливаясь, заводско-фабричная промышленность имеет все поводы к дальнейшему развитию ...», а социальные проблемы, возникшие «... от недостатков ... современного капиталистического строя ... постепенно ...», будут преодолены *благодаря её дальнейшему развитию* [7;19].

Следовательно, не сговариваясь друг с другом, являясь людьми диаметрально противоположных политических взглядов, оба автора констатировали тот факт, что *улучшение положения промышленного пролетариата напрямую зависит от дальнейших успехов индустриального развития страны*. Интересно, что советские историки-марксисты сознательно игнорировали этот простой и понятный тезис, утверждая вслед за «народниками», что «промышленный переворот обрекал на голодное вымирание рабочих домашней, кустарной и ручной промышленности» [8;6]. Еще более удивителен тот факт, что теоретическое наследие «народников» до сих пор вызывает определённый интерес у некоторых исследователей [9], [10], [11], [12].

Уточним, что ещё в 1899 г. околонуточные «изыскания» того же «г-на В.В.» были поставлены под сомнение в работе В.И. Ульянова (псевдонимы – Ленин или Н. Ленин) «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» [13], который научно обосновал тезис о том, что «переход от мануфактуры к фабрике знаменует полный технический переворот ..., а за этим техническим переворотом идёт самая крутая ломка общественных отношений ...» [13;455]. А, пресловутый «капитализм» – это не «случайный гость» в России, как полагали «народники», но исторически обусловленная стадия её экономического и социального развития.

В 1901 году Д.И. Менделеев утверждал, что «... фабриками и заводами человечество стремится к сокращению суммы труда людского при наиболее полном удовлетворении (т.е. при всей возможной дешевизне) увеличивающихся людских потребностей» [14;94]. А «... успехи знаний и изобретений ...», внедряемые в промышленное производство, в конечном счёте, уменьшают объём физического труда и увеличивают заработки: от техника и конторщика до «... всех остальных рабочих» [14;115]. Этот простой тезис великого российского химика, по на-

шему мнению, нуждается в пояснении. Рыночная экономика, как нам известно со студенческой скамьи, имеет четыре важнейших признака: нерегулируемый спрос, нерегулируемое предложение, свободное ценообразование и свободная конкуренция. Нерегулируемые спрос и предложение с завидной частотой приводят классическую рыночную экономику к циклическим кризисам, вынуждающим свободного производителя бороться ценой и качеством за потребителя. Такая борьба, по своей сути, представляет собой стремление максимально оптимизировать издержки производства: либо экстенсивными, либо интенсивными методами.

Экстенсивное снижение издержек означает сокращение заработной платы, увеличение рабочего времени, закупка более дешёвого сырья, снижение качества продукции и пр. Интенсивное их снижение подразумевает своевременное внедрение достижений науки в производственную деятельность, привлечение самых квалифицированных кадров, применение ресурсосберегающих технологий, оснащение производства самым высокотехнологичным оборудованием, оптимизация логистических схем, стремление сформировать постоянный кадровый состав работников всех уровней, избежав «переманивания» конкурентами наиболее квалифицированных кадров. В условиях свободного рынка труда и наличия там кадрового «резерва», имеющегося в силу наличия безработицы, собственник интенсивно развивающегося производства вынужден осуществлять социальную политику и обеспечивать достойный уровень заработной платы своим работникам. В свою очередь, работник, опасаясь потерять работу, старается держаться за своё рабочее место и повышает свой образовательный и профессиональный уровень [15].

Этим подтверждается тезис К. Маркса о том, что экономические и социальные проблемы спровоцированы недостаточным развитием «Kapitalismus»^а. В итоге, жесточайшая конкуренция между крупными промышленными производствами, функционирующими в условиях свободного труда и рыночной экономической модели, закономерно способствовала:

- во-первых, их систематическому техническому и технологическому перевооружению;
- во-вторых, предъявляла новые требования к уровню подготовки работников;
- в-третьих, вынуждала владельцев осуществлять продуманную социальную политику ради сбережения и приумножения «человеческого капитала».

Всё это, в совокупности, способствовало медленно, но неуклонному росту заработной платы работников всех уровней, созданию т.н. «factory laws» и фабричной инспекции, возникновению системы народного образования, и в Великобритании (с 1833 по 1850 годы), и в России (с 1882 по 1912 годы).

Совершенствование технологии производства и усложнение его техники закономерно способствовали совершенствованию форм и методов социальной политики; а возрастающая механизация труда оказывала объективно положительное влияние на продолжительность рабочего времени, на рост реальной заработной платы и, следовательно, на уровень жизни пролетариата. В результате, британский фабричный рабочий, первым из своих европейских коллег, «... достиг несомненного и весьма заметного улучшения своего экономического положения – повышения заработной платы и сокращения времени труда» [6;381]. В последние десятилетия XIX в. «... нынешний английский рабочий съедает почти в шесть раз больше масла и сыру и в тринадцать раз больше сала ...» [16;32], чем его предок, живший в эпоху войн антифранцузских коалиций. Пример Великобритании наглядно демонстрирует, что дальнейшее развитие индустриальной цивилизации, происходившее в условиях рыночной экономической модели, являлось благом для человечества.

Рассуждая об экономическом и социальном развитии Великобритании и России в XIX столетии, на наш взгляд, уместно вспомнить универсальную фразу Карла Маркса о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего» [5;9]. Иными словами, экономические и социальные перемены, произошедшие в Великобритании к 1850 году вследствие промышленной революции, заявили о себе во II половине XIX века и в России. Великие реформы императора Александра Второго заметно ускорили эти процессы [14;126]: появился «всесловный» суд, «всесловная» воинская повинность, «всесловные» органы местного самоуправления, активно развивался «всесловный» рынок труда etc. Возникли условия для дальнейшего развития рыночной экономики и крупной фабричной промышленности.

Следствием этого развития явилась необходимость правового регулирования взаимоотношений между работником и работодателем. В результате, в 1882–1886 гг. и в 1890–1903 гг., т.е. не под влиянием Первой русской революции 1905–1907 гг., но в силу объективных экономических и социальных реалий произошло издание целого пакета т.н. «фабричных законов», которые стали базисом для дальнейшего развития и совершенствования отечественного трудового права. Возник государственный надзор за соблюдением прав промышленных рабочих [17;931]. Была законодательно ограничена продолжительность рабочего дня всех категорий трудящихся на фабриках и заводах: взрослых рабочих-мужчин (11,5 часов в сутки)[18;14231], женщин (10 часов в сутки) и подростков обоего пола (6 часов в день непрерывно, или 9 часов, в две смены – по 4,5 часа каждая)[19;6742]. Запрещалось принимать на работу на детей младше 12-летнего возраста [17;931]. Возник запрет на привлечение к труду в ночное время и в выходные и празднич-

ные дни женщин и подростков [19;6742]. Императорским правительством были установлены 14 (позднее, – 17) обязательных праздничных дней. Выход на работу в воскресные и праздничные дни осуществлялся только с согласия рабочих и с разрешения фабричной инспекции) [18;14231]. В соответствии с «Правилами о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих», изданными 03 (15) июня 1886 г., каждому рабочему выдавалась расчётная книжка. Устанавливался запрет на оплату труда рабочих бонами, условными знаками, вином, хлебом, продукцией предприятия и т.д. «Фабрикант»-предприниматель более не мог брать с рабочих проценты за использование денежных средств, взятых в долг у работодателя. Владельцы фабрик должны были обеспечить оказание бесплатной медицинской помощи рабочим. Заводские лавки попали под контроль фабричной инспекции, которая контролировала ассортимент и качество товаров, устанавливала расценки. Были регламентированы штрафные санкции и установлен их максимальный размер. Закон предусматривал только три основания для наложения штрафа: «прогул», «нарушение порядка» и «неисправная работа». Из штрафных сумм образовывался особый «штрафной капитал», средства которого использовались в интересах работников. Тем самым, были заложены основы пенсионного обеспечения и социального страхования («счёт штрафного капитала», «эмеритальная касса» и т.д.) [20;3769].

Качественным «скачком» в развитии отечественного трудового права до Первой русской революции 1905–1907 гг. стал закон от 2(15) июня 1903 г. ст.ст. «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» [21;23060]. Данный нормативно-правовой акт обязывал фабрикантов производить компенсационные выплаты за частичную или полную потерю трудоспособности; кроме того, предприниматели были обязаны обеспечить финансирование лечения пострадавших работников.

Контроль практической реализации указанных нормативно-правовых актов был возложен на ряд государственных органов исполнительной власти, включая фабричные присутствия, фабричную инспекцию, полицию etc. Кроме того, в условиях свободы печати и набирающего силу профсоюзного движения, образовался и общественный контроль над фабрикантами, касающийся соблюдения действующего законодательства. Необходимо уточнить, что все перечисленные законодательные акты соответствовали объективно существовавшим экономическим и социальным реалиям.

Крупные и передовые, например химические производства, в указанный период, самим фактом своего существования ставили под сомнение тезисы «народни-

ков» о «тяжкой», «непосильной», «убивающей и «низкооплачиваемой» работе на фабриках [2;447]. Заметим, что труд в химической отрасли, как вредный и опасный, должен был бы более всего заинтересовать «печальников народных». Вместе с тем, именно в данной наукоёмкой отрасли отечественной промышленности сокращение издержек производства носило интенсивный характер. Следовательно, развитие техники и технологии, основанное на достижениях химической науки, закономерно приводило к оптимизации условий труда, снижению его объёмов и росту заработной платы. Например, на Кокшанском заводе фирмы Ушкова, где имелось чрезвычайно вредное для человека производство хромпика, с 1897 года стали использовать аспираторы. А реконструкция сернокислотного производства привела к сокращению рабочего времени до восьми часов в сутки в 1897 году [22; 114–115]. И подобный пример не был исключением из правил. Аналогичным образом поступали на Казанском заводе Товарищества братьев Крестовниковых [23] и на казённых азотных заводах [22;113].

История России, по выражению А.А. Кизеветтера, не является, ни «одиноким самобытным процессом», ни «тождественным воспроизведением» истории других стран [24;7]. Безусловно, что, и Россия, и любая другая страна, имеют уникальные, только им присущие особенности развития. Но эти особенности исторического развития страны, даже в силу законов формальной логики, не могут противоречить и не могут быть более значимы, чем само данное развитие. В свою очередь, и всемирно-исторический процесс, и история отдельно взятой страны, подчиняются объективным законам развития общества. Их наличие объяснимо тем, что человечество, оставаясь частью «линнеевского» Царства животных, где господствуют биологические законы, фактически, существует в пределах Царства социального, в котором доминируют социальные нормы. По нашему мнению, важнейшим из общественных законов является закон о взаимосвязи экономического и социального развития.

Итак, непонимание основ рыночной экономики, отсутствие прочной теоретической базы и практического опыта, в совокупности, стали причиной возникновения наивных «теорий» о «безбюджетном общественном владении» [2;487] или об общественном производстве «... на почве единения земледельческого и промышленного труда», о котором мечтал В.П. Воронцов. Подобные «мечтания» нельзя назвать «безвредными» или «частными», т.к. ради их практической реализации сотни молодых людей занимались не созидательным и творческим трудом, но подрывали основы государства, низвергнув Россию, в итоге, в кровавую братоубийственную Смуту, произошедшую в конце второго десятилетия XX века. На наш взгляд, использование антинаучных и весьма субъективных теоретических положений идеологов «народничества» приводит лишь к повторению прежнего негативного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии: [пер. с англ. Е.К. и И.Н. Леонтьевых] / Ф. Энгельс. – СПб.: Общественная польза, 1905. – 319 с. – Текст: непосредственный
2. Берви-Флеровский, В.В. Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследование Н. Флеровского. / В.В. Берви-Флеровский. – СПб.: изд. Полякова, 1869. – 494 с. – Текст: непосредственный
3. Воронцов, В.П. Очерки теоретической экономии. / В.П. Воронцов. – СПб.: тип. Скороходова, 1895. – 326 с. – Текст: непосредственный
4. Балуев, Б.П. Либеральное народничество и Г.В. Плеханов / Б.П. Балуев // Революционеры и либералы России: сборник [под ред. Б.С. Итенберг, В.Я. Лаврычев и др.]. – М.: Наука, 1990. – 336 с. – С.46–78. – Текст: непосредственный
5. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. / К. Маркс [под ред. Ф. Энгельса] // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Сочинения. – Изд. 2-е. – В 50-ти т. – Т.23. – Кн.1. – Москва.: Гос.изд-во полит. лит-ры, 1960. – 907 с. – С. 5–900. – Текст: непосредственный
6. Туган-Барановский, М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. (перепечатано с 3-го изд.-я 1907 г.) / М.И. Туган-Барановский. – В 2-х ч. – М.: Изд-во «Московский рабочий», 1922. – 430 с. – Текст: непосредственный
7. Менделеев, Д.И. Основы фабрично-заводской промышленности. / Д.И. Менделеев. – Вып.1. – С.-Пб.: тип. В.Демакова, 1897. – 196 с. – Текст: непосредственный
8. Быков, Г.И. Английский рабочий класс во второй половине XVIII и в первой половине XIX в. / Г.И. Быков // Борьба классов. – М.: Изд-во ЦК ВКП (б) Правда, 1933. – №2. – С.78–97. – Текст: непосредственный
9. Пеньков, А.И. Проблемы развития России в трудах В.П. Воронцова и его критика русскими марксистами / А.И. Пеньков. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-rossii-v-trudah-v-p-vorontsova-i-ego-kritika-russkimi-marksistami/viewer>. – (дата обращения – 16.04.2024 г.). – Текст: электронный
10. Мокшин, Г.Н. Основные этапы истории «культурного» народничества / Г.Н. Мокшин. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-istorii-kulturnogo-narodnichestva/viewer>. – (дата обращения – 17.04.2024 г.). – Текст: электронный
11. Зверев, В.В. Драматическая история историографического феномена: как «мирные народники» превратились в «мелкобуржуазных реакционеров» / В.В. Зверев. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dramaticheskaya-istoriya-istoriograficheskogo-fenomena-kak-mirnye-narodniki-prevratilis-v-melkoburzhuznyh-reaktsionerov/viewer>. – (дата обращения – 18.04.2024 г.). – Текст: электронный
12. Чумичёва, Н.В. В.В. Берви-Флеровский – видный представитель народнической социологии / Н.В. Чумичёва. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-v-bervi-flerovskiy-vidnyy-predstavitel-narodnicheskoj-sotsiologii/viewer>. – (дата обращения – 18.04.2024 г.). – Текст: электронный
13. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. в 55 т. – Т.3. – М., 1971. – С.21 – 609. – Текст: непосредственный
14. Менделеев, Д.И. Учение о промышленности. / Д.И. Менделеев. – В 2-тт., т.1. – Ч.1 (6–9 параграфы). – С.-Пб.: Тип.Акц.Об-ва Брокгауз–Евфрон, 1901. – С.91–201. – Текст: непосредственный
15. Туган-Барановский, М.И. Периодические промышленные кризисы: История английских кризисов. Общая теория кризисов / М.И. Туган-Барановский. – 3-е, совершенно переработанное изд-е. – С.-Пб.: Изд-е Т-ва О.Н. Поповой, 1914. – 466 с. – Текст: непосредственный
16. Гиббинс, Б. Английский народ в XIX веке / Б. Гиббинс // История современной Англии: [пер. с англ. М.А. Шишмарёвой]. – СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1901. – С.5–129. – Текст: непосредственный
17. ПСЗ РИ. – Собр. III. – Т. I – XXXIII. – Т. II. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
18. ПСЗ РИ. – Собр. III. – Т. I – XXXIII. – Т.XVII. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
19. ПСЗ РИ. – Собр. III. – Т. I – XXXIII. – Т.X. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
20. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. I – XXXIII. Т.VI. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
21. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. I – XXXIII. – Т.XXIII. – СПб.: Тип. Прав. Сената, 1884 – 1913. – Текст: непосредственный
22. Федотьев, П.П. Современное состояние химической промышленности в России / П.П. Федотьев. – СПб.: типо-литография Ю.А. Мансфельд, 1902. – 143с., с прил. – Текст: непосредственный
23. Фан-Юнг, Г.Ю. Завод-Великань: монография / Г.Ю. Фан-Юнг. – Казань.: Изд-во «Познание», 2020. – 234 с., с илл. – (Серия «Сокровищница Татарстана»). – Текст: непосредственный
24. Кизеветтер, А.А. История России XIX в.: Курс, читанный в Моск. университете в 1908–1909 акад. году.: Изд-е для слушателей. – В 2-х ч., ч. 1. / А.А. Кизеветтер. – М.: Тип.-Лит. В.И. Титяева, 1909. – 144 с. – Текст: непосредственный

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАБОТА Д.И. ЛЕЩЕНКО «ХИМИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Фан-Юнг Герман Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент, Поволжский
государственный университет физической культуры,
сервиса и туризма, г. Казань
ger-fan-yung@yandex.ru

WORK BY D.I. LESHCHENKO "CHEMISTRY IN INDUSTRY" AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE PRE-REVOLUTIONARY DOMESTIC CHEMICAL INDUSTRY

G. Fan-Yung

Summary: Considering the significant errors that abound in pre-revolutionary domestic statistical collections and/or reference books, as well as the general imperfection of statistical methods of that time, in our opinion, highly professional published sources written by chemical technologists are of particular importance for the researcher. In this article, we have attempted to apply the work of chemist-technologist and professional Bolshevik revolutionary D.I. Leshchenko "Chemistry in Industry", published in 1909, as a significant methodological basis for identifying a particular enterprise as a chemical production. The importance of this work is clearly demonstrated not only for understanding the chemical technology of that time, which would seem to be of interest only to narrow specialists, but also for the most objective assessment of the state of the chemical industry of pre-revolutionary Russian industry. The importance of both this and similar works was especially noted, which set out in accessible language the fundamentals of chemical technology, allowing the researcher, in turn, to correctly attribute the industry affiliation of the industries under study.

Keywords: industrial revolution, pre-revolutionary domestic chemical industry, chemical control over production, knowledge-intensive production of pre-revolutionary Russia, chemist-technologist D.I. Leshchenko, organic chemistry and inorganic chemistry, the importance of sulfuric acid production, shortcomings of pre-revolutionary statistical collections, economic "backwardness" pre-revolutionary Russia.

Аннотация: Учитывая значительные погрешности, которыми изобилуют до-революционные отечественные статистические сборники и/или справочники, как и общее несовершенство методов статистики того времени, на наш взгляд, особое значение для исследователя приобретают узкопрофессиональные опубликованные источники, написанные химиками-технологами. В данной статье нами предпринята попытка применить работу химика-технолога и профессионального революционера-большевика Д.И. Лещенко «Химия в промышленности», изданную в 1909 году, в качестве значимой методологической основы для идентификации того или иного предприятия в качестве химического производства. Наглядно продемонстрировано значение этого труда не только для понимания химической технологии того времени, представляющей интерес, казалось бы, только для узких специалистов, но и для наиболее объективной оценки состояния химической отрасли дореволюционной русской промышленности. Особо отмечено значение как этой, так и подобных ей работ, доступным языком излагавших основы химической технологии, позволяющей исследователю, в свою очередь, верно атрибутировать отраслевую принадлежность исследуемых производств.

Ключевые слова: индустриальная революция, дореволюционная отечественная химическая промышленность, химический контроль над производством, наукоёмкие производства дореволюционной России, химик-технолог Д.И. Лещенко, органическая химия и неорганическая химия, значение производства серной кислоты, недостатки дореволюционных статистических сборников, экономическая «отсталость» дореволюционной России.

Промышленная революция сыграла решающую роль в трансформации архаичного аграрного общества в общество индустриальное. В процессе индустриальной революции произошёл переход, во-первых, от ручного труда к машинному производству. И, во-вторых, от труда принудительного к труду свободному. Весьма значимой составляющей промышленной революции, одной из её основ являлась неразрывная связь с наукой. Без, например, химической науки было бы немислимым создание и совершенствование не только металлургии, агрохимии, авиационной и машиностроительной промышленности и прочих важнейших элементов современной высокотехнологичной индустрии,

но и даже изготовление оконного стекла или стеариновых свечей. Уточним, что химическая наука, значимость которой ныне не требует доказательств, прошла довольно долгий и тернистый путь от древнеегипетского искусства, название которого не сохранилось, к эллинской, затем, к античной (греко-римской) *khemeia*; от неё к арабской, затем, европейской алхимии; и, наконец, через ятрохимию к современной химической науке.

Не секрет, что позднеантичные и средневековые алхимики подвергались гонениям властей. К примеру, отдельной буллой папы Иоанна XXII «*Spondent pariter*» («Одинаково уверены»), 1317 год) была запрещена алхимическая практика, связанная с попытками получить

золото, как настоящее, так и фальшивое [1;207]. Гонения, как на алхимию и на алхимиков, так и на химию и химиков, организовывались не только папством и инквизицией, но и частью научного сообщества, причём, в разных странах и в разное время. Так, в 1603 году врач и парижский профессор Жан Риолан Старший (Jean Riolan l'Ancien, 1539 – 1606 гг.) выступил с обвинительным актом против алхимии из-за того, что она помогает в изготовлении лекарств (sic!) [2;11]. А в 1821 году адъюнкт Императорского Казанского университета И.И.Дунаев, в период жизни которого происходило завершение индустриальной революции в Великобритании, публично выступил с актовой речью «О пользе и злоупотреблениях наук естественных и необходимости их основывать на христианском благочестии» [2;11–12].

Вопреки невежеству и господству архаики, на рубеже XVII и XVIII веков, благодаря, например, Р. Бойлю, Шталю и А.Л. де Лавуазье продолжается развитие химии как «протонауки» и превращению её в полноценную науку. У данного процесса следует выделить следующие признаки:

- интеллектуальная квалификация;
- корпоративное единство;
- социальная ответственность;
- авторитет в обществе;
- извлечение дохода из данного вида деятельности, включая заработную плату [1;203–204].

Таким образом, важнейшими объективными препятствиями для нормального развития естественнонаучных знаний были:

- низкий уровень экономического и социального развития общества, при котором естественнонаучные знания оставались невостребованными;
- господство религиозного мировоззрения, принявшего форму государственной идеологии;
- государственная власть, опирающаяся на данную форму государственной идеологии и стремившаяся к идеологической унификации всех сторон жизни общества;
- слабость институтов правовой охраны интеллектуальной собственности.

В свою очередь, достижения физики и химии оказались наиболее востребованными предпринимательским сообществом лишь в условиях динамично развивавшейся рыночной экономической модели. Подлинно научное исследование дореволюционного промышленного предпринимательства, как экономического и социального явления отечественной истории, по нашему мнению, немыслимо без учёта отраслевой принадлежности изучаемых предприятий. Ибо, отраслевая спецификация фабрик и заводов обязывает исследователя составить хотя бы общее представление о специфике техники и технологии, применяемой в данной отрасли.

Это позволяет, в свою очередь, оценить уровень механизации ручного труда, вред, наносимый окружающей среде и здоровью человека и пр. И тогда, и ныне, имеются как наукоёмкие, инновационные отрасли промышленности, так и не относящиеся к таковым. Закономерно, что применяемые техника и технология производства, в совокупности, позволяют отделить первые от вторых. Более того, передовой, наукоёмкий, инновационный характер того или иного производства, по нашему мнению, определяет не только уровень доходов исследуемой фирмы или требования к нанимаемому персоналу, но и закономерно влияет на параметры, методы и формы социальной политики компании.

Эта объективно существующая взаимосвязь, ставшая предметом нашего исследования в монографии «Завод-«Великанъ»» [3], к сожалению, очень часто не принимается во внимание многочисленными современными авторами, не различающими не только благотворительность и социальную политику, но и не делающими различия, например, между ткацким производством и производством химическим. Подобные ошибки неизбежно возвращают тех, кто их совершил, к домарксистским, ещё «народническим» взглядам на отечественную дореволюционную промышленность, включая и пресловутое «тяжёлое положение рабочих» в духе работ В.В. Берви-Флеровского [4] и В.П. Воронцова [5]. На наш взгляд, именно их «труды» подразумевал академик Д.И. Менделеев, когда указал на то, что «общие соображения оставляют много пустого места для мечтательности и невозможностей, если не сопровождаются разбором действительности, состоящей из этой совокупности частных» [6;2].

Создание первых крупных капиталистических фабрик и заводов, ориентированных на рынок, на массового потребителя началось в России только с 1830–1840-х гг. Именно тогда первые механизированные фабрики и заводы, весьма крупные для своего времени, были сооружены в столичных губерниях, Московской и Санкт-Петербургской, и в соседних с ними, включая Владимирскую, Тверскую и Новгородскую. Для «древней столицы», как и для г. Санкт-Петербурга, было характерно быстрое увеличение количества фабрик и заводов. Московские предпринимательские круги, как и рижские, и варшавские, и петербургские, быстро оценили преимущества механизированного производства и заняли положение, обеспечившее их доминирующее положение на внутреннем рынке на долгие десятилетия. В свою очередь, это оказало определённое влияние на возникновение фабрично-заводской промышленности в других регионах страны. В целом, промышленная революция в России происходила неравномерно и зависела от региональной специфики.

Исследователю нельзя упускать из виду, что смысл

индустриальной революции, произошедшей в передовых странах Европы и США, состоял в механизации промышленного производства, осуществляемого в целях невиданного ранее повышения производительности труда, которое, в свою очередь, требовалось для удовлетворения возрастающего массового спроса. Индустриальная революция, таким образом, была прогрессивным явлением и происходила в условиях рыночной экономической модели, ориентированной на массового потребителя, для которой были характерны четыре основных признака: свободное ценообразование, свободная конкуренция, нерегулируемый спрос и нерегулируемое предложение. Упомянутая свободная («чистая») конкуренция неизбежно вынуждает всех участников свободного рынка всячески стремиться к сокращению издержек производства, т.е., расходов, связанных с производством товаров и услуг.

Индустриальная революция, синонимом которой является понятие «промышленный переворот», таким образом, была не «искусственным» явлением, не «го-стем» в России, но закономерным результатом всего предыдущего исторического развития нашей страны. Д.И. Менделеев выделил следующие положительные черты крупной фабричной промышленности, возникшей в ходе индустриальной революции:

- она стала источником обогащения народов;
- она дала достойный заработок значительному количеству людей;
- она способствовала быстрому развитию и распространению научных знаний;
- она содействовала торговле и росту государственных доходов и военного могущества [6;8–9];
- «... продукты фабрик и заводов, постоянно понижаясь в цене и повышаясь в качестве, стали проникать в больший ... круг потребителей, ...» [6;10].

Важнейшей особенностью торгово-промышленного развития Казанской губернии во середине XIX столетия следует считать доминирование «мелкотоварного» и «полукустарного» промышленного производства до 1855 г., зависевшего от состояния экстенсивного сельского хозяйства. До появления в г. Казани крупного и передового химического производства фирмы братьев Крестовниковых в крае отсутствовала крупная механизированная промышленность. Постройка и ввод в эксплуатацию передового и наукоёмкого химического производства, единственного в 1855 году, объективно способствовал экономическому и социальному развитию, и Казанской губернии, и её административного центра. Во второй половине XIX – начале XX вв. развитие завода совпало с небывалым подъёмом химической науки. Инновационная политика владельцев предприятия способствовала взаимовыгодному сотрудничеству науки и производства, позволив существенно снизить себестоимость производимой продукции, не только сохранив,

но и улучшив её качество. С 1862 г. были последовательно внедрены в производство новые промышленные способы обработки животных жиров: дистилляция и ацидификация. В 1871 – 1872 гг., после завершения масштабной модернизации производства, применён и освоен автоклавный способ. Прямым следствием тесного взаимодействия производства и науки стало успешное развитие предприятия. В 1882 г. завод стал вторым в России среди предприятий своей отрасли, а в конце XIX в. – занял первое место. К началу XX в. завод был мощным электрифицированным промышленным производством, имевшим всероссийское значение. В 1909 – 1910 гг. освоено производство салолена. В 1915 г. на предприятии было налажено производство отечественного аспирина. Очевидно, что завод имел колоссальный производственный потенциал для дальнейшего успешного развития.

Анализ основных направлений производственной и социальной политики, осуществляемой собственниками Казанского стеариново-мыловаренного завода, позволяет сделать вывод о том, что система управления производством и персоналом была закономерным продолжением их инновационной политики. Например, стремясь сформировать постоянный кадровый состав работников, братья Крестовниковы осуществляли продуманную социальную политику. К примеру, уже с 1855 г. были построены спальни с отдельным проживанием мужчин и женщин, столовая для рабочих, обеспечено их полноценное и качественное питание, оборудованы отдельные «ретирады» для рабочих и работниц. В условиях высокого производственного травматизма и фактического отсутствия правовой охраны труда было организовано медицинское обслуживание работников за счёт хозяев завода. Задолго до издания «фабричных законов» 1882 – 1886 гг. были построены школа и больница, строились или реконструировались рабочие казармы, существенно расширена и реконструирована заводская столовая. Введена «разрядная система» оплаты труда рабочих низкой квалификации, стала активно применяться «сдельщина». После издания законов 1882–1886 гг., и распространения их действия на Казанскую губернию, на предприятии был образован обязательный «счёт штрафного капитала», возник государственный надзор за соблюдением трудового законодательства. В конце XIX – начале XX вв. на заводе возник целый больничный комплекс, прачечная, благоустроенные жилые дома для рабочих и служащих, было построено новое здание школы и основано одноклассное училище. Успешно функционировала «харчевая» лавка. В феврале 1905 г., по завещанию И.К. Крестовникова, был основан фонд материальной помощи рабочим. Возрастала номинальная и реальная заработная плата. Активно применялись премирование рабочих и сдельная система оплаты труда. С апреля 1913 г. функционировала заводская больничная касса, производились выплаты пособий и пенсий. Воз-

нико кредитование рабочих и служащих предприятия: Правление выдавало кредиты на постройку, ремонт и приобретение жилых домов, обучение и лечение работников и членов их семей. С августа 1914 г. и до лета – осени 1917 г. Правлением осуществлялась материальная поддержка семей рабочих-фронтовиков. Очевидно, что особой заслугой собственников предприятия было создание системы эффективной мотивации работников, основанной на дифференцированной системе оплаты труда [3].

В итоге, каждое крупное, передовое и наукоёмкое производство, возникшее в результате индустриальной революции, выступало в регионе своей дислокации как своеобразный «катализатор» практической реализации положительных черт, присущих крупной промышленности, и выделенных великим русским химиком Д.И. Менделеевым. Экономия на сырье, заработной плате и премировании, на общей квалифицированности персонала и пр., с точки зрения учёных-экономистов, – это признаки отсталого, экстенсивного производства [7;292]. И, напротив, систематическое внедрение новых технологий, научный и технологический контроль над производственной сферой, создание «безотходного» производства, укрепление постоянного кадрового состава предприятия, повышение квалификации работников и т.д. – это признаки, в совокупности, позволяющие идентифицировать производство как передовое и наукоёмкое.

Следовательно, отраслевая принадлежность дореволюционного предприятия, изучаемого в контексте истории предпринимательства, есть один из важнейших критериев его идентификации в качестве передового или отсталого. Так, для любого химического предприятия «... рост производства зависел не от увеличения числа рабочих, а от рациональной организации производства, от усовершенствования технологии и т.п. Не случайно владельцы этих предприятий привлекали к отлаживанию технологического процесса, к внедрению в производство новейших научных разработок видных учёных-химиков. Например, на Крестовниковых работали ..., братья Зайцевы, а Ушков пригласил для работы Д.И. Менделеева» [8;156].

Проще говоря, крупное химическое предприятие нельзя механически сопоставить с крупным текстильным производством, сравнив, к примеру, число рабочих и занимаемую площадь. В данном случае, по нашему мнению, требуется использовать такие показатели, как отраслевая принадлежность, средняя заработная плата (в год) постоянных работников всех уровней, годовой объём производства в денежном выражении, наличие или отсутствие заводской лаборатории, объём и виды благ, предоставляемых работнику в рамках социальной политики, технология производства, техническое оснащение и ассортимент выпускаемой продукции.

Игнорирование отраслевой принадлежности предприятий при изучении тех или иных отраслей дореволюционной промышленности, как и фактическое отрицание объективной взаимосвязи между развитием производства и совершенствованием форм и методов социальной политики, по нашему мнению, могут способствовать лишь стагнации исторической науки, когда она будет вынуждена многократно возвращаться к необходимости опровержения давно ниспровергнутых антинаучных догм. Следовательно, учитывая отраслевую специфику при изучении деятельности дореволюционных предпринимателей, необходимо опираться на соответствующие работы по технике и технологии конкретного производства, относящиеся к исследуемому периоду, не подменяя их всевозможными статистическими сборниками той эпохи.

Среди подобных трудов, посвящённых химической отрасли дореволюционной отечественной промышленности, особое место занимает работа Дмитрия Ильича Лещенко (1876 – 1937 гг.) «Химия в промышленности (популярное изложение начал химической технологии)» [9], опубликованная в 1909 году. Её автор, выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, получил известность не только как профессиональный революционер-большевик, но и как опытный химик-практик.

Исследование Д.И. Лещенко состоит из предисловия и двух т.н. «отделов». В отделе I («Химическая промышленность неорганических веществ») [9;51–155] автором работы изложены основы химической технологии производства кислот, удобрений, соды, стекла, керамики и пр. Подробно изложены технологии производства, например, серной кислоты: как с помощью камерного процесса [9;62], так и контактным способом [9;68]. Он упоминает значительное количество нововведений, внедрённых в сернокислотное производство на отечественных заводах, и, будучи активным противником существовавшего тогда политического режима, вовсе не обозначает эту подотрасль русской химической промышленности как «отсталую» или «находящуюся в зачаточном состоянии».

Упоминает этот автор и о наличии химического контроля над производством на передовых русских химических предприятиях. Так, Д.И. Лещенко называет его «могучим орудием», позволяющим снизить издержки производства. Именно «химический анализ ...», по мнению этого химика-практика, выступает «... главным и обязательным условием рациональной постановки всякого производства, в особенности же химического» [9; 16–17]. Задачами химического контроля над производством этот автор обозначил, не только исследование сырья, но и конечных продуктов производства, например, на наличие вредных примесей и пр. [9;17].

Подробно рассмотрены как технологии производства важнейших неорганических соединений, так и их значение для химической отрасли. К примеру, серная кислота, производство и потребление которой «... достигает поистине колоссальных размеров ...», обозначена Дмитрием Ильичём как «... вообще один из важнейших химических продуктов ...» для химической отрасли в начале XX века [9; 57–58].

Очевидно, что сведения об отечественной дореволюционной химической промышленности, приведённые даже в разделе I обозначенной работы, ставят под сомнение тезисы некоторых современных авторов о её, якобы, «зачаточном состоянии» [10;12], полном «отсутствии» [11;4], «отсталости» [12;3] до событий октября-ноября 1917 года.

В отделе II («Химическая промышленность органических веществ») автором перечислены и объяснены современные ему технологии изготовления салициловой кислоты, стеаринового и мыловаренного производств, автоклавного омыления и омыления «серноокислого» [9;156–314]. Все это позволяет поставить под сомнение данные различных дореволюционных статистических

сборников, не относящихся производства, перечисленные в отделе II этой работы Д.И. Лещенко, к химической промышленности. К числу подобных сборников следует отнести даже сборники, опубликованные в том же 1909 году [13]. Очевидно, что опора исключительно на статистические сборники была и остаётся главной причиной многочисленных ошибок, допускаемых современными исследователями русской химической промышленности досоветского периода [14], [15].

Итак, всё изложенное нами, позволяет считать работу химика-технолога Д.И. Лещенко весьма важным опубликованным историческим источником, который содержит ценную для исследователя информацию о состоянии отечественной химической промышленности в 1909 году. И, структура работы, и доступное описание технологических процессов, связанных с тем или иным производством, позволяют, в совокупности, верно атрибутировать не только отраслевую, но и внутриотраслевую принадлежность отдельных передовых производств дореволюционной России. Труд Д.И. Лещенко, на наш взгляд, способствуют формированию строго научных представлений об отечественной химической отрасли до 1917 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современные историко-научные реферативные исследования (Великобритания): сборник // Сост. авт.колл. АН СССР. – Ин-т научной информации по общественным наукам. – М.: Б.и., 1983. – 240 с. – Текст: непосредственный
2. Вальден, П.И. Наука и жизнь: сб. статей / П.И. Вальден. – В 3-ёх ч., ч.1. – Пг.: Научное хим.-тех. изд.-во при осведомит.-стат. бюро хим.отдела комитета военно-технической помощи, 1918. – 113 с. – Текст: непосредственный
3. Фан-Юнг, Г.Ю. Завод-«Великань» (основные этапы истории Казанского предприятия фирмы братьев Крестовниковых в 1855–1917 гг.): монография. / Г.Ю. Фан-Юнг. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 234 с. – Текст: непосредственный
4. Берви-Флеровский, В.В. Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследование Н. Флеровского. / В.В. Берви-Флеровский. – СПб.: Изд. Полякова, 1869. – 494 с. – Текст: непосредственный
5. Воронцов, В.П. Очерки теоретической экономии / В.П. Воронцов. – СПб.: Тип. Скороходова, 1895. – 326 с. – Текст: непосредственный
6. Менделеев, Д.И. Основы фабрично-заводской промышленности / Д.И. Менделеев. – Вып.1. – С-Пб.: тип.В.Дементьева, 1897. – 196 с. – Текст: непосредственный
7. Абдикеев Н.М., Бобылев Г.В., Богачев Д.Ю., Богачев Ю.С. и др. Инновационное развитие России: проблемы и решения: монография / Н.М. Абдикеев и др. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во Финансового ун-та, 2014. – 1376 с. – Текст: непосредственный
8. Свердлова, Л.М. Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX в.) / Л.М. Свердлова. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2011. – 319 с. – Текст: непосредственный
9. Лещенко, Д.И. Химия в промышленности (популярное изложение начал химической технологии). / Д.И. Лещенко. – С.-Пб.: тип. А.С. Суворина, 1909. – 320 с. – Текст: непосредственный
10. Локтев, С.М. Академик Ипатьев – химик нового века. / С.М. Локтев // Химия: подписная научно-популярная серия. – №12. – М.: «Знание», 1991. – 32 с. – Текст: непосредственный
11. Васина, Е.Е. Становление и развитие системы подготовки инженерно-технологических и научных кадров СССР в 1928–июне 1941 годов (на примере химической промышленности): автореф. дис. ... канд.истор.наук: 07.00.02 / Е.Е.Васина. – Москва, 2008. – 30 с. – Текст: непосредственный
12. Сидорова, И.Т. Строительство предприятий химической промышленности в СССР на этапе индустриализации 1928–1939 гг. (на примере Березниковского химического комбината): автореф. дис. ... канд.истор.наук: 07.00.02 / И.Т. Сидорова. – Ижевск, 2011. – 24 с. – Текст: непосредственный
13. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. / Сост. Л.К. Езиоранский. – СПб.: Изд. Торг. Дома А. Срока и Ко: Т-во «Справочник», 1909. – [Б.н.с.] – Текст: непосредственный
14. Есиева, И.В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX–1918 г.): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02/ И.В. Есиева. – Казань, 2004. – 201 с., с прил. – Текст: непосредственный

15. Виноградов, А.В. Казанская губерния в XIX – начале XX вв.: экологические и санитарные проблемы промышленного развития: автореф. дис. . . . канд. истор. наук: 07.00.02 / А.В. Виноградов. – Казань, 2013. – 28 с. – Текст: непосредственный
-

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ СОВМЕСТНОЙ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА И ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ – СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО И ДЕЙСТВУЮЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА С ВЫСШИМ МЕДИЦИНСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

**A MODEL OF JOINT PROJECT ACTIVITY
OF A MEDICAL UNIVERSITY AND HEALTH
INSTITUTIONS IS A WAY TO INCREASE
THE PROFESSIONAL COMPETENCIES OF
A FUTURE AND CURRENT SPECIALIST
WITH A HIGHER MEDICAL EDUCATION**

**S. Alekseenko
T. Gaivoronskaya
N. Drobot**

Summary: The article discusses the possibilities of using the project method in teaching medical students. As part of the study, based on an analysis of scientific literature on the problem under study and generalized practical experience, an algorithm for step-by-step actions for organizing project activities was developed, a model of a joint project was proposed, in the implementation of which students, teachers of a medical university and doctors of a medical institution participate. The project is implemented by analyzing the work of a medical institution based on annual report indicators using analysis of clinical situations. The project model, which is extensive in terms of labor intensity, involves students during their internship period - a physician assistant. Participation in the project of senior students who have completed the program for the study of fundamental and clinical disciplines, experience in mini-projects, practical training in junior years and the availability of more time resources when performing practical work compared to studying during the semester will ensure the quality of the project and will not negatively affect the current and intermediate performance of students. Project activities of students increase motivation to acquire knowledge, skills and abilities. Forms and develops clinical thinking, the ability to take independent science-based actions, develops research activity, the ability to work with large amounts of data, involving digital technologies in the process, and adequately evaluate the results obtained. Within the framework of the project model, doctors of a medical institution work together with students to implement the task, acquiring and developing research skills and getting the opportunity to evaluate the quality of the professional and organizational activities of the institution. The university teacher plays the role of mentor and project coordinator.

Expected results - being allies, the participants in the proposed model of project activity unite the goals and objectives of medical universities and practical healthcare. Joint project activities will increase the level of training of competent medical personnel and the professional competence of working medical specialists.

Алексеев Сергей Николаевич

доктор медицинских наук, ректор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный медицинский университет»

Министерства здравоохранения Российской Федерации,
г. Краснодар
Corpus@ksma.ru

Гайворонская Татьяна Владимировна

доктор медицинских наук, профессор, проректор по учебной работе, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Краснодар

GaivoronskayaTV@ksma.ru

Дробот Наталья Николаевна

кандидат медицинских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный медицинский университет»

Министерства здравоохранения Российской Федерации,
г. Краснодар
tangust68@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются возможности применения метода проектов в обучении студентов медицинских вузов. В рамках исследования на основе анализа научной литературы по изучаемой проблеме и обобщенного практического опыта разработан алгоритм поэтапных действий организации проектной деятельности, предложена модель совместного проекта, в реализации которого участвуют студенты, преподаватели медицинского вуза и врачи лечебного учреждения. Реализация проекта осуществляется проведением анализа работы медицинского учреждения по данным показателей годового отчета с использованием разбора клинических ситуаций. В обширной по трудоемкости модели проекта задействованы студенты в период прохождения производственной практики - помощник врача. Участие в проекте студентов старших курсов, выполнивших программу по изучению фундаментальных и клинических дисциплин, опыт работы в мини-проектах, прохождение производственной практики на младших курсах и наличие большего числа временных ресурсов при выполнении практики по сравнению с обучением в период семестра обеспечит качество проекта и не повлияет негативно на текущую и промежуточную успеваемость студентов. Проектная деятельность студентов повышает мотивацию получения знаний, умений и навыков. Формирует и развивает клиническое мышление, способность принимать самостоятельные научно-обоснованные действия, развивает исследовательскую активность, способность работать с большим

Keywords: project activities, medical university, medical institutions, students, doctors, teacher, analysis of the work of a medical institution, analysis of clinical cases.

объемом данных, вовлекая в процесс цифровые технологии, и адекватно оценивать полученные результаты. В рамках модели проекта совместно с обучающимися над реализацией задания трудятся врачи лечебного учреждения, приобретая и развивая умения исследовательской работы и получая возможность оценить качество профессиональной и организационной деятельности учреждения. Преподаватель вуза выполняет роль наставника, координатора проекта.

Ожидаемые результаты – являясь союзниками участники предлагаемой модели проектной деятельности, объединяют цели и задачи медицинских вузов и практического здравоохранения. Совместная проектная деятельность повысит уровень подготовки компетентных врачебных кадров и профессиональную компетентность работающих специалистов медицины.

Ключевые слова: проектная деятельность, медицинский вуз, лечебные учреждения, студенты, врачи, преподаватель, анализ работы медицинского учреждения, разбор клинических случаев.

Введение

В современных условиях параллельно с социально-экономическими изменениями в обществе происходит динамическое развитие в системе высшего образования. Меняются запросы государства, работодателей, граждан. Изменения происходят и в системе высшего медицинского образования.

Повышаются требования к профессионально-квалификационным характеристикам специалистов различных медицинских направлений.

Каждая медицинская специальность имеет свои особенности и темпы профессионального развития, обусловленного необходимостью внедрения современных технологий [1.2].

Одной из наиболее актуальных задач является формирование личности, способной реализовать себя в меняющемся мире, склонной к самоанализу, саморазвитию, поиску, обработке и критической оценке информации, использование инновационных технологий. В настоящее время эффективным методом в решении этой комплексной задачи является применение метода проектов [3.4.5].

В мировой педагогической практике и отечественных исследованиях метод проектного обучения используется с начала XX в., но он не теряет своей актуальности и в современных условиях подготовки специалистов с высшим образованием [6.7.8]. Это мотивировано модернизацией системы высшего образования, в основу которого положен компетентностный подход, поменялась образовательная парадигма, суть которой заключена не только в приобретении суммы знаний, но и в создании условий для подготовки конкурентоспособных специалистов, в том числе будущих врачей, способных

к саморазвитию, клиническому мышлению, инновациям с использованием цифровых технологий, владеющих коммуникативными качествами, способных работать в команде.

Поэтому метод проектного обучения является частью общей образовательной технологии, которая формирует и развивает профессиональные компетенции у обучающихся, способных выполнить диагностические, лечебные задачи в соответствии с современными научными, технологическими достижениями медицины [9. 10].

Особенность проектного обучения основана на сбалансированном подходе к организации подготовки будущих врачей, когда устанавливаются междисциплинарные связи фундаментальных и клинических дисциплин, формируется и развивается способность самостоятельно принимать научно и практически обоснованные грамотные решения при выполнении проекта..

Все вышеизложенное характеризует актуальность темы исследования. Это подтверждает целесообразность совершенствования технологии данного метода и более активного внедрения в процесс подготовки специалистов с высшим медицинским образованием.

Цель исследования: изучение научной литературы по рассматриваемой теме. разработка алгоритма организации проектной деятельности в вузе, подготовка модели совместной проектной деятельности студентов, преподавателей медицинского вуза и врачей лечебного учреждения.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели использовались данные о теоретических и экспериментальных методах исследования в проектной деятельности. Теоретиче-

ские методы предполагали анализ научной литературы по проблеме исследования. По вопросам разработки и применения предлагаемого метода проектов в подготовке специалистов с высшим медицинским образованием проводился с учетом образовательных ресурсов вуза, возможностью эффективного взаимодействия участников проекта.

Основные результаты

Модернизация образования, введение в образовательную деятельность таких направлений, как системный анализ, информационные технологии, работа с большим объемом данных создают предпосылки использования в обучении студентов проектной деятельности, позволяющей проявиться индивидуальности учащегося и реализовать его способности. Технология проектной деятельности имеет определенные особенности, заключающиеся в том, что учебный проект ориентирован на самостоятельную деятельность студентов, педагог осуществляет сопровождение в выполнении проекта; организация проектной деятельности строится в направлении умения работать в команде, имеющей общие цели; создает условия проявить личностную активность, что повышает его мотивацию к получению знаний и компетентному выполнению профессиональной деятельности в реальных жизненных ситуациях.

Участники проекта проходят стадии планирования, анализа, синтеза, активной деятельности, приобретают коммуникативные навыки и умения, необходимые при общении в коллективе, с больными, их родственниками.

Проектное обучение в современных условиях рассматривается как система взаимосвязанных составляющих, без решения которых невозможно выполнение поставленных задач проектной работы.

Организация проектной деятельности в вузе имеет основные направления:

1. проектная деятельность выполняется непосредственно профессорско-преподавательским и административным составом вуза. Ведущий вектор проекта – совершенствование образовательного процесса; обеспечение конкурентоспособности вуза путем выполнения научно-исследовательских работ;
2. проектная деятельность студентов, осуществляемая в рамках Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) и направленная на формирование профессиональных компетенций;
3. совместное участие преподавателей и студентов вуза в реализации научно-исследовательской работы [11,12,13].

Понимая сложность, важность и ответственность

проблемных задач, поставленных перед проектной деятельностью вуза, состоящих в подготовке квалифицированного врача, способного к самообразованию, самообразованию, поиску, обработке и критическому анализу информации, умеющего аналитически мыслить, принимать аргументированные решения при получении клинических, лабораторных, инструментальных данных о пациенте, необходима разработка алгоритма поэтапных действий при выполнении проекта.

В аспекте рассматриваемой проблемы авторы исследования разработали алгоритм поэтапных действий организации проектной деятельности в вузе (таблица 1)

Таблица 1.

Алгоритм поэтапной организации проектной деятельности в вузе

Этапы алгоритма	Действия
1-й этап	Мотивация участия в проектной деятельности
2-й этап	Определение приоритетных направлений проектной деятельности вуза
3-й этап	Отбор участников в разработке проекта
4-й этап	Изучение проблемы рассматриваемого проекта.
5-й этап	Обоснование актуальности проекта.
6-й этап	Цели и задачи проекта
7-й этап	Определение ресурсов, необходимых для реализации предлагаемого проекта
8-й этап	Ожидаемые результаты эффективности проекта
9-й этап	Работа над проектом – изучение научной литературы, статистических и других данных по избранному направлению проектной деятельности
10-й этап	Обсуждение результатов проекта с выполнением анализа, синтеза полученных данных
11-й этап	Заключение о выполненном проекте по результатам внутренней и внешней экспертизы.
12-й этап	Подготовка практико-ориентированного продукта по результатам проектной деятельности – лекции-презентации, видеолекции, дискуссии методические разработки и др.
13-й этап	Поощрение участников проектной деятельности с учетом вклада в реализацию проекта, активности, творческого подхода.
14-й этап	Тиражирование практических результатов выполненного проекта
15-й этап	Использование цифровых технологий, повышающих качество проектной деятельности

В представленном алгоритме организации проектной деятельности в вузе данная форма подготовки будущего специалиста выделяет системность направления в обучении, рассматривается как инструмент воспитания, повышения мотивации обучающихся в силу своей прак-

тико-ориентированности и приближении к решению реальных задач в профессиональной работе.

В рассматриваемом проекте авторы исследования предлагают модель совместной проектной деятельности, в которой участвуют студенты, преподаватели медицинского вуза и врачи лечебных учреждений.

Выполнение любого проекта – определенные трудовые затраты, зависящие от степени сложности поставленных задач. Это могут быть мини проекты, которые выполняются индивидуально или группой студентов в учебное или внеучебное время. Объемные проекты – макси проекты требуют группового участия в выполнении поставленных задач, больших трудовых и временных затрат. В таких условиях обучающиеся, работая над проектом, даже вне учебных занятий, не выполняют учебную программу ФГОС, снижая текущую и промежуточную успеваемость. Для достижения высокого качества выполнения макси проекта, в котором ведущими исполнителями являются студенты, авторы исследования считают этот раздел обучения в медицинском вузе планировать на период производственной практики. Авторы проводимого исследования рассматривают модель проектной работы, в которой поставленные цели и задачи выполняют студенты совместно с врачами лечебного учреждения, где осуществляется программа практики, при поддержке преподавателя кафедры, ответственного за производственную практику.

Поиск наиболее рационального подхода в решении важнейшей проблемы повышения результатов оказания медицинской помощи населению предложен в разработке модели совместной проектной деятельности студентов, преподавателей медицинского вуза и врачей лечебного учреждения, на базе которого осуществляется практика. Авторы исследования разработали проект, в котором проводится анализ деятельности лечебного учреждения по статистическим показателям годового отчета.

В данном проекте участвуют студенты лечебного, стоматологического и педиатрического факультетов, выполняющие практику по направлению помощник врача. Эта категория обучающихся более подготовлена к обеспечению результатов, так как имеют знания по фундаментальным и клиническим дисциплинам, опыт предшествующих практик. Более целенаправленным может быть проект с участием студентов, зачисленных на обучение по целевому набору.

«Целевики» знают будущих работодателей и коллектив, но не менее важно знать возможности и перспективы профессионального развития медицинского учреждения, его сильные и слабые стороны. В результате у студентов участников проекта появляется личная мотивация, заинтересованность в проекте. что симметрично

отразится на качестве командной работы над проектом и организацией деятельности лечебного учреждения.

Участниками предлагаемой модели являются высококвалифицированные врачи. Они принимают активное участие в реализации проектной работы, которую желательно рассматривать как критический взгляд со стороны на деятельность своего лечебного учреждения. При необходимости они оказывают консультативную поддержку студентам. В предложенной модели проектной деятельности студенты и врачи являются союзниками в выполнении задач, поставленных перед здравоохранением Российской Федерации.

Преподаватели вуза, курирующие производственную практику и проект, это наставники, оценивают работу каждого студента, его творческий подход к выполнению проекта, стремление к получению новых знаний, ответственность, дисциплинированность. Преподаватель–куратор проекта участвует в выборе индивидуальной профессиональной специальности студента.

Предлагаемая модель проекта состоит из последовательных аналитических действий, дающих возможность выявить низкие показатели того или иного медицинского направления по сравнению с показателями здравоохранения РФ и региона. Для выяснения причин сложившейся ситуации участники проекта студенты и врачи проводят следующий анализ по отстающим отделением лечебного учреждения:

- укомплектованность медицинскими кадрами (врачи, средний медицинский персонал);
- оснащение и использование высокотехнологического медицинского оборудования при выполнении диагностических и лечебных мероприятий;
- применение цифровых технологий в организации производственной деятельности;
- уровень профессиональных компетенций специалистов;
- способность медицинских работников к непрерывному профессиональному образованию, саморазвитию;
- способность врача принимать адекватные профессиональные решения при неотложных и критических состояниях пациента;
- коммуникативная характеристика медицинских работников;
- предложения по коррекции работы лечебного учреждения с целью повышения эффективности.

Систематизация полученных данных позволит руководителям медицинских учреждений принять определенные организационно-технологические действия, обеспечивающие повышение качества медицинской помощи и статистических показателей, стимулируя стремление врачей к профессиональным достижениям.

Авторы модели совместной проектной деятельности вуза и медицинского учреждения считают логичным включение в проект такой составляющей как разбор клинических случаев. Для достижения успеха в этом виде деятельности предлагается анализировать полярные клинические случаи с различными вариантами исхода заболевания.

Разбор клинических случаев — это такая форма обучения будущих и действующих специалистов здравоохранения, которая позволяет в полной мере оценить необходимость фундаментальных и прикладных знаний, умений и навыков, междисциплинарных связей и их возможностей в оценке состояния пациента, разработке индивидуального плана обследования и лечения. В модели предлагается рассмотрение ситуаций «Трудный пациент с сочетанной патологией», «Сложный дифференциально-диагностический случай», «Редкие заболевания», «Успешный опыт применения современных высокотехнологичных методик в диагностике, лечении, восстановлении пациентов» и др. Авторы исследования считают целесообразным оценивать не только ошибочные действия врачей, но и успешные решения диагностики и лечения пациентов, основанные на высоком уровне компетентности с использованием комплекса диагностических и лечебных методик, современных высокоэффективных медицинских технологий. Студенты медицинского вуза принимая активное участие в разработке и реализации проектных работ, формируют понимание, что высокий уровень профессиональных компетенций является основой успешной работы. Аналогичные ответные реакции возникают у врачей при разборе клинических случаев. Такой подход в организации проектной деятельности повышает уверенность в правильности избранного профессионального пути как у врачей, так и у студентов.

Формой отчета по завершению проектной деятельности, выполненной под руководством преподавателя, может быть подготовка и выступление на врачебной конференции с совместным сообщением студент + врач. В докладе представлен анализ ошибок и успешных достижений врачей, предлагается корректировка действий медицинской и организационной направленности. Другими формами отчета могут быть презентации, разработка методички, предложения тестовых заданий и ситуационных задач по актуальной проблеме модели проекта, дискуссии. Представленные отчетные материалы после экспертной оценки могут быть представлены к тиражированию как практико- и –профессионально ориентированный продукт для использования в обучающем процессе и работе лечебного учреждения.

Заключение

Разработанный алгоритм поэтапных действий проектной деятельности подчеркивает системный характер

этого метода в обучающем процессе подготовки квалифицированных кадров медиков. В условиях цифровизации при реализации проектной деятельности необходимо использовать цифровые ресурсы. Интеграция проектной работы и цифровых технологий позволяет создавать практико-ориентированные проекты. В представленной модели проектной деятельности рассматривается совместная работа студентов медицинского вуза и врачей лечебного учреждения в период прохождения обучающимися производственной практики –помощник врача. Данная форма проектной деятельности актуальна для студентов, зачисленных по целевому набору в плане профессиональной и коммуникативной адаптации. Привлечение данной категории студентов и время проведения совместной проектной деятельности объясняется опытом выполнения мини проектов и практическими навыками предшествующих производственных практик. В предлагаемом варианте совместной работы студентов вуза и врачей проводится анализ работы лечебного учреждения по данным годового отчета.

Этот аспект оценки работы медицинского учреждения дополняется фрагментом «Разбор клинического случая». Данный раздел работы направлен не только на работу над ошибками. Демонстрируются сложные случаи успешного решения задач, благодаря высокому уровню профессиональной компетентности врачей, использовании современных медицинских технологий, обеспечивающих эффективную диагностику, лечение, реабилитацию пациента. При этом нельзя исключать такие важные качества для врача как ответственность, эмпатия. У студентов повышается мотивация к получению новых и закреплению имеющихся знаний, умений, развивается клиническое мышление, формируется чувство содружественных действий с другими специалистами. Врачи-участники проекта –получают возможность оценить работу лечебного учреждения под другим углом, что создает потребность в способности принятия креативных решений. В предлагаемой модели проекта разработаны оптимальные условия для профессионального сотрудничества между вузом и учреждениями здравоохранения.

Такой вид проектной деятельности является одним из методов развивающего обучения участников проекта, направлен на развитие способности выявлять и решать проблемы, производить сбор и обработку информации, анализировать полученные результаты. В представленной модели проекта участники являются единомышленниками в выполнении важнейших задач, поставленных перед здравоохранением - сбережение здоровья граждан России. Основой модели является практико-и-профессионально ориентированное содержание процесса подготовки будущих врачей и повышение качества медицинских и организационных действий в лечебном учреждении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барашкова А.Б., Алексеева Ю.А., Денисова Е.В., Скачек И.В. Проектная деятельность студентов медицинского вуза как способ организации семиотического образовательного пространства // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 5. С. 88-89
2. Кудинова О.С., Скульмовская Л.Г. Проектная деятельность в вузе как основа инноваций // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27928>
3. Проектное обучение: практики внедрения в университетах / под общ. ред. О.В. Лешукова, Н.В. Исаевой, Л.А. Евстратовой. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2018. 152 с. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/376211321.pdf>– Текст: электронный
4. Клеймёнова О.А., Трусов М.А. Педагогический потенциал проектной деятельности в профессиональном саморазвитии студентов медицинского вуза // Методики и технологии обучения и воспитания. Образовательные ресурсы и технологии. 2023. № 2 (43) 57
5. Курилова С.Ю. Проектное обучение как инновационная технология организации образовательного процесса // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2019. № 1. С. 47–48.
6. Михалкина Е.В., Никитаева А.Ю., Косолапова Н.А. Организация проектной деятельности: учеб. пособие. – Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2016 С. 7-48 URL: http://education.sfedu.ru/docstation/com_docstationorganizatsiya_proektnoj_deyatelnosti.pdf– Текст: электронный.
7. Полат Е.С. Метод проектов: история и теория вопроса (из кн. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: изд. центр «Академия», 2010. С. 193-200) [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/6306194>
8. Метод проектов. Серия «Современные технологии университетского образования»; выпуск 2. Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования. Республиканский институт высшей школы БГУ. Мн.: РИВШ БГУ, 2003. 240с.
9. Морозова О.Н. Эффективная модель проектного общения студентов в медицинском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29682>
10. Грачева М.В., Бабаскин С.Я. Управление проектами. М., 2017. 148с.
11. Баскакова И.В. Метод мини-проектов как способ формирования компетенций у студентов-стоматологов // Вестник Казахского Национального медицинского университета имени С.Д. Асфендиярова. 2013. № 4 (2). С. 24-27.
12. Федосеева Л.А., Жидков А.А., Гордеев К.С., Илюшина Е.С., Ермолаева Е.Л. Проектная деятельность обучающихся: понятие, сущность, виды проектов // Гуманитарные научные исследования. 2021. №1. <https://human.snauka.ru/2021/01/36070>
13. Карпова М.Р., Карась С.И. Проектное обучение в высшем медицинском образовании // Высшее образование в России. 2013. № 12. С. 108-113.

© Алексеенко Сергей Николаевич (Corpus@ksma.ru), Гайворонская Татьяна Владимировна (GayvoronskayaTV@ksma.ru),
Дробот Наталья Николаевна (mangust68@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«EMI» КАК СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ КОНТЕНТУ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В РАМКАХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

Басте Зара Юсуфовна

Кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
zara732@mail.ru

Батурьян Маргарита Аветисовна

Кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
margarita_baturyan@mail.ru

"EMI" AS A WAY OF TEACHING CONTENT IN ENGLISH AS A PART OF MULTILINGUALISM

**Z. Baste
M. Baturyan**

Summary: Learning in English (EMI) promotes the study of English-language content mainly among international students who use English as an additional language. In applied linguistics, the field of English as a Linguafrank (ELF) research is aimed at global communication between users of the English language. ELF research has shown that English is not always used among them, and even when it is used, it is included in broader communication resources. Similarly, translanguaging research has shown how illusory and ideological language boundaries are in real social practice among multilingual people. Collectively, it is more reasonable to recognize that EMI participants use their entire language repertoire and practice translation from one language to another. A theory in the field of social sciences, rethinks English as a supposed system among many interactive, nested meaning-forming systems, including other languages.

Keywords: english, teaching, multilingualism, linguistics, teaching, research, monolinguals, translanguaging.

Аннотация: Обучение на английском языке (EMI) способствует изучению контента на английском языке в основном среди иностранных студентов, которые используют английский в качестве дополнительного языка. В прикладной лингвистике область исследований английского языка как лингвафранка (ELF) нацелена на глобальное общение между пользователями английского языка. Исследования ELF показали, что английский язык не всегда используется среди них, и даже когда он используется, он включен в более широкие коммуникативные ресурсы. Аналогичным образом, исследование translanguaging показало, насколько иллюзорными и идеологическими являются языковые границы в реальной социальной практике среди многоязычных людей. В совокупности, более разумно признать, что участники EMI используют весь свой языковой репертуар и практикуют перевод с одного языка на другой. Теория в области социальных наук, переосмысливает английский язык как предполагаемую систему среди многих интерактивных, вложенных друг в друга смыслообразующих систем, включая другие языки.

Ключевые слова: английский язык, преподавание, многоязычие, лингвистика, обучение, исследования, монолингвы, транслингвация.

Введение

Английский язык уже давно стал языком по умолчанию для передачи результатов научных исследований по различным дисциплинам, а также широко используется в академических учебниках и других учебных материалах. В данном академическом контексте английский язык перестает быть учебной дисциплиной, становится средством подготовки специалистов в области экономики, географии, физики, программной инженерии и др. Подобное применение английского языка получило название *English as a Medium of Instruction* или просто *English Medium Instruction (EMI)*.

Более того, английский язык чаще всего выбирается в качестве международного языка общения для служб поддержки иностранных студентов. Таким образом, EMI придает большое значение английскому языку в трехсторонней миссии высшего образования (т.е. в исследованиях, преподавании и обслуживании). Однако реализация различных академических программ варьируется

в зависимости от следующих аспектов:

- движущие силы, стоящие за ее внедрением;
- языковая поддержка;
- языковые требования;
- объем EMI в рамках программ (например, полный, частичный, двуязычный).

Хотя конкретные рассуждения по каждому аспекту выходят за рамки, кажется очевидным, что выбранный язык (т.е. английский) сам по себе является предметом озабоченности, и что английский не обязательно используется во всех программах EMI. Это может иметь место даже в аудиториях, где якобы преподается только английский язык. Несмотря на эти различия в реализации EMI, а также отсутствие общепринятого определения, EMI обычно включает в себя приведенные ниже элементы:

- английский язык используется в учебных целях;
- английский язык сам по себе не является предметом преподавания.

Термин *образование* в англоязычной среде, т.е. не *инструкция*, может быть более подходящим для обозначения преподавания и изучения с помощью английского языка. Однако в настоящей статье используется наиболее часто упоминаемый термин EMI.

Развитие языка не является основным предполагаемым результатом. В целом, EMI продвигает изучение контента на английском языке в основном среди участников, которые используют английский в качестве дополнительного языка. В частности, в сфере высшего образования наиболее сильными языками участников могут быть разные языки, в том числе, возможно, родной английский (L1) различного происхождения. В качестве альтернативы, все они могут быть многоязычными, владеющими английским языком, с одинаковым уровнем владения L1. В любом случае английский используется в многоязычной среде, и это, по-видимому, отражает современное использование английского языка в глобальном масштабе. В условиях современного мира социальная дифференциация языка вызывает интерес многих ученых. Социальные диалекты (социолекты) представляют собой пример наиболее явного отражения в языке социального разнообразия общества [3]. По статистике, 388 миллионов англоязычных, включая *монолингвов*, составляют незначительное меньшинство из примерно 2,3 миллиардов носителей английского языка. Иными словами, подавляющее большинство современных носителей английского языка, включая некоторых англофонов, свободно владеют и неанглийскими языками.

Цель данной статьи - осмыслить букву "E" в EMI как язык общения в многоязычном мире. Здесь, безусловно, критически важным условием является вопрос о методах преподавания иностранного языка, поскольку именно применение необходимых методов, методик и технологий преподавания ИЯ позволяет обучающему не просто решать какие-то сиюминутные коммуникативные задачи на иностранном языке, но понимать и ценить тот факт, что иностранный язык служит своему пользователю в качестве эффективного средства в развитии картины мира, формировании мировоззрения, реализации миропонимания [4]. С этой целью в статье мы использовали современные представления о языке в прикладных науках, лингвистике, а также в области прикладной лингвистики английского языка как иностранного (ELF), которая нацелена на глобальную коммуникацию между пользователями английского языка. В частности, следующие разделы посвящены *практической теории* транслингвации, современной теории *прикладной лингвистики*, в связи с понятием английского языка как мультилингва франка (EMF) в области ELF [2]. Во-первых, наше общение в реальном мире критически изучается как деятельность, преодолевающая границы, лингвистически и иным образом.

В дополнение к обзору, говоря о структуре английского языка и его использовании в многоязычном мире, а также теории сложности в социальных науках, можно использовать книгу "Английский в многоязычии как средство обучения", в качестве концептуальной линзы, позволяющей уловить напряженность между идеологическим монолингвизмом (т.е. широко распространенная вера в дискретность языковых границ) и врожденным многоязычием в мировом научном сообществе.

Английский как часть транслингвации. В социолингвистике и прикладной лингвистике в более широком смысле хорошо известно, что сложные социальные сети и мобильность в глобализованном мире могут привести к непредсказуемым языковым изменениям. Трансформационный поворот в прикладной лингвистике отражает дух времени, характеризующийся непредсказуемостью или, лучше сказать, дестабилизацией любого категориального мышления. Это позволяет нам по-новому взглянуть на сложный, подвижный мир. По определению Хокинса и Мори [5], *транс-* можно понимать как пересечение границ, и это перемещение стремится к *трансдисциплине*, и сигнализирует о необходимости выйти за рамки названных и ограниченных категорий, которые исторически формировали наши представления о мире и его обитателях, природе знаний и коммуникативных ресурсах.

Дилемма заключается в том, что транс-теории отрицают традиционные границы и в то же время предполагают теоретическую обоснованность существования самих границ. Проще говоря, мы не можем переступить границы, если они не существуют. Хокинс и Мори точно выражают эту озабоченность следующим образом: названия с приставкой *транс-* одновременно свидетельствуют о высокой оценке текучести и гибкости, наблюдаемых в современном обществе, и подчеркивают само существование категорий и границ, которые ставятся под сомнение как мы должны бороться с этим противоречием между инновациями и традициями [5].

Можно провести полезное различие между идеологическим локусом языка и двумя естественными *локусами языка и коммуникации*. Первый относится к историческим, политическим и очень часто национально именуемым языками, принимая *макросоциальный характер* или *системно-ориентированный* взгляд на коммуникацию. Последний относится к наблюдаемым коммуникативным практикам взаимодействия индивидов, а также к лингвистическим и другим семиотическим (т.е. смыслообразующим) ресурсам и репертуар индивидуальных процессов познания.

Практическая теория *транслингвации* не фокусируется на названных языках как таковых, а исследует, как отдельные люди используют определенные ресурсы,

лингвистические и иные, для создания и интерпретации смысла. Будь то язык L1 или дополнительный язык, никто из нас не знает, как это сделать, овладевая целым языком, как бы он ни определялся. Мы учимся узнавать отдельные фрагменты, которые сопровождаются индивидуальными различиями в привычных областях использования, грамотности и культурных ассоциациях.

С точки зрения *транслингвации*, языки рассматриваются как исторически обусловленные образования, и они идут дальше, ставя под сомнение актуальность различий между ними в человеческом сознании. Конечно, сложность многоязычного мышления часто затрудняет или даже не имеет значения, какие языки используются в данный конкретный момент. Соответственно, *транслингвация* противопоставляет овеществлению коммуникативных практик в виде очерченных лингвистических объектов и рассматривает многоязычие «как социальную практику, когда носители языка используют все виды лингвистических ресурсов для своих собственных целей» [1]. Например, однопутники Нелли (турчанка), Анна и Ника (француженки) недавно познакомились с Нелли, которая живет в Стамбуле, Турция. Они переписываются через мобильное приложение We Chat и используют *транслингвацию* в разговоре.

Нелли: Я могу показать вам на фото нашу традиционную турецкую одежду и блюдо, лол.

Нелли: Ух ты! Так здорово!

Анна: Действительно!

Ника: Прикольно.

Анна: Спасибо. Мне нравится традиционные турецкие блюда. Как оно называется?

Нелли: Балык экмек.

Анна: Интересно, это что-то вроде жареной или приготовленной на пару рыбы? Думаю, я понятия не имею, в чем разница между ними?

Нелли: Это жаренная рыба на углях в *бреде*.

Ника: Это для летнего фестиваля?

Анна: Я хочу попробовать в будущем!

Нелли: Надеюсь, вам понравится.

Анна: Я кажется пробовала раньше, когда путешествовала по Турции, лол.

Нелли: Да, это очень *тести*, балык экмек – это для летнего *фести*.

Нелли: Отлично! Как вам это? Надеюсь понравится.

Анна: Ну, это было интересно, но почему-то не так-то просто гулять с *амиз*, узнала много занимательного и полезного.

Лингвист, безусловно, может присвоить именованные языки различным элементам высказывания Нелли. Сама Анна, вероятно, знает, что слова и фразы могут быть отнесены к именованным языкам. Однако маловероятно, что она постоянно принимает сознательные решения о том, какой язык использовать. Скорее, она использует в своем репертуаре многоязычные ресурсы,

которые будут понятны Ник. Используя этот тип взаимодействия в качестве доказательства, *translanguaging inquiry* призывает нас признать возможность, открывающуюся благодаря многоязычию, а именно то, что называется *транслингвистическое пространство* – пространство, которое создается практиками *транслингвации* и для них, и пространство, в котором границы между различными социально сконструированными языками, а также между языком и другими семиотическими ресурсами расширяются и разрушаются.

Как видно из приведенного выше определения транслингвистического пространства, *транслингвация* также противопоставляет лингвистическому уклону в общении, или предубеждению в отношении языка как единственного семиотического ресурса, 'достойного' исследования. В соответствии с понятием самый трансмодальный момент, который можно рассматривать как часть другой транс-теории трансмодальностей (Хокинс, 2018), смысл возникает не как сумма каждой коммуникативной системы, часто называемой модусом, такой как речь, жест и звук; он возникает как единое синергетическое целое, т.е. трансмодальный. Безусловно, это вопрос интерпретации, как и где провести границы между такими модусами.

Суть в том, что *translanguaging enquiry* использует эклектический и комплексный подход к коммуникация – включая, но не ограничиваясь, лингвистическими практиками. Онлайн- или *цифровая коммуникация* обычно включает в себя различные языки и способы общения по своей природе. Приведенный ниже пример взят из обновления временной шкалы Facebook одного молодого человека. Например, несмотря на задержку рейса, Нелли, похоже, очень обрадовалась, увидев плакат с изображением своих однопутников. Она создает смысловое и эмоциональное воздействие посредством взаимодействия текста и выражения лица '*Подмигивает, подмигивает*'. Если быть точным, смешивая турецкий и английский языки, используя при этом латинский алфавит, ее текст переходит языковые границы, «как ей заблагорассудится». Ее восклицания, направленные на то, чтобы увидеть плакат и привлечь внимание ее подруг, сочетаются с этим переводным текстом и воплощены в подмигивающем выражении лица. Таким образом, ей удается координировать семиотические ресурсы для этого конкретного поста и создавать свою транснациональную идентичность, как и Нелли, Ник и Анна, также можно рассматривать как общающихся посредством сотрудничества нескольких способов. Хотя фонологические и в их разговоре отсутствует нелингвистическая информация, и мы могли бы представить, что разнообразные выражения лица, жесты и позы объединяются в доброжелательную атмосферу, создавая эмоциональное пространство вместе с языком и тем, как на нем говорят.

Учитывая, что английский язык является наиболее распространенным языком общения во всем мире, среди носителей английского языка, вероятно, наблюдаются различные практики перевода. Сознательно или подсознательно пользователи английского языка, включая участников ЕМІ, могут создавать свои *собственные транслязыковые* пространства, в то время как они объединяют все доступные когнитивные, семиотические, сенсорные и модальные ресурсы. В конце концов, английский язык является частью их коммуникативных ресурсов и практик, и это соотносит *транслингвистику* с понятием EMF в области ELF.

Заключение

На первый взгляд, английский язык кажется основным средством общения. Однако он не используется для представления англоязычной культуры или кем-либо, кто идентифицирует себя как часть англоязычной куль-

туры. Мультимодальный дискурсивный анализ, подкрепленный теориями транс-коммуникации, показывает, как сербский, обучающиеся в процессе обучения стирают и переступают границы между названными языками и способами общения, тем самым создавая свое собственное социальное пространство в виртуальной среде. Они активно используют доступные семиотические ресурсы и выходят за рамки 'колонизированного' или социально принятого как должное статуса национальных языков. Несмотря на то, что язык, который они должны использовать, имеет национальное название (например, английский), их общение происходит на национальном уровне, и их многоязычие никогда не могло оставаться в стороне. Неразумно предполагать, что Английский язык – единственный семиотический ресурс, используемый студентами ЕМІ. Гораздо разумнее признать, что английский язык включен в более широкие лингвистические, модальные и культурные ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл, А. Руководство по социолингвистике. 2014. С. 9.
2. Дженкинс, Дж. Изменение позиции английского языка и многоязычие в английском языке как лингва франка. Английский язык на практике, 2 (3). 2015. С. 49-85.
3. Мосесова, М. Э. Межкультурная коммуникация и социокультурный фактор в изучении иностранных языков / М. Э. Мосесова // Язык. Образование. Культура: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 10 октября 2019 года / Отв. за выпуск А.С. Усенко. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. – С. 87-90.
4. Мосесова, М.Э. Изучение языков как основа формирования представления о мире / М.Э. Мосесова // Социально-экономические процессы современного общества (к 80-летию Льва Пантелеймоновича Куракова): материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 30 марта 2023 года / БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. – С. 218-221.
5. Хокинс, М.Р., & Мори, Дж. Рассмотрение транс- перспектив в теориях языка и практики. Прикладная лингвистика, 2018. 39 (1). С. 1-8.

© Басте Зара Юсуфовна (zara732@mail.ru), Батурьян Маргарита Аветисовна (margarita_baturyan@mai.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЯ Z В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Бобровницкая Олеся Святославовна

Преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве РФ (г. Москва).
alesja.studies@gmail.com

PROBLEMS AND PRINCIPLES OF TEACHING READING IN ENGLISH TO 'GENERATION Z' STUDENTS AT NON- LINGUISTIC UNIVERSITIES

O. Bobrovnitskaya

Summary: The article considers the main problems and objectives of teaching reading in English to students of financial and economic faculties. A brief analysis of specifics of the "generation Z" mentality and the typical difficulties such students encounter during the learning process is included. The paper also contains the results of statistical surveys recently conducted in higher educational establishments of the Russian Federation, as well as examples of practical exercises and techniques intended to develop the students' analytical skills. Special attention is given to the interrelation of teaching reading with other aspects of English language proficiency. In conclusion, the author writes about leveraging the benefits of the "generation Z" mentality and mindset, which can effectively facilitate the learning process, and emphasizes the necessity to develop the students' fundamental knowledge, analytical skills and critical mindset.

Keywords: reading, critical thinking, English language proficiency, foreign languages, analytical mindset, generation Z, non-linguistic university.

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы и задачи обучения чтению на иностранном языке студентов финансово-экономических специальностей. Проведен краткий анализ мышления студентов поколения Z, т.е. рожденных в начале XXI столетия, и сложностей в обучении чтению, характерных для этого поколения. Приведены результаты статистических исследований, проводимых в высшей школе, примеры упражнений, способствующих развитию аналитического мышления и навыков работы с англоязычными материалами. Подчеркивается взаимосвязь чтения с другими аспектами владения иностранным языком, а также с обучением чтению на родном языке. Сделан вывод об эффективности использования преимуществ мышления поколения Z и инновационных методов в сочетании с классическими моделями обучения для формирования фундаментальных знаний и целостной личности.

Ключевые слова: обучение чтению, неязыковой вуз, поколение Z, английский язык, критическое мышление, аналитические навыки, профессионально-ориентированное обучение.

Сегодня, даже в условиях сложной международной политической ситуации и санкционного давления на Россию, сохраняется необходимость в развитии политических, экономических, деловых, социальных и культурных связей с другими странами и регионами. В связи с этим в высших учебных заведениях — в частности, в Финансовом университете при Правительстве РФ — изучение иностранных языков остается частью обязательной учебной программы. Продолжается (и на достаточно углубленном уровне) преподавание английского языка для его применения в профессиональной сфере.

Студенты и выпускники вузов, владеющие иностранными языками, без сомнения, имеют преимущество в профессиональной деятельности. У них более высокие шансы получить высокооплачиваемую должность; они более востребованы на рынке труда — что подтверждают статистические данные. [1]

Настоящая работа посвящена исследованию особен-

ностей мышления студентов поколения Z и влияния современного образа жизни на учебный процесс, формирование личности и профессиональной компетенции. **Актуальность** исследования состоит в необходимости разработать методологию обучения, обеспечивающую формирование фундаментальных знаний, в сочетании с инновационными подходами к преподаванию английского языка. **Для достижения этой цели** был сделан обзор существующих методов и задач обучения чтению на иностранном языке, проанализированы данные статистических опросов студентов, проведен отбор и оценка эффективности практических упражнений на анализ и запоминание прочитанного, а также направленных на формирование критического мышления. Учитывался практический опыт преподавания чтения на английском языке. **Научная новизна** исследования состоит в том, что предлагается сочетать инновационные методы обучения, адаптированные для современного поколения, с классическими моделями, направленными на формирование фундаментальных знаний. И в то же время делает-

ся акцент на раскрытии интеллектуального и творческого потенциала обучаемых. Методы преподавания были рассмотрены в контексте их значимости для формирования профессиональных навыков и целостной личности.

В настоящее время педагогам необходимо учитывать изменения, произошедшие в мышлении современной молодежи («поколения Z»), их образе жизни, особенностях восприятия получаемой информации. [2] На учебный процесс огромное влияние оказывает технологический прогресс и цифровизация образования, применение искусственного интеллекта, онлайн-переводчиков, технологий виртуальной и дополненной реальности и другие разработки. И все же роль чтения как источника знаний для обучения профессии, формирования личности, способной к продуктивной деятельности в современном высокотехнологичном мире, невозможно переоценить — независимо от влияния времени и эпохи. Программа Финансового университета нацелена на развитие иноязычной коммуникативной компетенции, навыков общения на английском языке в деловом, научном и личностном контексте. Для достижения этих целей обязательно обучение студентов работе с англоязычными текстами и аутентичными материалами.

Согласно теории смены поколений Н. Хоува и У. Штрауса, для студентов поколения Z (т.е. рожденных в начале XXI столетия) характерно клиповое мышление, многозадачность; они уверенно чувствуют себя и работают на электронных платформах и устройствах, но в то же время быстро теряют концентрацию внимания. По утверждению психолога М.Е. Сандомирского, представители более старших поколений часто критикуют современную молодежь за стремление к быстрым и легким результатам, зависимость от цифровых устройств и многое другое. [3] Традиционные методы обучения часто оказываются малоэффективными. Педагогам следует учитывать и использовать преимущества пространственно-ассоциативного и образного мышления и адаптировать к ним учебные задачи. Этой цели можно достигнуть, предлагая учащимся упражнения более привычного им формата: например, яркий визуальный контент — слайды и презентации, небольшие и емкие по содержанию тексты, в том числе взятые из блогов, разнообразные интерактивные упражнения на отработку лексики и грамматики, включая мобильные приложения; викторины и опросы. Студенты поколения Z хорошо владеют навыками поискового чтения — им не составляет труда быстро найти нужный ответ в интернете или в тексте учебника. Тем не менее, полноценное образование всегда предполагает наличие фундаментальных знаний, на основании которых можно увидеть онтологию развития человеческой мысли в рамках определенной парадигмы. Студентам необходимо научиться выделять факты, устанавливать причинно-следственные связи, и на основании этих связей делать аналитические умозаключения. Чтение (в том

числе на иностранном языке) — один из наиболее продуктивных способов достижения этих важнейших задач.

В своей профессиональной деятельности выпускники вузов должны будут работать с текстами различного объема, уровня сложности и содержания, включая чтение специализированной учебной и научной литературы на английском языке, работу со статьями, публикациями, деловыми письмами и другими аутентичными материалами. Для обучения английскому языку в рамках программы вуза, как правило, применяются профессионально ориентированные тексты с большим количеством активной лексики и терминов. Это решает сразу несколько важных задач: по получению фактических знаний, расширению кругозора и словарного запаса на иностранном языке.

В зависимости от поставленных целей, студентам необходимо овладеть разными навыками чтения, в том числе: *ознакомительного, поискового, просмотрового чтения (skimming) и изучающего*, т.е. более углубленного чтения, нацеленного также на отработку грамматики, лексики и речевых конструкций.

Задача *поискового* чтения — найти необходимую информацию (например, сведения о человеке или явлении, ответ на поставленный вопрос и т.д.). *Просмотровое и ознакомительное чтение* связаны с более глубоким анализом информации, но все же не требуют понимания каждого слова, всех деталей повествования и полного перевода текста. Это способствует формированию навыка языковой догадки — т.е. умения понимать значение слова из контекста. [4]

При *ознакомительном чтении* студенты читают все абзацы по порядку; фразы и предложения дочитываются полностью. Таким образом они изучают большие по объему тексты из учебника, специализированную, справочную и художественную литературу. Это позволяет сформировать собственное мнение о проблеме или явлении и понять их суть, ответить на поставленные вопросы и пересказать содержание прочитанного.

Студенты склонны применять онлайн-переводчики для чтения учебных текстов на иностранном языке. По результатам опроса, проведенного в Финансовом университете, сервисами онлайн-переводчиков пользуются 87% студентов; при этом 62,5% опрошенных указали, что никогда не используют электронные и бумажные словари. 37,5% участников опроса ответили, что обращаются к словарям в случаях, когда переводчик не справляется. [5] Подобная статистика дает основания для обучения навыкам работы со словарями (в том числе встроенными приложениями для перевода незнакомых слов), как англо-русскими, так и англо-английскими, где толкование слов приводится без перевода на русский язык. Но даже

если студенты предпочтут не обращаться к словарям, преподавателям необходимо содействовать мотивации к самостоятельному чтению на иностранном языке, поскольку только такое чтение формирует у обучающихся необходимые языковые навыки. Работа с онлайн-переводчиками, в свою очередь, подразумевает отработку навыков постредактирования машинного перевода.

Упражнения, направленные на формирование навыков аналитического мышления

Задача преподавателей состоит не только в обучении технике чтения, правильному произношению слов и переводу. Им необходимо помочь студентам поколения Z сформировать недостающие навыки более долговременной концентрации внимания, аналитического мышления, целостного восприятия информации. Чтение как ничто другое способствует умению сосредоточить внимание на мыслительном процессе.

Для сравнения, просмотр видеороликов, кратких постов в социальных сетях и блогах, других интернет-каналов хотя и воспринимается студентами с большим энтузиазмом, но эти процессы ориентированы на потребление информации, а не ее самостоятельное осмысление. После просмотра таких источников студентам бывает трудно сформулировать собственные мысли, отношение к проблеме; часто они только повторяют и воспроизводят увиденное, причем не полностью, а фрагментарно, выделяя моменты, которые произвели впечатление (триггеры). Такой подход к получению знаний заключает в себе опасность подверженности манипулятивным технологиям влияния на сознание, широко применяемым в социальных сетях и сообществах, способности брать на себя ответственность, поверхностности восприятия информации и приводит к другим негативным последствиям. [3] В обучении аналитическим навыкам чтения как на иностранном, так и на родном языке, эффективны упражнения, примеры которых приведены далее.

1. Разделение текста на смысловые абзацы, подбор заголовков или задание кратко сформулировать основную мысль каждого раздела.
2. Составление тезисного плана текста (outline), который можно использовать для пересказа — с добавлением ключевых слов.
3. Ответы на вопросы или самостоятельная постановка вопросов по содержанию текста. Это упражнение студенты могут выполнять в паре, в виде диалога.
4. Изложение или пересказ текста с использованием ключевых слов-связок (connectors), например:
The title of the text is ... The text is about... The text deals with...
The text covers such points as... first... second... third...

It should be underlined that... In conclusion, I may say that...

To my mind... In my opinion... [6]

5. Вспомнить и сформулировать краткое содержание прочитанного.
6. Упражнения для проверки понимания текста, на развитие логического умения выстраивать причинно-следственные связи: например, определить, верны или неверны утверждения (True/False).
7. Рецензирование прочитанных текстов и статей, составление аннотаций, эссе с выражением собственной позиции, дискуссии и обсуждения прочитанного для развития навыка аргументации.

К этим часто применяемым преподавателями упражнениям следует добавить технику запоминания прочитанного материала. После прочтения текста (или его смыслового фрагмента) студенты должны сформулировать свои мысли и выводы и записать их в электронный или бумажный блокнот. Важно отметить, что им не следует копировать или пересказывать текст, хотя на первом этапе выполнения упражнения в результате, как правило, получается цитирование или пересказ мыслей автора. Однако при регулярном применении этого метода, как показывает практика, студенты начинают оценивать полученную информацию самостоятельно. Также они могут ассоциировать прочитанное с одной из актуальных проблем, которую им нужно решить в настоящее время (метод ассоциаций). Чем больший объем материала и чем более вдумчиво они читают, тем более осмысленным чтение станет в дальнейшем. Важно и формирование привычки к регулярному чтению, положительного отношения к процессу и внутренней мотивации, что связано с навыком планирования своего личного времени, определения приоритетов. При успешном решении этих задач работа с информацией станет более эффективной и профессиональной.

Поскольку в данной работе речь идет о важности чтения для обучения английскому языку, необходимо отметить взаимосвязь чтения с совершенствованием других аспектов владения иностранным языком: грамматики, навыков правильного произношения, владения лексикой, стилистикой языка и его речевыми конструкциями. Как известно, орфография английского языка основана на историческом принципе и часто не совпадает с произношением слов, поэтому студентам приходится запоминать правильное звучание слов или дополнительно уточнять его в словарях. Работа над правильным произношением английских слов является неотъемлемой частью обучения чтению англоязычных текстов, статей и публикаций.

Также студенты, изучающие иностранный язык в профессиональной сфере (государственного и муници-

пального управления, экономики, управления бизнесом, финансового менеджмента, управления цифровыми инновациями, бизнес-аналитики и права и в других профессиях) неизбежно сталкиваются с большим количеством специализированной лексики и терминов. Учебные тексты, тематика которых связана с будущей профессией обучающихся, позволяют решить задачу по практическому овладению терминологией, расширению профессионального словарного запаса, в дополнение к собственно обучению чтению на английском языке и формированию когнитивных навыков.

Таким образом, преподаватель высшей школы, учитывая характер мышления студентов «поколения Z», может адаптировать традиционную методику преподавания чтения на иностранном языке к современным реалиям. Несмотря на сложности, возникающие у современных студентов при работе с текстами большого объема и содержания, цель по обучению и успешному овладению навыками чтения на иностранном языке и работы с англоязычными источниками информации может быть достигнута при системном подходе к решению данной задачи. Эффективность сочетания классических методов обучения с современными и инновационными (в том числе рассчитанными на электронную среду) была подтверждена повышением мотивации студентов,

более успешным овладением необходимыми компетенциями, улучшением успеваемости. Были выявлены и сложности — в частности, в сфере социализации и взаимодействия студентов в аудитории, поскольку их опыт ежедневного применения цифровых технологий и устройств сказывается на живом межличностном взаимодействии. Это проявляется в том, что студенты уверенно чувствуют себя в цифровой среде, но меньше владеют навыками дискуссии, по сравнению с предыдущими поколениями. В дальнейшей перспективе цифровизации образования, применения дистанционного и смешанного обучения, технологий искусственного интеллекта, вопрос формирования индивидуальности студентов и фундаментального образования имеет важнейшее значение для общества и государства.

Такое образование не только принесет выпускникам вузов преимущество в профессии, сделает их более грамотными и уверенными в себе специалистами, но и способствует формированию цельной и самостоятельно думающей личности, способной к принятию решений, исполненной внутренней мотивации и чувства ответственности. Именно это чувство ответственности, сформированное в процессе обучения в вузе, его выпускники в будущем перенесут и в свою профессиональную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселёва Н.И., канд. соц. н., доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ, 27.01.2022. Доклад участника конференции — Передовая архитектура и технологии обучения: пространство возможностей и ограничений.
2. Бухарбаева А.Р., Сергеева Л.В. Клиповое мышление поколения Z: методы развития творческого потенциала студентов. Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25, №4. С. 787-796.
3. Сандомирский М.Е. Поколение Z: те, кто будет после. [Электронный ресурс] <https://www.e-xecutive.ru/career/hr-management/1450249-pokolenie-z-te-kto-budet-posle> (дата доступа: 24.03.2024).
4. Заболотская А.Р., Мадякина Н.Ю. Языковая догадка и ее формирование у студентов неязыковых специальностей. Казанский лингвистический журнал, 2018. Том 1, №2 (1). С. 99-109.
5. Финансовый университет при Правительстве РФ, 23.02.2024. Доклад участника IV международной конференции «Лингвистика дистанцирования: языки международного общения — новая парадигма» — Переводчик в многополярном мире: новые смыслы профессии.
6. Мельничук М.В., Восковская А.С., Карпова Т.А. Английский язык: бизнес-информатика (учебник). Москва: КНОРУС, 2018.

© Бобровницкая Олеся Святославовна (alesja.studies@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Воробьева Оксана Михайловна

Старший преподаватель, Московский
промышленно-финансовый университет «Синергия»
ovorobeva@synergy.ru

FEATURES OF TRAINING STUDENT JOURNALISTS IN PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION

O. Vorobyeva

Summary: This article explores the features of teaching student journalists a professional foreign language in the context of the digital transformation of education. The authors examine the challenges and opportunities of using digital technologies to improve the foreign language learning process necessary for a successful career in journalism. Innovative methods of online learning, virtual classes, multimedia resources and other means that promote the effective learning of a foreign language by student journalists are discussed. The role of digital transformation in improving the quality of education and training of future professionals in the field of journalism is analyzed.

Keywords: journalism, professional foreign language, digital transformation, education, students, online learning.

Аннотация: Данная статья исследует особенности обучения студентов-журналистов профессиональному иностранному языку в контексте цифровой трансформации образования. В данной статье рассматриваются вызовы и возможности использования цифровых технологий для улучшения процесса обучения иностранному языку, необходимого для построения успешной карьеры в сфере журналистики. Обсуждаются инновационные методики онлайн-обучения, виртуальные классы, мультимедийные ресурсы и другие средства, способствующие эффективному освоению иностранного языка студентами-журналистами. Анализируется роль цифровой трансформации в улучшении качества образования и подготовки будущих профессионалов в области журналистики.

Ключевые слова: журналистика, профессиональный иностранный язык, цифровая трансформация, образование, студенты, онлайн-обучение.

В современном мире цифровая трансформация проникает в различные сферы общественной жизни, включая образование [7, с. 83]. Она вносит свои коррективы не только в способы обучения, но и требует новых подходов к освоению знаний и навыков [2, с. 46]. Одной из ключевых составляющих современного образования является изучение иностранных языков, что является особенно важным аспектом для студентов-журналистов, которые сталкиваются с необходимостью коммуникации на международном уровне и понимания различных культурных контекстов [16]. В контексте цифровой трансформации образования обучение профессиональному иностранному языку приобретает новые особенности, требующие внимания и анализа. Переход к онлайн-образованию и использование цифровых технологий в обучении открывают новые возможности и вызовы для студентов и преподавателей [14, с. 86]. С одной стороны, доступ к разнообразным онлайн-ресурсам, приложениям и платформам делает процесс изучения иностранного языка более гибким и доступным. С другой стороны, необходимо учитывать особенности обучения иностранному языку в цифровой среде, такие как отсутствие непосредственного контакта с носителем языка и возможные технические проблемы.

Журналистика требует не только грамотного владения языком, но и умения понимать и передавать особенности культуры и общественной жизни различных стран. В условиях цифровой трансформации журналисты сталкиваются с новыми форматами и технологиями, что также требует от них соответствующих языковых компетенций [13, с. 43].

Сегодня современный процесс обучения профессиональному иностранному языку претерпевает значительные изменения под воздействием цифровой трансформации образования [9, с. 186]. Эти изменения затрагивают различные аспекты обучения, включая доступ к ресурсам [8, с. 90], методы преподавания [5, с. 15], организацию учебного процесса и формы оценки успеваемости [4, с. 88]. Рассмотрим подробнее основные особенности современного обучения профессиональному иностранному языку в контексте цифровой трансформации. Одной из ключевых особенностей современного обучения является широкое использование онлайн-ресурсов и цифровых инструментов. С развитием интернет-технологий студентам стало доступно множество образовательных платформ, приложений, онлайн-курсов и ресурсов для самостоятельного изучения языка. Такие

ресурсы предлагают разнообразные материалы для изучения языка: от интерактивных упражнений и аудио- и видеоматериалов до онлайн-тестов и учебных игр.

Преимущества использования онлайн-ресурсов в обучении языку очевидны: они обеспечивают доступ к большому количеству материалов на разных уровнях сложности, позволяют студентам изучать язык в удобное для них время и темп, а также предлагают возможности для индивидуализации обучения в соответствии с потребностями каждого конкретного студента. Кроме того, использование онлайн-ресурсов способствует развитию компьютерной грамотности и умения работы с информацией в цифровой среде, что также является важным аспектом современного образования [15, с. 161].

Однако использование онлайн-ресурсов в обучении языку также влечет за собой определенные проблемы. Во-первых, необходимо учитывать качество и достоверность информации, представленной на таких ресурсах, чтобы студенты получали правильные представления о языке и культуре страны, чей язык они изучают [12, с. 144]. Во-вторых, не все студенты обладают достаточной мотивацией и самодисциплиной для самостоятельного изучения языка через онлайн-ресурсы, поэтому важно организовать поддержку и мотивацию со стороны преподавателей и учебных заведений [11, с. 107].

Персонализированный подход к обучению через технологии позволяет студентам получать более эффективную обратную связь, а также сконцентрироваться на тех аспектах языка, которые для них наиболее важны и интересны. Это способствует более глубокому и продуктивному усвоению материала и повышению мотивации к изучению языка. Кроме того, персонализированный подход может учитывать индивидуальные особенности студентов, такие как их темп усвоения информации, предпочтения в методах обучения и цели изучения языка, что делает процесс обучения более адаптивным и эффективным.

Однако следует также отметить, что персонализированный подход к обучению через технологии требует разработки качественных образовательных программ и алгоритмов анализа данных, а также подготовки квалифицированных преподавателей, способных эффективно работать с такими программами и предоставлять студентам необходимую поддержку и помощь.

Один из важных аспектов обучения языку в цифровой среде связан с развитием навыков коммуникации и сотрудничества в онлайн-среде, например, с помощью технологии коммуникативно-ситуативного обучения, когда взаимодействие осуществляется в рамках учебной речевой ситуации, трансформируя учебный процесс в обсуждение для решения разнообразных профессиональных задач [6, с. 41]. Современные технологии

предоставляют студентам возможность общаться и сотрудничать с носителями языка и другими студентами из разных стран мира, что способствует развитию их навыков общения на иностранном языке и понимания различных культурных контекстов.

Онлайн-коммуникация позволяет студентам общаться на иностранном языке в различных ситуациях, включая учебные дискуссии, проектную работу, совместное решение задач и т. д. Однако при использовании онлайн-коммуникации в обучении языку следует учитывать некоторые особенности. Например, необходимо обеспечить безопасность и конфиденциальность данных студентов при работе с онлайн-платформами и приложениями, а также учитывать культурные различия в способах общения и восприятия информации, чтобы избежать недоразумений и конфликтов.

Еще одной важной особенностью современного обучения является гибкий график обучения и доступ к материалам из любой точки мира. Благодаря интернету и цифровым технологиям студенты могут изучать язык в любое удобное для них время и место, что делает процесс обучения более гибким и адаптивным к индивидуальным потребностям и обстоятельствам каждого студента. Гибкий график обучения позволяет студентам совмещать изучение языка с работой, семейными обязанностями и другими занятиями, а также присоединяться к учебным группам из разных часовых поясов и стран. Это способствует повышению доступности образования и разнообразию учебной аудитории, а также позволяет студентам получать образование на расстоянии, не выходя из дома или офиса.

Кроме того, доступ к образовательным материалам из любой точки мира расширяет возможности для обучения языку на практике. Студенты могут использовать различные онлайн-ресурсы, такие как вебинары, видеоконференции, онлайн-курсы и языковые обмены, чтобы общаться с носителями языка, изучать аутентичные материалы и погружаться в языковую среду. Это позволяет им улучшать свои языковые навыки и расширять свой кругозор, не выезжая за пределы своего региона или страны.

Однако следует отметить, что гибкий график обучения также может привести к некоторым вызовам, таким как необходимость самоорганизации и самодисциплины со стороны студентов, а также возможные трудности в поддержании мотивации к обучению без постоянной поддержки со стороны преподавателей и учебных заведений.

Современное обучение профессиональному иностранному языку в условиях цифровой трансформации обладает рядом особенностей, которые требуют внимательного анализа и адаптации образовательных

программ и методик преподавания. Использование онлайн-ресурсов и цифровых инструментов, персонализированный подход к обучению через технологии, развитие навыков коммуникации и сотрудничества в онлайн-среде, а также гибкий график обучения и доступ к материалам из любой точки мира - все эти аспекты играют важную роль в современном обучении языку и требуют внимания со стороны образовательных и научных сообществ [3].

Обучение студентов-журналистов профессиональному иностранному языку в условиях цифровой трансформации образования имеет свои особенности, учитывающие специфику их профессиональной деятельности и требования современных рынков медиа. Будущие журналисты должны быть готовы к работе в международной среде, владеть не только языковыми навыками, но и понимать особенности формирования медиакультуры различных стран, а также успешно применять полученные знания и навыки в своей работе. Рассмотрим основные аспекты обучения студентов-журналистов профессиональному иностранному языку в контексте цифровой трансформации образования [10, с. 29].

Одним из важных аспектов обучения студентов-журналистов является адаптация учебных программ к их потребностям и особенностям профессиональной деятельности. Учебные программы должны учитывать специфику работы журналистов, включая требования к языковым навыкам, знание медиакультуры различных стран, а также особенности жанров и стилей журналистики на иностранном языке.

Современные журналисты работают с различными медиа-ресурсами: от печатных изданий до онлайн-платформ и социальных сетей. Поэтому важным аспектом обучения студентов-журналистов является использование медиа-ресурсов для изучения иностранного языка. Это позволяет студентам не только улучшать свои языковые навыки, но и понимать особенности медиакультуры и журналистики различных стран, а также адаптировать свои навыки к современным требованиям медиа-сферы.

Одним из ключевых аспектов обучения студентов-журналистов является практическое применение языковых навыков в сфере журналистики. Учебные программы должны предоставлять студентам возможности для практического применения полученных знаний и навыков в реальных условиях профессиональной деятельности.

Практическое применение языковых навыков в сфере журналистики не только помогает студентам улучшить свои языковые навыки, но и приобрести ценный опыт работы в международной среде, а также установить профессиональные контакты и связи, что может быть полезно для их будущей карьеры в журналистике.

Еще одним важным аспектом обучения студентов-журналистов является обучение специфическим терминам и жанрам медиа на иностранном языке. Журналисты работают с различными жанрами и форматами медиа-продукции: от новостных статей и интервью до репортажей и аналитических материалов. Поэтому важно, чтобы студенты не только владели языковыми навыками, но и понимали специфику работы в различных жанрах и форматах на иностранном языке.

Обучение студентов-журналистов профессиональному иностранному языку в условиях цифровой трансформации образования представляет собой сложный и многоаспектный процесс, требующий внимания к различным аспектам профессиональной деятельности журналиста и современным требованиям медиа-сферы. Адаптация учебных программ к потребностям будущих журналистов, использование медиа-ресурсов для изучения языка, практическое применение языковых навыков в сфере журналистики и обучение специфическим терминам и жанрам медиа на иностранном языке - все эти аспекты играют важную роль в подготовке квалифицированных и компетентных журналистов, способных успешно работать в современной медиа-среде и осуществлять информационное взаимодействие на международном уровне.

Обучение студентов-журналистов профессиональному иностранному языку в условиях цифровой трансформации образования сталкивается с рядом вызовов, которые необходимо учитывать и преодолевать для обеспечения качественного и эффективного образовательного процесса. Вместе с тем, этот процесс открывает перед студентами и преподавателями новые перспективы и возможности для развития и совершенствования образовательных программ и методик преподавания. Рассмотрим основные вызовы и перспективы обучения студентов-журналистов профессиональному иностранному языку в контексте цифровой трансформации образования.

Организационные вызовы включают в себя необходимость пересмотра учебных планов и программ, а также разработку новых методик и инструментов для дистанционного обучения. Преподаватели должны адаптировать свои методики преподавания к онлайн-формату, обеспечивая интерактивность и вовлеченность студентов в учебный процесс.

Педагогические вызовы связаны с необходимостью обеспечения качественного обучения иностранному языку в условиях дистанционной формы обучения. Преподаватели должны разработать эффективные стратегии проверки знаний и оценки успеваемости студентов в онлайн-формате, а также обеспечить поддержку и мотивацию для самостоятельного обучения.

С развитием цифровых технологий студенты-журналисты должны развивать не только языковые навыки, но и цифровые компетенции, так называемые *digital skills* [1, с. 238], необходимые для успешной работы в современной медиа-сфере. Они должны уметь эффективно использовать различные цифровые инструменты и платформы для сбора, анализа и представления информации на иностранном языке, а также для взаимодействия с аудиторией и создания мультимедийных материалов.

Это требует от преподавателей разработки образовательных программ, которые включают в себя обучение цифровым компетенциям в сочетании с изучением иностранного языка. Студентам необходимо предоставить возможность практически применять свои цифровые навыки в различных проектах и заданиях, направленных на развитие их профессиональной подготовки.

Современная медиа-сфера изменяется с каждым днем под воздействием цифровых технологий и изменений в поведении и предпочтениях потребителей контента. Студенты-журналисты должны быть готовы к работе в этом быстро меняющемся окружении, что требует от них постоянного обновления и расширения своих знаний и навыков.

Обучение студентов-журналистов профессиональному иностранному языку должно быть адаптировано к изменяющимся требованиям медиа-сферы. Преподаватели должны следить за последними тенденциями в медиа-сфере и интегрировать их в учебный процесс, обеспечивая студентам актуальные знания и навыки, необходимые для успешной работы в современной журналистике.

Несмотря на вызовы, связанные с переходом к онлайн-образованию, этот процесс также открывает перед студентами и преподавателями новые перспективы для развития образовательных программ и методик преподавания. Онлайн-образование позволяет преодолеть пространственные и временные ограничения, расширить доступ к образованию и предоставить студентам возможность изучать язык в удобном для них формате.

Гибридные форматы обучения, комбинирующие онлайн-и офлайн-компоненты, также могут быть эффективным решением для обучения студентов-журналистов профессиональному иностранному языку. Они позволяют студентам получить комбинацию преимуществ дистанционного и традиционного обучения, включая гибкий график обучения, доступ к разнообразным образовательным ресурсам и возможность личного взаимодействия с преподавателями и однокурсниками.

В условиях цифровой трансформации образования обучение студентов-журналистов профессиональному иностранному языку приобретает особую важность

и актуальность. Развитие современных технологий и изменения в медиа-сфере требуют от будущих журналистов не только владения языковыми навыками, но и гибкости, цифровых компетенций и понимания особенностей культур различных стран. В данной статье были рассмотрены основные аспекты обучения студентов-журналистов профессиональному иностранному языку в контексте цифровой трансформации образования, а также вызовы и перспективы этого процесса.

Первым важным аспектом является переход к онлайн-формату обучения, который представляет собой как вызов, так и перспективу. Он открывает новые возможности для гибкого обучения и расширения доступа к образованию, однако требует разработки эффективных стратегий обучения и адаптации учебных программ к онлайн-среде. Необходимо учитывать технические, организационные и педагогические аспекты обучения в онлайн-формате, а также обеспечить равный доступ к образовательным ресурсам для всех студентов.

Вторым важным аспектом является развитие цифровых компетенций у студентов-журналистов. Современные журналисты должны уметь эффективно использовать цифровые инструменты и платформы для сбора, анализа и представления информации на иностранном языке, а также для взаимодействия с аудиторией и создания мультимедийных материалов. Обучение цифровым компетенциям должно быть интегрировано в учебные программы в сочетании с изучением иностранного языка и практическим применением полученных знаний.

Третий важный аспект – это адаптация обучения к изменяющимся требованиям медиа-сферы. Современная медиа-сфера изменяется с каждым днем под воздействием цифровых технологий и изменений в поведении и предпочтениях потребителей контента. Студенты-журналисты должны быть готовы к работе в этом быстро меняющемся окружении, что требует от них постоянного обновления и расширения своих знаний и навыков. Обучение должно быть адаптировано к изменяющимся требованиям медиа-сферы, включая последние тенденции и инновации в журналистике и медиа-технологиях.

Наконец, вызовы и перспективы обучения студентов-журналистов профессиональному иностранному языку представляют собой сложную проблематику, требующую внимательного анализа и разработки эффективных стратегий. С одной стороны, современные технологии и онлайн-форматы обучения открывают новые возможности для обучения и развития студентов. С другой стороны, вызовы, связанные с переходом к онлайн-формату, необходимость развития цифровых компетенций и адаптация к изменяющимся требованиям медиа-сферы, требуют от образовательных учреждений и преподавателей постоянного обновления и совершенствования учебных программ и методик преподавания.

В заключении можно сделать вывод, обучение студентов-журналистов профессиональному иностранному языку в условиях цифровой трансформации образования является важным и перспективным направлением развития образования. Оно требует от образовательных учреждений и преподавателей гибкости, инноваций и

адаптации к изменяющимся условиям и требованиям современной журналистики и медиа-сферы. Только таким образом можно обеспечить качественное и эффективное обучение студентов-журналистов, готовых к успешной профессиональной деятельности в современном информационном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферьева-Термисикос, В.Б. Структурные компоненты digital skills в условиях цифровизации образования / В.Б. Алферьева-Термисикос // Эпоха науки. – 2023. – № 36. – С. 237-243. – DOI 10.24412/2409-3203-2023-36-237-243.
2. Воробьева, А.Г. Специфика формирования профессионального языка HR-специалистов / А.Г. Воробьева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 8(100). – С. 46-50. – DOI 10.24158/spp.2022.8.5. – EDN KULVZQ.
3. Еферова, А.Р. Педагогические условия формирования критического мышления студентов в образовательном процессе технического вуза: специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования": диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Еферова Аделя Рафиковна. – Астрахань, 2010. – 211 с. – EDN QEYINJ.
4. Ильина, О.К. Технология CLIL в обучении английскому языку журналистики / О.К. Ильина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 88-98. – DOI 10.20310/1810-0201-2024-29-1-88-98. – EDN KUWGCS.
5. Илюшина, Н.Н. Субъектность будущего учителя как педагогическая ценность и психологическая основа учебного творчества / Н.Н. Илюшина // Научное исследование как фактор совершенствования современного педагогического, дошкольного и школьного образования: материалы научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов, 16-18 апр. 2009 г. / Департамент образования г. Москвы, Гос. образовательное учреждение высшего проф. образования г. Москвы "Московский гор. пед. ун-т (ГОУ ВПО МГПУ)"; [сост. и отв. ред. С.Н. Вачкова]. – Москва: ГОУ ВПО МГПУ, 2009. – С. 15-18. – EDN KBLZAY.
6. Исакжанова, И.П. Методологические основы технологии коммуникативно-ситуативного обучения иностранному языку студентов профессионального колледжа / И.П. Исакжанова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 8-2. – С. 40-45. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.8-2.13.
7. Казакова, Н.Д. Тенденции и резервы развития системы высшей школы современной России / Н.Д. Казакова, Ж.А. Денисова, Р.Ф. Малеева // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5, № 1(14). – С. 83-87. – EDN VNZMSP.
8. Касимова, Ж.В. Модель формирования человеческого капитала в аграрной сфере на основе социального партнерства / Ж.В. Касимова, Н.В. Проваленова, А.Е. Шамин // Вестник НГИЭИ. – 2023. – № 12(151). – С. 90-103. – DOI 10.24412/2227-9407-2023-12-90-103. – EDN BYMYAQ.
9. Полянский, М.В. Цифровые технологии, применяемые в дисциплине «Моделирование и анализ бизнес-процессов» / М.В. Полянский, С.А. Сулов // Современные педагогические технологии как средство повышения качества образования: теория и опыт: Материалы и доклады XII Региональной педагогической конференции, Княгинино, 18 марта 2022 года. – Княгинино: Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, 2022. – С. 186-187. – EDN VQVEKW.
10. Сизова, Е.В. Методы формирования эмоционального интеллекта студентов факультета журналистики средствами иноязычной подготовки / Е.В. Сизова // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2023. – № 3. – С. 29-45. – DOI 10.24412/2304-120X-2023-11014. – EDN XVISGV.
11. Сомов, М.В. Актуальные аспекты модернизации образования и науки в информационном обществе / М.В. Сомов // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 16 июня 2022 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. – С. 107-109. – EDN JTPLNM.
12. Структурно-функциональная модель формирования иноязычной компетентности студентов-экономистов / Ю. Ван, Н.Л. Харченко, С.С. Усов [и др.] // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2023. – № 2(50). – С. 144-155. – DOI 10.54509/22203036_2023_2_144. – EDN GRKDVD.
13. Сунами, А.Н. Выражение риск-рефлексий через формирование дискурса вражды в медиасфере / А.Н. Сунами, Г.А. Труфанов // Конфликтология. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 43-57. – DOI 10.31312/2310-6085-2020-15-4-43-57. – EDN ZEXXAG.
14. Цифровая игровая среда как перспективное направление в образовании / Н.Л. Харченко, И.Ю. Багдасарова, Н.С. Луценко [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 2-1. – С. 86-91. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.2.35. – EDN UYQWHA.
15. Ledesma, R.G. Predictors of First-Semester Success in a Small Private College / R.G. Ledesma, N. Obukhova // Atlantic Economic Journal. – 2015. – Vol. 43, No. 1. – P. 161-162. – DOI 10.1007/s11293-014-9444-0. – EDN UFAQRR.
16. Varfolomeeva, N.S. English for professional communication / N.S. Varfolomeeva, A.R. Eferova, D.V. Semenov. – Москва: Российский государственный социальный университет, 2018. – 12 p. – EDN YLMHLN.

© Воробьева Оксана Михайловна (ovorobeve@synergy.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИЯМ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЙ

MODERN APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF SPEECH DISORDERS

I. Karelina
G. Solomatina

Summary: The article is devoted to one of the most pressing issues of speech therapy – the creation of a classification of speech development delays in young children. The article discusses the main approaches to the classification of speech disorders in children, adolescents and adults in speech therapy. The historical issues of the development of clinical-pedagogical and psychological-pedagogical classifications are highlighted. The criteria by which these classifications were developed are considered. The question is raised that at present, although these classifications complement each other, they do not cover the diversity of all speech disorders and speech development in children. Speech disorders such as delayed speech development (OCD) in young children, speech underdevelopment in children with hearing and intellectual disabilities, as well as speech disorders in children with autism spectrum disorders (ASD) are not included in the classifications.

Keywords: speech disorders, clinical-pedagogical and psychological-pedagogical classifications, hearing and intellectual impairments, autism spectrum disorders, speech development delays, children, young children.

Карелина Инна Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент, Ярославский
государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, (г. Ярославль)
inna76rus@gmail.com

Соломатина Глина Николаевна

доктор педагогических наук, доцент, Кубанский
государственный университет, Россия, (г. Краснодар)
g_solomatina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена одному из наиболее актуальных вопросов логопедии – созданию классификации задержек речевого развития у детей раннего возраста. В статье рассматриваются основные подходы к классификации речевых нарушений у детей, подростков и взрослых в логопедии. Освещаются исторические вопросы разработки клинико-педагогической и психолого-педагогической классификаций. Рассматриваются критерии, по которым разработаны эти классификации. Поднимается вопрос о том, что в настоящее время, хотя эти классификации и дополняют друг друга, они не охватывают разнообразие всех нарушений речи и речевого развития у детей. Такие речевые нарушения, как задержки речевого развития (ЗРР) у детей раннего возраста, недоразвитие речи у детей с нарушениями слуха и интеллекта, а также с речевые нарушения у детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) не включены в классификации.

Ключевые слова: речевые нарушения, клинико-педагогическая и психолого-педагогическая классификации, нарушения слуха и интеллекта, расстройства аутистического спектра, задержки речевого развития, дети, дети раннего возраста.

Введение

Исходным условием для разработки технологий преодоления нарушений речевого развития являются научно-обоснованные представления о формах и видах речевых нарушений у лиц с речевыми расстройствами. Ученые в области логопедии на протяжении всей истории развития данной области научного знания стремились к созданию наиболее полных классификаций речевых нарушений, охватывающих всё многообразие речевых расстройств. За последние несколько десятилетий накоплен значительный опыт в смежных с логопедией науках, таких как нейрофизиологии, медицины, пато- и нейропсихологии, отраслей специальной психологии и педагогики, что углубляет познание речевых нарушений, выделяются новые формы этой патологии. В связи с чем в настоящее время вопрос о создании новой классификации становится остроактуальной проблемой.

Целью статьи является раскрытие теоретических основ для классификации речевых нарушений.

В качестве **методов исследования** были использованы теоретический анализ научной литературы, синтез, обобщение.

Изложение основного материала

По мнению многих авторов, разработка классификации речевых нарушений является достаточно сложной проблемой, что обусловлено, с одной стороны, недостаточной изученностью самого механизма речи, с другой стороны, – несовпадением во взглядах исследователей на методологические основы построения классификации [6].

На начальных этапах становления логопедии собственной классификации речевых нарушений у неё не было и даже не ставился вопрос о необходимости ее разработки, так как становление логопедии начиналось на основе успешного развития европейской медицины. Поэтому знания в области изучения речевых расстройств основывались на сложившиеся к концу XIX — началу XX веков в медицине классификации. Одной из первых классификаций речевых нарушений была клиническая

классификация, предложенная А. Куссмаулем в 1877 году, в который он систематизировал и упорядочил терминологию, отражающую суть речевых нарушений. Эта классификация в дальнейшем стала основой ряда модификаций различных классификаций речевых расстройств в научных исследованиях зарубежных и отечественных ученых первой четверти XX в.: Г. Гутцмана, С.М. Доброгаева, В. Олтушевского, Э. Фрешельса и др. [6, с.44].

Классификации Г. Гутцмана, С.М. Доброгаева, В.Ф. Олтушевского, Э. Фрешельса объединяли клинический подход с выделением этиопатогенетических критериев, связанных с выделенными нозологическими формами различных заболеваний. При этом речевые нарушения трактовались как симптом определенного заболевания. Также в этих классификациях использовались латинские и греческие термины, многие из которых получили широкое распространение в мировой науке и сохранились до настоящего времени. В предложенных авторами классификациях отмечались противоречия, в связи с тем, что в основу классификаций были положены разные принципы группировки речевых нарушений, что привело к несоответствию степени значимости того или иного критерия, лежащего в основе той или иной классификации. Таким образом, можно констатировать, что в данных классификациях не было единого принципа группировки речевых нарушений. В следствие чего наблюдались противоречия, как в самой номенклатуре форм и видов речевой патологии, так и в содержании терминов, отражающих конкретное понятие. Нередко одни и тот же термин обозначал разные явления, а схожие нарушения обозначались разными терминами. Так, оказалось, что явления, которые относятся к одному типу речевого нарушения, оказались в разных нозологических группах, а разные явления – в одной группе. Обедненная, фрагментарная, противоречивая картина речевых нарушений, представленная в классификация того времени, стала особенно заметна во второй половине XX столетия в связи со стремительными достижениями в области фундаментальных и прикладных медицинских наук, прежде всего физиологии высшей нервной деятельности, специальной педагогики и психологии, а также филологии [6, с. 45].

Поэтому в логопедии в 60 – 70-е гг. XX века были пересмотрены многие представления о видах речевых нарушений, используемые в неврологии. Сначала М.Е. Хватцев и Ф.А. Рау, а в последующем О.В. Правдина, С.С. Ляпидевский, Б.М. Гриншпун и другие отечественные исследователи в области логопедии в клиническую классификацию внесли существенные коррективы, в следствие чего представления об отдельных видах речевых нарушений, относившихся к одной форме, были подвергнуты значительным изменениям. При этом значительно пополнилась содержательная характеристика основных видов речевых расстройств, что способ-

ствовало преодолению фрагментарности описанных и сгруппированных в начале XX века отдельных речевых нарушений. В то же время терминологический аппарат логопедии остался неизменным, что фактически не изменило клиническую классификацию. Внесенные коррективы изменили смысловой объем понятий и содержание терминологического аппарата, что привело к однозначности терминов, используемых как в медицине, так и в логопедии. Изменения в клинической классификации, внесенные ведущими отечественными учеными, определили появление клинико-педагогической классификации. Этот процесс привел к осложнению междисциплинарных контактов, которые необходимы для организации и проведения клинико-педагогических мероприятий по коррекции речевых нарушений, поскольку стало наблюдаться расхождение в понимании терминов [6, с.45].

Дальнейшее формирование методологической и теоретической базы логопедии привело к тому, что главенствующим становится системный подход к изучению речевых нарушений, который предполагает изучение речевых нарушений с позиции системного представления о речевой деятельности. Поэтому исследователи стали придерживаться тезиса о неприемлемости прямого переноса в теорию логопедии клинических взглядов, основанных на симптоматическом объяснении речевых нарушений. Основным положением исследователей с опорой на онтогенетический и системный принципы, а также углубленный анализ речевых нарушений, явилось доказательство нецелесообразности отождествления нарушений речи, возникших в процессе развития, и речевых расстройств в уже сформировавшейся системе. В основу квалификации и типологии речевых расстройств должны быть положены другие принципы анализа и на более содержательные критерии в отличие от принципов и критериев клинической классификации, в которой не учитывается возраст пациента, не разграничены дети и взрослые [3].

Последующие исследования в области разработки классификаций речевых нарушений разделились на два направления. Одно направление связано с сохранением традиционных подходов к квалификации речевых нарушений при ее наполнении новым содержанием. Второе направление предполагает отказ от устоявшихся подходов и введение новой группировки речевых нарушений. Представителем второго направления является Р.Е. Левина, которая разработала психолого-педагогическую классификацию речевых нарушений. В основе этой классификации лежит принцип учета общих закономерностей проявления речевого дефекта при различных формах нарушенного речевого развития, который стал использоваться для комплектования логопедических групп в дошкольных образовательных учреждениях. В данной классификации учитываются лингвистические

и психологические критерии, среди которых наиболее важными являются: компоненты речи (фонетический, грамматический и лексический строй речи), формы речи и их соотношение (устной и письменной), а также функциональные аспекты речевой деятельности [9].

Таким образом, в отечественной логопедии в настоящее время используется как клинико-педагогическая, так и психолого-педагогическая классификации речевых нарушений. Эти классификации рассматривают одни и те же речевые нарушения с разных точек зрения, по-разному их квалифицируют, группируя одни и те же нозологические формы, однако они не противоречат друг другу, а скорее дополняют друг друга, поскольку каждая из этих классификаций ориентирована на решение единого, но многоаспектного процесса коррекции нарушений речи.

Клинико-педагогическая классификация базируется на традиционном для логопедии содружестве с медицинской, однако, в отличие от клинической классификации, выделяемые в ней виды речевых нарушений не фиксируются на каких-либо заболеваниях. Она ориентирована в основном на коррекцию речевых нарушений на основе дифференцированного подхода к их преодолению, а также направлена на конкретизацию видов и форм речевых нарушений, т.к. в основе этой классификации лежит подход от общего к частному. Эта классификация основывается на совокупности психолого-лингвистических и клинических критериев в сочетании с этиопатогенетическими. Такой многоаспектный подход позволяет избежать односторонних представлений о речевых нарушениях, так как он направлен на раскрытие речевого нарушения в целом, где ведущая и определяющая роль отводится психолого-лингвистическим критериям [7].

С этой целью в клинико-педагогическую классификацию вводятся критерии, способствующие выделению основных групп, а также основных форм и видов нарушений. Клиническим критериям в сочетании с этиопатогенетическими в данной классификации отводится роль уточняющих. Эти критерии для врача являются средством анализа патологии, но не могут быть основными для педагогической квалификации речевых нарушений. Клинические критерии объясняют механизм речевой патологии и этиологию ее появления, но не ориентированы на само речевое нарушение. Они способны оказать большую помощь при квалификации речевых нарушений. Дополняя картину того или иного нарушения, выделенного на основе психолого-лингвистических критериев, ориентированных на педагогический процесс логопедического воздействия, они позволяют провести дифференциацию сходных по внешним проявлениям речевых нарушений на основе следующих данных [11]:

- какими факторами обусловлено нарушение речи (социальными или биологическими);
- на каком фоне оно развивается (органическом или функциональном);
- в каком звене речевой функциональной системы локализуется (центральном или периферическом);
- какова глубина (степень) нарушения центральных или периферических аппаратов речи;
- время его наступления.

Эти данные важны, так как они направляют внимание специалиста на тот анатомо-физиологический механизм нарушения речи, который нуждается в коррекции и вместе с тем позволяет прогнозировать сроки и возможные результаты логопедического воздействия. Также эти данные указывают в каких случаях логопедическое воздействие является достаточным для преодоления речевого нарушения, а в каких случаях необходима организация комплексного медико-педагогического воздействия [6].

В клинико-педагогической классификации, разработанной Р.Е. Левиной, речевые нарушения рассматриваются в различных аспектах. Вместе с тем обе эти классификации, дополняя друг друга, позволяют комплектовать группы детей с речевой патологией и обеспечивают системное дифференцированное логопедическое воздействие с учетом симптоматики и механизмов речевых нарушений. Психолого-педагогическая классификация создавалась с учетом практических потребностей обучения и воспитания детей с различными речевыми нарушениями. В этой классификации характеристики речевых нарушений сгруппированы от частного к общему, поскольку она ориентирована прежде всего на выявление речевой симптоматики на основе психолого-лингвистических критериев и не соотносена с клиническими синдромами, а также ориентирована на те речевые нарушения, которые подлежат логопедической коррекции [4].

В настоящее время, разнообразие форм имеющихся речевых нарушений у детей и взрослых требует дополнения и расширения клинико-педагогической классификации для дифференцированного лечебно-педагогического воздействия. Поэтому естественно стремление специалистов, работающих в области речевой патологии, дополнить клиническую классификацию речевых расстройств, так как в настоящее время значительно выросло число детей раннего возраста, имеющих нарушения речевого онтогенеза различного генеза. В отечественной логопедии таких детей, не достигших 4-летнего возраста, принято относить к детям с задержкой речевого развития (ЗРР), при этом термин «задержка речевого развития» трактуется более широко, чем тот термин, который использовался в отечественной логопедии ранее. Ране в отечественной логопедии задержка речевого развития определялась как «замедление темпа, при ко-

тором уровень речевого развития не соответствует возрасту ребёнка» [6]. Это речевое нарушение не внесено ни в клинико-педагогическую, ни в психолого-педагогическую классификации, но встречается в классификации речевых нарушений, разработанной Л.О. Бадаляном. В своей классификации автор выделяет задержки речевого развития различного происхождения: при недоношенности, тяжелых соматических заболеваниях и педагогической запущенности [1]. Нет определения, единых форм и степеней выраженности этого речевого нарушения у детей раннего возраста. По нашему мнению, необходимо дополнить клинико-педагогическую классификацию, включив в неё этот вид речевого нарушения у детей раннего возраста и предложить единую классификацию форм и степени выраженности ЗРР.

В ходе клинической работы в системе здравоохранения в течении 27 лет, нами было обследовано более 25000 детей от 2 до 15 лет с различными формами речевой патологии и нарушения речевого онтогенеза у детей от 1,5 до 3,5 лет - более 2000 детей раннего возраста (2005 по 2019 год). На основе изучения анамнеза, раннего психомоторного, доречевого и речевого развития детей нами была разработана классификация задержек речевого развития (ЗРР) у детей раннего возраста различного генеза, которая опирается на клинико-педагогическую классификацию и классификацию детей с ОВЗ, имеющих различные нарушения онтогенетического развития. Нами были выделены следующие формы ЗРР: функциональные и органические. К функциональным формам мы относим задержки речевого развития конституционального характера, а также ЗРР, обусловленные педагогической запущенностью и соматической ослабленностью. Как правило, эти задержки речевого развития бывают лёгкой степени и достаточно легко обратимы. Но в настоящее время наиболее часто встречаются задержки речевого развития органического характера, которые имеют тяжелую или среднюю степень выраженности. ЗРР органического характера мы разделили на первичные и вторичные. Первичные ЗРР могут быть дизартрического, ринолалического или алалического характера. Вторичные ЗРР обусловлены нарушением интеллектуального развития (ЗПР или умственной отсталостью), расстройствами слуха и аутистического спектра. Из выше сказанного, мы считаем, что термин «задержка речевого развития» (ЗРР), в настоящее время, следует рассматривать более широко, а именно как нарушение речевого онтогенеза у детей от 0 до 3 лет, обусловленное органическими или функциональными факторами [2].

Помимо этого, необходимо в раздел системные нарушения речи в клинико-педагогическую классификацию внести системное недоразвитие или нарушение речи, обусловленные расстройствами интеллекта, слуха и аутистического спектра, так как в настоящее время логопедам все чаще приходится работать с такими детьми, в

связи с тем их число неуклонно растёт, а на ранних этапах развития ребенка дифференциальная диагностика этих расстройств крайне затруднена.

Согласно нашим исследованиям, которые мы проводили в течении 27 лет, в ходе клинической работы в системе здравоохранения (с 1992 г. по 2019 г.), где нами было обследовано свыше 27000 детей от 2 до 15 лет, было выявлено что рост числа детей с системными нарушениями речи составил:

- число детей с системными нарушениями или недоразвитием речи, обусловленными расстройством слуха, выросло с 1% до 2%;
- число детей с системными нарушениями или недоразвитием речи, обусловленными расстройством интеллекта, выросло с 0,7% до 2,5%;
- число детей с системными нарушениями речи, обусловленными расстройством аутистического спектра (РАС) с 0,6% до 5,5%.

Отдельно отметим рост числа детей раннего возраста с задержками речевого развития различного генеза (ЗРР). Так до 2000 г. дети с ЗРР встречались относительно редко. Затем наметилась тенденция роста числа детей раннего возраста с данной патологией. Так в 2007 г. задержки речевого развития отмечались уже у 20% детей от 2 до 3 лет. К 2019 г. число детей раннего возраста с ЗРР различного генеза и степени выраженности выросло до 58%. В настоящее время число детей раннего возраста с ЗРР в силу различных причин продолжает расти. Так, в настоящее время у многих детей только к 2 годам появляются первые слова, а элементарная фраза из двух слов появляется только к 3 годам. При этом не только многие родители, но и медицинские специалисты, не считают нужным обращаться за ранней логопедической помощью, при чём задержки речевого развития все чаще являются органическими и имеют тяжелую или среднюю степени выраженности.

Помимо этого, ещё С.С. Ляпидевский высказывал мнение, что требуют уточнения и более полного раскрытия вопросы изучения и классификации алалии, а также расстройства детского голоса, которые особенно мало изучены. [10]. Нам известно, что термин алалия имеется только в отечественной клинико-педагогической классификации. В зарубежной специальной литературе для обозначения данного речевого нарушения используются следующие термины: как врождённая афазия, онтогенетическая афазия, дисфазия, задержка речевого развития, конституциональная задержка речи и слухонемота [5].

В МКБ 10 термин алалия также отсутствует, а для обозначения алалии согласно данной классификации, подойдет такое определение, как расстройство экспрессивной речи (F80.1), где указывается, что это специ-

фическое расстройство, связанное с развитием, при котором способность ребёнка использовать разговорный язык находится на значительно более низком уровне, чем соответствующему его возрасту, при этом понимание языка соответствует возрастной норме и не всегда отмечается нарушение артикуляции. Также в МКБ 10 имеется термин «связанная с развитием дисфазия или афазия экспрессивного типа», который подходит для определения моторной алалии. Сенсорную алалию по МКБ 10 можно отнести к расстройствам рецептивной речи (F80.2), где это специфическое расстройство, связанное с развитием, при котором понимание ребёнком языка находится на более низком уровне, чем соответствующий его возрасту. При этом существенно страдают все стороны использования языка и имеются отклонения в произношении звуков [8].

В специальной зарубежной литературе для обозначения сенсорной алалии используются термины: врожденная неспособность речевого восприятия, связанная с развитием дисфазия или афазия рецептивного типа и афазия Вернике. Также в зарубежной литературе сенсорную алалию относят к специфическим расстройствам слуха [5].

Выводы

Подводя итоги выше сказанному, приходится констатировать, что вопросы классификации нарушений речи в детском возрасте требуют углубления и дополнения. Однако уровень изучения патогенеза целого ряда речевых нарушений недостаточен, а ряд положений, связанных с этой проблемой, носит дискуссионный характер. При этом мы не предлагаем какой-либо новой классификации, но необходимо прийти к какой-то согласованной точке зрения и дополнить клинико-педагогическую классификацию, включив в неё, указанные выше речевые нарушения. Также необходимо унифицировать диагностические логопедические заключения, так как в этом вопросе имеется достаточно много различных трактовок. Мы считаем, что на данном этапе развития логопедии может быть использована уже существующая клинико-педагогическая классификация, но она должна дополняться и уточняться в связи с накоплением новых клинических и психолого-педагогических данных. Так, в раздел нарушения речи системного характера, по нашему мнению, необходимо внести нарушения или недоразвитие речи, обусловленные расстройствами слуха, интеллекта и РАС. Отдельным разделом в классификации выделить задержки речевого развития различного генеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадалян Л.О. Невропатология: Учебник для студ. высш. учеб. завед. 7-ое изд. испр. М.: Академия, 2012. 400 с.
2. Карелина И.Б. Комплексная реабилитация неговорящих детей раннего возраста: Монография. Новосибирск: Изд. АНС «СибБАК», 2017. 156 с.
3. Карелина И.Б. Практическое руководство по детской клинической логопедии. Ярославль: Аверс Плюс, 2020. 260 с.
4. Калягин В.А., Овчинникова Т.С. Логопсихология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. С. 46 – 47.
5. Корнев А.Н. Основы логопатологии детского возраста: клинические и психологические аспекты. СПб.: Речь, 2006. 380 с.
6. Логопедия: Учебник для студентов дефектологических факультетов педагогических ВУЗов / Под ред. Л.С. Волковой. 5-е издание перераб. и доп. М.: Владос, 2009. 703 с.
7. Малкова Е.Е., Машнина Е.М. Проблемы определения критериев нарушения речи у современных дошкольников в аспекте междисциплинарного взаимодействия специалистов // Педиатр. 2019. Т.10. № 1. С. 117-126
8. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-й пересмотр, принята 43-ей Всемирной Организацией Здравоохранения МКБ. В 3 томах. М.: Медицина, 1975.
9. Основы теории и практики логопедии / под ред. Р.Е. Левиной. Репр. изд. М.: Альянс, 2013. 366.
10. Расстройства речи у детей и подростков / Под ред. проф. С.С. Ляпидевского. М.: Медицина, 1969. 288 с.
11. Степаненко Д.Г., Сагудина Э.Ш. О Электронный научный журнал «Системная интеграция в здравоохранении» № 2(8) 2010. С. 32-44.

© Карелина Инна Борисовна (inna76rus@gmail.com), Соломатина Глина Николаевна (g_solomatina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ «ПЕРЕВЕРНУТЫЙ КЛАСС» В ПРЕПОДАВАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШИХ ШКОЛАХ

USING THE "INVERTED CLASSROOM" TECHNOLOGY IN THE TEACHING OF MATHEMATICAL DISCIPLINES IN HIGHER SCHOOLS

**O. Kishkinova
L. Tkacheva
Yu. Mindlin**

Summary: The fast pace of modern people's lives determines the need to move to more relevant ways of learning, which minimize the cost of time resources and, at the same time, contribute to the formation of a personality with a multipolar type of thinking and a wide range of competencies. One of the fundamental and quite in-demand competencies (including among students of humanities) is mathematical, which includes conceptual, logical, operational-algorithmic and applied skills. The technology of the «inverted classroom» relies on the use of digital computer devices and the Internet for the preparation of educational material. At the same time, when teaching exact disciplines in higher educational institutions, teaching in an «interactive classroom» assumes that students prepare a new topic in advance as homework – this significantly saves time and contributes to better memorization of new material. This method maximizes the development of critical and divergent types of thinking, develops self-discipline, self-organization and mutual learning, forms creative competence, and also promotes not only meaningful memorization of educational information and the use of computational skills in real life scenarios, but also the development of self-reflection and self-education skills.

Keywords: FC-pedagogy, inverted classroom technology, mathematics, mathematical competence, divergent thinking, convergent thinking, creativity, students.

Кишкинова Ольга Алексеевна,

старший преподаватель, «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
olga.19672015@yandex.ru

Ткачева Любовь Владимировна

старший преподаватель, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru

Аннотация: Быстрый темп жизни современных людей детерминирует необходимость переходить к более релевантным способам обучения, которые минимизируют затраты временных ресурсов и, в то же время, содействуют формированию личности с многополярным типом мышления и широким спектром компетенций. Одной из фундаментальных и достаточно востребованных компетенций (в том числе среди студентов гуманитарных специальностей) является математическая, включающая в себя понятийные, логические, операционно-алгоритмические и прикладные навыки. Технология «перевернутого класса» опирается на использование цифровых компьютерных устройств и сети Интернет для подготовки учебного материала. При этом при преподавании точных дисциплин в высших учебных заведениях обучение в «интерактивном классе» предполагает, что обучающиеся готовят новую тему заранее в качестве домашнего задания – это существенно экономит время и способствует лучшему запоминанию нового материала. Данный метод эффективизирует развитие критического и дивергентного типов мышления, развивает самодисциплину, самоорганизацию и взаимобучаемость, формирует креативную компетентность, а также содействует не только осмысленному запоминанию учебной информации и использованию вычислительных умений в реальных жизненных сценариях, но и развитию навыков саморефлексии и самообразования.

Ключевые слова: FC-педагогика, технология перевернутого класса, математика, математическая компетенция, дивергентное мышление, конвергентное мышление, креативность, студенты.

По мнению экспертов в области образования, основу обучения XXI века должны составлять креативность, критическое мышление, адаптивность [1, р. 3], а также конвергентное и дивергентное мышления [2, с. 82]. Кроме того, обучающиеся должны формировать ключевые компетенции, включая математические, цифровые и личностные, т.е. LTL-компетенции (*Learning-to-learn*) – «научение научению». Одним из образовательных подходов, который способствует развитию вышеобозначенных компетенций, является обучение с

использованием технологии «перевернутого класса».

Данный подход был создан Дж. Бергманом (*Jonathan Bergman*) и А. Сэмсом (*Aaron Sams*) в 2006 г. с целью уменьшения проблем с успеваемостью профессиональных спортсменов, часто пропускающих теоретические занятия из-за неотложных тренировок. Решением данной проблематики стала система, согласно которой обучающиеся готовили лекции дома с помощью инструментов электронного обучения, а в вузе

выполняли домашнее задание под контролем преподавателя [5, с. 176; 1, с. 189].

Данную технологию ученые и исследователи дефинируют по-разному: *'inverted classroom'* – «инвертированный класс» [7], *'classroom flip'* – «переворот в классе» [6] или *'flipped classroom model'* – «модель перевернутого класса» [10; 5], а также *'FC-pedagogy'* («FC-педагогика») [8, р. 1291].

Также существует другая система обучения по данной технологии, согласно которой преподаватель в конце предыдущего занятия объявляет проблему, которую предстоит осветить студенту на следующем уроке, т.е. обучающиеся должны вне аудитории по озвученной теме подготовить ответы (варианты представления которых варьируются в зависимости от целей и задач следующего семинара), и при следующей встрече выступить с докладом перед группой.

«Перевернутый класс» заменяет классические лекции в традиционном классе концепцией активного обучения посредством практики и групповой работы. Исходя из специфики данной модели, студенты усваивают начальные концепции курса (предварительные знания) за пределами высшей школы, а аудиторские занятия в большей степени ориентированы на проблемное обучение методом индивидуального или группового обсуждений [10, р. 48].

Исходя из вышесказанного и согласно научным трудам Дж. Бергманн, А. Сэмс (*J. Bergmann & A. Sams* 2012), М. Чевикбас и Г. Кайзер (*M. Cevikbas & G. Kaiser* 2020), «перевернутый класс» определяется как «вузовская работа дома и домашнее задание в вузе» [7; 8, р. 1292].

«'Перевернутый класс', относится к смешанному обучению, реализуемому в условиях сочетания очной формы обучения с элементами электронного обучения» [1, с. 189]. Смешанный тип обучения (с использованием цифровых устройств дистанционно и очно в аудитории) в модели «Перевернутого класса», формирующий и групповое, и индивидуальное учебные пространства на занятиях, способствует созданию динамичной и интерактивной среды [10, р. 48], в которой преподаватели направляют и корректируют ответы студентов в зависимости от того, как последние используют инструменты креативной компетентности и творчески подходят к изучению математики.

Результирующее групповое пространство инвертированной учебной среды преобразуется в динамичную интерактивную образовательную платформу, на которой преподаватель помогает обучающимся ориентироваться в материале по мере того, как они применяют креативные концепции решения заданий и творчески вовлекаются в изучение математики [8, р. 1292].

Технология FC-педагогика предполагает использование в учебном процессе цифровых компьютерных устройств и сети Интернет для подготовки учебного материала обучающимися и преподавателем. В некоторых случаях педагоги могут создавать свои собственные видеоролики или материалы для лекций (семинаров) и загружать их в сеть, или же они могут использовать онлайн-ресурсы, которые доступны их студентам.

Каждый учебный ресурс помогает обучающимся лучше понять тему и расширить свои знания перед началом занятий в аудитории [10, р. 48]. Цифровые технологии, в свою очередь, обладают потенциалом изменять содержание дисциплины «Математика», а также способствовать развитию математической компетенции [8, р. 1291-1292].

Более того, такая модель обучения способствует развитию дивергентного и критического типов мышлений обучающихся (следует напомнить, что идея о дифференцировании составляющих мышления принадлежит Д.П. Гилфорду) [2, с. 82]. Целесообразность формирования дивергентного и критического типов мышлений у обучающихся, которые способствуют становлению креативной компетентности будущих специалистов, описана в работе Г.Н. Доленко и И.Г. Абдуловой (2018) [3, с. 118], а также Н.Г. Гашарова и Х.М. Махмудова (2011) [2, с. 83]. Яркими примерами синтеза таких типов мышлений являются: открытие Америки Колумбом, который, несмотря на то, что в мире был общепризнан «факт», будто Земля плоская, решился «снарядить экспедицию для нахождения западного пути в Индию» [3, с. 119], а также деятельность П.А. Столыпина и В.И. Ленина – именно многополярность их мыслительной деятельности стала причиной принятия таких нестандартных решений.

Концепция инвертированного обучения в «перевернутом классе» заключается в обеспечении овладения учебной информацией в дуальном ключе: дома, а затем в аудитории. При этом студенты в большей степени самостоятельно регулируют темп и траекторию своего образования:

Во-первых, это сокращает время, затрачиваемое студентами на конспектирование лекций в вузе, и позволяет им сосредоточиться на решении математических заданий в аудитории под руководством преподавателя.

Во-вторых, обучающиеся получают возможность просматривать онлайн-материалы по своему усмотрению такое количество раз, сколько это им необходимо, поскольку данный контент находится в открытом для них доступе и очень удобен в использовании.

В-третьих, у студентов формируются дивергентное и конвергентное типы мышлений, благодаря гармоничному синтезу которых развиваются математические компетенции.

Опыт использования FC-педагогика положительно

сказывается как на эффективности обучения в плане понимания базовой концепции материала и привлекательности учебного процесса, а также успеваемости студентов, так и на взаимном обучении слушателей курса (A.S.E. Hidayat, W.F. Albar, W. Martalyana 2021) [10, p. 47] – студенты взаимодействуют при подготовке задания, особенно в групповых проектах, и работают вместе при освещении подготовленного материала в аудитории.

Между тем при обучении математике в нетехнических вузах возникает ряд проблем. Главной из них является то, что современные студенты не склонны к самообучению и обладают низкой мотивацией к познавательной деятельности и повышению математической компетенции, что обусловлено «недостаточно высоким уровнем развития такого мышления, как критическое и дивергентное» [3, с. 120].

С другой стороны, в настоящее время обучающиеся предпочитают быстрый доступ к информации, в особен-

ности используя различные каналы цифровых технологий, – они хотят генерировать свои собственные знания, получая от этого удовольствие. Методы преподавания и среда обучения должны быть адаптированы к таким коллизиям [8, p. 1293].

Также «модель перевернутого класса» может не подходить определенным преподавателям или обучающимся: чаще всего из-за неспособности участников учебного процесса взаимодействовать с такими факторами, как средства массовой коммуникации, рефлексия и совместное обучение. Таким образом, крайне важно определить проблемы как с точки зрения педагога, так и с позиции слушателей курса при фактическом внедрении «интерактивного перевернутого класса» в работу высшей школы [10, p. 48].

Принцип использования технологии «перевернутого класса» в преподавании математических дисциплин вуза представлен на рисунке 1:

Рис. 1. Принцип технологии «перевернутого класса» в преподавании математических дисциплин высшей школы (рисунок автора)

Итак, большая доля математических заданий, которые входят в план обучения основной части нематематических вузов, активизируют навыки логического, линейного решения проблем, так как подразумевают под собой поиск единственного ответа, соответственно, формируют конвергентное мышление [3, с. 120].

Проблемные и творческие задания по математике способствуют развитию дивергентного мышления. Синтез дивергентных и конвергентных задач, решаемых по принципу «перевернутого класса» (см. рисунок 1), делают учебный процесс более эффективным, повышают мотивацию студентов за счет нестандартного подхода, а также активизируют креативный потенциал мышления обучающихся.

Модель «перевернутого класса» способствует созданию нестандартных продуктов мыслительного анализа, а также преобразовывает интеллектуальную деятельность путем генерирования новых оценок, идей, целей, смыслов, концепций и мотиваций у слушателей курса, так как в работе по данной технологии практически отсутствует «применение готовых знаний и умений, именуемых репродуктивным мышлением» [3, с. 120], в то же время, динамично развивается дивергентное мышление.

Практикующие преподаватели «Общества перевернутых классов» (*Flipped Learning Network – FLN*) при построении инвертированного обучения рекомендуют опираться на четыре базовых принципа [9; 8; 11]:

1. **Гибкая среда обучения:** преподавателям следует перестроить учебно-методическую среду таким образом, чтобы она могла адаптироваться под каждую лекцию/семинар или блок, при этом обучающий должен поощрять самостоятельную или групповую учебную деятельность слушателей курса. Такие условия позволяют студентам выбирать желаемое время и место обучения.
2. **Культура обучения:** в FC-педагогике время на занятиях должно быть посвящено изучению наи-

более важных вопросов – более глубокому изучению предметов и концепций, специфичных для содержания математики, а также созданию возможностей для обучения. Преподаватели FLN дают «удочку», которая помогает их обучающимся изучать конкретные темы путем включения личностно-ориентированных подходов в зоне их ближайшего развития (по Л.С. Выготскому, 1978).

3. Целенаправленное наполнение содержания контента: преподаватели должны постоянно думать о том, какую пользу они могли бы извлечь из FC-подхода, который бы помог студентам лучше понимать материал – обучающему необходимо определиться с содержанием, которое будет им преподаваться, и материалами, которые необходимо освоить его студентам.

4. Профессиональный педагог: хотя роль профессионального педагога в «перевернутом классе» менее очевидна, обучающий в этой среде играет гораздо более важную роль и часто сталкивается с большими трудностями, чем в традиционных «классах». Преподаватель должен постоянно наблюдать за студентами, оказывать им поддержку, давать исчерпывающую обратную связь и оценивать работу обучающихся.

Опираясь на четыре вышеуказанных принципа, FCS-преподаватели эффективизируют учебный процесс, поощряя студентов заниматься математикой с поведенческой, эмоциональной и когнитивной точек зрения [8, p. 1292].

Выводы

Инновационные методы позволяют изменить парадигму преподавания математики в высших школах, в том числе, для студентов гуманитарного профиля. Технология «Перевернутого класса» в настоящее время является эффективным педагогическим подходом, обладающим высоким потенциалом для преподавания обозначенной дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бормотова А.Г., Мамалыга Р.Ф. Из опыта проектирования урока математики с использованием модели «Перевернутый класс» // Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» 2018. С. 188-195. URL: <https://journals.uspu.ru/attachments/category/790/28.pdf>.
2. Гашаров Н.Г., Махмудов Х.М. Использование дивергентных задач в начальном курсе математики // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2011. №1. С. 82-86.
3. Доленко Г.Н., Абдулова И.Г. Возможности развития дивергентного мышления. Преимущества дивергентного мышления // Проблемы Науки. 2018. №11 (131). С. 118-121.
4. Трухманов В.Б., Трухманова Е.Н. Математические задачи дивергентного типа как средство развития творческого мышления школьников // Нижегородское образование. 2016. №1. С. 76-83.
5. Цепов А.Л. «Перевернутый» класс // Смоленский медицинский альманах. 2019. №3. С. 175-184.
6. Baker, J. W. (2000, April). The “classroom flip”: Using web course management tools to become a guide by the side. Paper Presented at the 11th International Conference on College Teaching and Learning. Jacksonville, FL.
7. Bergmann, J., & Sams, A. (2012). Flip your classroom: Reach every student in every class every day. Washington DC: ISTE Press.

8. Cevikbas M., Kaiser G. (2020) Flipped classroom as a reform-oriented approach to teaching mathematics. Springer Link. Volume 52, pages 1291-1305.
 9. Flipped Learning Network (2014). Definition of flipped learning. <https://flippedlearning.org/definition-of-flipped-learning/>. Accessed 2 Sep 2020.
 10. Hidayat A.S.E., Albar W.F., Martalya W. (2021) Dealing with Challenges in Teaching & Learning Mathematics in Flipped Classroom Model in Pandemic Era. Conference: 1st International Conference on Mathematics and Mathematics Education (ICMMEd 2020). <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210508.041>.
 11. Weinhand R., Lavicza Z., Houghton T. (2020) Mathematics and STEM teacher development for flipped education. Journal of Research in Innovative Teaching & Learning. Vol. 13, №1. Pp. 3-25. <https://doi.org/10.1108/JRIT-01-2020-0006>.
-

© Кишкинова Ольга Алексеевна (olga.19672015@yandex.ru), Ткачева Любовь Владимировна,
Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА МУЗЫКАЛЬНОЙ ПСИХОРЕГУЛЯЦИИ ДЫХАНИЯ В ШКОЛЕ ЗДОРОВЬЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ С МУКОВИСЦИДОЗОМ

Лазарев Михаил Львович

Кандидат психологических наук, Московский педагогический государственный университет
mlazarev@mail.ru

APPLICATION OF THE METHOD OF MUSICAL PSYCHOREGULATION OF BREATHING IN THE SCHOOL OF HEALTH FOR CHILDREN WITH CYSTIC FIBROSIS

M. Lazarev

Summary: About 2,000 patients with cystic fibrosis (MV) are registered in Russia. At the same time, the proportion of patients over the age of 15 is 28%, whereas in the early 1990s it was no more than 10%. This suggests that modern medicine is more and more successfully beginning to cope with this formidable disease, prolonging patients' lives. Among the lesions in various functional areas, pulmonary pathology comes out on top with age, which in 90% of cases becomes the cause of death. Their life expectancy largely depends on the effectiveness of rehabilitation programs for children. A special place in comprehensive rehabilitation programs for children, taking into account lung function damage, is occupied by methods of respiratory gymnastics.

The aim of the study was to study the possibilities of the IVD method (method of musical psychoregulation of breathing) in comprehensive treatment and rehabilitation programs for children with MV. Initially, the IVD method was developed within the framework of Sonatal pedagogy to harmonize the mental and physical development of children before and after birth, in particular children with bronchial asthma (Lazarev M.L., 1983).

The study was conducted in 2013 on the basis of the Department of Pulmonology and Allergology of the Research Institute of Pediatrics of the National Academy of Medical Sciences of the Russian Academy of Medical Sciences together with Professor Simonova O.I. and psychologist of the Department of Pre- and Perinatal Health of Children Lagova V.O. The study involved 26 children (14 girls and 12 boys) aged 3 to 17 years with intestinal, pulmonary and mixed forms of cystic fibrosis, with different phases and different activity of this disease. Classes were held within the framework of the School of health. Rehabilitation algorithms have been developed for the hospital for 1-6 classes held three times a week. Each lesson lasted 30-40 minutes and included rapid testing (the Zdravik test), respiratory gymnastics complexes with elements of music therapy and the use of simulators, as well as singing and drawing.

In the course of the study, it was found that after conducting a rehabilitation course with them using the IVD method, emotional tone increases, adaptation to the conditions of a medical institution accelerates, respiratory functions improve, and healthy behavior skills are formed. An increase in the effectiveness of drug therapy was noted. Taking into account the severity of this disease, the totality of the noted positive changes can be called an improvement in the quality of life of patients.

Keywords: cystic fibrosis, children, musical psychoregulation of breathing, rehabilitation.

Аннотация: В России на учете состоит около 2000 пациентов, больных муковисцидозом (МВ). При этом доля пациентов старше 15 лет – 28%, тогда как в начале 1990-х годов она была не более 10%. Это говорит о том, что современная медицина все более и более успешно начинает справляться с этим грозным заболеванием, продлевая пациентам их жизнь. Среди поражений в разных функциональных сферах с возрастом на первое место выходит легочная патология, которая в 90% случаев становится причиной смерти. От эффективности программ реабилитации детей во многом зависит продолжительность их жизни. Особое место в комплексных программах реабилитации детей, с учетом поражения функции легких, занимают методы дыхательной гимнастики.

Целью исследования было изучение возможностей метода МПД (метода музыкальной психорегуляции дыхания) в комплексных программах лечения и реабилитации детей с МВ. Изначально метод МПД был разработан в рамках Сонатал-педагогика для гармонизации психического и физического развития детей до и после рождения, в частности детей с бронхиальной астмой (Лазарев М.Л., 1983).

Исследование проводилось в 2013 году на базе отделения пульмонологии и аллергологии НИИ педиатрии НЦЗД РАМН совместно с д.м.н. профессором Симоновой О.И. и психологом отделения пре- и перинатального здоровья детей Лаговой В.О. В исследовании участвовало 26 детей (14 девочек и 12 мальчиков) в возрасте от 3 до 17 лет с кишечной, легочной и смешанной формами муковисцидоза, с различными фазами и разной активностью данного заболевания. Занятия проводились в рамках школы здоровья. Были разработаны алгоритмы реабилитации для стационара по 1-6 занятий, проводимых три раза в неделю. Каждое занятие длилось 30-40 минут и включало экспресс-тестирование (тест «Здравик»), комплексы дыхательной гимнастики с элементами музыкотерапии и использованием тренажеров, а также пение, рисунок.

В ходе проведения исследования установлено, что у детей с МВ после проведения с ними реабилитационного курса с применением метода МПД повышается эмоциональный тонус, ускоряется адаптация к условиям медицинского учреждения, улучшаются функции внешнего дыхания, формируются навыки здорового поведения. Отмечено повышение эффективности проводимой медикаментозной терапии. С учетом тяжести данного заболевания, совокупность отмеченных позитивных изменений можно назвать повышением качества жизни пациентов.

Ключевые слова: муковисцидоз, дети, музыкальная психорегуляция дыхания, реабилитация.

Введение

Термины и сокращения

МВ – Муковисцидоз

Метод МПД – метод музыкальной психорегуляции дыхания

Муковисцидоз (МВ) впервые был описан в 1938 г. патологоанатомом Дороти Андерсен, которая, описывая кистозную дегенерацию поджелудочной железы в сочетании с легочной патологией у маленьких детей, предложила термин «кистозный фиброз» (англ. *cystic fibrosis*). Другое наименование – «муковисцидоз» – ввел С. Фарбер в 1944 г. (лат. *mucus* – «слизь», *viscus* – «вязкий»), указывая на роль повышения вязкости секрета экзокринных желез [1, с. 701].

Частота МВ значительно варьирует в зависимости от этнической принадлежности и (или) географической зоны; в России она составляет 1 случай на 4900 новорожденных. Это заболевание традиционно рассматривается как детская патология, однако в последние десятилетия доля взрослых выросла на 40% и составила 26,4% [5, с. 50]. И около 2000 больных, состоящих на учете в России, доля пациентов старше 15 лет – 28%, тогда как в начале 1990-х годов она была не более 10%. У большинства больных МВ диагностировали в детстве, однако у 15% данный диагноз поставлен во взрослом возрасте. Эти и другие статистические данные свидетельствуют о трансформации МВ из безусловно фатального заболевания в хроническую патологию [3]. Хотя МВ считают мультисистемным заболеванием, чаще всего с возрастом в картине болезни начинает доминировать легочная патология, которая является причиной смерти в 90% случаев [13, с. 14]. Легочная форма МВ клинически протекает как тяжелая хроническая пневмония, непрерывно рецидивирующая, с выраженным синдромом обструкции дыхательных путей [9, с. 24].

Установлено, что от эффективности программ реабилитации детей во многом зависит продолжительность их жизни. Всем пациентам с МВ во всем мире рекомендуется вести активный образ жизни, заниматься физическими упражнениями, в том числе – с элементами спорта [9, с. 23]. При этом эффективность муколитической и бронхолитической терапии во многом зависит от качества кинезотерапии (комплекса мер, направленных на мобилизацию и эвакуацию мокроты из бронхиального дерева). Традиционно применяемые методики: перкуссионный массаж, постуральный дренаж, аутогенный дренаж. Особое место в комплексных программах реабилитации детей, с учетом поражения функции легких, занимают методы дыхательной гимнастики.

Материалы и методы

Исследование проводилось в 2013 году на базе отделения пульмонологии и аллергологии НИИ педиатрии НЦЗД РАМН совместно с д.м.н. проф. Симоновой О.И. и психологом отделения пре- и перинатального здоровья детей Лаговой В.О.

Целью исследования было изучение возможностей метода МПД [7] (метода музыкальной психорегуляции дыхания) в комплексных программах лечения и реабилитации детей с МВ.

Изначально метод МПД был разработан в рамках Сонатал-педагогика (Сонатал-педагогика – музыкальная система гармонизирующего образования на всех этапах детского онтогенеза, начиная с пренатального возраста. В основе Сонатал-педагогика лежит метод «Сонатал» (от «sonus» – звук, и «natal» – рождение; музыка рождения; автор – М.Л. Лазарев, 1983), который реализуется сначала через пение беременной женщины в рамках диады «мать-плод», потом через вокально-речевую деятельность ребенка в семье, детском саду и школе, включая летний отдых.) [8, с. 12] Для гармонизации психического и физического развития детей до и после рождения, в частности детей с бронхиальной астмой (Лазарев М.Л., 1983). Метод МПД, как основа модели формирования здорового поведения ребенка с дыхательной патологией включает: школу движения, школу психоэмоционального тренинга, школу дыхания, школу закаливания (занятия на улице), школу вокально-речевого тренинга. В результате применения метода МПД происходит изменение жизнедеятельности ребенка, приводящее к формированию в его организме нового межфункционального системного образования – когносомной матрицы здорового поведения, которая для доступности в понимании самим ребенком названа «Цветком здоровья». При этом нами было выделено семь основных произвольных когносомных функций (Под когносомной функцией человека мы понимаем такой слитный психосоматический процесс, в котором произвольная познавательная деятельность сопровождается произвольными же изменениями в соматической сфере. При этом доля участия когнитивного и соматического компонента в разных когносомных функциях может быть разной.) или сфер жизнедеятельности организма: двигательная, эмоциональная, познавательная, сомато-биоритмическая, дыхательная, защитно-адаптационная, вокально-речевая.

В исследовании участвовало 26 детей (14 девочек и 12 мальчиков) в возрасте от 3 до 17 лет с кишечной, легочной и смешанной формами муковисцидоза, с различными фазами и разной активностью данного заболевания. Занятия проводились в рамках школы здоровья с использованием метода МПД. Были разработаны ал-

горитмы реабилитации для стационара по 1-6 занятий, проводимых три раза в неделю. Каждое занятие длились 30-40 минут и включало комплексы дыхательной гимнастики с элементами музыкотерапии и использованием тренажеров, а также пение, рисунок. Модификация метода МПД в данном исследовании заключалась в том, что был значительно увеличен комплекс дыхательной гимнастики, и полностью исключен комплекс дыхательной музыкотерапии в виде игры на детских духовых инструментах. Пение было оставлено лишь как разминка в начале занятия. С целью профилактики перекрестной инфекции занятия проводились в медицинских масках.

Для получения информации о проводимой реабилитации был подготовлен комплексный экспресс-тест, проводимый в начале и в конце каждого занятия, и включающий ряд когнитивный и соматических показателей. Данный тест был основан на разработанном нами ранее тесте «ЗДРАВИК» (Тест «ЗДРАВИК», направленный на повышение мотивации ребенка к самооздоровлению и обеспечение экспресс-мониторинга его развития. Название теста является аббревиатурой семи слов, составляющих содержание работы групп, школ и центров, строящих оздоровительно-развивающие занятия с детьми с использованием показателей теста «ЗДРАВИК»: З – здоровье; Д – диагностика; Р – развитие; А – адаптация; В – восстановление; И – инклюзия; К – консультирование.) для детей дошкольного и школьного возрастов [11, с. 117; 9]

и включал такие показатели, как самооценка (по шкале Демо-Рубенштейн) [12, с. 41]; цветотест (выбор одного из 10 предложенных цветов: семь цветов радуги, белый, серый и черный - модификация теста Люшера [14, с. 50]; интонационный слух (количество чисто спетых нот), вербальная память (количество строк впервые услышанного стихотворения), пульс покоя (ПП), число дыханий (ЧД), звукометрический тест (длительность озвученного выдоха – проба Лазарева [6, с. 99]; проба Генчи (задержка дыхания на выдохе), пикфлоуметрия (пикфлоуметр - механический аппарат для оценки объемной скорости дыхания) [4, с. 144; 2, с. 17], теппинг – тест (способ оценки скоростной кистевой выносливости) [10, с. 94]; динамометрия (сила правой/левой кисти), приседания за 30 сек, длина и масса тела.

Все тесты были сведены в единую таблицу (Таблица 1)

По ряду параметров экспресс-теста «ЗДРАВИК-МВ» были составлены специальные шкалы балльных оценок.

Например:

1. «Шкала балльных оценок уровня устойчивости положительного эмоционального состояния по показаниям цветотеста»: 5 баллов - 90-100% «цветных» дней; 4 балла - 80-90% «цветных» дней; 3 балла - 70-80% «цветных» дней; 2 балла - 50-70% «цветных» дней; 1 балл - меньше 50% «цветных» дней.

Таблица 1.

Экспресс-тест «ЗДРАВИК – МВ» по оценке состояния пациента на занятиях в Школе здоровья.

		ФИО _____		Возраст _____		Диагноз _____	
№	Показатели	Даты					
		До	После	До	После	До	После
1	Самооценка здоровья/Самочувствие						
2	Цветотест						
3	Рисунок						
4	Проба Лазарева						
5	Проба Генчи						
6	Вербальная память						
7	Пульс покоя						
8	ЧД						
9	Интонационный слух						
10	Пикфлоуметрия						
11	Теппинг-тест						
12	Динамометрия правой/левой кисти						
13	Приседания (30 сек)						
14	Количество «здоровых» дней						
15	Длина тела						
16	Масса тела						

ЭКСПРЕСС-ТЕСТ «ЗДРАВИК» НА ЗАНЯТИЯХ В ШКОЛЕ ЗДОРОВЬЯ

ФИО Ульянова Ксения Возраст 4 лет Основной диагноз муковисцидоз

№	Показатели	Даты											
		4.12		6.12		10.12.		12.12		17			
		до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
1	Самооценка здоровья	6		6	7	7	8	8	6	8	6		
2	Цветотест	РС 208											
3	Рисунок												
4	Интонационные слух												
5	Вербальная память												
6	Пульс покоя		25	25	14	14	19	15	19	24	24		
7	ЧД		12	12	12	12	11	11	12	11	11		
8	Проба Лазарева		8	6	11	10	10	12	10	22			
9	Проба Генчи		24	20	20		28	43	40	43			
10	Пикфлоуметрия						2						
11	Теппинг тест												
12	Динамометрия пр/лев												
13	Приседания - 30 сек												
14	Кол-во здоровых дней												
15	Рост												
16	Вес												

Пример заполнения детьми теста «ЗДРАВИК» на занятиях в Школе здоровья.

2. Шкала психологического анализа рисунков «мое здоровье/моя болезнь»:

№	Параметры	Баллы
1	Цветность	0-1
2	Содержание образов	0-1
3	Выразительность образов	0-1
4	Количество (разнообразие) образов	0-1
5	Площадь рисунка по отношению к площади бумаги (большая часть/меньшая часть)	0-1
	Всего	

Результаты и обсуждение

При статистической обработке данных математическими методами уровень надежности считали достаточным при $p < 0,05$.

В процессе проведения исследования были получены следующие результаты (Графики 1, 2):

На графиках видно, что самооценка с возрастом у детей с муковисцидозом имеет тенденцию к понижению. Данное обстоятельство объясняется повышением уровня самосознания и формированием у детей «комплекса болезни». У девочек средний уровень самооценки не-

сколько выше, чем у мальчиков. Данный факт, скорее всего, объясняется не результатом влияния данного тяжелого заболевания на психику ребенка, а психологическими особенностями лиц разного пола.

При исследовании звукодыхательной пробы была получена следующая картина (График 3)

На данном графике хорошо видна разница в результатах звукодыхательной пробы, связанных с возрастом (у детей от 3 до 17 лет).

Нам показалось интересным сопоставление противоположной динамики показателей самооценки и звукодыхательной пробы, связанных с возрастом, с точки зрения наличия психологического резерва, который может оказывать влияние на физические факторы.

В целом, анализ результатов данного фрагмента исследования также показал, что за столь короткий промежуток времени (5-7 дней) у больных с данным видом патологии, не удается значительно повысить показатели самооценки и звуковой пробы (Графики 4, 5).

На данном графике отмечается чуть заметная разница в самооценке детей до и после занятий. Инкрединг (прирост) самооценки после занятий составляет всего 1,6%.

График 1

График 2

График 3

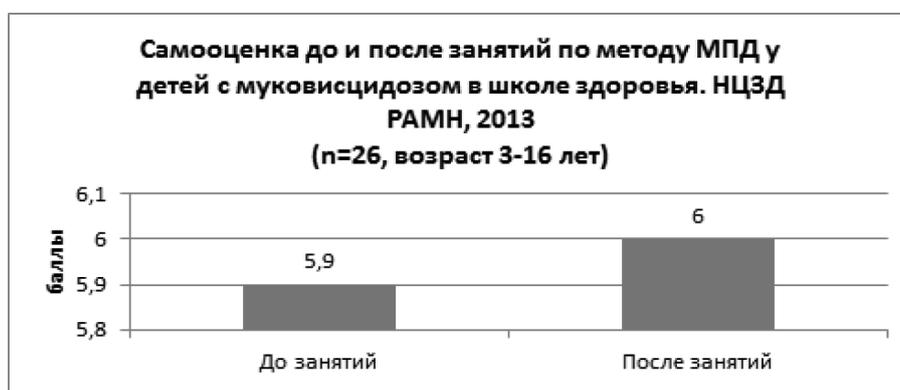

График 4

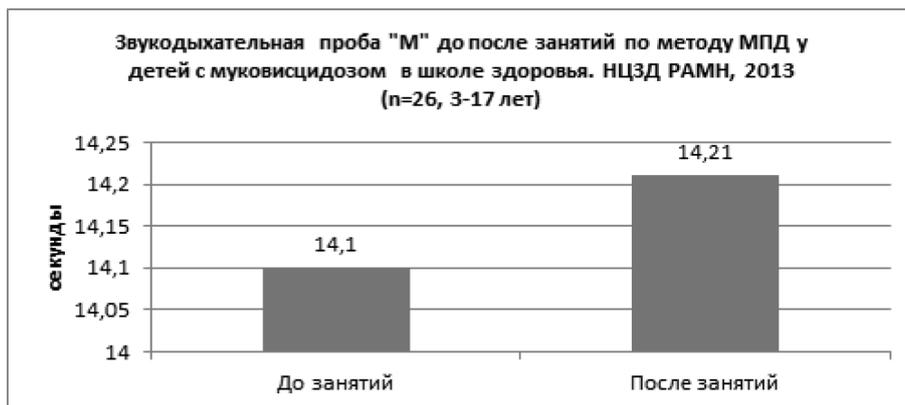

График 5

График 6

График 7

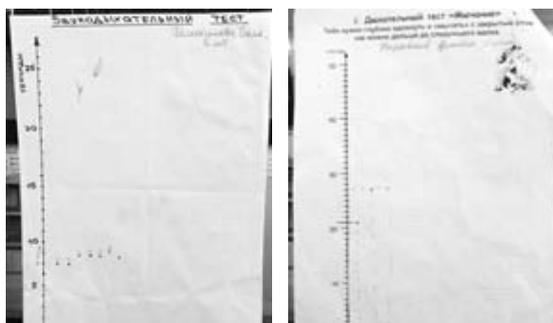
На данном графике, как и на графике самооценки отмечается чуть заметная разница в пробе «М» до и после курса занятий. Инкрининг пробы, также как и у показателя самооценки, после занятий составляет меньше одного процента (0,7%). Гораздо большее влияние метод МПД оказал на показатели пробы Генчи (График 6).

Инкрининг данного параметра (гипоксическая вы-

носливость) составил 24%. Данный результат может быть объяснено тем, что в методе МПД (в рамках данного исследования) была увеличено доля гипоксической дыхательной гимнастики.

В процессе исследования нам удалось получить подтверждение корреляции звукодыхательного теста с состоянием функции внешнего дыхания, измеряемым аппаратным способом (спирография) (График 7)

Несмотря на то, что мы не получили инкринга звукодыхательного теста и самооценки за короткий курс занятий, такая форма занятий все же вызвала у детей большой интерес, и способствовало оптимизации психологического состояния, что выразилось в рисуночном тесте. Так дети с удовольствием самостоятельно проводили звукодыхательное тестирование, заноса данные в специальную карту

А также положительно реагировали на проведение рисуночных тестов и приемов визуализации дыхательной гимнастики.

Визуализация образов здоровья и болезни

Рисунок здоровья

Рисунок болезни

Рисуночные тесты оценивались по разработанной нами Карте (Таблица 2).

Таблица 2.

Карта психологического анализа рисунков «мое здоровье/моя болезнь».

№	Параметры	Баллы
1	Цветность	0-1
2	Содержание образов	0-1
3	Выразительность образов	0-1
4	Количество (разнообразие) образов	0-1
5	Площадь рисунка по отношению к площади бумаги (большая часть/меньшая часть)	0-1
Всего		

Психологический анализ рисунков

Я нарисовала меня, что я в постели сижу. Я кашляю. Я в штанах сижу, в пижаме. Я в носках сижу. Я в кофте сижу. У меня все. У меня плохое здоровье когда я сижу. Мне не нравится дождливая погода.

На основании рисунков здоровья/болезни, а также показателей цветотеста определялась оценки эмоционально-визуальной насыщенности здоровья (ЭВНЗ).

$ЭВНЗ = ЭВНз - ЭВНб + ПЭУ$, где: ЭВНз - эмоционально-визуальная насыщенность образа здоровья (в баллах), ЭВНб - эмоционально-визуальная насыщенность образа болезни (в баллах), ПЭУ – позитивная эмоциональная устойчивость (в баллах).

Комментарии детьми своих рисунков позволяли выявить «словесные якоря», на которых можно было строить программы психологической коррекции: «болезнь, она темная», «это болезнь, сопли, кашель», «большое дерево здоровья», «здоровье веселое», «я – королева, у меня очень красивые волосы, браслет на руке, цвета яркие, красивые, на голове корона» (девочка В., 6 лет, рисунок «Здоровье». выполнен одним красным цветом).

Позитивные изменения в статусе детей были отражены во врачебных заключениях.

Пример:

Пациент: Журавлева В.В., История болезни:	
Дата:	18.01.2013 12:43:23
Данные:	T=36,8 ЧСС 100 ЧД 37 SaO2% 99
Осмотр врача:	Общее состояние по основному заболеванию тяжелое, с положительной динамикой. Ребенок после метода музыкальной психорегуляции дыхания. Отмечает выраженное улучшение самочувствия, облегчение дыхания, SaO2 99%. Положение активное. Кожные покровы бледные, тени под глазами, выражен сосудистый рисунок. Слизистые оболочки чистые, ярко розовые, блестящие. Зев, миндалины: не гиперемированы, не увеличены. Лимфатическая система без системного увеличения. Костная система: нарушение осанки, "барабанные палочки" +3, часовые стекла +3. Мышцы, суставы: Мышечный тонус удовлетворительный, D=S. Суставы не деформированы. Движения в полном объеме, безболезненные. Органы дыхания: Носовое дыхание затруднено за счет отека слизистой и вязкого отделяемого желтого цвета. Кашель на момент осмотра влажный, продуктивный. Мокрота отходит легко желтого цвета. Грудная клетка бочкообразная, при пальпации не ригидна. Аускультативно дыхание

Осмотр врача: Общее состояние по основному заболеванию тяжелое. С положительной динамикой. Ребенок после метода МПД отмечает выраженное улучшение самочувствия, облегчение дыхания....

На основании данных теста «ЗДРАВИК-МВ» до и после проведения курса МПД на каждого ребенка был составлен графический портрет когнитивных и соматических показателей (когносомный портрет личности ребенка)

Примеры:

Диаграмма 1

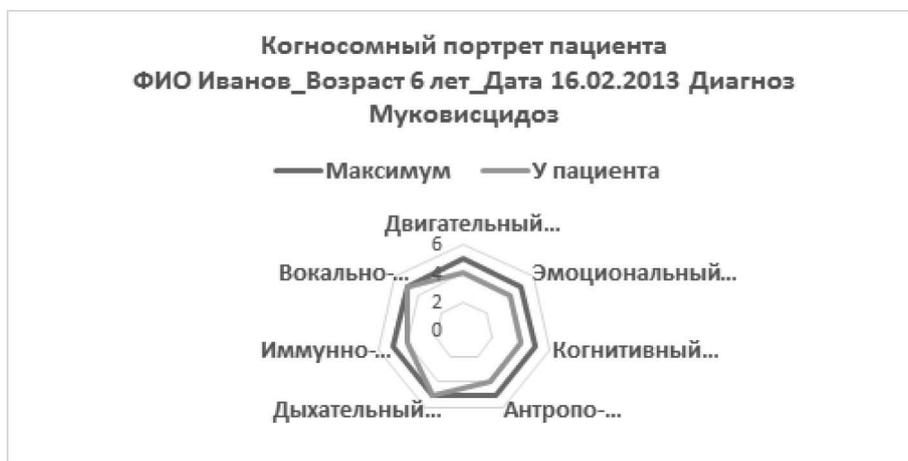

Диаграмма 2

(Диаграмма 1, 2).

Заключение

В ходе проведения исследования установлено, что у детей с МВ после проведения с ними реабилитационного курса с применением метода МПД улучшается самочувствие, повышается эмоциональный тонус, ускоряется адаптация к условиям медицинского учреждения, улучшается функции внешнего дыхания, формируются навыки здорового поведения. Отмечено повышение эффективности от проводимой медикаментозной терапии.

Также, в ходе исследования дети самостоятельно выполняли программу тестирования, участвовали в заполнении тестовых карт. В результате проведения тестирования в рамках метода МПД были получены когнитивно-соматические портреты личности детей на момент нахождения в стационаре, что повышало уровень их мотивации к оздоровительной деятельности, объективизировало образ «здоровья/болезни». С учетом тяжести данного заболевания, совокупность отмеченных позитивных изменений можно назвать повышением качества жизни пациентов.

На основании результатов были сделаны выводы о том, что: а) для детей с хронической бронхолегочной патологией при заболевании муковисцидозом, курс применения метода МПД должен быть более длительным (не менее 2-х недель); б) выявленная в процессе исследования связанная с возрастом противоположная динамика

показателей самооценки и звуко-дыхательного теста является основанием для разработки специальных психологических приемов повышения самооценки у детей с муковисцидозом; в) оздоровительные занятия по методу МПД могут быть рекомендованы в рамках комплексных курсов реабилитации в условиях детского стационара.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелина Е.Л. и др. Респираторная медицина. Под ред. А.Г. Чучалина. В 2-х т. М., 2013. Т. 2. С. 693–713.
2. Астма – школа. Что такое пикфлоуметрия? Астма и аллергия • 3/2014. С.17-18.
3. Гембицкая Т., Черменский А., Бойцова Е. Муковисцидоз сегодня: достижения и проблемы, пер спективы этиопатогенетической терапии. Врач. 2012; 2: 5.
4. Жаров И.С. Пикфлоуметр с плоской пружиной для измерения показателей форсированного дыхания. Вестник новых медицинских технологий. – 2006 – Т. XIII, № 3 – С. 144
5. Капранов Н.И., Радионович А. М., Каширская Н.Ю., Толстова В.Д. Муковисцидоз: современные аспекты диагностики и лечения. Клиницист. 2010.; 4:42–51.
6. Косенко В.В. Артышко С.В. Лазарев М.Л. Оценка кардио-респираторного статуса студентов педагогического ВУЗа с использованием пробы Лазарева. Физическая культура и спорт: Современные тенденции, актуальные проблемы и перспективы развития / Материалы Межвузовской научно-практической конференции, посвященной 30-летию создания (факультета) института физической культуры, спорта и здоровья МПГУ. Москва, 2022. С. 96-100
7. Лазарев М.Л. Воздействие психологических факторов на физическое здоровье детей. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. — М., 1997.
8. Лазарев М.Л. СОНАТАЛ-педагогика как одно из направлений социальной и профилактической педиатрии в России. Здравоохранение Российской Федерации. – 2013, №4. – С. 10-14. (соавторы: Ахмерова Ф.Г., Гурова О.А.).
9. Липов Д.С., Скворцов В.В. и др. Муковисцидоз. Медицинская сестра. 2017, № 4. С. 23-24.
10. Нопин С.В., Корягина Ю.В. и др. Теппинг-тест как показатель эффективности, силы и выносливости нервной системы у спортсменов различных видов спорта. Современные вопросы биомедицины. 2022, Т. 6 (2). С. – 90-95
11. Ройблат О.В., Фаизова Н.В., Новоселова Е.М., Лазарев М.Л. Тест «Здравик» как метод экспресс-мониторинга развития детей дошкольного возраста. Материалы международного симпозиума «Образование в Европе для гармоничного развития учащихся», Москва, 2011, – С.117-119.
12. Сидоров К.Р. Методика Дембо-Рубинштейн и ее модификация. Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 1. С. – 40-42.
13. Скворцов В.В. Внутренние болезни. М.: Эксмо;2010: 1072 с. в лечении хронического панкреатита в детском возрасте //Медицинский совет. 2014; 14: 72–6.
14. Сугоняев К.В. Можно ли оценить личностные характеристики с помощью теста Люшера? Психология. Психофизиология. 41 2019. Т. 12, № 2. С. 41–59
15. Экспресс-тестирование развития ребенка дошкольного и младшего школьного возраста (тест «ЗДРАВИК»). ФС № 2011/395 от 13.12.2011.

© Лазарев Михаил Львович (mlazarev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА МУЗЫКАЛЬНОЙ ПСИХОРЕГУЛЯЦИИ ДЫХАНИЯ У ДЕТЕЙ С БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМОЙ В УСЛОВИЯХ ЛЕТНЕГО ЛАГЕРЯ (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ С ПОИСКОМ ПЕРСПЕКТИВНЫХ РЕШЕНИЙ)

Лазарев Михаил Львович

Кандидат психологических наук, Московский педагогический государственный университет
mlazarev@mail.ru

APPLICATION OF THE METHOD OF MUSICAL PSYCHOREGULATION OF BREATHING IN CHILDREN WITH BRONCHIAL ASTHMA IN A SUMMER CAMP (RETROSPECTIVE ANALYSIS WITH THE SEARCH FOR PROMISING SOLUTIONS)

M. Lazarev

Summary: The article describes the method of musical psychoregulation of breathing (MPD method) in the conditions of a seaside resort. The method includes such basic wellness technologies as breathing exercises in motion with elements of thalassotherapy, vocal and speech training and playing children's musical instruments, auto-training, and elements of self-massage. The method is aimed at strengthening the immunity of the child's body against the background of increasing his emotional tone. In order to study the effectiveness of wellness work, a comprehensive rapid assessment of the health status of children and adolescents was carried out, including an analysis of a number of functional indicators of the body. The testing of the IVD method in the conditions of a seaside resort was carried out within the framework of the first Russian-American asthma camp for children with bronchial asthma (BA) and other bronchopulmonary diseases, held in Artek in the summer of 1989, with a total number of children - 35 people (Russian group - 15 people: 9 girls, 5 boys; American group - 20 people: 10 girls and 10 boys). American doctors from the American Lung Association (California, Washington State) participated in the research. The objective of this fragment of the study was to increase the effectiveness of the IVD method, when combined with environmental factors (thalassotherapy, aeroionotherapy, heliotherapy, terrenceure).

The medical, psychological and pedagogical test (Artek test) created within the framework of the study made it possible to observe the increase in the basic arbitrary functions of the child's body (called increment) and determine the dynamic status of the child's development (called Status dinamicus).

The analysis of the results of the study allowed us to identify several of the most sensitive functional parameters reflecting integral changes in the somatic and cognitive spheres - the sound-breathing test (Lazarev's test) and the cardiorespiratory index (CRI). The use of the MPD-K method had a positive effect on the indicators of the function of external respiration. The approbation of the method in the conditions of a summer recreation camp revealed a number of additional effects. An increase in respiratory hypoxic endurance was noted both in children previously trained by the

Аннотация: В статье описан метод музыкальной психорегуляции дыхания (метод МПД) у в условиях морского курорта. Метод включает в себя такие базовые оздоровительные технологии, как дыхательная гимнастика в движении с элементами талассотерапии, вокально-речевой тренинг и игра на детских музыкальных инструментах, аутотренинг, элементы самомассажа. Метод направлен на укрепление иммунитета организма ребенка на фоне повышения его эмоционального тонуса. С целью изучения эффективности оздоровительной работы, проводилась комплексная экспресс-оценка состояния здоровья детей и подростков, включающая анализ ряда функциональных показателей организма. Апробация метода МПД в условиях морского курорта была осуществлена в рамках первого российско-американского астма-лагеря для детей с бронхиальной астмой (БА) и другими бронхолегочными заболеваниями, проходившего в Артеке летом 1989 год, с общим количеством детей - 35 человек (российская группа - 15 человек: 9 девочек, 5 мальчиков; американская группа - 20 человек: 10 девочек и 10 мальчиков). В проведении исследований принимали участие американские врачи из Американской легочной ассоциации (штат Калифорния, штат Вашингтон). Задачей данного фрагмента исследования было повышение эффективности метода МПД, при сочетании его с экологическими факторами (талассотерапия, аэроионотерапия, гелиотерапия, терренкур).

Созданный в рамках исследования медико-психолого-педагогический тест (Артек-тест), позволил наблюдать за приростом основных произвольных функций организма ребенка (названным инкринингом) и определять динамический статус развития ребенка (названный - Status dinamicus).

Анализ результатов исследования позволил выделить несколько наиболее чувствительных функциональных параметров, отражающих интегральные изменения в соматической и когнитивной сфере - звукодыхательную пробу (пробу Лазарева) и кардиореспираторный индекс (КРИ). Применение метода МПД-К положительно повлияло на показатели функцию внешнего дыхания. Апробация метода в условиях летнего оздоровительного лагеря выявила ряд дополнительных эффектов. Было отмечено повышение дыхательной гипоксической выносливости как у детей, тренированных ранее по методу МПД, так и у группы нетренированных ранее детей. Тогда как другие функциональные дыхательные пробы (звукодыхательный тест, ЖЕЛ) дали противоположные результаты.

Ключевые слова: музыкальная психорегуляция дыхания, климатотерапия, артек-тест, проба Лазарева, кардио-респираторный индекс, инкрининг, статус - динамикус.

IVD method and in a group of previously untrained children. Whereas other functional respiratory tests (sound-breathing test, GEL) gave the opposite results.

Keywords: musical psychoregulation of respiration, climatotherapy, artek test, Lazarev test, cardio-respiratory index, increasing, status dynamics.

Введение

Бронхолегочная заболеваемость детей и подростков многие десятилетия является острой проблемой не только педиатрии, но также педагогики и психологии. Пациенты, имея хроническое заболевание, длительное время испытывают трудности с обучением. Часто у них, в связи с многочисленными ограничениями в физической и психической активности, отмечается ярко выраженный «комплекс болезни». Все это обуславливает необходимость разработки не только медицинской, но и психолого-педагогической тактики ведения таких детей [3, с. 443].

Традиционно реабилитация пациентов с дыхательными заболеваниями обязательно включает комплексы дыхательной гимнастики, в сочетании с массажем, диетой и умеренными двигательными нагрузками [20, с. 138]. Также, одним из распространенных и эффективных видов реабилитации является климатотерапия, в частности – талассотерапия, с активным использованием морских климатических факторов [18, с. 60]. Данный вид восстановительного лечения оказывает комплексное воздействие на весь организм пациентов, вызывая позитивные изменения как в соматической, так и в психоэмоциональной сфере. Необходимо отметить, что современная детская курортология располагает большим арсеналом лечебно-восстановительных методов, включающих использование естественных и преформированных природных факторов. Существуют также методики, сочетающие использование природных факторов с функциональным тренингом организма ребенка.

Материалы и методы

Термины и сокращения

БА – бронхиальная астма;
Метод МПД – метод музыкальной психорегуляции дыхания;
Метод МПДК – метод музыкальной психорегуляции дыхания и климатотерапии;

Пикфлоуметр – механический аппарат для оценки объемной скорости дыхания [5, с. 144; 1, с. 34]. Пнев-

мотонометр – механический аппарат для оценки силы дыхательных мышц [2, с. 35]; Кистевой динамометр – механический аппарат для оценки силы кисти [19, с. 15]; Теппинг – тест – способ оценки скоростной кистевой выносливости [16, с. 91]; Проба Штанге – дыхательная проба, определяющая длительность задержки дыхания на вдохе [4, с. 174]; ЖЕЛ – жизненная емкость легких.

Описание метода

Целью исследования была апробация метода музыкальной психорегуляции дыхания у детей с бронхиальной астмой в условиях летнего лагеря. Задачами данного фрагмента исследования было: повышение эффективности метода МПД, при сочетании его с экологическими факторами (талассотерапия, аэроионотерапия, гелиотерапия, терренкур), разработка программы экспресс-тестирования состояния детей в ходе применения метода, выявление разницы показателей у детей из российской и американской группы, установление корреляционных связей между показателями, выявление наиболее чувствительных функциональных показателей в ходе применения метода.

В исследовании был изучен метод музыкальной психорегуляции дыхания, примененный в условиях морского летнего лагеря. Метод МПД – метод эмоционально-дыхательно-двигательной гимнастики с использованием музыки. Метод был создан в 1983 в рамках работы Школы здоровья для детей с хронической бронхолегочной патологией при Врачебно-физкультурном диспансере № 4 Куйбышевского района г. Москвы [14, с. 220; 9, с. 794].

В основе метода МПД-К лежат идеи функциональной диетологии (от греч. *diaita* – образ жизни), возрождающей древнегреческие традиции врачевания недугов средствами искусства (музыка) и естественными природными факторами. В методе используются все три фактора воздействия музыки на организм ребенка: психологический (ассоциации, эмоции, образный ряд), физиологический (функциональный, с помощью которого можно проводить тренинг различных функций организма) и вибрационный (используется вибрация как физическое явление).

Метод отличается от ранее существующих методов выведением воздуха из легких с воздействием на дыхательный тракт акустических колебаний с сопротивлением выдоху и с ограничением подвижности грудной клетки дыхательным корсетом. Метод осуществляется посредством вокально-речевых упражнений, сопровождаемых адаптивным дыхательным и двигательным тренингом на свежем воздухе; позволяет избирательно воздействовать на различные зоны бронхиального дерева с контролируемой величиной воздействующего фактора, в том числе и с контролируемой частотой и уровнем звуковых колебаний; представляет собой набор процедур, которые проходят на положительном эмоциональном фоне, создаваемом музыкой, и поэтому не ассоциируются у ребенка с медицинскими процедурами, что позволяет избежать у него негативных реакций на медицинское учреждение.

Метод предусматривает алгоритм проведения оздоровительно-развивающих занятий, включающий звуко-дыхательные упражнения с пением и игрой на детских духовых инструментах, с последующей изобразительной деятельностью (рисунки) и двигательной гимнастикой (хореография, занятия на улице). Использование в методе МПД дыхательных тренажеров (детского музыкального инструмента – триолы, симоны, вальдмастера, с трубкой с зажимом; эластичного дыхательного корсета) позволяет регулировать дыхательную нагрузку как по темпоритму и силе, так и по высоте звуковой вибрации для целенаправленного влияния на различные отделы бронхолегочного дерева. По технологии метода получены патенты на изобретение и полезную модель [11; 13].

База исследования. Апробация метода МПД в условиях морского курорта была осуществлена в рамках первого российско-американского астма-лагеря для детей с БА и другими бронхолегочными заболеваниями, проходившего в Артеке летом 1989 год. В проведении исследований принимали участие американские врачи

из Американской легочной ассоциацией (штат Калифорния, штат Вашингтон). Общее количество детей – 35 человек. В российскую группу вошло 15 детей: 9 девочек, 5 мальчиков. В американскую группу вошло 20 детей: 10 девочек и 10 мальчиков.

Критерии включения в российской группе: наличие хронической бронхолегочной патологии, посещение Школы здоровья при ВФД №4 более 2-х лет, отсутствие обострения на период отбора в группу, возраст – от 9 до 16 лет. В российскую группу вошел один здоровый мальчик.

Критерии включения в американской группе: наличие хронической бронхолегочной патологии, отсутствие обострения на период отбора в группу, возраст – от 9 до 16 лет.

Метод МПКД в условиях летнего оздоровительного лагеря состоял из таких компонентов, как: игра на детских духовых инструментах, пение, школа дыхания на море (аэроинотерапия), таллассотерапия (купание в море), морской терренкур, изобразительная деятельность (рисунки), медитативные настроения под музыку, массаж и лечебная физкультура.

Длительность лагерной смены составила 10 календарных дней (09.08.1989- 18.08.1989).

Результаты и обсуждение

При статистической обработке данных математическими методами уровень надежности считали достаточным при $p < 0,05$.

В группу российских детей вошли дети с положительными результатами от применения метода МПД в условиях Школы здоровья (рис. 1).

Для оценки эффективности применения метода МДК был подготовлен специальный тест (Артектест, Таблица 1),

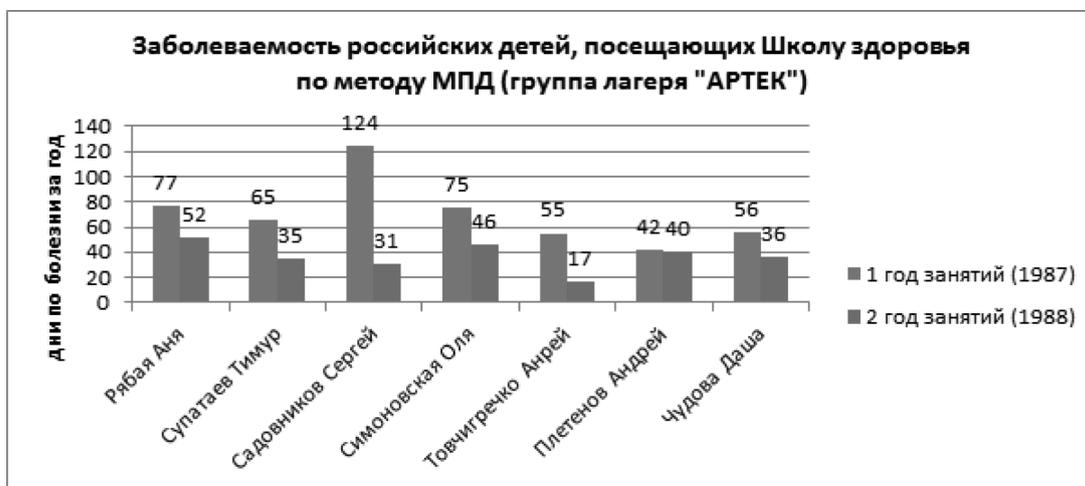

Рис. 1. Заболееваемость российских детей, посещающих Школу здоровья по методу МПД (группа лагеря «АРТЕК»).

включающий способ оценки функции внешнего дыхания – звукодыхательный тест «М» или пробу Лазарева (длительность произнесения звука «М», оцениваемая в секундах) [15, с. 75]. (Таб. 1.)

При апробации метода МПД в условиях летнего лагеря нас интересовала корреляция показателей разработанного нами звукодыхательного теста (проба Лазарева) с уже известными стандартными пробами и тестами (Штанге, ЖЕЛ и т.д.).

Наибольшая корреляция показателей была отмечена у звуковой пробы с ЖЕЛ и с пикфлоуметрией ($r=0,6$). Данное обстоятельство позволило нам считать звукодыхательную пробу Лазарева достаточно достоверным способом самооценки функции внешнего дыхания. Кроме того, была отмечена высокая корреляция звукодыхательной

пробы с двигательным показателем – силой ($r=0,5$). Это дало основание для рассмотрения данного теста (звукодыхательной пробы) в качестве интегрального когнитивно-соматического маркера развития ребенка.

При анализе полученных данных обратила на себя внимание разница в средних показателях звукодыхательного теста и пневмотонометрии у российских и американских детей, которая объяснялась большей натренированностью первых по отношению ко вторым (рис. 2).

При этом по другим показателям (теппинг-тест, АД), которые представляют функции, не связанные напрямую с тренировками по методу МПД, при одинаковом среднем возрасте американских (13,6) и российских (13,1) детей, такой разницы выявлено не было (рис. 3, 4).

Таблица 1.

Артек-тест.

Проба Лазарева	Проба Штанге	ЖЕЛ	Пикфлоуметр	Пневмотонометр	Сила пр/лев кисти	Теппинг тест
1	2	3	4	5	6	7

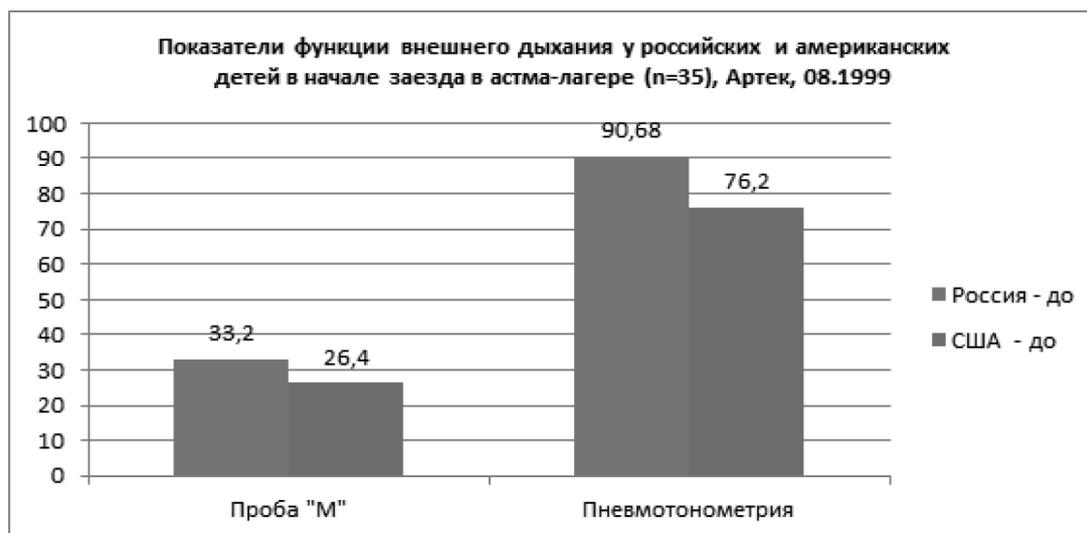

Рис. 2. Показатели функции внешнего дыхания у российских и американских детей в начале заезда в астма-лагере (n=35), Артек, 08.1999.

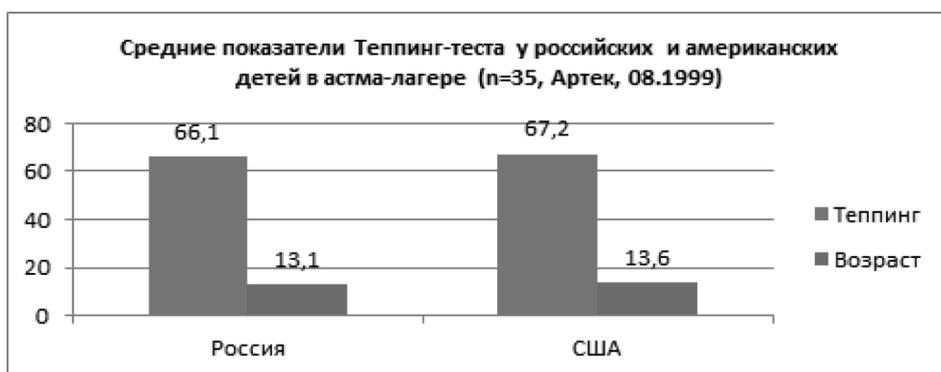

Рис. 3. Средние показатели Теппинг-теста у российских и американских детей в астма-лагере (n=35, Артек, 08.1999)

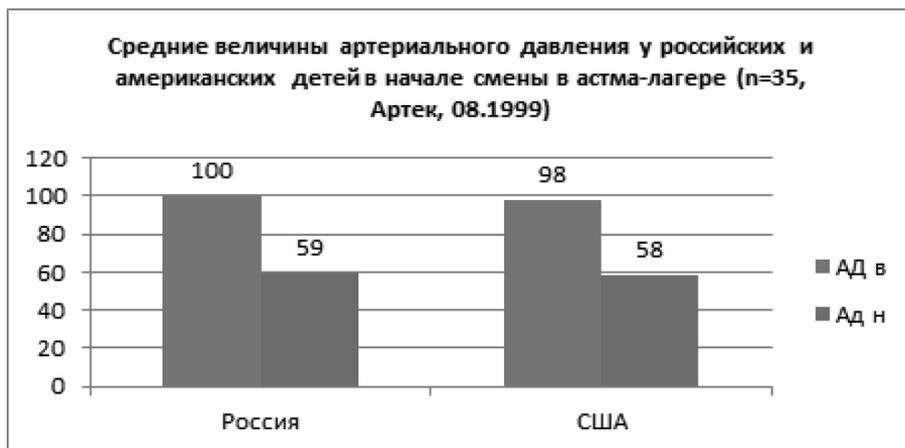

Рис. 4. Средние величины артериального давления у российских и американских детей в начале смены в астма-лагере (n=35, Артек, 08.1999).

Рис. 5. Соотношение КРИ у российских и американских детей в начале смены в астма-лагере (n=35, Артек, 08.1999).

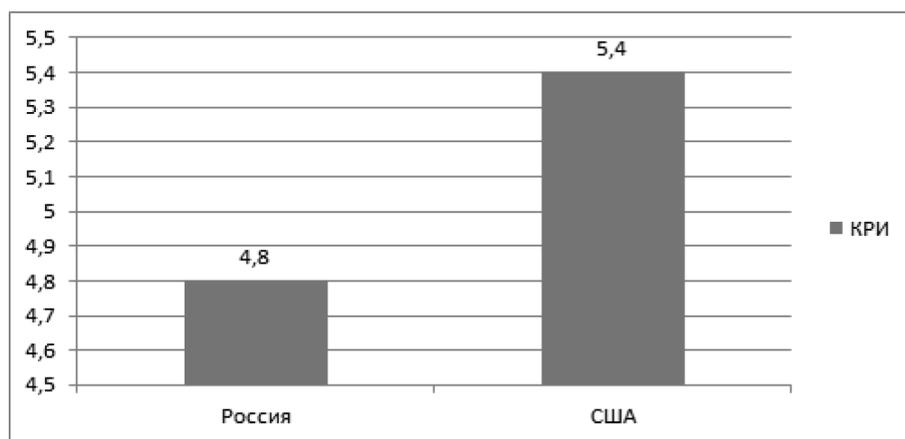

Рис. 6. Средние величины КРИ у российских и американских детей в начале смены в астма-лагере (n=35, Артек, 08.1999).

При сравнительном анализе показателей пульса и ЧД в начале смены у российских и американских детей, и получив графики, на которых было очень трудно увидеть взаимосвязь данных показателей, мы ввели

индекс, который назвали кардио-респираторным индексом (КРИ) (В литературе известен коэффициент Хильдебранта, где также величина пульса делится на величину ЧД), однако там это соотношение используется как кон-

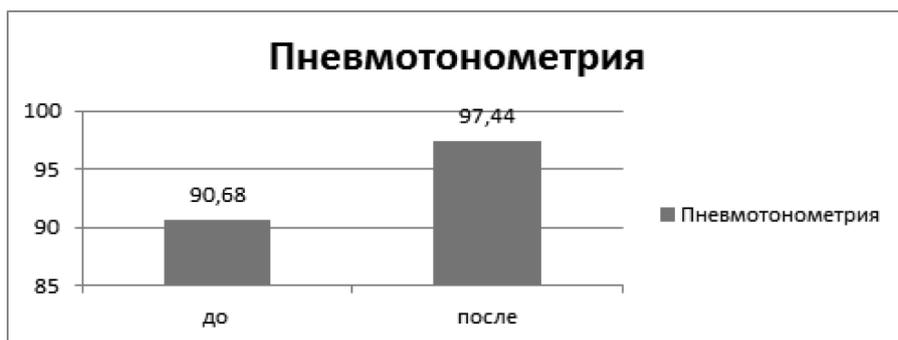

Рис. 7. Пневмотонометрия

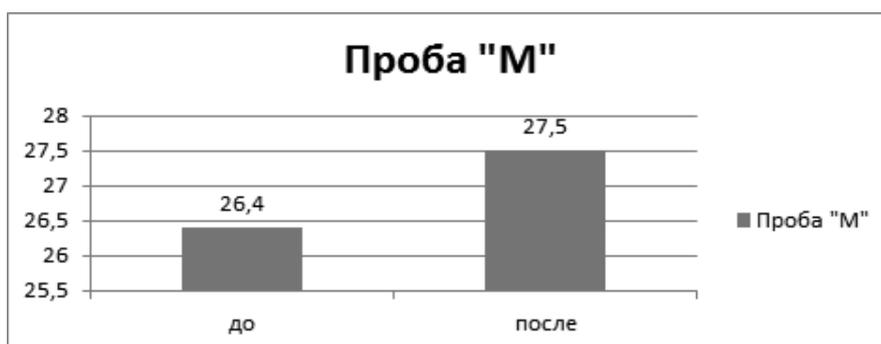

Рис. 8. Проба «М».

станта, на которую следует ориентироваться при оценке состояния человека. В нашем же исследовании введение КРИ имеет совсем другой смысл: КРИ является чувствительным когнитивно-соматическим маркером, показывающим вегетативную реакцию на проводимые процедуры) [6, с. 245].

Введение данного КРИ позволило нам в дальнейшем оценивать как эффективность проводимых процедур, так индивидуальный функциональный статус ребенка на разных стадиях онтогенеза. КРИ мы также отнесли к интегральным когнитивно-соматическим (когносомным) маркерам развития ребенка (рис. 5, 6).

Получив в этом фрагменте исследования множественные показатели прироста различных функциональных проб, одних – у российских детей (рис. 7) других – у американских (рис. 8),

Мы ввели понятие инкрининг (от англ. Increase - увеличить) - прирост, измеряемое в %, давшее возможность, независимо от единиц измерения, получать объективную картину изменений в показателях функционального состояния организма ребенка до и после воздействия.

Примечание. Понятие «инкрининг» было положено нами в основу всех последующих измерений функциональных показателей развития ребенка при разработке последующих модификаций метода в ходе проводимого исследования в рамках Сонатал-педагогики (Сонатал-педагогика – музыкальная система гармонизирующего образования

на всех этапах детского онтогенеза, начиная с пренатального возраста. В основе Сонатал-педагогики лежит метод «Сонатал» (от «sonus» – звук, и «natal» – рождение; музыка рождения; автор – М.Л. Лазарев, 1983), который реализуется сначала через пение беременной женщины в рамках диады «мать-плод», потом через вокально-речевую деятельность ребенка в семье, детском саду и школе, включая летний отдых, а также вокально-речевую деятельность взрослых в виде комплексного метода оздоровления типа «Крымская ходьба» [8, с. 105].) [10, с. 12].

Введение понятия «инкрининг» позволило нам провести анализ функциональных показателей у российских и американских детей (График 9) (Рис. 9.)

Сравнительный анализ функциональных показателей у детей из России и США в астма-лагере (Артек, 08.1989).

На данном графике видно, что по некоторым показателям в обеих группах детей отмечен прирост (проба Штанге, пикфлоуметрия), по некоторым - расхождение показателей ровно в противоположные стороны: - американских детей отмечается улучшение пробы «М», у российских - даже ухудшение этой пробы. И наоборот, показатели пикфлоуметрии незначительно повышаются у российских детей, и более значительно ухудшаются у американских. Данные результаты можно было трактовать следующим образом:

Занятия дыхательной музыкотерапией в лагере (игра на детских музыкальных инструментах, пение) – способ-

Рис. 9. Сравнительный межфункциональный инкрининг у российских и американских детей в астма-лагере (n=35, Артек, 08.1999).

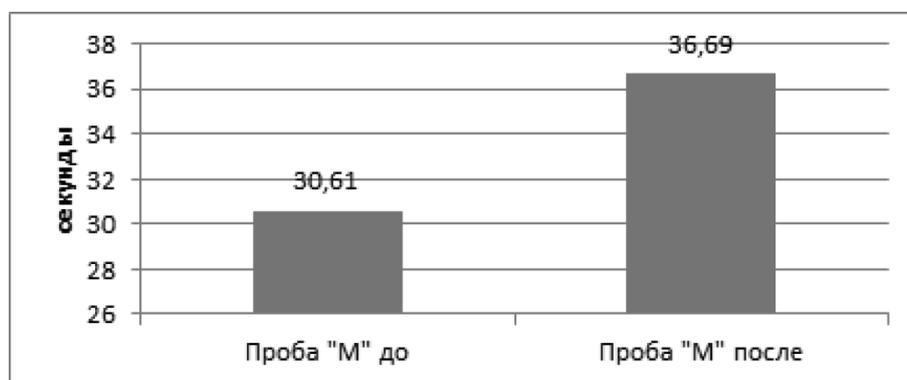

Рис. 10. Динамика показателей звукодыхательной пробы в Астма-лагере, Киллоква, США, штат Вашингтон, июль 1990, Российские дети (n=13, мальчики и девочки, 13-16 лет)

ствуют увеличению силы дыхательных мышц у детей обеих групп. Незначительное (математически несущественное) ухудшение показателей дыхательной пробы у российских детей может говорить о том, что ее уровень (который был изначально выше, чем у американских детей вследствие регулярных тренировок) не может быть так быстро повышен (10 дней), даже в условиях морского лагеря.

Примечание

При исследовании практически той же группы детей (10 детей из 13) в следующем году в американском астма-лагере (Киллоква, штат Вашингтон), мы отметили значительное увеличение (на 17%) звукодыхательной пробы за 12 дней (две лагерные смены по 6 дней). (рис. 10). Это обстоятельство (с учетом снижения показателей данной пробы в предыдущем году в астма-лагере в Артеке) могло быть свидетельством влияния психологического (социального) фактора в новых для российских детей социальных условиях (нахождение за границей, работа «на победу»). (Рис. 10.)

Ухудшение показателей ЖЕЛ у американских детей могло быть связано с перелетом в новую страну, с возможными стрессовыми факторами, воздействие которых еще не было купировано за столь короткий срок. При этом некоторое улучшение показателей пикфлоуметрии у американских детей демонстрировало начало улучшения дренажной функции аппарата дыхания. В качестве подтверждения позитивных изменений в общем статусе детей с БА, применяющих метод МПД-К (модификации метода МПД в условиях летнего оздоровительного лагеря), мы приводим заключение американского педиатра о состоянии одного из детей в астма-лагере.

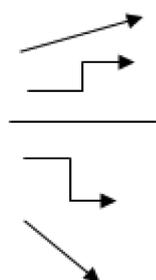
Чинуа. 11 лет, Диагноз – Бронхиальная астма

В кратком переводе американский педиатр Кен Гэсс, руководитель группы американских детей, сообщает, что Чинуа сумел подняться на Медведь – гору в Артеке, которая возвышается на 500 метров над уровнем моря. На полпути он испытал трудности с дыханием, но сумел их преодолеть с помощью абдоминального дыхания (на самом деле – с помощью расслабляющего дыхательного приема «глоток

воздуха», который многократно отрабатывался с детьми в течение смены, - автор), и поднялся на самую вершину, продемонстрировав пульс - в 90 ударов в минуту.

Наблюдая за различной скоростью прироста показателей (инкринга) у детей в процессе применения метода МПД-К в различные промежутки времени (как это было показано выше), а также в силу необходимости сравнения результатов развития тех или иных когнитивных и соматических функций одного и того же ребенка на разных этапах развития, в рамках исследования было введено понятие *status dinamicus* - СД (динамический статус развития ребенка), позволяющее оценивать динамику изменений того или иного функционального показателя и на основании этих изменений менять программу индивидуального развития.

Для оценки кривой изменений инкринга нами было введено 5 характеристик СД: устойчивый рост показателей; неустойчивый рост показателей; отсутствие роста показателей; неустойчивое снижение показателей; устойчивое снижение показателей. Для визуализации данных характеристик было также введено графическое изображение СД:

После оценки динамики изменений показателей у каждого ребенка, дети были распределены по статусу динамики, с предоставлением им индивидуального графика функциональных нагрузок.

Заключение

Созданный в рамках исследования медико-психолого-педагогический тест (Артек-тест), позволил наблюдать за приростом основных произвольных функций организма ребенка (названным инкрингом) и определять динамический статус развития ребенка (названный - *Status dinamicus*).

Анализ результатов исследования позволил выделить несколько наиболее чувствительных функциональных параметров, отражающих интегральные изменения в соматической и когнитивной сфере – звукодыхательную пробу (пробу Лазарева) и кардиореспираторный индекс (КРИ).

Апробация метода в условиях летнего оздоровитель-

ного лагеря выявила ряд дополнительных эффектов. Было отмечено повышение дыхательной гипоксической выносливости как у детей, тренированных ранее по методу МПД, так и у группы нетренированных ранее детей. Тогда как другие функциональные дыхательные пробы (звукодыхательный тест, ЖЕЛ) дали противоположные результаты.

Кроме того, в условиях летних лагерей мы отметили влияние на показатели функции внешнего дыхания социального фактора (помимо экологического), что послужило основанием для введения понятия «социальная мотивация здорового поведения» и дальнейшей разработки специальных приемов для ее формирования.

Следует отметить, что найденная корреляция между разработанным звукодыхательным тестом (проба Лазарева) и показателями функции внешнего дыхания - ЖЕЛ и пикфлоу, позволяет предположить, что данный параметр может рассматриваться как объективный показатель состояния функции внешнего дыхания. Кроме того, корреляция показателей звукодыхательного теста не только с показателями функции внешнего дыхания, но и показателями физического развития (динамометрия кисти), позволяет использовать его в качестве интегрального показателя когнитивно-соматического состояния ребенка как в процессе проведения занятий, так и в ходу его роста и развития.

В целом, можно констатировать, что метод МПД-К позволяет в короткие сроки оптимизировать функцию внешнего дыхания, что способствует повышению физиологических резервов организма.

Перспектива

Разработанный в рамках исследования «Артек-тест» стал методологическим основанием для конструирования экспресс-теста «Здравик» (имеющего разрешение Росздравнадзора [21]), позволяющего оценивать когнитивный и соматический статус детей, и получившего распространение при проведении оздоровительных мероприятий в дошкольных учреждениях и начальных школах [17, с. 118].

Результаты исследования по применению метода МПД-К в дальнейшем были использованы в программах подготовки студентов ИФКСиЗ МПГУ в дисциплинах «Современные здоровьесберегающие технологии», «ЛФК и массаж». Опыт, полученный при применении Артек-теста (звукодыхательная проба Лазарева, кардио-респираторный индекс), стал основой для последующих исследований, в частности, для оценки кардио-респираторного статуса студентов педагогического ВУЗа [7, с. 97].

Также, данные, полученные в ходе проведенного исследования, легли в основу патента на изобретение способа оздоровления организма человека «Крымская ходьба» [12].

Метод доступен для применения в рамках любых программ оздоровления, с ним могут быть ознакомлены студенты педагогических вузов в рамках подготовки к вожатской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астма – школа. Что такое пикфлоуметрия? Астма и аллергия • 3/2014. С.17-18
2. Бобрик Ю.В. и др. Выявление функциональных резервов внешнего дыхания и общей физической работоспособности студентов. Теория и практика физкультуры и спорта. №2, 2021. С. 33-35
3. Вишнёва Е.А., Намазова-Баранова Л.С. и др. Актуальная тактика ведения детей с бронхиальной астмой. Педиатрическая фармакология. /2017/ ТОМ 14/ № 6. С. 443-458.
4. Воронин Р.М. Адаптационные возможности лиц молодого возраста по результатам пробы Штанге. Научные ведомости. Серия Медицина. Фармация. 2011. № 10 (105). Выпуск 14. С. 173-176
5. Жаров И.С. Пикфлоуметр с плоской пружиной для измерения показателей форсированного дыхания. Вестник новых медицинских технологий. – 2006 – Т. XIII, № 3 – С. 144
6. Индекс Хильдебрандта как интегральный показатель физиологических затрат у спортсменов в процессе возрастающей этапно-дозированной физической нагрузки / Н.А. Фудин, К.В. Судаков, А.А. Хадарцев и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2011. – Т. XVIII, № 3. – С. 244-248.
7. Косенко В.В. Артышко С.В. Лазарев М.Л. Оценка кардио-респираторного статуса студентов педагогического ВУЗа с использованием пробы Лазарева. Физическая культура и спорт: Современные тенденции, актуальные проблемы и перспективы развития / Материалы Межвузовской научно-практической конференции, посвященной 30-летию создания (факультета) института физической культуры, спорта и здоровья МПГУ. Москва, 2022. С. 96-100
8. Крымская ходьба [Электронный ресурс]: Комплекс вокало-талассо-аэробики (медико-педагогическая технология): Методические рекомендации для педагогов, врачей и инструкторов лечебной физкультуры / М. Лазарев. – Электронные текстовые данные (1Mb). – Москва; Евпатория: МПГУ, 2022. – 105 с. – Режим доступа: <http://elib.mpgu.info/view.php?fDocumentId=51152>. – Для авторизованных пользователей МПГУ. Штрихкод 90000000051152
9. Лазарев М.Л. Новые формы реабилитации детей с бронхолегочной патологией в условиях диспансера. Тезисы доклада на XIII-й Республиканской научной конференции «Современные вопросы спортивной медицины и лечебной физкультуры». Таллин, 1986, с. 94. (Соавторы: Бадридзе Н.М. и др.).
10. Лазарев М.Л. СОНАТАЛ-педагогика как одно из направлений социальной и профилактической педиатрии в России. Здравоохранение Российской Федерации. – 2013, №4. – С. 10-14. (соавторы: Ахмерова Ф.Г., Гурова О.А.).
11. Лазарев М.Л. Способ лечения бронхолегочных заболеваний. Патент на изобретение № 2083272, 27.06.1997.
12. Лазарев М.Л. Способ оздоровления организма человека. Заявка на изобретение (от 08.11.2022. № 2022128784). Решение о выдаче патента - 01.12.2023.
13. Лазарев М.Л. Эластичный дыхательный корсет. Патент на полезную модель № 2178322, 20.01.2002.
14. Лазарев М.Л. Эффективность некоторых форм оздоровительной физической культуры у детей, страдающих хронической бронхолегочной патологией. Тезисы доклада на Всесоюзной научно-практической конференции «Научные основы физкультурно-оздоровительной работы среди населения». Таллин, 1986, с. 220–221. (Соавторы: Хрущев С.В., Бадридзе Н.М.)
15. Лазарев М.Л., Гурова О.А. и др. Звуковая проба — информативный тест при исследовании дыхательной системы у детей и взрослых. Тезисы V-го Всероссийского симпозиума и школы семинара молодых ученых и учителей «Растущий организм: адаптация к физическим нагрузкам». — Казань, 2000. С.74-75.
16. Нопин С.В., Корягина Ю.В. и др. Теппинг-тест как показатель эффективности, силы и выносливости нервной системы у спортсменов различных видов спорта. Современные вопросы биомедицины. 2022, Т. 6 (2). С. – 90-95
17. Ройблат О.В., Фаизова Н.В., Новоселова Е.М., Лазарев М.Л. Тест «Здравик» как метод экспресс-мониторинга развития детей дошкольного возраста. Материалы международного симпозиума «Образование в Европе для гармоничного развития учащихся», Москва, 2011, - С.117-119.
18. Тлиш М.М. Талассотерапия как инновационный ингредиент комплексного восстановительного лечения больных зудящими дерматозами. Научно-практический журнал «Гуманизация образования» № 6/2012. 57-61.
19. Турушева А.В., Фролова Е.В., Дегриз Я.-М. Сравнение результатов измерений, полученных с использованием динамометра ДК-50 и динамометра JAMAR® Plus // Российский семейный врач. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 12–17. doi 10.17816/RFD2018112-17.
20. Шемякина Т.А., Голикова Е.В. и др. Дыхательная гимнастика как средство реабилитации детей с патологией органов дыхания дошкольного возраста. Вопросы современной педиатрии. / 2007/ ТОМ 6/ № 4. С. 137-140
21. Экспресс-тестирование развития ребенка дошкольного и младшего школьного возраста (тест «Здравик»). ФС № 2011/395 от 13.12.2011.

© Лазарев Михаил Львович (mlazarev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЭФФЕКТОВ ПЕРВИЧНОСТИ И НОВИЗНЫ НА МЕХАНИЗМЫ ПАМЯТИ ПРИ ЗАПОМИНАНИИ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

IMPACT OF PRIMACY AND RECENCY EFFECTS ON MEMORY MECHANISMS IN MEMORIZATION AND REPRODUCTION OF LEARNING MATERIAL

**K. Levchuk
N. Varnakova
I. Popova
A. Lisitsa**

Summary: One of the ways to increase the quality of future specialist training in the higher education structure lies in psychological support development of educational work. Perceptual effects, primacy and recency effects, play a large part in students' knowledge mastering as well as skills and practice acquisition. The effects impact materially new learning material mastering, its memorization and reproduction. The learning session both planned and conducted, the impact of these effects should be taken into consideration as they impacts materially the students' learning material quality irrespective of teacher's or students' desire.

Keywords: learning, primacy effect, recency effect, memory, memorization, reproduction.

Левчук Карина Анатольевна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Новосибирский
Государственный Медицинский Университет Минздрава
России
karinna_trade@bk.ru

Варнакова Надежда Александровна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Новосибирский
Государственный Медицинский Университет Минздрава
России
nadya20112@yandex.ru

Попова Ирина Владимировна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Новосибирский
Государственный Медицинский Университет Минздрава
России
golenkova_irina@mail.ru

Лисица Анна Викторовна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Новосибирский
Государственный Медицинский Университет Минздрава
России
anna-nechjeva@yandex.ru

Аннотация: Один из способов повышения качества подготовки будущих специалистов в структуре высшего образования заключаются в совершенствовании психологического сопровождения педагогической деятельности. Большую роль в овладении обучающимися знаниями, а также умениями и навыками, играют эффекты восприятия – эффект первичности и эффект новизны. Данные эффекты оказывают существенное влияние на освоение нового материала, его запоминание и воспроизведение. При планировании и проведении учебного занятия необходимо обязательно учитывать влияние этих эффектов восприятия, так как они оказывают существенное влияние на качество освоения материала обучающимися вне зависимости от желания преподавателя или самих обучающихся.

Ключевые слова: обучение, эффект первичности, эффект новизны, память, восприятие, воспроизведение.

За последние десятилетия система высшего образования в России претерпевает глобальные изменения. Эти изменения связаны с целями и задачами, поставленными государством перед вузами. Как следствие, меняются цели образования, которые отражены в Федеральном государственном образовательном стандарте нового поколения.

Решение задач, направленных на повышение качества подготовки специалистов в структуре высшего образования, предусматривает усовершенствование высшего образования путем перестройки организации и управления процессом обучения, с опорой на всесто-

ронный учет психологических особенностей личности обучающегося, закономерностей и принципов обучения, на наиболее полное использование субъективных возможностей личности в достижении учебных целей и задач. Выполнение этих требований предусматривает не только совершенствование содержания и целей обучения в вузе, приведение их в соответствие с профессиональной деятельностью специалиста, но и более глубокую реализацию принципа единства обучения и воспитания, стремления к профессиональному самосовершенствованию, развитие способностей и черт личности, отвечающих требованиям эффективности будущей профессиональной деятельности.

Во многом пути решения этой проблемы заключаются в совершенствовании психологического сопровождения педагогической деятельности, которое позволяет описать индивидуальные и индивидуально-типологические психологические различия обучающихся, лежащие в основе как их академических успехов, так и особенностей личностного и профессионального самоопределения. Остро стоит проблема интегральных психологических критериев, связывающих между собой индивидуальные когнитивные и личностные показатели, и в тоже время являющихся предикторами успешности в различных учебных и жизненных ситуациях. С нашей точки зрения исследование общих закономерностей и индивидуальных особенностей осознания и восприятия нового материала обучающихся открывает новые возможности для преодоления трудностей в разработке психологического сопровождения дифференциации обучения будущих специалистов.

Проблема индивидуальных психологических различий обучающихся как основы индивидуального подхода в педагогике давно волнует ученых и практиков и является не только психологической, но и собственно педагогической проблемой. Для ее разрешения необходимы совместные усилия педагогов и психологов, и результатом такого сотрудничества является создание хорошо известных психолого-педагогических подходов, связанных с именами Н.А. Менчинской, Л.В. Занкова, Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова и других российских психологов.

Большую роль в овладении знаниями, а также умениями навыками, играет восприятие. Под восприятием подразумевается психический процесс, который заключается в целостном отражении предметов и явлений, действующих в определенный промежуток времени на органы чувств. Поэтому, восприятие можно представить, как сумму ощущений, памяти и мышления. Познавательный процесс в свою очередь строится на основе ощущений и является процессом отражения предметов в общем, в комплексности их свойств. В обратном случае познание окружающего нас мира является невозможным.

Восприятие, как интеллектуальный процесс связан с активным поиском признаков, которые необходимы и достаточны для формирования образа и принятия решений. Как упоминалось выше, результатом восприятия является целостный образ объекта, а не отдельное его свойство. Следовательно, можно утверждать о том, что конструктивность восприятия – это освящение особенности взаимосвязи элементов целого.

Восприятию присуща осмысленность, свойство человеческого восприятия, позволяющее представлять воспринимаемый объект и наделять его определенным смыслом. Следовательно, восприятие это не просто набор раздражителей, а оно представляет собой поиск понимания полученных данных, ведь происходит вос-

приятие именно тех предметов, которые имеют определенное значение. Являясь своеобразным осознанием предметов и явлений, восприятие человека, содержит в себе акт понимания и осмысления.

Восприятие зависит как от внешних факторов, таких как интенсивность, размер, контрастность, узнаваемость раздражителя, так и от внутренних факторов – это установка человека, его потребности, опыт, личностные особенности. Немаловажную роль здесь играют эффекты восприятия. Мы бы хотели более детально рассмотреть восприятие обучающимися нового материала, обусловленного эффектами восприятия, а именно эффектами первичности и новизны. Данные эффекты оказывают существенное влияние на освоение нового материала, его запоминание и воспроизведение. Необходимо отметить, что при планировании и проведении занятия необходимо обязательно учитывать влияние этих эффектов восприятия, так как они оказывают существенное влияние на качество освоения материала обучающимся вне зависимости от желания преподавателя или самих обучающихся.

Данные эффекты изучаются психологами в контексте исследований памяти, процессов научения и социальной перцепции. Р.С. Аткинсон и Р.М. Шиффрин в 1968 году предложили многоуровневую модель памяти. Они проводили ряд исследований, направленных на изучение эффекта положения у пациентов с повреждениями головного мозга. Эксперименты продемонстрировали, что, когда участникам предлагали список слов, они, как правило, запоминали несколько первых и несколько последних слов и с большей вероятностью забывали те, которые находились в середине списка. Тенденцию вспоминать более ранние слова они назвали *эффектом первичности*; а тенденция вспоминать более поздние слова была названа *эффектом новизны* [2].

Эффект первичности – это эффект восприятия, когда первая информация о предмете или явлении является доминирующей: вся последующая информация будет оцениваться под влиянием первоначальной информации. Это эффект обуславливает более высокую вероятность припоминания нескольких первых элементов из расположенных в ряд элементов по сравнению со средними элементами.

На эффект первичности практически не влияет характер деятельности, выполняемой непосредственно после предъявления ряда. Эффект первичности объясняется тем, что первые элементы ряда в результате большего числа повторений успевают перейти в долговременную память и дальнейшее их извлечение оттуда связано с эффективностью их поиска в хранилище этой памяти.

Родственным явлением эффекта новизны являет-

ся эффект восприятия, которое известно как эффект новизны [9]. Эффект новизны – это феномен когнитивной психологии, проявляющийся в том, что при восприятии информации человеком по отношению к уже знакомой информации наиболее значимой и запоминающейся будет последняя, новая информация. Следовательно, эффект новизны утверждает, что человек, как правило, лучше запоминает самую последнюю информацию.

Граветтер и соавторы рассматривают эффект новизны как склонность человека к сильнейшей реакции на стресс в первый раз, когда он сталкивается с потенциально опасным опытом. Со временем, когда новизна проходит, реакция на стресс уменьшается. Это угроза внешней достоверности, когда люди, участвующие в исследовании (новой ситуации), воспринимают и реагируют иначе, чем в обычном реальном мире [1].

Необходимо заметить, что эффект новизны не противоречит эффекту первичности. Данные эффекты активируются в различных ситуациях. Эффекты первичности и новизны касаются значимости определённого порядка предъявления информации о предмете или явлении для составления представления о нём. Учёные психологи считают, что полученное ранее знание переходит в долговременную память, а полученное новое знание находится в кратковременной памяти.

Многие учёные психологи исследовали эти эффекты с позиции работы отделов головного мозга и нейронных операций. Массуд Стефан и соавторы исследовали колебания мозга, связанные с этими эффектами, проводили корреляционный анализ между колебательной активностью мозга и индексами первичности и новизны. Именно осцилляторная активность во время хранения информации, а не кодирования, коррелировала с эффектами первичности и новизны. Эффект первичности был связан с затылочной постдесинхронией и височной постсинхронией. Эффект новизны был связан с теменной и височной десинхронией. Эти данные показывают, что эффекты первичности и новизны связаны с различными нейронными и, вероятно, когнитивными операциями, которые зависят от стратегии сохранения информации [14].

Результаты исследования, проведённые Дональд Е. Бродбент и Маргарет Х.П. Бродбент, предполагают общий механизм кратковременной памяти при проявлении эффекта новизны, а не специфически сенсорный. Однако есть некоторые свидетельства существования особого сенсорного хранилища в головном мозге, когда элементы информации, поступившие позже, замещают те, которые поступили раньше и были схожи по местонахождению в списке предъявляемых элементов [3].

Данные, полученные Джанг Д.Р. и др., указывают на то, что слуховая кора головного мозга может служить временным хранилищем или слуховым входным буфе-

ром, который, по-видимому, играет важную роль в эффектах первичности и новизны. Припоминание среднего пункта было связано с более обширной активацией левой теменной и зрительной коры, базальных ганглиев и дорсального мозжечка. Воспроизведение элементов из разных серийных позиций также приводило к различному времени активации в билатеральной первичной слуховой коре, левой префронтальной коре и левой премоторной коре [17].

Многие исследователи проводили эксперименты, связанные с распределением фокуса внимания и эффектом новизны, включающими распознавание последнего элемента, и с испытаниями, включающими другие подмножества элементов, которые необходимо запомнить [10, 11, 12, 13, 15]. Ни и Джонидс [11] провели эксперимент на распознавание трех элементов слов и обнаружили, что по сравнению с двумя предыдущими словами последний элемент в списке распознавался быстрее и сопровождался большей активацией в нижней височной коре и меньшая активация в медиальных височных долях. Аналогичные результаты были получены Озтекин и др. [12], которые провели эксперимент на распознавание 10 слов и обнаружили более высокую точность, более короткий период времени на реакцию и меньшую активацию гиппокампа для самого последнего элемента в предъявляемом списке.

Несмотря на многочисленные исследования данного аспекта работы головного мозга, до сих пор некоторые моменты данного вида работы головного мозга при эффекте первичности и новизны остаются неясными.

Эффект первичности и новизны тесно связан с таким аспектом работы головного мозга как память. Собственно, эффект новизны и эффект первичности и являются результатом процессов памяти [4]. Как мы упоминали выше, информация, полученная ранее, переходит в долговременную память, а информация, полученная недавно, находится в кратковременной памяти. Существует несколько объяснений того, почему возникает эффект новизны. Во-первых, самая последняя информация все еще присутствует в активной памяти. Когда проверка усвоения информации проводится сразу после предъявления ряда (нового материала), любая информация, которая была предъявлена последней, может все еще активно храниться в кратковременной памяти. Это увеличивает точность припоминания. Другое объяснение заключается в том, что временные сигналы также могут помочь улучшить припоминание самой последней изученной информации [6]. Если человек повторяет предъявляемую ему, а затем сразу же проверяется объём информации, который он запомнил, временной контекст может помочь припомнить эту информацию.

Существуют также факторы, которые могут повлиять на степень и вероятность возникновения эффектов пер-

вичности и новизны. Они включают следующее:

- Факторы задачи. Они относятся к самой задаче, а также к тому, как обрабатывается информация. Объем представленной информации и то, как она представлена, могут влиять на эффект новизны [4].
- Обработка информации. Важно на что обращается внимание и как она обрабатывается человеком по мере ее поступления. Также обработка информации может влиять на то, как она затем воспроизводится (*recall*).
- Время. Если между представлением информации и воспроизведением проходит длительный период времени, эффект новизны резко снижается или даже может полностью исчезнуть.
- Интерференции. Промежуточные задачи, мешающие запоминанию информации (*intervening tasks*). Интерференции могут возникать, если другая задача или информация представлены после первой задачи. Исследования показали, что если отвлекающая задача (*distracting task*) занимает больше 15-30 секунд, это устраняет эффект новизны при попытке вспомнить исходную информацию [16].
- Задачи, активирующие рабочую память. Задачи, в которых задействована рабочая память, подчеркивающие более поздние элементы в списке (оценка новизны), способствует более сильному эффекту новизны и ослабленному эффекту первичности, в то время как задача, подчеркивающая более ранние элементы (оценка первичности), будет способствовать более сильному эффекту первичности и ослабленному эффекту новизны [7].

Эффект первичности и новизны играют важную роль в процессе обучения. При изучении новой информации обучающиеся, скорее всего, вспомнят то, что они изучили в первую очередь (эффект первичности), а также то, что они изучили в последнюю очередь (эффект новизны) [4]. Это означает, что при проверке степени усвоения информации, у обучающихся больше шансов забыть то, что они узнали в середине (эффект края). Другими словами, информация, представленная в начале (первичность) и в конце (новизна) занятия, как правило, запоминается лучше, чем информация, представленная в середине [8]. Это явление связано с тем фактом, что кратковременная память в начале любой последовательности событий менее «заполнена», и поскольку головной мозг в это время обрабатывает гораздо меньше элементов, при введении информации на ранних этапах повторение стимулов запоминает больше времени, что может привести к их «переносу» в долговременную память, где эта информация будет храниться дольше.

Преподаватели могут использовать эффекты первичности и новизны при структурировании времени на занятии. Чтобы обучение было эффективным, необходимо планировать занятие таким образом, чтобы большая часть информации была разбита на мелкие части в на-

чале и в конце учебного занятия. Занятия, разделенные на 20-минутные логически завершённые сегменты, более продуктивны, чем одно непрерывное занятие. Эффект первичности — это начало занятия. Эффект новизны — это его конец. Середину следует использовать для анализа и переформулировки (*reviewing and restating*) информации. Имея список элементов, которые нужно запомнить, обучающиеся запомнят последние несколько элементов больше и лучше, чем те, что находятся в середине (*эффект последовательного расположения*). В обучении очень важно учитывать эти моменты.

Как упоминалось выше, меньше всего человек запоминает информацию, которая находится посередине. Очень часто ошибкой при планировании и проведении занятия является то, что начальная, посвящённая введению материала, и завершающая часть занятия относительно короткие. Основную часть введения нового материала преподаватель планирует на середину занятия, т.е. ту часть, в течение которой объём запоминаемой информации обучающимися будет наименьшим. Следовательно, объём запоминаемой информации обучающимися существенно снизится при такой структуре занятия.

Для эффективности занятия его важно планировать так, чтобы использовать преимущества, как эффекта первичности, так и эффекта новизны. Здесь необходимо использовать периоды *пикового времени* (*prime-time*) для усвоения обучающимися новой информации, начало занятия и конец занятия – два наиболее эффективных сегмента для обучения, а также период непроизвольной потери времени или «простоя» (*down-time*) для отработки этой информации, который находится посередине. Целью является удержание (*retention*) и хранение информации в долговременной памяти обучающихся. Необходимо учитывать, что удержание информации в памяти зависит от продолжительности интервенции (*length of intervention*), которых по возможности следует избегать.

Можно использовать время в начале занятия, на пример, применяя такой приём как «мозговой шторм». Какие бы идеи преподаватель не придумал, обучающимся будет легче их запомнить. Важно сразу же приступить к изучению нового материала, овладению понятиями и словарным запасом, эффективно используя период эффекта первичности. Если преподаватель отвлекается в начале занятия на несущественные вопросы, это снижает уровень усвоения материала обучающимися.

По мере того, как время урока увеличивается, период непроизвольной потери времени или простоя (*down-time*), когда удержание информации в памяти находится на самом низком уровне, увеличивается быстрее, чем в пиковое время. Изменение типа деятельности, метода обучения, используемого для обучения, или даже темы между пиковыми периодами эффективны в данном слу-

чае для процесса обучения.

Допустим ситуацию, в которой преподаватель ставит перед собой следующую цель: обучающиеся должны освоить новый навык или получить новую информацию, применяемую в профессиональной области. Применяя эффект первичности и новизны, преподаватель планирует работать в течение 40 минут. В данном временном сегменте есть два самых эффективных момента для изучения информации и удержании информации в памяти – первые 20 минут и последние 10 минут. Между ними есть 10 минут произвольной потери времени или простоя (*downtime*). Сначала преподаватель выдаёт новый торический материал (терминологию, правила и т.д.), который обучающимся нужно знать, чтобы освоить информацию. В течение 20 минут обучающиеся изучают новый материал. Повторение предыдущего материала, разминка (*warm-up*), а так же другие подобные виды деятельности основаны на принципе, что чем раньше вводится упражнение, тем эффективнее оно работает. Отработка навыка или новой концепции непосредственно перед ее использованием обеспечивает более эффективное выполнение заданий. Затем преподавателю необходимо использовать следующие 10 минут (произвольная потеря времени или «простоя» (*downtime*)) для повторения новой информации, которую обучающиеся узнали. Последние 10 минут обучающие анализируют и осмысливают полученную информацию, чтобы эта информация перешла и осталась в долговременной памяти.

Эффект новизны наиболее эффективен в повторяющихся сообщениях-убеждениях, когда между сообщениями есть период задержки (*delay*). В соответствии с этой гипотезой, информация, которая была услышана или прочитана недавно, извлекается быстрее, чем информация, услышанная давно [5]. В связи с этим во время занятия необходимо учитывать, что новая информация может быть активно задействована в речи, и на этом этапе с помощью многократных повторений её можно заложить в более глубокие слои памяти.

Также необходимо понимать роль сохранения информации в памяти (*retention*), поскольку оно применимо как к эффекту первичности, так и к эффекту новизны. По сути, удержание информации в памяти является целью изучения информации. Задача преподавателя состоит в том, чтобы обучающиеся усвоили информацию для её применения после завершения учебного процесса. Необходимо максимизировать сохранение информации, учитывая идеальное время для новой информации, представленной во время учебного занятия или его отрезка. Следовательно, последовательность введения информации имеет большое значение. Чтобы максимизировать сохранение информации на занятии, необходимо знать и использовать для этого наиболее подходящие временные сегменты на занятии – начало и конец, а

затем важно закрепить у обучающихся полученные знания, применив их как можно скорее после учебного занятия. Чем дальше обучающиеся отдаляются от учебного занятия, тем труднее им запомнить представленную информацию. Чем раньше будет использовано то, чему они научились, тем больше вероятность того, что они будут использовать её успешно.

Для получения максимальной отдачи от эффекта первичности и новизны на занятии необходимо учитывать следующие аспекты:

1. Самая важная информация вводится в начале учебного занятия (эффектом первичности). Этот этап может включать повторение важной терминологии или изучение новой информации.
2. Середина учебного времени составляет повторение и анализ материала, который обучающиеся только что изучили. Этот период простоя может быть полезен для отработки только что изученного материала.
3. Последняя часть учебного занятия - это повторение того, что обучающиеся узнали в начале учебного занятия. Она может включать повторение важных терминов, обобщение только что изученного материала. Подведение итогов так же лучше всего проводить в «пиковое время».

Эффект первичности и новизны играет важную роль в процессе обучения. При структурировании времени на занятии и проведении занятия необходимо учитывать данные эффекты, а также тот факт, что память как кратковременная, так и долговременная, и механизмы работы памяти очень тесно связаны с этими эффектами. Последовательность введения материала имеет большое значение для его запоминания и успешного воспроизведения, а также дальнейшего применения обучающимися в процессе обучения. Эффекты первичности и новизны всегда будут играть свою роль в том, что обучающиеся узнают и запоминают. Овладение учебным материалом, его воспроизведение и применение, как в дальнейшем учебном процессе, так и в профессиональной деятельности является очень важным компонентом в становлении профессионала и самостоятельной атомной личности.

Подводя итоги, необходимо отметить, что результат эффективности деятельности на занятии зависит от профессионализма и творчества преподавателя. От него зависит, какое будет занятие, и будет ли оно стимулом к успеху. Учебное занятие должно быть средством для дальнейшего профессионального развития обучающегося. Исследование общих закономерностей и индивидуальных особенностей осознания и восприятия нового материала учащихся открывает новые возможности для преодоления трудностей в разработке психологического сопровождения дифференциации обучения будущих специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Граветтер Фредерик Дж.; Форзано, Лори-Энн Б. Методы исследования в поведенческих науках//Cengage Learning. 2015, с. 172.
2. Atkinson, R.C., Shiffrin, R.M. Human memory: A proposed system and its control processes. New York, 1968, p. 89 –195.
3. Broadbent D.E., Broadbent M.H.P. (2016) View Recency Effects in Visual Memory. Quarterly Journal of Experimental Psychology, Vol. 33, Issue 1, <https://doi.org/10.1080/146407481084007626>
4. Cortis Mack C., Cinel C., Davies N., Harding M., Ward G. (2017) Serial position, output order, and list length effects for words presented on smartphones over very long intervals. J Mem Lang. (97):6180. doi:10.1016/j.jml.2017.07.009
5. Donald J.Foss, David T. Hakes (1978) Psycholinguistics: an introduction to the psychology of language. Prentice-Hall, Inc. Englewood Cliffs. USA, 1978. p. 107
6. Jonides, J., Lewis, R.L., Nee, D.E., Lustig, C.A., Berman, M.G., and Moore, K.S. (2008) The mind and brain of short-term memory. Annu. Rev. Psychol. 59, 193–224. doi: 10.1146/annurev.psych.59.103006.093615
7. Miyake, A., Shah, P. (1999). Models of Working Memory: Mechanisms of Active Maintenance and Executive Control. New York, NY: Cambridge University Press.
8. Morrison A.B., Conway A.R.A., Chein J.M. (2014) Primacy and recency effects as indices of the focus of attention. Front. Hum. Neurosci., Sec. Cognitive Neuroscience doi.org/10.3389/fnhum.2014.00006)
9. Morrison M., Primacy and Recency Effects in Learning 17/03/2015 <https://rapidbi.com/primacy-and-recency-effects-in-learning/>
10. Murre J.M., Dros J. (2015) Replication and Analysis of Ebbinghaus' Forgetting Curve. PLoS ONE., (10) e0120644, doi:10.1371/journal.pone.0120644
11. Nee D.E., Jonides, J. (2011). Dissociable contributions of prefrontal cortex and the hippocampus to short-term memory: evidence for a 3-state model of memory. Neuroimage 54, p. 1540–1548. doi: 10.1016/j.neuroimage.2010.09.002
12. Oberauer, K. (2003). Understanding serial position curves in short-term recognition and recall. J. Mem. Lang. 49, 469–483. doi: 10.1016/S0749-596X(03)00080-9
13. Öztekin, I., Davachi, L., and McElree, B. (2010). Are representations in working memory distinct from representations in long-term memory? Neural evidence in support of a single store. Psychol. Sci. 21, 1123–1133. doi: 10.1177/0956797610376651
14. Postman, L., and Phillips, L. W. (1965). Short-term temporal changes in free recall. Quart. J. Exp. Psychol. 17, 132–138. doi: 10.1080/17470216508416422
15. Stephane M., Ince N.F., Kuskowski M., Leuthold A., Tewfik A.H., Nelson K., McClannahan K., Fletcher C.R., Tadipatri V.A. (2010) Neural oscillations associated with the primacy and recency effects of verbal working memory., Neuroscience Letters, Volume 473, Issue 3, p. 172-177 doi.org/10.1016/j.neulet.2010.02.025
16. Talmi, D., Grady, C.L., Goshen-Gottstein, Y., and Moscovitch, M. (2005). Neuroimaging the serial position curve—a test of single-store versus dual-store models. Psychol. Sci. 16, 716–723. doi: 10.1111/j.1467-9280.2005.01601.x
17. Weiss B, Guse D, Möller S, Raake A, Borowiak A, Reiter U. (2014) Temporal development of quality of experience. In: Möller S, Raake A, eds. Quality of Experience. Springer International Publishing, 133-147. doi:10.1007/978-3-319-02681-7_10
18. Zhang D.R., Li Z.H., Chen X.C., Wang Z.X., Zhang X.C., Meng X.M., HE S., Hu X.P. (2003) Functional comparison of primacy, middle and recency retrieval in human auditory short-term memory: an event-related FMRI study. Cognitive brain research. Vol. 16, 1, p. 91-98 .

© Левчук Карина Анатольевна (karinna_trade@bk.ru), Варнакова Надежда Александровна (nadya20112@yandex.ru),
Попова Ирина Владимировна (golenkova_irina@mail.ru), Лисица Анна Викторовна (anna-nechjeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТИЙ АТЛЕТИЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКОЙ НА ФИЗИЧЕСКУЮ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ ЮНОШЕЙ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

THE INFLUENCE OF ATHLETIC GYMNASTICS ON THE PHYSICAL FITNESS OF HIGH SCHOOL AGE YOUTHS

**Yu. Melnikov
A. Pushkarev
S. Maksimova**

Summary: The article reflects the results of the influence of special sets of strength-oriented exercises, based on the use of athletic gymnastics, on the level of physical fitness of young men of senior school age in the process of physical education.

Keywords: students, lesson, physical culture, physical fitness, athletic gymnastics, level, motivation.

Мельников Юрий Александрович

к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», (г. Ижевск)
pffkksi@mail.ru

Пушкарев Алексей Владимирович

к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», (г. Ижевск)
alexeipushkarev@mail.ru

Максимова Светлана Семеновна

доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», (г. Ижевск)
maks.ss59@mail.ru

Аннотация: В статье отражены результаты влияния специальных комплексов упражнений силовой направленности, основанных на использовании средств атлетической гимнастики, на уровень физической подготовленности юношей старшего школьного возраста в процессе занятий физической культурой.

Ключевые слова: учащиеся, урок, физическая культура, физическая подготовленность, атлетическая гимнастика, уровень, мотивация.

Актуальность

Современная система образования в сфере физической культуры и спорта характеризуется поиском новых подходов к построению школьного физического воспитания. Государственный стандарт общего среднего образования служит инструментом регулирования указанного процесса, в котором физическая подготовка учащихся выступает в качестве государственного и общественного значимого заказа. Этот заказ регулируется на основе различных учебных программ, базирующихся на определенных педагогических концепциях, которые предлагают подходы и правила построения учебного процесса в целом и физической подготовки учащихся в частности [6,7,11].

Физическая подготовленность – важный компонент здоровья, а ее улучшение – одна из главных задач физического воспитания в школе [1,2,3,4]. Хорошая физическая подготовленность является основой высокой работоспособности во всех видах учебной деятельности учащихся. Школьники с хорошей физической подготовкой успешнее справляются с задачами обучения, чем учащиеся с низким уровнем двигательного развития [2,7,11].

Отмечается, что со снижением показателей здоровья снижается и уровень физической подготовленности

школьников образовательных учреждений. Современные образовательные учреждения зачастую озабочены лишь повышением интеллектуальной нагрузки, стремлением дать учащемуся как можно больше знаний. А уплотнение школьных программ и увеличение недельных нагрузок приводит к резкому снижению двигательной активности школьников.

Существование комплекса проблем, связанных с неудовлетворительным уровнем физической подготовленности учащихся старшего школьного возраста, малой двигательной активностью, неудовлетворительным функциональным и психоэмоциональным состоянием, подтверждается данными многочисленных источников и научных исследований [1,5,6,9].

По данным ряда авторов [4,6,8,10], к причинам снижения интереса к уроку физической культуры следует отнести однообразие содержания учебной программы, которая не учитывает возрастные изменения мотивации и интересов учащихся.

Поэтому главной проблемой в школе была и остается проблема поиска новых средств, методов, форм повышения физической подготовленности и интереса к уроку физической культуры.

Цель исследования – повышение уровня физиче-

ской подготовленности учащихся старшего школьного возраста.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели использовались: анализ научно-методической литературы, анкетирование, тестирование, педагогический эксперимент, математико-статистическая обработка полученных данных.

Исследование проводилось с сентября по декабрь 2023 года на базе МБОУ СОШ № 89 Ленинского района г. Ижевска. Для решения поставленных задач на начальном этапе исследования проведен опрос, дана оценка уровня физической подготовленности, определена физическая подготовленность учащихся десятых классов по следующим контрольным испытаниям: бег на 30м, 60м, 100м, прыжок в длину с места, подтягивание из виса на высокой перекладине, поднимание туловища в сед за 30с. Показанные результаты считаются исходными. Проведен педагогический эксперимент.

Исходя из результатов тестирования, были сформированы контрольная (КГ-10б) и экспериментальная (ЭГ-10а) группы по 10 юношей в каждой группе. КГ и ЭГ занимались по программе «Физическая культура» (В.И. Лях, 2019) три раза в неделю по 40 минут на протяжении первой и второй четверти учебного года, но третий урок в ЭГ проходил в тренажерном зале по разработанным нами специальным комплексам упражнений силовой направленности, основанных на использовании средств атлетической гимнастики.

Особенности реализации занятий заключались в том, что средства атлетической гимнастики составляли основу комплексов упражнений. Комплексы упражнений были подобраны таким образом, что включенные в него упражнения были адаптированы к учащимся и направлены на развитие различных групп мышц. Время работы на тренажерах для каждого учащегося, определялось в индивидуальном порядке с учетом типа телосложения, наклонов, физического развития и физической подготовленности.

До начала эксперимента учащимся ЭГ, для стимулирования интереса к занятиям атлетической гимнастикой, было разъяснено о невозможности моментального улучшения своих результатов, объяснена причинно-следственная связь между состоянием здоровья и возможностью получить от этого положительные эмоции, работоспособностью и благополучием, не стесняться гордиться своими достижениями в занятиях.

Занятия сопровождалась методическими указаниями по технике выполнения упражнений, рекомендациями по нагрузке и отдыху. Прохождение и освоение

учебного материала осуществлялось в логической последовательности, в системе взаимосвязанных уроков.

Для выявления отношения учащихся десятых классов к урокам физической культуры был проведен опрос. До эксперимента 35% юношей ЭГ и 30% КГ считают, что главной задачей урока физической культуры в школе является развитие физических качеств. 50% юношей ЭГ и 40% КГ - укрепление здоровья. Не определились с ответом 15% учащихся ЭГ и 30% КГ.

На вопрос свободного посещения уроков физической культуры в ЭГ 30% учащихся посещали бы занятия, 50% - частично посещали и 20% - не посещали, а в КГ 30%; 30% и 40% соответственно.

Данные опроса демонстрируют, что процент посещаемости уроков физической культуры юношей низкий. Одной из причин может являться однообразие уроков, проходивших в традиционной форме, которые не учитывают возрастные изменения мотивации и интересы учащихся.

На вопрос: «Каким видом спорта на занятиях физической культурой они хотели бы заниматься?», в КГ - 6% легкой атлетикой, 50% - спортивными играми, 3% - гимнастикой, 1% - лыжным спортом, 40% - атлетической гимнастикой в тренажерном зале. В ЭГ - 5% легкой атлетикой, 35% - спортивными играми, 4% - гимнастикой, 1% - лыжным спортом, 40% - атлетической гимнастикой.

Анализ результатов опроса свидетельствует, что занятия атлетической гимнастикой в тренажерном зале вызвали определенный интерес у юношей, что можно связать с новизной проведения занятий.

На начало эксперимента уровень физической подготовленности юношей в КГ и ЭГ составил: 60% со «средним» уровнем подготовленности и 40% с уровнем «выше среднего». Учащихся с «низким», «ниже среднего» и «высоким» уровнем физической подготовленности не выявлено.

В течение эксперимента проведено три контрольных среза в обеих группах после прохождения занятий легкой атлетикой, спортивными играми, гимнастикой.

По результатам определяли динамику изменений уровня физической подготовленности учащихся.

Результаты и их обсуждение

Полученные результаты сравнительного анализа физической подготовленности юношей показали, что средний результат КГ в беге на 30м в начале эксперимента составил $4,85 \pm 0,08$ с, а в конце $4,87 \pm 0,08$ с. Показатели ухудшились на $0,02$ с (-0,4%). Это свидетельствует о том, что все последующие занятия носили обучающий харак-

тер и вследствие чего, снижалась моторная плотность урока физической культуры.

В ходе исследования выявили, что результат ЭГ в беге на 30м в начале эксперимента составил $4,73 \pm 0,09$ с, в конце $4,48 \pm 0,09$ с. Результат улучшился на 0,25с. Это можно объяснить тем, что для развития быстроты мы применяли различные упражнения в тренажерном зале на развитие взрывной силы. Эти средства более эффективны для развития быстроты, так как учащиеся выполняют такие задания с большим интересом, эмоциональный уровень таких уроков более высокий. Учитывая мотивации учащихся, удалось избежать однообразия содержания учебной программы. Прирост результата составил 5,3%.

Средний результат КГ в беге на 60м в начале эксперимента составил $8,8 \pm 0,08$ с, а в конце $8,81 \pm 0,07$ с. Показатель ухудшился на 0,01с (-0,11%) по сравнению с исходным. Проведение занятий физической культурой нагрузка (по пульсу) носила поддерживающий характер и не способствовала развитию двигательных качеств, в том числе и дистанционной скорости.

Было выявлено, что результат в беге на 60м в начале эксперимента в ЭГ составил $8,85 \pm 0,14$ с, в конце он составил $8,48 \pm 0,12$ с. Показатель дистанционной скорости юношей улучшился на 0,37с. В этот период применялись средства и методы для развития силовой выносливости, упражнения на взрывную и абсолютную силу. Прирост результатов достиг 4,2%.

Средний результат КГ в беге на 100м в начале эксперимента составил $14,85 \pm 0,14$ с, а в конце $14,96 \pm 0,13$ с. Скорость бега ухудшилась на 0,11с, что составило - 0,7%. Результат ЭГ в беге на 100м в начале эксперимента составил $14,95 \pm 0,18$ с, в конце $14,55 \pm 0,14$ с. Прирост составил 2,7%. Показатели улучшились на 0,4с. В этот период применялись упражнения на развитие взрывной, абсолютной силы и силовой выносливости.

Результат КГ в прыжках в длину с места, оценивающий развитие взрывной силы на начало, и конец эксперимента составил $199,8 \pm 4,11$ см и $198,4 \pm 4,6$ см. Итоговый результат группы ухудшились на 1,4см (-0,7%). Это можно объяснить тем, что большая часть занятий уделялась обучению тактике и технике баскетбола, из-за чего снижается его общая и моторная плотность. После раздела «гимнастика», результат не изменился, так как специального развития взрывной силы на уроках не было. Это связано с использованием большого количества времени на обучение отдельных элементов упражнений, в ущерб развитию физических качеств.

Средний результат показателей ЭГ в прыжках в длину с места, характеризующий развитие взрывной силы, до и после эксперимента составил $204,5 \pm 5,14$ см

и $225 \pm 3,59$ см соответственно. Итоговый результат улучшился на 20,5см. Прирост показателя составил 10%. Это свидетельствует о положительном использовании атлетической гимнастики в занятиях физической культурой с юношами старшего школьного возраста.

В ходе исследования удалось установить, что результат в подтягивании на перекладине в начале эксперимента КГ составил $2,7 \pm 0,5$ раза, а уже в конце эксперимента данный результат ухудшился на $2,3 \pm 0,4$ раза. После традиционных занятий баскетболом сила мышц сгибателей рук снизилась на 0,4 раза, что составило -14,8% т.к. нагрузка на данную группу мышц не носила развивающего характера вследствие низкой плотности урока и большой доли обучения элементам техники. Уроки гимнастики не смогли улучшить абсолютную силу, так как было использовано недостаточно упражнений для ее развития.

При анализе полученных данных ЭГ в тесте «Подтягивание на перекладине» после прохождения блока силовых занятий в тренажерном зале результат улучшился на 1,2 раза. Средний результат в начале эксперимента составил $3,8 \pm 0,5$ раза, а в конце $5,0 \pm 0,5$ раза. Итоговый показатель улучшился на 32,6%.

Это объясняется тем, что для развития силы мышц сгибателей рук на уроках применяли упражнения с прогрессивно-возрастающим отягощением, применяли статические упражнения, упражнения с использованием нестандартного оборудования, упражнения с резиновыми бинтами и эспандерами.

Для определения силовой выносливости юноши выполняли контрольное испытание в поднимании туловища в сед за 30с. Результаты КГ ухудшились на 3% с $46,8 \pm 0,29$ раз до $45,4 \pm 0,59$ раза. После занятий спортивными играми результат остался на исходном уровне. Вследствие того, что большую часть урока занимало обучение элементам техники, на развитие двигательных качеств оставалось мало времени. После уроков гимнастики результат улучшился, но не существенно. Это закономерно, так как происходит активное развитие силы брюшных мышц, как за счет применения специальных упражнений, так и за счет статической работы на гимнастических снарядах.

В ЭГ заметен прирост показателя на 14,5% по сравнению с КГ. Результат повысился с $46,3 \pm 1,23$ раза до $53 \pm 1,23$ раза соответственно. Сила мышц сгибателей туловища увеличилась. Объясняется это тем, что наряду с решением образовательных задач, для развития этой группы мышц мы применяли метод прогрессивно-изменяющегося отягощения. Такие упражнения проходили достаточно эмоционально. В процессе решения образовательных задач по гимнастике продолжали применять

метод прогрессивно-изменяющегося отягощения, увеличивая массу отягощения, быстроту перемещения груза, также применяли комплексы упражнений на шведской стенке и гимнастической скамейке.

По завершении эксперимента повторно выявили отношение десятиклассников к урокам физической культуры. 45% юношей ЭГ считают главной задачей урока физической культуры в школе – это развитие физических качеств, 45% - укрепление здоровья, и 10% затруднились с ответом. В КГ 35% - развитие физических качеств, 45% укрепление здоровья, и 20 % затруднились с ответом.

Показатели отношения юношей к свободному посещению занятий физической культурой в школе распределились следующим образом: ЭГ – 70% посещали бы, 10% – частично посещали и 20% – игнорировали бы занятия. В КГ – 25% посещали бы, 45% – частично посещали и 30% не посещали бы.

Из полученных результатов можно сделать выводы, что процент посещаемости уроков физической культуры КГ остался низким, одной из причин может являться однообразность уроков, так как уроки проходили в традиционной форме. В ЭГ процент посещаемости вырос. Одна из причин – занятия атлетической гимнастикой в тренажерном зале.

После эксперимента на вопрос, «Каким видом спорта на занятиях физической культуры они бы хотели заниматься?». Учащиеся ЭГ ответили: 3% – легкой атлетикой, 25% – спортивными играми, 2% – гимнастикой, 1% – лыжным спортом и 69% – атлетической гимнастикой. Юноши КГ ответили: 4% – легкой атлетикой, 49% – спортивными играми, 3% – гимнастикой, 1% – лыжным спортом и 49% атлетической гимнастикой.

Следовательно, занятия атлетической гимнастикой

в тренажерном зале вызвали определенный интерес у юношей, что взаимосвязано, прежде всего, с новизной учебных занятий и пропагандой со стороны СМИ. Наибольший процент учащихся, заинтересованных в посещении урока физической культуры – учащиеся ЭГ. Можно с уверенностью сказать, что они осмысленно посещают уроки физической культуры, что подтверждается результатами опроса.

Учащиеся начинают более осмысленно и целенаправленно заниматься на уроке физической культуры, иметь большую заинтересованность в укреплении своего здоровья, при условии включения в школьную программу дополнительных современных видов физической подготовки, что подтверждается результатами опроса учащихся. (Рис. 1.)

Сравнение исходных и конечных показателей уровня физической подготовленности юношей старшего школьного возраста (рис.1) показали, что после проведенного эксперимента уровень физической подготовленности юношей КГ не изменился. Можно сказать, что традиционные уроки физической культуры носят обучающий поддерживающий характер, а не развивающий.

В ЭГ понизилось количество учащихся со «средним» уровнем физической подготовленности с 60% до нуля, а число учеников, имеющих уровень подготовленности «выше среднего», значительно увеличилось и составило 100% от общего количества испытуемых.

Мы считаем, что позитивные изменения в ЭГ произошли за счет включения в уроки физической культуры специальных комплексов упражнений силовой направленности, основанных на использовании средств атлетической гимнастики.

Позитивное отношение к учебной деятельности

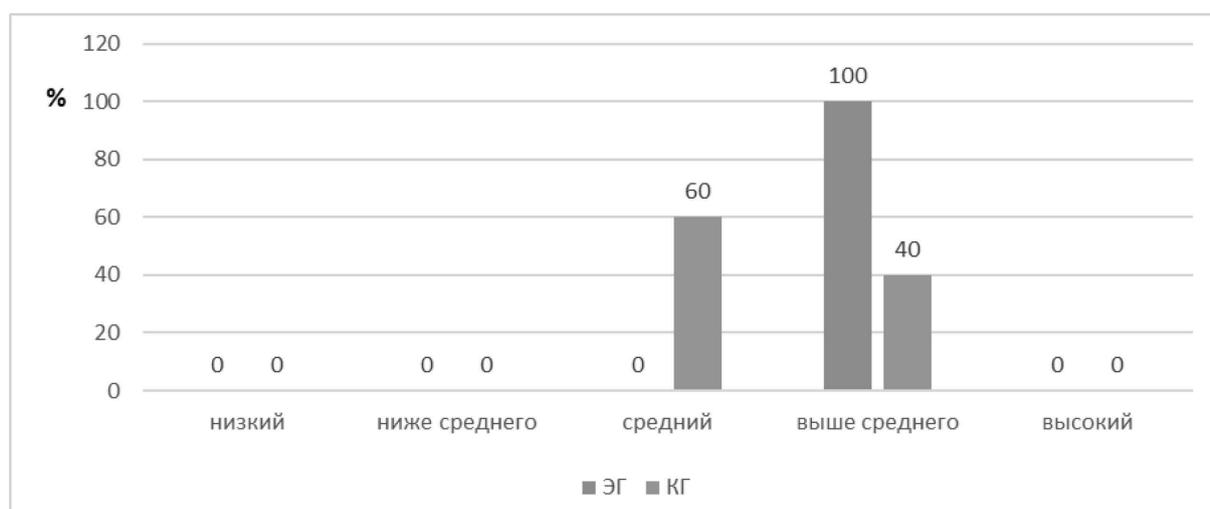

Рис. 1. Уровень физической подготовленности юношей после эксперимента (%)

представляет собой и самостоятельную ценность, поскольку является показателем психологического благополучия, что прослеживается из посещения уроков. До эксперимента она составила 85,05%, а по окончании 98,4%, тогда как в КГ отношение практически не изменилось. До эксперимента 79,7%, а по его окончании 81,4%.

Анализ посещаемости занятий в ходе педагогического эксперимента свидетельствует об улучшении посещаемости в ЭГ на 15,7%, а в КГ на 2,1%. На основании этого, мы можем утверждать, что стимулирующим фактором для юношей является новая форма проведения занятий по физической культуре, которая повышает мотивацию в посещении таких уроков.

Выводы

После эксперимента в КГ уровень физической подготовленности практически не изменился. Следовательно, стандартные трехразовые занятия в недельном цикле по физической культуре в КГ не имели необходимого тренирующего воздействия, а являлись лишь поддерживающим. Незначительное улучшение показателей физической подготовленности юношей произошло, прежде всего, благодаря естественному биологическому росту организма, нежели влияния педагогического фактора.

К причинам снижения интереса к уроку физической культуры следует отнести однообразие содержания учебной программы, которая не учитывает возрастные изменения мотивации и интересов учащихся. Усредненные требования, не учитывающие личностных особенностей, приводят к тому, что юноши на уроке находятся в стрессовом состоянии и или же становятся равнодушными.

В ЭГ за счет применения средств атлетической гимнастики подготовленность заметно повысилась. Прогнозируется плавное повышение результатов от измерения к измерению в течение первых двух четвертей учебного года.

Сократилось число учащихся со «средним» уровнем физической подготовленности с 60% до нуля, а число учащихся с уровнем подготовленности «выше среднего» значительно увеличилось и составило 100% от общего количества испытуемых. Результаты, полученные в ходе эксперимента, позволяют говорить о положительной динамике уровня физической подготовленности юношей старшего школьного возраста.

Таким образом, доказана эффективность комплексов упражнений силовой направленности, основанных на использовании средств атлетической гимнастики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисеев В.М. Как повысить эффективность уроков физической культуры //Спорт в школе. 1997. №8. – С.3-4.
2. Бузова Ф.Е. Анализ урока физической культуры с различных сторон. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2018. – С.24-25.
3. Иванов В.А., Должников И.В. О комплексном развитии физических качеств у школьников // Физическая культура, воспитание, образование, тренировка. 1998. №4. – С.10-15.
4. Корниенко А.А. Методы и средства улучшения эффективности физического воспитания в школе //Физическая культура в школе. 1991. №3. – С.40-41.
5. Литус Р.И. Место и роль атлетической гимнастики на уроках физической культуры для учащихся старшего школьного возраста //Инновационные образовательные технологии. 2015. № 3(43). – С.25-28.
6. Лукьяненко В.П., Краморова М.В., Муханова Н.В. Комплексное развитие физических качеств как основа укрепления здоровья школьников //Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2018. №2(65). – С. 178-184.
7. Лях В.И. Физическая культура. 10-11 классы: учеб. для общеобразоват. учреждений /В.И. Лях, А.А. Зданевич; под ред. В.И. Ляха. – 7-е изд. – М: Просвещение. 2012. – 237с.
8. Мансуров И.И. Теоретико-методические основы физической культуры в школе: Учебное пособие. – Карачаевск: изд. КЧГУ. 2003. – 361с.
9. Развитие силовых способностей старших школьников средствами атлетической гимнастики на уроках физической культуры /А.П. Матвеев, В.Ю. Карпов, Ф.Р. Сибгатаулина [и др.] //Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. №12(154). – С.167-172.
10. Устьячкинцев Ю.А., Сорокина Е.Ю. Совершенствование методики силовой подготовки учащихся старших классов //Олимпийская идея. Материалы 6-й Всероссийской научно конференции. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет. 2016. – С. 125-130.
11. Янсон Ю.А. Уроки физической культуры в школе. Новые педагогические технологии. – Ростов н/Д.: «Феникс». – 2005. – 432с.

© Мельников Юрий Александрович (pffkksi@mail.ru), Пушкарев Алексей Владимирович (alexseipushkarev@mail.ru), Максимова Светлана Семеновна (maks.ss59@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Николаева Мария Владимировна

Старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), (г. Москва)
marianick@inbox.ru

THE ROLE OF THE CONTEXT OF FOREIGN LANGUAGE CULTURE IN THE DEVELOPMENT OF LINGUOCULTURAL COMPETENCE OF LANGUAGE UNIVERSITY STUDENTS

M. Nikolaeva

Summary: The article examines the concepts of contrastive linguistics and communicative competence in their relationship. The concept of communicative competence takes into account the ability to use language in specific situations. It is noted that speakers' competence in using a language is determined by four parameters: formality, feasibility, appropriateness and prevalence. Determining communicative competence requires an interdisciplinary study of communicative action. The concept of competence usually summarizes all of a person's abilities, including cognitive, affective, and volitional factors. Communication competence is related to tacit knowledge, intuitive knowledge and the ability to use it. In the early 1970s, communicative competence became an overarching goal of foreign language teaching. With the development of innovative methods in teaching a foreign language, methodologists began to use methods of contrastive linguistics to achieve the main goal of foreign language education - the formation of communicative competence. The contrastive approach focuses on the content and relational aspects of communication. Interdisciplinary connections and innovative teaching methods are developed, including the use of principles of contrastive linguistics.

Keywords: communicative competence, methods of teaching a foreign language, contrastive linguistics, the goal of foreign language education.

Аннотация: В статье рассматриваются понятия контрастивной лингвистики и коммуникативной компетенции в их взаимосвязи. Концепция коммуникативной компетентности учитывает способность использовать язык в конкретных ситуациях. Отмечено, что компетентность говорящих в использовании языка определяют четыре параметра: формальность, осуществимость, соответствие обстоятельствам и распространенность. Определение коммуникативной компетентности требует междисциплинарного изучения коммуникативного действия. Концепция компетентности обычно суммирует все способности человека, включая когнитивные, аффективные и волевые факторы. Коммуникативная компетентность связана с неявным знанием, интуитивным знанием и способностью его использовать. В начале 1970-х годов коммуникативная компетентность стала всеобъемлющей целью обучения иностранному языку. С развитием инновационных методик в преподавании иностранного языка методисты стали использовать методы контрастивной лингвистики для достижения главной цели иноязычного образования – формирование коммуникативной компетенции. Контрастивный подход уделяет внимание содержательным и взаимоотношениям аспектов общения. Междисциплинарные связи и инновационные методы обучения развиваются, включая использование принципов контрастивной лингвистики.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, методика преподавания иностранного языка, контрастивная лингвистика, цель иноязычного образования.

Введение

Перед каждым преподавателем иностранного языка стоит вопрос о том, как лучше всего организовать учебный процесс, и какой метод будет наиболее эффективным на пути формирования коммуникативной компетенции. Хотя подавляющее большинство учебников нацелено на развитие коммуникативной компетентности, во многих известных пособиях указываются различия и сходства между изучаемым и родным языками в разделе грамматики и предпринимаются попытки контролировать процессы преподавания и обучения таким образом, чтобы учащиеся идентифицировали проблемные области и уделяли им особое внимание. В этом аспекте в методике преподавания часто использу-

ется переводной метод, когда обучающиеся осознанно переводят с родного на изучаемый язык лакунарные конструкции и обсуждают несовпадения. Без применения методов контрастивной лингвистики такие упражнения не имели бы никакого смысла. В рамках данной статьи ставится цель – проследить, как методы и принципы контрастивной лингвистики могут быть применены в иноязычном образовательном процессе в аспекте формирования коммуникативной компетенции.

Материалы и методы исследования

Материал исследования – принципы контрастивной лингвистики при формировании иноязычной коммуникативной компетенции. В ходе достижения целей ис-

пользовались следующие методы исследования: описательный метод, метод наблюдения, метод сопоставления.

Результаты и обсуждения

Термин «коммуникативная компетентность» введён в социолингвистику Х. Хаймсом [10]. Используя концепции компетентности и эффективности Н. Хомского [9], он подчеркивает центральную роль социолингвистических компонентов языкового сообщества, которые приводят к приобретению навыков использования языка и устанавливают функцию грамматики в общении внутри языкового сообщества. Вслед за Н. Хомским Д. Хаймс формулирует концепцию коммуникативной компетентности, которая учитывает также способность использовать язык в конкретных ситуациях. Концепцию Д. Хаймса можно рассматривать как расширение концепций компетентности и результативности Хомского, поскольку концепция коммуникативной компетентности подразумевает не только психолингвистические процессы языковой компетентности: помимо грамматико-лингвистической компетентности, постулируемой Н. Хомским, Д. Хаймс признает и другие компетенции, которые позволить говорящему использовать язык надлежащим образом в данном контексте. Четыре параметра, определяющие компетентность говорящих в использовании языка, перечислены Д. Хаймсом в форме вопросов:

1. возможен ли формальный коммуникативный акт (Whether (and to what degree) something is formally possible);
2. осуществим ли коммуникативный акт имеющимися средствами (Whether (and to what degree) something is feasible in virtue of the means of implementation available);
3. соответствует ли коммуникативный акт данным обстоятельствам (лингвистическому и экстралингвистическому контексту) (Whether (and to what degree) something is appropriate (adequate, happy, successful) in relation to a context in which it is used and evaluated);
4. является ли коммуникативный акт распространенным в ситуации (Whether (and to what degree) something is in fact done, actually performed, and what it's doing entails) [10].

Данные критерии оценки коммуникативной компетентности говорящего могут быть отнесены к различным разделам лингвистики: теории грамматики, психолингвистике, социолингвистике и статистике языка.

Таким образом, определение коммуникативной компетентности, данное Д. Хаймсом, требует междисциплинарного изучения коммуникативного действия. По Д. Хаймсу, концепция компетентности обычно суммирует все способности человека, а именно когнитивные, аффективные и волевые факторы. Для него компетентность

связана как с (неявным) знанием, так и с (интуитивным) знанием, а также со способностью его использовать (способность к), и четыре перечисленных параметра подразумевают обе области компетентности. Термин Д. Хаймса охватывает потенциальные способности говорящего действовать коммуникативно и конкретизацию этого потенциала в коммуникативном поведении: «... можно сказать, что цель широкой теории компетентности состоит в том, чтобы показать способы, с помощью которых возможно участвовать в коммуникативном взаимодействии и интерпретировать реально происходящее культурное поведение» [10].

Д. Хаймс определяет коммуникативную компетентность в динамической системе реального общения, т.е. переносит конструкции Хомского с лингвотейоретического уровня на прагматический уровень. Д. Хаймс формулирует концепцию, которая фокусируется на пользователях языка и использовании языка. Однако ее критерии не дают каких-либо инструментов, которые могли бы быть актуальны в смысле прикладной лингвистики и, в частности, дидактики иностранного языка.

В начале 1970-х годов в дидактике иностранного языка произошел коммуникативный поворот, и коммуникативная компетентность была объявлена всеобъемлющей целью обучения иностранному языку: интеракционные и субъективные характеристики общения были включены в дидактическое обсуждение и были разработаны проекты развития коммуникативных навыков при обучении иностранному языку. С этого времени во внимание стали приниматься прагматические выводы социолингвистики и философии языка, а иллокутивное измерение языкового действия признается частью учебного процесса. При взаимодействии на уроках иностранного языка обучающиеся должны научиться правильно передавать свои коммуникативные намерения и понимать интенции своих партнеров по взаимодействию с учетом субъективных и объективных условий ситуации общения. В прагматическом дидактическом подходе основное внимание уделяется содержательным и взаимоотношениям аспектов общения [8. С.316].

На сегодняшний день активно развиваются междисциплинарные связи и предлагаются инновационные методы обучения. Один из них – использование принципов контрастивной лингвистики в методике обучения иностранным языкам [3. С.120]. Контрастная лингвистика для формирования инновационной коммуникативной компетентности предполагает изучение различных лингвистических методов повышения способности эффективно и творчески общаться [4. С.21].

Контрастивный метод рассматривается как дидактическая концепция, основной принцип которой заключается в том, чтобы дать учащимся возможность

сознательно сравнивать изучаемый язык со своим родным языком. Цель такого подхода состоит в том, чтобы способствовать восприятию учащимися межъязыковых контрастов.

Представленная в статье концепция основана на мнении таких исследователей и методистов, как Е.П. Артамонова [1], М.А. Бочарникова [2], И.А. Зимняя [5], В.В. Сафонова [6], которые дают определение предмета контрастного обучения, выходящего за рамки межъязыковых контрастов и включающего в себя такие факторы, как обучающиеся, преподаватели и цели обучения. По мнению Е.Н. Солововой, обучающиеся постоянно сравнивают язык, который они изучают, и родной язык. Согласно В.В. Сафоновой, сравнительный подход – это не объективное сравнение языковых систем L1 и L2, а скорее субъективный взгляд на языковую систему L2 на основе существующей языковой системы L4. Это означает, что лингвистическое сопоставление, которое происходит с точки зрения учащегося в любом случае происходит в процессе приобретения знаний. Соответственно, можно утверждать, что не различия между двумя языковыми системами, а скорее взгляды учащихся, то, как они интерпретируют различия и справляются с ними, играют прямую роль в изучении языка.

Согласно Л.Х. Цику, контрастный метод как стратегия обучения является базовой концепцией, на которой основывается весь образовательный процесс. Можно также встретить мнения, что данный подход имеет место только при изучении узких областей, например, грамматики [7].

Рассмотрим несколько основных методов контрастной лингвистики, которые можно использовать для формирования коммуникативной компетенции при изучении иностранного языка.

Контрастная лингвистика предполагает систематическое сравнение языков для выявления сходств и различий в их структурах, словарном запасе и грамматике. Изучая таким образом разные языки, обучающиеся могут лучше понять, как работают языки, и развить более тонкий взгляд на общение. Такой подход может помочь в формировании инновационной коммуникативной компетентности, поскольку он дает представление о том, как разные языки выражают идеи и концепции, что способствует развитию межкультурной толерантности и лояльности.

Контрастный анализ – это метод, используемый для сравнения двух языков с целью выявления областей сходства и различия. Сравнивая структуры и особенности разных языков, обучающиеся могут выявить потенциальные проблемы в общении и разработать стратегии для их преодоления. Такой метод обеспечивает формирование инновационной коммуникативной ком-

петентности, поскольку позволяет выделить области, в которых межъязыковые различия могут повлиять на общение. Применение данных принципов предоставляет возможности для творческого решения проблем.

Межкультурное общение предполагает понимание того, как язык и его фактическое использование в различных типах дискурса и речевых актах различаются в разных культурах. Погружаясь в разнообразные культурные контексты, обучающиеся могут глубже осознать роль культуры в формировании коммуникативных моделей и норм общения. Такой подход может привести к формированию инновационной коммуникативной компетентности путем развития способности адаптировать стили общения к различным культурным условиям и преодолевать культурные различия посредством эффективных коммуникативных стратегий.

Комбинируя эти методы и подходы, обучающиеся могут улучшить свои коммуникативные навыки, расширить лингвистические знания и развивать инновационную коммуникативную компетентность, которая позволяет им эффективно взаимодействовать с разнообразной аудиторией и передавать идеи творческими и эффективными способами.

Выводы

Изначально термин «коммуникативная компетентность» был введен Х. Хаймсом в социолингвистику. Концепция коммуникативной компетентности учитывает способность использовать язык в конкретных ситуациях. Д. Хаймс расширяет концепции компетентности и результативности Н. Хомского, включая другие аспекты. Определение коммуникативной компетентности требует междисциплинарного изучения коммуникативного действия. Концепция компетентности обычно суммирует когнитивные, аффективные и волевые факторы. Термин Д. Хаймса охватывает потенциальные способности говорящего действовать коммуникативно. В начале 1970-х годов коммуникативная компетентность стала всеобъемлющей целью обучения иностранному языку.

На сегодняшний день активно развиваются междисциплинарные связи и инновационные методы обучения, что привело к тому, что контрастная лингвистика стала использоваться в методике обучения иностранным языкам. Контрастный метод предполагает изучение различных лингвистических методов для повышения способности общаться эффективно и творчески. Цель контрастного подхода – способствовать восприятию учащимися межъязыковых лакун. Обучающиеся постоянно сравнивают языки – родной и тот, который они изучают. Сравнительный подход является субъективным взглядом на языковую систему L2 на основе существующей языковой системы L4. Лингвистическое сопоставление

происходит в процессе приобретения знаний, и взгляды учащихся играют прямую роль в изучении языка. Контрастный метод является базовой концепцией, на которой основывается весь образовательный процесс.

Контрастивная лингвистика сравнивает языки для выявления сходств и различий в структурах, словарном запасе и грамматике. Изучение разных языков помогает понять, как работают языки и развить языковую догадку. Применение принципов контрастивной лингвистики

предоставляет возможности для творческого решения проблем в общении. Межкультурное общение требует понимания различий в языке и его использовании в различных типах дискурса и речевых актах в разных культурах. Погружение в разнообразные культурные контексты помогает осознать роль культуры в формировании коммуникативных моделей и норм общения. Комбинируя методы и подходы, обучающиеся могут улучшить свои коммуникативные навыки, расширить лингвистические знания и развить коммуникативную компетентность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова Е.П. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности у будущих учителей иностранного языка на основе социокультурного подхода: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Магнитогорск, 2004. 18 с
2. Бочарникова М.А. Понятие «коммуникативная компетенция» и его становление в научной среде // Молодой ученый, 2009. № 8 (8). С. 130–132.
3. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. М.: Академия, 2004. 336 с.
4. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 38 с.
5. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? // Высшее образование сегодня, 2006. № 8. С. 20–26.
6. Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях // О чем спорят в языковой педагогике. М.: Еврошкола, 2004. 236 с.
7. Соловова Е.Н. Современные требования к научно-методическому и учебно-методическому обеспечению учебного процесса в языковом образовании. // Иностранные языки в школе. 2004, № 4.
8. Цику Л.Х., Арутюнов Э.К. Формирование компетенций в процессе обучения иностранному языку // Международный журнал экспериментального образования, 2014. № 10. С. 316–317.
9. Chomsky N. Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use, Westport, Praeger Publishers, 1986.
10. Hymes D. On Communicative Competence. In J.B. Pride and J. Holmes (eds.), Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972.

© Николаева Мария Владимировна (marianick@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫМ ТЕКСТОМ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Поварницына Татьяна Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, Камчатский
государственный технический университет
povarnytsina@yandex.ru

THE ORGANIZATION OF WORK WITH PROFESSION-ORIENTED TEXT WHEN TEACHING READING IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

T. Povarnitsina

Summary: This article is devoted to the organization of work with an English-language profession-oriented text when teaching reading in a non-linguistic university. The concept of a profession-oriented text is clarified, and the types of texts are defined. The stages of working with professional texts are described, the main types of tasks are given. In the author's opinion, the use of professional texts contributes to the formation of the terminological apparatus of the future specialist, the improvement of his professional communicative competence.

Keywords: professional English, profession-oriented text, marine specialities, reading, oral speech, professional competence.

Аннотация: Данная статья посвящена организации работы с англоязычным профессионально-ориентированным текстом при обучении чтению в неязыковом вузе. Уточняется понятие профессионально-ориентированного текста, определяются виды текстов. Описываются этапы работы с текстами профессиональной тематики, приводятся основные типы заданий. По мнению автора, использование текстов профессиональной направленности способствует формированию терминологического аппарата будущего специалиста, совершенствованию его профессиональной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: профессиональный английский язык, профессионально-ориентированный текст, морские специальности, чтение, устная речь, профессиональная компетенция.

Ключевым моментом при обучении английскому языку в неязыковом вузе является ориентация на профессиональную деятельность будущего специалиста. Большое значение при этом имеет практическое освоение языка специальности, в том числе умение работать с профессионально-ориентированным текстом, который является во многих случаях единственным источником информации. Так, для специалистов морских профессий будут актуальны такие источники информации, как, инструкции, лоции, различные технические документы, акты и ремонтные ведомости.

Анализ методической литературы выявил необходимость рассмотрения специфики работы с профессионально-ориентированным текстом при обучении чтению студентов морских специальностей. Актуальным является также разработка системы упражнений на уровне текста, которая может быть использована при составлении пособий по профессиональному английскому языку.

Под профессионально-ориентированным текстом в данном исследовании понимается текст, который может быть соотнесен с определенной профессиональной областью, обладающий профессиональной лексикой и терминологией.

Исходя из данного определения, можно выделить основные признаки профессионально-ориентированного

текста: наличие слов-профессионализмов и соотнесенность с профессиональной областью [2, 5, 6].

Учитывая тот факт, что все тексты могут отличаться с точки зрения объема профессиональной (терминологической) лексики, а также сложности содержания, справедливо выделить среди них общепрофильные и узкопрофильные тексты. Обратимся к определениям.

Узкопрофессиональными являются «тексты, содержание и лексический состав которых «зашифрованы», а поэтому понятны только специалистам той или иной области знаний» [6, с.199]. Напротив, под общепрофильными понимаются «тексты-описания, имеющие отношение к той или иной профессиональной сфере, при этом количество содержащихся в нем слов-профессионализмов не препятствует пониманию содержания» [6, с.199].

Так, например, студенты специальности 16.03.03 «Холодильная, криогенная техника и системы жизнеобеспечения» Камчатского государственного технического университета начинают изучение профессионального английского языка с текстов научно-популярного характера общепрофессиональной направленности: «Холод как физическое явление», «Применение холода в промышленности», «Появление искусственного охлаждения», «Первые модели холодильников и их изобретатели». На старших курсах студенты изучают неадаптированные

технические тексты узкопрофильного характера, из которых они получают представление о работе судовых холодильных установок и их компонентах, хладагентах и их свойствах, технической эксплуатации и обслуживании холодильных установок.

Обзор методической литературы показал, что первостепенными критериями при отборе текстов для обучения профессионально-ориентированному чтению, являются, профессиональная направленность информации текста, современность и актуальность содержания (соотнесенность текста с тематикой изучаемых на данном этапе профильных дисциплин), аутентичность текста, степень сложности текстов и уровень языковой подготовки студентов [1, с.82].

Опыт показывает, что основными видами чтения, используемыми в аудиторной работе при обучении профессиональному английскому языку, являются ознакомительное и изучающее. Данные виды чтения, помимо понимания содержания текста в той или иной степени [10], направлены на отработку новой лексики и грамматических конструкций. Кроме того, в силу своих целевых установок, данные виды чтения позволяют в большей степени использовать исходный текстовый материал в качестве основы для формирования продуктивных умений устной и письменной речи.

Работа с любым текстом включает в себя три этапа – дотекстовый, текстовый и послетекстовый [9]. Рассмотрим основные типы заданий, которые можно использовать на уровне профессионально-ориентированного текста.

На дотекстовом этапе (before reading) студентам предлагаются упражнения, направленные на снятие языковых трудностей

О(отработка нового лексико-грамматического материала), а также задания на стимулирование интереса к тексту за счет обращения к их личному опыту имеющимся знаниям. Кроме того, на данном этапе возможны задания на прогнозирование содержания текста по его заголовку, ключевым словам, картинкам к тексту.

Приведем формулировки заданий дотекстового этапа, заимствованные из разных учебных пособий [3, 4, 7, 8]:

- *Study the active vocabulary after the text.* / Ознакомьтесь с новыми словами после текста.
- *Look through the key words before the text and define what the text is about.* / Определите тематику (проблематику) текста, исходя из следующих ключевых слов (словосочетаний).
- *Read the title of the text and guess what this text is about.* / Прочитайте заголовок текста и предположите, о чем данный текст.
- *Look at the illustrations and guess what the text is about.* / Просмотрите иллюстрации к тексту и предположите, о чем данный текст.

- *Look through the text and determine if the text has answers to the following questions ...* / Просмотрите текст и определите, есть ли в тексте ответы на следующие вопросы
- *Scan the text and match the headings (a-e) with the paragraphs.* / Просмотрите текст и соотнесите заголовки (a-e) с параграфами (1-5).

Текстовый этап (while reading) – это собственно чтение текста и выполнение конкретно-сформулированных заданий. На данном этапе возможны упражнения, направленные на поиск языковой и смысловой информации в тексте (ответы на вопросы, заполнение таблицы данными из текста), дополнение незавершенных предложений на основе информации из текста, логическую перегруппировку (последовательность размещения) компонентов текста, восстановление текста (воссоздание связного текста через заполнение пропусков предложениями или микротекстами / абзацами). Также, к текстовому этапу относятся и задания на контроль понимания прочитанного (определение истинности / ложности высказывания на основе информации из текста).

Приведем примеры формулировок заданий текстового этапа:

- *Read and translate the text. Answer the following questions using the information from the text.* / Прочитайте и переведите текст. Ответьте на вопросы, используя информацию из текста.
- *Find the answers to the questions in the text. Which of the proposed issues is not covered in the text?* / Найдите в тексте ответы на вопросы. Какой вопрос из числа предложенных не освещен в тексте?
- *Match the questions and answers based on the information in the text.* / Соотнесите вопросы и ответы на основе информации из текста.
- *Finish the following sentences using the information from the text.* / Закончите утверждения, используя информацию из текста
- *Arrange the sentences in a logical order according to the text.* / Расположите предложения по порядку, в котором они встречаются в тексте.
- *Fill in the blanks with the sentences from the box, there is one you do not need.* / Заполните пропуски в тексте предложениями из числа предложенных, одно из которых является лишним.
- *Fill in the following table with the data (facts) from the text.* / Заполните таблицу данными (фактами) из текста.
- *Say if the following sentences are true or false. Correct the wrong ones.* / Определите, является ли утверждение истинным или ложным, исправьте неверное утверждение.

На **послетекстовом этапе (after reading)** используются задания, направленные на применение студентами языка в свободном высказывании. При этом, исходный

текст является языковой и содержательной базой для развития умений устной и письменной речи (говорения и письма). На данном этапе возможна как аудиторная, так и самостоятельная работа студентов, направленная на поиск, осмысление и оформление информации по тематике прочитанного текста.

Примеры формулировок заданий послетекстового этапа:

- *Retell the text using the following plan (key words).* / Перескажите текст, опираясь на план (ключевые слова).
- *Describe the illustration (picture, diagram) using the information from the text.* / Опишите иллюстрацию (картинку, диаграмму) используя информацию из текста.
- *Describe the process of ... using the facts from the following table.* / Опишите процесс ..., опираясь на данные таблицы.
- *Make up the dialogue-discussion (interview) on the following situation.* / Составьте диалог-дискуссию (интервью) по ситуации.
- *Discuss the problem in your group.* / Обсудите в группе проблему ...
- *Translate the following sentences into English using the information from the text.* / Переведите предложения на английский язык, используя информацию из текста.
- *Write the summary of the text.* / Напишите резюме текста.
- *Write the essay on the following topic.* / Напишите эссе на тему ...
- *Prepare a report on the topic ... and take part in the round table discussion.* / Подготовьте устное сообщение и примите участие в круглом столе.
- *Prepare the Power Point presentation on the topic ...* / Подготовьте презентацию на тему ...

Таким образом, рассмотренные дотекстовые, текстовые и послетекстовые задания способствуют формированию умения извлекать и применять необходимую языковую и содержательную информацию на практике. На последнем этапе работы с текстом совершенствуется коммуникативная компетенция студентов, чему способствуют задания, направленные на развитие монологической и диалогической речи.

В качестве образца работы с профессионально-ориентированным текстом предлагаем комплекс упражнений к тексту "A cycle of operation" [7, с. 43].

Дотекстовые упражнения

Упражнение 1

Цель: Снятие языковых трудностей, знакомство с новой лексикой, отработка произношения.

Задание: Study the active vocabulary after the text. / Ознакомьтесь с новыми словами после текста.

closed cycle, compression refrigerating plant, refrigerant vapour, liquid state, evaporating pressure, drop in pressure, orifice, violent boiling, foaming, suction pipe, refrigerating (cooling) capacity, to throttle, to superheat.

Режим выполнения: индивидуально и в составе группы, устно.

Контроль: индивидуально и в группе.

Упражнение 2

Цель: Прогнозирование содержания текста по заголовку.

Задание: Read the title of this text and suggest what this text is about. / Прочитайте заголовок текста и предположите, о чем данный текст.

Режим выполнения: в составе группы, устно.

Контроль: обсуждение в группе.

Текстовые упражнения

Упражнения 3

Цель: Поиск языковой и смысловой информации с опорой на прочитанный текст.

Задание: Read and translate the text. Find the answers to the following questions. / Прочитайте и переведите текст. Найдите ответы на вопросы в тексте.

1. Where do the refrigerant vapors taken by the compressor come from?
2. What happens to the pressure and temperature of the gas in the compressor?
3. Where does the compressed gas go?
4. Where is the compressed gas cooled?
5. What part does the thermostatic valve play in the cycle of operation?
6. What happens to the gases while cooling?
7. What do the violent foaming and boiling of the refrigerant lead to?
8. Why are additional heat exchangers fitted after the evaporator?
9. What does the refrigerating capacity depend on?
10. What are the main units of the refrigerating system?

Режим выполнения: в составе группы, устно.

Контроль: обсуждение в группе.

Упражнение 4

Цель: Формирование умения последовательного размещения компонентов текста для описания явления.

Задание: Arrange the sentences in a logical order according to the text. / Расположите предложения по порядку, в котором они встречаются в тексте.

1. The refrigerant is cooled by air or water circulating through the tubes.
2. The refrigerant vapour is taken from the evaporator by the compressor.
3. While passing through a small orifice, the refrigerant is throttled to the evaporating pressure.
4. The rest of the liquid evaporates by extracting heat from the surroundings in the chamber.

5. Due to the pressure drop, some of refrigerant vapours evaporate and the temperature falls.
6. The liquid refrigerant flows towards the receiver and then to the thermostatic expansion valve.
7. The compressed gas flows to the condenser.
8. Finally, the refrigerating effect takes place.
9. The vapour-liquid mixture goes to the evaporator.
10. While cooling, gases are transformed into the liquid state.

Режим выполнения: в составе группы, устно.
Контроль: обсуждение вариантов выполнения.

Упражнение 5

Цель: Восприятие содержательной и смысловой информации текста.

Задание: Say if the following statements are true or false. Correct the wrong ones. / Определите, является ли утверждение истинным или ложным, исправьте неверное утверждение.

1. The temperature and pressure of the gas rise as soon as the compressor compresses gas.
2. The refrigerant is throttled to the evaporating pressure when it passes through the thermostatic valve.
3. The reason of the refrigerant boiling and foaming is the sudden drop in pressure.
4. The cooling capacity usually depends on the difference between the condensation and evaporation temperatures.
5. The refrigerant is cooled by gas circulating through the tubes.

Режим выполнения: в составе группы, устно.
Контроль: обсуждение вариантов выполнения.

Послетекстовые упражнения

Упражнение 6

Цель: Поиск, осмысление и оформление информации по тематике прочитанного текста.

Задание: Describe the cycle of operation of the refrigerating unit in 10 sentences. / Опишите в 10 предложениях цикл работы холодильной установки.

Режим выполнения: индивидуально, устно.

Контроль: обсуждение вариантов выполнения.

Упражнение 7

Цель: Формирование навыков диалогической речи на основе прочитанного текста.

Задание: Discuss the cycle of operation of the refrigerating unit with the manager of the ship repair department. / Обсудите цикл работы холодильной установки с руководителем судоремонтного отдела.

Режим выполнения: в парах, устно.

Контроль: взаимопроверка.

Упражнение 8

Цель: Формирование навыков монологической речи.

Задание: Prepare a report with presentation on the topic "The cycle of operation of the refrigerating plant". / Подготовьте сообщение с презентацией на тему "Работа судовой холодильной установки".

Режим выполнения: индивидуально, устно.

Контроль: обсуждение вариантов выполнения.

Представленный комплекс предтекстовых, текстовых и послетекстовых заданий может быть использован как образец при составлении учебных пособий по профессиональному английскому языку. Подобные упражнения способствуют расширению словарного запаса студентов необходимой профессиональной терминологией, развитию умений работать с текстами, а именно: извлекать необходимую информацию из текста и использовать ее в устной и письменной речи. Регулярная работа с профессионально-ориентированными текстами будет способствовать совершенствованию профессиональной коммуникативной компетенции студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гузикова В.В. Специфика работы с профессионально-ориентированными текстами при обучении юридической терминологии на занятиях иностранного языка / В.В. Гузикова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – №4(27). – С. 74-84.
2. Жидкова Н.В. Чтение профессионально-ориентированных текстов как средство формирования коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов / Жидкова Н.В., Бобышева Т.В. // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – Vol. 8-1 (71). – P. 87-89.
3. Иваненко Т.И. Английский язык: учеб. пособие для студентов специальности 26.05.07 «Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики» вузов региона / Т.И. Иваненко. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатГТУ, 2017. – 119 с.
4. Компьютерная техника. Computer Engineering: учеб. пособие / М.Г. Бондарев, А.С. Андриенко, Л.В. Буренко [и др.]; под общ. ред. Г.А. Краснощековой. – 5-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2022. – 284 с.
5. Образцов П.И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учеб. пособие / П.И. Образцов. – Орел: ОГУ, 2015. – 114 с.
6. Поварницына Т.С. Текст как учебная единица при обучении профессиональному английскому языку в неязыковом вузе (на материале морских специальностей) / Т.С. Поварницына // Вестник педагогических наук. – 2023. – № 3. – С. 199-202.
7. Репринцева Н.И. Английский язык: учеб. пособие для студентов направления подготовки 16.03.03 «Холодильная, криогенная техника и системы жизнеобеспечения» очной и заочной форм обучения / Н.И. Репринцева. Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2017. – 119 с.

8. Сверкунова А.А. Английский язык для судомехаников: учеб. пособие / А.А. Сверкунова; [науч. ред. И.Ф. Уманец]. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. – 84 с.
9. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций пособие для студентов педагогических вузов и учителей / Е.Н. Соловова. – 4-е изд. – Москва: Просвещение, 2006. – 238 с.
10. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учебное пособие для вузов / С.К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 256 с.

© Поварницына Татьяна Сергеевна (povarnytsina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ РАБОТЫ С РЕСУРСАМИ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРКА «РОССИЯ – МОЯ ИСТОРИЯ» В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ»

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет, (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

FORMATION OF SKILLS FOR
WORKING WITH RESOURCES
MULTIMEDIA HISTORICAL PARK
"RUSSIA IS MY HISTORY" IN TEACHING
THE DISCIPLINE "FUNDAMENTALS OF
SPIRITUAL AND MORAL CULTURE
OF THE PEOPLES OF RUSSIA"

V. Skopa

Summary: The article discusses methodological techniques and approaches to using the resources of the multimedia historical park "Russia is my history" in teaching the discipline "Fundamentals of the spiritual and moral culture of the peoples of Russia". Attention is paid to the formation of cognitive, communicative and regulatory universal educational actions. A number of approaches have been identified in working with the resources of the historical park: a communicative approach, aimed at developing communicative competence in schoolchildren and involves active interaction, cooperation of students, exchange of information, discussion of different points of view; an activity-based approach implemented through a system of tasks aimed at developing the thinking of schoolchildren, teaching them search activities, and improving independent work skills; a personality-oriented approach expressed in presenting students with tasks at different levels of complexity - reproducing, transformative and creative-exploratory. To successfully work with the exhibitions of the halls of the historical park, from a methodological point of view, such methodological techniques as the method of display, the method of presenting material, and the method of explanation are highlighted.

Keywords: education, historical park, pedagogy, student, teaching methods.

Аннотация: В статье рассматриваются методические приемы и подходы к использованию ресурсов мультимедийного исторического парка «Россия-моя история» в преподавании дисциплины «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Внимание уделено формированию познавательных, коммуникативных и регулятивных универсальных учебных действий. В работе с ресурсами исторического парка определено ряд подходов: коммуникативный подход, направлен на формирование у школьников коммуникативной компетентности и предполагает активное взаимодействие, сотрудничество обучающихся, обмен информацией, обсуждение разных точек зрения; деятельностный подход реализующийся через систему заданий, направленных на развитие мышления школьников, обучение их поисковой деятельности, совершенствование навыков самостоятельной работы; личностно-ориентированный подход выраженный в предъявлении обучающимся заданий на разных уровнях сложности – воспроизводящем, преобразующем и творческо-поисковом. Для успешной работы с экспозициями залов исторического парка с методической точки зрения выделены такие методические приемы как метод показа, метод изложения материала, метод разъяснения.

Ключевые слова: образование, исторический парк, педагогика, обучающийся, методика преподавания.

Модернизация российского образования создает основу для совершенствования как формы образования, так и его содержания. Одна из важнейших задач современной школы – подготовка обучающихся к жизни в современном обществе, воспитание мыслящего человека, умеющего анализировать, сравнивать, ориентироваться в потоке информации. Для этого необходимо создавать условия раскрытия самостоятельных творческих потенциальных сил ребенка, формировать у ученика самостоятельное индивидуальное мышление, подталкивать их к творческому поиску,

готовить к непрерывному образованию и самообразованию, а также к созданию необходимости пополнять свои знания и умения.

Доминантой развития российского общества в современных условиях выступает возрождение духовных традиций и забота о сохранении нравственности подрастающего поколения. Решению этих задач может способствовать формирование системы ценностей, основанной на уважении к отечественной истории и культуре. Ориентироваться в истории культуры и госу-

дарственности России невозможно без осмысления религиозных ценностей, этических норм, представлений о предназначении человека, понимании бытия и его сущности. Обращение к этим ценностям и нормам несет в себе потенциал воспитания духовно зрелой и нравственно развитой личности, что, в свою очередь, будет способствовать обеспечению социальной стабильности и гражданского согласия в российском обществе.

Основы духовно-нравственного развития и воспитания подрастающего поколения как субъектов социальных отношений заложены в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) и трактуются как важнейшая задача всей системы образования. К тому же ФГОС нового поколения основного общего образования определяют обязательной дисциплиной «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКНР). Во многом данная тенденциозность объясняется рядом факторов.

Во-первых, предметная основа модуля целостно направлена на формирование и актуализацию ценностных категорий личности: доброта, порядочность, честность.

Во-вторых, дисциплина аккумулирует в себе идейную основу формирования духовно-патриотических начал человека, т.е., то, что крайне необходимо в современной действительности.

В-третьих, предмет позволяет расширить комплексное понимание культуры народов России как многонациональной страны и заложить потребности в развитии культурных ценностей и понимания данных категорий. В целом, все это направлено на развитие целостной и гармонично развитой личности, способной к саморазвитию и саморефлексии.

В этой связи актуальным представляется процесс формирования навыков работы с ресурсами мультимедийного исторического парка в преподавании дисциплины «Основы духовно-нравственной культуры народов России», что подчеркивается теоретической, практической и методической основой [1, 2, 4, 6].

В работе с ресурсами Исторического парка можно выделить ряд подходов, имеющих принципиальное значение:

- **коммуникативный подход**, который формирует у школьников коммуникативную компетентность и предполагает активное взаимодействие, сотрудничество обучающихся, обмен информацией, обсуждение разных точек зрения. Он нацелен на создание коммуникативно насыщенной образовательной среды, обеспечивающей высказывание точек зрения, аргументации, комментариев, описаний. Этот подход реализуется посредством:
 - диалоговой формы учебных занятий;
 - отработки коммуникативных универсальных

учебных действий (УУД), особенно заданий на постановку вопросов, осмысление, оценивание материала, выражение собственного мнения;

- совершенствования знаний, умений и навыков школьников в разных видах речевой деятельности (чтении, слушании, говорении, дискуссии, аргументации);
- заданий, нацеленных на обогащение лексического запаса учеников;
- обсуждения представленных в экспозициях залов цитат, высказываний и оценочных суждений общественных деятелей, писателей, философов;
- выстраивания диалога обучающихся с художественным или дидактическим проблемным текстом, развития их социально-коммуникативных способностей слушать и слышать, сочувствовать, сопереживать, участвовать в беседах.

— **деятельностный подход** с ресурсами исторического парка реализуется через систему заданий, направленных на развитие мышления школьников, обучение их поисковой деятельности, совершенствование навыков самостоятельной работы. Здесь необходимо добиваться постановки и решения проблемных вопросов. Важной составляющей данного подхода является:

- учёт интересов детей;
- учение через обучение мысли и действия;
- познание и знание как следствие преодоления трудностей;
- свободная творческая работа и сотрудничество.

Именно в работе с ресурсами исторического парка значимым аспектом является то, что в центре обучения находится личность, её мотивы, цели, потребности, а условием самореализации личности является деятельность.

— **лично-ориентированный подход** выражается в предъявлении обучающимся заданий на трёх уровнях сложности – воспроизводящем, преобразующем и творческо-поисковом. Последние предлагаются для индивидуальной работы и работы в группах как проектные и исследовательские работы. Данный подход раскрывает:

- этико-гуманистический принцип общения педагога и подопечного;
- принцип свободы личности в образовательном процессе, ее выбор приоритетов, формирование личностного опыта;
- принцип индивидуальности в образовании как альтернатива коллективному обучению;
- построение педагогического процесса, ориентированного на развитие и саморазвитие личностных свойств индивида.

В условиях реализации такого подхода несколько изменяются личностные качества, которые необходимо формировать в процессе обучения. Так, Бондаревская Е.В. использует в интерпретации понятия «личность» определение «человек культуры», характеризуя его, исходя из гуманистических и духовно-нравственных позиций.

Дисциплина «Основы духовно-нравственного развития культуры народов России» по своей сути является уникальной, так как интегрирует в себе комплекс историко-обществоведческих знаний и нацелена на формирование духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения. В этой связи, практико-ориентированный аспект актуальности будет заключаться в возможности комплексного использования ресурсов мультимедийного исторического парка «Россия – моя история» в реализации заявленного предмета [8]. тому же стратегия национальной безопасности РФ закрепляет традиционные духовно-нравственные ценности: милосердие, справедливость, коллективизм, крепкая семья, созидательный труд и другие. Судьба страны во многом зависит от того, какие ценности мы будем формировать у подрастающего поколения. Залог процветания России – в единстве и сплочённости народов, которые проживают на её территории.

На сегодняшний день фактически остается вне научно-методического аспекта возможность использования ресурсов мультимедийного исторического парка «Россия-моя история» в преподавании дисциплины «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Важной составляющей заявленного предмета является формирование у обучающихся мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа России. Первостепенной задачей при этом выступает целостное восприятие детьми отечественной культуры и истории.

Исторический парк «Россия – моя история» – это современная масштабная мультимедийная площадка, где представлена история Российского государства с древности до наших дней [3].

В ходе изучения курса ОДНКНР учащиеся получают возможность систематизировать и углублять полученные в рамках общественно-научных дисциплин знания о структуре и закономерностях развития социума, о прошлом и настоящем родной страны, при этом многое изучая через красочные образы и интерактивы.

Синтез предметной основы курса и ресурсов мультимедийного исторического парка «Россия – Моя история» является уникальным прецедентом и имеет широкомасштабные возможности. Потенциал исторического парка позволяет использовать мультимедийный ресурс как дополнительный инструмент для школьного образования. Во многом это происходит в силу того, что экспозиции

исторического мультимедийного парка «Россия – Моя история» соответствуют содержанию учебного предмета ОДНКНР и образно расширяют познание учащихся. Представленные залы четырех экспозиций «Рюриковичи», «Романовы», «От великих потрясений к великой победе 1914–1945», «Россия – моя история 1945–2016 гг.» всецело раскрывают особенности и уникальность русской национальной культуры и истории [7].

Экспозиции исторического парка содержат информацию о разных сферах российской истории: о внутренней и внешней политике, экономике, социальных и культурных процессах. Контент создан в соответствии с Федеральным законом об образовании, ФГОС.

В залах экспозиций «Россия – моя история 1945–2016 гг.» представлены разделы, посвященные культуре, образованию, быту. Кроме того, различные элементы экспозиции повествуют о подвигах героев российской истории, представляют реконструкции крупных, решающих сражений разных исторических эпох. В разделах «Интересные факты» представлены сведения об особенностях повседневности жителей Российского государства в разное время, объясняется происхождение и смысл старинных поговорок, обычаев.

Культура России всегда находила признание, высокую оценку во всём мире. Российские писатели, художники, композиторы, архитекторы создавали бессмертные произведения. Учёные совершали выдающиеся открытия в науке и технике. Режиссёры, артисты, постановщики ставили спектакли, и снимали фильмы, становившиеся известными и популярными не только в нашей стране, но и в других странах. Великая культура России – плод труда разных народов. Наравне с русскими в её создании участвовали татары и осетины, кабардинцы и мордва, якуты и чеченцы, евреи и калмыки и многие, многие другие народы. Посредством ресурсов исторического парка можно фактически в каждом народе найти имена тех, кто оставил свой след в культуре России. Многонациональная культура укрепляла дружбу и добрососедство. Она учила понимать и уважать друг друга независимо от национальности и вероисповедания.

Взаимодействие школы и исторического парка «Россия – моя история» в изучении ОДНКНР имеет большой потенциал. Разные формы сотрудничества возможны как во внеурочной деятельности, так и в проведении учителями уроков на площадках исторического парка. В рамках изучения предмета большое значение имеет систематизация, обобщение материала, пройденного обучающимися на уроках, в интерактивной форме в мультимедийном пространстве исторического парка.

Так при рассмотрении темы «Наш дом – Россия», рационально привлекать такие материалы исторического парка как экспозиция «Рюриковичи», зал «От Рюрика до

Владимира»; тачскрин-панели: культура и искусство древней Руси; мультимедийная карта, отражающая изменения границ Древнерусского государства в IX-X веках; баннеры с цитатами; интерактивный стол (быт, занятия восточных славян). Основные стенды рассказывают о жизни и свершениях правителей (князя Рюрика, князя Олега, князя Игоря, княгини Ольги, князя Святослава). В центральной части стенда размещен портрет князя и годы его правления (945-972 гг.). Образ князя окружают четыре подзаголовка: «Разгром Хазарского каганата» (965 год), «Захват Болгарии» (969 год), «Война с Византией» (970-971 года), «Гибель» (972 год). На стенде расположена информация, как о личности правителя, так и его деяниях.

Использование тачскрин-панели; экрана, воспроизводящего тематический видеоролик; баннеров с цитатами; стенд «Хроника событий»; стенд «1917 год в столице: От февраля и октябрю», экспозиция «Россия – Моя история XX век», залы «Распад СССР» и «Борис Николаевич Ельцин» существенно расширяет знаниевый компонент обучающихся посредством образов.

С методической точки зрения в данных случаях рационально использовать такие методические приемы как метод показа, метод изложения материала, метод разъяснения. Визуализация способствует как лучшему усвоению материала, так и существенно повышает интерес к предметной основе. При использовании текста учебника и материалов вышеобозначенных залов и экспозиций логично поставить вопросы для рассуждения:

1. «Используя тачскрин-панели и баннеры по разным историческим периодам раскройте понятие «Россия – общий дом». Какие заявленные экспозиции отражают проблему многонациональности России. Объясните почему?»
2. Основываясь на материалах экспозиции «Духовная культура народов России» объясните, почему культурные ценности способствуют объединению разных народов?»

Ресурсы парка позволяют эффективно использовать прием драматизации, особенно привлекательной для младших школьников тем, что она близка к игре и предоставляет большие возможности для самовыражения. Драматизация позволяет обучающимся через проживание образов героев более глубоко осмыслить исторические события, прочувствовать и пережить «боль», «радость», «страдание» как неотъемлемый субъект своего отечества.

При изложении темы о бытовых традициях своей семьи, народа, региона методически рационально использовать широкий зрительный ряд: экспозиция «Рюриковичи», интерактивный стол, зал «Духовная культура народов России». Используя данные материалы возможно существенно разнообразить задания по теме. В качестве примера можно привести следующие проблемные задания:

1. «Основываясь на экспозиции «Рюриковичи», тачскрин-панели (культура и искусство древней Руси), баннерах найдите объяснение взаимосвязи между бытом и природными условиями проживания народа».
2. «Используя экспозицию «Романовы» объясните, чем отличались бытовые традиции разных народов, населяющих Россию. Как вы думаете, почему важно сохранять традиции и обычаи разных народов?»
3. «Используя материалы залов экспозиции «Россия - Моя история XX век», объясните значение таких ценностей, как взаимопомощь, сострадание, милосердие, любовь, дружба, коллективизм, патриотизм, любовь к близким через бытовые традиции народов своего края».

В экспозициях Исторического парка присутствует разнообразный иллюстративный материал, который можно предложить школьникам для анализа, так как необходимо формировать умение извлекать информацию из разных источников: визуальных, картографических, статистических, письменных.

Рассматривая портретное изображение, обучающиеся подробнее знакомятся с его биографией, деятельностью и в целом с эпохой. В процессе работы мы выясняем, кто и как изображен, с какой целью, какую мысль мог вложить автор в своё произведение. Работа с портретом предполагает разнообразие методических приёмов: показ с сообщением биографических сведений, рассказ об историческом или культурном значении изображённого лица, цитирование его высказываний, чтение документа, отрывка из научной литературы, из его произведений, демонстрация образов его творчества. Работа с портретом дает материал для беседы на темы морали, на темы об идеале человека в общественной и личной жизни.

Отдельный интерес вызывают плакаты и политическая карикатура. Характер иллюстративного материала открывает широкий простор для творческой работы под руководством педагога. В данном случае очень важно научить школьников понимать плакат. Систематическое использование плакатов и карикатур обогащает эстетический кругозор. Работа с наглядной агитацией повышает эффективность занятий, разнообразит методику обучения, способствует эстетическому воспитанию учащихся. Расширяет их политический кругозор, повышает общую культуру.

При рассмотрении темы «Родина начинается с семьи» ресурсы исторического парка позволяют выдвинуть такие вопросы учащимся для рассуждения:

1. «Используя материалы зала «Смутное время» объясните выражение «Отечество в опасности».
2. «Используя материалы экспозиции «Романовы», раскройте взаимосвязь семьи и государства».

В данном случае формируются такие элементы со-

держания учебного материала как умение объяснить понятие «Родина»; видеть взаимосвязь и различие между концептами «Отечество» и «Родина»; понимать, что такое история семьи, каковы формы её выражения и сохранения; обосновывать и доказывать взаимосвязь истории семьи и истории народа, государства, человечества. Экспозиция «Рюриковичи», «Романовы», «Духовная культура народов России», «От великих потрясений к Великой Победе», зал «Великая отечественная война» позволяют масштабно и комплексно подходить к рассмотрению подобного рода вопросам и проблемам [7]

Представленный курс преподается в соответствии с принципами культурологичности и культуросообразности, что подчеркивает близость тематического ряда исторического парка и разделов предмета ОДНКНР. Экспозиции исторического парка обогащают данный предмет и позволяют посредством образов, цитат великих людей, видео сюжетов, интерактивных досок и тачскрин панелей рассматривать темы дисциплины и, при этом, существенно повышать мотивационную составляющую обучающихся.

Экспозиции исторического парка, представленные по тематическим залам, что позволяет комплексно применять материал по темам «Язык и история»; «Истоки родной культуры»; «Материальная культура»; «Духовная культура»; «Культура и образование»; «Многообразие культур России» на отдельных примерах и исторических событиях, которые связаны с жизнью государственных деятелей, находившихся в тот момент у власти. В качестве примера можно привести экспозицию «Романовы» с залами «От Алексей Михайловича до Петра I», «Эпоха дворцовых переворотов», «Екатерина II», «От Павла I до

Николая I», «Александр II», «Александр III», «Николай II».

Экспозиции, посвященные культуре и традициям русского народа, позволяют образно и красочно подойти к рассмотрению таких проблем как «формирование русского этноса», «нравы русского народа», «культура и традиции народов России». Существенным дополнением является широкое использование стендов, тачскрин-панелей; мультимедийных карт, баннеров с цитатами, интерактивных столов. Информация на стендах и тачскринах в историческом парке разбита на отдельные статьи, содержание которых дает возможность изучать тот или иной исторический период и давать ему оценку с позиции развития духовно-нравственной культуры. В качестве примера можно отметить отдельные исторические сюжеты: «Борьба с монгольскими завоевателями», «Смутное время», «Польско-литовская интервенция», «Империя Петра Великого» «История Первой мировой войны».

В целом, материальная база мультимедийного исторического парка, включающая мультимедийную технику и разнообразные интерактивные решения, формирует масштабное образовательное пространство, которое содержит в себе огромный педагогический потенциал. Возможности мультимедийного исторического парка могут быть рассмотрены как образовательный контент, являющийся новым современным высокотехнологичным педагогическим, методическим и информационным ресурсом в реализации учебного предмета ОДНКНР. Представленные экспозиции помогают успешно усваивать новые знания и навыки, а также применять их в учебных и жизненных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрейчева М.Ю. На гребне Digital History: мультимедийные исторические парки «Россия – моя история» в контексте цифровой эпохи // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 6. – С. 53–59.
2. Болдырева Л.И. Значение мультимедийных парков в историческом образовании // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Наука и просвещение, 2018. – С. 47–49.
3. Вальдман И.А. Парк-музей «Россия – моя история» как опыт современной российской политики памяти // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2019. № 35. – С. 97–103.
4. Давыдова М.Ю., Дьякова М.Г. Исторические парки «Россия – моя история» в образовательном процессе вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 90–94.
5. Каткова К.Ф. Социокультурная значимость проекта «Россия – моя история» // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1 (38). – С. 114–118.
6. Селин А.А. О выставках в историческом парке «Россия — моя история» в Санкт-Петербурге // Историческая экспертиза. 2018. № 1. – С. 59–77.
7. Скопа В.А. Использование ресурсов мультимедийного исторического парка «Россия-моя история» в преподавании дисциплины «Основы духовно-нравственной культуры народов России» // Вестник педагогических наук. 2022. № 6. С. 235–239.
8. Скопа В.А. Основы духовно-нравственной культуры народов России: использование ресурсов мультимедийного исторического парка «Россия-Моя история» в обучении школьников 5-го класса: учебно-методическое пособие. Барнаул, 2022. – 92 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Татаринцева Регина Игоревна

старший преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
regina_tatarinceva@mail.ru

DISTANCE LEARNING IN TERMINOLOGICAL ASPECT

R. Tatarintseva

Summary: In the modern educational context, the use of the terms "distance learning" and "digital learning" often becomes a subject of confusion, which can lead to a deterioration of the educational process. This article examines the importance of using correct terms and understanding their meanings deeply for the long-term development of distance learning and education as a whole. The author identifies problems associated with the incorrect use of terms and ambiguity in their interpretation, and discusses the consequences of such confusion for the educational process. In conclusion, the article emphasizes the necessity of clear definition and use of terminology to ensure the effectiveness and efficiency of distance learning in modern education.

Keywords: distance learning, educational technologies, flexibility in education, educational terminology, digital learning, education sustainability.

Аннотация: В современном образовательном контексте употребление терминов «дистанционное обучение» и «цифровое обучение» часто становится объектом путаницы, что может привести к ухудшению образовательного процесса. Эта статья рассматривает важность использования правильных терминов и глубокого понимания их значения для долгосрочного развития дистанционного обучения и образования в целом. Автор выявляет проблемы, связанные с неправильным использованием терминов и неоднозначностью их толкования, а также обсуждает последствия такой путаницы для образовательного процесса. В заключение статьи подчеркивается необходимость четкого определения и использования терминологии для обеспечения понимания многоаспектности дистанционного обучения в современном образовании.

Ключевые слова: дистанционное обучение, образовательные технологии, гибкость обучения, образовательная терминология, цифровое обучение, устойчивость образования.

Общий взгляд на проблему

В Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», принятом 29 декабря 2012 года, впервые появляется термин «электронное обучение», что является значительным прогрессом в области образовательной терминологии. Это включение указывает на перспективное направление развития образования и предполагает размышления о возможных будущих сценариях, в которых развитие технологий может изменить традиционные роли преподавателей.

Спекулятивно можно предположить, что появление электронного обучения может ознаменовать трансформационную эру, в которой традиционная модель классной комнаты претерпит существенные изменения. С развитием современных технологий искусственного интеллекта возникает возможность автоматизированных методов обучения, которые могут радикально изменить образовательный ландшафт. Эти размышления провоцируют критическое исследование будущего педагогики и последствий интеграции технологий в образовательную среду. Такие размышления являются важными для исследователей, стремящихся понять многоаспектную динамику современного образования и его взаимосвязь с новыми технологиями.

В течение предыдущего года 2023 года автор этих замечаний часто сталкивалась с мнением, что проблемы, связанные с дистанционным обучением, были разрешены опытом, отошли на второй план и стали несущественными. По моему мнению, такие оценки являются очень преждевременными. Да, возможно, угроза пандемии коронавируса была преодолена, хотя локализованные медицинские проблемы продолжают быть видимыми и вызывают беспокойство в обществе повсеместно.

Однако суть проблемы кроется в другом. Именно в том, что дистанционное обучение, прошедшее обширное исследование и «тестирование» на всех уровнях образовательной системы страны в предыдущие годы, на текущем этапе развития общества приобретает силу и расширяется. Таковы реальности, технические возможности и даже требования современной эпохи.

В 2023 году онлайн-обучение и использование платформ Zoom продолжали сталкиваться с множеством проблем. Несмотря на прогресс технологий, такие из них, как плохое интернет-соединение, сбои программного обеспечения и проблемы совместимости устройств, оставались распространенными. Это могло мешать и мешало нормальному ходу занятий и взаимодействию между преподавателями и обучающимися. Кроме того, долгие периоды онлайн-обучения часто приводили к

цифровой усталости, вызывая напряжение глаз, головные боли и снижение концентрации как у студентов, так и у преподавателей.

Другие проблемы включали отсутствие активной вовлеченности учащихся, неравные возможности доступа к необходимым ресурсам и устройствам, а также ограниченные возможности социального взаимодействия в онлайн-среде. Это выдвигало серьезные требования к профессиональному обучению преподавателей и защите данных студентов. Решение этих проблем требовало совместных усилий образовательных учреждений, законодателей, поставщиков технологий и других заинтересованных сторон, чтобы обеспечить доступность, вовлеченность и успех студентов в онлайн-среде обучения.

Исследование терминологии

Дистанционное образование, удаленное обучение и цифровая инструкция представляют собой современные способы образовательной деятельности. Эти термины стали общепринятыми как в профессиональном дискурсе, так и в журналистском языке, часто используемые с нюансированными коннотациями. Например, широко распространённое выражение «дистантка» несет в себе подразумеваемый пренебрежительный оттенок, в отличие от более формальных выражений, таких как «в рамках дистанционного обучения».

Несмотря на их распространенность, терминология, связанная с этими понятиями, не имеет стандартизированных антонимичных аналогов. Термины, такие как «контактное образование» или «аудиторное обучение», могут выступать в качестве потенциальных антонимов, но их использование остается менее устоявшимся.

Рассматривая эти определения, становится очевидным, что синонимические и антонимические отношения в образовательной терминологии сложны и многогранны. Многообразие терминов и их разнообразные коннотации могут скорее затемнять, чем улучшать терминологическую точность. Поэтому важно достичь ясности и последовательности в определении этих образовательных модальностей для академического дискурса и педагогической практики. «Distant learning» обычно означает форму образования, при которой студенты и преподаватели физически находятся на расстоянии друг от друга, часто географически, и обучение осуществляется удаленно. Эта форма обучения может включать различные методы, такие как корреспонденция, онлайн-курсы или видеоконференции.

С другой стороны, «цифровое обучение» включает в себя более широкое понятие, которое охватывает использование цифровых технологий и ресурсов в образовании. В то время как дистанционное обучение явля-

ется одним из аспектов цифрового обучения, цифровое обучение также может включать гибридные модели обучения, при которых используются как онлайн-, так и очные занятия, а также интеграцию цифровых инструментов и платформ в традиционные классы.

По сути, дистанционное обучение – это конкретный метод предоставления образования удаленно, в то время как цифровое обучение охватывает более широкий спектр образовательных подходов, использующих цифровые технологии для улучшения процесса обучения и обучения, независимо от того, проводится ли обучение удаленно или очно.

Конечно, существует пересечение между этими двумя терминами и разнообразием сценариев и процессов, которые они охватывают. Однако смешение и перекокс в терминологии могут нанести вред образовательному процессу, поскольку эти концепции далеко не одинаковы.

Явление, действие, определение, термин

Терминологический канон представляет собой сложную структуру, включающую определенный набор материалов, инструментов и правил, тщательно собранных для создания когерентных текстов, основанных на точных определениях и легко узнаваемых читателем. Он служит основой эффективного общения в различных областях знаний, обеспечивая ясность, последовательность и взаимопонимание среди профессионалов и заинтересованных сторон.

В области лингвистических исследований современный «Словарь русского языка» представляет собой всестороннее хранилище лексических знаний, предлагая понимание нюансов и сложностей использования языка. В его страницах явление определяется как действие, происходящее от глагола «явиться», охватывая внешнее проявление сущности объектов и процессов. Оно включает любое заметное выражение, будь то материальное или абстрактное, раскрывая многогранный характер явлений, наблюдаемых в мире вокруг нас [5, Т.4, 778].

Углубляясь в его определения и интерпретации, словарь раскрывает тонкости лингвистических явлений, разгадывая слои значения и проливая свет на тонкие нюансы, формирующие наше понимание языка и коммуникации. Через тщательный анализ и ученую строгость он предоставляет бесценные инсайты в динамичное взаимодействие между языком, мыслью и выражением, обогащая наше понимание сложной структуры человеческой коммуникации.

Таким образом, в обширном мире лингвистических исследований терминологический канон и исследовательские выводы, представленные авторитетными лингви-

стическими источниками, такими как «Словарь русского языка», служат неотъемлемыми инструментами для исследователей, педагогов и любителей языка, способствуя более глубокому восприятию и пониманию сложностей, присущих использованию и интерпретации языка.

Действие, как определено Щукиным А.Н. в «Лингводидактическом энциклопедическом словаре», представляет собой более чем простую задачу: оно воплощает в себе сложную структуру психологических элементов, направленных на достижение определенной и узнаваемой цели [6, 70]. Эта структура включает различные компоненты, такие как общая цель, движущий мотивацию за действием, метод или подход, используемый для выполнения задачи, и результат или последствие. Это подчеркивает динамичный и целенаправленный характер человеческого поведения, акцентируя осознанное усилие и намеренность, вовлеченные в выполнение действий [6, 72]

Более того, концепция «деятельности», как объяснено в том же словаре, расширяет понятие действия, подчеркивая взаимодействие между индивидами и их окружающей средой. В отличие от изолированных действий, деятельность предполагает непрерывное взаимодействие с внешним миром, где люди активно формируют и преобразуют как своих окружающих, так и самих себя. Этот интерактивный процесс соответствует структуре «субъект-объект», где люди действуют как агенты, инициирующие изменения в своей среде.

Перейдя к понятию «определения», как описано в «Словаре русского языка», это служит лингвистическим инструментом для пояснения сущности и характеристик определенного явления или понятия. Определения предоставляют краткую и точную формулировку, описывающую основные черты рассматриваемого объекта. Они обеспечивают ясность и понимание, предоставляя сжатое описание, которое помогает разграничить и выделить концепцию вопроса от других связанных терминов или идей [5, Т.2, 629].

В общем как действие, так и определение представляют собой фундаментальные аспекты человеческого познания и общения. В то время как действие воплощает динамический и целенаправленный характер человеческого поведения, определение служит лингвистическим механизмом для передачи значения и понимания в определенном контексте. Вместе эти концепции способствуют нашему пониманию и интерпретации мира вокруг нас, облегчая эффективное общение и взаимодействие в обществе.

В дополнение к его буквальному переводу, термин «terminus» несет в себе коннотации демаркации и определения. В лингвистическом контексте «terminus» представляет собой языковую границу, где одно понятие

или идея заканчивается, а другое начинается. В области специализированной терминологии «terminus» служит как языковой маркер, указывающий на определенное понятие или явление в конкретной области изучения или дискурсе. Более того, назначение термина не произвольно, а тесно связано с его определением, обеспечивая четкое и краткое понимание концепции, которую он представляет. Таким образом, термин выступает как языковой опорный пункт, укореняющий дискурс и облегчающий коммуникацию в данной области [3, 349].

Обзор научных исследований по проблеме

Область дистанционного обучения, характеризующаяся обширным корпусом научной литературы, развивалась без чрезмерного влияния терминологических дискуссий или полемических обсуждений. Эта научная устойчивость обоснована приоритетом прагматических применений и педагогических императивов в этой области, особенно в ответ на беспрецедентные вызовы, порожденные глобальной пандемией и последующей необходимостью массовой самоизоляции. Более того, философские основы дистанционного обучения, хотя и едва затронутые и в основном непроанализированные, представляют собой плодородную почву для будущих исследований, требующую строгого анализа и научного внимания.

Как определено в Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», термин «электронное обучение» представлен рядом с «дистанционным обучением», хотя и с нюансами различий. Однако данный нормативный каркас не полностью охватывает широту и сложность области дистанционного обучения. Важным вкладом в эту дискуссию является научная работа А.А. Савастьиной, чья статья 2015 года всесторонне анализирует эти нюансы, проливая свет на концептуальные особенности электронного обучения и одновременно разясняя многофакторные аспекты дистанционного образования. Этот научный труд не только способствует концептуальной ясности в области электронного обучения, но и подчеркивает сложную и эволюционирующую природу дистанционного образования, обогащая наше понимание его теоретических основ и практических приложений.

Дистанционное обучение полностью снимает ограничения с типа доставки материала от обучающего к обучаемому, и наоборот. Электронное обучение подразумевает что весь дидактический материал будет держаться в электронном виде, потенциально «приправленный» интерактивными тестами, опросами, играми и т.п. [4, 178].

Несмотря на это, дискутируя понятие термина «дистанционное обучение» с другими исследователями,

А.А. Савастыина пришла к иному мнению. В контрасте с мнением В.Г. Домрачевева, который определял дистанционное обучение как следующий шаг в заочном обучении на базе разнообразных аудио- и видеотехнологий. В другом источнике Е.С. Полат дал определение этому феномену, акцентируя внимание на обмене информацией между учениками, а также педагогом и учениками, опираясь на плотное использование новейших технологий [4, 179].

Вероятно, самое интересное и полноценное трактование «дистанционного обучения» дали сотрудники Московского государственного университета экономики, статистики и информатики [в 2015 г. МЭСИ вошёл в структуру РЭУ им. Г.В. Плеханова. – Р.Т.], констатируя факт, что дистанционное обучение, это такой формат обучения, который не зависит от физических и временных особенностей, иными словами, находится вне обычных территориальных ограничений, присущих очному обучению [4, 179].

Признавая определенную сложность в понимании предложенного определения МЭСИ, становится ясно, что точка зрения А.А. Савастыиной очень основательна. В каждой научной или прикладной дисциплине существует точный лексикон, включающий специфическую терминологию, формулы и определения. Следовательно, становится необходимым углубиться в тонкие различия и нюансы ключевых концепций, таких как «дистанционное обучение» и «дистанционное образование», а также «электронное обучение» и «цифровое обучение». Заметно, что в широких кругах специалистов в области образования эти термины часто сводятся к простым синонимам, объединенным под общим знаменателем последнего и оптимального термина «дистанция», происходящего из эпохи дистанционного обучения в период самоизоляции во время пандемии коронавируса.

Интересный аспект этой дискуссии касается содержания в рамках научных исследований. Рассматривая одну из научных статей [2], А.А. Савастыина подчеркивает, что ее «соавторы [Орлова Е.Р. и Кошкина Е.Н. – Р.Т.] обращают внимание на тонкую разницу, что в статье специально исследуется и оценивается явление дистанционного обучения, отличное от более широкого концепта дистанционного образования. Исключение дистанционного образования из анализа обусловлено его нынешним восприятием как в сущности неэффективного и потенциально вредного, не способствующего достижению индивидуального потенциала» [1, 12-13].

Погружаясь все глубже в понимание этих различий, особенно с позиции внутреннего наблюдателя, я чувствую все большее стремление поддержать авторов цитированных мной источников. Фундаментальная точка зрения А.А. Савастыиной, сосредоточенная вокруг концепции «дистанционного обучения», глубоко резониру-

ет, особенно учитывая современный образовательный ландшафт, где электронные системы взаимодействия, основанные на компьютерных технологиях, являются основным каналом для распространения образовательного контента.

Более того, можно предположить о перспективах развития искусственного интеллекта, которые уже проявляют себя в образовательной сфере. Потенциальная интеграция искусственного интеллекта в платформы дистанционного обучения обещает революционизировать педагогические методологии, дополнительно усиливая эффективность и доступность дистанционного образования.

Тем не менее, среди этих многообещающих достижений необходимо признать значительный недостаток, присущий как дистанционному обучению, так и дистанционному образованию: последующее ослабление когнитивных и совместных взаимодействий в образовательной среде. Несмотря на технологические инновации, облегчающие дистанционное обучение, отсутствие физического взаимодействия и общения лицом к лицу уменьшает глубину когнитивного обмена и препятствует формированию крепких межличностных отношений, необходимых для комплексного образовательного опыта.

Заключение

В мире науки и практики каждая дисциплина оперирует в рамках структурированной системы точной терминологии и определений. В этом контексте понятие «дистанционное обучение» выступает в качестве центрального элемента, предлагая нюансированное понимание современных образовательных парадигм. С точки зрения автора, этот термин включает в себя сущность удаленного обучения в сегодняшнем динамичном ландшафте.

Чтобы подчеркнуть эту позицию, необходимо погрузиться в этимологию термина. Префикс «теле-», встречающийся в составных словах, таких как «телевидение» и «телекоммуникации», происходит от греческого слова «тёле», означающего удаленный или далекий. Этот лингвистический корень подчеркивает пространственный аспект, присущий понятию расстояния, акцентируя разделение между двумя точками взаимодействия. Точно так же латинский термин «distantia» выражает идею пространственного разделения между начальной и конечной точками движения. В образовательном контексте это пространственное измерение относится к физическому и временному расстоянию между педагогом и учащимся, преподавателем и студентом, что является ключевым аспектом при разработке и реализации методик дистанционного обучения.

Более того, техническое формулирование опреде-

ления «дистанционное обучение», как это выражено в МЭСИ, гармонично соотносится с широким концептуальным каркасом, изложенным выше. Это соответствие служит для подтверждения точности и актуальности термина в контексте современного образования.

Кроме того, следует отметить, что эффективность дистанционного обучения зависит от использования современных технологий электронных телекоммуникаций. Эти технологические достижения составляют основу систем дистанционного образования, обеспечивая беспрепятственное общение и взаимодействие между педагогами и учащимися на протяжении больших пространственных и даже географических расстояний.

В контексте сказанного необходимо уточнить, что понятие «формат», как и равнозначные, упомянутые выше, «рамки» и «параметры» дистанционного обучения, успевшие закрепиться в соответствующей расхо-

жей фразеологии, имеют смысловую нагрузку лишь при определении их содержания в значении какой, какие... На мой взгляд, они могут быть, например, лекционными, «семинарскими, контрольно-проверочными, зачётными и т.п. И даже – экзаменационными!

Можно уверенно сказать и о том, что понятие «дистанционное обучение» очень логично чувствует себя в таком привычном и вековечном фразеологическом ряду, как очное, дневное, вечернее, заочное, целевое и индивидуальное обучения.

При этом следует подчеркнуть, что формулирование определения «дистанционное обучение» в рамках русского языка придает этому понятию дополнительный культурный и лингвистический контекст, что обогащает наше понимание термина и подчеркивает его значимость в широком образовательном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горева, О.М., Осипова, Л.Б. Современное состояние дистанционного образования в российском вузе. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №2. – <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20810>.
2. Орлова Е.Р., Кошкина Е.Н. проблемы развития дистанционного обучения в России. // Приоритеты России. – 2013. – №23.
3. Русский язык. / Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
4. Савастыина, А.А. Проблемы внедрения дистанционного обучения в образовательный процесс. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №19 (374). Философия. Социология. Культурология. Вып. 37. С.178-181.
5. Словарь русского языка в четырех томах. Гл. ред. А.П. Евгеньева. Т.2 и Т.4. – М.: Русский язык, 1985- 1988.
6. Щукин, А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. / А.Н. Щукин. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. – 748, [4] с.

© Татаринцева Регина Игоревна (regina_tatarinceva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

SPECIFICS OF TEACHING CHINESE IN RUSSIAN UNIVERSITIES

L. Todis
M. Ryanova

Summary: This article discusses the relevance of studying the Chinese language today. Particular attention is paid to the issue of using effective methods and techniques for teaching the Chinese language, used in Russian universities, where specialists with knowledge of the Chinese language are trained, since the Chinese language today attracts more and more students seeking to become specialists in economics, business and other fields. It should be emphasized that teaching the Chinese language has a number of features related to its specificity. In this regard, many methods of teaching the Chinese language have been developed that take into account the specifics of the Chinese language and help students effectively learn the material.

Keywords: popularity of the Chinese language, hieroglyphs and tones, linguistic component, communicative competence of a foreign language, features of teaching Chinese, effective methods of teaching Chinese, cultural communication.

Тодис Лариса Михайловна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Президентская Академия (РАНХ и ГС), (г. Москва)
todis-lm@ranepa.ru

Пьянова Марина Валерьевна

кандидат филологических наук, Президентская Академия
(РАНХ и ГС), (г. Москва)
pyanova@ranepa.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается актуальность изучения китайского языка на сегодняшний день. Особое внимание уделено вопросу использования эффективных методов и приемов обучения китайскому языку, используемых в российских вузах, где ведется подготовка специалистов со знанием китайского языка, так как китайский язык сегодня привлекает все больше студентов, стремящихся стать специалистами в экономике, бизнесе и других областях. Следует подчеркнуть, что обучение китайскому языку имеет ряд особенностей, связанных с его спецификой. В связи с этим разработано множество методик обучения китайскому языку, которые учитывают специфику китайского языка и помогают студентам эффективно усваивать материал.

Ключевые слова: популярность китайского языка, иероглифы и тоны, лингвистическая составляющая, коммуникативная компетенция иностранного языка, особенности обучения китайскому языку, эффективные методики обучения китайскому языку, культурная коммуникация.

Высокая конкуренция на современном рынке диктует вузам новые условия подготовки компетентных специалистов. По мнению Зимней И.А. «компетенция - это программа, потенциал, на основе которого развивается компетентность» [2].

Компетенция – это набор знаний, умений и навыков, которые помогают решить важную и интегративную задачу. Перечень компетенций формируется на основе текущей и будущей зон ответственности сотрудника и зависит от поставленных перед ним целей. Поэтому в очень многих российских вузах (МГУ имени М.В.Ломоносова, РУДН, Казанский федеральный университет, Иркутский государственный университет, Дальневосточный федеральный университет и др.) образовательный процесс направлен не только на получение знаний, но и на развитие компетенций, которые понадобятся выпускникам в их будущей работе. Открытие новых рынков, активное сближение России и Китая в различных областях сделали изучение китайского языка в России весьма востребованным, а спрос на изучение китайского языка за последнее время вырос на 600%. По данным канцелярии по распространению китайского языка за рубежом при правительстве КНР, более 40 миллионов человек в мире изучают китайский

язык и более 1,1 миллиарда человек говорят на нем. Исполняющий обязанности Директора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ профессор Маслов А.А. констатирует, что “китайский язык преподается более чем в 200 вузах в России” [14], его изучают около 22 тысяч человек. Об укреплении торговых связей говорит тот факт, что в первом квартале 2023 года товарооборот между Россией и Китаем вырос на 41%.

Причиной растущего интереса к изучению китайского языка являются тесное взаимодействие между Китаем и Россией. Знание китайского языка не только повышает конкурентоспособность тех, кто его знает, но и позволяет приобщиться к богатой культуре и многовековой истории этого языка.

Сегодня российским компаниям требуются специалисты по ВЭД, менеджеры по продажам, дизайнеры и производственники со знанием китайского языка, что еще раз подчеркивает серьезность проблемы качественной подготовки специалистов со знанием китайского языка. Такие специалисты востребованы уже сегодня, и согласно прогнозам портала SuperJob за 2023 год, спрос на работников со знанием китайского языка на российском рынке труда вырастет еще на 40%.

Очевидно, что в процессе обучения китайскому языку в вузах должны учитываться его особенности [5], которые могут вызвать определенные трудности у студентов. Выделяют 3 основные трудности в изучении китайского языка [11, 13].

- I. В китайском языке выделяют 4 основных тона и пятый нейтральный тон:
1. высокий тон (ровный);
 2. восходящий (от среднего уровня к высокому);
 3. низкий (понижающийся, а затем восходящий);
 4. нисходящий (от высокого уровня к низкому).

В китайском языке слоги различаются тонами, а необходимый тон создается интонационными усилиями.

- II. Особенность китайского языка заключается в использовании иероглифической системы письменности, имеющей 4 вида шрифтов:
- Чжуань - древнейший печатный шрифт;
 - Лишу - более простой на основе чжуань;
 - Цаошу - древний скорописный на основе лишу;
 - Кайшу - уставной, простой современный шрифт.
- Каждому слогу соответствует иероглиф

- III. Синтаксис и пунктуация в китайском языке также имеют ряд особенностей:
- предложение в китайском языке всегда строится по схеме: подлежащее + сказуемое + остальные члены предложения;
 - существительные имеют род, лицо, падеж число и склоняются путем добавления префиксов, суффиксов, частиц и контекста.
 - у глаголов нет форм, они меняются через присоединение специальных суффиксов. Если их нет у глагола, значит, он выражает настоящее или будущее время;
 - часть речи, которой выражен иероглиф, зависит от контекста;
 - значительная часть знаков пунктуации заимствована из других языков.

Безусловно, **выбор метода обучения** зависит от языкового уровня ученика. На **начальном** уровне обучения эффективны такие методы и подходы, которые направлены на формирование лингвистической составляющей **коммуникативной компетенции**, включающей в себя лексические, грамматические, фонетические навыки и умения.

Для формирования фонологических знаний, умений и навыков используется серия фонологических упражнений с использованием записи речи носителей языка для обучения навыкам распознавания звуков и выделения звуковых признаков в слогах и других более сложных словообразованиях.

По мнению Шульгиной М.А. [10] "при обучении произношению китайской речи, на начальном этапе обучаемые должны овладеть произносительными навыками, то есть научиться правильному произношению звуков и тонов, а также уметь их различать на слух. Если преподаватель и учащиеся с первого занятия не уделяют этому достаточного внимания, то на следующих этапах обучения у учащихся возникнут трудности при обучении аудированию, чтению, говорению и письму. Как результат, возникают ошибки, которые с трудом подвергаются коррекции". Чтобы отработать произношение китайского языка, студентам следует неоднократно слушать носителей китайского языка. Просмотр сериалов и фильмов на китайском языке с субтитрами на занятиях с последующим обсуждением и во время самостоятельной подготовки уже доказал свою высокую эффективность. Заучивание наизусть китайских стихов, рифм, поговорок не только повысит интерес студентов к культуре языка, но и разнообразит учебную деятельность. Также важно общаться с носителями китайского языка и, при возможности, посетить Китай, чтобы познакомиться с языковой средой и местной культурой.

Шурупова Е.С. [11] предлагает использовать язык жестов для запоминания тонов, обозначая их движениями головы и жестами рук. «Если это первый тон, то можно показать рукой горизонтальную линию, второй - поднять руку вверх, третий тон - соединить руки ладонями вниз, четвертый - опустить руку вниз».

Кроме того, хорошо зарекомендовала себя техника использования визуальных ассоциаций иероглифов с предметами и явлениями - мнемотехника. Например, первый тон (ровный) может ассоциироваться со спокойным синим морем. Второй тон (нисходящий) с растущими зелеными деревьями. Третий тон (нисходяще-восходящий) вызывает образ язычков красного пламени, поднимающихся вверх. Нисходящий четвертый тон создает образ увядающей желтой травы.

По мнению Чжана Пэнпэна [8], автора многих учебников по китайскому языку, на начальном этапе обучение китайскому языку следует разделить на устный и письменный аспекты. Он считает целесообразным использование китайской транскрипции на устных занятиях без предъявления требований к овладению иероглифами, «чтобы сложность китайского иероглифического письма не мешала всему процессу обучения, и учащиеся могли быстрее говорить».

Когда речь заходит об обучении письму, важно отметить, что существует несколько различных способов представления китайских иероглифов в письменном виде, каждый из которых включает несколько этапов.

На первом этапе - начальном - обучаемые знакомят-

ся с минимальными графическими элементами, включая графемы с семантическим значением, и изучают правила написания китайских иероглифов. Каллиграфия - это продуктивный способ формирования графической компетенции, позволяющий довести умение писать иероглифы до автоматизма, который также можно применить в обучении китайскому языку.

Использование карточек с иероглифами на одной стороне и транскрипции и перевод по системе пиньинь на другой стороне также являются продуктивными приемами обучения написанию иероглифов. Это позволяет разложить буквы на составные части, тем самым градуируя сложность от простого к сложному, таким образом, избавляя процесс обучения от монотонности.

На втором этапе - продвинутом - формируются знания, умения и навыки овладения иероглифами как активными лексическими единицами, укрепляется ассоциативная связь «иероглиф - чтение - значение», что позволяет строить лексические конструкции с учетом иероглифов.

Особенностью исследований лексического компонента лингвистической компетенции является приоритетное использование лексического подхода в обучении иностранным языкам.

По мнению Карталевой А.С.[3] «при обучении лексике практикуется введение новых слов по особой схеме, а также использование лексико-грамматических таблиц. Схема введения новых лексических единиц китайского языка должна включать следующие элементы: морфемный разбор, объяснение значения слова или отдельно-слитного словосочетания, введение антонимов и синонимов, сравнение со схожими словами, устойчивые выражения, а также примеры использования слова». Также автор считает, что необходимо уделять большое внимание чтению для формирования навыков говорения на следующих этапах и подчеркивает, что уже «в самом начале обучения целесообразно вводить короткие сообщения на заданные темы, давать ситуативные задания, обучать студентов выполнять простые речевые задачи». Важно отметить, что использование мультимедийных программ дает возможность студентам самостоятельно формировать фонетические, лексико-грамматические навыки китайского языка, а также развивает их познавательную деятельность, интеллектуальные способности, память, мышление и внимание.

Следует подчеркнуть важность использования коммуникативной методики, которая побуждает учеников активно участвовать в изучении китайской грамматики [9]. Показ реальных ситуаций (видео или карточек), изучая которые наглядно учащиеся понимают суть грамматических явлений. Обучение ведется не от формы к

функции, а от функции к форме. Первый шаг - знакомство с грамматическим явлением. Второй шаг - формирование речевых навыков воспроизведения грамматических явлений в речевых ситуациях с помощью коммуникативно-ориентированных упражнений, требующих от говорящего мгновенной реакции в конкретной ситуации. На 3 этапе происходит внедрение модели реальных ситуаций и вовлечение студентов в интервью и дискуссии, что, безусловно, вызывает их интерес и повышает уровень мотивации в изучении китайского языка.

На **среднем и продвинутом** уровнях студенты формируют навыки таких составляющих коммуникативной компетенции обучаемых, как речевая, дискурсивная, социокультурная компетенции, поэтому и методы обучения будут совершенно другими. Широкое распространение в изучении китайского языка получил метод обучения на основе задач, имеющий название **Task-Based Learning** [5]. Использование этого метода ориентировано на выполнение конкретной задачи, например, обучаемые получают задание подготовить презентацию на определенную тему. Сначала они знакомятся с темой своей будущей задачи, причем в первую очередь делают акцент на выполнение коммуникативной задачи, и только потом в процессе подготовки прорабатывают грамматические или лексические ошибки. На 1 этапе обучаемые разрабатывают план выполнения задания. На 2 этапе - подбирают необходимую лексику и формируют высказывания в письменной или устной форме. И на 3, заключительном этапе, обучаемые анализируют речь и вносят коррективы в свои высказывания.

Следует отметить, что на среднем и продвинутом уровнях изучения китайского языка, когда обучаемые уже владеют китайским языком на должном уровне, можно вводить **деловые игры** на занятиях. Использование деловых игр является комплексным методическим приемом обучения, формирующим у обучаемых не только умение анализировать конкретные практические ситуации, но и умение принимать решения [5].

Метод коммуникативного мини-проекта [1] в преподавании китайского языка позволяет обучающимся реализовать реальную языковую ситуацию коммуникации, сформировать коммуникативные навыки и умения, расширить свои знания национально-культурных особенностей культуры китайского народа. Метод коммуникативного мини-проекта в преподавании китайского языка сочетает в себе три компонента: коммуникативный, реалистичный и процессуальный. Коммуникативный компонент обеспечивает получение новой информации, работу с ней и развитие навыков общения в реальной ситуации. Реалистичный компонент предоставляет студентам возможность использовать полученные знания в реальных жизненных ситуациях, что повышает их мотивацию и позволяет применять навыки

на практике. Процессуальный компонент способствует глубокому пониманию структуры языка и культуры страны. Метод коммуникативного мини-проекта позволяет обучаемым реализовать реальную языковую ситуацию коммуникации, сформировать коммуникативные навыки и умения и расширить свои знания особенностей культуры китайского народа.

Мозговой штурм предусматривает коллективное (командное) решение проблемы, взятой из реальной ситуации или придуманной, и значительно стимулирует заинтересованность и вовлеченность студентов в данный вид учебной деятельности.

Важно отметить, что описанная выше методика успешно внедрена в обучении китайскому языку в Президентской Академии, студенты которой все чаще выбирают его в качестве второго иностранного языка. Специалистов со знанием китайского языка в Президентской Академии выпускают многие подразделения, такие как Институт отраслевого менеджмента (ИОМ), Институт общественных наук (ИОН), Факультет экономических и социальных наук, Институт права и национальной безопасности (ИПНБ), а также факультет международных отношений Института бизнеса и делового администрирования (ИБДА) - программа «Политика и бизнес в странах Востока (Китай)». Интерес к китайскому языку вполне объясним - после окончания вуза выпускники легко и быстро находят работу в федеральных и региональных органах власти, крупнейших российских компаниях, сотрудничающих с Китаем, Российско-китайском деловом совете, китайских корпорациях с представительствами в России и т.д.

Таким образом, внедрение традиционных и инновационных методик обучения китайскому языку в вузах способствует повышению мотивации обучаемых, позволяет разнообразить учебный процесс, формирует устойчивые навыки и умения студентов, их творческую активность, самостоятельность и способность применять полученные знания в своей профессиональной деятельности, что в итоге ведет к повышению качества образования востребованных на рынке труда специалистов.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что роль и функции **культурной** коммуникации чрезвычайно важны в преподавании иностранных языков вообще, а китайского языка в особенности.

1. Согласно определению, данному Хофстеде, культура – это коллективное ментальное программирование людей в среде, обусловленной одинаковым образованием и жизненным опытом. [15] Очевидно, что люди в разных странах и регионах имеют разное образование и социальное происхождение, что обуславливает разные способы мышления и ментальные программы. Именно они,

в свою очередь, являются источником культурных различий и даже культурных конфликтов. Поэтому в процессе преподавания необходимо делать акцент на различиях между китайской культурой и собственной культурой студентов.

2. Культурная коммуникация помогает учащимся повысить интерес к обучению. Хомский утверждает, что преподавание языка — это процесс обучения культуре. [16] Если изучающий намеревается осваивать иностранный язык без знания культуры изучаемого языка, ему будет очень трудно добиться успешного общения. В случае с китайским языком иероглифы – именно то, что поможет изучающим язык углубить свое понимание китайской культуры, т.к. китайские иероглифы от нее неотделимы.
3. Культурная коммуникация способствует развитию межкультурной коммуникативной компетенции учащихся. Межкультурная коммуникация использует язык в качестве средства коммуникации, что означает, что все стороны должны соблюдать культурные и прагматические правила языка в соответствии с языковым культурным фоном. Несомненно, каждый язык отражает особенности нации. Он не только содержит исторические и культурные предпосылки нации, но и охватывает ее образ жизни и мышления. Поэтому при изучении иностранного языка следует уделять особое внимание не только произношению, грамматике, словарному запасу и идиомам, но и тому, как носители языка смотрят на те или иные вещи, как они наблюдают за миром, как они используют свой язык для отражения мыслей, привычек и поведения в обществе, чтобы, в конечном счете, студенты могли дальше развивать свой язык, коммуникативную компетенцию и преодолевать коммуникативные барьеры, вызванные культурными различиями.

Культурная коммуникация должна расширять разнообразие и сокращать дистанцию. Исходя из различий в культурных традициях, преподавателям следует проводить различные мероприятия по культурной коммуникации и интегрировать в них культуру, чтобы сделать процесс обучения более ярким и интересным. Изучающим язык недостаточно постичь суть культуры просто путем ознакомления в классе. Необходимо всеми способами обогащать и совершенствовать способы общения, проводить разнообразные внеклассные практические занятия чтобы рассказать учащимся о древней китайской культуре, поскольку только благодаря своему личному опыту они могут по-настоящему понять ценность традиционной китайской культуры.

В настоящее время изучение китайского языка стремительно развивается во всем мире с беспрецедентной скоростью. Большое количество иностранцев изуча-

ют китайский язык и стремятся преподавать его в своих странах. Как мы все знаем, язык является средством культурного общения, а культура - это содержание языкового выражения. Следовательно, успех преподавания языка зависит не только от преподавание самого языка, но также и от преподавания культуры. Более того, конеч-

ная цель преподавания языка состоит в том, чтобы дать учащимся возможность надлежащим образом общаться на основе овладения языковой компетенцией. Изучение китайского языка – это не только процесс изучения языка, но и столкновение и обмен между китайской культурой и другими культурами мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтева Н.Н. Обучение китайскому языку в форме мини-проекта/ Н.Н. Бехтева. - Текст: непосредственный//Педагогическое мастерство: материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2016 г.). - Москва: Буки - Веди, 2016- С.59-61- URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/208/11182/> (дата обращения: 06.02.2024).
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учеб. для вузов- 2-е изд., испр., доп и перераб. - М.: Логос, 2007-382 с.
3. Карталева А.С. Некоторые методические приемы по обучению устной речи на китайском языке // Педагогика и просвещение. 2022. № 4. С. 103-115. DOI: 10.7256/2454-0676.2022.4.35798 EDN: MRPWMZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35798
4. Кузнецова К.Г. Какие секреты таит китайский язык? Можно ли выучить китайский язык, опираясь на его секреты/ К.Г. Кузнецова, О.А. Гаар. - Текст: непосредственный // Юный ученый. - 2022. - № 2 (54). - С. 6-13. - URL: <https://moluch.ru/young/archive/54/2777/> (дата обращения: 06.02.2024)
5. Мезенцева С.С. Методы обучения английскому и китайскому языкам. Сравнительная характеристика / С. С. Мезенцева. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2016. - № 18 (122). - С. 508-511. - URL: <https://moluch.ru/archive/122/33699/> (дата обращения: 06.02.2024).
6. Павлова Е.В. Инновационные методики обучения иностранным языкам / Е.В. Павлова, Н.А. Кобзева, И.С. Овчинникова. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2015. - № 12 (92). - С. 790-792. - URL: <https://moluch.ru/archive/92/20495/> (дата обращения: 06.02.2024).
7. Поминов В.В. Методика обучения фонетике китайского языка на начальном этапе / В.В. Поминов. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2023. - № 13 (460). - С. 169-171. - URL: <https://moluch.ru/archive/460/101126/> (дата обращения: 06.02.2024).
8. Пэнпэн Чжан. Методика обучения [Электронный ресурс] // Школа Люй Лао Ши: официальный интернет-сайт школы Люй Лао Ши. - Электрон. дан. - Гуанчжоу, 2013. - URL: <http://ru-chinese.com/?p=23> (дата обращения: 06.02.2024)
9. Уманец О.Н. Коммуникативный подход в преподавании грамматики китайского языка в высших учебных заведениях / О.Н. Уманец. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2010. - № 12 (23). - Т. 2. - С. 131-134. - URL: <https://moluch.ru/archive/23/2401/> (дата обращения: 06.02.2024).
10. Шульгина М.А. Особенности обучения фонетике китайского языка. ВКР. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2021.
11. Шурупова Е.С. Методика эффективного запоминания фонетических тонов в китайском языке.//Проблемы современного педагогического образования. - 2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-effektivnogo-zapominaniya-foneticheskikh-tonov-v-kitayskom-yazyke>
12. <https://www.rbc.ru/economics/29/03/2023/64218d3e9a79476f369be431>
13. https://lingua-academ.ru/blog/13_sposobov_viuchit_kitaiskii_yazik_s_nulya
14. <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2022/05/24/923463-spros-spetsialistov-kitaiskogo>
15. Geert Hofstede. Culture's Consequences. SAGE Publications, Inc. 2003 - С. 21. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 221 583
16. Li Dongmei. Teaching Chinese as second language and the culture communication. Language Teaching and Study. 2010 - С. 56.

© Тодис Лариса Михайловна (todis-lm@ranepa.ru), Пьянова Марина Валерьевна (pyanova@ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕОРИИ МЕРЫ СТУДЕНТАМ ВУЗОВ

SOME MEANINGFUL PROBLEMS OF TEACHING MEASURE THEORY TO UNIVERSITY STUDENTS

R. Fokin

Summary: The priorities of the mathematical training course in the theory of measure for students of physics and mathematics, technical and humanitarian professional fields from the point of view of hemispheric asymmetry of the brain are discussed. The sections of the course content are defined. Learning styles and methods of meaningful motivation of students are chosen – the Banach-Tarski theorem on doubling an orange, a high degree of abstraction. Questionable elements of the course content are analyzed and transformed – an unsatisfactory presentation of the features of Jordan, Borel, and Lebesgue measures, which can lead to logical errors in theorems. The review of classical textbooks on the theory of measure by A.N. Kolmogorov and S.V. Fomin, I.P. Natanson, B.Z. Vulikh, as well as two modern textbooks developed by practical teachers, is carried out. The author's section of the training course on measure theory has been developed, dedicated to its application to probability theory and mathematical statistics, as well as the Lebesgue-Stieltjes measure.

Keywords: university, education, motivation, mathematics, algebra, measure, Jordan, Lebesgue, Borel, non-negativity, additivity, measurability, probability, statistics.

Фокин Роман Романович

доктор педагогических наук, профессор, доцент,
Федеральное Государственное Бюджетное Военное
Образовательное Учреждение Высшего Образования
«Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского»,
(г. Санкт-Петербург)
vka@mil.ru

Аннотация: Обсуждаются приоритеты математического учебного курса теории меры для студентов физико-математического, технического и гуманитарного профессиональных направлений с точки зрения межполушарной асимметрии мозга. Определяются разделы содержания курса. Выбираются стили обучения и способы содержательной мотивации студентов – теорема Банаха-Тарского об удвоении апельсина, высокая степень абстрагирования. Анализируются и преобразуются сомнительные элементы содержания курса – неудовлетворительное изложение особенностей мер Жордана, Бореля, Лебега, которое может привести к логическим ошибкам в теоремах. Производится обзор классических учебных пособий по теории меры А.Н. Колмогорова и С.В. Фомина, И.П. Натансона, Б.З. Вулиха, а также двух современных учебных пособий, разработанных практическими преподавателями. Разработан авторский раздел учебного курса теории меры, посвященный ее приложению к теории вероятностей и математической статистике, а также мере Лебега-Стилтьеса.

Ключевые слова: вуз, обучение, мотивация, математика, алгебра, мера, Жордан, Лебег, Борель, неотрицательность, аддитивность, измеримость, вероятность, статистика.

Введение в проблематику исследования

Актуальность объясняется тем, что теория меры (ТМ) перспективна в вузовской математике, она преподается для физико-математических, технических профессиональных направлений, но может обобщенно преподаваться и для гуманитарных.

Цель исследования состоит в оптимизации курса ТМ путем изучения отдельных проблем его содержания и обучения ему студентов в смысле решения задач, представленных ниже.

Задачи: 1) Определение разделов курса ТМ путем анализа содержательных связей ТМ с другими областями математики. 2) Выбор и оптимизация стилей обучения в курсе ТМ и способов мотивации студентов. 3) Анализ и преобразование выявленных автором сомнительных элементов содержания курса ТМ. 4) Обзор и анализ некоторых учебных пособий по курсу ТМ. 5) Разработка раздела курса ТМ о вероятностных пространствах и мере Лебега-Стилтьеса.

Обзор методов и материалов исследования

Исследование является междисциплинарным. Применяются как психолого-педагогические, так и логико-математические методы. Из 3 аспектов обучения (содержательный, прагматический, методический – чему, зачем, как учить) статья более затрагивает содержательный, но при этом невозможно совсем не затронуть и другие из-за их тесной связи между собой.

В качестве материалов используются статьи автора, посвященные [1], [2] оптимизации содержания и [3] другим проблемам обучения математике и информатике. Принято считать [4], [5], что настоящие и будущие математики, физики, техники, естественники (ПНТ1 – профессиональные направления типа 1) – это в большинстве левополушарные люди (мыслительный тип), а гуманитарии и спортсмены (ПНТ2, но из спортсменов исключая шахматистов, например) – правополушарные (художественный тип). Есть еще люди гармоничного типа. При обучении левополушарным предпочтительна вербальная (символьная в широком смысле) информа-

Таблица 1.

Доля (%) студентов М - мыслительного, Х - художественного, Г - гармоничного типов по ПНТ1 и ПНТ2 соответственно.

Уч. годы	ПНТ1			ПНТ2		
	М	Х	Г	М	Х	Г
1993-1995	37.1	58.2	4.7	25.6	69.4	5.0
2000-2003	32.1	62.8	5.1	22.9	71.6	5.5
2008-2011	27.7	66.8	5.5	21.2	73.0	5.8

Источник: Составлено автором на основании [6]

ция – научная информация чаще так и представлена. А правополушарным – не вербальная, что представляет при обучении проблемы. (Таб. 1.)

Автор с коллегами проводил в различных вузах Санкт-Петербурга тесты [6] сотен студентов с 1993 по 2011 годы (см. таблицу 1), из-за больших объемов выборок уровень значимости колебался около 10-15 - таков порядок вероятности, что мы приняли ошибочные гипотезы. Отсюда наблюдаемое в последние годы обострение проблем в обучении математике именно студентов ПНТ1. Это сейчас на 2/3 и более правополушарные люди, а методика обучения традиционно нацелена на левополушарных.

Студенты ПНТ2 остались правополушарными в большинстве, на что осталось ориентированным их обучение математике. Профессор Пичугин Ю.А., имеющий богатый опыт преподавания математики студентам-гуманитариям, считает [7], что значительно больший интерес (и результат!) у них получается именно при изучении основ математики и ее фундаментальных концепций, а не вычислений конкретных типов производных и интегралов. ТМ порождается фундаментальными концепциями, и она близка к основаниям математики. ТМ может успешно изучаться студентами и ПНТ1, и ПНТ2, людьми художественного, мыслительного, гармоничного типов.

Также материалами нашего исследования являются различные учебные пособия по ТМ. Заметим, что основные достижения ТМ связаны с 20 веком, а большинство разделов вузовской математики – с 16-19 веками.

Результаты исследования и их обсуждение

1. О разделах курса ТМ

ТМ логически связана почти со всеми другими областями математики и изучается студентами в конце изучения математики. Курс ТМ короткий - обычно 2-3 зачетные единицы, 72-108 часов. В этот курс помимо непосредственно ТМ и интеграла Лебега следует также включить: 1) Теорию множеств: только Декартово произведение; 2М – множество всех подмножеств множества М; мощности конечных и бесконечных множеств; не более, чем счетные (НБЧС) множества – конечные или счетные. 2) Топологические пространства (ТП): только определение

ТП, открытые и замкнутые множества, топологическое определение непрерывного отображения. 3) Метрические пространства (МП): включая порождение топологии на МП. 4) Линейные пространства (ЛП): включая нормированные пространства и порождение метрики в них, сопряженные ЛП. 5) Вероятностные пространства и мера Лебега-Стилтьеса.

Обзор раздела ТП. Определение 1: Пусть М – абстрактное (произвольное) множество, $\mathcal{T} \subseteq 2^M$ (см. абзац выше), причем \mathcal{T} удовлетворяет свойствам 1-4 (аксиомам топологии): 1) пустое множество $\emptyset \in \mathcal{T}$; 2) $M \in \mathcal{T}$; для $\forall A, B \in \mathcal{T}$ 3) $A \cup B \in \mathcal{T}$; 4) $A \cap B \in \mathcal{T}$. Тогда говорят, что: 1) \mathcal{T} – топология на М; 2) \mathcal{T} – множество открытых множеств; 3) упорядоченная пара (M, \mathcal{T}) – топологическое пространство. Определение 2: Множество А – замкнутое означает, что $M \setminus A$ – открытое. Определение 3: Топологическое определение непрерывного отображения. Пусть (M, \mathcal{T}) и (M', \mathcal{T}') – топологические пространства, отображение $f: M \rightarrow M'$. Если при этом прообраз всякого открытого множества – это открытое множество, то отображение f называют непрерывным на М.

II. О стилях обучения в курсе ТМ и способах мотивации студентов

Стиль скороговорки. «Определение ... Теорема ... Следствие ... Замечание ... « - и так далее. Такой стиль лекции – очень экономный в смысле формального времени обучения, если «надо» большой и сложный материал «изучить» в очень короткое время. Первый недостаток: Студент учебный материал за короткое время не поймет совсем и даже законспектировать не успеет. Он слышит о нем впервые в жизни, причем делает подобное 6 дней в неделю по 6-8 часов в день. Лектору следует делать паузы в своей речи и произносить слова медленно и четко. Второй недостаток: Отсутствие в учебном материале информации, мотивирующей студента к обучению.

Стили компьютерной презентации лекции: На просмотр слайда студентами отводится фиксированное время, затем появляется следующий слайд – это стиль фильма для коллективного просмотра, на всю аудиторию необходим 1 компьютер, 1 проектор, 1 большой экран. Лучше в смысле понимания студентом учебного материала, когда слайд меняется по действию студента

(по щелчку мыши, например) – это стиль электронной книги для индивидуального просмотра, при этом каждый студент работает на своем компьютере. Презентация, разработанная в последнем стиле, также может использоваться в режиме лектора для коллективного просмотра, лектор при этом меняет слайды на основе обратной связи со студентами, чтобы они успевали понять содержание каждого слайда.

О внешней и внутренней мотивации. Студента желательно мотивировать к изучению всего курса и конкретной лекции. Не только внешне – получением хорошей оценки, но и внутренне (содержательно) – в смысле самосовершенствования, формирования новых знаний, способностей. Конкретные определение и теорема должны им рассматриваться как элементарный шаг на понятном для него пути.

Об учебном материале для внутренней мотивации. В самом начале курса ТМ следует сказать, что мера – это понятие, обобщающее такие понятия как длина, площадь, объем. Студент может подумать: «Мы уже умеем вычислять длины, площади, объемы не только прямолинейных, но и криволинейных фигур с помощью интегралов, включая многомерные интегралы. Что же еще тут изучать?» Автор не видел ни одного учебного пособия по ТМ, где обучаемый был бы мотивирован в этом смысле. Для этого предлагается такой учебный материал:

Теорема 1 Банаха-Тарского «Удвоим апельсин»: Можно разбить замкнутый шар единичного объема $V \in \mathbf{R}^3$ на 5 дизъюнктивных (попарно непересекающихся) множеств A_1, A_2, A_3, A_4, A_5 и построить такие соответственно конгруэнтные им дизъюнктивные множества B_1, B_2, B_3, B_4, B_5 , что $B_1 \cup B_2 = C$ и $B_3 \cup B_4 \cup B_5 = D$. При этом B, C, D конгруэнтны. Приводить без доказательства. Противоречие (парадокс) при этом заключается в том, что поскольку объем V неотрицателен и аддитивен (так учат в средней школе), то $1 = V(B) = V(A_1) + V(A_2) + V(A_3) + V(A_4) + V(A_5) = V(B_1) + V(B_2) + V(B_3) + V(B_4) + V(B_5) = (V(B_1) + V(B_2)) + (V(B_3) + V(B_4) + V(B_5)) = V(C) + V(D) = 1 + 1 = 2$.

Отсюда, эти объемы V , а значит и меры μ нуждаются в дополнительном математическом исследовании, которое последовательно провели М.-Э.-К. Жордан, Ж. Борель и А.-Л. Лебег. Выход из парадокса заключается в том, чтобы объявить, что у таких сложных множеств, как A_1, \dots, A_5 и B_1, \dots, B_5 объема (меры) не существует, они не измеримы.

Определение 4: Принадлежит Жордану. Пространство с мерой: это упорядоченная тройка (M, A, μ) , где M – это основное множество произвольных (абстрактных) объектов, некоторые подмножества которого измеряются мерой, A – это множество измеримых подмножеств M , $A \subset 2^M$, A – это алгебра, неотрицательный и аддитивный

функционал $\mu: A \rightarrow \mathbf{R}$ – это мера. Неотрицательность и аддитивность μ означает соответственно, что 1) $\forall Q \in A \mu(Q) \geq 0$; 2) $\forall Q, W \in A: Q \cap W = \emptyset \mu(Q \cup W) = \mu(Q) + \mu(W)$

Определение 5: A – это алгебра, означает, что $\emptyset \in A, M \in A, A$ замкнуто относительно операций объединения, пересечения, разности множеств (\cup, \cap, \setminus) , выполненных конечное количество раз.

Здесь следует обратить внимание студента на то, что Жордан предложил измерять мерой μ подмножества M , состоящее из абстрактных объектов. Становится теоретически возможным разрабатывать математическую модель, в рамках которой, например, как мера измеряется весомость некоторого высказывания на некотором подмножестве людей. В результате может стать возможной математическая формализация некоторых очень сложных задач, в частности таких, которые сейчас относят к сфере гуманитарных наук. Например, компьютерная программа будет подбирать совместимые экипажи самолетов, судов. Об этом следует сказать студенту, но автор не видел ни одного учебного пособия, где бы это было сделано.

III. О сомнительных элементах содержания курса ТМ

Более распространено изучение пространств с мерой (см. определение 4) при $M = \mathbf{R}^n$ – в обычном n -мерном пространстве, при этом нельзя считать измеримыми все его подмножества, иначе будут иметь место различные парадоксы Банаха-Тарского, Хаусдорфа. Наиболее известны 3 свободные от этих парадоксов пространства с мерой: Жордана $(\mathbf{R}^n, A_J, \mu_J)$; Бореля $(\mathbf{R}^n, A_B, \mu_B)$; Лебега $(\mathbf{R}^n, A_L, \mu_L)$. При этом $A_J \subset A_B \subset A_L, A_J \neq A_B \neq A_L$, эти меры одно и то же множество измеряют одинаково, A_B и A_L – σ -алгебры; μ_B, μ_L – σ -аддитивные меры.

Определение 6: A – это σ -алгебра, означает, что A – это алгебра и A замкнуто относительно операций объединения, пересечения, разности множеств (\cup, \cap, \setminus) , выполненных НБЧС количество раз.

Определение 7: Пусть (M, A, μ) – пространство с мерой, A – σ -алгебра. Если для любых дизъюнктивных (попарно не пересекающихся) измеримых B_1, B_2, \dots в НБЧС количестве $\mu(B_1 \cup B_2 \cup \dots) = \mu(B_1) + \mu(B_2) + \dots$, то говорят, что μ – σ -аддитивная мера.

Определение 8: Алгебра Бореля A_B – это минимальная σ -алгебра, содержащая все открытые множества из M . Пространство с мерой Бореля может быть определено теоретически на любом топологическом пространстве M , а не только на \mathbf{R}^n .

Сообщение 1: Процедуры построения алгебры Бореля. 1) Если мы будем открытые множества из M объ-

единять, пересекать, вычитать НБЧС количество раз, то в результате мы и получим алгебру Бореля. 2) Про нее же можно сказать, что это минимальная σ -алгебра, содержащая все замкнутые множества из M . 3) Можно объединять, пересекать, вычитать НБЧС количество раз элементарные прямоугольники [8, С. 267-268] - получится алгебра Бореля.

Сообщение 2: Алгебра Жордана строится при помощи верхней (μ^*) и нижней (μ_*) мер, определенных для всех подмножеств \mathbf{R}^n .

Сообщение 3: Алгебра Лебега строится при помощи только верхней (μ^*) меры, построенной ранее Жорданом (см. сообщение 2) для \mathbf{R}^n

Замечание 1: Алгебра Жордана, несмотря на свою бедность относительно алгебр Бореля и Лебега, вполне достаточна для расчетов длин, площадей и объемов фигур с помощью интегралов Римана, включая многомерные случаи.

Замечание 2. Трудно (но возможно) построить множество в \mathbf{R}^n , которое принадлежит алгебре Лебега, но не принадлежит алгебре Бореля. Для приложений почти всегда используется именно алгебра Бореля.

В курсе ТМ правильным было бы (как минимум!) четко выделять разницу мер Бореля и Лебега, а желательно - и Жордана. В теоремах существенно правильно указывать, какая из этих мер имеется в виду. Об этом ниже.

Определение 9: Пусть: $(X, A_x, \mu_x), (Y, A_y, \mu_y)$ - пространства с мерами, где A_x, A_y - σ -алгебры. Тогда отображение $f: X \rightarrow Y$ называют (A_x, A_y) - измеримым, если измерим прообраз любого измеримого множества.

Теорема 2: Пусть: (M, A, μ) - пространство с мерой, где A - σ -алгебра, (\mathbf{R}, A_B, μ_B) - на \mathbf{R} заданы σ -алгебра Бореля и мера Бореля, Функционал $f: M \rightarrow \mathbf{R}$ является (A, A_B) -измеримым $\Leftrightarrow \forall a \in \mathbf{R} \{x \in M: f(x) < a\} \in A$.

Доказательство (\Rightarrow) очевидно. Пусть $y=f(x)$, тогда на оси y множество $\{y < a\}$ - открытое $\Rightarrow \{y < a\} \in A_B \Rightarrow f^{-1}(\{y < a\}) \in A$.

Доказательство (\Leftarrow): Про прообразы f несложно доказать, что:

$$f^{-1}(C_1 \cup C_2 \cup \dots) = f^{-1}(C_1) \cup f^{-1}(C_2) \cup \dots \quad (1)$$

$$f^{-1}(C_1 \cap C_2 \cap \dots) = f^{-1}(C_1) \cap f^{-1}(C_2) \cap \dots \quad (2)$$

$$f^{-1}(C \setminus C_1 \setminus C_2 \setminus \dots) = f^{-1}(C) \setminus f^{-1}(C_1) \setminus f^{-1}(C_2) \setminus \dots \quad (3)$$

В (1), (2), (3) имеются в виду НБЧС объединения, пересечения, разности подмножеств \mathbf{R} . На оси y для $\forall a \in \mathbf{R}$ назовем $\{y < a\}$ множеством типа 1, $\forall b \in \mathbf{R} \{y > b\}$ - типа 2, $\forall a < b \in \mathbf{R} \{a < y < b\}$ - типа 3. Из (1), (2), (3) и того, что A -

σ -алгебра следует, что если некоторое множество D на оси y можно породить НБЧС количеством операций $(\cup \cap)$ из множеств типа 1, то $f^{-1}(D)$ измеримо. Для доказательства достаточно так породить любое $D \in A_B$, такое D (см. определение 8, сообщение 1 пункт 1) порождается из открытых множеств НБЧС количеством операций $(\cup \cap)$. Любое открытое множество на оси y - это НБЧС объединение множеств типов 1, 2, 3.

Далее для доказательства достаточно так породить множества типов 2, 3 из множеств типа 1. 1) $\mathbf{R} \setminus \{y < a\} = \{y \geq a\}$ - породили для любого a . 2) Пусть $an = b + 1/n$ при натуральных n . Тогда $\{y \geq a1\} \cup \{y \geq a2\} \cup \dots = \{y > b\}$ - породили для любого b . 3) При $a < b \{y < b\} \cap \{y > a\} = \{a < y < b\}$ - породили для любых $a < b$.

Автор не видел ни одного учебного пособия по ТМ, где приводилось бы доказательство теоремы 2, хотя оно простое. Дело в том, что в ее формулировке используются термины алгебры и меры Бореля. А в большинстве учебных пособий по ТМ предпочитают термины алгебры и меры Лебега. В результате может по смыслу получиться приводимая ниже неправильная «теорема».

«Теорема» 3: Пусть: (M, A, μ) - пространство с мерой, где A - σ -алгебра. Пространство с мерой (\mathbf{R}, L, μ_L) на \mathbf{R} задает σ -алгебру Лебега L и меру Лебега μ_L . В этих условиях функционал $f: X \rightarrow \mathbf{R}$ является (A, L) -измеримым $\Leftrightarrow \forall a \in \mathbf{R} \{x \in X: f(x) < a\} \in A$

Контрпример по «теореме» 3: Пусть (X, A, μ) - это (\mathbf{R}, B, μ_B) , пространство с мерой Бореля на оси x . Пусть $y = f(x) = x$, функционал в данном случае представляет собой тождественную функцию. Она не является (B, L) -измеримой: возьмем на оси y множество C из алгебры Лебега, которое не принадлежит алгебре Бореля, тогда C измеримо на оси y , но измеримо на оси x , однако $C = f^{-1}(C)$ в силу тождественности f .

«Определение» 10: Пусть функционал $f: M \rightarrow \mathbf{R}$, (M, A, μ) - абстрактное пространство с мерой. В этих условиях функционал f называется измеримым по Лебегу, если $\forall a \in \mathbf{R} \{x \in X: f(x) < a\}$ - измеримое множество. Фактически «определение» 10 неявно вводит «теорему» 3.

IV. Обзор некоторых учебных пособий по курсу ТМ.

Объемные учебные пособия по ТМ [8], [9], [10] являются классическими, в них нет прямых логических ошибок в теоремах, хотя идеальным для изучения ТМ ни одно из них не является. Пособие [8] - почти идеальное. Его терминология по ТМ полностью соответствует принятой в математической науке. Оно написано очень подробно в хорошо понятном для студента стиле и по сути не имеет внутренних недостатков. Пособие явно содержит меры Бореля, Лебега, Лебега-Стилтьеса, указывая их

различия. Неплохо бы сюда добавить теорему 1 Банаха-Тарского (для обеспечения внутренней мотивации студента), а также рассмотрение меры Жордана и вероятностных пространств, хотя это лишь спорная авторская точка зрения.

В [9] рассказывается о неуказанной мере и σ -алгебре измеримых множеств, причем рассматривается только $M = \mathbf{R}$. Меры и алгебры Жордана, Бореля, Лебега вовсе не упоминаются. При построении σ -алгебры используется стиль Бореля (см. сообщение 1, пункты 1, 2), а также стиль Жордана (см. сообщение 2). По мнению автора, фактически построена при этом алгебра Бореля. «Функция $f(x)$, заданная на множестве E , называется измеримой, если измеримо это множество E и если при любом a измеримо множество $E(f > a)$ » [9, С. 81] – используется стиль «определения» 10, но фактическая опора на алгебру Бореля избавляет от логических ошибок в теоремах. Терминология по ТМ здесь своя (не совместимая с [8], [10]), что не делает [9] хорошо понятным студенту.

В [10] рассматривается лишь $M = \mathbf{R}^n$, функционалы называются функциями, что не очень плохо, поскольку термин «функция нескольких аргументов» в математической литературе также часто используется. О мерах Жордана и Бореля не упоминается, говорится только о мере Лебега и σ -алгебре Лебега, неуказанные мера и σ -алгебра подразумеваются Лебеговскими. Определение измеримой по Лебегу функции дается в стиле «определения» 10. При этом $M = \mathbf{R}^n$, $A = A_L$ и $\forall a \in \mathbf{R}$ множество $\{x \in M: f(x) < a\}$ называется Лебеговым множеством вместе с аналогичными множествами $\{x \in M: f(x) \leq a\}$, $\{x \in M: f(x) > a\}$, $\{x \in M: f(x) \geq a\}$. Функция измерима по Лебегу, если прообраз любого Лебегова множества измерим по Лебегу – никаких ошибок в теоремах это не влечет. Но причем тут Лебег? Требование $A = A_L$ чрезмерно, достаточно того, чтобы A было абстрактной σ -алгеброй. Терминология по ТМ здесь своя (не совместимая с [8], [9]), что не делает [10] хорошо понятным студенту.

Недостатки кратких пособий по ТМ [11], [12], разработанных преподавателями различных вузов еще более серьезны. Видимо, это объясняется быстротой их разработки и тем, что за основу брались объемные пособия [9], [10] или им подобные, а не [8] – увы!

V. О вероятностных пространствах и мере Лебега-Стилтьеса.

Идея рассмотрения вероятности как частного случая меры принадлежит Ж. Борелю и А.Н. Колмогорову, в развитии теории вероятностей (ТВ) и математической статистики (МС) начался новый этап изучения вероятностных мер (распределений). Предыдущий этап называют Байесовским, он преимущественно связан с идеями комби-

наторики. Т. Байес (1702 – 1761) – великий британский математик. Обычно студент изучает ТВ и МС, не зная ТМ, следовательно, он не может при этом понимать фундаментальных основ вероятности, и это трудно практически изменить. Проще в ТМ включить соответствующий раздел.

Определение 11: Вероятностное пространство – это упорядоченная тройка (Ω, Σ, P) , где $\Omega = \{\omega\}$ – множество элементарных событий ω , Σ – σ -алгебра измеримых событий (событие – это множество элементарных событий), $P: \Sigma \rightarrow \mathbf{R}$ – вероятность (неотрицательный σ -аддитивный функционал, $P(\Omega) = 1$). Обычно с этого начинается изучение ТВ. Может ли это понять большинство студентов? Знающему ТМ очевидно, что вероятностное пространство – это частный случай пространства с мерой.

Определение 12: Пусть: (Ω, Σ, P) – это вероятностное пространство, (\mathbf{R}, A_B, μ_B) – пространство с мерой Бореля на \mathbf{R} . Тогда (Σ, A_B) -измеримый функционал $\xi: \Omega \rightarrow \mathbf{R}$ называется случайной величиной

Определение 13: Функция распределения случайной величины ξ – это (в условиях определения 12) $F_\xi(x) = P(\{\omega \in \Omega: \xi(\omega) < x\})$ для $\forall x \in \mathbf{R}$. В ТВ принято сокращенно писать о событии $\xi < x$ и о его вероятности $P(\xi < x)$. Событие $\xi < x$ измеримо (см. теорему 2), следовательно, определение 13 корректно. Просто доказать свойства $F_\xi: 1) F_\xi$ не строго монотонно возрастает; 2) F_ξ непрерывна слева; 3) $F_\xi(-\infty) = 0$; 4) $F_\xi(+\infty) = 1$

Определение 14: Пусть (в условиях определений 12 и 13) $F_\xi(x)$ – дифференцируемая функция при $\forall x \in \mathbf{R}$. Тогда ее производную $F'_\xi(x) = f_\xi(x)$ называют плотностью распределения случайной величины ξ

Определение 15: Строим пространство с мерой $(\mathbf{R}, A_B, \mu_\xi)$. Сначала для $\forall a \in \mathbf{R}$ зададим μ_ξ на множествах типа 1 (см. доказательство теоремы 2) как $F_\xi(a)$. Затем по σ -аддитивности распространим μ_ξ на любое множество из A_B – аналогично тому, как это было сделано в доказательстве теоремы 2. Поскольку F_ξ не строго монотонно возрастает, то нужные для этого пределы будут существовать согласно аксиоме о точной верхней грани подмножества \mathbf{R} . Мера μ_ξ называется распределением случайной величины ξ .

Выше приведено математически корректное изложение фундаментальных основ ТВ, чего автору не доводилось видеть ни в одном учебном пособии ни по ТВ, ни по ТМ. В ТВ замена меры и σ -алгебры Бореля на меру и σ -алгебру Лебега приведет к некорректности определения 13, а это классическое определение F_ξ . ТВ и МС широко используют интеграл Лебега, но он может быть основан на любой σ -аддитивной мере, например, на мере Бореля.

Определение 16. Не строго монотонно возрастающая и непрерывная слева функция $F: \mathbf{R} \rightarrow \mathbf{R}$ называется порождающей меру Лебега-Стилтьеса.

Определение 17: Строим пространство с мерой $(\mathbf{R}, A_L, \mu_{LS})$. Сначала зададим μ_{LS} на одномерных элементарных прямоугольниках [8, С. 375]:

$$\mu_{LS}((a; b]) = F(b) - F(a+0) \quad (4)$$

$$\mu_{LS}([a; b]) = F(b+0) - F(a) \quad (5)$$

$$\mu_{LS}((a; b]) = F(b+0) - F(a+0) \quad (6)$$

$$\mu_{LS}([a; b]) = F(b) - F(a) \quad (7)$$

Что и реализуется (4), (5), (6), (7). Затем с помощью стандартной Лебеговой процедуры распространим μ_{LS} на множества из A_L . Мера Лебега-Стилтьеса μ_{LS} похожа на μ_{ξ} - распределение случайной величины, но μ_{LS} основана на мере Лебега, а μ_{ξ} - на мере Бореля, что внушает автору сомнения по прямому приложению μ_{LS} к ТВ и МС, помня о теореме 2 и «теореме» 3

Заключение

Поставленные задачи 1 - 5 были решены, а, следовательно, цель исследования была достигнута.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фокин Р.Р. О содержательном аспекте обучения математике и информатике в современной высшей школе. // Современные наукоемкие технологии – 2021 - №6 ч. 2 - С.340-344.
2. Фокин Р.Р. О содержательном аспекте изучения математического доказательства на примере теоремы Кронекера-Капелли в курсе линейной алгебры. // Современные наукоемкие технологии – 2022 - №2 - С.231-235.
3. О некоторых проблемах в групповом обучении студентов математике и информатике / Р.Р. Фокин, Д.А. Булекбаев, А.А. Атоян, М.А. Абиссова // Педагогический научный журнал – 2023 - № 6. – С. 124-131.
4. Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг. Правый мозг. - М: Книга по требованию, 2013. - 254 с.
5. Москвина Н.В., Москвин В.А. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. - М: Смысл, 2011. - 368 с.
6. Фокин Р.Р. Некоторые психологические и статистические аспекты преподавания дисциплин из областей математики и информатики в современной высшей школе. // Современные наукоемкие технологии – 2019 - №9 - С.175-179.
7. Новые образовательные технологии и оценка статистической надежности обучения студентов / Ю.А. Пичугин, М.Л. Никонорова, Н.Р. Карелина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 154. – С. 138-145.
8. Колмогоров А.Н. Фомин С.В. Элементы теории функций и функционального анализа: учеб. пособие - М.: Наука, 1976. – 544 с.
9. Натансон И.П. Теория функций вещественной переменной: учеб. пособие - М.: Наука, 1974. – 480 с.
10. Вулих Б.З. Краткий курс теории функций вещественной переменной: учеб. пособие - М.: Наука, 1973. – 352 с.
11. Элементы теории меры и интеграл Лебега: учеб. пособие / И.А. Кареев, Е.А. Турилова. - Казань: изд-во Казан. ун-та, 2016 — 66 с.
12. Элементы теории меры и интеграл Лебега: конспект лекций / О.Б. Васюнина, С.В. Самуйлова. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2012 – 51с.

© Фокин Роман Романович (vka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ И ВОСПРИЯТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Цой Татьяна Эдуардовна

*кандидат филологических наук, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
tsoyt@yahoo.com*

PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE FORMATION AND PERCEPTION OF A LITERARY TEXT

T. Tsoi

Summary: The foreign and Russian expert community is actively engaged in the problem of the formation of intercultural communicative competence, however, a single definition and approach to its content has not been developed. Intercultural communicative competence helps to understand the peculiarities of the author's culture and mentality, expand their horizons and improve their perception of the world. However, there are certain problems with this. Insufficient knowledge of the language and culture of the country from which the author originates can lead to misunderstanding of the subtle nuances of his text. Also, different cultures have different values, norms of behavior and worldview, which can affect the interpretation of the work. To overcome these problems, it is necessary to actively develop one's intercultural communicative competence. This includes learning the author's language, culture and history, as well as the ability to adapt their communication strategies depending on the situation and the interlocutor. Only if you have a deep understanding of the cultural characteristics of the author and the ability to find a common language with him, you can fully unlock the full potential of a literary text and get real pleasure from reading it. The analysis of sources makes it possible to understand the purpose and structure of intercultural communicative competence, to trace how it developed at a particular historical stage, through the prism of the process of formation and perception of a literary text.

Keywords: problems, intercultural competence, communicative competence, formation, perception, artistic text.

Аннотация: Зарубежное и российское экспертное сообщество активно занимается проблемой сформированности межкультурной коммуникативной компетенции, однако единого определения и подхода к ее содержанию не выработано. Межкультурная коммуникативная компетенция помогает понять особенности культуры и менталитета автора, расширить свои горизонты и улучшить свое восприятие мира. Однако, при этом возникают определенные проблемы. Недостаточное знание языка и культуры страны, из которой автор происходит, может привести к непониманию тонких нюансов его текста. Также разные культуры имеют различные ценности, нормы поведения и мировоззрение, что может сказаться на интерпретации произведения. Для преодоления этих проблем необходимо активно развивать свою межкультурную коммуникативную компетенцию. Это включает в себя изучение языка автора, его культуры и истории, а также умение адаптировать свои коммуникативные стратегии в зависимости от ситуации и собеседника. Только при условии глубокого понимания культурных особенностей автора и умения находить общий язык с ним можно полностью раскрыть весь потенциал художественного текста и получить настоящее удовольствие от его чтения. Анализ источников позволяет понять назначение и строение межкультурной коммуникативной компетенции, проследить, каким образом она складывалась на том или ином историческом этапе, через призму процесса формирования и восприятия художественного текста.

Ключевые слова: проблемы, межкультурная компетенция, коммуникативная компетенция, формирование, восприятие, художественный текст.

Введение

Современный человек находится в глобальном, инкультурном, межкультурном пространстве, с сильными миграционными процессами, тем важнее находится в эффективном взаимодействии с носителями разного менталитета, понимать культурные коды. В противном случае могут обостряться межнациональные и межконфессиональные отношения, возникают признаки дискриминации на различной почве. Это означает необходимость межкультурной коммуникации.

Социальная жизнь подразумевает участие в меж-

культурном взаимодействии целых формаций, обществ, где идет активный обмен данными, представлениями, ценностными установками и результатами. Если знания и опыт человека недостаточны, межкультурная грамотность находится на низком уровне, он может мыслить стереотипами, отвергать чужие традиции, социальные нормы, уклад жизни и менталитет. Личностное и профессиональное развитие в условиях глобализации замедляется, деградирует, если у человека не сформирован навык межкультурного диалога, полилога. Это означает, что межкультурная компетенция – важный инструмент социализации, самореализация в современном мире.

Практическая значимость работы выражается в теоретических и практических подходах, выработке пособия, с целью формирования межкультурной компетенции, которые могут быть использованы при обучении посредством модели межкультурного сопоставления. Методика эффективна при работе с текстами для чтения в учебных целях.

Феномен межэтнической коммуникации, коммуникации, которая организуется в разных демографических группах (с религиозными, половозрастными и иными различиями), отражается в мировом искусстве, по теме существуют многочисленные произведения русской, российской и зарубежной литературы. Ведение работы по формированию межкультурной компетенции, в частности, заключается в вычленении из текста и анализе смысловых культуроведческих компонентов, технологии работы, связанной с интерпретацией и актуализацией текстов.

Материалы и методы исследований

Общность взглядов на проблематику формирования межкультурной коммуникативной компетенции просматривается в работах таких авторов как И.А. Зимняя, В.В. Воробьев, Т.Г. Грушевицкая, Г.В. Елизаров, Л.И. Гришаева и Л.В. Цурикова, С.К. Милославская. Воспитательное влияние при формировании межкультурной коммуникативной компетенции исследовано в трудах Н.Д. Гальсковой [1], Ю.Н. Караулова [4], В.В. Сафоновой [7], П.В. Сысоева [8], С.Г. Тер-Минасовой [9], И.И. Халеевой [10], Т.К. Цветковой [11].

В трактовке Г.В. Елизаровой межкультурная коммуникативная компетенция – особое новообразование, в основе которого различные знания, умения и навыки, которые влияют на качество межкультурных коммуникативных отношений, когда все коммуниканты стремятся к взаимодействию, взаимопониманию, чтобы достичь определенного результата [3]. В работах Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой межкультурная коммуникативная компетенция представлена как усвоение комплекса коммуникативных релевантных знаний о культуре, как родной, так и иной другой, с последующим их корректным применением при диалоге с людьми, которые принадлежат разным культурам [2].

Н.Д. Гальскова считает, что указанная компетенция тем успешнее формируется, чем более развиты определенные личностные качества человека. Действительно, различные общекультурные компетенции, характеристики личности являются частью межкультурной коммуникативной компетенции. Это способность быть инициативным, толерантным, проявлять эмпатию, критичность, логичность мышления, свободу от стереотипов, стремиться самосовершенствоваться, повышать

квалификацию. Так называемого гражданина мира трудно представить без вышеперечисленных качеств. Проанализированные источники также подтверждают интегративность понятия «межкультурная коммуникативная компетенция», ее общекультурную направленность, универсальность.

Изученные теоретические и исследовательские работы, посвященные особенностям природы межкультурной компетенции, дают возможность рассмотреть данное понятие с точки зрения структуры. Помимо личностных качеств, она также включает в себя социальную компетенцию и целый ряд других, среди которых коммуникативная, лингвистическая, социолингвистическая, дискурсивная, социокультурная, стратегическая, деятельностная. Изученная теоретическая база, которая затрагивает проблему формирования межкультурной коммуникативной компетенции, дает возможность сформулировать следующее определение: это многоаспектное понятие, в которое входят различные компетенции, помогающие выработать стратегию по взаимодействию с представителем иной культуры, в рамках позитивного, продуктивного общения, с целью создания положительного образа собеседника, с умением сравнивать, видеть общее и различия в языке и культуре.

Методы работы заключаются в анализе научно-методической и художественной литературы, наблюдении, обобщении.

Результаты и обсуждения

Межкультурная компетенция может формироваться через создание и восприятие художественных текстов, как объект может рассматриваться тот или иной элемент в культуре, поведение, менталитет, присущие культуре, субкультуре, укладу жизни. Акценты расставляются на особенностях национальной одежды, прическах, внешней символике и атрибутике. Проявления культуры выражаются через поступок, действие, которые раскрываются в той или иной ситуации, моделях речевой деятельности, разнице в этикетах, привычках, поведенческих реакциях, установках, укладе жизни, приверженности религиозным взглядам.

Критерии отбора текстов могут быть следующими. Речь идет о доступности трактовки, психологической и возрастной подготовленности, личностной направленности. Текстовый материал должен отличаться культурной ценностью, потенциалом формировать межкультурную компетенцию. Технологии работы по формированию проверяются их эффективностью. С точки зрения технологии, могут быть организованы коллективные (диспуты, дискуссии, брифинги), групповые (проекты, модели ситуаций), индивидуальные (презентации, публичные выступления), ролевые игры, диалоговые

формы деятельности [6]. Можно использовать драматизацию как прием, проводить тренинги. Итак, нужны не только знания и умения, но и готовность к открытому диалогу, познавательный интерес, готовность отказаться от предубеждения, штампов.

Ю. Штрауб полагал, что понятие межкультурной компетенции является довольно сложным конструктом, концептом, исследование которого может привести к значимым теоретическим и практическим результатам [12]. Обучать межкультурной компетенции необходимо по разным причинам, это важно для отдельного человека, группы, социума, человечества, чтобы принимать, понимать Другого, Чужого, вступать в диалог без предвзятости [12].

Интегрированная совокупность знаний, умений и навыков, которые накапливаются с опытом коммуникации между представителями того или иного этноса, субкультуры, с учетом возраста и профессиональной направленности в рамках этноса. Наличие межкультурной компетенции служит обеспечению понимания других, чтобы успешно общаться.

Межкультурная коммуникативная компетенция формируется поэтапно, в определенной последовательности. На первой ступени формируется компетентность и складываются общекультурные компетенции, вместе с навыками и умениями. На второй ступени определяется этническая идентичность, и расширяются границы познания иного мировосприятия и миропонимания. Формируется коммуникативная компетенция из нескольких компонентов, среди которых присутствует лингвистический, социолингвистический, дискурсивный, социокультурный, социальный.

На третьей ступени осуществляется подготовка к процессу межкультурной коммуникации. В связи с чем необходимы определенные личностные качества, которые важны для организации межкультурной коммуникативной компетенции. Человек должен иметь коммуникативную, лингвистическую, социолингвистическую, социокультурную, стратегическую, деятельностьную, социальную, дискурсивную компетенцию. На заключительной ступени процесс формирования межкультурной коммуникативной компетенции завершается [5].

Процесс формирования межкультурной компетенции важен с практической точки зрения, чтобы улучшить жизнь человека в обществе, которое является поликультурным, полиэтничным, многоконфессиональным. Она позволяет общаться, несмотря на культурные различия, напротив, воспринимая их с уважением, пониманием, умением оценить иные ценностные ориентиры, представления, образ жизни. Собеседники в ходе коммуникации доносят свои установки, убеждения, социальные нормы,

готовы работать в различном культурном контексте.

Глобализация в качестве инструмента успешной социальной интеграции в разной культурной среде рассматривает межкультурную компетенцию. В результате люди, принадлежащие к разной культуре, могут эффективно взаимодействовать в деловой, образовательной, туристической и иной среде.

Художественный текст – эффективное средство, способное сформировать межкультурную компетенцию. При анализе художественной литературы происходит подготовка к межкультурной коммуникации, развивается желание и способность к контактам с представителем другой культуры, принимать, уважать культуру, традиции иной культурной среды, улучшение навыка ориентирования в разных культурах, с целью понимания, сравнения, объяснения явлений и фактов отечественной и иной культурной жизни.

Выводы

Формирование межкультурной компетенции при работе с художественными текстами совершается тем эффективнее, чем более личностно-значимый характер носит данный процесс. Тексты инофона необходимо изучать с обязательной рефлексией, чтобы соотносить полученную из произведения информацию с собственным социальным опытом.

Как уже отмечалось, межкультурная коммуникативная компетенция требует формирования определенных личных качеств. Моделирование социокультурного пространства, диалога культур активизирует навыки межкультурной коммуникативной компетенции. Таким образом, понятие является интегративным, емким, в процессе его формирования обогащается личность, происходит знакомство и усвоение культурных ценностей, совершенствуются личностные качества, развиваются различные компетенции, которые важны для выстраивания общения с представителем другой культуры.

Ключевые проблемы межкультурной коммуникативной компетенции, которые могут возникать в ходе обучения, при восприятии художественных текстов, заключаются в следующем:

- языковые барьеры, затрудняющие степень понимания художественных текстов. Необходимо освоить пространство культурно-специфичных выражений, идиом и метафор, которые могут быть непонятными человеку с иным менталитетом.
- наличие культурных норм и ценностей, которые непонятны или ошибочно трактуются, что может привести к неправильному восприятию текста, представлению о культурной среде.
- стереотипы и предубеждения, предвзятость в

представлениях о чужой культуре, что мешает правильно воспринимать текст, к ней относящийся. Это не позволяет грамотно истолковать текст, и составить мнение о культуре, в том числе, культуре труда, быта, потребления.

- недостаточность знания особенностей других культур, в связи с чем упускаются важные детали, неправильно воспринимаются смыслы, культурные коды.

— формируемые и воспринимаемые художественные тексты могут различаться эстетически, этически, ментально.

Чтобы преодолеть эти проблемы, нужно совершенствовать межкультурную коммуникативную компетенцию. Тем важнее изучить культурные и языковые, ценностные особенности иных культур, развивать эмпатию и открытое мышление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. - М.: Академия, 2004. - 336 с.
2. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. - М.: Академия, 2006. - 336 с.
3. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. - СПб.: КАРО, 2005. - 352 с.
4. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. - М.: Наука, 1990. - 108 с.
5. Корзенникова И.Н. Особенности процесса формирования межкультурной коммуникативной компетенции // Педагогическое образование в России. 2018. №9.
6. Мадиева З.З., Эльдарова Н.М. Формирование межкультурной компетенции на уроках литературы и во внеурочной деятельности // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2022. №1–2.
7. Сафонова В.В. Русский и иностранные языки в фокусе поликультурного образования // Язык. Культура. Общение: сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой - М.: Гнозис, 2008. - С. 343–353.
8. Сысоев П.В. Культурное самоопределение личности как часть поликультурного образования в России средствами иностранного неродного языка // Иностранные языки в школе. - 2003. - № 1. - С. 42–47.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Изд-во МГУ, 2004. - 352 с.
10. Халеева И.И. Интеркультура - третье измерение межкультурного взаимодействия (из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сборник статей МГЛУ. - С. 5–14.
11. Цветкова Т.К. Теоретические основы построения курса обучения английскому языку межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сборник статей МГЛУ. - М., 1998. - С. 1.
12. Штрауб Ю. Межкультурная компетенция: некоторые теоретические комментарии и гуманистическая перспектива // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачевские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 260–264.

© Цой Татьяна Эдуардовна (tsoyt@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОШИБОК КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Янь Цяоянь

Преподаватель, Хунаньский технологический институт, Хэньян, Китай
Аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
yanqiaoyan315@163.com

TYOLOGY OF LEXICAL ERRORS OF CHINESE STUDENTS WHEN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Yan Qiaoyan

Summary: This paper examines the typology of lexical errors of Chinese students when learning Russian as a foreign language.

The relevance of the work lies in the urgent need to identify lexical errors in the Chinese audience when mastering Russian as a foreign language, which will help develop a series of exercises to effectively eliminate these errors and improve the development of foreign language communicative competence.

The novelty of the work lies in recommendations for eliminating lexical errors in the speech of Chinese students.

Practical significance involves the use of article materials in the academic process when teaching Russian as a foreign language to Chinese students.

Keywords: lexical errors, Chinese audience, Russian as a foreign language, typology, synonyms, antonyms.

Аннотация: В данной работе рассматривается типология лексических ошибок китайских студентов при изучении русского языка как иностранного.

Актуальность работы заключается в настоятельной необходимости выявления лексических ошибок у китайской аудитории при освоении русского языка как иностранного, что поможет разработать ряд упражнений для эффективного устранения данных ошибок и улучшить освоение иноязычной коммуникативной компетенции.

Новизна работы заключается в рекомендациях по устранению лексических ошибок в речи китайских студентов.

Практическая значимость предусматривает применение материалов статьи в академическом процессе при обучении русскому языку как иностранному китайской аудитории.

Ключевые слова: лексические ошибки, китайская аудитория, русский язык как иностранный, типология, синонимы, антонимы.

Введение

Русский язык многообразен и красив. Он богат лексическим наполнением, стилистическими ресурсами и грамматическими конструкциями. Все эти характеристики вызывают немалые сложности при его освоении, в том числе и иностранными студентами. Сложная система склонений и спряжений, широта антонимосинонимических отношений, богатство изобразительно-выразительных средств языка, временные характеристики – все указанные особенности делают его достаточно трудным для изучения. Как показывает практика, именно лексические особенности русского языка вызывают проблемы у иностранных слушателей. Этому посвящены работы Костомарова В.Г., Щукина А.Н., Пасова Е.И., Азимова Э.Г., Титковой М.Ю., Лихачевой О.Н. и многих других ученых и методистов, занимающихся вопросами преподавания русского языка как иностранного.

Лексические ошибки представляют собой нарушения правил лексики, предпочтительно охватывают использование слов в несвойственных им значениях, также наблюдаются случаи нарушения морфемной структуры и смыслового согласования. Слова могут не сочетаться в смысловом и стилистическом контексте. Это выражается в неверном использовании паронимов, синонимов и прочих семантически близких слов [1].

При освоении русского языка как иностранного вышеуказанные нарушения встречаются очень часто в речи китайского слушателя. Изучение типологии лексических ошибок китайских студентов при обучении русскому языку как иностранному является важным аспектом в области методики преподавания русского языка как иностранного.

В основном типичные лексические ошибки, совершаемые китайскими студентами, чаще всего охватывают неверное использование слов, имеющих схожее звучание или написание, но совершенно разные значения в русском языке; недостаточный запас слов и фраз, что может привести к ошибочному выбору единицы в тексте; возможное несоблюдение грамматических правил при использовании слов и ограниченное понимание значений и особенностей слов в различных контекстах; влияние грамматики китайского языка на выбор и использование слов в русском языке.

Одним из наиболее распространенных примеров лексических ошибок является неправильное использование слов, которые имеют схожее звучание или написание, но различное значение в русском языке. Эти ошибки возникают из-за недостаточного понимания контекста и значений слов в русском языке, что часто является базовым фактором ошибок при общении. Рас-

смотрим примеры самых частых ошибок китайских студентов, например подмена слов *мыть* и *мышь*. *Я не хочу мышь квартиру*. Причина в сходном произношении данных слов, соответственно, иностранцы зачастую путают их значения [2].

К данному примеру также можно добавить неверное использование китайскими студентами слов *кровать* и *кровь*. Для иностранного слушателя это очень похожие по звучанию слова, таким образом, они подменяют и их значения. *Я лег на кровь и быстро уснул*.

В качестве примера также можно привести слова *зАмок* и *замОк*. *Я закрыл дверь на ключ с помощью зАмка*. Данные слова имеют одинаковое написание, но абсолютно разные ударения и значения. Соответственно, иностранный студент может не сориентироваться в речи и использовать неверное слово из данных двух лексических единиц.

К наиболее типичным видам лексических ошибок относятся нарушение лексической сочетаемости, смешение паронимов, употребление слов в несвойственном значении, речевая избыточность, повторение однокорневых слов, лексическая неполнота (Титкова, Лихачева, Цейтлин).

Также в работах авторов просматриваются такие виды лексических ошибок, как неверное употребление фразеологизмов, неверное использование омонимов, ошибочное употребление антонимов и синонимов, ошибки в использовании местоимений (Купина, Голуб, Сорокина).

Материалы и методы

В работе использованы методы сравнения и сопоставления, анализа и синтеза полученного фактического материала, представленного речью китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный. Привлечены статьи и методические разработки ученых и методистов, позволяющие изучить теоретическую базу речевых ошибок и проанализировать наиболее частые погрешности в речи китайских обучаемых. Методом наблюдения и сопоставления получен фактический материал, на основе которого выявлены причины наиболее частотных лексических ошибок студентов, а также определены критерии классификации указанных ошибок.

Результаты и обсуждения

Для исправления лексических ошибок китайским студентам рекомендуется уделить больше внимания изучению значения слов и контекстуальному использованию в речи. Рассмотрим некоторые рекомендации и задания для исправления указанных лексических ошибок в русскоязычной речи китайских студентов.

Во-первых, это могут быть задания на сопоставление лексических единиц. Например, можно предложить студентам список слов с похожими звучанием или написанием, но разным значением и попросить их распределить данные лексические единицы по соответствующим значениям или использовать каждое слово в предложении с правильным контекстом.

Например, сопоставьте слова и их значения: *вдох* – *вздых*, *одеть* – *надеть*, *удачный* – *удачливый*, *понятный* – *понятливый* (*очень глубокий вдох, активный процесс дыхания; снабдить кого-то одеждой, снабдить себя одеждой; завершившийся удачей, такой, которому везет; доступный, вразумительный, сообразительный, быстро понимающий*)

Во-вторых, это задания на заполнение пропусков. Например, можно выдать студентам предложения с пропущенными словами. Обучаемые должны выбрать правильное слово из нескольких вариантов, учитывая контекст предложения [3].

Например, выберите правильное слово: *Кот ест (мышь, мыть)*. *Они хотят (надеть, одеться) празднично и пойти погулять*.

В-третьих, это задания на составление предложений со словами, вызывающими сложности. Такие упражнения помогут студентам понять разницу в значениях слов и их контекстуальное использование.

Например: составьте предложения со следующими словами. Поясните использование паронимов. *Он, скрытый, человек. Ему нельзя верить. Эти, факты, скрыты, от, всех. Они представляют закрытую информацию*.

В-четвертых, одним из популярных в современной методике техник является использование игры на занятиях по русскому языку как иностранному. Все занятие может быть проведено в форме ролевой игры. У каждого студента будет соответствующий лексический арсенал и роль, которую он должен сыграть на занятии. Это позволит обучающимся использовать сложные слова в различных ситуациях и поможет им понять, как правильно применять сходные лексические единицы в разных контекстах.

В-пятых, одной из рекомендаций является использование тестирования на занятиях по русскому языку как иностранному. Например, можно подобрать либо составить тесты, в которых студентам нужно выбрать правильное значение слова из нескольких вариантов. Это поможет обучаемым закрепить знания и научиться различать слова с похожим звучанием или написанием.

Указанные выше задания направлены на то, чтобы помочь китайским студентам ориентироваться в значениях слов и их контекстуальном использовании в рус-

ском языке [4]. Регулярная практика и обратная связь также играют важную роль в улучшении лексических навыков при изучении русского языка как иностранного.

Лексические ошибки китайских студентов могут быть вызваны недостаточным запасом слов и фраз, что может привести к неправильному выбору слова в контексте. Для помощи иностранным студентам в изучении русского языка и правильному выбору слова в контексте можно предложить следующие задания.

Во-первых, это могут быть упражнения на запоминание слов, например, составление карточек с новыми словами и фразами, их перевод на китайский язык, и обратно. Это поможет студентам запомнить новые слова и правильно их использовать.

Во-вторых, это могут быть упражнения на контекстуальное использование сложных лексических единиц. Например, студентам можно предложить задания, где они должны использовать новые слова в предложениях или коротких текстах, чтобы показать, что они понимают их значения и умеют применять в правильном контексте [5].

В-третьих, это могут быть упражнения на синонимы и антонимы, в которых студентам нужно выбрать синоним или антоним к данному слову. Такие задания помогут обучаемым лучше понять значения слов и контекст, в котором они используются.

В-четвертых, для исправления лексических ошибок такого плана и пополнения лексического запаса возможно использование деловых игр. Это предусматривает организацию ситуаций, в которых студенты должны использовать новые слова и фразы в роли определенного персонажа или в определенной ситуации, что поможет им лучше усвоить новые значения и контекстуальное использование лексических единиц [6].

Лексические ошибки в речи китайских студентов могут быть вызваны также несоблюдением грамматических правил при использовании слов. Одной из типичных лексических ошибок, совершаемых китайскими студентами при изучении русского языка, является неправильное склонение существительных, неверное спряжение глаголов, ошибочное образование форм прилагательных и прочие нарушения грамматических норм.

Эта проблема обычно связана с отсутствием понимания грамматических правил русского языка и требует дополнительного внимания и практики со стороны студентов [7]. Для преодоления данной ситуации рекомендуется уделить особое внимание изучению грамматики, проводить упражнения на отработку грамматических форм, а также чаще обращаться к учебным материалам и учебникам, где подробно раскрыты грамматические правила русского языка.

Лексические ошибки также могут возникать из-за недостаточного понимания значений и нюансов слов в различных контекстах. При изучении русского языка как иностранного важно не только знать непосредственные словарные значения слов, но и понимать их значения в различных ситуациях и контекстах. Например, одно и то же слово может иметь очень разнообразные значения в различных контекстах, и неправильное их использование может привести к недопониманию или неправильной передаче мысли. Поэтому важно уделить внимание не только запоминанию отдельных слов, но и изучению их использования в различных контекстах для более глубокого понимания русского языка [8].

Наконец, лексические ошибки китайских студентов могут быть обусловлены влиянием грамматики китайского языка на выбор и использование слов в русском языке. Грамматика китайского языка отличается от грамматики русского языка, поэтому китайским студентам может быть сложно правильно выбрать и использовать то или иное слово в русском языке.

Рассмотрим наиболее типичные причины лексических ошибок, которые могут совершать китайские студенты при изучении русского языка как иностранного.

Во-первых, отсутствие окончаний и склонений в китайском языке может привести к тому, что студенты забывают изменять слова в русском языке в соответствии с их родом, числом и падежом.

Во-вторых, у китайских студентов наблюдаются ошибки в использовании предлогов, так как они в русском и китайском языках могут иметь разные значения и использоваться по-разному.

В-третьих, китайские студенты испытывают проблемы с порядком слов в предложении, так как в китайском языке порядок слов кардинально отличается от русского.

В-четвертых, это могут быть ошибки в употреблении времен глаголов, так как система времен в русском и китайском языке различная, что также отражается на неверном использовании лексических единиц и их форм [9].

Для минимизации интерференции и соответствующих лексических ошибок китайские студенты должны много читать и переводить русские тексты на китайский язык и наоборот, также им следует выполнять задания на составление предложений со схожими русскими лексическими единицами, но имеющими различное значение, кроме того, важно использовать речевые тренажеры для отработки ситуаций и контекстов, что позволит им научиться правильно выбирать слова для той или иной ситуации [10].

Предлагаем некоторые задания, которые также помогут исправить лексические ошибки китайских студентов.

Задание 1. Даны следующие слова: муха-мука, стена-спина, вор-лор, шепот-щепоть, топор-талон. Составьте для каждого слова предложение, подходящее по смыслу. Запишите полученные предложения.

Задание 2. Прочитайте текст. Вставьте пропущенные буквы в словах. Объясните свой выбор.

Книга была связана с его любимым, ни...ким героем.

Степан вчера заш...л на чай, забыв о времени.

Степень числа многократно увеличивалась в ходе ра...етов.

Задание 3. Отредактируйте предложение: исправьте лексическую ошибку, заменив неверно употреблённое слово. Запишите подобранное слово, соблюдая нормы современного русского литературного языка.

Духовный наставник церкви посоветовал мне увеличить кругозор за счёт чтения книг.

Задание 4. Отредактируйте предложение: исправьте лексическую ошибку, исключив лишнее слово. Выпишите это слово.

В прошлом году я уехала в Китай, чтобы получить высшее образование, но другой альтернативой было поступление в немецкий университет.

Задание 5. Отредактируйте предложение: исправьте лексическую ошибку, исключив лишнее слово. Выпишите это слово.

Мы поедем отдыхать за границу в ноябре месяце, когда там будет гораздо меньше туристов.

Задание 6. Восстановление деформированного текста. Из данных предложений составь рассказ, запиши его. Он собрал тонкие ветки. Вася шел из школы домой. В

школьном саду обрезали деревья. Скоро заблестели зелёные листочки. Дома мама поставила их в воду.

Задание 7. Дополните начатые цепочки до 4–5 слов по трем признакам одновременно. Признаки подбора слов определите самостоятельно. Запишите слова, выделяя окончания.

Шахтеров, столяров,

Плакаты, фломастеры,

Ограничение, округление,

Задание 8. Даны слова: жир, пир, личинки, Рим, починка, дорожит. В каких из них под ударением произносится тот же гласный звук, что и в слове сыр?

Задание 9. Что означает устойчивое выражение белая ворона?

Задание 10. Заменяй прилагательное близким по смыслу словом.

Небо в облаках – , Человек работает – , Рисунок человека – , Близкие люди – ...

Выводы

Лексические ошибки представлены достаточно широко в речи китайских студентов. Они должны быть устранены посредством определенных заданий, которые позволяют снять причины данных ошибок, а именно, понять и осознать значения слов настолько, чтобы верно использовать их в речи, освоить особенности контекстуальных вариаций лексических единиц, постичь морфологические особенности русского словарного состава, дифференцировать стилистические аспекты. Указанные выше задания и упражнения направлены на коррекцию лексических ошибок в речи китайских студентов, что позволит им повысить уровень владения русским языком как иностранным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Титкова М.Ю. Классификация речевых ошибок школьников: вопрос и вариант решения. Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. С.134-139
2. Лихачева О.Н. Сущность гуманитарного компонента в рамках неязыкового вуза на примере английского языка. Булатовские чтения. 2018. Т.7. С.113-114
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Монография. М., РУДН, 2008, 336 с.
4. Уалиева С.А. Слияние лингвистики и культурологии / С.А. Уалиева // Начала Русского мира. – 2023. – № 4. – С. 54-59.
5. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., Наука, 2019, 386 с.
6. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. М., Логос, 2020, 200 с.
7. Бобылева Б.Г. Русский язык и культура речи. Орел, 2014, 401 с.
8. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. М., Юрайт, 2013, 415 с.
9. Сафина А.В., Газизов Р.А. К вопросу о признаках речевой манипуляции и средствах ее выражения. Вестник Башкирского университета. 2015. №3. Т.20. С.1027-1030
10. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., Просвещение, 1982, 143 с.

© Янь Цяоянь (yanqiaoyan315@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ТИПОЛОГИИ СТАТЕЙ В РОССИЙСКОМ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ Ф.А. БРОКГАУЗА – И.А. ЕФРОНА

ON THE TYPOLOGY OF ARTICLES IN THE RUSSIAN BROCKHAUS AND EFRON ENCYCLOPAEDIC DICTIONARY

Ia. Aisen

Summary: The current article presents the results of a study of the types of encyclopaedic articles in the Russian Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary (1890–1907). An analysis of existing typologies was carried out based on the first 600 articles of the Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary. The proposed typology is based on the volume of the articles and the presence of different information zones in them and was developed with all the specifics of the Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary taken into account. The selected types of articles are described in detail with examples, and the number of articles belonging to each selected type is counted. The results of this research can be applied in the compilation of encyclopaedias and encyclopaedic dictionaries, as well as in study courses addressing problems of text theory.

Keywords: encyclopaedic article, typology, the Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary.

Айсен Яков Дмитриевич

*Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
aysen567@mail.ru*

Аннотация: В статье представлены результаты исследования типов энциклопедических статей российского Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона (1890–1907). Произведен анализ существующих типологий и на материале первых 600 статей Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона, учитывая особенности данного издания, предложена типология, основанная на измерении объема словарных статей и наличии в них разных информационных зон. Выделенные типы статей описаны подробно с примерами, подсчитано количество статей, относящихся к каждому выделенному типу. Полученные результаты могут быть применимы при составлении энциклопедий и энциклопедических словарей, а также в учебных курсах, затрагивающих проблемы теории текста.

Ключевые слова: слова: энциклопедическая статья, типология, Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона.

Как известно, на протяжении всего XIX века российская интеллектуальная элита, вдохновленная успехом Французской энциклопедии Дидро и Д'Аламбера и идеями Просвещения, предпринимала попытки создания энциклопедии на русском языке. Многие выходившие в начале – середине века издания претендовали на то, чтобы стать российским вариантом Французской энциклопедии, но составителям обычно не удавалось довести их до конца отчасти из-за слабости методологической базы, отчасти из-за ошибок в планировании словника, растущего по ходу издания все новых томов и, как следствие, задержек с их выходом [6, с. 132]. Однако несмотря на незаконченность многих энциклопедий начала – середины XIX века, они в целом способствовали развитию энциклопедизма в стране: издатели учитывали ошибки своих предшественников, неуклонно росло количество оригинальных словарных статей, постепенно формировался интерес публики к энциклопедическим и справочным изданиям.

Первая сопоставимая по своему объему и значению с европейскими завершенная российская энциклопедия, была выпущена лишь на рубеже XIX и XX веков: в 1890 г. в Петербурге началась публикация Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона под редакцией сна-

чала И.Е. Андреевского (первые 8 томов), затем К.К. Арсеньева Ф.Ф. Петрушевского и В.Т. Шевякова. Это был самый крупный из дореволюционных энциклопедических словарей, состоящий из 82-х основных полутомов и 4-х дополнительных. В его создании приняли участие такие известные ученые того времени, как Д.И. Анучин, А.И. Бекетов, А.И. Воейков, Н.М. Книпович, А.О. Ковалевский, Д.И. Менделеев, А.И. Советов, Ю.М. Шокальский [3, с. 45].

За основу российского издания был взят немецкий "Conversation Lexikon", выпущенный издательской фирмой «Брокгауз» в 1882–1887 гг. в Лейпциге. Значительное число статей немецкой энциклопедии было переведено на русский язык (в отдельных случаях с некоторыми исправлениями) или заменено «новыми статьями на основании других энциклопедий – Британской, Французской, прежних русских и самостоятельных научных сочинений и специальных работ» [4]; также из немецкой энциклопедии были заимствованы все приложения, географические карты и иллюстрации. Что касается материалов, посвященных России, то они с самого начала были полностью оригинальными, а после смены редакции и изменения планов относительно общего объема энциклопедии (значительно увеличилось запланированное число томов) были значительно расширены.

Как известно, важнейшей структурной единицей энциклопедии и энциклопедического словаря является статья, и в настоящее время исследователи энциклопедий используют разные типологии энциклопедических статей. Так, в энциклопедическом словаре «Книговедение» говорится: «Статьи в Э. бывают следующих типов: статьи-обзоры, статьи-справки, статьи-толкования (содержат только дефиницию и в случае заимствования слова из др. языка – этимологию) и статьи-отсылки (адресуют к другому термину). Первые два типа статей, отличающиеся друг от друга преим. объемом, являются для Э. определяющими; они содержат осн. информацию по существу вопроса: изложение науч. теории, историч. события, географич., биографич., статистич., данные и пр.» [1, с. 609]. В работе [5, с. 137] при планировании объема типовых статей для энциклопедических изданий предлагается делить статьи на «крупнейшие, крупные и средние по размеру статьи, а также статьи небольшого (словарного объема)». В диссертации, посвященной исследованию жанровой структуры Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона, автор, основываясь на количестве «элементов описания» в статье, предлагает следующую типологию энциклопедических статей: локальные (имеют один элемент описания), расширенные (состоят из более чем одного элемента описания), комплексные (имеют несколько разделов, каждый из которых является самостоятельным значимым элементом описания), статьи-отсылки [2, с.66].

Попытка использования представленных в указанных работах типологий энциклопедических статей для анализа структуры Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона и сопоставления структуры этой энциклопедии со структурой других энциклопедий показала, что для построения «работающей» типологии необходимо иметь четкий количественный критерий, по которому статьи различаются, а именно количество слов, содержащихся в однотипной по информации статье. Использование количественного критерия дало возможность предложить следующую типологию статей, составляющих Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона:

- статьи-обзоры большие, (например, статья «Австро-Венгерская империя») от 1,5 тыс. до 15 тыс. слов в первых томах (в следующих томах есть и более крупные статьи), и малые (статья «Август II»), от 500 до 1,4 тыс. слов;
- статьи-справки большие (статья «Август III»), от 100 до 500 слов, и малые или, иначе, статьи-справки словарного объема («Авраамий Флоринский»), 20–50 слов;
- статьи-толкования большие, с более чем одной дефиницией (статья «Абазур») – 20–60 слов, и малые, с одной дефиницией (статья «Абсурд») – 10–20 слов;

- статьи-отсылки с кратким пояснением, (статья «Абсцесс») – 1–5 слов и статьи-отсылки без какой-либо дополнительной информации (статья «Абзорпция»).

Кроме этой типологии, при исследовании статей Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона полезно использовать предложенную в работе [2, с. 60] параметризацию энциклопедической статьи по типу содержащейся информации:

- а) зона дефиниции представляет собой краткое или развернутое определение;
- б) зона идентификации позволяет сопоставить денотат с реалиями той области, к которой он принадлежит;
- в) в зоне морфологии приводится основная характеристика объекта;
- г) в зоне оценки излагается позиция и личное мнение автора статьи;
- д) в генетической зоне приводится хронология возникновения и развития объекта;
- е) в инструктивной зоне содержится информация о практическом использовании объекта или практической реализации того или иного концепта.

К большим статьям-обзорам относятся статьи о странах («Абиссиния», «Афганистан»), частях света («Азия»), некоторых административных единицах («Алабама, штат»), городах (Александрия), наиболее выдающихся личностях («Александр I»), науках («Алгебра») и языках («Албанский язык»). Такие статьи как правило составляются с опорой на типовые статьи, то есть статьи подготовленные на первых этапах разработки словника и, которые в дальнейшем служат в качестве образца для подготовки статей, относящихся тематически к той же категории. Вследствие этого статьи одной и той же тематической категории (статьи о науках, городах, правителях, странах) часто являются однотипными. Однако для отдельных статей Энциклопедического словаря характерны более или менее значительные расхождения в структуре по сравнению с другими статьями, принадлежащими к той же тематической категории.

Для того чтобы подробнее рассмотреть особенности однотипных статей-обзоров обратимся к статьям о странах. В первом томе содержатся статьи о следующих странах и территориях: Абиссиния (в написании «Абессиния»), Афганистан («Авганистан»), Австралия, Австрия (как эрцгерцогство и часть Австро-Венгерской империи), Австро-Венгерская империя, Азербайджан («Азербейджан», как провинция Персии) и Албания. Данные статьи составлены по приблизительно схожему плану, информационные зоны расположены в тексте в определенной последовательности, которая может в отдельных статьях варьироваться. В отдельных статьях та или иная информационная зона

может отсутствовать (например, в статье «Албания» не приводится информация об истории страны). Унификация «однотипных статей обусловлена характером энциклопедической литературы, обязывающим её составителей обеспечить удобство пользования изданием, выдержать структурное единообразие статей, принадлежащих к одной категории... Соблюдение стабильной унификации, естественно, не должно мешать проявлению авторской индивидуальности, что особенно важно для ведущих статей. Наличие схем отнюдь не исключает и отклонений от них, связанных со спецификой подготовки конкретных статей» [5, с. 145]. В период создания Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона процесс подготовки и составления справочного издания энциклопедического типа значительно отличался от современной практики составления энциклопедий. Авторы статей энциклопедии были более свободны в подборе и расположении материала, не были строго ограничены типовыми статьями, от которых современные авторы не могут позволить себе отступать. Авторские статьи содержат эпитеты, метафоры, в них свободно излагается личное мнение автора, дается оценка тем или иным событиям. Даже в переводных статьях о зарубежных персоналиях зона дефиниции нередко содержит оценочные прилагательные: «замечательный хирург» (статья «Абернети, Джон»), «выдающийся английский астроном» (статья «Айри, Джордж Биддель»), «превосходный португальский поэт новейшего времени» (статья «Алмеида-Гаррет, Джоао Баптиста»). Специфика энциклопедии, таким образом, также осложняет типологический анализ данного издания.

В последующих томах также обнаруживаются некоторые расхождения в структуре статей о странах. Так, в статье «Великобритания» в начале для удобства читателя приводится содержание статьи с указанием на страницы, но в статьях посвященных, например, Германии или Португалии содержание отсутствует. Наиболее распространенный порядок построения статьи о стране включает в себя информацию о её географическом положении и других географических сведениях, климате, растительном и животном мире. Во второй информационной зоне приводятся сведения о населении, вероисповедании и государственных языках. Большая часть статьи отводится истории страны, в конце приводится список литературы, с которой читателю предлагается ознакомиться для более подробного изучения вопросов, описанных в статье. В статьях о наиболее могущественных державах Европы также присутствуют информационные зоны об армии и флоте, экономике и, в частности, промышленности, а также национальной литературе. В качестве примерного плана статьи о стране можно привести последовательность подзаголовков в статье «Австралия»: «пространство и очертание берегов», «поверхность материка», «климат», «растительность», «фауна»,

«минералы», «население страны и положение колонии», «финансы и торговля», «история открытия Австралии», «литература».

Членение статьи на тематические блоки позволяет говорить об особом комплексном подходе редакции энциклопедии к составлению статьи. Шмушкис Ю.Е. предлагает выделять крупные обзорные комплексные статьи в отдельную группу [5, с. 138]. К таким статьям относятся «крупные обзорные статьи, в создании которых участвуют несколько отраслевых редакций (статьи о государствах, крупнейших городах мира и др.)», а также «прочие комплексные статьи, как правило, подготавливаемые не менее чем двумя редакциями (биографии о некоторых деятелях науки, искусства и общественной жизни; статьи о явлениях, понятиях и т.п., обозначаемых одним и тем же термином, имеющим в разных отраслях хотя и близкое, но не одинаковое значение)» [5, с. 174]. В рамках данного исследования понятия «крупная комплексная статья» и «большая статья-обзор» рассматриваются как синонимичные.

Малые статьи-обзоры имеют объем значительно меньший по сравнению с большими статьями-обзорами (занимают приблизительно страницу Энциклопедического словаря, в то время как большие статьи могут занимать несколько десятков страниц) предоставляют историческую справку о предмете, процессе или явлении, описывают историю его развития или изучения. В них подробно приводятся статистические данные. Основным отличием таких статей от крупных и средних статей-справок является не только объем, но и наличие нескольких типов информации, разделение статьи на информационные зоны освещающие определенные аспекты объекта. Статья-обзор «Австрийская война за наследие престола», например, состоит из трех абзацев: первый посвящен причинам и предыстории конфликта, второй – подготовке к военным действиям и начальному этапу войны, третий – заключительному этапу конфликта и его итогам.

Статьи-справки в Энциклопедическом словаре также можно разделить на подтипы исходя не только из их объема, но и способа изложения в них информации. Статьи-справки, составляющие большую часть словника энциклопедии, в значительной степени отличаются друг от друга. Так, объем статьи «Агагар» составляет лишь 38 слов, а статьи «Автоматическая стрельба» – 195 слов, однако по формальным признакам обе статьи можно отнести к статьям-справкам. Большие статьи-справки, как правило, описывают (с разной степенью подробности) какой-то один аспект информации, относящийся к объекту. Большие статьи-справки также могут содержать более одного элемента описания, но всегда один из них преобладает над другими по объему и подробности изложения. Так, статья «Абхазия»

содержит сведения как о географическом положении, так и о климате региона, однако информации об истории Абхазии и абхазского народа занимает доминирующее положение в статье. Неравное соотношение между информационными зонами и сравнительно небольшой объем статьи не позволяет отнести её к статьям-обзорам, следовательно данная статья будет отнесена к статьям-справкам большого размера.

Малые статьи-справки (или статьи-справки словарного объема) в энциклопедии также заметно отличаются друг от друга. К этому подтипу относятся статьи, состоящие из дефиниции и краткой информации в виде примеров, статистической информации, описания симптомов (в статьях о заболеваниях), краткого жизнеописания (в статьях о персоналиях) и прочей дополнительной информации, необходимой для общего понимания объекта статьи. Пример такой статьи: «Агатина (*Agathina*) или *Achatina* – брюхоногие слизни тропической Африки, схожие со снелными слизнями (*Helix pomatica* Lin.), но имеющие более ярко окрашенную и оскобленную скорлупу. Куски кругообразной их скорлупы обращаются в Анголе в виде монеты» [7, с. 132].

Статьи-толкования в рамках данной энциклопедии можно подразделить на статьи с одной дефиницией и статьи с несколькими дефинициями, относящимися к разным наукам (как правило в случае статей о многозначных терминах, например в статье «Автопсия»). Присутствие в статье какой-либо дополнительной информации (кроме этимологической справки, встречающейся в статьях любого типа) позволяет причислить такую статью к типу «краткая статья-справка».

Статьи-отсылки подразделяются на статьи, в которых помимо непосредственно ссылки на другую статью присутствует краткое (но не исчерпывающее) определение или пояснение, позволяющее причислить объект статьи к определенному классу объектов, а также статьи, в которых присутствует только отсылка к другой статье энциклопедии без какого-либо дополнительного пояснения. Примером первого подтипа является статья «Авдотка» («Авдотка — растение (см. Троллиус)» [7, с.72]. В качестве примера второго подтипа статьи-отсылки можно привести статью «Абако»: «Абако – см. Багамские острова» [7, с.11].

Несмотря на некоторую схожесть между статьей-толкованием, в которой содержится ссылка на другую статью и статьей-отсылкой, содержащей краткое определение или пояснение, у статей этих двух типов есть существенное отличие – статьи-отсылки содержат лишь краткое определение, не раскрывающее денотат в необходимой мере, для чего и требуется ознакомление с другой статьей тематически связанной с данной. Необходимо обратить внимание и на тот факт, что внутритек-

стовые ссылки на другие статьи энциклопедии присутствуют в статьях любого типа, поэтому наличие ссылки само по себе не является поводом для отнесения статьи к типу «статья-отсылка». «Система ссылок играет весьма существенную роль в конструкции энциклопедии в целом и влияет на принципы построения словника» [5, с. 161]. Редакция энциклопедии прибегает к статьям-отсылкам в случаях если для иноязычного термина существует русскоязычный синоним (статья «Аборт» отсылает к статье «Выкидыш»), если существует альтернативный способ написания термина (ссылка осуществляется на более частотный вариант написания – статья «Аальст» отсылает к статье «Эльст»), если информация о каком-либо явлении, реалии или термине, приводится в рамках статьи о более общем понятии (статья «Абдоминальный тиф» отсылает к статье «Тиф»). Кроме того, создание таких статей, отсылающих к «генеральным» или ведущим статьям, исчерпывающе описывающих тему, включая все частности и побочные темы, является крайне важным этапом создания энциклопедии [5, с. 161]. Есть в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона и ссылки ведущие к статьям, которые так и не вошли в энциклопедию (статья «Абстрактные договоры и обязательства» отсылает к статье «Формальные обязательства», однако такой статьи в энциклопедии нет). В таких случаях имеет место ошибка редакции при планировании словника.

Составленная в рамках данного исследования типология позволила провести анализ энциклопедических статей с учетом не только их объема, но и содержащихся в них информационных зон. В результате исследования первых 600 статей Энциклопедического словаря были получены следующие данные: большие статьи-обзоры – 5 статей («Абиссиния» (с. 29–35), «Афганистан» (с. 53–61), «Австралия» (с. 88–95), «Австрия, эрцгерцогство» (с. 98–100) «Австро-Венгерская империя» (с. 100–122)), малые статьи-обзоры – 24 статьи, большие статьи-справки – 385 статей, малые статьи-справки – 87 статей, статьи-толкования – 67 статей (в том числе 7 статей, содержащих более одной дефиниции), статьи-отсылки – 21 статья, статьи-отсылки, содержащие какие-либо дополнительные сведения об объекте – 11 статей.

Предложенную в данном исследовании типологию вряд ли можно рассматривать как универсальную для всех справочных изданий энциклопедического типа, поскольку целью её создания было прежде всего описание статей Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона с учетом особенностей этого издания, вышедшего задолго до того, как справочная литература обрела сегодняшний вид. Разработка универсальной типологии энциклопедических статей по-прежнему остается важной нереализованной задачей, решение которой значительно упростит изучение энциклопедических изданий в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудовщикова И.В., Терехов И.М. Энциклопедия // Книговедение: энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия. 1982. – С. 609 – 611.
2. Жарков И.А. Жанровая структура Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона, 1890–1907: дисс. . . . канд. филол. наук. – М., 2000. – 147 с.
3. Кауфман, И.М. Брокгауза и Ефрона энциклопедический словарь // Большая советская энциклопедия Т. 4 М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 45.
4. Предисловие от редакции // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона Т. I СПб., 1890. (без пагинации).
5. Шмушкис Ю.Е. Советские энциклопедии: очерки истории. Вопросы методики. – М.: Сов. энциклопедия. 1975. – 191 с.
6. Шпаковская, И.А. Влияние «Энциклопедического лексикона» Адольфа Плюшара на последующие энциклопедические издания // Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета / отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. – С. 131–138.
7. Энциклопедический словарь: репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1890 г. – Ярославль: Терра, 1990–1994. Т.1: А – Алтай. – 1990. – 480 с.

© Айсен Яков Дмитриевич (aysen567@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ИЗРАИЛЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Баскина Элина Семеновна

ГУП «Московский метрополитен»

baskinaelina@gmail.com

MODERN PERIODICALS IN ISRAEL: TRENDS AND WAYS OF DEVELOPMENT

E. Baskina

Summary: The article examines the modern periodicals of the leading Israeli publications: their main functions and tasks, peculiarities of their activities, and their influence on public sentiment. The author also aims to briefly review them and analyse their prospects and current trends of development. The researcher examines in detail such aspects and topics as the emergence of the periodical press in Israel in its current form, the current challenges of the print media, and the financing of the press in Israel. The results of the analyses allow us to draw conclusions about the current state of the periodical press in Israel, with its challenges and possible scenarios of development, taking into account geopolitical instability, historical background and the social dimension.

Keywords: print media, Israel, media industry, public, politics, communications, world politics, press development, media funding, quality publications.

Особенности возникновения периодической печати в Израиле в ее нынешнем виде

Исторически сложилось так, что политические условия в израильском государстве, а также специфика ближневосточного контекста содействовали формированию культуры общественной информированности. Эта культура стимулировала людей к более интенсивному потреблению новостей и стремлению быть более осведомленными о происходящих общественно-политических процессах.

С начала 1960-х годов заметно увеличилось количество изданий, в том числе благодаря либерализации сферы СМИ, которая произошла в 1980-х годах. В это же время происходил постепенный переход контроля над изданиями от государства к ограниченному кругу юридических лиц, в основном представителям частного капитала. В начале 2000-х годов партийная печать была ликвидирована, при этом сохранялся строгий государственный контроль над публикациями.

Отдел военной цензуры, входящий в состав Управления военной разведки Израиля, представляет собой ключевой механизм политической цензуры, применяемой к публикациям, которые могут повлечь угрозы для государственной безопасности. Важно отметить, что

Аннотация: В статье рассматривается современная периодическая печать ведущих израильских изданий: их основные функции и задачи, особенности деятельности, влияние на общественные настроения. Автор ставит своей целью также провести их краткий обзор и проанализировать перспективы и современные тенденции развития. Исследователь подробно рассматривает такие аспекты и темы как возникновение периодической печати в Израиле в ее нынешнем виде, текущие вызовы печатных изданий, финансирование прессы в Израиле. Результаты проведенной аналитической работы позволяют сделать выводы о современном состоянии периодической печати Израиля с соответствующими вызовами и возможными сценариями развития, беря во внимание геополитическую нестабильность, исторические предпосылки и социальную составляющую.

Ключевые слова: печатные СМИ, Израиль, медиаиндустрия, общественность, политика, коммуникации, мировая политика, развитие печати, финансирование СМИ, качественные издания.

структура, созданная в 1940-х годах английскими экспертами, при обработке материалов израильских журналистов и публицистов руководствуется принципом экстерриториальности. В исследовательском сообществе существует точка зрения о том, что израильский парадокс (применение цензуры в «демократическом» государстве) является частью дилеммы безопасности.

В рамках текущего военного конфликта между Израилем и палестинским движением ХАМАС зафиксированы случаи арестов израильских журналистов по подозрению в нарушении регламента цензурирования, установленного израильскими силовыми структурами.

Основные вызовы печатных изданий Израиля

Израильский медиаландшафт характеризуется наличием большого количества регулирующих органов, деятельность которых регулируется соответствующими правовыми рамками. Закон о связи 1982 года (Закон № 5742-1982) строго контролирует деятельность организаций, имеющих лицензию на предоставление телекоммуникационных и вещательных услуг. Министерство связи Израиля обладает прерогативой контроля за соблюдением этой законодательной базы.

В сфере печатных изданий образовался правовой

вакуум после отмены в 2017 году «Руководства по журналистике», первоначально изданного британскими властями в 1933 году. Этот устаревший указ не только запрещал выпуск любой газеты без предварительного разрешения государства, но и частично регулировал функционирование печатных изданий. Он служил единственным источником закона и терминологических определений в этой области.

Пока израильская система СМИ разбирается с этими юридическими тонкостями, ведутся дискуссии и возможные реформы, направленные на устранение пробелов в регулировании печатных СМИ. Этот динамичный ландшафт отражает эволюционирующий характер управления СМИ в Израиле, подчеркивая необходимость адаптации и реагирования на современные вызовы в информационной среде.

На сегодняшний день в Израиле до сих пор нет закона о печати, и печатные СМИ остаются частично нерегулируемой сферой, подчиняясь лишь ряду положений гражданского и уголовного кодексов. В условиях такого правового вакуума стандартная процедура регулирования СМИ, в том числе печатных, заключается в том, что законодательные органы реагируют на правительственные законопроекты. Разработка этих законопроектов является прерогативой нескольких ведомств, а именно Министерства финансов, Министерства юстиции и Министерства связи Израиля.

В ситуациях, когда парламентский орган (Кнессет) не обладает достаточным опытом в принятии конкретных законов, касающихся печатных СМИ, могут возникнуть проблемы. Чтобы предотвратить образование картелей, отрасль находится под контролем Израильского антимонопольного управления, которое было создано в 1994 году. Этот регулирующий орган играет важнейшую роль в обеспечении честной конкуренции в секторе СМИ. Развивающийся характер регулирования СМИ в Израиле подчеркивает постоянную потребность в тонкой и адаптируемой нормативно-правовой базе для решения сложных проблем, связанных с печатными СМИ.

В отсутствие государственных и партийных печатных изданий частные периодические издания служат основным средством распространения правительственной информации, способствуя усилению влияния избранной группы владельцев крупных печатных СМИ. Исследователи отмечают, что медиаорганизации в основном входят в состав бизнес-конгломератов, которые не обязаны публиковать финансовые отчеты в соответствии с действующим израильским законодательством, что делает их непрозрачными.

Отсутствие финансовой прозрачности ставит вопрос о потенциальной концентрации собственности СМИ и

ее влиянии на объективность освещения событий. Переплетение интересов СМИ с интересами бизнеса подчеркивает необходимость принятия регулятивных мер для обеспечения журналистской честности и разнообразия мнений в израильских СМИ. Текущие обсуждения в рамках законодательной базы направлены на решение этих проблем и создание более прозрачной и подотчетной медиасреды.

На сегодняшний день значительная часть израильских СМИ контролируется примерно (по разным оценкам) десятью медиамагнатами. Учитывая непрозрачность финансовой отчетности соответствующих корпоративных структур, экспертное сообщество и участники рынка вынуждены полагаться на утечки информации, чтобы приблизительно оценить финансовое состояние исследуемого печатного издания, его тираж и другие производственные аспекты.

В эпоху распространения онлайн-ресурсов печатные издания часто работают себе в убыток. Согласно проведенному исследованию, израильские печатные СМИ часто используются в интересах влиятельных фигур в политическом и экономическом истеблишменте. Такое переплетение собственности СМИ с влиятельными лицами вызывает озабоченность по поводу редакционной независимости, журналистской честности и потенциального влияния на разнообразие точек зрения, представляемых общественности. Текущие усилия по решению этих проблем включают изучение нормативно-правовой базы, способствующей прозрачности и защите от чрезмерной концентрации собственности на СМИ.

Одно из самых громких дел связано с владельцем газеты «Едиот Ахронот» Арноном Мозесом, который в 2017 году предложил сделку премьер-министру Биньямину Нетаньяху. Сделка была направлена на улучшение имиджа Нетаньяху как действующего премьер-министра и благоприятное освещение его деятельности в обмен на регуляторные ограничения для конкурирующего печатного издания «Израэль Хайом». Несмотря на скандал вокруг этого дела, бизнес-империя г-на Мозеса продолжает оказывать колоссальное влияние на общественно-политическую жизнь Израиля.

Другой яркий пример - убыточная ежедневная газета «Израэль Хайом», чья редакционная позиция часто активно поддерживала премьер-министра Нетаньяху. Эта поддержка иногда приводила к общественному недовольству публикациями, содержащими элементы запрещенной предвыборной пропаганды. Эти примеры показывают, что многие израильские СМИ, в том числе печатные издания, не являются чисто коммерческими структурами, а используются как инструменты для продвижения интересов различных влиятельных акторов - представителей политической и бизнес-элиты.

Переплетение собственности СМИ с политическими и деловыми интересами вызывает опасения по поводу независимости и объективности журналистских материалов в Израиле. В настоящее время ведутся дискуссии о реформе СМИ и мерах регулирования, направленных на решение этих проблем и создание медиа-ландшафта, в котором приоритетными являются прозрачность, этичность освещения событий и разнообразие точек зрения.

Израильский медиарынок развивается под влиянием «геополитической нестабильности на Ближнем Востоке, создавая в израильском обществе интенсивный дискурс, сфокусированный на вопросах безопасности» [1]. Как отметил один из наблюдателей, «Израиль, вероятно, самая зависимая от СМИ страна в мире». Военные кампании в регионе оказали разрушительное воздействие на рекламный рынок и индустрию новостей [1].

Помимо этих проблем, в печатных СМИ продолжается кризис, связанный, главным образом, с их неспособностью полностью перейти на цифровые платформы и резким снижением доходов от печатной рекламы. Этот кризис привел к переоценке традиционных бизнес-моделей печатных изданий, многие из которых с трудом адаптируются к цифровой эпохе. Переход на цифровые модели потребления, обусловленный изменением читательских привычек, создает как проблемы, так и возможности для израильских СМИ.

Более того, пересечение медиа и геополитики в Израиле подчеркивает роль СМИ не только как источника информации, но и как важного игрока в формировании общественного мнения, особенно в контексте вопросов национальной безопасности. Постоянное развитие израильской экосистемы СМИ предполагает решение этих проблем и поиск инновационных стратегий, обеспечивающих устойчивость, адаптивность и предоставление обществу разнообразной и достоверной информации.

Участие политических деятелей во внутренней работе израильских печатных изданий поднимает фундаментальные вопросы о «честности профессиональной журналистики в Израиле. Это особенно актуально в свете расследований, проводимых израильскими правоохранительными органами в отношении премьер-министра Биньямина Нетаньяху» [1] и его взаимодействия с владельцами газет. Переплетение фигур политического истеблишмента с деятельностью СМИ подчеркивает хрупкий баланс между журналистской независимостью и потенциальным политическим влиянием.

Экспертные отчеты также подчеркивают растущее влияние израильских экспатриантов правого толка, часто магнатов, на медийный ландшафт страны. Это влияние усиливается благоприятными обстоятельствами, в том числе возросшей значимостью правых программ

среди израильских националистов на уровне военно-политического руководства. Кроме того, периодически возникают расхождения между позицией израильской элиты и преобладающим общественным дискурсом.

Меняющаяся динамика между политическими деятелями, владельцами СМИ и более широким социально-политическим ландшафтом создает проблемы для сохранения беспристрастной прессы в Израиле. Для преодоления этих сложностей требуется тонкий подход к регулированию СМИ, обеспечению прозрачности и соблюдению принципов этической журналистики. В настоящее время предпринимаются усилия по решению этих проблем и формированию медиасреды, отражающей различные точки зрения израильского общества.

Финансирование периодических изданий в Израиле

Модель финансирования израильских СМИ в целом соответствует международным тенденциям, при этом источники финансирования разнообразны. Доминируют реклама и государственное финансирование, при этом коммерческая поддержка основана на «доходах от рекламы, продажи в газетных киосках, различных моделях подписки и платных услуг. Государственное финансирование осуществляется через государственное рекламное агентство, отвечающее за публичную рекламу, и прямое финансирование из государственного бюджета.

Помимо этих основных источников, израильские СМИ получают финансирование за счет пожертвований и грантов, в основном от еврейских организаций, базирующихся в США и Западной Европе. Индивидуальные и корпоративные доноры» [1], а также краудфандинг также вносят свой вклад в финансовую экосистему израильских СМИ. Такой диверсифицированный ландшафт финансирования отражает динамичный характер финансирования СМИ в Израиле и его зависимость от сочетания традиционных источников дохода и более новых моделей, формирующихся под влиянием глобальных и местных экономических сдвигов.

Стоит отметить, что взаимодействие различных источников финансирования создает сложности в обеспечении редакционной независимости, поскольку средства массовой информации ориентируются между коммерческими интересами, государственной поддержкой и взносами сторонних организаций и частных лиц. Нахождение баланса между финансовой устойчивостью и журналистской честностью остается ключевой задачей для израильских СМИ [4, С. 200].

Тенденции

Глобальный упадок печатных СМИ, вызванный из-

менениями, связанными с научно-техническим прогрессом, не обошел стороной и Израиль. По результатам ежегодной оценки, все ежедневные газеты в 2020 году зафиксировали значительный спад - до 40 %. Сегодня большинство периодических изданий в Израиле борются с дефицитом бюджета и снижением способности поддерживать высокие журналистские стандарты.

Среди них выделяются национальные газеты, выходящие по будням и выходным. Обычные печатные СМИ включают пять ежедневных газет, семь газет выходного дня и три финансовых издания. Кроме того, существует несколько десятков отраслевых печатных изданий, местных газет и журналов.

Цифровая революция и рост потребления новостей через Интернет также способствовали трансформации израильского медиа-ландшафта. Многие газеты приспособились к этой ситуации, развивая активное присутствие в Интернете и осваивая цифровые источники дохода, чтобы смягчить проблемы, связанные со снижением тиражей печатных изданий. Этот сдвиг отражает более широкую тенденцию, наблюдаемую во всем мире, когда традиционные печатные издания ориентируются на меняющийся медиаландшафт, используя цифровые платформы для взаимодействия с аудиторией, которая все чаще выходит в интернет.

Обзор периодических изданий

Бесплатная ежедневная газета «Израэль Хайом» (в переводе «Израиль сегодня») была запущена в 2007 году и быстро стала самой читаемой газетой в Израиле. Чтобы привлечь широкую читательскую аудиторию, газета использует легкий и лаконичный стиль написания на разговорном иврите. Охватывая широкий спектр тем, от текущих общественно-политических событий и экономического анализа до культуры, спортивных новостей и инсинуаций [1], издание зарекомендовало себя как всеобъемлющий источник информации.

Основанная американским магнатом еврейского происхождения Шелдоном Адельсоном, который никогда не скрывал своих правых взглядов, газета названа в честь самой популярной газеты в США «USA Today». Влияние Шелдона Адельсона на редакционную позицию «Израэль Хайом» стало предметом пристального внимания и споров, поскольку газета часто считается отражением его консервативных взглядов. Успех «Израэль Хайом» также вызвал дискуссии о влиянии бесплатных газет на медиаландшафт и о возможных последствиях для традиционных, основанных на подписке изданий в Израиле.

Со временем, однако, становилось все более очевидным, что журнал на самом деле служил господину Нетаньяху, особенно в контексте его предвыборной кампании 2009 года.

Разоблачения 2013 года, подготовленные ведущим израильским журналистом-расследователем Равивом Друкером, раскрыли всю глубину отношений между Адельсоном и Нетаньяху. Они показали, на что готов пойти главный редактор «Израэль Хайом», чтобы напасть на критиков Нетаньяху и его семьи. Быстрый успех этой популистской газеты и продолжающиеся процессы правой радикализации в израильском обществе (наряду с периодическим переизбранием премьер-министра Нетаньяху) могут быть истолкованы с социологической точки зрения как тесно взаимосвязанные [4, С. 215].

Симбиотические отношения между «Израэль Хайом» и Нетаньяху вызвали дискуссии о потенциальном влиянии собственности СМИ на политическую повестку дня и общественное мнение в Израиле. Популистский характер газеты, ее бесплатное распространение и совпадение редакционной позиции с политикой Нетаньяху вызвали дискуссии о медиаэтике, журналистской независимости и роли СМИ в формировании политических нарративов. Переплетение медиа, политики и социологических сдвигов подчеркивает сложную динамику, действующую в израильском медиаландшафте.

Группа компаний «Едиот Ахронот» - это медийный центр, в который входят журналы, газеты, новостные порталы и сайты, посвященные стилю жизни, а также издательская и типографская компания Calcalist. Финансовое издание группы имеет честь быть самой читаемой финансовой газетой в Израиле, отчасти благодаря тиражу «Едиот Ахронот». Флагманская газета группы, «Едиот Ахронот», была основана в 1939 году и сохраняла высочайший уровень признания и влияния в стране [1] вплоть до запуска «Израэль Хайом» в 2007 году.

Несмотря на последующую конкуренцию со стороны «Израэль Хайом», «Едиот Ахронот» остается одним из главных игроков в израильской медиасфере. За прошедшие годы она превратилась в мультимедийный конгломерат, адаптирующийся к меняющейся динамике потребления медиа. Разнообразный портфель группы, включающий цифровые платформы и контент, посвященный стилю жизни, отражает стратегический ответ на меняющиеся предпочтения израильской аудитории.

В последние годы в израильской медиаиндустрии наметился сдвиг в сторону цифровизации, а традиционные издания расширяют свое присутствие в Интернете. Группа Yedioth Ahronoth приняла эту тенденцию, включив цифровые платформы в свои предложения, что обеспечивает ее постоянную актуальность в условиях все более цифрового медиаландшафта.[39, 40]

Издатель газеты Арнон (Нони) Мозес, принадлежащий к третьему поколению владельцев газет из пред-

принимательской среды, стал неоднозначной фигурой благодаря своему участию в обвинениях во взяточничестве в 2000 году против тогдашнего премьер-министра Нетаньяху и последующему судебному расследованию.

Роль Арнона Мозеса в медиа-ландшафте примечательна не только его положением владельца крупной газеты, но и юридическими проблемами, с которыми он столкнулся. Обвинения во взяточничестве в связи с Нетаньяху, видным политическим деятелем, добавили еще один уровень сложности в пересечение владения СМИ и политического влияния в Израиле. Судебные разбирательства и расследования имеют значение для более широкой дискуссии о взаимоотношениях между медиамагнатами и политическими лидерами, проливая свет на сложности и противоречия, присущие израильскому медиаландшафту.

Кроме того, дело Арнона Мозеса служит примером для изучения этических соображений и проблем, связанных с владением СМИ, особенно когда медийные фигуры связаны с политической элитой. Это пересечение СМИ и политики в Израиле подчеркивает продолжающиеся дебаты о роли СМИ в формировании общественного мнения, потенциальном влиянии владельцев СМИ, а также о необходимости прозрачности и подотчетности в этой отрасли.

Газета Haaretz, входящая в конгломерат Schocken, стоит в одном ряду с такими престижными изданиями, как The New York Times и Le Monde. Основанная в 1919 году, она является старейшей действующей газетой в Израиле. Печатаясь на широких листах, «Гаарец» отличается глубоким анализом основных проблем, заслуживающих внимания общественности и освещения в печати. Известная своей леволиберальной позицией во внутренней и внешней политике, газета, а также «Маркер», особенно ее либеральный и прогрессивный финансовый раздел, по мнению некоторых наблюдателей, определяют журналистскую повестку дня в стране.

«Гаарец» заслужил репутацию интеллектуального новостного агентства с командой журналистов-расследователей, которым доверяют в своей области. Она гордится тем, что является оригинальным либеральным голосом, который создает и продвигает независимую общественную повестку дня, основанную на таких ценностях, как уважение прав человека, гражданских свобод, культурного разнообразия, приверженность миру, секуляризм и сопротивление религиозному принуждению.

Стоит отметить, что ни газета, ни веб-сайт Haaretz не входят в список влиятельных СМИ Израиля из-за относительно небольшого тиража. Однако эксперты и исследователи утверждают, что, несмотря на небольшой тираж в 100 000 экземпляров, «Гаарец» охватывает более

широкую аудиторию, чем можно предположить по ее показателям. Это подчеркивает влияние, которое газета оказывает в интеллектуальных и информированных кругах, помогая формировать общественный дискурс в Израиле.

Основанная в 1948 году, газета «Маарив» за свою историю пережила множество потрясений. В 1990-е годы издание пользовалось большой популярностью, удерживая позиции в борьбе с доминирующей газетой «Едиот Ахронот». Однако в начале 2000-х годов начался второй спад, ознаменовавшийся финансовыми трудностями и снижением популярности. В 2014 году газета сменила владельца, став собственностью Эли Азура, который уже владел несколькими медиа-активами, в том числе радиостанциями.

Бурный путь «Маарив» отражает динамичный характер израильской медиасферы, где изменения в популярности и финансовые проблемы могут существенно повлиять на судьбу авторитетных изданий. Приобретение Эли Азура добавляет интересный аспект в повествование, поскольку его более широкий медиапортфель может повлиять на стратегии, используемые для возрождения и позиционирования «Маарив» в современном медиаландшафте.

В сложном пандемическом 2020 году газета «Израэль Хайом» сохранила лидерство с годовым тиражом 23,7 %, что отражает снижение на 23 % по сравнению с 2019 годом. В сегменте прессы выходного дня баланс сил изменился, и «Едиот Ахронот» обогнала «Израэль Хайом». Стоит отметить, что и до пандемии этот период был сложным для израильских печатных СМИ: продажи колонок в крупных газетах, журналах и местных изданиях сократились в два раза.

В ответ на экономические трудности газеты пытались увеличить доходы и сократить расходы, предлагая рекламодателям различные бонусные схемы. В то же время некоторые издания значительно сократили количество страниц. Как и в западных странах, сектор печатных СМИ в Израиле сталкивается с повсеместным сокращением числа читателей и рекламы. В связи с этим издатели стали уделять больше внимания Интернету как инструменту, позволяющему компенсировать часть потерь, признавая цифровую сферу потенциальным источником дохода и привлечения аудитории.

Однако на цифровых платформах, контролируемых издателями печатных СМИ, также наблюдается значительное сокращение закупок так называемой «медийной рекламы», пропорциональное снижению объема печатной рекламы. В условиях кризиса традиционной бизнес-модели многие печатные издания начали экспериментировать с увеличением доходов за счет монети-

зации, включая введение системы платной подписки, которая успешно зарекомендовала себя в элитной прессе и профессиональных журналах. Пионером в этом эксперименте стала газета «Гаарец», которая ввела функцию платной подписки на своих веб-ресурсах в 2012-2013 годах. Этот стратегический шаг был направлен на диверсификацию источников дохода и адаптацию к меняющимся предпочтениям потребителей в цифровую эпоху.

Два крупнейших издательства печатных СМИ, «Израэль Хайом» и «Едиот Ахронот», оказывают значительное влияние на политику, общественное восприятие демократии и, в частности, на рынок СМИ. Степень их влияния заслуживает отдельной аналитической публикации. Бесплатная газета «Израэль Хайом» пользовалась большим влиянием, в основном благодаря высокому тиражу и репутации правого пропагандистского издания. Будучи самым популярным таблоидом в стране (в 2018-2019 годах аудитория издания составляла около 30 % от общего числа читателей прессы страны), в сочетании со смелой поддержкой политического режима Нетаньяху, основанной на личной дружбе владельцев издания с тогдашним премьер-министром и его супругой, «Израэль Хайом» оказывала значительное влияние на общественный дискурс. Динамика между СМИ и политическими деятелями отражает взаимосвязь СМИ с политической властью, поднимая вопросы об автономии прессы и потенциальном влиянии на демократические ценности.

Медиаконгломерат «Едиот Ахронот Групп» был одним из крупнейших игроков на протяжении десятилетий и занимал доминирующее положение по популярности среди читателей, пока его не превзошла газета «Израэль Хайом». Однако «Едиот Ахронот» вместе со своим популярным интернет-ресурсом «Ynet» продолжает влиять на общественное мнение, учитывая историческую репутацию и технологические инновации в подаче новостей наиболее привлекательным для аудитории способом. Несмотря на свое влияние, нацеленность издателя Нони Мозеса на увеличение доходов за счет экономических и политических льгот привела к росту скрытой рекламы и подхалимского контента, направленного на заключение контрактов с влиятельными фигурами в бизнесе и политике. В результате господин Мозес был обвинен в коррупции. Такое переплетение СМИ, экономических интересов и политического влияния подчеркивает проблемы сохранения журналистской честности и прозрачности в израильских СМИ.

В целом можно отметить, что израильские печатные СМИ часто прибегают к подобной практике. Так, газета «Едиот Ахронот» однажды посвятила целую страницу рекламе израильского финансового учреждения «Банк Хапоалим», ловко замаскированной под редакционный контент, хотя на самом деле она финансировалась банком, которому принадлежит треть акций газеты. В 2019

году газета «Маарив» опубликовала интервью с Дэвидом Л. Стовером, генеральным директором компании «Noble Energy Israel», посвященное новому проекту по добыче газа. Интересно, что журналистское интервью обошло стороной вопросы о воздействии на окружающую среду и по сути было задумано как пиар-платформа для газовой компании. Позже выяснилось, что компания также спонсировала конференцию, организованную «Маарив».

Это подчеркивает переплетение отношений между СМИ и корпоративными интересами, вызывая озабоченность по поводу независимости журналистов и возможности влияния на редакционный контент со стороны финансовых спонсоров. Это иллюстрирует проблемы, с которыми сталкиваются израильские СМИ в поддержании беспристрастного и прозрачного подхода в условиях экономического давления и корпоративной аффилированности.

Приобретение журналистского контента государственными учреждениями является инновационным явлением в израильском медиа-ландшафте.

«Едиот Ахронот» - одна из самых заметных медиакомпаний, принявших этот подход и превративших его в постоянный источник дохода. В последние годы правительственные организации и министерства становятся все более изощренными в использовании скрытых рекламных форматов. Одним из ярких примеров является Министерство образования Израиля, которое в 2015 году спонсировало целый рекламный проект, ловко замаскированный под редакционный контент, для продвижения своего бывшего министра. Этот проект был широко представлен на страницах газеты «Едиот Ахронот» и на ее популярном сайте YNet.

Этот пример демонстрирует развивающиеся стратегии государственных органов по формированию общественного мнения через СМИ, размывая границы между редакционным контентом и рекламными материалами. Переплетение политических интересов и практики СМИ поднимает вопросы о прозрачности и потенциальном влиянии на журналистскую честность в израильских СМИ.

По оценкам исследователей, основанным на данных Media Impact, филантропическое финансирование израильских СМИ составляет около 22 % от общего объема средств, потраченных иностранными донорами на Ближнем Востоке. Однако влияние денег доноров на журналистику и свободу СМИ остается сомнительным, поскольку меньшинства по-прежнему недопредставлены в СМИ, а отношения между высокопоставленными чиновниками, политиками, магнатами и журналистами омрачены коррупцией и неправомерным влиянием.

В то время как благотворительное финансирование может играть определенную роль в поддержании медиаорганизаций, сохраняется обеспокоенность по поводу его потенциального влияния на редакционную независимость и способность СМИ служить беспристрастными платформами для различных мнений. Сложная динамика между финансовой поддержкой, собственностью СМИ и журналистской честностью подчеркивает многогранность проблем, с которыми сталкиваются израильские СМИ.

Ключевыми благотворительными организациями в израильских СМИ являются фонды, базирующиеся в США, с некоторыми еврейскими или сионистскими связями, идентичностью или целями.

Государство финансирует общественные СМИ в Израиле путем выделения субсидий непосредственно из государственного бюджета. Кроме того, правительство Израиля управляет своим рекламным агентством *Laram* (Government Advertising Bureau), которое отвечает за все маркетинговые операции правительства, включая общественные и социальные кампании для широкого круга общественных и правительственных организаций. Израильские государственные СМИ состоят из двух ветвей: вещание, цифровые платформы и публикации находятся в ведении Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ), а теле- и радиовещание - в ведении Израильской корпорации общественного вещания (IPBC). За последнее десятилетие обе группы претерпели множество изменений.

Важно отметить, что участие государства в финансировании СМИ вызывает вопросы о потенциальном влиянии на редакционную независимость и способность общественных СМИ выступать в качестве беспристрастного рупора. Меняющийся ландшафт израильских общественных СМИ отражает более широкие тенденции в управлении СМИ и адаптации к технологическому прогрессу.

Одной из наиболее влиятельных служб является GLZ, популярная новостная радиостанция, которая представляет собой уникальное гибридное средство массовой информации в сфере общественных СМИ. Несмотря на то, что радиостанция находится под совместным управлением израильских военных и Министерства обороны (МО), а надзор за ее деятельностью осуществляет IPBC, она удивительно известна своим относительно нейтральным, либеральным и достоверным освещением новостей. Хотя бюджет GLZ засекречен, а суммы, получаемые им от МО, не разглашаются, он известен своей редакционной независимостью.

Израильские общественные СМИ состоят из двух ветвей: вещание, цифровые платформы и публикации находятся в ведении Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ), а теле- и радиовещание - в ведении Израильской корпорации общественного вещания (IPBC). За последнее десяти-

летие обе группы претерпели множество изменений [1].

Уникальная структура GLZ, балансирующая между военными и общественными интересами, приносит интересное измерение в дискуссию о пересечении СМИ, правительства и обороны. Задача состоит в том, чтобы сохранить журналистскую честность и прозрачность, работая в этих особых рамках.

Дезинформация стала тревожным явлением в израильском обществе по трем основным причинам. Во-первых, израильтяне в значительной степени полагаются на социальные сети как на источник политической информации (76 %, по крайней мере, раз в день). Ложные новости распространяются быстрее и проникают в социальные сети глубже, чем правдивые. Вторая причина кроется в когнитивных аспектах потребления дезинформации. Ложная информация может казаться очень реалистичной и более запоминающейся, особенно если она вызывает глубокие эмоции. Кроме того, люди склонны доверять семье и друзьям больше, чем незнакомцам, особенно в таком коллективистском обществе, как Израиль. Поэтому ложная информация, распространяемая родственниками в социальных сетях, с большей вероятностью станет частью убеждений и мнений людей.

Очень важно решать эти проблемы, принимая во внимание влияние социальных сетей на модели потребления информации и когнитивные предубеждения, которые делают дезинформацию более действенной. Образовательные усилия, программы повышения медиаграмотности и инициативы по проверке фактов могут сыграть важную роль в снижении распространения и влияния дезинформации в израильском обществе.

Удивительно, но 58 % израильского населения считают, что традиционные СМИ (пресса, радио и телевидение) производят больше правдивых новостей, чем ложной информации. В отличие от этого, менее четверти израильского населения (22 % евреев и 29 % арабов) придерживаются аналогичной точки зрения в отношении социальных сетей. Такой резкий контраст в доверии между институциональными СМИ и (низкое доверие к) социальным сетям выявляет значительный парадокс в израильском обществе, когда общество полагается на источники новостей, которым оно по своей природе не доверяет.

Этот парадокс подчеркивает сложные отношения между израильской общественностью и различными медиаплатформами, а также указывает на необходимость инициатив по повышению медиаграмотности и усилий по увеличению доверия к информации, распространяемой через социальные сети. Устранение этого диссонанса имеет решающее значение для формирования более информированной и разборчивой общественности.

Тем временем израильтяне активно используют ресурсы Интернета, причем эта телекоммуникационная сеть является одним из основных источников информации по ключевым политическим вопросам, а Twitter (в настоящее время проходит ребрендинг под названием «X») становится одной из главных платформ. Учитывая очевидные преимущества социальных медиа в плане быстрого распространения новостей и нарративов, такие источники информации оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения. В результате традиционные печатные издания оказываются в сложной конкурентной ситуации.

Динамичный ландшафт цифровых СМИ, особенно на таких платформах, как Twitter, создает как возможности, так и проблемы для традиционных печатных изданий в Израиле. Поскольку скорость обмена информацией увеличивается, сохранение актуальности

и доверия становятся важнейшими факторами для медиаорганизаций в постоянно развивающуюся цифровую эпоху.

Иностранные СМИ, занимающие объективную критическую позицию по отношению к Израилю, особенно когда они тщательно анализируют действия правительства, часто представляют фрагментарные точки зрения. Тем не менее, израильское общество, как правило, потребляет информацию, сформированную утвержденной военной цензурой, которая по своей сути благоприятна для политической и экономической элиты страны. Помимо того, что израильские издания освещают схожие темы, в них иногда встречаются иностранные выражения - лингвистическая особенность, отмеченная лексикологами. Это лингвистическое взаимодействие отражает сложную взаимосвязь между глобальным дискурсом и местными нюансами в израильских СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dorot, R. (2020). Media Influence Matrix: Israel. CEU Center for Media, Data and Society.
2. Алексеева М.Е. Особенности языка израильской газеты как лингвистического источника // European research. 2014
3. Централизованное управление инструментарием публичной дипломатии: кейс Хасбара Каберник Виталий Владимирович
4. Рецензия на коллективную монографию «Израиль снаружи и внутри: израильская политика и «враждебные» СМИ / под ред. Д. Стровского, Н. Давидович, Э. Левина. Ньюкасл-апон-Тайн, 2019. 279 с.
5. Государство Израиль // Министерство иностранных дел РФ URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/il/1558403/> (дата обращения: 3 декабря 2023 г.).
6. Инициатива А. Пораза: новый Закон о печати взамен Директивы от 1933 года // Портал ISRAland - израильские новости URL: <http://www.isra.com/news/21584> (дата обращения: 3 декабря 2023 г.).
7. Israels Power On Global Media // Daily Sabah. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/israels-power-on-global-media-reality-or-illusion> (дата обращения: 3 декабря 2023 г.).
8. Covering the West Bank security insights // CPJ.ORG URL: <https://cpj.org/2023/04/covering-the-west-bank-security-insights-and-tips-for-journalists/> (дата обращения: 3 декабря 2023 г.). Зачем нужна израильская военная цензура // Topwar.ru URL: <https://topwar.ru/169063-zachem-nuzhna-izraelskaja-voennaja-cenzura.html?ysclid=lpfzttqjgv233390923> (дата обращения: 3 декабря 2023 г.).
9. Eadaily URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/11/09/voennaya-cenzura-v-demokraticeskom-izraile-eto-drugoe> (дата обращения: 3 декабря 2023 г.).

© Баскина Элина Семеновна (baskinaelina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТНИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ НЕМЕЦКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ

Бойко Борис Леонидович

доктор филологических наук, профессор, ФГКВООУ ВО
«Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)
borisboiko@gmail.com

Смирнова Мария Александровна

кандидат филологических наук, доцент, ФГКВООУ ВО
«Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)
ms@romancedpt.ru

Шляховой Дмитрий Александрович

кандидат филологических наук, ФГКВООУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)
shliakhovoi_da@mail.ru

ETHNIC FEATURES OF GERMAN TERRITORIAL DIALECTS

**B. Boiko
M. Smirnova
D. Shliakhovoi**

Summary: The territorial diversity of the German language is a reality of the German-speaking ethnos. The German language simultaneously fulfils the functions of the language of the national states - the Federal Republic of Germany, Austria and Switzerland, which is confirmed by the language of the main legislative acts (the texts of the constitutions of the named states) and unimpeded understanding of the language of the press and journalism, parliamentary rhetoric, fiction, German-language theatre stage and screen. In the same German-speaking territories, due to the ethnic diversity of German-speaking tribes, there is a huge number of local dialects, which provide intragroup communication of people born and born here. The territorial dialect as a means of communication of its speakers in the family circle and local population, which in its turn breaks up into dialects of separate «smaller» territorial formations, opposes the common German language (Gemeindeutsch) and makes its speakers, at the same time citizens of the corresponding German-speaking state, a kind of bilinguals. The peculiar bilingualism of the citizens of these states and territories within the German-speaking states (and beyond their borders), due to the increasing mobility of the population caused by economic reasons, deprives territorial dialects of their prospect of existence.

Keywords: German territorial dialect, German language, Lower, Middle and Upper German dialects, Bavarian dialect, speakers of dialects.

Аннотация: Территориальное разнообразие немецкого языка – реальность немецкоязычного этноса. Немецкий язык одновременно выполняет функции языка национальных государств – Федеративной Республика Германия, Австрия и Швейцария, что подтверждается языком основных законодательных актов (текстами конституции названных государств) и беспрепятственным пониманием языка прессы и публицистики, парламентской риторики, художественной литературы, немецкоязычной театральной сцены и экрана. На тех же немецкоязычных территориях в силу этнического разнообразия германоязычных племен существует огромное количество местных наречий, обеспечивающих внутригрупповое общение родившихся и рождающихся здесь людей. Территориальный диалект как средство общения его носителей в кругу семьи и местного населения, в свою очередь распадающийся на диалекты отдельных «меньших» территориальных образований, противостоит общему немецкому языку (Gemeindeutsch) и делает своих носителей, одновременно гражданами соответствующего немецкоязычного государства своеобразными билингвами. Своеобразное двуязычие граждан названных государств и территорий в пределах немецкоязычных государств (и за их границами) в силу увеличивающейся мобильности населения, вызванной экономическими причинами, лишает территориальные диалекты перспективы на существование.

Ключевые слова: территориальный диалект, немецкий язык, нижне-, средне-, верхнегерманские диалекты, баварский диалект, носители диалектов.

Введение

Понимание сущностных свойств современных немецких территориальных диалектов как средств общения людей, осознающих свою принадлежность к коренному, этнически единому населению Германии, Австрии, Швейцарии и иных территориальных сообществ, пользующихся немецким языком как родным.

Германоязычный этнос одновременно одноязычен – немецкий язык функционирует как язык самостоятель-

ных государств – и многоязычен, поскольку этот же немецкий язык рассыпается на множество территориальных диалектов, обеспечивающих потребности общения здесь родившихся и усвоивших местный вариант территориального многоязычия. Географический фактор отражается в именовании отдельных территориальных диалектов, тому примером – лужицкий, тюрингенский, саксонский, баварский, но и ареалов и субареалов, не ограниченных территориями названных земель и обобщающих в своих названиях одновременно географическое своеобразие местной топонимики – наименования рек и населяющих

приречные территории германских племен – рипуарский (он же диалект Кёльна и прилегающих населенных пунктов), рейнско-франкский, мозельско-франкский. Отдельного внимания в таком понимании заслуживает швабский диалект, вышагнувший за пределы немецкой Баварии в австрийские Форарльберг и Тироль.

В качестве **предмета** исследования назовем проблему функционирования территориальных диалектов на территории немецкоязычных государств – Федеративной Республики Германия, Австрии и Швейцарии. Цель нашего исследования состоит в выявлении причин функционирования территориальных диалектов на пространстве, где в силу развития современных средств коммуникации созданы условия беспрепятственного общения на немецком языке – средства массовой коммуникации обеспечивают доставку письменной и устной информации по всей немецкоязычной территории. Следовательно, причины существования территориальных разновидностей языка могут быть объяснены не только географическим расположением населенных пунктов и соответственно усвоением каждым здесь родившимся того наречия, на котором говорят его родители и говорили его предки, но и социальной потребностью носителей этого местного языка в демонстрации в речи своей сопринадлежности с живущими здесь (на данной территории) и сейчас (в конкретный временной период). Нам небезынтересны проблемы двуязычия носителей немецких территориальных диалектов и «общего немецкого» (Gemeindeutsch), который, не претендуя на литературность, свойственную современному немецкому языку (Hochdeutsch), обеспечивает достаточный уровень понимания для тех, кто осознает свой немецкий как общий на данной территории и в данном социуме.

Материал нашего исследования представлен текстами и образцами немецкой речи – отдельными высказываниями и фрагментами диалогической и монологической речи, демонстрирующими двуязычие (немецкий общий – немецкий территориальный) носителей общего языка и одновременно соответствующих социальных и территориальных диалектов. Сочетание методов исследования – описательного и сопоставительного – обусловлен конкретикой цели и общностью поставленных задач. Как правило, речь идет об условиях и целях реализации территориально-диалектной речи в совокупности целого и фрагментов. По нашим наблюдениям, территориальный диалект используется в ситуациях общения между:

- автором и читателем в процессе восприятия напечатанного или написанного текста (дистанционное, отсроченное во времени общение, обеспеченное соответствующей графикой);
- драматургом (сценаристом) и зрителями сценических, кино- или видеосюжетов при посредстве звучащей речи актеров.

Отдельный круг проблем образует анализ ситуаций общения

- носителей территориального диалекта, владеющих единицами диалекта в различных объемах, и
- затрудненного понимания содержания текста на территориальном диалекте в случае его непреднамеренного использования носителем (носителями) в общении с тем (теми), кто этим диалектом не владеет или владеет в ограниченном объеме.

Лексикографические источники

Предваряя исследование функционирования территориальных диалектов, мы обратились к немецким лексикографическим источникам, чтобы понять, какое значение немецкие диалектологи вкладывают в понятия **Dialekt** и **Mundart**.

В «Словаре современного немецкого языка» под ред. Рут Клаппенбах и Вольфганга Штайница (1971),

- в словарной статье с заголовочным словом **Dialekt** [1, S. 804] территориальный диалект определяется как территориально ограниченный устный или письменный вариант языка. Здесь же приводятся словосочетания *der heimatliche, schwäbische D., die deutschen Dialekte, D. reden, im D. sprechen* (родной диалект, швабский диалект, немецкие диалекты, говорить на диалекте);
- в словарной статье с заголовочным словом **Mundart** (нем. синоним заимствования из греческого **Dialekt**) находим в качестве определения – *landschaftlich und sozialbegrenzte, überwiegend mündlich gebrauchte Sprachform*, т.е. **Dialekt** как территориально ограниченная преимущественно устная форма речи, и набор словосочетаний с ключевым словом **Mundart** – *die heimatliche mecklenburgische M.; die deutschen Mundarten; eine (rauhe, kehliche) M. sprechen; in der M. schreiben; zu Hause fiel er sofort in seine breite westfälische M. zurück; ihre Sprache gefiel ihm, der Anklang an eine Mundart, die dem ... Platt ähnelte* (фрагмент из романа Дитера Ноля. Приключения Вернера Хольта: родной мекленбургский диалект; немецкие диалекты; говорить (на грубом, горловом) диалекте; писать на диалекте; возвратившись домой, он тотчас переходил на свой родной вестфальский диалект; ему нравилось, как она говорила, звучание ее речи было похоже на нижненемецкий. Пример авторы словаря заимствуют из известного романа Дитера Ноля «Приключения Вернера Хольта».

В словаре DUDEN Deutsches Universalwörterbuch (5-е переработанное издание 2003 г., созданное пятьдесят лет спустя уже другим поколением немецких лексикографов) находим словарные статьи с теми же заголовочными словами **Dialekt** и **Mundart**. В частности, **Dialekt** –

это региональный вариант какого-л. языка и группа диалектов, имеющих общие языковые характеристики: Elsässer D. – эльзасский диалект, ein norddeutscher D. – северо-немецкий диалект; [unverkennbaren, breiten] D. sprechen – говорить на узнаваемом, «широком» диалекте, in unverfälschtem D. sprechen говорить на чистом, «неподдельном» диалекте. Приведенные характеристики свидетельствуют об оригинальной неповторимости территориального диалекта, о его не отдельности от носителя. В словарной статье **Mundart** того же словаря находим отсылку на упомянутое входное слово Dialekt и группу лексических единиц, свидетельствующих об укорененности этого понятия в немецкой культуре и быте – Mundartdichter, Mundartdichterin (поэт и поэтесса, сочиняющие стихи на диалекте, Mundartdichtung (диалектное стихосложение), Mundartenforschung, Mundartforschung (исследование диалектов и исследование одного из диалектов), Mundartgeographie (география диалектов), mundartlich (диалектный), Mundartsprecher Mundartsprecherin (носитель и носительница диалекта), Mundartwörterbuch (диалектологический словарь) – чисто немецкая тщательность лексикографической работы, позволяющая судить о разнообразии функционирования немецких диалектов [2, S. 1107].

Функционирование территориальных диалектов наблюдается на всем пространстве звучания немецкоязычной речи, изначально заселявшимся представителями германских племен – носителями родственных германских диалектов, таковы виндилы (готские племена – готы, бургунды, вандалы и др.), ингвеоны – фризско-саксонские племена, искевоны (франки), герминоны (швабы, алеманы, баварцы) – см. карту «Расселение германцев в I веке» в работе Ф. Энгельса «Германские племена» [3].

Далее в каждой отдельной зоне расселения германцев наблюдается с течением времени на пространстве, разделенном горами и реками, утрата контактов, обеспечивающих единство языка предков. Природные границы в целом определяют расселение людей и различия в языке по территории – примером служит Саксония, разделенная на средневропейскую (Sachsen) и Нижнюю Саксонию (Niedersachsen) с местными городскими диалектами типа Берлинского и Гамбургского, располагающимися на границе средненемецкой и нижненемецкой территориальных зон.

Единицы территориальных диалектов свидетельствуют не только о «географической» принадлежности носителя немецкой речи. Вольное или невольное присутствие единиц того или иного территориального диалекта в речи немца, австрийца, швейцарца свидетельствует как об этнической принадлежности говорящего, так и о возможности намеренного подчеркивания своей этнической же «особости».

Территориальный диалект используется его носителями одновременно и как средство сокрытия содержания информации от «чужих» ушей, т.е. от тех, кто этим диалектом не владеет. В распоряжении носителей территориальных диалектов имеется и «высокий немецкий» (Hochdeutsch), обеспечивающий процессы управления государством, и разговорный немецкий обиходного общения (Umgangssprache), и единицы территориальных диалектов в функции неоскорбительного, более того, **доверительного интимного общения** «своих среди своих». В этой функции может быть использован городской диалект Берлина. «Давай «поберлиним» (поговорим по-берлински) приглашает один носитель берлинского диалекта к общению другого прирожденного берлинца. Соответствующий немецкий глагол – **berlinern** – находим в упоминавшемся выше шеститомнике немецкого языка:

berlinern /Vb./ Berliner Mundart sprechen, berlinisch reden: stark, leicht b.; berlinern, das tat er [Zille] gern. Nell Fischer 160 [1]. Эту же лексическую единицу лексикографы другого немецко-немецкого словаря описывают следующим образом:

berlinern (sw, V; hat): Berliner Mundart sprechen [2].

Википедия предлагает следующее понимание семантики этого глагола: Der **Berliner Dialekt** (auch als **Berliner Mundart, Berlinisch** oder *Berliner Jargon* bezeichnet) ist der Dialekt, der im Großraum Berlin gesprochen wird. Im Zusammenhang mit einem oft derben, aber herzlichen Humor wird diese Ausdrucksweise auch als „Schnauze mit Herz“ (*Berliner Schnauze*) bezeichnet.

В переводе на русский язык эта словарная статья немецко-немецкого словаря имеет следующий вид:

Берлинский диалект (также известный как Berliner Mundart, Berlinisch или Berliner Jargon) – это диалект, на котором говорят в окрестностях Берлина. В связи с часто грубым, но искренним чувством юмора эта форма выражения также известна как «берлинский шнауцер» (Schnauze mit Herz).

Диалектное членение немецкого языка характеризуется наличием ареалов и субареалов, с соответствующими отличиями звучащей речи.

Ареалы

За основу первичного деления немецких диалектов на верхненемецкий (Hochdeutsch) и нижненемецкий (Niederdeutsch) принята степень их участия во втором верхненемецком передвижении согласных, главным образом общегерманских глухих смычных p, t, k – сравн. в нижненемецком (нем.) tid – в немецком нормативном – zeit, в нем. holt – в совр. нем. Holz, в нем. setzen – в совр. нем. setzen. В нижненемецком ареале находим три основных территориальных диалекта – нижнефранкский,

нижнесаксонский, восточнонижненемецкий, и в каждом из них отмечаем специфику функционирования в устной речи. Именно эти согласные наиболее наглядно отличаются речь носителей нижненемецких территориальных диалектов, объединенных в понятие Plattdeutsch, от территориальных диалектов Среднегорья и Высокогорья Германии (Mittel- und Hochgebirge соответственно). Поскольку граница между равнинной частью Германии и Среднегорьем проходит с запада на восток, соединяя условной линией города Дюссельдорф на западе и Берлин на востоке (см. карту в учебнике по истории немецкого языка О.И. Москальской) [4, с. 18].

По данным опроса, проведенного Обществом немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache), берлинский диалект активно используют в своем общении 70 процентов жителей города в возрасте от 45-59 лет, при этом более половины опрошенных характеризовали берлинский диалект как schlagfertig (меткий) и frech (мягко говоря, недипломатичный). Берлинцы возрастной группы от 15 до 29 лет берлинский диалект используют в своей речи эпизодически. В целом положительно относятся к использованию городского диалекта чуть более 35 процентов опрошенных, в то время как 24 процента отнеслась к использованию берлинского диалекта в речи отрицательно [6].

Субареалы

Примером субареалов в границах нижненемецкого служат нижнефранкский, нижнесаксонский и восточнонижненемецкий в составе бранденбургского (Brandenburgisch) и мекленбургского (Meklenburgisch).

На пространстве между нижненемецким и верхненемецким субареалами располагаются субареалы средненемецкого: на западе – среднефранкский (Mittelfränkisch) и рейнскофранкский (Rheinfränkisch), на востоке – тюрингенский (Thüringisch), верхнесаксонский или мейсенский (Obersächsisch, Meißenisch) и лужицкий (Lausitzisch) [там же].

Среднефранкский отличается от рейнскофранкского прежде всего непередвинутым t в формах местоимений dat – das, wat – was, it – es, diet – dies.

Анализ одного из местных диалектов, в частности, диалекта в районе округа Арвайлер (Kreis Ahrweiler), располагающегося в полосе средненемецких диалектов, предпринятый Арнульфом Краузе [там же], подтверждает наличие общих закономерностей, характерных для субареала средненемецких диалектов в целом и средне-рейнских, в частности. Типично рипуарский феномен – замена „g“ на „j“ – Joode Morje (Guten Morgen), дәе Jaate (der Garten), wäje (wegen), „ng“ на „n“ finge – fonne (finden), Wing – Wein, brung – braun, „k“ на „t“ Löck – Leute,

höck – heute, „b“ „w“ bzw. „f“ – lef – lieb, Koref – Korb.

Диалекты южнонемецкого ареала включают баварско-австрийскую зону на востоке и франкско-алеманскую на западе, каждая в свою очередь распадается на наречия [7, с. 93-105]. В границах южно-немецкого ареала вниманием исследователей пользуются языковые группы баварского территориального диалекта – северо-, средне- и южнобаварский диалекты.

По данным исследователей [8], южнобаварский диалект распространен в Тироле, его отличительные признаки – перенос k в аффрикату kX, наличие уменьшительно-ласкательного суффикса -le, замена s на t. Например: Spätzle, Grüßle, Grüßli, Züri, dat, wat. Для баварского диалекта характерен дифтонг oa, который используется для замены дифтонга ai: ich heiße – i hoas, oi и ui falsch – foilsch, das Bild – buidl и др. В отечественных лингвистических исследованиях единицы баварского диалекта рассматриваются, как правило, в сопоставлении с соответствующими лексическими единицами немецкого (общего) языка (Gemeindeutsch):

нем. Beil – бав. Hacke – топор;

нем. fegen – бав. kehren – подметать;

нем. Frühling – бав. Frühjahr – весна;

нем. Dieses Jahr – бав. heuer – в этом году;

нем. Auf Wiedersehen – бав. Servus – до свидания;

нем. Weihnachtsbaum – бав. Christbaum – новогодняя ёлка.

Единицы территориальных диалектов, несмотря на кажущуюся их периферийность относительно основного фонда немецкой лексики и фразеологии, регистрируются на страницах лексикографических изданий, относящихся к общему немецкому языку. В частности, анализ баварских диалектизмов предпринимает Е.В. Плисов [9, с. 140-142] с опорой на Немецкий толковый словарь издательства Дуден – Duden Deutsches Universalwörterbuch [10]. Автор предлагает выборку двух групп баварских диалектизмов – обозначения человека и наименования предметов домашнего обихода. В частности, обозначения человека классифицированы:

— по физическим (внешним) или морально-нравственным характеристикам, включая манеру поведения: der Binkel – неприятный человек; der Bosnickel – злобный человек; der Großkopferte – интеллеktуал; der Lapp – глупый, придурковатый человек; der Rammel – неотесанный человек, дурчина; der Wurstel – шут;

— по социальной принадлежности, социальному статусу: die Dirn – прислуга; das Herzbinkerlm – любимчик; der Wittiber – вдовец; der Großkopferte – влиятельная в обществе фигура;

— по профессиональной принадлежности, ремесленной и сельскохозяйственной деятельности: der Schäfler – бондарь; der Schwaiger – пастух (го-

товящий в горах сыр); der Selcher – мясник; der Senn пастух (перерабатывающий на горных пастбищах молоко в масло и сыр);

— по возрастным и родственным признакам das Mädal – девушка, das Dirndl – молодая девушка.

Найти значения приведенных единиц баварского диалекта в упомянутом нами выше шеститомном словаре современной лексики немецкого языка нам не удалось. Попытка найти те же лексические единицы в интернете привели нас к следующим результатам:

Duden Deutsches Universalwörterbuch / 3. Aufl. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1996	Internet 04.02.2024
der Binkel	Binkelweizen (URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Echter_Binkelweizen)
der Bosnickel	Du weißt nicht, was ein Bosnickel ist? Ein ganz mieser Erzkobold ist das. Verwandelt Sachen zu Stein und macht aus richtigem Gold wertloses Katzengold (URL: https://drakensang2.fandom.com/wiki/Bosnickel)
der Großkopferte	<i>bairisch, österreichisch, umgangssprachlich, leicht abwertend:</i> 1) mächtige, einflussreiche weibliche Person des öffentlichen Lebens, besonders aus den Bereichen Politik und Wirtschaft 2) weibliche Person mit akademischer Ausbildung (URL: https://www.dwds.de/wb/Gro%C3%9Fkopferte)
der Rammel	Rammel Reime: -amf. Bedeutungen: 1) männliches Schaf; 2) kleine Mengen oder Portionen zäher Massen, oft klebrig, nicht größer als ein Finger; 3) Brunft ... (URL: https://de.wiktionary.org/wiki/Rammel)
der Wurstel	Значения a. derb-komische Theaterfigur, Hanswurst, Kasperle; Hanswurst; Kasperle b. tölpelhafter Mensch c. prietschenartige Lederwurst der Fastnachtsnarren (URL: https://www.woerter.ru/sushhestvitelnye/Wurstel.htm)

Фонетические, лексико-семантические и грамматические особенности баварского диалекта представлены в научной публикации Е.И. Сысой «Баварский диалект: настоящее и будущее» [11].

Фонетические

Четкая артикуляция; преобладание звонкого переднеязычного вибранта [r]; глухие согласные p, t, k меняют-

ся на звонкие b, d, g (Tisch – Disch); сочетания букв st, sp в начале слова переходят в schd, schp; дифтонг ei переходит в oa; в конце слов после гласных звуков назальные звуки исчезают (Stein – Schdoa); звук [i] вокализуется (Soldat – Soidad); гласные i, u, ü меняются на ia, ua, ia (Krieg – Griag); язычковый звук [R] при вокализации меняется на a (Brüder – Briada); перед согласными m, n, r, l, h, v, f, s приставка ge- редуцируется до g- (gemacht – gmachd); перед смычно-взрывными согласными приставка ge- исчезает (gekocht – kochd); конечное -e существительных исчезает (Straße – Strass); в окончании -en гласная e, как правило, редуцируется (Wir geben – mia gem).

Лексико-семантические

Различные формы приветствия и прощания: Servus! Grüß Gott! Pfiat di! / Widaschaung! (Hallo! Guten Tag! Auf Wiedersehen), формы вежливости: Heif da god! Dangschen! Biddschen! (Gesundheit! Danke schön! Bitte schön!); лексические различия в области кулинарии: Ärpfel (die Kartoffeln), Marille (die Aprikose); предметов одежды: Joppn (die Jacke), Pfoidl (das Hemd); обозначений дней недели: Ertag (der Dienstag), Pfnztag (der Donnerstag); богатая синонимика: das Brötchen: Semmel, Weggla, Weckla; der Junge: Burschn, Beaschn, Ledda.

Грамматические

В сфере употребления вспомогательного глагола sein при образовании форм перфекта также попадают глаголы, обозначающие состояние: Klaus ist den ganzen Tag im Bett gelegen; редкое использование родительного падежа; различия в грамматическом роде: das Radio – der Radio, die E-Mail – das EMail, die Cola – das Cola; имена собственные употребляются с артиклем: der Franz; многократное отрицание: Koana hat niemals net koa Geld net g'habt. – Keiner hatte jemals Geld.

Перспективы территориальных диалектов

При всей увлеченности темой территориального разнообразия вариантов немецкого языка, функционирующего в регионах немецкоязычной речи, нельзя игнорировать тот очевидный для начальных двух десятилетий 21 века факт, что увеличивающаяся подвижность населения немецкоязычных (и не только!) стран, отражающая экономические потребности отдельных людей и общества в целом, сказывается не только на размывании «чистоты» территориальных диалектов, но и на перспективах их существования в целом. Баварский диалект (Bairisch), представленный тремя основными группами южно-немецких диалектов – северобаварским (Нижний Пфальц), среднебаварским (юго-восток Баварии и большая часть Австрии) и южно-баварским (юг и юго-запад Австрии, южный Тироль), по данным ЮНЕСКО, находится в списке исчезающих языков [11]. В новостной ленте

популярной газеты „Süddeutsche Zeitung“ от 22 ноября 2017 г. утверждается, что баварский диалект прекратит свое существование самое позднее в 2040 году [12].

К аналогичному неутешительному выводу относительно будущего немецких территориальных диалектов приходит и упоминавшийся выше исследователь Арнульф Краузе. В частности, диалектолог утверждает, что начиная с 16 века нормированный немецкий язык последовательно наступает на территориальные диалекты. Диалектная речь связывается с сельским происхождением ее носителей, их принадлежностью к соци-

альным низам и отсутствием должного образования, она чаще слышна в речи стариков, нежели молодых, в речи женщин и мужчин с невысоким уровнем образования, жители южных прирейнских земель чаще используют диалект в повседневной речи, нежели жители среднего Рейна. По мнению Арнульфа Краузе, на смену традиционным «деревенским» территориальным диалектам придут разговорная речь (Umgangssprache) и региолекты типа Кёльнского, не утратившего своей уникальной социальной значимости. Носители престижных форм речи по-прежнему будут оказывать влияние на речь жителей прилегающих территорий [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz. 2. Band, Dritte Auflage. Akademie-Verlag. Berlin 1971. 4579 S.
2. DUDEN Deutsches Universalwörterbuch, Dudenverlag- Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2003. 5. überarbeitete Auflage. Dudenverlag. Mannheim -Leipzig – Wien – Zürich. 1900 S.
3. Введение в германскую филологию: учебник для филологических факультетов / Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П., Соловьева Л.Н. М.: ГИС, 2003. 320 с.
4. Москальская О.И. История немецкого языка. Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1977. 278 с.
5. Gödel, Axel, Berliner finden ihren Dialekt „schlagfertig“ und „frech“, Gesellschaft für deutsche Sprache befragt 1001 Hauptstädter zu ihrem Dialekt. URL: <https://gfds.de/der-berliner-dialekt-in-der-einschaetzung-der-buerger-der-stadt/#> (дата обращения: 04.02.2024).
6. Krause, Arnulf. Mundart im Kreis Ahrweiler. URL: <https://relaunch.kreis-ahrweiler.de/kvar/VT/hjb2002/hjb2002.19.htm> (дата обращения: 04.02.2024).
7. Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1983. 192 с.
8. Баймухаметова К.И., Киреева И.А. Языковые группы баварского диалекта и его специфика // Современное педагогическое образование, № 2. 2021. С. 163-165.
9. Плисов Е.В. Немецкая диалектная лексика в толковом словаре (на примере баварских диалектизмов). – Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч.2. С. 140-142.
10. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. Und bearb. Von Wissenschaftlichen Rat und Mitarbeitern der Duden-Redaktion. 3. Aufl. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverl, 1996. 1816 S.
11. Сысой Е.И. Баварский диалект: настоящее и будущее. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/238319/1/330-334.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
12. Süddeutsche Zeitung. 22.11.2017. In München wird das Bairische spätestens 2040 ausgestorben sein. URL: https://www.google.com/search?q=S%C3%BCddeutsche+Zeitung.+22.11.+2017.+In+M%C3%BCnchen+wird+das+Bairische+sp%C3%A4testens+2040+ausgestorben+sein&oq=S%C3%BCddeutsche+Zeitung.+22.11.+2017.+In+M%C3%BCnchen+wird+das+Bairische+sp%C3%A4testens+2040+ausgestorben+sein&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUyBggAEEUY0dIBCDgzODFqMGo3qAlAsAlA&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения: 04.02.2024).

© Бойко Борис Леонидович (borisboiko@gmail.com), Смирнова Мария Александровна (ms@romancedpt.ru), Шляховой Дмитрий Александрович (shliakhovoi_da@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИРОНИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)

Горностаева Анна Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент,
Московский государственный лингвистический
университет
anngornostaeva@yandex.ru

ETHNOCULTURAL FEATURES OF IRONY IN POLITICAL COMMUNICATION (USING THE EXAMPLE OF ENGLISH AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE)

A. Gornostaeva

Summary: The article examines irony as a discursive category, which is expressed differently in English and Russian political communication. The different understanding of irony is due to cultural and communicative values, the peculiarities of the Anglo-Saxon and Russian worldviews. The irony of a politician is expressed through the implementation of discursive tactics using a certain ironic image. Examples of ironic statements by English, American and Russian politicians are given, and an analysis of the ironic image of the speaker is proposed, taking into account the peculiarities of the ethnostyle. It is shown that the results of the proposed analysis can be used to determine the pragmatic attitudes of a politician and his political preferences. The paper concludes about the ethnocultural labeling of irony, and identifies the paradigms of the main discrepancies between the characteristics of English and Russian irony.

Keywords: irony, ironicism, ironic image, ethnostyle, political communication, political discourse, cultural values, communicative values.

Аннотация: В статье рассматривается ироничность как этнодискурсивная категория, которая выражается по-разному в английской и русской политической коммуникации. Различное понимание ироничности обусловлено культурными и коммуникативными ценностями, особенностями англосаксонского и русского мировосприятия. Ироничность политика выражается через реализацию дискурсивной тактики с использованием определенного иронического образа. Приводятся примеры иронических высказываний английского, американского и российского политиков, предлагается анализ иронического образа говорящего с учетом особенностей этностыля. Показано, что результаты предложенного анализа могут быть использованы для определения прагматических установок политического деятеля и его политических предпочтений. В работе делается вывод об этнокультурной маркированности ироничности, выделяются парадигмы основных несовпадений характеристик английской и русской ироничности.

Ключевые слова: ирония, ироничность, иронический образ, этностиль, политическая коммуникация, политический дискурс, культурные ценности, коммуникативные ценности.

Особенности ироничности в определенной лингвокультуре основываются прежде всего на культурной специфике комического, в частности, на понимании иронии и юмора. Юмор и ирония, как известно, играют особую роль в коммуникации. На этот факт обращают внимание многие исследователи (О.П. Ермакова, В.И. Карасик, М.М. Филиппова, Е.Н. Лебедев, Дж. Пристли, Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев, К. Fox, L. Hutcheon, Н. Nicholson и др.). Так, говоря об английском юморе, исследователи отмечают, что его проявление характеризуется причудливым сочетанием любви к здравому смыслу и эксцентричности, сдержанности в проявлении эмоций и нарочитой бравады, что подтверждается парадоксальностью всей истории Британии [1]. Парадоксальна и английская ирония, во многом основанная на игре слов и сочетании несочетаемого.

О защитной функции юмора писали многие исследователи-теоретики (З. Фрейд, А. Бергсон, Д. Лихачев). Применительно к англосаксонской культуре эта функция наиболее актуальна: считается, что первой реакцией ан-

гличанина на что-то тревожащее его является защитный смех [1], [2], [3]. Английский юмор также является способом достижения иных целей: он служит средством «скоротать время, выставить на посмешище себя или других, поиграть со словами, привлечь внимание к собственной персоне» [4, С. 46]. Юмор и ирония имеют сходную природу; ироничность как тип английского коммуникативного поведения обладает теми же особенностями: эта стратегия направлена на развлечение, самопрезентацию, гармонизацию общения. Применительно к политической коммуникации стратегия ироничности реализуется посредством дискурсивных тактик – иронических образов, анализ которых помогает выявить прагматические установки политика.

Что касается русского юмора, то здесь прослеживается аналогия с английским юмором, в частности, в функциональном аспекте. Тем не менее следует разграничивать юмор и остроумие, различие между которыми особенно остро чувствуется и в русской лингвокультуре. Остроумное высказывание является преднамеренным и

направлено на определенный объект; для его оценки и понимания необходима аудитория, следовательно, это явление социальное. У юмора, в отличие от остроумия, нет определенного объекта; цель его не нападение, а самозащита; это скорее щит, чем меч. Остроумие – продукт работы ума и воображения, которое пытается найти общее в непохожих явлениях; юмор возникает неосознанно, без видимых усилий и направлен на то, чтобы найти отличие в похожем. Если для того, чтобы понять остроумное высказывание, необходимы умственные усилия, то юмор воспринимается интуитивно, часто на уровне бессознательного. В современном русском языке остроумие – это не «обладание острым умом»; это чисто словесная характеристика, т.е. остроумие семантически производно скорее от «острый язык», чем «острый ум» [5, С. 420]. Остроумие занимает особое место в русской лингвокультуре. Сотни лет притеснений и цензуры в России породили особый народный жанр политического анекдота (политический анекдот как жанр выделен В.В. Дементьевым), который, будучи жанром устным, мог развиваться бесцензурно. Политический анекдот процветал все семьдесят с лишним лет советской власти и, претерпев некоторые изменения, популярен до сих пор. Этого нельзя сказать об английской лингвокультуре, где политика не является популярным объектом в области комического. Все вышесказанное позволяет говорить о влиянии этнокультуры на ироничность, что находит проявление в политической коммуникации.

Этнокультурные особенности ироничности в политической коммуникации отражают культурные и коммуникативные ценности, закрепленные в национальном менталитете. Говоря об особенностях англосаксонского мировосприятия, можно выделить следующие черты, влияющие на формирование ироничности: терпимость, готовность сопереживать; здравый смысл, благоразумие, присущее всем слоям общества; богатая фантазия; протест против любой формы нарушения прав личности; неприятие экстрима, пафоса и любой формы хвастовства; приоритет компромисса и недосказанности; любовь к играм, часто принимающая ребячливые формы; робость и стеснительность, нежелание быть объектом насмешек; оптимизм, выражающийся в стремлении к ментальной и эмоциональной легкости [6, С. 82]. Из вышеперечисленных особенностей применительно к политическому дискурсу наиболее важными, на наш взгляд, являются терпимость (выражающаяся в толерантности); здравый смысл (находящий выражение в такой ценности, как прагматизм); уважение личности, протест против ущемления ее прав (что воплощается в зоне личной автономии); оптимизм, или позитивность. Все это коммуникативные ценности, которые находят проявление в ироническом образе англосаксонского политика. Также необходимо отметить, что полностью данный список применим только к Великобритании; что касается коммуникативной культуры США, то некоторые

из перечисленных особенностей здесь не являются релевантными (например, робость, стеснительность, протест против пафоса).

Английская ироничность состоит из множества компонентов, ряд которых рассматривает в своем исследовании социолог К. Фокс, перечисляя явления, схожие, по ее мнению, с юмором: «...типично английское сочетание цинизма, иронической отстраненности, неприятия сентиментальности, упрямого сопротивления чарам риторики и игривого подшучивания над помпезностью и самодовольством» [7]. В качестве одной из наиболее важных черт английской ироничности мы отмечаем ее связанность с абсурдностью и эксцентричностью. В ироническом типе коммуникативного поведения англичан находят проявление гипертрофированность забавных ситуаций, преувеличение и гротеск.

В ситуациях, когда представители англоязычной культуры лишены возможности иронизировать и упражняться в юмористических высказываниях, они чувствуют себя беззащитными и уязвимыми, «словно черепахи, лишенные панциря», как отмечает исследовательница английского поведения К. Фокс [3]. Действительно, иронический тип поведения создает более комфортные условия для коммуникации; это касается в первую очередь политической коммуникации, где так много «опасных» тем.

Сущность английской ироничности соответствует этнокультурным ценностям: она игрива (особенно это касается игры слов) и служит защитой от вторжения в личное пространство, в то время как иронические образы часто функционируют в качестве защитного механизма, как средство разрешения конфликтных ситуаций и сохранения собственного лица. Иронический образ помогает скрыть истинные чувства, такие как страх и отчаяние, предотвратить критику, а также избежать обострения отношений между собеседниками.

Данное наблюдение подтверждает знаменитое изречение Маргарет Тэтчер на церемонии открытия памятника ей 21 февраля 2007 г.: “I might have preferred iron but bronze will do. It won't rust. And this time, I hope, the head will stay on” [8] (Я предпочла бы железный, но и бронзовый сойдет. Он не заржавеет. И на этот раз, надеюсь, голова не отвалится). В данной фразе прослеживается намек на сочетание “iron lady” («железная леди») – прозвище, которое М. Тэтчер заслужила за свой несгибаемый характер.

Изречение М. Тэтчер весьма показательно: политик использует иронический образ в качестве защитного средства, позволяющего скрыть смущение и разрядить напряженность. Многие люди, даже знаменитые и заслуженные, чувствовали бы себя неловко на церемонии открытия памятника самим себе. Дискурсивная тактика

защиты помогает сохранить лицо, она довольно часто используется англичанами в щекотливых ситуациях.

Ту же тактику защиты использует американский президент Джо Байден в начале своего выступления, посвященного трагическому событию – стрельбе в школе в Нэшвилле (в марте 2023 г.), в результате которой погибли шесть человек. Чтобы скрыть неловкость и разрядить обстановку, политик начинает речь с шутки:

“My name is Joe Biden. I’m Dr. Jill Biden’s husband, and I eat Jeni’s ice cream – chocolate chip. I came down because I heard there was chocolate chip ice cream. By the way, I have a whole refrigerator full upstairs. You think I’m kidding? I’m not” [9] (Меня зовут Джо Байден. Я муж доктора Джилл Байден. И я ем мороженое с шоколадной крошкой от Джени. Я пришел сюда, потому что услышал, что здесь дают такое мороженое. Между прочим, у меня там, наверху, его полный холодильник. Думаете, я шучу? Вовсе нет).

Ироничность политика выражается через реализацию дискурсивной тактики «чужаковатость» с использованием иронического образа чудака – любителя мороженого, который мало беспокоится о других делах. Прагматическая установка говорящего, возможно, состоит в том, чтобы отвлечь аудиторию от трагедии, смягчить обстановку и предотвратить возможные обвинения в собственный адрес. Тактика переключения внимания с драматических событий на приятный образ вкусного лакомства помогает взять паузу и сориентироваться в обстановке. Кроме того, позиционируя себя как «мужа доктора Джилл Байден», президент в некотором смысле снимает с себя ответственность за произошедшее и охраняет свою зону личной автономии.

Таким образом, ироничность англосаксонских политиков обладает характеристиками, которые связаны со спецификой мировосприятия: эксцентричность, непосредственность, граничащая с детскостью, уважение собственной и чужой свободы. Важно отметить, что ироничность помогает носителям англоязычной культуры (в частности, политикам) справляться со многими жизненными сложностями – от боязни неизвестности до разрешения конфликтных ситуаций.

Особенности ироничности в русской лингвокультуре связаны с особенностями восприятия юмора. В отличие от мягкого английского юмора, русский юмор чаще является остросоциальным и более прямолинейным, что доказано исследователями, занимающимися различными жанрами русского юмора (В.В. Дементьев, О.П. Ермакова, А.Д. Шмелев и др.). Отмечается всплеск интереса к практическому использованию юмора, особенно в последние десятилетия. Юмор в русской культуре часто используется не эксплицитно, а в виде намеков, понятных носителям языка. Это свойство обуславливает высокую скорость распространения кратких форм юмора (анекдотов, частушек, шуток).

Юмор и ирония, используемые в русскоязычном дискурсе, соответствуют основным коммуникативным ценностям русской культуры: они более прямолинейны, чаще служат средством поддразнивания или развлечения собеседника, чем средством защиты. Кроме того, учитывая ценность искренности и открытости собеседников в русском дискурсе, ирония и юмор реже используются в качестве средства, позволяющего скрыть истинные чувства. Ирония в русской лингвокультуре чаще, чем в английской, приближается к негативному полюсу модальности, равно как ироничность российских политиков отражает тенденцию к использованию иронии для выражения негативных эмоций. В отличие от английской культуры, ироничность в российском политическом дискурсе более прямолинейна, чаще направлена на собеседника, чем на себя, отличается более агрессивным характером. Эти качества находят выражение в выборе иронических образов, которые отражают прагматические установки политиков: в ряде случаев иронические образы создаются для выявления недостатков оппонента и его публичного осмеяния.

Так, на встрече с Джоном Болтоном, советником по национальной безопасности США, президент РФ начинает беседу в ироническом ключе: «Насколько я помню, на гербе США изображен орлан. С одной стороны он держит тринадцать стрел, а с другой – оливковую ветвь как знак миролюбивой политики с тринадцатью оливками. Вопрос: ваш орлан уже все оливки склевал, остались одни стрелы?» Далее В.В. Путин поясняет смысл иронического высказывания: «Мне было бы очень интересно поговорить с Вами не только как с помощником президента Соединенных Штатов, но и как со специалистом в области разоружения и контроля над вооружением». Ирония состоит в сочетании несопоставимого, в наделении символа (изображения орлана на гербе) характеристиками живого существа (орлан склевал оливки). Иронический образ говорящего выражается в дискурсивной тактике разоблачения лицемерия оппонента, который, провозглашая миролюбие, продолжает вооружаться и готовиться к войне. Ответ Болтона: «Оливок я с собой не привез» – вызывает следующую реплику президента РФ: «Я так и думал», которая еще более укрепляет насмешливо-издевательский иронический образ, актуализирующийся за счет оппозиции «свои – чужие». [10].

Тем не менее иронические образы российских политиков не всегда агрессивны. Иерархия функций, которые выполняют ирония и юмор в русской лингвокультуре, за несколько последних десятилетий изменилась, как отмечает Ю.В. Латышев: из разрушителя социальных норм юмор превратился в средство примирения, урегулирования, сохранения социальных ценностей [11]. Среди основных социальных функций юмора Ю.В. Латышев выделяет следующие: снятие напряжения, идентификация и самоидентификация, социализация и познание. Иными

словами, отмечается двойственная роль юмора: с одной стороны, он способен выступать инструментом разрушения традиций, с другой – сохранять и поддерживать существующую систему, что может быть рассмотрено как деструктивная и конструктивная функции. Комбинирование этих функций применимо также к иронии и ироничности, в частности, в том, что касается политической коммуникации.

Еще один фактор, имеющий значение для коммуникативного поведения, – это эксцентричность. Эксцентричность – этническая характеристика, без понимания сути которой невозможно понять британцев. По мнению В.И. Карасика и Е.А. Ярмаховой, противостояние суетливых умников и странных чудаков составляет одно из существенных измерений англосаксонской ментальности. Исследователи выделяют такой лингвокультурный типаж, как «английский чудаки», который отличается эксцентричностью и склонностью к абсурдности в речи и поведении [12, С. 92]. Умиление чудаками выразилось в формировании такого литературного жанра, как лимерик, в основу которого положен нонсенс, столкновение вещей заведомо неправдоподобных с вещами вполне обыденными, и который вызывает комический эффект. Высказывание представителя английской культуры подтверждает эту мысль: «Наша страна всегда была страной чудаков, ими кишмя кишит английская литература прошлого, где они служат источником неистощимого веселья, которое нам облегчает душу» [13, С. 52].

Замечено, что эксцентричным считается поведение представителей какого-либо класса общества, перенявших черты другого класса, далеко отстоящего по социальной шкале. Исследователь английской ментальности К. Фокс пишет, что эксцентричность наиболее эффективно проявляется внизу и вверху социальной шкалы: лорд, ведущий себя как пролетарий, будет считаться эксцентриком, но тот

же самый лорд, проявляющий черты представителя среднего класса, выглядит глупо и неприлично; причуду лучше всего выбирать среди привычек класса, далеко отстоящего от своего собственного, а не близкого [14].

Таким образом, у эксцентричности есть свои правила: во-первых, в странностях обязательно должно присутствовать качество нонсенса, во-вторых, эксцентричная привычка не должна быть присущей соседнему по социальной шкале классу. В русской коммуникативной культуре такая характеристика, как эксцентричность, отсутствует или, по крайней мере, не является неотъемлемой ее чертой.

Наличие эксцентричности (в англосаксонской культуре) и ее отсутствие (в русской культуре) является важной этностилистической особенностью ироничности. Ирония в функции самовыражения, а также иронический механизм парадокса являются отражением именно этой характеристики, ее языковой репрезентацией.

Подводя итог обзору характеристик ироничности, можно сказать, что ироничность в политической коммуникации этнокультурно маркирована, она соотносится с культурными и коммуникативными ценностями и выражается в виде иронических образов, которые имеют свою специфику в национальной политической коммуникации и выявляют прагматические установки политиков. Основное несовпадение проявляется в следующих парадигмах: деликатность английской ироничности / прямолинейность русской ироничности; ирония как средство защиты / ирония как поддразнивание или развлечение; мягкость и нейтральность английской ироничности / остросоциальность русской ироничности; эксцентричность английских иронических образов / меньшая эксцентричность или ее отсутствие в русских иронических образах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В.И. Лингвокультурный типаж «английский чудаки» / В.И. Карасик, Е.А. Ярмахова. – Москва: Гнозис, 2006. – 240 с.
2. Киршбаум, Э.И. Ирония как защитный механизм / Э.И. Киршбаум. – 2005. – URL: <http://www.elitarium.ru> (дата обращения: 20.04.2020). – Текст: электронный.
3. Fox, K. Watching the English. The hidden rules of English behavior / K. Fox. – London: Hodder and Stoughton, 2005. – 424 p.
4. Комова, Т.А. Введение в сопоставительную лингвокультурологию: Великобритания – Россия: курс лекций / Т.А. Комова. – Изд. 3-е, испр. – Москва: КРАСАНД, 2010. – 128 с. – Текст: непосредственный.
5. Зализняк, Анна А. Юмор и остроумие в европейской культурной перспективе / Анна А. Зализняк. – Текст: непосредственный // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – Москва: Языки славянских культур, 2012. – С. 419–435.
6. Nicholson, H. The English Sense of Humour / H. Nicholson. – Текст: непосредственный // Английский национальный характер. Сборник статей и извлечений из работ об английском языке и культуре (на английском и русском языках) / составитель М.М. Филиппова: пособие для студентов гуманитарных вузов. – Вып. 2. – Москва: Издательский дом «Городец», 2009. – С. 64–97.
7. Fox, K. Watching the English. The hidden rules of English behavior / K. Fox. – London: Hodder and Stoughton, 2005. – 424 p.
8. URL: <https://ru.citay.net/tsitaty/1838381-margaret-thatcher-i-might-have-preferred-iron-but-bronze-will-do-i/>
9. URL: <https://nypost.com/2023/03/27/bidens-bizarre-ice-cream-joke-in-nashville-shooting-remarks/>
10. URL: <https://ya.ru/video/preview/3144700938308675687>

11. Латышев, Ю.В. Феномен юмора в социально-информационном взаимодействии (Теоретико-методологический анализ): специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Латышев Юрий Викторович. – Новосибирск, 2003. – 147 с.
12. Карасик, В.И. Лингвокультурный типаж «английский чудак» / В.И. Карасик, Е.А. Ярмахова. – Москва: Гнозис, 2006. – 240 с.
13. Пристли, Дж.Б. Заметки на полях: Художественная публицистика / Дж. Б. Пристли; перевод с английского; составитель, автор предисловия и комментариев Е.Ю. Гениева. – Москва: Прогресс, 1988. – 467 с.
14. Fox, K. Watching the English. The hidden rules of English behavior / K. Fox. – London: Hodder and Stoughton, 2005. – 424 p.

© Горностаева Анна Алексеевна (anngornostaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПАЛИНДРОМЫ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА (НА ПРИМЕРЕ ПАЛИНДРОМИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «РАЗИН»)

PHONETIC PALINDROMES OF VELIMIR KHLEBNIKOV (ON THE EXAMPLE OF THE PALINDROMIC POEM "RAZIN")

A. Grigorev

Summary: The article considers the possibility of the existence of phonetic palindromes, in which not only the sequence of letters coincides when reading from right to left and from left to right, but also direct and reverse phonetic transcriptions. The article describes the conditions under which a palindrome will be phonetic and identifies and classifies phonetic palindromes in Velimir Khlebnikov's poem "Razin".

Keywords: palindrome, palindrome-ambinym, phonetic palindrome, Velimir Khlebnikov, poem "Razin".

Григорьев Андрей Владимирович

Доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (г. Москва)
greg988@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается возможность существования фонетических палиндромов, у которых совпадают не только последовательность букв при чтении справа налево и слева направо, но и прямая и обратная фонетические транскрипции. В статье описаны условия, при которых палиндром будет являться фонетическим, выявлены и классифицированы фонетические палиндромы в поэме Велимира Хлебникова «Разин».

Ключевые слова: палиндром, палиндром-амбиним, фонетический палиндром, Велимир Хлебников, поэма «Разин».

Как известно, палиндромом называют «слово, фразу или стих, имеющие одинаковый смысл при чтении слева направо и справа налево» [Ахманова, 2004, с. 309], так называемые амбинимы [Эпштейн 2009], хотя в широком смысле палиндромами могут называть и ретронимы, а также слогодромы и слоговые палиндромы [Пономаренко, Сегал, Уварова 2021]. В научной литературе палиндромы изучаются в основном с точки зрения литературоведения, однако в начале XXI века язык палиндромии подробно исследован в трудах А.В. Бубнова [Бубнов 2002а, 2002б]. Синтаксис палиндромических поэм анализируется в работе А.А. Балашовой [см.: Балашова 2017, с. 217–225].

С точки зрения фонетики палиндромы рассматривались в работе Р.О. Якобсона и диссертации А.В. Бубнова. Отмечается, что палиндромия «во многом продуцирует ассонанс» [Бубнов 2002б], также в палиндромах встречается тонкая инструментовка согласных, повторы отдельных сегментов. Так, в «Перевертне» Велимира Хлебникова «17 палиндромических строк основного текста содержат каждая от двух до шести ударных гласных фонем: по две строки с двумя, тремя и шестью ударениями, остальные 11 строк с четырьмя ударными гласными», при этом «всего из 66 ударных гласных 38 (более половины!) приходится на ударную <о>». [Бубнов 2002б]. Также отмечаются палиндромы с повторяющимся ударным [у] (Хлебников), [а] (В. Гершуни), [и] (Д. Авалиани) [Бубнов 2002б]. Некоторые палиндромы обнаруживают симметричность компонентов с фонетической точки зрения. Так, как указывает А.В. Бубнов, в «Перевертне» Велимира Хлебникова «центральная строка *слов зов, воз волос*

совершенно симметрична, что дополняется симметрией ударных фонем <о> в двух соседних строках: в обоих строках две ударных <о> и по две других гласных» [Бубнов 2002б]. В то же время мы видим, что симметрия центральной строки, о чем пишет А.В. Бубнов всё же не фонетическая, а графическая. Если понимать под **фонетическим палиндромом** случаи, когда прямая и обратная (механически перевернутая прямая) транскрипция палиндрома будут совпадать, окажется, что в приведенном примере качество произносимых безударных гласных в словах *сол[ъ]в* и *в[л]ос*, а также произносимых согласных, например, в словах *слов зо[ф] || [в]оз волос*, различно. В нашей статье мы рассмотрим вопрос о том, возможно ли в принципе существование **фонетических палиндромов** на примере палиндромов из поэмы Велимира Хлебникова «Разин» (1923).

Как указывает Сергей Бирюков, именно Велимир Хлебников «впервые в русской поэзии применил палиндром в качестве строительного материала для стихотворения большой протяженности» [Бирюков 2001, с. 86] («Перевертень», 1912, напечатано в сборнике «Садок Судей», II, 1913 и поэма «Разин», 1920). При этом и в одном, и в другом случае Хлебников использует тип палиндрома-амбинима (буквенного) палиндрома.

Однако отметим интересную особенность: до орфографической реформы 1917–1918 гг. в русской поэзии палиндромы-амбинимы в чистом виде встречались не так часто, сравним:

(1) Голодь, чъмъ мечъ дологъ? <...>

(2) Паль а норовъ худъ и духъ ворона лапъ.

- (3) А что? Я ловь? Воля отча!
 (4) Ядъ, ядъ, дядя!
 (5) Иди, иди!
 («Перевертень»)

В данном случае 3 и 5 строки представляют собой строгий буквенный палиндром-амбиним, однако в 1, 2 и 3 строках этому «мешают» «ъ» в конце слов, а в 1 строке еще и буква «ѣ» в слове «чѣмъ». Эта особенность была характерна и для палиндромов более ранней эпохи, например, у Г.Р. Державина: *Я иду съ мечемъ судія*. С другой стороны, у Хлебникова соблюдаются условия одинакового прочтения справа налево и слева направо, так как **ъ** уже не обозначал звука, а **ѣ** и **е**, **і** и **и** читались одинаково. Но и после реформы орфографии 1917–1918 гг. в поэзии Хлебникова мы встречаем строки с отступлением от правил строго буквенного палиндрома, так, например, в поэме «Разин» мы находим палиндромы *пресен серп > пресне серп* и *щи ищи > ищи ищ*. Как считается, в целом русский палиндром в XX веке строится «по принципу допущения ряда условностей, служащих целям расширения семантического поля художественного палиндромического текста» [Канавщиков, 2000: 15].

Возникает вопрос: а возможны ли в принципе фонетические палиндромы, если и строгие графические (буквенные) палиндромы встречаются после отмены старой орфографии непоследовательно.

Представляется, что, если мы хотим найти фонетический палиндром, в котором, напомним, прямая и обратная (механически перевернутая прямая) транскрипция палиндрома будут совпадать, необходимо сознательное или неосознанное соблюдение автором определенных условий.

А. в области гласных: в строке не должны встречаться гласные, которые в безударных позициях могут изменяться, а значит, если в палиндроме под ударением в левой части палиндрома встречаются гласные [э], [а], [о], они также должны быть под ударением в правой части палиндрома. Без ударения могут встречаться только гласные верхнего подъема [у] и [ы], которые лишь незначительно изменяются в безударной позиции. Так, в поэме В. Хлебникова «Разин» в буквенном палиндроме *Оперив соколом молоко свирепо* мы наблюдаем многочисленные несоответствия прямой и обратной транскрипций в области гласных, так как большинство гласных в данной строке – это гласные неверхнего подъема: [л]п[и³]р[и]в с[о]к[ъ]л[ъ]м м[ъ]л[л]к[о] св[и]р[э]п[ъ] > [ъ]п[э]р[и]в с[о]к[л]л[ъ]м м[ъ]л[ъ]к[о] св[и]р[и³]п[л]. Мы можем сделать вывод, обратив внимание на выделенные места в транскрипциях, что прямая транскрипция отличается от обратной в 6 случаях. Можно предположить, что в области гласных фонетическими будут такие палиндромы, в которых гласные неверхнего подъема

будут только под ударением, а в безударной позиции могут быть представлены гласные верхнего подъема, которые минимально подвергаются редукции.

Б. в области согласных: звонкие согласные в строке не должны встречаться на конце слов, так как в случае отсутствия паузы они будут оглушаться, и в начале слов, так как в обратной фонетической транскрипции они окажутся на конце слова, а наличие звонкого согласного на конце слова противоречит фонетическим нормам русского языка (см. пример выше: *солов зо[ф] || [в]оз волос > солов зо[в] || [ф]ос волос «Перевертень»*). Рассмотрим пример из поэмы В.Хлебникова «Разин»: *гон ног*. С точки зрения гласных этот палиндром вполне может признан фонетическим, так как оба гласных неверхнего подъема находятся под ударением. Однако соотношение между прямой и обратной транскрипциями с точки зрения согласных неодинаково. Если мы перевернем транскрипцию [гон но^ж], мы получим [кон но^г]. Между прямой и обратной транскрипциями мы наблюдаем два различия: в прямой транскрипции слова *гон* [г] соответствует [к] в обратной транскрипции, в прямой транскрипции слова *ног* [к] соответствует [г] в обратной транскрипции, при этом обратная транскрипция [кон но^г] вообще невозможна с точки зрения законов русской фонетики: в конце слова перед паузой звонкий согласный должен оглушаться.

Также в области согласных могут возникать проблемы с соотношением мягких согласных в прямой и обратной транскрипциях. Так, анализируя прямую и обратную транскрипцию палиндрома *Море пером* [мор'ь п'и³ром] > [мори³ п'ь³ром], мы найдем не только отличия в области гласных (в этом случае обратная транскрипция вообще не может существовать с точки зрения фонетических норм русского языка: наличие [и³] в заударном слоге и [ь] в первом предударном), но и два отличия в области согласных: в прямой транскрипции слова *море* [р'] соответствует [р] в обратной транскрипции, в прямой транскрипции слова *пером* [р] соответствует [р'] в обратной транскрипции. Поэтому можно предположить, что в фонетическом палиндроме вообще не должно быть мягких согласных.

Также несоответствия между прямой и обратной транскрипциями могут объясняться особенностями произношения отдельных слов русского языка. Рассмотрим палиндром В. Хлебникова из поэмы «Разин» *Или бар гомон ого-го гоном ограбили*. Он является буквенным, так как читается в прямом и обратном направлении одинаково (совпадает последовательность букв), но не фонетическим. Наряду с отличиями в области гласных здесь можно выделить некоторую особенность в области согласных. В междометии *ого-го*, как показывают современные орфоэпические словари, произносится [г] иного качества, чем в литературном языке, так на-

зываемый «г фрикативный» [γ]. Поэтому в слове *гоном* [г] в прямой транскрипции соответствует [γ] в обратной транскрипции; в первой части междометия *ого-го* в прямой транскрипции [γ] соответствует [г] в обратной транскрипции. Выделим данные особенности (наряду с другими особенностями в области согласных) в транскрипциях данного палиндрома: Или [б]ар гомон о[γ]о-[γ]о [г]оном огра[б']или > Или [б']ар гомон о[г]о-[γ]о [γ]оном огра[б]или. Обратная транскрипция в области согласных обнаруживает несоответствие современной произносительной норме, так как междометие *ого-го* в обратной транскрипции произносится не так, как рекомендуют орфоэпические словари.

Анализ показывает, что даже короткие слова-палиндромы, которые использует Хлебников, – *летел, топот, потоп, оно* – не являются фонетическими палиндромами, поскольку в безударных позициях содержат гласные неверхнего подъема.

Так существуют ли фонетические палиндромы, где прямая транскрипция полностью совпадала бы с обратной?

Такие палиндромы есть, однако автор осознанно или неосознанно должен соблюдать фонетические условия, которые сформулированы выше. К подобным примерам относится палиндром В. Хлебникова *ура жару!* («Разин»). Этот палиндром является не только буквенным (последовательность букв совпадает при чтении слева направо и справа налево), но и фонетическим: [ура́ жа́ру] > [ура́ жа́ру]. Здесь соблюдаются необходимые условия: гласный [а] находится под ударением (если не предполагать чтение *ура́ жару*), а в безударных слогах находится гласный верхнего подъема, который минимально подвергается редукции. В палиндроме используются сонорные согласные, которые не оглушаются, а звонкий согласный [ж] находится и при произнесении слева направо и справа налево перед гласным, поэтому также не подвержен изменениям.

В поэме В. Хлебникова «Разин» мы найдем и другие примеры фонетических палиндромов. К такому же типу палиндромов, состоящих из двух двусложных слов, где в безударном положении находятся гласные верхнего подъема, относится пример типа *удáч ча́ду* (гласный [у], если не учитывать возможность ударения *чаду́*, тогда палиндром перестанет быть фонетическим), также в эту группу можно отнести палиндром *а уа уа – а уа уа* (гласный [у], если учитывать, что в этом палиндроме союз *а* находится под ударением). В отдельную группу отнесем палиндромы, которые состоят из двух односложных слов, в которых представлены сонорные или глухие согласные (или и те и другие), а гласные находятся под ударением: *лук скул; ан на; чар прац; но он; так, кат; лап пал; муч чум; ман снам*. Отдельно обратим внимание на палиндром *лавр рвал*, в котором также встречается и звонкий согласный [в], который, однако, расположен перед гласным (*рвал*) и перед сонорным (*лавр*), поэтому он не подвергается изменениям. Также отметим палиндромы, которые состоят из одного трехбуквенного слова, в котором одинаковые гласные или глухие согласные звуки расположены симметрично центра: *или, ищи, иди, ими, как*.

Итак, проанализировав материал поэмы В. Хлебникова «Разин» мы можем утверждать, что можно говорить не только о наличии буквенных (последовательность букв совпадает при чтении слева направо и справа налево), но и фонетических палиндромов (когда прямая и обратная (механически перевернутая прямая) транскрипция палиндрома будут совпадать)¹. Однако это требует от автора соблюдения определенных описанных в нашей статье фонетических условий, что не всегда представляется возможным. Как видно из нашей статьи, у Велимира Хлебникова такие палиндромы преимущественно состоят из одного или двух слов, в которых гласные находятся под ударением или являются гласными верхнего подъема. В поэме «Разин» фонетическими можно признать не более 5% палиндромов, которые использует автор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. «Словарь лингвистических терминов». М., 2004. 571 с.
2. Балашова А.А. Комплексное изучение синтаксиса палиндромических поэм: предварительные замечания. Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова М., 2017. № 4 (14). С. 217-225.
3. Бирюков С. Поэзия русского авангарда. — М.: Литературно-издательское агентство Р. Элинина, 2001. 280 с.
4. Бубнов 2002а – Бубнов А.В. Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии: дис. ... докт. филол. наук / Орл. гос. ун-т. Орел, 2002. 525 с.
5. Бубнов А.В. Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии. Автореф. дисс. докт. филолог. наук. Орел, 2003. 38 с.
6. Бубнов 2002б – Бубнов А.В. Палиндромия: от перевертня до пантограммы // Новое литературное обозрение. 2002. №57. С. 295–312. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/5/palindromiya-ot-perevertnya-do-pantogrammy.html> (дата обращения: 25.02.2024).
7. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.
8. Канавщиков А. Перед книгой. Принцип палиндромотворчества. Классификация палиндромических строк // Ядро: палиндромы. М., 2000. С. 3–4, 6–10, 11–17.

1 На основе своих наблюдений над палиндромами разных типов автором было составлено задание регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку в 2023/24 гг., в котором анализируется представленный в статье материал.

9. Пономаренко И. Н., Сегал Н. А., Уварова И. В. Семантика и прагматика палиндромов в языке и интернет-коммуникации. // Научный диалог. Екатеринбург, 2021. №11. С.168–182.
 10. Эпштейн М. Палиндромия как творческий ресурс языка. К философии и лингвистике обратного слова [Электронный ресурс]. URL: <https://gramma.ru/RUS/?id=1.66> (дата обращения 01.03.2024)
-

© Григорьев Андрей Владимирович (greg988@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДИОМЫ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Дахи Лама

Аспирант, Российский университет дружбы народов им.

Патриса Лумумбы

lamadahi81@gmail.com

Попова Евгения Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент, Московский

государственный лингвистический университет

o-genia@yandex.ru

IDIOMS WITH A SOMATIC COMPONENT IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE (BASED ON ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

**Dahi Lama
E. Popova**

Summary: The article is devoted to identifying the features of stable expressions with a component of body parts in English and Russian-language media discourse on political topics. As part of the study, it defines the concept of "political media discourse". The idioms under the study are considered in from the point of view of their conventionality and creativity when transmitting information and evaluative connotations. The article investigates metaphor as a phenomenon through which both conventionality and creativity are actualized in discourse. Particular attention is paid to the possibilities of translating somatic expressions from English into Russian. Despite a number of differences in the functioning of somatisms in the two languages, the article concludes that they contain a universal conceptual metaphor "the state is an organism" and its subtypes, expressed with the names of body parts.

Keywords: political media discourse, idiom, somatic component, metaphor, conventionality, creativity.

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей устойчивых выражений с компонентом частей тела в англо- и русскоязычном медиадискурсе на политическую тематику. В рамках исследования дается определение понятию «политический медиадискурс». Изучаемые идиомы рассматриваются в нем с точки зрения их конвенциональности и креативности при передаче информации и оценочных смыслов. В статье рассматривается метафора как явление, посредством которого в дискурсе реализуются оба указанных феномена. Особое внимание уделяется возможностям перевода соматических выражений с английского языка на русский. Несмотря на ряд отличий в функционировании соматизмов в двух языках, делается вывод о наличии в них универсальной концептуальной метафоры «государство – это организм» и ее подвидов, выражаемых с помощью наименований частей тела.

Ключевые слова: политический медиадискурс, идиома, соматический компонент, метафора, конвенциональность, креативность.

Введение: политический медиадискурс и его черты

Мир политики охватывает целый ряд разнообразных явлений, таких как внутренняя и внешняя политика, политические институты и организации, методы политической деятельности, политическая идеология, средства массовой информации и т.д. Указанные явления тем или иным образом отражаются в соответствующем дискурсе и реализуются через него. Термин «дискурс» как таковой получил распространение в гуманитарных науках лишь в 60-70-х годах XX века. В современной науке существует множество подходов к определению данного понятия: одни лингвисты считают дискурс речевой деятельностью, другие утверждают, что это сложное коммуникативное явление, включающее не только текст, но и экстралингвистические факторы (мнения, цели, направления), необходимые для полноценного понимания текста [1].

В настоящее время основным средством реализации политической коммуникации оказывается медиадискурс, который включает политические дебаты,

интервью с политиками, статьи на политическую тематику, и др. В данной статье мы будем использовать термин «политический медиадискурс», под которым, вслед за Т.Г. Добросклонской, мы понимаем «совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере политических коммуникаций, актуализированных в средствах массовой информации, во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [2, с. 106]. Исследования в области указанного типа дискурса представляются актуальными, поскольку он активно используется для формирования общественного мнения, воздействия на общественное сознание, манипулирования информацией и управления политическими процессами.

В настоящей статье, изучая политический медиадискурс, мы опирались на работы, опубликованные за последнее десятилетие, поскольку именно в это время данное понятие получило широкое научное освещение. Наряду с трудами Т.Г. Добросклонской, в указанной области выделим исследования М.А. Рясиной (2013), О.В. Сулиной (2014), Д.Е. Никулиной (2017), Л.С. Чикилевой (2017), О.Ф. Русаковой (2019), на основании которых

мы выделили несколько характеристик данного дискурса:

1. пропаганда и манипуляция (политический медиадискурс часто используется для продвижения конкретных идей, ценностей и политических интересов, а также для манипулирования общественным мнением);
2. формирование общественного мнения (СМИ играют огромную роль в формировании общественного мнения по политическим вопросам, представления о политиках, партиях, событиях и т.д.);
3. использование риторики воздействия (медийные тексты часто строятся с помощью языковых приемов для убеждения аудитории в правильности определенной точки зрения);
4. персонификация политики (личности политиков часто выдвигаются в центр медийного внимания, что может привести к персонализированной интерпретации событий);
5. информационная война (политический медиадискурс может принимать подобную форму, если различные стороны сталкиваются в борьбе за информационное превосходство и воздействие на реципиента).

Таким образом, политический медиадискурс играет ключевую роль в формировании политической картины мира общества, исходя из того, как информация представлена и интерпретирована через средства массовой информации. С точки зрения его языковых особенностей, наиболее заметными и важными для нашего исследования являются конвенциональность, с одной стороны, и креативность – с другой, описанные в русле контрастивной стилистики А.Д. Швейцером [3].

Конвенциональность выступает необходимым условием реализации информационной функции общественно-политической журналистики. Во многом это зависит от влияния внешних факторов, например, фиксированного срока создания текста или заданного для него размера. В таких условиях автор текста лишается возможности отшлифовать каждую фразу, используя «готовые наборы», клише и устоявшиеся слова. Большую часть публицистических клише составляют фразеологизмы, в основе которых лежат «банальные», «стертые» метафоры.

В то же время, желая привлечь внимание и вызвать интерес аудитории, СМИ используют фактор языковой новизны, или креативности, что, в первую очередь, выражается в наличии неологизмов и заимствований из других языков в политическом медиадискурсе. Кроме того, ориентированность на среднестатистического получателя, предполагает, что содержание высказывания должно быть понятно всем. Чтобы «говорить с читателем на его языке», данный тип дискурса может сочетать

литературные выражения с разговорными, наряду со стилистически нейтральной лексикой включает сленговую, терминологическую лексику, профессионализмы и стилистически нейтральные слова, что также является одним из способов реализации креативности.

Соматизмы в политическом медиадискурсе: о некоторых особенностях перевода

Данная статья ставит своей целью исследование устойчивых выражений (идиом), семантически опорным компонентом которых выступают слова со значением частей тела (соматизмы) в русско- и англоязычных СМИ последнего десятилетия, а также образов, которые стоят за ними. Их значительное количество как в русском, так и в английском языках можно объяснить корпорально-любой человеческой деятельностью. Идиомы с соматическим компонентом показывают события, увиденные через призму нашего собственного телесного опыта (сознательного или неосознанного), что облегчает их понимание и восприятие.

К образным выражениям с частями тела средства массовой информации прибегают довольно часто, пытаясь, таким образом, сделать то или иное политическое событие более понятным для аудитории. Когда люди читают о сложных вещах, описанных с помощью известных им понятий, общий смысл высказывания становится очевидным. Приведем несколько примеров из заголовков англоязычных СМИ с их переводом на русский язык (здесь и далее перевод наш – Л. Д., Е. П.):

1. *Life after Layoffs: How employees can **get back on their feet**, and what companies can do* (Forbes India, 18.11.2022). – «Жизнь после увольнений: как сотрудники могут **снова встать на ноги** и что могут сделать компании»;
2. *Obama and the Myth of **Arm-Twisting*** (The New York Review, 26.04.2013). – «Обама и миф **о выкручивании рук**»;
3. ***Eye on Politics: A look at the key 2024 races we'll be watching*** (CBS News Texas, 04.01.2024). – «**Взгляд на политику**: взгляд на ключевые [предвыборные] гонки 2024 года, которые мы будем наблюдать»;
4. ***Politicians need to shoulder responsibility for their words*** (The Shift, 26.09.2018). – «Политики должны **нести ответственность** за свои слова»;
5. ***Head of Palestinian Aid Agency Warns It Is at 'Breaking Point'*** (The New York Times, 23.02.2024). – «**Глава Ближневосточного агентства** помощи палестинским беженцам предупреждает, что оно переживает «переломный момент»».

Уже на данном этапе можно выделить ряд особенностей в исследуемых идиомах двух языков. Так, первое выражение (*get back on one's feet*) переводится на русский язык дословно, имеет в нем такие же структуру,

соматический компонент и значение (= вернуться в нормальное положение после сложного периода), как и в источнике, с оговоркой, что русская лексема «ноги» может передаваться в английском языке двумя словами: *feet* («ступни») и *legs* («ноги по всей длине»). Использование данной идиомы конвенционально.

Второе выражение является образованием от устойчивого сочетания *to twist one's arm* – «выкручивать руки» (= под давлением заставить человека делать то, что он не хочет) и также имеет дословное соответствие в русском языке (использование компонента *arm*, а не *hand* со значением «рука» объясняется характером описываемого действия): *arm-twisting* – «выкручивание рук». В тексте статьи мы также можем наблюдать окказионализм *arm-twister* («тот, кто выкручивает руки»), что является показателем креативности и на русский язык переводится с изменением структуры, хотя соматический компонент сохраняется:

- *The fact that Barack Obama failed to win legislation to place further curbs on the purchase of guns [...] has made people who ought to know better decide that he's not an "arm-twister"* (The New York Review, 26.04.2013). – «Тот факт, что Барак Обама не удалось добиться принятия закона о дальнейших ограничениях на покупку оружия, [...] заставил людей, которые должны быть в курсе ситуации, решить, что он **не способен «выкручивать руки»**».

В сочетании *eye on politics* из третьего примера соматизм *eye* предположительно может являться частью идиомы *cast an eye on/over smth* (= обратить внимание на что-л), поскольку в данном случае лексема *eye* ассоциируется с получением информации и выражением определенного мнения (ср. рус. «бросить взгляд», «на чей-л взгляд»). Таким образом, в переводе примера на русский язык вместо соматического компонента для передачи соответствующего оригиналу образа используется его значение «взгляд», основанное на метонимическом переносе.

В переводе английской идиомы *to shoulder responsibility* (букв. «взять **на плечи** / нести **на плечах** ответственность») из примера 4 соматизм также отсутствует, но здесь, в отличие от предыдущего заголовка, он не заменяется другим эквивалентом, а опускается: «взять ответственность», «нести ответственность». Отметим, что в русском языке существует похожее устойчивое выражение с компонентом *плечи* – *взвалить на свои / чьи-либо плечи*, однако его смысл будет отличаться от семантики английского наличием компонентов тяжести и принудительности, которые актуализируются в глаголе.

Наконец, соматизм *head* из примера 5 (*to be head of smth*), который используется в английском языке как

в прямом значении (= часть тела), так и в переносном (= руководящая позиция), в русском языке имеет четкое разграничение эквивалентов: *голова* для первого значения и *глава* (с неполногласием) – для второго. В современном русском языке *глава* как часть тела является устаревшим значением, оно встречается либо в поэтических текстах, либо во фразеологизмах и пословицах.

На основании приведенных примеров можно сделать вывод о следующих возможностях перевода английских идиом с соматизмами на русский язык:

1. прямой перевод с совпадением лексических компонентов и структуры (*get back on their feet* = *снова встать на ноги*);
2. прямой перевод с совпадением лексических компонентов, но некоторыми изменениями в структуре (*arm-twisting* = *выкручивание рук*; *an arm-twister* = *человек, который выкручивает руки*);
3. замена соматизма на эквивалент, передающий аналогичное значение (*an eye on politics* = *взгляд на политику*);
4. отсутствие (пропуск) соматизма (*to shoulder responsibility* = *нести ответственность*);
5. перевод соматизма с помощью семантического архаизма (*to be head of smth* = *быть главой чего-л*).

Подчеркнем, что указанный список не является исчерпывающим, что обрисовывает перспективы для дальнейших исследований.

Конвенциональность и креативность метафоры

Поскольку основная цель политического медиадискурса – убедить адресата, повлиять на его позицию или побудить к каким-либо действиям, язык СМИ должен быть эмоциональным и образным. Образность реализуется в тексте с помощью множества языковых средств, таких как коннотации лексических единиц, игра слов, противопоставление и сравнение, архаизмы, жаргонизмы, эвфемизмы и т.д. Одним из наиболее типичных средств создания образа является метафора, посредством которой может актуализироваться как конвенциональность (концептуальные метафоры, клише на основе «стертых» метафор), так и креативность (метафора как стилистический прием, окказиональное употребление).

Баланс между конвенциональностью и креативностью в политических текстах соблюдается с помощью процесса блендирования. На когнитивном (глубинном) уровне мы имеем дело с концептуальными структурами, а на вербальном (поверхностном) – с языковыми единицами, в частности, с идиомами (в рамках данной статьи – с соматическим компонентом). Многие устойчивые выражения настолько укоренились в нашем сознании, что мы не видим за ними образа, однако и они могут участвовать в процессе создания нового смысла в дискурсе.

Когда журналист пишет статью и включает в текст некое устойчивое сочетание, читатель создает связь между идиомой и событиями, происходящими в действительности. Таким образом, метафору создает сам читатель и каждый раз, сталкиваясь даже с одним и тем же выражением, но в разных контекстах, он структурирует ее заново. Описание функционирования идиом с компонентом частей тела в политическом медиадискурсе разных языков позволяет не только увидеть, как метафора реализуется в определенном тексте и контексте, но и есть ли какие-либо национальные предпочтения относительно выбора идиом и их метафорических реализаций.

В своей книге «Философия во плоти» Дж. Лакофф обращается к теории первичной метафоры, которая утверждает, что все метафоры «молекулярны» и состоят из «атомных» («первичных») частей. Каждая первичная метафора возникает автоматически и неосознанно из повседневного опыта посредством образования междоменных ассоциаций [4]. Дискурсивный анализ показывает универсальную первичную метафору в обоих исследуемых языках: «Отношения между людьми – это физическое взаимодействие». Из этой первичной метафоры мы конструируем подкласс метафор с соматическим компонентом, характерных именно для политического медиадискурса: «политические события – это физические действия», «политические институты – это человеческие тела» и др.

Согласно исследованиям А.П. Чудинова, «прагматический потенциал политической антропоморфной метафоры использовался и в Древнем мире, и в текстах периода Средних веков, и в Новое время» [5, с. 93]. В качестве примера ученый приводит метафору «государство – это организм», которая использовалась в трудах многочисленных мыслителей, от Иоанна Солсберийского до Ф. Бэкона, Т. Гоббса и др. В современном политическом медиадискурсе указанные метафоры также частотны и для английского, и для русского языков: *head of the judiciary / state / government*, etc. (= глава судебной власти / государства / правительства и др.); *bring a country / an organization to its knees* (= разорить страну / организацию, букв. «поставить на колени»); *(твердая) рука государства / Кремля; поставить страну на ноги* и т.д.

Обратимся к примерам. В русском языке когнитивная метафора «государство – это организм» может быть выражена с помощью метафоры как стилистического приема, демонстрируя креативность дискурса СМИ. В статье под заголовком *Конфликт руки и мозга государства*, который сам по себе является примером сочетания вышеописанных явлений, аналитик А. Рубцов критикует алгоритм работы над национальными проектами и государственного контроля, используя метафорическое противопоставление «мозг – руки» (= что задумано и как это реализуется):

- *Одной половиной мозга государство признает собственную избыточность, а рукой наращивает свои сугубо плановые, регулятивные усилия по спасению положения* (Ведомости, 02.02.2020).

Метафора «политический институт = человеческое тело» ярко представлена культурно специфичным выражением устойчивый стереотип вмешательства Москвы во внутренние дела других государств, сформированный в мире (может использоваться как в кавычках, так и без них):

- *МИД назвал «руку Кремля» мировым мемом* (РБК. Политика, 26.12.2018);
- *«Мерещится рука Кремля». В посольстве России рассказали о шпионмании в ФРГ* (РИА Новости, 11.08.2023).

Идиома также используется в составе расширенных окказиональных метафор. В статье под заголовком *Рука Кремля дотянулась до Гонконга: город наводнили титишки* («титишки» – любые физически крепкие молодые люди, привлекаемые к участию в силовых противостояниях с экономической подоплёкой) журналист И. Варламов описывает массовые протесты десятилетней давности в Гонконге. Весь приведенный ниже абзац является метафорой силы, в которой, помимо «руки» появляется соматизм «кулак»:

- *Раньше все только и делали, что искали след Госдепа в событиях в Гонконге. Кто еще мог устроить массовые протесты в такой важный для Пекина момент, как не коварные Штаты? И вот вчера впервые за неделю протестов в Гонконге явно почувствовали руку Кремля. Нет, это не маленькая хлипкая ручка студента-очкарика. Это серьезный кулак крепкого мужика в маске* (<https://varlamov.ru> – 4.10.2014).

Примером креативного переосмысления данной идиомы в русском языке является информационно-аналитический портал с одноименным названием. Вот что пишут его авторы в разделе «О нас»: «Мы не принадлежим ни к одной партии и ни к одной финансово-промышленной группе – следовательно, мы отражаем только свое личное мнение, а не чье-то еще» (<https://24hok.ru/>). Так, «рука Кремля» становится частью метафоры патриотизма.

Для английского языка культурно специфичной является когнитивная метафора «политика – это спорт», основным компонентом которого представляется соревнование. Данная метафора, среди прочих семантических групп, актуализируется посредством соматизмов, которые в русском переводе либо отсутствуют, либо передаются с помощью названий других частей тела:

- *Trump and Haley face off in 19 contests in a week, starting on Saturday* (The New York Times, 01.03.2024). –

«Трамп и Хейли **сойдутся в 19 поединках** за неделю, начиная с субботы».

- *Senate Control Hinges on **Neck-and-Neck Races*** (The New York Times, 31.10.2022). – «Контроль над Сенатом зависит от **гонки “ноздря в ноздрю”**».

Интересно отметить, что подобные метафоры встречаются и в русскоязычном медиадискурсе, однако в большей степени они являются окказиональными, «креативными», в отличие от конвенциональных английских. Приведем пример из статьи К. Сониной «Гирьки на ногах страны», в заголовке которой также используется упомянутая выше метафора «государство = это человеческий организм». Автор аргументирует тезис о том, что развитие российской науки протекает медленнее в связи с перегруженностью «не своими» задачами, с помощью как метафорического (ученые = спортсмены), так и метонимического переноса (граждане государства = государство):

- *И вот российский ученый соревнуется с заграничным – кто быстрее расшифрует геном, расщепит атом, [...] только у него, помимо работы, есть еще дело, которое отнимает 20% времени: проверять на плагиат диссертации депутатов. **Как если бы наша сборная по футболу вышла с небольшими гирьками на ногах – играть можно, но трудно*** (Ведомости, 06.05.2013).

На основании разбора приведенных примеров можно сделать вывод о том, что соматические метафоры в политическом медиадискурсе обоих языков формируются из первичных метафор посредством процессов

концептуального смешения. Такое смешение может быть проиллюстрировано как конвенциональными, так и креативными средствами.

Заключение

Анализ подтвердил, что при описании политических событий как в английском, так и в русском медиадискурсе выражения с разной степенью идиоматичности и креативности с названиями частей тела и выступают довольно распространенным явлением. При переводе английских идиом с соматическим компонентом на русский язык мы обнаружили ряд отличий в их функционировании, таких как замена в русском эквиваленте одного соматизма на другой, его отсутствие, использование метонимии (название не самой части тела, а эмоции, которую передает она или ее движение) и др.

В обоих языках соматические выражения могут использоваться для демонстрации как конвенциональности, так и креативности политического медиадискурса. Они актуализируют концептуальную метафору «государство – это организм» и ее подвиды, то есть, с точки зрения когнитивных процессов, речь идет об общих тенденциях, универсальных для обоих языков.

Говоря о культурных различиях, следует отметить разницу в функционировании идиом в тексте, например, в частоте использования определенных соматизмов, в общих значениях идиом и в типах политических событий, к которым они относятся. Указанные вопросы могут быть предметом дальнейших исследований в области политического медиадискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаян В.Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. 2017. №1. С. 76–81.
2. Добросклонская Т.Г. Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований // Язык и социальная динамика. 2014. Вып. 14-1. С. 106–115.
3. Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика: Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. Серия: Из лингвистического наследия А.Д. Швейцера. М.: Либроком, 2020. 254 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Философия во плоти: воплощенный разум и его вызов западной мысли. Нью-Йорк: Basic Books. 590 с. (На англ. яз.)
5. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

© Дахи Лама (lamadahi81@gmail.com), Попова Евгения Андреевна (o-genia@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕМА ВОЙНЫ В РОМАНЕ М. П. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»

Дэн Си

Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
1332348545@qq.com

THE THEME OF WAR IN M. P. SHISHKIN'S
NOVEL "THE LETTER BOOK"

Deng Xi

Summary: The article is devoted to the disclosure of the theme of war in M. Shishkin's novel "The Letter Book". War plays an important role in the artistic space of this work: attributes, symbols and signs of war form a destructive "aesthetics", which at the same time is filled with existential meanings and allows to extract answers to questions about the meaning and value of life, death and love from the description of chaos. The author of the article pays special attention to the Chinese "subtext" in the novel, the presence of significant elements of Chinese traditional culture in the narrative.

Keywords: Russian literature, new-modern, M. P. Shishkin, "The Letter Book", the theme of war, the image of death, the Chinese "subtext".

Аннотация: Статья посвящена особенностям раскрытия темы войны в романе М. Шишкина «Письмовник». Война в художественном пространстве этого произведения играет важную роль: атрибуты, символы и знаки войны формируют разрушительную «эстетику», которая при этом наполнена бытийными смыслами и позволяет извлекать из описания хаоса ответы на вопросы о смысле и ценности жизни, о смерти, о любви. Особое внимание автор статьи уделяет китайскому «подтексту» в романе, присутствию в повествовании значимых элементов китайской традиционной культуры.

Ключевые слова: русская литература, неомодернизм, М.П. Шишкин, «Письмовник», тема войны, образ смерти, китайский «подтекст».

Тема войны всегда была значимой для русской классической литературы и литературы советского периода. Реалистический подход к изображению войны сосредоточивался на осмыслении масштаба трагедии народа, человеческих страданий, а также на таких темах, как стремление к подвигу, готовность к самопожертвованию. Некоторые современные авторы, продолжая в рамках неомодернистского литературного направления осмысливать значение конкретных исторических событий (и военных, в особенности), обращаются к ним и в качестве контекста для раскрытия универсальных, онтологических смыслов [1]. Война определяется как пространство для поиска парадигмы существования мира, как часть вечности, «вневременное» событие.

В романе М. Шишкина «Письмовник» с опорой на исторические события моделируется целостная картина мироздания. Структура, язык романа, аксиологически ориентированные способы кодирования и декодирования смыслов текста – все это направлено на поиски форм и способов существования человека в мире, на рассмотрение вопросов смысла и ценности жизни, тем любви и смерти.

1. Война как разрушение

Война в романе Шишкина «Письмовник» – это, с одной стороны, конкретное событие (Ихэтуаньское восстание в Китае в начале XX в.), с другой стороны, война – это часть вневременного Бытия, главными характеристиками которого является нарушение всеобщей гармонии, правил устройства жизненного пространства (фэн-шуй), отступление от закона любви – «правильного», созидательного взаимодействия мужской (ян) и женской энергии (инь), отсутствие жизненной энергии ци. Оставаясь деструктивным явлением, война, как и смерть, служит основой для пространственно-временной организации повествования – для выстраивания сюжетных линий и характеристики образов героев.

Среди наиболее значимых атрибутов войны – хаос, смерть, убийства, разрушение и разорение, нравственное падение людей (но одновременно и нравственное возвышение в каких-то случаях), обесцененность жизни и т.п., однако контекст использования этих знаков войны у Шишкина индивидуален и неповторим. Различные детали и характеристики формируют разрушительную «эстетику» («антиэстетику») войны, но при этом наполняют её бытийными смыслами и позволяют извлекать из описания хаоса и тотальной деконструкции бытия ответы, упорядочивающие представления человека о себе, о смысле и ценности жизни, о любви.

Для создания объемного образа войны Шишкин использует метод столкновения противоположностей – жизни и смерти, любви и смерти, благополучия и разорения, здоровья и увечий, прекрасных пейзажей и погибающего живого мира. Такая «диалектика» помогает писателю через конкретные детали иллюстрировать принципы универсальности, иллюзорности временного контекста, характерные для неомодернистского осмысления бытия. Детальными войны в романе станут дохлые лошади, сломанная винтовка, брошенная фуражка, окровавленное белье. С ними будут контрастировать в изображении войны уникальные элементы и достижения китайской цивилизации, которые в итоге также

будут бесследно утрачены – то ли по человеческому недомыслию, то ли по универсальному закону необходимости. Война превратит в пустыню дома, дороги, гостиницы, улицы – всё, созданное человеком, разрушится. Река Пэйхо, которая «издалека смотрится довольно живописно» и название которой означает «белую по цвету воды» [2, с. 102] реку, станет красной от крови плавающих в ней трупов.

Разрушителями становятся обе противоборствующие стороны, и это только подтверждает универсальность человеческой природы. Шишкин показывает: любая война неотвратимо превращает в «пустыню» душу человека. Однако писателю важно показать торжество закона Бытия, в соответствии с которым источник разрушения и деконструкции в определённый момент времени должен стать источником человеческой жизни и миропреображения. Даже если универсальный закон Бытия в своей реализации бесконечен, то стремление человека к созиданию, к со-Бытию, ко всеобщей гармонии, следованию слову добра и истины, правилам фэншуй или ещё каким-либо установкам, которые помогают личности и человечеству сохранять себя, будет каждый раз способствовать обретению онтологических оснований конкретного этапа истории.

2. Жизнеощущение кризиса на войне

Личностное осмысление войны у Шишкина передано через письма/дневниковые записи главного героя, близкие к форме потока сознания [3]. Воплощая в романе принцип «Ноева ковчега» как способа сохранения времени, важных культурных и нравственных ценностей [3], писатель «назначает» Володю ветхозаветным Ноем, которому «открылось то, что было закрыто для незнающих» [2, с. 199]. Назначенный «летописцем» – штабным писарем, Володя фиксирует жуткие подробности событий войны и, самое главное, свои переживания, раздумья, своё взросление и приближение к смерти. И это, как пишет С.П. Оробий, «не случайный постмодернистский коллаж, ведущий к смысловой путанице» [4, с. 151], а устремлённое к определённой эмоционально-смысловой доминанте действие романа. Вектор движения к ней – это жизнь души, стремящейся познать земную реальность и подготовиться к вечности. На этом пути не значимы ни географический контекст, ни возраст человека, ни время, в котором его душа набирается опыта, а важен сам эмоциональный опыт – опыт проживания трудностей, постижения любви. Война – пространство максимальной концентрации такого опыта, считает писатель, поэтому с самого начала Володе «оставалось только выдержать войну» [2, с. 7].

Совсем не важно, где, когда и почему война происходит; осмысление войны как таковой связано с одинаковыми для всех людей ощущениями – потерянности,

одиночества, разочарования, непреодолимого страха, безысходности, невозможности противостоять обстоятельствам, душевного кризиса. Пережитое горе, страдания и испытания меняют систему жизненных координат человека, его мироощущение – «без боли нет жизни» [2, с. 275].

Динамика передачи драматических ощущений Володи, связанных с войной, в романе реализуется в первую очередь через описание изменяющихся ценностных ориентиров героя и с помощью сугубо языковых средств. Но «любые слова – это только плохой перевод с оригинала. Всё происходит на языке, которого нет» [2, с. 106], поэтому автор усиливает восприятие кризисного жизнеощущения героя через описание его визуальных и слуховых впечатлений. Эти впечатления, согласно принципам неомодернизма, акцентируют внимание на значимости индивидуальной судьбы героя, а их вербализация, как замечает М.В. Безрукавая, устанавливает на определённом уровне некие системные отношения между категориями «жизнь» и «текст» [5, с. 38].

В сознании Володи существуют два главных концепта – смерть и выживание. Но такое состояние (длящееся бесконечно) противоестественно и губительно для внутреннего мира человека. Страдания раненых, гибель солдат разрушительно действуют на Володю, постепенно лишают его возможности противостоять кризисному жизнеощущению, находят объяснение происходящему и всё более отдаляют его от жизни.

3. Трансформация отношения человека к смерти (на примере образа Володи)

Многомерность подхода к исследованию темы смерти, свойственная неомодернизму [2], реализуется и в романе Шишкина: это и смерть на поле брани, и смерть в мирной жизни, и изменение отношения главного героя к смерти как отражение его внутреннего взросления. Смерть в «Письмовнике», как пишет Д.В. Кротова, «представляет собой одну из фундаментальных категорий», осмысление которой направлено на признание в ней бессмысленной разрушающей силы, «безусловного зла» (хотя это, как отмечает исследователь, только одна из граней понимания феномена смерти в романе) [5, с. 44].

Первоначально юный Володя, который ещё ментально «закреплён» в пространстве жизни, воспринимает смерть как нечто абстрактное, описанное в книжках. Реальность военных будней утвердит юношу, страдающего от разлуки с любимой, в мысли о «неподлинности» всего, что окружает его, и «пустячности» смерти. Такие размышления бывают свойственны человеку на определённом жизненном отрезке. Ощущение внутреннего одиночества позже перерастёт у Володи в экзистенциальный страх. Он ещё по инерции продолжит ассоциировать себя с литературными персонажами и «по-гамлетовски»

размышлять над вопросами о бытии и смысле жизни, даже будет воображать себя Ноем, который ради «сбережения» жизни пытается выстроить спасительный «ковчег из слов» [2, с. 262]. Пока в смерти для Володи больше абсурдности, чем бытийной необходимости. Но постепенно сознание Володи будет трансформироваться, а «ковчег из слов» будет то спасать от «потопа чувств» и бесконечной рефлексии, то утрачивать свои спасительные функции. И в итоге Володя осознает, что смерть неизбежна и от неё ничего не спасает – ни физическая, ни ментальная борьба. Он устанет воевать, видеть зло, бояться, и чужая смерть станет для него обыденностью.

Как отмечает Д.В. Кротова, «в художественном пространстве романа смерть принципиально преодолима» [6, с. 45]: через слово, эмоциональное участие, память о человеке в сердцах других людей. В то же время, Шишкин подчёркивает бытийную необходимость смерти, но понимание этой необходимости сокрыто от несовершенного человеческого сознания [6]. Истинная мудрость мироустройства не открывается до конца человеку при жизни, лишь с последним выдохом исчезнувший мир вдруг возвращается «в себя».

Более всего, смертность тела преодолевается главной жизнепорождающей силой – любовью, поэтому осмысление категории смерти в романе выстраивается через глубинное внутреннее единство с категорией любви [5]. Любовь (даже если это иллюзия и всего лишь некий образ, а война – реальность) снова возвращает Володю к жизни и спасает его от экзистенциального страха: «Кругом смерть, а я ощущаю в себе лавину жизни, которая меня захлёстывает, поднимает, несёт к тебе» [2, с. 262].

Смысловая точка, к которой направлено действие романа «Письмовник», – это вывод о том, что жизнь представляет собой возможность подготовиться к смерти, возможность научиться и поверить в её преодоление через эмоциональную память другого человека, через любовь, через Слово. Смерти в какой-то степени является благом для человека, поскольку она помогает постичь то, для чего человек рождается.

4. Китайский «подтекст» в романе

Почему в качестве места действия значительной части романа автор выбирает именно Ихэтуанское востановление в Китае (1898 – 1901 гг.)? Почему война именно с Китаем? «Фантастическое» перемещение героя в далёкую – во времени и пространстве – историческую реальность, включение бытовых и военных подробностей не просто помогают автору создать необычный художественный мир, но и позволяют показать всеобщий хаос бытия, процесс дегуманизации и деструкции. Этот исторический контекст позволяет писателю творчески моделировать эпизоды из жизни Володи, в которых че-

рез некий «коллаж» человеческих страданий читатель приходит к пониманию главного, вневременного и внепространственного – ценности человека, жизни, любви и смерти.

Для Володи визуальное восприятие разрушений на китайской земле является «катализатором» для осмысления экзистенциальных вопросов: зачем даётся человеку жизнь? Что такое смерть? Есть ли судьба? Есть ли смысл в существовании человека, и в чём он, особенно во время участия в войне? Но этим не ограничивается роль китайского «подтекста». Шишкин открывает читателю глубину пережитой китайским народом трагедии – физических, культурных и духовных травм, унижений, разорения. За всеми китайскими элементами в романе скрываются глубокие смыслы. А чтобы погружение в жизнь китайского народа выглядело объективным и разносторонним, Китай предстает перед читателем не только сквозь призму взгляда Володи, но и через переводчика с говорящей фамилией Глазенап, который «восторженно влюблён в язык Конфуция, Ли Бо и Ду Фу» [2, с. 112].

Китай в романе многолик: это и крестьянские дома, ворота которых, по даосскому поверью, измазаны собачьей кровью для защиты от злых духов; и китайские крестьяне-повстанцы, воспитанные в уважении к фэн-шуй и искренне верящие в защиту амулетов, и в то же время готовые не только убивать врага, но и собственноручно разрушить всё, что произведено, сотворено, протестуя против иностранного вмешательства. Значимые и наполненные смыслом детали – это и «поверженные» китайские идолы Тяньцзиня, продолжающие даже с отломанными головами смотреть «из-под опущенных век на перевёрнутый мир с любовью и снисходительно»; и всё также вьющиеся по столбам, «блестя золотой чешуей, синие драконы с разинутыми пастьями» [2, с. 112]; и рассказ Глазенапа о живой энергии ци, которая влияет на удачу; и тайны китайской каллиграфии, которой увлечён переводчик и восхищается Володя; и атрибуты налаженной жизни китайцев – библиотека, лаборатории, склады, чеканка монет, цеха для изготовления пороха, оружия, в которых рядом с машинами и котлами размещались изображения божеств-покровителей труда. Возможно, назначение этих деталей в романе – в демонстрации незащищённости прошлого перед обезумевшим настоящим. Разрушение материальных ценностей напрямую связано с разрушением духовности, и окончательная цена участия в этом «демонтаже» Жизни-Бытия – смерть самого человека.

Названные нами выше и многие другие детали китайской цивилизации – упоминание Конфуция, известных поэтов династии Тан – Ли Бо, Ду Фу, а также такие образы, как нефрит, кисти, белая ткань или бумага – не просто создают особый «этнический колорит» романа и показывают увлечённость Шишкина китайской культурой, но, в

русле неомодернистского мышления, расширяют художественное и ментальное пространство произведения, стирают временные и пространственные ограничения.

Таким образом, война в романе «Письмовник» выбрана автором в качестве исторической основы для моделирования целостной картины мироздания и раскрытия универсальных смыслов. Определение войны как пространства всеобщего хаоса и одновременно некоей парадигмы существования мира, «вневременного» события выявляет в творчестве М. Шишкина черты неомодернистской литературной стратегии. Художествен-

ная картина особой исторической реальности создаётся писателем с помощью многочисленных военных и бытовых подробностей, описания визуальных и слуховых впечатлений, воссоздания кризисного жизнеощущения героя, его отношения к смерти, а также благодаря деталям китайской жизни и культуры (китайский «подтекст»). Однако тема войны раскрывается в романе диалектически – с использованием метода столкновения противоположностей: смерть – жизнь, хаос – порядок, смерть – любовь, разорение – благополучие и др., что помогает автору показать торжество закона Бытия, смысл и ценность жизни, любви, самого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 224 с.
2. Шишкин М. Письмовник. – М.: Изд-во АСТ, 2022. – 384 с.
3. Кротова Д.В. 当代俄罗斯文学中的新现代主义思潮 (Неомодернистская тенденция в современной русской литературе) // Russian Literature & Arts / Русская литература и искусство (Пекин). – № 1. – С. 77–87.
4. Солдаткина Я.В. Неомодернистские тенденции в современной русской прозе // Материалы конференции «Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности». – Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2014. – С. 277–281.
5. Оробий С.П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – 161 с.
6. Безрукавая М.В. Неомодернизм в современной русской прозе: художественные модели мира, концепции человека, авторские стратегии. Дисс. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2019. – 389 с.
7. Кротова Д.В. Онтология смерти в романе М. Шишкина «Письмовник» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. – Т. 26. № 1. – С. 43–51.

© Дэн Си (1332348545@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ КОРМАКА МАККАРТИ «СТАРИКАМ ТУТ НЕ МЕСТО»

STYLISTIC TECHNIQUES FOR CREATING IMAGES OF CHARACTERS IN CORMAC MCCARTHY'S NOVEL "NO COUNTRY FOR OLD MEN"

D. Efimov

Summary: The purpose of this article is to analyze the use of stylistic devices and their impact on the disclosure of plot and characters of the novel "No Country for Old Men" by the English-language writer Cormac McCarthy. Such stylistic devices as irony, comparison, allusion, are considered, conclusions are formulated regarding the role of the stylistic devices used by the author, their significance in the images he created to study and analyze the stylistic techniques used in the context of their impact on the atmosphere of the work, and the characters.

Keywords: stylistic devices, linguistic features, image, work of art, English language.

Ефимов Дмитрий Константинович

Кандидат филологических наук, доцент, Шадринский государственный педагогический университет
vomifemid@mail.ru

Аннотация: Цель статьи - проанализировать употребление стилистических приемов и их влияние на раскрытие сюжета и персонажей на примере романа англоязычного писателя Кормака Маккарти «Старикам тут не место». Рассматриваются такие стилистические приемы как ирония, сравнение, аллюзия, встречающиеся в данном художественном произведении, сформулированы выводы, относительно роли использованных автором стилистических приемов, их значение в созданных им образах. Провести анализ использованных стилистических приемов в контексте их влияния на атмосферу произведения, раскрытие характеров главных героев.

Ключевые слова: стилистические приемы, лингвистические особенности, образ, художественное произведение, английский язык.

Создание художественного произведения, в котором убедительно описаны чувства, мысли и мотивы персонажей, требует от автора высокого уровня владения литературным мастерством. Фактический материал подобных произведений позволяет проводить детальный анализ выразительных способностей, содержащихся в использованной лексике. Стилистические приемы, используемые автором романа, обладают способностью усиливать прагматический эффект текста, а также отражают специфическую организацию языковых средств, с целью большей выразительности. Эмоциональная составляющая играет важную роль в художественном произведении, а использование стилистических приемов с целью её усиления способно формировать особый авторский стиль, проявляющийся в виде характерных особенностей сюжета, поступков персонажей и их описания.

По утверждению советского лингвиста И.Р. Гальперина, стилистический прием представляет собой целенаправленное усиление некоторой семантической (или структурной) характеристики лингвистической единицы. Основным признаком этого феномена, по его мнению, выступает целенаправленность использования конкретного элемента, которая противопоставляется его пребыванию в рамках языковой системы [3].

Материалом данного исследования послужили ав-

торские стилистические приемы, характеризующие главных персонажей произведения.

Актуальность данного исследования обусловлена повышенным интересом к изучению использования авторских стилистических средств в произведениях на английском языке в последнее время (Д.М. Бузаджи [2], И.Р. Гальперин [3], В.Н. Комиссаров [5]).

Научная новизна работы заключается в том, что впервые подробно описывается степень влияния стилистических приемов на раскрытие характеров в романе «Старикам тут не место» Кормака Маккарти.

Практическая значимость данного исследования обусловлена тем, что полученные результаты могут быть использованы при разработке лекционных и практических курсов по стилистике английского языка, лексикологии и переводоведении. когнитивной лингвистике и лингвокультурологии.

Цель данной статьи – провести когнитивное исследование стилистических приемов в романе Кормака Маккарти. К. Мэнсфилд.

Задачи исследования:

1. Отобрать стилистические приемы, используемые

автором для прямого или косвенного описания персонажей романа.

2. Провести контекстуальный анализ стилистических средств.
3. Прокомментировать степень их влияния на раскрытие персонажей, их внутреннего мира, сделать выводы.

Корма Маккарти - популярный американский романист, прозаик и драматург, автор сценариев к фильмам, является лауреатом Пулитцеровской премии. Роман «Старикам тут не место» был опубликован в 2005 году, а в 2007-м удостоился экранизации, за что впоследствии сам фильм получил четыре премии «Оскар», в том числе «Оскар за лучший фильм». Романа Кормака Маккарти «Старикам тут не место» [6] («No Country for Old Men») [11], действие которого происходит на границе, недалеко от техасского городка, сочетает в себе популярный американский жанр вестерна и криминального романа.

События, происходящие на страницах его романа, включают убийства, перестрелки, полицейское расследование и прочие обязательные компоненты жанра, однако авторские языковые особенности, стилистические приемы, общая концепция и замысел произведения, играют важную роль в раскрытии характера персонажей, реалистичном отражении места, где происходят основные события. Сюжет романа лихо закручен вокруг чемодана с деньгами, принадлежащими мексиканскому наркокартелю, которым случайно завладел главный герой Льюэллин Мосс, ветеран Вьетнамской войны. Его непосредственным антагонистом выступает Антон Чигур, отправленный наркокартелем для возвращения данного чемодана. Шериф Эд Том Белл, являющийся, в некотором роде, голосом автора, тщетно пытается предотвратить убийства, происходящие по ходу действия романа. Основные персонажи романа, несмотря на разные преследуемые ими цели, объединены страстью и неутомимостью к их достижению, словно связаны невидимой нитью, которую они не в силах разорвать, вступая по ходу развития сюжета произведения в жестокое противостояние друг с другом, с окружающей действительностью, нарушая в процессе своего раскрытия как персонажей, нормы, обычаи и устои этой среды, приходя в итоге к катарсису, апатии, либо смерти.

Язык и культура тесно связаны друг с другом, влияют друг на друга, а непосредственно язык выступает в качестве инструмента поддержания и передачи культуры и культурных связей. Авторское своеобразие в использовании фигур речи, аллюзий, прецедентных высказываний, идиом, которое применяется Кормаком Маккарти в романе, для выражения чувства персонажей, их отношений, эмоций и мотивов, является предметом нашего исследования. Приемы, используемые автором в романе, нередко выходят за рамки своего первоначального

значения, отличаются непредсказуемостью по смыслу, лексике и грамматике. Высказывания, лежащие в основе подобных стилистических приемов, отражают культурный фон языка, поэтому при их изучении становится возможным глубже понять культуру, лежащую в его основе.

Распространенным стилистическим приемом, которым пользуется автор произведения, является ирония. Для раскрытия мыслей персонажей, их отношения к жизни в целом, Маккарти использует различные ее виды. При помощи вербальной иронии автор показывает отношение персонажа не только к себе, но и к окружающей действительности, как например, в случае первого убийства, совершенного Антоном Чигуром:

Человек отошел от машины. Чигур по глазам видел, что у него вспыхнуло подозрение при взгляде на его забрызганную кровью фигуру, но было уже поздно. Чигур приложил руку к его лбу как знахарь. Шипение сжатого воздуха и щелчок плунжера, словно захлопнулась дверца машины. Человек беззвучно повалился на землю, из круглого отверстия во лбу бежала, пузырясь кровь заливая глаза, в которых медленно угасала жизнь. Чигур вытер руку платком. Просто не хотелось, чтобы ты забрызгал кровью машину, сказал он [6, с. 2].

The man stepped away from the vehicle. Chigurh could see the doubt come into his eyes at this bloodstained figure before him but it came too late. He placed his hand on the man's head like a faith healer. The pneumatic hiss and click of the plunger sounded like a door closing. The man slid soundlessly to the ground, a round hole in his forehead from which the blood bubbled and ran down into his eyes carrying with it his slowly uncoupling world visible to see. Chigurh wiped his hand with his handkerchief. I just didnt want you to get blood on the car, he said. [11, c.2]

«Просто не хотелось, чтобы ты забрызгал кровью машину». В этом предложении автор при помощи вербальной иронии дает нам первоначальные характеристики антагониста. Антон Чигур останавливает человека после угона полицейского автомобиля, просит мужчину выйти из машины, и убивает его из плунжера (специального устройства, используемого для забоя скота). Затем Чигур говорит труп у своих ног: «Я просто не хотел, чтобы ты испачкал машину кровью», как бы объясняя, почему он заставил его выйти из автомобиля. Эту мрачную попытку пошутить со стороны Чигура, можно истолковать как небольшую шутку над самим собой и квалифицировать как словесную иронию в том смысле, что из всех возможных логических причин убить человека снаружи машины или внутри, или моральных причин - не убивать его вообще, он в подобие оправдания приводит самую ничтожную причину своих действий - чистоту.

Еще один характерный пример вербальной иронии мы видим в описании шерифом Эдом Томом Беллом волны бессмысленного насилия, когда он приводит

конкретный пример преступления пары в Калифорнии, которая пыталась и убивала пожилых людей. Он говорит: «Вот я на днях говорил про газеты... На прошлой неделе вычислили пару в Калифорнии, которые сдавали старикам комнаты, а потом убивали их, закапывали во дворе и обналичивали их страховку. Сначала они их мучили, уж не знаю зачем. Может у них телевизор сломался [6, с.43].

What I was sayin the other day about the papers. Here last week they found this couple out in California they would rent out rooms to old people and then kill'em and bury'em in the yard and cash their social security checks. They'd torture'em first, I dont know why. Maybe their television was broke [11, с.43].

Эти, на первый взгляд, не относящиеся к основной сюжетной линии отступления, на самом деле выполняют роль маркеров психологического состояния шерифа, подводят читателя к основной мысли романа, которая вынесена в заглавие. Почему над поступками шерифа довлеет апатия, почему Эд Том приходит к мысли, что старикам действительно не место в этом новом, жестоким и непонятном им мире? Только ли наступающая старость всему виной, или нечто большее? Эд Том, пытаясь разобраться в этих абсолютно бессмысленных действиях, которые, вероятно, имеют глубокие психологические или травматические корни для преступников, предлагает объяснение: возможно, у них сломался телевизор, и им было скучно, и они искали источник развлечения. Здесь он использует словесную иронию, чтобы подчеркнуть недуги общества, управляемого и направляемого средствами массовой информации. Телевизор, как и чемодан с деньгами, предстает в виде знакового культурного феномена, неспроста он настолько часто появляется на страницах романа, что его можно считать одним из персонажей произведения. Для событий того времени, которое описывает роман, телевизор являлся новой иконой и выступал в качестве бессознательного объекта поклонения, над чем иронизировал еще Майк Джудж (Mike Judge), показывая гиперболизированные отношения с телевизором персонажей своего мультсериала Бивиса и Баттхеда. (*Beavis and Butt-head 1993-1997*).

Помимо, казалось бы, незначительных комментариев шерифа о событиях в окружающем мире, относительно внутреннего состояния Эда Тома Белла, которое показывает читателю автор, нельзя не упомянуть его высказывание «Старикам тут не место», которое произносит шериф. На наш взгляд, данная фраза является одной из ключевых в романе, неспроста она вынесена в его название. В самой фразе «Старикам тут не место» («No Country for Old Men»), используется аллюзия на поэму Уильяма Батлера Йейтса «Плавание в Византию» (Yeats W. B., *Sailing to Byzantium*), которая представляет собой цитату из первой строки поэмы:

That is no country for old men. The young
In one another's arms, birds in the trees,

Those dying generations - at their song,
The salmon-falls, the mackerel-crowded seas,
Fish, flesh, or fowl, commend all summer long
Whatever is begotten, born, and dies.
Caught in that sensual music all neglect
Monuments of unageing intellect [12, с.2].

Нет, здесь не жизнь для стариков. Она –
Для плоти юных (мы ж уйдём, мужи),
От крыльев и от трелей высь тесна,
А реки – от форели и кумжи.
Все славят – как один или одна –
Жизнь, смерть и размноженье, но скажи
Мне хоть один, как выпал из похвал
Тот интеллект, что вечное создал [8, с. 3].

Поэма посвящена путешествию старика из его родной страны в Византию. Старик описывает то, как его родина защищает молодость и жизненную силу, пренебрегая пожилыми людьми, которых он называет «памятниками нестареющего интеллекта». Он отмечает, тела могут стареть, но интеллект, остается ценным и нетронутым. Оратор в «Плавании в Византию» скорбит по своей безымянной родине, одержимый молодостью, и смотрит на Византию как на памятник традиций и святости; в глазах Бога он ожидает, что старые и умирающие должны цениться больше, чем молодые и физически здоровые.

Эд Том Белл, стареющий шериф, который давно мог бы уйти на заслуженную пенсию, выступает в виде очевидного сравнения со стариком в «Плавании в Византию», что способствует более глубокой характеристике Белла, которую Маккарти в остальном оставляет довольно скудной из-за лаконичной прозы и не эмоционального повествования. Он неоднократно цитирует вышеназванную строчку стихотворения, вынесенную в название произведения, но это не представляется читателю обычным брюзжанием старика, поскольку он, в основном, немногословен. Другими словами, когда дело доходит до выявления истинных чувств Эда Тома Белла по отношению к молодежи и молодежной культуре, он хочет, чтобы аудитория поверила, что он сострадательный и непредвзятый человек, и он вещает миру дипломатичным, скромным тоном; но тот факт, что Маккарти берет название своего произведения из этого конкретного стихотворения, дает читателям ключ к пониманию истинных чувств Эда Тома. Возможно, он чувствует себя отставшим от современности, в некоторой степени, даже утомленным быстрыми переменами в мире, не в силах уже поспеть за ними; возможно, он боится этого чувства, стремится убежать от него, хотя понимает, что время необратимо и прошлого не вернуть. К концу романа мы знаем, что многие важные решения Эда Тома в его жизни были мотивированы страхом. Уходя из полиции, Эд Том занимает ту же позицию, что и оратор в «Плавании в Византию», он отгораживает себя от проблем следующего поколения.

К примеру, драматической иронии, на наш взгляд, можно отнести ситуацию с возвращением Льюэллина. Когда он, уже с портфелем в руках, возвращается домой с места кровавой разборки картеля, Карла Джин спрашивает его, что в нем, и он небрежно отвечает, что кейс набит деньгами. Она не верит ему и отвечает: «Да уж. Это был бы денёк». Ирония этой сцены драматична в том смысле, что и читатель, и Льюэллин знают, что в портфеле на самом деле огромные деньги - 2,4 миллиона долларов, если быть точным, но Карла Джин понятия не имеет о том, что это правда, из-за того, как небрежно Льюэллин сообщает ей об этом.

Что в кейсе?

Набит деньгами.

О да. Мечтать не вредно [6, с.6].

She looked at him over the back of the sofa and looked at the television again. What have you got in that satchel?

It's full of money.

Yeah. That'll be the day [11, с.7].

Ироничность ситуации состоит в том, что в данной реакции персонажа Льюэллина, прослеживается его образ мышления — хочешь оставить что-то в тайне — скажи правду.

При помощи ситуационной иронии, автор может показать то, что невозможно передать другими средствами. В следствии того, что персонаж Чигура не отличается многословием и действует в одиночку, Маккарти применяет ситуационную иронию для большего драматизма и раскрытия персонажа. Ближе к концу романа, после того как Чигур убивает Карлу Джин и произносит свой совершенно нехарактерный для него многословный монолог о судьбе, выдавая при этом себя за агента судьбы, его на проселочном перекрестке сбивает машина, полная подростков, в результате чего он серьезно ранен. На наш взгляд это является ситуативной иронией в том смысле, что на протяжении всего романа Чигур показывал что он каким-то образом освобожден от смерти и хаоса, что особенно проявилось во время встречи с Карлой Джин, когда он представлялся подобием ангела смерти, вершителем человеческих судеб и тут, в разгар его мании величия, он сам попадает в серьезную автокатастрофу, когда его случайно сбивает машина.

Можно также отметить использование в романе аллюзий, например в отсылках автора к нескольким историям из Библии, прежде всего к книге Откровений, посвященной теме морального разложения и конца привычного образа жизни и поведения, исчезнувшего в 1960-е годы. Антон Чигур, главный антагонист романа, по замыслу автора является не просто безжалостным убийцей, без устали следующим за главным героем, а отсылкой на образ Смерти в различных культурных повествованиях, неумолимой и неизбежной.

Если автор использует аллюзии на прецедентные высказывания из менее известных источников, то с их переводом возможно возникновение сложностей. Например, в следующем примере, автор практически дословно воспроизводит слова из известной некоммерческой социальной рекламы, транслировавшейся в 70-х, 80-х годах, так называемого «объявления государственной службы» (Public Service Announcement):

No way to cross it and nowhere else to go. Well Bubba, what are your plans now? [11, с.10].

It's four o'clock in the mornin. Do you know where your darlin boy is at? [11, с.10].

Никакого шанса проскочить, а идти больше некуда.

Ну старик, и что ты теперь придумал? Уже четыре часа утра. Ты хоть понимаешь во что втянул тебя твой приятель? [6, с.10].

В оригинальной рекламе было следующее: It's 10 p.m. Do you know where your children are? Сейчас 10 часов вечера. Вы знаете, где ваши дети?

Подобные стилистические средства, используемые автором, уже вплотную приближаются к прецедентам, которые способны выступать в виде открытой системы понятий и их значений, обладая уникальной национально-когнитивной составляющей, которая состоит в том, что в ней проявляются уникальные для данного лингвокультурного сообщества представления, в которые входят не только сами представления и образы, но и коннотации связанные с ними. Именно поэтому, их перевод может быть затруднительным.

Сравнение относится к часто используемому стилистическому средству, однако именно сравнения служат отправной точкой в понимании внутреннего мира персонажей, их отношении к окружающему миру и взаимоотношениям между собой. Это можно отнести к сравнению «blue as lapis» (синие, как лазурит). За использованным Маккарти сравнением «blue as lapis» (синие, как лазурит), стоит нечто большее, чем просто цвет глаз антагониста главного героя. Когда Чигур останавливается на заправочной станции и запугивает владельца, заставляя его подбросить монету, Маккарти описывает то, что видит владелец, когда смотрит Чигуру в глаза:

Мужчина впервые посмотрел Чигуру в глаза. Синие, как лазурит. Одновременно блестящие и совершенно непрозрачные. Как мокрые камни [6, с.18].

The man looked at Chigurh's eyes for the first time. Blue as lapis. At once glistening and totally opaque. Like wet stones [11, с.19].

Это один из немногочисленных случаев авторского описания внешности Антона Чигура. В начале романа Белл отмечает пустые глаза паренька, которого он отправил в газовую камеру на казнь, опираясь на распространённое клише о том, что глаза - это зеркало души.

Описание глаз Чигура как «голубых, как лазурит», выступает в виде противоречия, используется автором как намеренный контраст с его характеристикой как несправимо злого. С одной стороны, лазурит и мокрые камни непрозрачны. Они не могут быть «окнами в душу», потому что являются сплошными препятствиями. Это усиливает отвращение Чигура к уязвимости и его неприемлемую психику. С другой стороны, лазурит - это драгоценный камень, отвечающий за пигмент ультрамарин, который, как известно, является одним из самых красивых и востребованных оттенков синего во всей истории. Его часто использовали для росписи одежд святых. В некоторой степени, Чигур и предстает перед читателем, в виде карающего ангела, забирающего души и жизни. Он не испытывает чувств к своим жертвам, а сами они, глубоко внутри, понимают и принимают свою судьбу.

Следующее сравнение, используемое Маккарти в книге, имеет, скорее, противоположное от оригинального значение. Тема гомосексуализма является, в некоторой степени, табуированной в южных штатах США, известных своими традиционными ценностями. Тем значительнее звучит выбранное автором сравнение, которое использует Льюэллин: «Queer as a Coot» (Странный как лысуха) - пренебрежительное словосочетание, употребляющееся по отношению к гомосексуалистам.

Когда Льюэллин отклоняет предложение автостоппицы переспать с ним, она спрашивает, не гей ли он (queer). Он отвечает:

Я? Да, я стопроцентный гей [6, с.77].

Me? Yeah, I'm queer as a coot [11, с.82].

Это идиоматическая фраза в форме сравнения, подразумевающая, что кто-то эксцентричен и гомосексуален. Помимо сравнения, это пример словесной иронии или сарказма, ведь Льюэллин не гомосексуал, он просто не хочет изменять своей жене с этой девушкой.

В простом сравнении: «throbbing like a Pump» (пульсирует как насос), которое на первый взгляд выглядит как сухое описание события, констатация факта, можно уловить нечто большее, на наш взгляд характеризующее определенные ключевые особенности антигероя. После перестрелки с Льюэллином, нога Антона Чигура описывается автором как «пульсирующая, как насос» [6, с.58] (throbbing like a pump) [11, с.57]. Поскольку Чигур внешне никак не реагирует на физическую боль, что отличает его от большинства людей, со стороны автора было вполне уместно описать его травмы образным языком, который вызывает в воображении механизмы и составные части машин, как будто его тело являлось бесчувственной совокупностью этих частей. Благодаря всего-лишь одному этому сравнению, читатель постигает характер Чигура, который действует как машина, заведенный механизм, лишенный чувств, эмоций и сострадания.

Еще один пример нестандартного сравнения:

«Как будто кто-то кашляет в бочку» (Like someone coughing into a barrel), который Маккарти использует при описании убийства человека, молящего о пощаде, напротив придает черты одушевленности неодушевленному предмету:

Чигур выстрелил в него три раза так быстро, что это звучало как один длинный выстрел, и большая часть верхней части его тела растеклась по изголовью кровати и стене за ним. странный глубокий пыхтящий звук. Как будто кто-то кашляет в бочку [6, с.36].

Chigurh shot him three times so fast it sounded like one long gunshot and left most of the upper part of him spread across the head-board and the wall behind it. The shotgun made a strange deep chugging sound. Like someone coughing into a barrel [11, с.36].

В то время как тело Чигура описывается с точки зрения деталей машин, его оружие описывается с точки зрения биологии. Маккарти олицетворяет звук дробовика Чигура с глушителем, производящим звук, похожий на приглушенный кашель. Описывая свое оружие в таких терминах, Маккарти как бы подчеркивает, что оно является продолжением тела Чигура. Чигур действует, в некоторой степени, в симбиозе с используемым им оружием, причем оно выступает одушевленной частью их симбола, тогда как сам Чигур — бездушный инструмент.

Сравнение «like a winter moon. Or some other kind of moon» (Как зимняя луна. Или какая-то другая луна) используется автором при описании беспокойной ночи Льюэллина мы проникаем в его внутренний мир, видим его незащищенность, уязвимость.

Когда он проснулся, по цифровым часам на прикроватном столике было 1:06. Он лежал и смотрел на потолок, а резкий свет лампы на улице заливал спальню холодным и голубоватым светом. Как зимняя луна. Или что-то в этом роде, другой вид луны. Что-то звездное и чужеродное в ее свете, с которым он чувствовал себя комфортно. Что угодно, только не сон в темноте [6, с.7].

When he woke it was 1:06 by the digital clock on the bedside table. He lay there looking at the ceiling, the raw glare of the vaporlamp outside bathing the bedroom in a cold and bluish light. Like a winter moon. Or some other kind of moon. Something stellar and alien in its light that he'd come to feel comfortable with. Anything but sleep in the dark [11, с.7].

В этом описании света лампы с точки зрения Льюэллина есть доля юмора; как будто Льюэллин сам ищет подходящие слова для описания света, он сначала предлагает сравнение с зимней луной, а затем сразу же возвращается к более смутной идее «какого-то другого вида луны». Затем он поясняет, что важен не тип луны, а скорее характеристики лунного света: что он исходит откуда-то, кроме Земли, и что он спасает Льюэллина от

сна в темноте и, таким образом, от уязвимости для всего, что крадется в темноте.

Помимо вышеперечисленных приемов, излюбленным способом описания героев, в частности шерифа Эда Тома Белла, для автора является сравнение. Например, следующие, наиболее характерные приемы:

Воплощенная порядочность. И теперь мне придется сообщать его жене пока она не узнала обо всем по этому проклятому радио [6, с.15].

Straight as a die. Now I got to go out to his house fore his wife hears it on the damn radio [11, с.15].

Мерзавцам пустили кровь как свиньям [6, с.24].

These sumbitches are bloody as hogs [11, с.24].

Бывает проснусь ночью и предельно ясно чувствую, что ничего нам так не хватает как второго пришествия Христа, которое способно замедлить этот несущийся поезд. Не знаю какая польза от того, чтобы лежать без сна и думать такие мысли. Но вот лежу и думаю [6, с.57].

I wake up sometimes way in the night and I know as certain as death that there aint nothin short of the second comin of Christ that can slow this train. I dont know what is the use of me layin awake over it [11, с.56].

Люди с которыми я общаюсь люди самые что ни на есть обыкновенные. Как говорится простонародье [6, с.71].

The people I know are mostly just common people. Common as dirt, as the sayin goes [11, с.70].

Но я бы тут же отговорился что я тупой как пограничный столб так что наверняка ты не поверил бы ни одному моему слову [6, с.100].

But I'd be the first one to tell you I'm as ignorant as a box of rocks so you sure dont want to go by nothin I'd say [11, с.98].

Как видим, стилистические приемы, используемые автором в рассматриваемом произведении, зачастую имеют разные уровни воздействия, создавая необходимый фон в романе. Как отмечает В.Н. Комиссаров, лингвистические причины трудностей состоят в несовпадении значений, «языковых картин мира» и называемых объектов, однако общие принципы устройства и функционирования всех языков позволяют находить пути преодоления этих трудностей [5, с.9].

В ходе нашего исследования, мы пришли к выводам о том, что роль стилистических средств в создании картины мира, взаимодействии персонажей между собой и окружающей действительностью не может быть переоценена, поскольку они не просто способствуют раскрытию героев и фабулы романа, делают его более красочным, запоминающимся, погружают читателя в мир описываемых событий, но зачастую становятся центральными фигурами речи, без которых языковая картина мира произведения рассыплется на составляющие. Следует отметить, что стилистические средства, использованные в романе Кормака Маккарти «Старикам тут не место» позволяют читателю глубже погрузиться в сюжет произведения, проникнуть в психологию героев, наблюдать их развитие по ходу действия романа, следовательно, прочувствовать описываемую писателем атмосферу. Полученные материалы исследования, анализ использованных автором произведения стилистических приемов, показывают, что данная тема является актуальной и привлекает внимание как стилистов, лингвистов, так и переводчиков. Использование автором разнообразных стилистических средств в тексте романа, является действенным способом погружения читателя в атмосферу юга Соединенных Штатов, мотивов действующих персонажей. Таким образом, подводя итог всему выше сказанному, можно сделать вывод, что индивидуальный авторский стиль Кормака Маккарти, используемые им различные стилистические приемы, репрезентируют богатый потенциал, заложенный в романе, что позволяют придать ему такие необходимые для жанра характеристики, как динамичность, образность, интригу, донести до читателя определенный авторский посыл. Использование подобных приемов способно создать более правдоподобную, целостную картину мира в данной среде, привычных ценностей и морально-нравственных ориентиров. В итоге, хотелось бы подчеркнуть тот факт, что исследование функций стилистических приемов имеет определенные особенности, вследствие которых их изучение и анализ могут представляться в субъективном виде, что может послужить темой для дальнейших лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. Москва: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Бузаджи Д.М. «Остранение» в аспекте сопоставительной стилистики и его передача в переводе (на материале английского и русского языков) Москва: МГЛУ, 2007. 206 с.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. Изд. 2-е, испр. – Москва: Либроком, 2012. 376 с.
4. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Москва: Гнозис, 1999. –150 с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Москва: ЭТС, 2010. 424 с.
6. Маккарти Кормак Старикам тут не место (перевод В. Минушина) / Москва: Азбука-Аттикус, 2015 г. 256 с.
7. Яковлева А.В. Американский образ жизни и американские ценности, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/articl e/n/ amerikanskiy-obraz-zhizni-i-amerikanske-tsennosti>.

8. Йейтс Уильям Плавание в Византию (перевод Г. Кружкова) Т8, 2023 г. 301 с.
9. Dalzell Tom, Partridge Eric. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English 2009. 1120 p.
10. Eble C. Slang and sociability: in-group language among college students. The University of North Carolina Press, 1996. 228 p.
11. McCarthy Cormac No Country for Old Men. United States Alfred A. Knopf, 2005 320 p.
12. Yeats W. B., Sailing to Byzantium The Poems of W.B. Yeats. A New Edition, edited by Richard J. Finneran. Copyright 1933 by Macmillan Publishing Company, renewed 1961 by Georgie Yeats. 519 p.

© Ефимов Дмитрий Константинович (vomifemid@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТ «МАТЬ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

THE CONCEPT "MOTHER" IN RUSSIAN LINGUOCULTURE

Rong Xin
Guo Li Hong

Summary: The article is devoted to the study of the concept "mother" in Russian linguistic culture based on the analysis of lexicographic sources (explanatory, etymological, synonymous and associative dictionaries).

The concept "mother" occupies a key position among the fundamental cultural and social concepts. Its semantic structure is multi-level and includes both a core with a high degree of representativeness and rich resources for word formation and combinatorics, and a periphery formed through semantic derivation from basic meanings. Derived meanings on the periphery of the concept arise through the process of semantic development and expansion of meanings.

Keywords: concept, mother, cultural linguistic, etymology, dictionary interpretation, Russian language.

Жун Синь

Цицикарский университет, Китай
1591961498@qq.com

Го Лихун

Доцент, Цицикарский университет, Китай;
Аспирант, Кемеровский государственный университет
guolihong2477@126.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию концепта «мать» в русской лингвокультуре на материале анализа лексикографических источников (толковых, этимологических, синонимических и ассоциативных словарей).

Концепт «мать» занимает ключевую позицию в ряду основополагающих культурно-социальных понятий. Его семантическая структура многоуровневая и включает ядро с высокой степенью репрезентативности и богатыми ресурсами для словообразования и комбинаторики и периферию, формируемую за счет семантической деривации от базовых значений. Производные значения на периферии концепта возникают благодаря процессу семантического развития и расширения значений.

Ключевые слова: концепт, мать, лингвокультурология, этимология, словарная интерпретация, русский язык.

Современная лингвистика рассматривает язык как культурный код нации, активно разрабатывая направление, в котором язык не просто функционирует как инструмент коммуникации и познания, но и способствует формированию культурной идентичности этноса [10].

С точки зрения лингвокультурологии, язык можно рассматривать как продукт культуры, важную ее составную часть, а также условие существования культуры. Язык является фактором формирования культурных кодов, что делает его значимым в контексте культурной эволюции [19]. Язык способствует формированию уникальных культурных образований, активно влияя на формирование и развитие культурной карты нации.

Центральным элементом лингвокультурологии является концепт, который обозначает базовую единицу лингвокультурной реальности [17]. Концепт генерируется в культуре и отражает основные и широко принятые представления о мире, которые формируются и фиксируются в памяти нации [4].

Ю. С. Степанов описывает концепт как сгусток культуры в сознании человека, именно через концепты культура становится частью ментального мира человека [15]. В свою очередь, концепты формируются в историческом процессе и хранятся в самом языке посредством опыта народа.

В контексте лингвокультурологии, концепт обычно по-

нимается как многомерное смысловое образование, которое принадлежит коллективному сознанию и выражено через язык [8]. Концепты занимают ключевое место в картине мира каждой культуры или языкового сообщества.

Таким образом, исследование концептов и их языковых реализаций позволяет более глубоко проникнуть в суть культурных процессов и понять механизмы их языкового отражения и трансляции.

Статья посвящена исследованию концепта «мать» в русской лингвокультуре. Материалом исследования послужили лексические единицы, относящиеся к концептосфере «мать» в русском языке, отобранные из лексикографических источников [11]; [12]; [13]; [14]; [15]; [18]. Применяемым в исследовании методологическим инструментарием являются логические методы дедукции и индукции, методы дефиниционного и компонентного анализа, лексикографический и структурно-семантический анализы.

В рамках современных лингвистических исследований концепт «мать» занимает одно из центральных мест благодаря своей важной роли в культурных и языковых системах различных народов. Он исследуется с разных сторон: как элемент динамики языковой картины мира, что подчеркивается в работах М. Алексеенко [1], так и в контрастивно-лингвокультурологическом аспекте [6].

Концептосферу «Мать» анализируют в корреляции с

близкими по семантике концептами, такими как «Семья», «Родители» и «Женщина», что отображено в работах многих авторов [4]; [6]; [7]. З.Я. Маркарян и Л.Э. Кузнецова исследуют пословицы и поговорки, репрезентирующие образ матери, что позволяет осветить народные представления и стереотипы, связанные с этим концептом [9]. Вербализация концепта «мать» в русской фразеологии рассматривается Р. Ани на фоне индонезийского языка, что обогащает понимание универсальности и специфичности концепта в разных языках [2].

Т. Жэнь и Н. У исследуют концепт «материнство» в контексте сравнения традиционных русских и китайских взглядов, что представляет важность межкультурного анализа и взаимовлияния языковых картин мира на представления о материнстве [7]. Е.О. Атрощенко изучает парадигматические и синтагматические отношения имени концепта «мать» в русском языке [3].

Исходя из анализа представленных источников, можно сделать вывод, что концепт «мать» представлен в лингвистических работах в разных аспектах, причем интерес к нему не угасает с течением времени. Он рассматривается в рамках различных методологических подходов, включая контекстуальный и лингвокультурологический анализы, сравнительно-исторические исследования и межкультурное сопоставление. Степень разработанности концепта «мать» в лингвистике свидетельствует о его фундаментальности и многоаспектности, что делает его продуктивным объектом для многочисленных исследований в области языкознания.

Концепт «мать» относится к категории глобальных концептов, отражающих особенности этнического мышления и культурные характеристики сообществ, говорящих на определенном языке. Российская культура, как и любая другая национальная культура, обладает уникальными характеристиками, что ведет к формированию специфического набора представлений и способов выражения феномена материнства в рамках данной культуры.

Обращаясь к этимологии исследуемого концепта, следует отметить, что концептуальное понимание категории «мать» имеет свои корни в архаическом представлении о женщине, ожидающей рождения потомства, что в древнем мировоззрении было аналогично зерну, возвращаемому землѐй. Эта связь женщины, рождения и земли образовала семантическую триаду, которая стала основой для мифологического концепта и обозначалась корнем "gen-" [18]. Это объясняет, почему во многих индоевропейских языках, включая русский, существует понятие земли и природы как матери, что находит отражение в таких выражениях, как матушка-сыра земля, мать-природа. Преобразование природы в образ матери способствовало развитию религиозных взглядов и практики поклонения матери-природе, приношения ей жертв стали

основой формирования религиозных представлений. В различных уголках мира появились уникальные интерпретации образа Великой Матери-Богини, что подчеркивает универсальность и многообразие данного концепта в различных культурных и географических контекстах.

Таким образом, концепт «мать» представляет собой первопричину и доминанту в эволюции человеческой культуры. Концептуально он связан с идеями происхождения, генерации, творения и поддержки.

Слово «мать» имеет общеславянские корни и происходит от индоевропейской этимологической базы. Этимологическая основа *mater-*, состоит из элемента *mā*, который можно связать с простыми звуками детского бормотания, а часть *-ter* представляет собой маркер, обозначающий принадлежность к определенной лексической категории. Производная форма индоевропейского слова *mātēr* трансформировалась в праславянскую *mātē-*, которая со временем стала *mātě-*, а затем претерпела дальнейшие изменения, где *ě* стало *i*. В языке Древней Руси начиная с XI века, слово фиксируется как «мати», в родительном падеже употреблялось как «матере», и в более поздней форме – «матька». Старославянский эквивалент слова представлен как *мати*, в род. падеже – «матере» [18].

В период с XI по XVII век в русском языке слово «мать» имело несколько значений: 1) мать и 2) теща или свекровь. Интересно, что первое значение включало в себя переносные употребления, указывающие на «основу, начало, источник» или «причину», что подчеркивает метафорическую и символическую важность концепта в языковом сознании [13].

К XVIII веку в русском языке произошли значительные изменения в семантическом поле слова «мать»: значение «теща» исчезло; переносные значения («основа, начало» и «причина») слились в одно, указывающее на источник или происхождение чего-либо. Также появились новые значения слова: в качестве фамильярно-ласкового обращения к женщине или девушке, титула для игуменьи или монахини, а также как синоним матицы – раковины, в которой образуется жемчуг [14].

В XIX веке лексикограф В.И. Даль отмечает слияние значений «мать» как «женщина, имеющая детей» и «самка животных, имеющая потомство» в единое определение «родительница, мама». Значения, связанные с «причиной» или «началом чего-либо», в его толковании не фигурируют, а слово «матица» употребляется преимущественно в значении «матка». Обращение «мать» теперь чаще всего применялось к зрелым женщинам, подчеркивая их возрастную категорию [5].

На рубеже XX века в словарях русского языка представлено пять дефиниций слова «мать», которые резони-

руют с ранее установленными значениями. В толковом словаре Д.Н. Ушакова утверждаются такие трактовки, как «женщина в отношении своих детей», «самка животных относительно своего потомства», «устойчивое обращение к старшей женщине», а также «форма обращения к монахине». Вновь появляется переносное значение, описывающее что-либо, что служит источником жизни или стимула для получения энергии и жизненной силы [16].

С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова расширяют некоторые из этих определений, добавляя идею о чём-то дорогом и значимом для индивида, или используя слово в качестве обращения как к пожилой женщине, так и к жене в роли матери своих детей [11].

В современных толковых словарях слово «мать» представлено следующими значениями:

1. «Мать» как женщина, имевшая или имеющая детей, бывшая родительница [11].
2. «Мать» в контексте самки животного мира, заботящейся о своем потомстве [16].
3. «Мать» как начало или причина чего-то, связанное с культурными или историческими символами [11].
4. Устаревшее употребление слова «мать» в отношении монахинь или жен духовных лиц [11].
5. Просторечное обращение к женщине, как выражение ласки и уважения, применимо как к молодым девушкам, так и к пожилым женщинам или женам, воспитывающим детей [16].

В издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля представлено большое количество локальных вариантов ласкательных форм слова «мать», демонстрирующих богатство русского языкового фольклора и диалектных особенностей: «матушка» – уважительное и ласковое обращение, а также «матушь» из Калужской области, «мотушь» из Кировской области, «матуша» из Костромской области, «матуха» из Архангельска, «матухна» из западных областей. Дополнительные ласкательные формы включают «матуня», «матуся», «матуля» с различными суффиксами, характерными для южных и западных наречий, «матя» из Рязанской области и «матика» из Тверской и Псковской областей. Встречаются также «матенка» или «матинка», «матонька» в южных и архангельских диалектах, «матынька» или «матунька» в Псковской области [5].

Употребляются и более известные формы, такие как «мамочка», «мама» и их многочисленные вариации, включая «маменька», «мамулька», «мамуля», «мамуся», «мамка» и «мамаша» с ласкательными суффиксами, которые отображают эмоциональные и экспрессивные отношения говорящего к матери. Такое многообразие наименований свидетельствует о глубоко укоренившемся характере концепта «мать» в русской языковой и культурной традиции, а также о том, как лингвистические

особенности отражают социальные и семейные связи.

Анализ морфологической структуры слова «мать» позволяет классифицировать его как одушевленное существительное женского рода, принадлежащее к третьему склонению в русском языке, способное изменяться по падежам и числам, при этом в некоторых формах проявляющее нерегулярность: в именительном и винительном падежах единственного числа слово сохраняет форму «мать», тогда как в других падежных формах используется основа «матерь» [1].

Словообразовательный анализ слова «мать» позволяет выявить, что оно лежит в основе двух уровней производных словообразований. На первом уровне мы обнаруживаем ряд слов, включая уменьшительно-ласкательные и суффиксальные производные, такие как «матушка», а также существительные «мачеха», «материнство», «матка», «матуха» и прилагательные «материн», «материнский», «матерный», «безматерный». Также к этому уровню относятся слова, сформированные с помощью приставок: «прамать», глагол «материть», а также составные номинации «мать-героиня», «мать-одиночка», «мать-и-мачеха», «богоматерь». Второй уровень словообразования содержит слова, производные от терминов первого уровня, что демонстрирует разнообразие производных, возникших в периферии концепта на основе ядерного слова.

Исследование показывает, что концепт «мать» представлен как в широком диапазоне свободных словосочетаний, так и в рамках фиксированных лексических конструкций, фразеологических оборотов, пословиц и поговорок.

Исследование ассоциативных полей концепта предоставляет информацию об устойчивых связях и представлениях, присущих носителям русского языка. Ассоциативный анализ выступает как инструмент для изучения речевого поведения и культурно-семантических коннотаций, характерных для русскоязычного сообщества.

Анализ ассоциативного словаря [12] позволяет сделать вывод, что реакции на стимул «мать» демонстрируют богатый спектр ассоциаций, среди которых наиболее частыми являются «отец» и «родная». Эти ассоциации коррелируют с лексикографически зафиксированными значениями данного слова:

- а) роль женщины как матери подчеркивается ассоциациями «мама» и «женщина»;
- б) понятие близости и ценности выражается через «родная», «дорогая» и «святая»;
- в) идея матери как источника жизни отражена в ассоциациях «жизнь» и «рождение»;
- г) значение матери в природе актуализировано через «волчиха»;
- д) понятие женщины и жены выражено словами «женщина» и «жена»;

е) обращение к пожилой матери нашло отражение в словах «старая» и «старушка».

Отсутствие ассоциаций, связанных с религией, указывает на затухание этого значения слова «мать» в современном русском языке.

Ассоциации также отражают коннотативные значения слова «мать», подчеркивая ее важность как символа силы и поддержки, отраженного в ассоциациях «героиня», «кормилица», «поддержка», «защитник», «бессмертна» и «железная женщина» [12].

Ключевые ассоциативные категории, связанные со словом «мать», включают «дом» и «очаг», «Родина» и «семья» [12].

Исследование концепта «мать» в русской лингвокультуре позволило сделать ряд выводов, отражающих глубину этого понятия в языке и культуре. Концепт «мать» прошел значительный исторический путь развития, проявляясь в разнообразных словоформах и значени-

ях, что отражает его важность в различных временных контекстах и социокультурных условиях. Семантические признаки концепта «мать» варьируются от буквального значения родительницы до метафорических и переносных значений, что свидетельствует о его глубокой интеграции в культурные и религиозные контексты русского народа. Анализ ассоциаций демонстрирует широкий спектр связей и значений слова «мать», которые включают понятия родства, происхождения, жизненной силы и культурной значимости. Ассоциативные реакции также подчеркивают роль матери как выражения близости, ценности и основы жизни.

Таким образом, концепт «мать» отражает богатство русской языковой культуры, обнаруживая множество уровней значений и оттенков, связанных как с личным семейным опытом, так и с широкими культурными и историческими измерениями. Концепт «мать», являясь динамичным и адаптивным, способен к трансформации и включению новых семантических элементов, что показывает его потенциал для описания будущих социальных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко М. Концепт «Мать» в синхронной динамике языковой картины мира / М. Алексеенко // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко / ред. кол.: М. Алексеенко (отв. ред.) [и др.]. – М.: Элпис, 2005. – С. 415-422.
2. Ани Р. Вербализация концепта «мать» в русской фразеологии (на фоне индонезийского языка) / Р. Ани // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2012. – № 152. – С. 101-105.
3. Атрощенко Е.О. Парадигматические и эпидигматические семантические отношения имени концепта «мать» в русском языке / Е. О. Атрощенко // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 1(40). – С. 173-178.
4. Буренкова О.М. Концепт «счастье» в американских пословицах и поговорках: анализ периферийной зоны / О.М. Буренкова, Э.Н. Гиляева, Л.М. Хамитова // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2016. – № 3. – С. 148-154.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1955. – Т. 2. – С. 307-308.
6. Жанпеисова Н.М. Репрезентация национальных концептосфер в картине мира казахско-русских билингвов: дисс... на соискание ученой степени доктора фил. наук / Н.М. Жанпеисова. – Актобе, 2006. – 329 с.
7. Жэнь Т. Концепт «материнство» в традиционном русском и китайском языках / Т. Жэнь, Н. У // Global Science and Innovations: Central Asia (см. в книгах). – 2021. – Т. 4, № 9 (12). – С. 40-44.
8. Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте: учеб. пособие / В.Г. Зусман. – Н. Новгород: Деком, 2001. – С. 41.
9. Маркарян З.Я. Образ матери в русской языковой картине мира (на примере пословиц и поговорок) / З.Я. Маркарян, Л.Э. Кузнецова // Семья и личность: проблемы взаимодействия. – 2021. – № 21. – С. 58-62.
10. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. – М.: Флинта, Наука, 2016. – С. 71.
11. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва: Азбуковник, 1997. – 944 с.
12. Русский ассоциативный словарь в 2 т. / под ред. Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой и др. – М.: АСТ, 2002. – Т. 1. – 784 с.
13. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 12. – СПб., 2001. – 253 с.
14. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М., 2003. – Т. 1. – 681 с.
15. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
16. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1938. – Т. 2. – С. 163.
17. Уалиева С.А. Слияние лингвистики и культурологии / С.А. Уалиева // Начала Русского мира. – 2023. – № 4. – С. 54-59.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М., 1999. – Т. 1. – 621 с.
19. Kajumov D. The imagery of spiritual concepts in teaching process expressed by Phraseological units of the English, Tatar and Turkish languages / D. Kajumov, E.M. Vildanova, I.V. Strakhova [et al.] // Man in India. – 2017. – Vol. 97, No. 3. – P. 597-609.

© Жун Синь (1591961498@qq.com), Го Лихун (guolihong2477@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА КУБИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Игнашина Зоя Николаевна

*Кандидат филологических наук, доцент, Финансовый
университет при правительстве РФ
tirroleland@mail.ru*

THE INFLUENCE OF NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS ON THE FORMATION OF THE PHRASEOLOGICAL COMPOSITION OF THE CUBAN NATIONAL VERSION OF THE SPANISH LANGUAGE

Z. Ignashina

Summary: The article examines the influence of national and cultural specifics on the formation of the phraseological composition of the Cuban national version of the Spanish language. The authors analyze how the historical, social and cultural factors of Cuba have affected the development of unique phraseological units that distinguish Cuban Spanish from other dialects and linguistic variations. The article examines in detail examples of phraseological units, their origin, semantic and stylistic features, as well as ways to integrate them into the everyday speech of the Cuban population. Special attention is paid to the analysis of the relationship between language and culture, demonstrating how the phraseological composition reflects the national character, traditions, customs and perception of the world by Cubans. The research contributes to a deep understanding of Cuba's cultural identity through the lens of language and enriches knowledge about the linguistic diversification of the Spanish language.

Keywords: analysis, semantic features, linguists, changes, structure.

Аннотация: В статье исследуется влияние национально-культурной специфики на формирование фразеологического состава кубинского национального варианта испанского языка. Авторы анализируют, как исторические, социальные и культурные факторы Кубы отразились на развитии уникальных фразеологических единиц, которые отличают кубинский испанский от других диалектов и языковых вариаций. В статье подробно рассматриваются примеры фразеологизмов, их происхождение, семантические и стилистические особенности, а также способы их интеграции в повседневную речь населения Кубы. Особое внимание уделяется анализу взаимосвязи между языком и культурой, демонстрируя, как фразеологический состав отражает национальный характер, традиции, обычаи и восприятие мира кубинцами. Исследование способствует глубокому пониманию культурной идентичности Кубы через призму языка и обогащает знания о лингвистической диверсификации испанского языка.

Ключевые слова: анализ, семантические особенности, лингвисты, изменения, структура.

Введение

Любой язык в нашем мире – это в том числе сплав уникальных фразеологических единиц, реагирующих на любые изменения в истории народа-носителя. Верования, обычаи, поведенческие особенности, национальный фольклор, войны, революции и миграция, природные особенности и даже взлеты и падения экономики – все находит отражение во фразеологии языка, трансформируется и находит свое место в его живой структуре.

Именно поэтому тема анализа семантических особенностей национального варианта языка для лингвистов не теряет своей актуальности. Фразеологизмы, представляя собой ФЕ, состоящую из двух слов и более, но чья внешняя граница находится на уровне сложного предложения, в течение продолжительного времени для зарубежных лингвистов, как европейских, так и американских даже азиатских стран, не представляли

интереса и их изучение носило, скорее, описательный характер. Сам раздел фразеологии, как указывает М.С. Карнеадо, упоминался лишь в работах по лексикологии или лексикографии [2, с. 201]. Учеными упускалась из виду возможность исследовать характер и степень воздействия политических и социальных особенностей развития и существования в определенном временном отрезке народа-носителя на возникновение, ассимиляцию и трансформацию в устойчивую ФЕ определённых ЛЕ. На наш взгляд, только изучение ФЕ позволяет полноценно исследовать степень изменений в языковой структуре сразу на двух уровнях – на историческом и современном этапе, отследить основные вехи развития самой общности, говорящей на изучаемом языке.

Как указывает в своей работе М.С. Карнеадо, фразеология, изучая все устойчивые сочетания, образующие, по сути, готовые фразеологические единицы, позволяет не только обозначить структурные отличия ФЕ национального варианта языка от языка – донора, но и найти

различия в национальных вариантах языка [2, с. 201], что позволяет утверждать о достоверности существования национальных вариантов языка – донора, а, следовательно – о вторичном подтверждении национальной идентичности, что является болезненным вопросом для бывших колоний. Например, кубинский национальный вариант испанского языка имеет существенные отличия в строении ФЕ не только от языка метрополии (Испании), но и от других национальных вариантов (например, колумбийского национального варианта испанского или мексиканского национального варианта испанского). Показательным примером могут послужить отличия в названии кубинской овсянки – птицы размером до 16 см в длину, с большими глазами, раздвоенным хвостом, спинкой оливкового цвета, коричневой головкой и желтой грудкой. Так на Кубе ее называют *juan chiví / ojón* (букв. ‘Хуан глазастый’) В Аргентине, она называется *juan chiviro*, в Пуэрто-Рико – *julián chiví* [8]. Любой язык – и национальный кубинский вариант испанского не является исключением, связан, как мы указывали выше, с историей народа – носителя, его традициями и культурой. Будучи частью языковой системы, ФЕ приобретают уникальную идеосемантику и коннотации, характерные только для данного национального варианта.

Основные результаты

Уникальность Кубы, уходящая корнями в ее историческое прошлое, привела к появлению целого пласта фразеологизмов, характерных лишь для кубинского национального варианта испанского языка. Специфичность и непереводаемость ФЕ на другие языки позволяет определять их национальную идентичность.

Политическая жизнь Кубы, как известно, на протяжении долгого времени была бурной и крайне насыщенной. В 1886 г. на Кубе было отменено рабство и чернокожие кубинцы были формально уравнены в правах с белыми. В 1893 г., в результате революционной вооруженной борьбы против испанцев под руководством Хосе Марти – известного кубинского поэта, писателя и публициста, Испания предоставила Кубе автономию. В 1898 г. началась испано-американская война, по итогам которой Куба на несколько лет перешла под контроль США, и только в 1902 г. была провозглашена, хотя и формально, независимая Кубинская Республика. В 1933 г. свергнув Х. Мачадо-и-Моралеса власть захватил Ф. Батиста, занявший в 1940 г. пост президента Кубы, а в 1952 г., в результате поражения на выборах, совершивший второй переворот и установивший военную диктатуру. Год спустя начался период вооруженной борьбы отряда Ф. Кастро против режима, развернувшийся в полномасштабную революцию. После 1 января 1959 г. наступил новый этап кубинской истории – период социалистической республики. И такая бурная политическая история не могла не отразиться на языковой структуре. Так в

кубинском языке появились образования на базе личных имен политиков: *camachismo* (от имени А. Камачо, генерального секретаря компартии Испании); *suarismo* (от имени А. Суареса, председателя правительства Испании в 1976 – 1981 гг.); *aznarismo* (от имени председателя правительства Испании в 1996 – 2004 гг. Х.М. Аснара) и др.; на Кубе – *fidelista* (1) ‘приверженец идей Ф. Кастро’; (2) ‘революционер’; *machadato* (‘связанный с диктаторским режимом Х. Мачадо-и-Моралеса, существовавшим на Кубе в 1925 – 1933 гг.’); *martiano* (‘связанный с идеями кубинского поэта-патриота Х. Марти’) и др.

Анализируя фразеологизмы в кубинском, нельзя не сказать об антропонимах и эпонимах. Антропонимы и эпонимы кубинского национального варианта испанского языка зачастую, как указывают испанисты, переходят в категорию имен нарицательных, а далее – в категорию ФЕ либо путем нулевой деривации (конверсии), либо путем аффиксации. Как отмечал известный отечественный испанист Ю. А. Рылов, данная категория, выступая важнейшим компонентом лексической системы любого языка, в то же время представляет собой самый загадочный класс слов, поскольку «все аспекты их онтологии и функционирования представляют собой целый ряд особенностей, которые отражают всю сложность и противоречивость его носителя и создателя – человека» [4, с. 310]. Как пример можно привести фразеологизм «*bajarle el changó / darle changó*», означающий, что некто сильно рассердился, впал в ярость, «мечет гром и молнии», основой которого стал антропоним *Changó* – божество нигерийской народности йоруба. Чанго (Шанго / Санго), как указывается в энциклопедии, является Духом огня, грома, молнии и войны, барабанов бата и танцев и празднований Ориша. Олицетворяющий мужскую силу, Чанго изображался в белом и красном цвете и носил короткий двусторонний топор оше (*oshe*). Основываясь на этой сложной национально – культурной базе мы лучше понимаем смысл антропонима *Changó* в корпусах испаноязычных текстов с пометкой «Куба» или «США»: «*Lo que pasa es que cuando se enfrentan a alguien, que demuestra zonas de conocimiento a las que ellos no pueden siquiera asomarse, en especial de la verdadera historia de Cuba, les da changó con conocimiento y comienzan a ehcar espuma por la boca y pistilencias por todas partes...*» (Итак, происходит следующее: когда они [представители поколения Y] встречают кого-то, кто демонстрирует такие знания, которые им даже не снились, особенно в области настоящей истории Кубы, они просто **бесятся / впадают в ярость** от этих знаний, изо рта у них начинается «идти пена» и лететь стрелы – в разные стороны...) [6].

Как отмечает кубинский лингвист А. Лауренсио Такоронте, фразеологизм «*bajarle (el) Changó*» имеет и религиозное значение: *caer en trance* – «впасть в транс» [7].

Проанализировав ответы более чем 200 информан-

тов, работы по лексикографии и фразеологии кубинского национального варианта испанского языка мы выяснили, что в основе значительного количества кубинских ФЕ лежат прецедентные имена.

Наиболее интересными с точки зрения изучения структуры ФЕ в кубинском национальном варианте испанского на наш взгляд представляются имена персонажей, о которых практически невозможно с уверенностью сказать, принадлежали ли они реальным людям или являлись частью легенд, т.е. связанные непосредственно с кубинским фольклором и традициями. Такие ФЕ чаще всего актуализируются в культурно-обусловленных языковых единицах («*morir como Cafunga*»; «*en los tiempos de Ñañá Seré*»). В качестве примера приведем кубинский фразеологизм *hay muchos Marcos Pérez en Buenavista* (букв. 'в Буэнависта много Маркосов Пересов'): *indica que un rasgo de la personalidad, generalmente negativo, de alguien también lo manifiestan otras personas* («он означает, что какая-либо черта, как правило – отрицательная, которой обладает один человек, присуща многим людям») [8]. Легенда гласит, что в 1930-е гг. в городке Буэнависта (в центральной части Острова) жил ворюшка по имени Маркос Перес. Когда его поймали и отправили за решетку, жители решили, что могут спать спокойно. Но в первую же ночь после ареста Маркоса Переса в городке произошло несколько крупных краж. Полицейский, арестовавший Переса, произнес сакраментальную фразу, ушедшую в народ и ставшую частью паремиологического фонда испанского языка Кубы: *De estos Marcos Pérez, parece que hay muchos en Buena Vista* («Кажется, таких Маркосов Пересов много в городе Буэнависта») [9]. Еще одним примером может послужить узуальный фразеологизм, образованный от фамилии известного кубинского спортсмена – Феликса де ла Каридад Карвахаль и Сото, по прозвищу «Эль-Андарин Карвахаль» (букв. «сороход Карвахаль»). Выражение *ser un andarín carvajal* (букв. «быть сороходом карвахалем») имеет два значения, первое из которых является нейтральным – *una persona aficionada a andar, quien siempre está de un lado para otro* («человек, который любит ходить пешком и постоянно перемещается из одного места в другое»). Второе значение фразеологизма имеет негативную коннотацию и в качестве синонима к нему в словаре предлагается экспрессивный этноним *palestino - quien no tiene un domicilio estable, quien siempre está cambiando de domicilio* («тот, у кого нет постоянного места жительства, кто все время меняет дом») [10].

Национально – культурной особенностью образования ФЕ в кубинском национальном варианте испанского языка можно также считать частую замену номинативного компонента ФЕ на гастрономический компонент. Алуарт Де Ля Крус М.Ф. указывает: «В кубинском варианте кастильских фразеологизмов происходит замена компонента, не выражающего гастрономического значения, на компонент, имеющий такую семантику. Например, в ка-

стильском фразеологизме «*estar en capipa*» (DFD, p. 243) (букв.: находиться в часовне; на молебне), означаемом «ожидать с нетерпением решения, исхода дела; замереть в ожидании», существительное «*capilla*» заменяется на «*salmuera - estar en salmuera*» (DEC, p. 474) (букв.: быть в рассоле), при этом значение фразеологизма сохраняется». Анализ работ известных испанистов (Н.Ф. Михеева, Алуарт Де Ля Крус М.Ф., М.С. Карнеадо и др.), а также открытых источников и СМИ показал, что мы можем говорить о несомненном влиянии на формирование структуры ФЕ такой национально – культурной особенности Кубы как культ кубинской кухни.

Подмена номинативного компонента с гастрономической семантикой нами была отмечена и тогда, когда кубинское существительное не имеет соответствующих коннотативных значений. Скажем, у кастильского существительного *pimiento* – сладкий (стручковый) перец имеется кубинский синоним – «*ají*» – сладкий (стручковый) перец. Но при этом фразеологизм «*más colorado que un pimiento*» (букв.: покраснеть, стать красным, как стручковый перец) не употребляется кубинцами. Нет в кубинском и фразеологизма «*más colorado que un ají*», поскольку слово «*ají*» не ассоциируется у кубинцев с красным цветом. Они используют другой общеиспанский фразеологизм в этом значении, а именно «*ponerse más colorado que un tomate*» (букв.: покраснеть, стать красным, как помидор) (AL12).

Частью кубинских ФЕ также выступают чисто языковые образования – имена собственные, которые получили дополнительную семантику по фонетическому сходству («*ser federico como un mico: federico = feo; me lo regaló rober-tico: roberto = robado*»). Подобные дериваты используются с целью замены табуированного понятия или оскорбления, а также для создания комического эффекта или в ироничном контексте [3, с. 158].

Весьма характерными для фразеологизмов кубинского национального варианта испанского языка являются и так называемые разговорные или «рутинные», «ритуальные» формулы (*fórmulas de conversación / rutinarias / ritualizadas*) – специальные языковые средства, обслуживающие высокочастотные бытовые ситуации, призванные обеспечить коммуникативное сотрудничество между участниками речевого акта.

Такие РФ являются минимальными независимыми коммуникативными единицами, несущими в себе интонационное, дистрибуционное, текстуальное, семантическое и синтаксическое значение и классифицируются на логические и субъективные.

К логическим РФ кубинского национального варианта испанского языка мы относим эпистемические и деонтические формулы, связанные с выражением опреде-

ленной степени сомнения в сообщаемой информации, степени уверенности говорящего, например: *¡te lo juro por ésta!* ('я клянусь тебе в этом'), *¡eso está querido ya!* ('это уже решено'), *¡coño, claro!* ('черт возьми, конечно')- эпистемические формулы; *me hace el favor y...* ('вы мне делаете одолжение и...'), *ya está bueno ya* ('ну да, хорошо, уже хорошо'); *¡vamo' chico!* (букв. 'пойдем, парень') - деонтические формулы.

Субъективные РФ выражают эмоциональную реакцию или оценочные суждения говорящего: *¡qué vacilón!*, *¡esa es dura!*, *¡echa!* (выражение радости); *¡planchao!*, *¡matao!*, *¡completo Catagüey!* (выражение удовлетворения); *¡echa!*, *¡ahí na'má!*, *¡quelecuá!*, *¡tameluco!*, *¡sirvió!*, *¡bárbaro!*, *¡volao!* (выражение одобрения); *¡recoño!*, *¡concho!*, *¡cojoyo!*, *¡me caso en diez!* (выражение гнева); *¡ay caray!*, *¡mira, caray!* (выражение разочарования); *¡cucha pa'llá!*, *¡joyé!*, *¡pa su madre!*, *¡pa su abuela!*, *¡pa su escopeta!*, *¡los fósforos!*, *¡del carajo!*, *¡de pinga!*, *¡alabao!*, *¡ay caray!*, *¡lo último de los muñequitos!* (выражение удивления, недоверия); *¡le zumba!*, *¡le zumba el merequetén!*, *¡le zumba el mango!*,

¡manda cohetes pa la escuela! (выражение досады); *¡qué jodienda!*, *¡qué salación!* (выражение отвращения).

Как видно из приведенных примеров, все РФ имеют четко выраженную национальную специфику, крайне разнообразны по своему составу и форме и представляют немалый интерес для изучающих особенности национальных вариантов испанского языка.

Заключение

Учитывая богатое прошлое кубинского острова: колонизацию, войну за независимость, построение социалистического, а позже – демократического государства, извечную борьбу с богатым влиятельным соседом, стремящимся вернуть себе утраченное – США, и противопоставление кубинцев американцам, мы смело можем назвать именно кубинскую историю одной из самых главных особенностей, которая повлияла на формирование кубинского национального варианта испанского языка в целом и фразеологических единиц в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алуарт де ля Крус, Маэ Флорентина. Этнокультурные особенности кубинских фразеологизмов в сопоставительном аспекте [Текст] / М.Ф. Алуарт де ля Крус // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. - 2010. - № 2 (12). - С. 137-141.
2. Карнеадо, Море Соила. Номинативные и коммуникативно-функциональные свойства фразеологизмов-идиом в кубинском варианте испанского языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.05. - Москва, 1984. - 201 с.
3. Игнашина З.Н., Михеева Н.Ф. Функциональные особенности кубинских фразеологизмов: разговорные формулы. // Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». - Серия: Гуманитарные науки №11-2 ноябрь 2019 г. - с.158-160
4. Рылов Ю.А. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов. - Монография. — Воронеж: Издательство ВГУ, 2010. — 310 с.
5. Синицына Д.И. Еда как составляющая русского / советского культурного кода новейшей кубинской прозе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. №24 (710). – С. 449-456
6. [http://lema.rae.es/damer/ Corpus del español](http://lema.rae.es/damer/Corpus%20del%20espa%20ol): <http://lageneraciony.com/?p=274&cp=all>
7. Laurencio Tacoronte 2012: 142
8. <http://lema.rae.es/damer/>
9. <https://www.todocuba.org/donde-viene-refran-cubano-muchos-marcos-perez-buena-vista/>
10. Sánchez-Boudy 1999.

© Игнашина Зоя Николаевна (tirroleland@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ДИСКУРСИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ МЕДИАТОРА

Киндеркнехт Анна Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова
a_kinderknecht@mail.ru

TO THE ISSUE OF DISCURSIVE PROFESSIONAL DEFORMATION OF A MEDIATOR

A. Kinderknecht

Summary: The article is devoted to the phenomenon of professional deformation. The definition of discursive professional deformation of a linguistic personality is given. The changes in the mediator's communicative behavior after a long period of professional duties are evaluated. The discursively relevant manifestations of the professional mediator that persist in his communicative behavior outside the profession are examined.

Keywords: professional deformation, mediation discourse, professional discourse, mediator, linguistic personality.

Аннотация: Статья посвящена явлению профессиональной деформации. Дается определение дискурсивной профессиональной деформации языковой личности. Оцениваются изменения в коммуникативном поведении медиатора, которые возникают в результате длительного выполнения профессиональных обязанностей. Рассматриваются дискурсивно релевантные проявления профессионального медиатора, которые сохраняются в его коммуникативном поведении вне профессии.

Ключевые слова: профессиональная деформация, дискурс медиации, профессиональный дискурс, медиатор, языковая личность.

Введение

Взаимосвязь языковой личности и создающего ее профессионального дискурса – актуальный вопрос современных когнитивно-дискурсивных исследований [6–11; 13–16; 19; 25–26; 30; 38; 40 и др.]. Профессиональный дискурс формирует типовой языковой представителя отдельного профессионального сообщества в определенной коммуникативной среде, в то же время языковая личность, получая профессиональные знания, взаимодействуя с профессиональными языковыми личностями, принимая и присваивая нормы и стереотипы коммуникативного поведения и нацеливаясь на реализацию общих профессиональных целей, формирует профессиональный дискурс.

В процессе становления в дискурсе, в ходе приобщения к профессиональным ценностям языковая личность начинает себя проявлять дискурсивно, то есть в соответствии с ожиданиями профессионального дискурса как «особой коммуникативной среды, порождаемой целеполаганием субъектов, специфичной по тематике, оформляемой в соответствии с условиями общения и наполненной определенными языковыми единицами разного уровня обобщения, позволяющими успешно реализовать поставленные коммуникативные цели» [14, с. 28]. Дискурсивные проявления профессиональной языковой личности нередко сохраняются в ее коммуникативном поведении и вне профессиональной деятельности.

Настоящая статья посвящена дискурсивной про-

фдеформации языковой личности медиатора – независимого посредника в переговорах конфликтующих сторон. Медиация – «новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов» [2, с. 31] и актуальная профессиональная деятельность, связанная с альтернативным разрешением споров. Основной участник дискурса медиации – медиатор, специалист, привлекаемый конфликтующими сторонами в качестве третьей стороны для нейтрального урегулирования возникших разногласий. Медиатор – представитель активно развивающейся в России помогающей (социономической) профессии, то есть «профессии, предполагающей в процессе деятельности общение типа “человек – человек” (например, продавец, учитель, менеджер, юрист и т.д.)» [41, с. 186]. Профессия медиатор относится также к «коммуникативным профессиям» [42], «от профессионального общения медиатора зависит эффективность его деятельности, а коммуникативные практики медиатора связаны с умением отбирать оптимальные языковые средства для достижения необходимого результата коммуникации в ситуации конфликта» [28, с. 87]. Коммуникативные стратегии, к которым приобщается медиатор, отличаются от коммуникативных стратегий других помогающих профессий [28] и не могут не сказываться на коммуникативном поведении медиатора вне профессии.

Профессиональная деформация личности

Профессиональная деформация личности – это «изменение свойств личности, вследствие длительного выполнения обязанностей, непосредственно связанных с профес-

сиональной деятельностью» [3, с. 7]. Как пишут А.В. Сечко и С.Г. Шилова, «в подавляющем количестве и качестве проведенных на сегодняшний день исследований очевидна непосредственная связь личности с изучением ее деформаций в профессиональной деятельности [39, с. 939].

Как правило, профдеформации связывают с негативными изменениями в профессиональном развитии личности [21; 33 и др.], отчасти, возможно, это связано с тем, что в научной литературе термины «профессиональная деформация», «профессиональная дезадаптация», «профессиональное выгорание» и «профессиональная деструкция» употребляются как синонимичные. Однако все же исследователями признается, что если «любая профессиональная деятельность уже на стадии освоения, а в дальнейшем при регулярном выполнении деформирует личность» [24, с. 92], то не всегда эти деформации суть негативные изменения. Профессиональная деформация, как отмечают исследователи, – «закономерно развивающийся комплексный феномен адаптивного (конструктивного) и деструктивного характера», то есть это не только негативное явление, которое «необходимо профилировать и корректировать», профдеформацию следует рассматривать и как «необходимый комплекс приспособлений к особенностям трудовой деятельности» [29, с. 145–146]. В связи с проявлениями профессиональной деформации говорится также о накоплении как отрицательных, так и положительных навыков в профессиональной деятельности [17, с. 13].

Думается, что в термине «профессиональная деформация» (профдеформация) приставка де- скорее указывает на «искажение», чем на «отрицание» и «отсутствие» как значения, приближающие наше понимание профессиональной деформации к депрофессионализации и профессиональной деструкции. С.П. Безносков употребляет производное от «(де-)формации»: «Профессиональная деятельность оказывает более мощное (де-)формирующее воздействие на личность работника по сравнению с непрофессиональными видами деятельности и приводит к не случайным, но закономерным различиям в профессиональных типах личности» [5, с. 168]. Как пишет А.А. Шатов, «нельзя отрицать, что в процессе становления и совершенствования специалиста происходит перестройка личностных конструктов в определенном направлении для того, чтобы адаптироваться к профессиональной среде» [45, с. 165–167]. Феномен профессиональной деформации следует понимать как «приобретение человеком в результате работы в данной профессии некоторых особенностей взгляда на мир и поведение (стереотипы, привычки), которые могут проявляться не только в профессиональной деятельности, но и вне ее» [23, с. 57–58].

Проблема профессиональной деформации приобретает особое значение в дискурсивных исследованиях.

Наряду с определенным уровнем изученности явления в психологии [5; 21; 23; 33; 43 и др.], наблюдается недостаточная его проработанность в лингвистических исследованиях, в частности в теории профессионального институционального дискурса. В психологических исследованиях только упоминается о коммуникативных искажениях, связанных с профдеформацией личности. Например, Л.Р. Аптикиева пишет об изменениях на уровне речи, стиля и внешнего образа человека – «осанка, походка, манера речи, применение специфических терминов, конструктивных фраз» [3, с. 8], другие исследователи отмечают коммуникативную компетентность и относят ее к психологическим качествам личности человека [35], во многих исследованиях обращается на важность умений профессионального общения. Коммуникативные искажения в дискурсивных проявлениях языковой личности, сохраняющиеся вне профессионального дискурса, остаются пока малоисследованными. Разумеется, изучение этого явления возможно в точечных исследованиях, посвященных тому или иному профессиональному дискурсу.

Дискурсивная профдеформация языковой личности медиатора

С учетом изложенного выше определим дискурсивную профессиональную деформацию языковой личности через ее коммуникативное поведение, которое рассматривается как «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [36, с. 23]. Дискурсивная профессиональная деформация – это изменения в коммуникативном поведении языковой личности, возникающие в результате длительного выполнения профессиональных обязанностей и проявляемые как внутри, так и вне профессионального дискурса. Указанные изменения возникают в процессе и результате воздействия условий труда, опыта и ближайшего профессионального окружения и под влиянием формирующегося профессионального самосознания.

Становление медиатора в дискурсе медиации связано с его автопроектированием в профессиональной деятельности и формированием так называемого «встроенного медиатора», когда «профессиональные ценности, преломляясь через призму индивидуального опыта обучения и индивидуальную профессиональную практику, входят в психологическую структуру личности» [27, с. 212]. Дискурсивная практика медиатора сказывается на дискурсивно релевантных проявлениях языковой личности медиатора, которые могут расцениваться в качестве маркеров медиатора вне профессионального дискурса медиации.

Если профессиональную деформацию у следователя

определяют как подозрительность, у оперативного работника – как актуальную агрессивность, у адвоката – как профессиональную изворотливость, у прокурора – как обвинительность [12, с. 23], то профессиональную деформацию у медиатора можно определить через понятие договороспособности.

Договороспособность – способность договариваться, приходиться к соглашению путем переговоров – называют «менталитетом сотрудничества» [44, с. 38]. Как отмечает Н.В. Гордийчук, категорический императив медиации – это «необходимость договариваться и в любых обстоятельствах стремиться к взаимному пониманию», данное требование к медиатору «порой играет роль не только профессионального, но и жизненного кредо медиатора, которое он применяет и за пределами строго ограниченного пространства медиативной процедуры» [18, с. 42].

Договороспособность медиатора тесно связана с асертивностью поведения. В психологии асертивность «ассоциируется с такими качествами личности, как целеустремленность, уверенность в себе, самостоятельность, независимость, инициативность, самоконтроль, эмоциональная стабильность, настойчивость, напористость, решительность, требовательность к себе и другим, рефлексивность, умение доводить начатое дело до конца», под асертивным поведением понимают «самоутверждающее поведение, обусловленное субъектностью личности, выражающейся, прежде всего, в самостоятельности, независимости от других и обстоятельств, в умении отстаивать свои права и мнение при самоуважении и уважении к другим людям» [31, с. 127–128]. Применительно к дискурсивным проявлениям языковой личности медиатора это способность открыто, не замалчивая, отстаивать свои интересы без ущемления партнера. Для медиатора умение посмотреть на ситуацию со стороны сочетается с умением принять другого человека «с его сильными и слабыми сторонами, недостатками и достоинствами» (безусловное уважение) [44, с. 54].

Договороспособность и асертивность – дискурсивно-релевантные качества личности медиатора. В коммуникативном поведении эти качества проявляются, например, в настроенности на диалог, так как «стратегический язык медиации – это язык диалога, а не язык монолога, он обеспечивает возможность для сторон не только внятно сформулировать собственное видение ситуации и выразить свою позицию, но и услышать друг друга», диалог «отражает настрой на конструктивное взаимодействие» [22, с. 59].

Описывая язык медиации, профессиональные медиаторы прибегают к метафорам М. Розенберга, выделяющим два типа языка коммуникации: язык Волка и язык Жирафа [37]. Резюмируя эти два типа языка, Е.Н. Ива-

нова пишет: «Язык Волка – язык оценок и требований. Волк строит классификации, иерархии, не берет на себя ответственность, обвиняет других и старается их заставить. Волк стереотипен, “всегда прав” и добивается “правды”, при этом сомневается в себе и чувствует себя ущемленным. Испытывая страх, вину, стыд, Волк поспешно реагирует словами, дает советы, старается срочно разрешить проблему и тем самым может разрушить коммуникацию»; «Язык Жирафа – язык наблюдения, понимания, эмпатии. Жираф отвечает за свои чувства и действия, не берет на себя ответственность за чувства другого, а сопереживает ему, старается понять свои чувства и чувства другого, уважает других и не ломает их “под себя”. Для Жирафа Волк – тоже Жираф, только с лингвистическими проблемами» [22, с. 59]. Используя эти метафоры, Е.Н. Иванова определяет язык медиатора как ненасильственный язык Жирафа: «Язык медиации основан прежде всего на объективном описании, а не на диагностике и оценке сказанного сторонами» [22, с. 59].

Асертивное поведение медиатора, в частности, умение отстаивать свое мнение при уважении к другим людям, проявляется в использовании техники эффективной коммуникации «я-сообщение», которую медиатор часто разъясняет сторонам. «Я-сообщение» – это «обращение, в котором человек без обвинения и давления сообщает собеседнику о своем состоянии, чувствах и желаниях» [20, с. 25]. «Я-сообщение» позволяет избежать обесценивания, упрёка, давления, манипуляции. Например, вместо фраз *Ты меня завел* или *Ты меня никогда не понимала* с иллюквативной силой обвинения, упрёка и перлюквативным эффектом противостояния, так как в ответных репликах другая сторона чаще всего будет обороняться, сообразно с техникой «я-сообщения» следует сказать сначала о себе, причем иногда с выражением положительной информации даже при негативной ситуации: *Мне плохо, когда я слышу в свой адрес ...* (без перехода к обвинению); *Я ценю твою заботу, но мне неприятно слышать ...* Ю. Дубинина, описывая правила «я-сообщения», отмечает, что «я-сообщение» может высказываться как субъективная точка зрения (например, *не твоя татуировка ужасна, а мне не нравятся татуировки*), «я-сообщение» с элементами критики должно содержать инструкцию, в которой сообщаются ожидания от партнера (*Я расстраиваюсь, когда вижу немытые тарелки. Пожалуйста, помой после себя посуду*), «я-сообщение» может быть сформулировано как открытая просьба (*Я обращаюсь к тебе с просьбой... вместо Надо бы...*) [20, с. 26]. Здесь иллюкуция «сообщение о своем отношении к событию (сказанному)», не затрагивающая личность собеседника, сочетается с перлюкуцией сотрудничества и содействия. Практикующие медиаторы в своей повседневной практике общения не могут отказаться от техники «я-сообщения». Здесь сказывается не только отработанный навык, но и понимание преобразующего эффекта данной техники в конфликтной ситуации.

В дискурсивной практике медиации типичными для медиатора являются вопросы. Постановка вопросов является «базовым инструментом медиатора» [1, с. 59], медиатор «преимущественно использует язык вопросов, а не язык утверждений» [22, с. 59]. К дискурсивной профессиональной деформации медиатора относится способность задавать вопросы, которая нередко в повседневной коммуникации, согласно замечаниям самих медиаторов, трансформируется в навык ответа вопросом на вопрос.

Дискурсивно релевантными в коммуникативном поведении медиатора являются навыки слушания, в частности, активное слушание. А.Н. Азарнова пишет по этому поводу: «В силу принципов и правил медиативных переговоров, делающих акцент на активности сторон в поиске решения конфликта, активному слушанию в медиации отдается приоритет над постановкой вопросов. Медиаторы, активно использующие техники активного слушания и задающие сравнительно мало вопросов, как показывает практика, более успешны по сравнению с медиаторами, экспансивными в постановке вопросов и уделяющими мало внимания таким мелочам, как выслушивание сторон» [1, с. 59]. Таким образом, дискурсивная профессиональная деформация медиатора касается его умения выслушать собеседника.

В аспекте слушания своеобразным маркером коммуникативного поведения медиатора выступает формула *правильно ли я понимаю*, которая в инструментах медиатора называется «петлей понимания» (looping) [4, с. 197] и которую медиаторы между собой сокращенно обозначают ПЛЯП – от первых букв фразы *Правильно Ли Я Понимаю...* [32, с. 71]. Формула используется обычно на разных этапах медиативной сессии в начале реплик медиатора. Медиатор таким образом дает обратную связь, уточняя правильность понимания сказанного одной из сторон (сторонами). После формулы ПЛЯП медиатор повторяет или резюмирует сказанное в конструктивном ключе, выделяя факты и интерпретации, а также обращая внимание на эмоции, возникающие, когда стороны интерпретируют факты. В повседневной коммуникации дискурсивная профессиональная деформация медиатора относится к активному использованию вопросов-уточнений: *Правильно ли я понимаю, что...?*

Самоконтроль медиатора в ассертивном поведении делает его очень внимательным к своим словам. В практике общения с медиаторами отмечается отсутствие в речи медиаторов конфликтогенов, и в целом, медиаторы взвешивают каждое слово, при этом темп речи от этого не меняется. Сформированный медиатор говорит, как правило, энергично, с нормальной скоростью, избегая того, чтобы стороны скучали или отвлекались. Вместе с тем медиатор не тараторит, говорит в нормальном темпе. Профессиональная роль медиатора как участни-

ка дискурса медиации предполагает, чтобы всё, что говорит медиатор, было смыслообразно, понятно для других участников медиации. Наблюдения показывают, что у профессиональных медиаторов хорошая дикция, все слова произносятся отчетливо, непонятные слова с готовностью разъясняются.

К невербальным проявлениям дискурсивной профессиональной деформации медиатора относятся сдержанная жестикаляция и эмоциональная непроницаемость мимики – дискурсивно релевантные признаки, отмечаемые самими медиаторами. Самоконтроль и саморефлексия невербального поведения в рамках профессии автоматически переносятся в повседневную коммуникацию.

Профессиональная деформация медиатора, отражающаяся на специфике его коммуникативного поведения не только в профессиональной деятельности, но и за пределами профессиональной сферы, не нуждается в коррекции, если она не является чрезмерной, то есть «доходящей до деструкции личности (т. е. разрушения ее значимых качеств и характеристик), приводящей к ухудшению профессиональной эффективности, стереотипизации мышления, снижению обучаемости, разрушению социальных связей, ощущению избранности, вседозволенности и другим негативным проявлениям» [34, с. 400].

Заключение

Медиация как профессиональная деятельность оказывает воздействие на языковую личность медиатора и приводит к перестройке личностных конструктов, в частности, в направлении коммуникативной компетентности нейтрального посредника в конфликтных переговорах. В результате длительной работы в профессии происходит изменение вербального и невербального поведения медиатора, и эти изменения как дискурсивно релевантные проявления языковой личности сохраняются вне профессиональной деятельности. Обнаруженные маркеры дискурсивного проявления медиатора позволяют идентифицировать медиатора среди представителей других помогающих профессий и оценить профессиональную деформацию языковой личности медиатора.

Профессиональную деформацию медиатора можно определить через укорененные в профессиональном сознании медиатора понятия договороспособности и ассертивности, которые репрезентируются в ряде коммуникативных приемов, используемых медиатором: коммуникативная техника «я-послание», вопросы как специальные инструменты медиатора в активном слушании, формула петли понимания ПЛЯП. Дискурсивная профдеформация медиатора относится к самоконтролю в выборе слов и фраз, к саморефлексии невербального поведения.

Рассмотренные дискурсивно-релевантные маркеры медиатора с точки зрения социума не могут расцениваться как негативные, но представляют собой изменения, характеризующие дискурсивную профдеформацию языковой личности. Перспективным направлением исследования может быть отдельное рассмотрение профдефор-

мации базовой специальности медиатора: профессии медиатора обучаются юристы, психологи, педагоги, управленцы и представители других профессий, при этом в процессе обучения и в практике медиации дискурсивно релевантные проявления базовых профессий могут мешать профессиональной эффективности медиатора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарнова А.Н. Медиация: искусство примирять: технология посредничества в урегулировании конфликтов. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 288 с.
2. Аллаhverдова О.В. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. 9. – № 4. – С. 31–49.
3. Антикиева Л.Р. Психолого-педагогические причины деформации личности учителей средней общеобразовательной школы // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2021. – № 4 (232). – С. 6–17. – DOI: 10.25198/1814-6457-231-6.
4. Арпентьева М.Р. Медиация как альтернативное разрешение споров // Перспективы психологической науки и практики: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф.; Москва, 16 июня 2017 г. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та дизайна и технологии», 2017. – С. 193–200.
5. Безносос С.П. Профессиональные деформации личности // Вестник Санкт-Петербург. ун-та МВД России. – 2012. – № 3 (55). – С. 167–171.
6. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2009. – 39 с.
7. Беспмятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1994. – 19 с.
8. Бондаренко Е.Н. Языковая личность пожарного: коммуникация в условиях чрезвычайных ситуаций. – М.: Акад. Гос. противопож. службы Мин-ва РФ по делам гражд. обороны, чрезв. ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2019. – 100 с.
9. Бузинова Л.М. Языковая личность преподавателя высшей школы (на материале русской и немецкой лингвокультуры): дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2020. – 397 с.
10. Бушев А.Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 47 с.
11. Волкова Е.В. Профессиональная языковая личность врача в медиадискурсе (коммуникативно-прагматический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2021. – 264 с.
12. Воробьева М.А. Профессиональная деформация специалистов и ее профилактика // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 2. – С. 22–27.
13. Гагарина Е.Ю. Коммуникативное поведение языковой личности виртуального врача в медицинском интернет-форуме: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2016. – 25 с.
14. Галич Г.Г., Клэстер А.М. Профессиональный дискурс как среда функционирования категорий мышления // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2018. – № 6 (416). – С. 28–35.
15. Голованова Е.И. Профессиональная языковая личность уральского рабочего // Культура провинции: сб. науч. ст. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. – С. 73–75.
16. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2013. – № 1 (292). – С. 32–35.
17. Гончарова Н.А. Психологические закономерности зависимости профессиональных деформаций личности от стадий профессионального развития // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер. Педагогика и психология. – 2018. – № 3. – С. 11–18.
18. Гордийчук Н.В. Трансформативная медиация: основные понятия и установки // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19. – № 2. – С. 41–48.
19. Гуреева А.А. Социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014. – 18 с.
20. Дубинина Ю.А. Медиатор. – М.: Проспект, 2021. – 224 с.
21. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 336 с.
22. Иванова Е.Н. Язык медиации // Медиация: современность, инновационность, технологичность: материалы междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 16 апреля 2019 г. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2019. – С. 58–62.
23. Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. – СПб.: Питер, 2011. – 224 с.
24. Кантимирова Ю.П. К вопросу о профессиональной адаптации и профессиональной деформации личности // Вологодские чтения. – 2009. – № 75. – С. 91–94.
25. Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса: на материале игровых программ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.
26. Касимханова А.Ф. Языковая личность регионального телеведущего в контексте телевизионного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2015. – 22 с.
27. Киндеркнехт А.С. Аксиология коммуникативного поведения медиатора: монография / науч. ред. В.И. Карасик. – М.: Знание-М, 2023. – 244 с.
28. Киндеркнехт А.С. Помогающий статус коммуникативной профессии медиатора // Евразийский гуманитарный журнал. – 2023. – № 3. – С. 85–96.
29. Корнеева Я.А., Кузнецова О.Е., Тункина М.А. Исследование профессиональной деформации личности во взаимосвязи с профессиональным самосознанием у сотрудников органов внутренних дел // Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров к профессиональной деятельности в экстремальных условиях: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 14 мая 2021 года. – СПб.: Санкт-Петербург. ун-т Гос. противопож. службы Мин-ва РФ по делам гражд. обороны, чрезв. ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 145–152.

30. Косякин И.В. Типология языковой личности телевизионного спортивного комментатора: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2014. – 22 с.
31. Лебедева И.В. Развитие ассертивности и ассертивного поведения личности // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 127–132.
32. Манина И.И. Медиация в профессиональной деятельности: урегулирование споров. – [б. м.]: Издательские решения, 2022. – 120 с.
33. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. – 308 с.
34. Медиация: учебник / под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осинковского. – СПб.: Изд-во журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016. – 470 с.
35. Особенности взаимосвязи социофессиональных и личностно-коммуникативных характеристик судебных приставов / Д.В. Карелин, Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова, П.А. Трусов // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2016. – № 410. – С. 172–178. – DOI: 10.17223/15617793/410/28.
36. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука. – 2006. – 193 с.
37. Розенберг М. Язык жизни. Ненасильственное общение. – М.: София Медиа, 2015. – 205 с.
38. Сергеева О.В. Языковая личность педагога: статика и динамика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2013. – 20 с.
39. Сечко А.В., Шилова С.Г. Детерминанты профессиональных деформаций военнослужащих // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сб. материалов Всерос. симпоз. психологов с междунар. уч.; Рязань, 09–10 апреля 2020 года. – Рязань: Акад. права и управления Федер. службы исполнения наказаний, 2020. – С. 938–943.
40. Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2005. – 53 с.
41. Сорокоумова С.Н., Исаев В.П. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С. 186–190.
42. Тимофеев В.П. Профессиональное общение и его развитие с помощью видеотренинга: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1994. – 42 с.
43. Фонарев А.Р. Психологические особенности личностного становления профессионала. – М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та, 2005. – 558 с.
44. Шамликашвили Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. – М.: Изд-во ООО «Межрег. центр управленч. и полит. консультирования», 2017 б. – 77 с.
45. Шатов А.А. Профессиональная деформация и профессиональная адаптация личности // Форум. – 2018. – № 3(15). – С. 165–167.

© Киндеркнехт Анна Сергеевна (a_kinderknecht@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРА В РОМАНАХ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА ДЖ. К. РОУЛИНГ

Киселёва Ирина Дмитриевна

*Аспирант, Государственный университет просвещения,
(г. Мытищи)
kiselyova-i.d@yandex.ru*

EMOTIVE VOCABULARY AS GENDER'S REPRESENTATION IN THE DETECTIVE NOVEL

I. Kiseleva

Summary: Aim. The aim of the article is to prove the hypothesis that gender can be represented with the help of emotive vocabulary and there are gender peculiarities that influence emotive vocabulary.

Methodology. The material for the study was the contemporary detective novels "The Cuckoo's Calling", "The Silkworm" written by R. Galbraith (a penname of J.K. Rowling). A continuous sampling method is used to collect examples of emotive vocabulary: endearment words, interjections, intensifiers, obscene words, vocabulary indicating an emotional state and assessment; analysis and synthesis were used to study the results; comparative analysis was applied to identify differences between masculine and feminine types of gender.

Results. The analysis showed that emotive vocabulary reflects gender in the text and the results obtained depict differences between masculine gender and feminine gender. Women often use affectionate words and vocabulary indicating an emotional state and assessment, men often use intensifiers. It is also important that women choose a literary language, and men choose obscene words.

Research implications. The findings contribute to the gender linguistic researches and knowledge about gender representation and can be used in lexicology, stylistics and text linguistics.

Keywords: gender, gender linguistics, emotive vocabulary, communication space, woman, man, masculinity, femininity, detective novel, J.K. Rowling.

Аннотация: Цель. Подтвердить гипотезу о том, что гендер находит выражение в эмотивной лексике в речи героев романов детективного жанра, а также существует гендерная специфика выражения эмоций в речи.

Процедура и методы. Материалом исследования послужили современные романы детективного жанра, написанные Дж. К. Роулинг под мужским псевдонимом Р. Гэлбрейт ("The Cuckoo's Calling", "The Silkworm"). В данной статье применён метод сплошной выборки для сбора эмотивной лексики: уменьшительно-ласкательных слов и обращений-димиутивов, междометий, интенсификаторов, сниженной лексики, а также лексики, указывающей на эмоциональное состояние и оценку; изучение полученных результатов осуществлено с помощью методов анализа и синтеза; с целью выявления различий между мужским и женским видами гендера применён сравнительный анализ.

Результаты. Исследование позволило определить, что эмотивная лексика в романах обусловлена гендером персонажей, на основе рассмотренной лексики, количественного подсчета и анализа тональности сделан вывод о том, что женские персонажи обладают фемининными и маскулинными чертами, в то время как подавляющее большинство мужских персонажей в детективных романах Дж. К. Роулинг наделено маскулинными чертами, что указывает на то, что, в целом, автор следует стереотипам о маскулинности и фемининности.

Теоретическая и практическая значимость. Сделанный вывод вносит вклад в развитие гендерной лингвистики и знаний о средствах выражения гендера и может быть использован в курсе лексикологии, стилистики и лингвистики текста.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, эмотивная лексика, коммуникативное пространство, женщина, мужчина, маскулинность, фемининность, детективный жанр, Дж. К. Роулинг.

Введение

В современном обществе происходит трансформация гендерных ролей, что оказывает влияние на репрезентацию гендера в языке и обосновывает возрастающий интерес к нему ученых-лингвистов. В настоящее время гендер рассматривается в аспекте психолингвистики, социолингвистики и лингвокультурологии [1], широко исследуется в политическом дискурсе, интернет-коммуникациях и медиадискурсе.

Наполнение понятия «гендер» постоянно меняется, что находит отображение и в литературе. Интересом данной статьи является выражение гендера в детективном жанре средствами эмотивной лексики. Психологические исследования свидетельствуют о том, что между мужчинами и женщинами есть различия на уровне эмо-

ций, которые влияют на язык [2].

Актуальность данной работы состоит в том, что существует повышенный интерес к жанру детектива [3], о чём свидетельствует появление большего количества серий детективов. Детективный жанр может отражать общество, реалии современного мира, а также социальные роли людей. В то же время данный жанр остаётся малоизученным с точки зрения особенностей выражения в нём гендера. Научная новизна статьи состоит в том, что дополнен инструментарий исследований способов изучения гендера с помощью эмотивной лексики и предложено применение анализа тональности речи персонажей в серии детективного жанра определенного автора.

В данной работе ставится цель – изучение гендерно обусловленной эмотивной лексики в детективных

романах Дж. К. Роулинг. Для достижения поставленной цели в качестве материала исследования были выбраны романы детективного жанра Дж. К. Роулинг, пишущей под мужским псевдонимом Р. Гэлбрейт: "The Cuckoo's Calling" "The Silkworm".

Методом сплошной выборки были отобраны уменьшительно-ласкательные слова и обращения-диминывы, междометия, интенсификаторы, лексика, указывающая на эмоциональное состояние и оценку.

Далее был проведён анализ и синтез полученных результатов, а также сравнение частоты использования эмотивной книжной, нейтральной и сниженной лексики мужчинами и женщинами.

Понятие «гендер» и особенности гендерных различий

Термин «гендер» следует отличать от такого понятия, как «пол», который представляет биологическое явление, отображающее биологические различия между мужчинами и женщинами. Гендер представляет собой социальное явление, указывающее на психологические, общественные и культурные различия между людьми [4, с. 6].

В настоящее время насчитывается около 60 гендеров [1, стр. 114], и границы между ними размыты. Различают бинарную и небинарную (гендерквир) классификации гендеров. Бинарную классификацию составляют мужской гендер, связанный с маскулинностью (мужские черты поведения и психики), и женский гендер, выражающий фемининность (женские психологические и поведенческие особенности). Сейчас вне бинарной классификации выделяют андрогинный гендер, если проявляются и маскулинные, и фемининные черты [5].

В данной работе рассматриваются основные два гендера и ситуации, когда гендер совпадает с полом (мужской гендер – мужчина, женский гендер – женщина), а также трансгендер с учётом личной идентичности человека.

Различия между видами гендера обусловлены психологическими, биологическими и социокультурными нормами и отображаются в языке, о чём говорят зарубежные и отечественные лингвисты в своих работах [6; 7; 8]. Женщины больше нацелены на взаимодействие, поэтому женская речь эмоциональна, содержит оценочные прилагательные и усиления. Мужчины выражают независимость в разговоре, употребляют много терминов, специальной лексики, неологизмов и сниженной лексики в своей речи.

В целом, гендерные различия в языке обусловлены социальными ролями и психологическими особенностями. В.А. Маслова отмечает, что различия между языком двух видов гендера могут стираться, если повышается

уровень образования [6, с.129].

Гендерная специфика выражения эмоций и эмотивная лексика в детективном жанре

Гендерные различия могут проявляться на уровне эмоций [2]. Считается, что женскому гендеру присуще более яркое выражение эмоций. Отчасти это связано со строением мозга, например, у женщин есть «большие относительные объёмы корковых структур мозга», которые регулируют эмоции [9, с. 73]. Стоит отметить, что социум и воспитание тоже влияют на проявление эмоций у женщин и мужчин.

Исследования на основе текстов указывают на различие степени переживаний эмоций мужчинами и женщинами [2, с. 63]. Одним из вариантов выражения эмоций в языке является эмотивная лексика (лексика с эмотивной семантикой). По мнению В.И. Шаховского, основной функцией эмотивной лексики является «эмоциональное самовыражение говорящего» [10, с. 204].

Эмотивная лексика часто исследуется на примере художественных произведений, в частности в детективном жанре. Детективный жанр – жанр художественного произведения со своими специфическими чертами: 1) в сюжете есть преступление и расследование; 2) только часть элементов повествования выражается эксплицитно; 3) часто есть пять видов персонажей (сыщик, ассистент сыщика, преступник, пострадавший и свидетели); 4) жанр вызывает у читателей эмоциональное (страх, любопытство) и интеллектуальное напряжение (решение загадки). Немаловажным является то, что в детективах подчеркивают интеллектуальные способности и гениальность сыщика, а помощник сыщика уступает ему в интеллектуальном плане [11, с. 133-134]. В настоящее время детективный жанр широко изучается с точки зрения гендерного аспекта.

На основе вышеизложенных характеристик гендера и его возможного отображения в языке с помощью эмотивной лексики, а также черт детективного жанра были рассмотрены романы Дж.К. Роулинг. Данные книги отображают британское общество 2010-х г. и пластичность социальных ролей мужчин и женщин. Главными героями романа являются детектив Корморан Страйк и его ассистентка Робин Эллакотт, которые вместе распутывают преступления. В романах главные герои взаимодействуют между собой, общаются со свидетелями; также читателям показаны любовные, семейные, бытовые отношения различных персонажей.

В данной работе были отобраны 140 высказываний мужских персонажей и 140 высказываний женских персонажей, где изучались такие эмотивы как: уменьшительно-ласкательные слова и обращения диминывы, междометия, интенсификаторы, лексика, указывающая

на эмоциональное состояние и оценку.

Также изученный материал был разделен на тот, где представлена книжная и нейтральная лексика, и тот, где используется сниженная лексика.

При анализе лексики, указывающей на эмоциональное состояние мужчин и женщин, был сделан вывод о том, что женщины более прямо говорят о своих эмоциях (См. таблицу 1).

Например, одна из героинь романа "The Cuckoo's Calling" открыто говорит об испытанном ею шоке:

"...I was just so *shocked*..." [12 с. 129] / «...Я была так потрясена...». (здесь и далее перевод наш – И.Д.)

Когда Робин случайно будит своего начальника Корморана Страйка, она смущается и говорит:

"I'm sorry, Cormoran, I'm really sorry ..." [13, с. 11] / «Мне жаль, Корморан, мне очень жаль...».

В рассматриваемых романах мужчины реже женщин прямо говорят о своём эмоциональном состоянии и стараются называть эмоции, если не хотят обидеть других людей. Например, жених Робин Мэттью пытается пойти на компромисс, чтобы наладить отношения с ней:

"I've missed you" [13, с. 189] / «Я скучал по тебе».

Главный герой Корморан Страйк употребляет сниженную лексику, и в одной ситуации ему становится стыдно перед Робин:

"I'm sorry, R'bin..." [12, с. 256] / «Мне жаль, Робин...».

Также мужчины могут выразить своё отношение к ситуации, чтобы подчеркнуть искренность эмоций, например, один из героев выражает обеспокоенность пропажей другого героя-писателя:

"I'm worried about him" [13, с. 66] / «Я беспокоюсь о нём».

При анализе лексики, указывающей на оценку ситуаций, собеседников и объектов, стоит отметить, что женщины чаще мужчин употребляют лексемы с сильной эмоцией и оценки (См. таблицу 1).

Женщины используют больше литературной лексики, чтобы выразить палитру эмоций (печаль, страх, гнев, радость):

"That's so *fabulous*, baby! That's *fantastic*!" [12, с. 284] / «Это так шикарно, малыш! Это потрясающе!».

"...it's been a *horrible shock* for the family" [13, с. 114] / «...это было ужасным потрясением для семьи».

Мужчины реже дают оценку чему-либо или кому-либо, но переживают все те же эмоции, что и женщины, что заметно по фразам:

"She's in a *dreadful state*!" [12, с. 362] / «Она в ужасном

состоянии!».

"*Fantastic*!" [12, с. 97] / «Потрясающе!».

Стоит отметить, что мужчины отдают предпочтение сниженной лексике, если хотят особенно подчеркнуть отрицательную оценку:

"*Stupid old sod*" [13, с. 220] / «Глупый старый хрыч».

Также была изучена частотность употребления ласкательных обращений, имеющих эмоциональную сему (См. таблицу 1).

Женщины часто употребляют ласковые слова, чтобы выразить свою радость и симпатию к близким и мало знакомым людям:

"Call me *Marlene, love*" [12, с. 243] / «Называй меня Марлен, милая».

Также женщины говорят ласкательные слова, когда испытывают печаль, например, Робин страдает отцу своего жениха и говорит:

"*Poor thing*" [13, с. 53] / «Бедняга».

В качестве проявления любви и нежности женщины применяют уменьшительный суффикс -у, например, жена друга Корморана Страйка использует диминутивы: "*Cormy*", "*Timmy*" [13, с. 123] / «Корми», «Тимми».

Мужчины более сдержаны в проявлении эмоций и могут употреблять обращения-диминутивы в кругу близких людей, например, один из героев романов по отношению к своей подруге говорит "*sweetie*" [12, с. 211] / «дорогуша».

При исследовании междометий было отмечено, что женщины и мужчины употребляют их примерно с одинаковой частотой, но большинство междометий, которые использовали мужчины, содержали признаки сниженной лексики (См. таблицу 1).

Например, с помощью междометий можно выразить гнев или раздражение:

"*Oh, for God's sake*," said Ciara impatiently" [12, с. 272] / «О, ради всего святого», – нетерпеливо сказала Киара». В данном примере междометие "*oh*" усиливается идиомой "*for God's sake*".

Также можно выразить восторг:

"*God, his eyes*" [12, с. 158] / «Боже, его глаза».

С помощью междометий можно выразить страх или недоумение:

"*Christ almighty*, why didn't she call me?" [13, с. 224] / «Господь всемогущий, почему она не позвонила мне?».

В целом, мужчины так же, как и женщины, используют междометия для выражения различных эмоций, напри-

мер, печали:

"<...> but God, that's horrible..." [12, с. 238] / «<...> но, Боже, это ужасно...».

С помощью междометий выражается замешательство:
 "<...> dear, dear, I'm sure I've got a cory..." [13, с. 203] / «Боже мой, боже мой, уверен, у меня есть копия...».

Для отрицательных эмоций мужчины используют междометия, содержащие сниженную лексику:
 "Holy shit" [13, с. 89] / «Чёрт возьми».

Определённый интерес составляет изучение использования интенсификаторов. В рассмотренных нами высказываниях было обнаружено, что мужчины чаще женщин использовали интенсификаторы (См. таблицу 1). Но женщины употребляют больше интенсификаторов, относящихся к литературной лексике:

"<...> So, so sad" [12, с. 263] / «<...> Очень, очень грустно».

В высказываниях мужчин также были выявлены примеры интенсификаторов из литературной лексики:

"She's very, very weak now" [12, с. 239] / «Она очень, очень слаба сейчас».

Если женщины используют интенсификаторы со сниженной лексикой в случае отрицательных эмоций, то мужчины выражают разные виды эмоций, например, гнев или восхищение:

"You've gotta be fucking joking" [13, с. 214] / «Офигеть, ты должно быть шутишь».

"<...>You've done bloody well, Robin" [12, с. 303] / «<...>Ты чертовски хорошо поработала, Робин».

Стоит обратить внимание, что в целом женщины и мужчины часто используют сниженную лексику в случае отрицательных эмоций (гнев, печаль, раздражение). В таблице 1 представлены данные о том, что мужчины употребляют сниженную лексику почти в 3 раза чаще, чем женщины (См. таблицу 1).

Анализ тональности предложений с использованием

сниженной лексики проводился средствами онлайн-сервиса Free Sentiment Analyzer, который показал, что среднее значение оценочной лексики у женщин составляет 24, а у мужчин данный показатель составляет -4. Среднее значение сниженной лексики у женщин составляет около -62, а у мужчин среднее значение составляет -81, что говорит о значительном негативном посыле сниженной лексики у обоих полов. Следовательно, у мужчин коэффициент негативной тональности речи выше, чем у женщин.

В ходе исследования было выявлено то, что 2 из 21 мужских персонажей помимо маскулинных черт также обладают выраженными фемининными чертами. Это персонажи книги "The Cuckoo's Calling" – Джон Бристоу, герой-антагонист, а также дизайнер Ги Соме, друг погибшей девушки. В своей речи Джон Бристоу употребляет значительное количество междометий, оценочной лексики и лексики, указывающей на эмоциональное состояние, а Ги Соме часто использует оценочную лексику и обращения-диминутивы. Можно отметить, что в детективных романах Дж.К. Роулинг есть персонажи-мужчины, проявляющие фемининные черты, тем не менее, большинство персонажей демонстрирует маскулинные черты.

Рассмотрев 21 женский персонаж данных произведений, мы обнаружили, что 8 героинь используют в своей речи сниженную лексику, характеризуя ситуации и людей, а также употребляют эмоциональные междометия и интенсификаторы, что может указывать на проявление в женщинах маскулинных черт.

На основе рассмотренных примеров можно сделать вывод, что эмотивная лексика помогает отобразить гендер в художественных текстах, а именно в романах детективного жанра. Существуют различия в употреблении литературного языка и сниженной лексики для выражения эмоций. Мужчины и женщины переживают схожие эмоции, но выражают их по-разному, например, женщины более прямо говорят о своих эмоциях, используют лексику со значением оценки, а также чаще употребляют литературную лексику. В исследованных романах

Таблица 1.

Количество представленных примеров эмотивной лексики для выражения гендера.

Эмотивная лексика	Книжная и нейтральная лексика		Сниженная лексика	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
лексика, указывающая на оценку ситуаций	39	20	16	24
лексика, указывающая на эмоциональное состояние	12	8	-	-
уменьшительно-ласкательные слова	17	6	-	-
междометия	73	49	-	29
интенсификаторы	21	8	19	46

Источник: составлено автором на основании количественного подсчета эмотивной лексики в романах Дж. К. Роулинг "The Cuckoo's Calling" и "The Silkworm"

мужчины чаще женщин употребляли интенсификаторы, но значительная часть содержала сниженную лексику, к которой, возможно, мужчины прибегают, чтобы показать своё превосходство в разговоре, выразить определённую долю агрессии или снизить эмоциональный накал.

В романах Дж.К. Роулинг "The Cuckoo's Calling" и "The Silkworm" в образах мужчин выражена маскулинность, но в редких случаях может быть представлена и фемининность, которая была выявлена у двух мужских персонажей, например, на это может указывать использование междометий, оценочной лексики и лексики, указывающей на эмоциональное состояние. У женщин выражена фемининность, но некоторые героини демонстрируют и маскулинные черты. В целом, в своих романах "The Cuckoo's Calling" и "The Silkworm" Дж.К. Роулинг придерживается традиционных гендерных норм и показывает стереотипные маскулинные черты в мужчинах и фемининные черты у женщин.

Заключение

Таким образом, одним из способов выражения гендера является использование эмотивной лексики, которая объясняет поведение и внутренние переживания героев и позволяет рассмотреть гендерные особенности, отображённые в языке. Использование данной

лексики героями в романах детективного жанра британской писательницы Дж. К. Роулинг может указать на гендерную принадлежность персонажа. Несмотря на меняющийся взгляд на гендерные особенности мужчин и женщин на западе, автор отображает стереотипные черты маскулинности и фемининности у героев рассмотренных в данной статье произведений. Большинство мужских персонажей вне зависимости от роли (сыщик-свидетель) и рода деятельности (детектив, писатель, госслужащий, дизайнер), выражают маскулинность: скрывают эмоции, редко говорят о своём эмоциональном состоянии и дают оценку явлениям, мало употребляют ласкательные слов в речи, но часто выражают свои эмоции посредством сниженной лексики. Дж.К. Роулинг наделяет одного антагониста мужского пола не только маскулинными чертами, но и фемининными (значительное использование междометий, лексики со значением оценки), а также фемининные черты речи были отмечены у персонажа-модельера (оценочная лексика, обращения-диминутивы). Женские персонажи в двух романах обладают фемининными чертами (значительное количество междометий, оценочных слов, уменьшительно-ласкательных форм, интенсификаторов), но у некоторых героинь (чаще всего средний или низший класс общества) наблюдается употребление сниженной лексики в речи, что может относиться к проявлению маскулинных черт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. — 2021. — № 3 (49). — С. 109–147. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147.
2. Колпакова Л.В. Проявление гендерной специфики эмоциональной сферы личности в языке // Вестник ТГПУ. — 2018. — № 6 (195). — С. 62–67. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-6-62-67.
3. Георгинова Н.Ю. Детективный жанр: причины популярности / Н. Ю. Георгинова // Научный диалог. — 2013. — № 5(17). — С. 173–186.
4. Воронина О.А. Гендерная культура в России: традиции и новации. — М.: Институт философии Российской академии наук, 2018. — 111 с.
5. Малахаева С.К. Гендерная идентичность в условиях современного мира / С.К. Малахаева, А.А. Пашенцева // Молодой ученый. — 2021. — № 23 (365). — С. 474–478.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. — М.: Изд. центр «Академия», 2004. — 208 с.
7. Lakoff R. Language and Woman's Place [Эл. Ресурс]. URL: https://web.stanford.edu/class/linguist156/Lakoff_1973.pdf (дата обращения: 10.03.2022).
8. Tannen D. That's Not What I Meant! How conversational style makes or breaks relationships. N.Y.: Harper, 2011. — 214 p.
9. Полунина А.Г., Брюн Е.А. Нейроанатомические особенности головного мозга у мужчин и женщин // Анналы клинической и экспериментальной неврологии. — 2017. — №11 (3). — С. 68–75. DOI: 10.18454/ACEN.2017.3.10.
10. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. — М.: Гнозис, 2008. — 416 с.
11. Жолос Л.М. Особенности интерпретации детективного дискурса в современном английском языке / Л.М. Жолос, Л.П. Сардалова // Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — № 6. — С. 132–138. — DOI 10.18522/2070-1403-2020-83-6-132-138. — EDN BVZPIE.
12. Galbraith R. The Cuckoo's Calling [Эл. Ресурс]. URL: https://worldfabibooks.files.wordpress.com/2013/10/the-cuckoo_s-calling-robert-galbraith-j-k-rowling.pdf (дата обращения: 10.03.2024).
13. Galbraith R. The Silkworm [Эл. Ресурс]. URL: https://howpotter.files.wordpress.com/2016/07/robert_galbraith_j_k_rowling_-_the_silkworm1.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

© Киселёва Ирина Дмитриевна (kiselyova-i.d@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВЕСНА» В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Кунашева Марина Муссабиевна

Аспирант, Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова, (г. Нальчик)
mkunasheva@inbox.ru

THE IMAGE OF "SPRING" IN THE WORKS OF RUSSIAN POETS

M. Kunasheva

Summary: The article discusses the peculiarities of the realization of the season, in particular «spring» in poetic discourse. The purpose of the article is to clarify the features of the use of the seasons, namely «spring», represented by language units with different meanings. Particular attention is paid to identifying the ethnospecificity and structure of the concept of «spring».

Keywords: "season", the concept of "spring", metaphorical model, discourse.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности языковой реализации времени года, в частности концепта «весна» в поэтическом дискурсе. Целью статьи является выяснение особенностей использования времен года, а именно «весны», представленного языковыми единицами с различными значениями. Особое внимание уделяется выявлению этноспецифики и структуры концепта «весна».

Ключевые слова: «время года», концепт «весна», метафорическая модель, дискурс.

Введение

Одним из неиссякаемых источников вдохновения в мировой литературе является - природа. А времена года занимают особое место в литературе, в частности в поэзии разных народов. Для нас особый интерес представляет понятие «весна» в поэтическом дискурсе. Иллюстративным материалом являются примеры из произведений русских поэтов. В поэзии особенно часто встречаются стихотворения, посвященные весне, лету, осени и зиме. В данной статье мы рассмотрим, какие образы и символы связаны с весной в русской поэзии, и какие эмоции и ассоциации они вызывают у читателя.

Объектом исследования является одно из времен года, а именно «весна» в аспекте его представленности в поэтическом дискурсе.

Предметом исследования выступает концептуальная структура времени года.

Цель работы состоит в исследовании концептуальных характеристик «весны», релевантных для поэтического дискурса.

Задачами исследования является анализ языковых средств, выражающих особенности весны как времени года.

Методы исследования

Лингвокультурологический анализ, дискурсивный анализ, когнитивное исследование.

Материал

Иллюстративным материалом послужили примеры из русской поэзии.

Результаты и обсуждения

Времена года являются одним из важных сегментов языковой картины мира. Отображая концепцию времени и его бесконечного циклического хода, они занимают важное место в поэтическом дискурсе, в создании альтернативного авторского мира. В разных произведениях и нарративах времена года олицетворяют сезонные изменения, человеческие эмоции и имеют символическое значение.

Концепт весна рассматривается в работах Бовиной М.А. [2018], Бровкиной К.С. и Катышевой И.А. [2015], Кузьминой Р.П. [2022] Метафорическая модель весны как живого существа упоминается в исследовании Бурмаковой Е.А. [2017]. Изучение теории концептуальной метафоры, а также описание различных метафорических моделей в рамках разнообразных дискурсов довольно активно развивалось в рамках когнитивной лингвистики. Этим направлением занимались многие исследователи: Андреева С.А. [2004], Баранов А.Н. [1997], Караулов Ю.Н. [1981], Чудинов А.П. [2001] и др.

Метафора в поэзии тесно связана с языковой картиной мира и состоит из отдельных метафорических моделей. Очень часто в литературе человеческая жизнь сопоставляется с бытием природы. Смена жизненных этапов сравнивается с чередованием времен года. Времена года это четыре совершенно разных сезона. И каждое время года неповторимо по-своему. Пробуждающая живая весна, красочное лето, меланхолическая осень и суровая зима. Все четыре времени года по-своему уникальны, у каждого из них имеются свои особенные черты, которые проявляются в виде отдельных эмоционально-оценочных компонентов, содержащих положительную или отрицательную характеристику того или иного времени года.

Весна - время пробуждения и возрождения. Многие авторы использовали эту стихию, чтобы передать идею обновления, надежды и обещания. Весна ассоциируется с разнообразными цветами, пением птиц и ярким солнцем, что порождает чувства радости и оптимизма. В поэтическом дискурсе весна используется для изображения возрождения героев, преодоления трудностей и начала новой жизни. Рассмотрим несколько примеров, чтобы выявить эмоции и ассоциации, связанные с этим временем года.

Концептуальный анализ языковых репрезентаций весны в русском поэтическом дискурсе выявил следующие метафорические модели.

1. Весна – жизнь. Базовая метафорическая модель, связанная с весной, выражает идею обновления, возрождения, пробуждения души, т.е. саму жизнь: «Воды уж **весной шумят**, бегут и **будят сонный берег**, бегут, и **блещут**, и **гласят**. Они гласят во все концы: «**Весна идет, весна идет**, мы молодой весны гонцы, она нас выслала вперед» [18, с. 105]. «**Раскинулась кругом; опять весна душистая повеяла крылом**», «**мечта распалена**», «над душою каждую проносится весна» [19, с. 134].

2. Весна – любовь. Концептуальный признак «любовь» конструируется с помощью следующих лексем, связанных с весной: «**Весна, весна, пора любви**», «**томное волненье**», «**наслажденье**» [16, с. 365]; «**любовь земли и прелесть года, весна благоухает нам**» [18, с. 115]; «**я люблю и пою про весну**» [31]; «**любовь не шутка, любовь — весенний стук сердец**», «**ради той, что дороже мира, ради взгляда, что в сердце зажег весну, или мужчины на дуэли и рыцарские турниры**», «**спеши вдохнуть, спеши её обнять, любовь свою из уст её принять**», «**чуть крылатая весна радостью повеет, оживает старина, сердце молодеет**» [2, с. 236].

3. Весна – природа. Весна и природа неразрывно связаны друг с другом и это выражается с помощью интересных ассоциаций, которые описывают распускающи-

еся цветы, пение птиц и теплое солнце: «**Весна, весна! как воздух чист, как ясен небосклон**», «**лазурью живой слепит очи он**», «**ветхий лист, шумен, и душист...**» [4, с. 167].

3.1. Весна – цветы. Несомненно, еще одной пространственной метафорической моделью, описывающей весну, являются цветы: «**Колокольчики мои, цветики степные**» [17, с. 29]; «**Мимоза невинной сияла красой**», «**молодая Весна, траву и цветы пробудила для грёз**», «**любовью тюльпан и горчанка зажглись; и дивный красавец, влюбленный нарцисс**», «и **ландыш**, подобный Няяде лесной», «**опять гиацинт возгордился собой, здесь белый, пурпурный, а там голубой**», «и **роза**, как нимфа, - **восставши от сна**», «**нарядный жасмин, и анютин глазок, и с ним туберозы душистый цветок, - весною с концев отдаленных земли цветы собрались в этот сад и цвели**» [23]; «**тюльпаны, белые тюльпаны, начало мартовский парад**» [34]; «**о первый ландыш, из-под снега ты просишь солнечных лучей**» [19, с. 249].

3.2. Весна – вода. Выявлено, что весна естественным образом ассоциируется с водной стихией, которая чаще всего сопровождается звуками. В это время года все начинает звучать по-особенному. Если прислушаться, можно услышать как «**журчат ручьи**», «**звенят ручьи**», «**журчит капель**» [25]; «**идёт апрель, звенит капель, капельки стучат**» [21]; «**звенит по камушкам ручей, река шумит**» [10, с. 81]; «**крупный дождь в лесу зеленом прошумел по стройным кленам, по лесным цветам...**» [8, с. 458]; «**бушует полая вода шумит и глухо и протяжно кругом вода журчит, сверкает**» [8, с. 751]; «**уж тает снег, бегут ручьи**» «**шумят ручьи! блестят ручьи! Взревев, река несет поднятый ею лед**» [15, с. 211].

3.3. Весна-запах. Образ весны строится при помощи метафоры «запах»: «**нежности струящийся аромат**», «**слышишь свежий запах сада, и теплый запах талых крыш...**» [8, с. 751]; «**опять весна душистая повеяла крылом**» [19, с. 134]; «**горьковатый запах сирени**», «**смолою пахнет**» [10, с. 81].

3.4. Весна-цветообозначения. В ходе анализа было установлено, что весенние стихи полны не только звуков, но и ярких красок. Колоритимы активно используются в описании весны. Весна – царица красок: «**Травка зеленеет, солнышко блестит**», «**солнце краше**» [14, с. 280]; «**чиста небесная лазурь, теплей и ярче солнце стало**» [15, с. 108]; «**улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года; синяя, блещут небеса. Еще прозрачные леса как будто пухом зеленеют**», «**долины сохнут и пестреют**» [16, с. 258]; «**Синее небеса, заметней и чернее**» [5, с. 981]; «**листами изумрудными леса зазеленеются**» [10, с.56]; «**Румяный, светлый хоровод толпится весело за ней**» [18, с. 105].

3.5. Весна-птицы. Мы также выявили, что весна

очень часто вызывает ассоциации с перелетными птицами: «И песню раннюю запел в лазури **жаворонок** звонкий. Поёт, на солнышке сверкая: Весна пришла к нам молодая, я здесь пою приход весны» [12, с. 358]; «**ласточка** с весною в сени к нам летит» [15, с. 254]; «**воробушки** толпой кричат на ветках: чик-чирик» [28]; «прилетел **журавушка**», «весело **журавушке**: весным-весна», «Возвращаясь, **ласточка!** Только не одна: Пусть с тобою, **ласточка**, прилетит Весна» [27]; «милая певунья, **ласточка** родная, к нам домой вернулась из чужого края [30]; «засвищут скоро **соловьи**, и лес оденется листвою» [11, с. 211]; «незримый **жаворонок поет** задравный гимн весне [4, с. 167]; «на смену марту прилетит апрель, его на крыльях нам подарят птицы: **скворцы, грачи**» [22].

4. Весна – живое существо. Можно заметить, что весна предстает как живое существо женского пола с соответствующими характеристиками, характерными для молодой женщины, девушки. Весна ассоциируется с красотой, стройностью, поступью девушки, ее мягкостью характера. Весна ассоциируется с невестой. При описании весны могут использоваться соматизмы: «весна **пришла** к нам молодая» [11, с. 83], «кистью мягкой весна на ветвах **рисует** почки...» [21]. «Как **стройна ты** и красна, вечная весна», «как **ступаешь ты** красиво», «ах, **невеста!** ах, весна», «весна **вошла** в мои покои», «**твои плечи** озарил», «**глазки** горят», «под фатой ручьем струится легких **локонов** пшеница [32]; Есенин называет ее «странницей»: *прибрела весна, как странница, с посошком, в лаптях берестяных* [11, с. 88].

5. Весна – противопоставление зиме. Также отметим, что очень часто в произведениях художественной литературы весна противопоставляется зиме. Холодная и сковывающая зима, уступает место весне, которая приходит с теплом и солнечными лучами. Зима, символизирующая холод и мертвую природу, постепенно уходит, уступая место жизни и возрождению: «**Пройдет зима холодная, настанут дни весенние, теплом растопит солнышко, как воск, снега пушистые** [10, с. 56]; «**чуть солнышко зайдёт, смолкает звонкая капель и вновь на ветках лёд** [13]; «**зима** еще хлопочет и на **весну ворчит, та ей в глаза хохочет и пуце лишь шумит** [18, с. 105]; «**зима** позлится и **уйдет** сама, достойно и достаточно красиво», «**победу будет праздновать весна, повсюду**

будут радостные лица» [22]; «**зиме** приходит срок **прощаться! Весна торопит – уходи**», «зима лежит ещё снегами и не спешит с полей вставать. **Весна** же «**топчет снег ногами**», **зима - не хочет уступить**» [33].

Заключение

На протяжении всей истории развития языка «весна», «лето», «осень», «зима» включали компоненты, отражающие национально-культурную специфику восприятия времен года. Проанализировав разные стихи, мы пришли к выводу, что «весна» в сознании носителей русского языка имеет исключительно положительную характеристику. Об это свидетельствуют эпитеты, с помощью которых описывается это время года во всех изученных произведениях. Например: «прекрасная», «волшебная пора», «красавица», «царица цветов». Оценка сезонов в поэзии соответствует архаическим воззрениям на времена года: весна – время любви, начала жизни.

В результате анализа этих компонентов мы пришли к выводу, что языковые репрезентации весны в русском языке представлены следующими метафорическими моделями: *Весна – жизнь; Весна – любовь; Весна – природа (Весна – цветы, Весна – вода, Весна-запах, Весна-цветообозначения, Весна - птицы); Весна – живое существо; Весна – противопоставление зиме.*

Таким образом, весна в поэзии русского языка репрезентируется посредством метафорических моделей, языковые реализации которых выявляют особенности представления этого времени года в русском поэтическом дискурсе.

Также хочется отметить, что в языковом аспекте восприятие весны в рассмотренных стихах, независимо от времени написания и авторского стиля имеет много сходства, что свидетельствует о сходном эмпирическом опыте, лежащем в основе поэтического описания и восприятия. Выделенные метафорические модели и многообразие средств их лексической репрезентации свидетельствуют о высокой ценностной составляющей данного концепта в русской языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева С.А. Поэтическое слово в когнитивном аспекте (на материале английских поэтических произведений викторианского периода). Диссертация. 2004.
2. Асадов Э.А. Полное собрание стихотворений. Москва: ООО Издательство «Эксмо», 2021. – 661с.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литература и язык. 1997. №1. Т.56.
4. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений Ленинград: Советский писатель, 1957. – 416 с. (Библиотека поэта).
5. Блок А.А. Полное собрание стихотворений Москва: Public Domain, 2021. – 1137 с.
6. Бовина М. А. Концепт слова «весна» в русской лингвокультуре // Наука XXI века. 2018. №12

7. Бровкина К.С., Катыхшева И.А. Весна в русской языковой картине мира // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 10
8. Бунин И.А. Собрание сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения Москва: Художественная литература, 1987. – 1197 с.
9. Бурмакова Е.А. Текстовая актуализация базовой метафоры «весна – это женщина» (на материале произведений В. М. Шукшина). Томск: Вестник Томского Государственного педагогического университета, 2017. Выпуск 7 (184). – 168 с.
10. Дрожжин С.Д. Юбилейный сборник: Избранные стихотворения Тверь: Б.И., 1923. – 114 с.
11. Есенин С.А. Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Том 4. Издание 2-е. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». Москва: ИМЛИ РАН, 2004. - 544 с.
12. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: Том 1. Москва: Языки русской культуры, 1999. – 470 с.
13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 261с. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. 366с.
14. Кузьмина Р. П. Образное содержание в структуре концепта «весна» в эвенской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 8.
15. Плещеев А.Н. Полное собрание стихотворений Москва - Ленинград: Советский писатель, 1964. – 434 с.
16. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в одном томе. Москва: Издательство Аль Фа Книга, 2012. - 625 с.
17. Толстой А.К. Стихотворения. Поэмы. Москва: Даръ, 2022. – 528с.
18. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. – Ленинград: Советский писатель, 1987. – 448 с. (Библиотека поэта).
19. Фет А.А. Полное собрание стихотворений Ленинград: Советский писатель, 1959. – 905 с. (Библиотека поэта).
20. Чудинов А.П. Динамика моделей концептуальной метафоры // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб, 2001.
21. Александрова З.Н. «Капель» <https://rustih.ru>
22. Ачелова Л.И. «Борьба весны с зимой» <https://stih.ru>
23. Бальмонт К.Д. «Мимоза» <http://balmont.lit-info.ru>
24. Гамзатов Р.Г. «Любовь к тебе» <https://poemata.ru>
25. Дунаевский И.О. «Журчат ручьи» <https://songspro.pro>
26. Есенин С.А. Прячет месяц <https://sergey-esenin.su>
27. Заходер Б.В. «Ласточка» <https://www.culture.ru>
28. Косяков И.И. «Чик-чирик» <https://daningrad.ru>
29. Лунин В.В. Весна <https://allforchildren.ru>
30. Льдов К.Н. «Весенняя гостья» <https://poemata.ru>
31. Потемкин П.П. «Я люблю и пою про весну, про весну» <https://rustih.ru>
32. Свидченко Е.П. «Хваление невесты» <https://stih.ru>
33. Святогорова А. «Спор зимы с весной» <https://stih.ru>
34. Травник Т. «Тюльпаны» <https://poemata.ru>

© Кунашева Марина Муссабиевна (mkunashева@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЭСЭРИАДА КАК ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

THE GESERIAD AS A MONUMENT OF CULTURE OF THE PEOPLES OF THE EAST IN THE WORKS OF RUSSIAN RESEARCHERS OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

*Li Qingjie
B. Belous*

Summary: The article is devoted to the history of the study of the heroic epic «Geser» by Russian scientists in the first half of the XX century. Being the pinnacle of the epic creativity of the peoples of East and Central Asia, the epic of Geser occupies an important place in Mongolian and Tibetan literature, the culture of the nomadic peoples of Asia and attracts the attention of researchers around the world. Russian orientalists have been able to collect a wealth of linguistic and ethnographic material that has preserved the cultural codes of the peoples of Asia for many centuries. Scientists have put forward new hypotheses for the formation and dissemination of several versions of the epic.

Keywords: heroic epic, folklore, literature, folk hero, Geser, Oriental studies.

Ли Цинцзе

*Северо-западный университет Миньцзу, Ганьсу, КНР
119261018@qq.com*

Белоус Борис Сергеевич

*Кандидат исторических наук, Российский
государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
bbelous@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена истории изучения героического эпоса «Гэсэр» российскими учёными в первой половине XX веков. Являясь вершиной эпического творчества народов Восточной и Центральной Азии, эпос о Гэсэре занимает важное место в монгольской и тибетской литературе, культуре кочевых народов Азии и привлекает внимание исследователей всего мира. Российские учёные-востоковеды смогли собрать богатый лингвистический и этнографический материал, хранивший культурные коды народов Азии на протяжении многих веков. Учёными были выдвинуты новые гипотезы формирования и распространения нескольких версий эпоса.

Ключевые слова: героический эпос, фольклор, литература, народный герой, Гэсэр, востоковедение.

Героический эпос о Гэсэре является одним из самых известных памятников культурного наследия человечества. Полное название этого литературного произведения – «Сказание о Гэсэр-хане, владыке десяти стран света». Эпос о Гэсэре (Гэсэриада) считается вершиной творчества народов Востока и занимает важное место в истории монгольской и тибетской литературы. Героический эпос о Гэсэре хорошо известен жителям Монгольской Народной Республики, Внутренней Монголии Китая, Тибетском автономном районе Китая, российской Бурятии, Калмыкии и другим народам Восточной и Центральной Азии. Гэсэриада состоит из множества текстов, которые представляют собой один из наиболее важных источников для изучения фольклора, литературы, философии, культуры и духовной жизни народов Востока.

Гэсэриада является синтезом культур Восточной и Центральной Азии и привлекает к себе внимание учёных многих стран глубиной и богатством содержания, удивительными сюжетами, романтизмом, красотой слога, широким распространением, образом мудрого и непобедимого героя. Российские учёные начали изучать

эпос о Гэсэре во второй половине XVIII века. В то время они занимались сбором материалов, связанных с героическим эпосом Востока, переводом текстов на русский язык.

В начале XX в. учёные приступили к углублённому изучению Гэсэриады. Работая с материалами эпоса, российские и советские исследователи сравнивали различные версии текстов «Сказания о Гэсэре», систематизировали полученные знания, сделав большой шаг вперёд в деле изучения Гэсэриады. Результаты работ учёных широко представлены в монографиях и научных журналах того времени. Значительный вклад в дело изучения героического эпоса народов Востока внесли российские исследователи Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе, Ю.Н. Рерих, С.А. Козин и другие.

Борис Яковлевич Владимирцов – академик, крупнейший советский учёный-востоковед, знаток монгольской литературы, основоположник советского монголоведения. Всю свою жизнь он посвятил изучению лингвистики, литературы, этнографии, истории монгольского героического эпоса.

В статье «Монгольская литература» [1] Б.Я. Владимирцов выявил особенности древней монгольской литературы и указал на то, что многие монгольские эпические произведения представляют собой переводы с тибетского на монгольский язык. Автор пишет о распространении различных вариантов эпоса: «... среди монголов очень часто ходят не только разные переводы одного и того же сказочного сборника или отдельной повести, но и собственные переложения и пересказы, сделанные уже монгольскими авторами, которые, по-видимому, стремились дать канву повести для того, чтобы ее можно было не читать, а рассказывать» [1, с. 69].

Особое место Б.Я. Владимирцов отводит изучению героического эпоса «Гэсэр». Автор сообщает, что тексты, посвящённые Гэсэр-хану, относятся к числу произведений, переведённых и переработанных монгольскими сказителями, носивших исключительно повествовательный характер. Автор обратил особое внимание на то, что Гэсэриада распространялась в народной среде: «... то в форме героических песен и новелл, распеваемых рапсодами (сказителями), то в форме легендарных повестей и рассказов, передаваемых так, как обыкновенно рассказывают сказки; существуют и ходят по рукам среди тибетских племен книги, заключающие в себе тот или другой вид легенд о царе Кесаре (Гэсэре)» [1, с. 69].

В своей работе Б.Я. Владимирцов отмечает, что существуют две формы (два варианта) монгольских переводов и пересказов эпоса о Гэсэре. Первый вариант – это наиболее полный текст «Сказания о Гэсэр-хане» объединяющий все части героического эпоса. Вторым вариантом представляет собой отдельные главы Гэсэриады, которые называются в соответствии с их содержанием («Сказание о рождении Гесер-хана», «Сказание о походе Гесер-хана на шарайгольцев»).

Б.Я. Владимирцов сравнивает монгольский и тибетский варианты героического эпоса о Гэсэре и обращает внимание на то, что монгольское сказание о Гэсэр-хане «...выделяется среди других монгольских книг своим языком, который является совсем не классическим письменным монгольским языком и своим ритмом явно изобличает свою зависимость от тибетского подлинника, писанного стихами» [1, с. 70].

В 1923 году вышла в свет книга Б.Я. Владимирцова «Монголо-ойратский героический эпос» [2]. Исследуя монгольские переводы народных сказителей и пересказы произведений тибетской фольклорной литературы, Б.Я. Владимирцов старался раскрыть личность и источники творчества сказителя, что позволило сделать важные выводы относительно происхождения эпоса «Гэсэр». В результате автор пришёл к выводу: «... монгольские народные сказители заимствовали многие сюжеты Гэсэриады из тибетского героического эпоса, а

бурятские сказители вдохновлялись монгольскими текстами» [2, с. 16]. Таким образом, прослеживается прямая связь формирования и развития героического эпоса народов Восточной и Центральной Азии.

Рассуждая об эпосе народов Востока, Б.Я. Владимирцов исследовал тексты калмыцкого эпоса о народном герое Джангаре и отметил, что на формирование данного героического эпоса оказало значительное влияние персидское и тибетское народное творчество. Имя героя Джангар напоминает имя персидского героя Джехан-гир (завоеватель мира). Автор указывает на то, что героическое сказание о Гэсэре, популярное у монголов, бурят и калмыков, оказало значительное влияние на Джангариаду. Как утверждает Б.Я. Владимирцов, влияние Гэсэриады на эпос о Джангаре очевиден. Сказители, создавшие эпос о Джангаре, заимствовали структуру эпической поэмы «Гэсэр», манеру развития действия эпоса и саму поэтику литературного произведения [2, с. 21].

Исследование эпоса народов Восточной и Центральной Азии Б.Я. Владимирцовым прочно вошло в историю востоковедения и особенно монголоведения, оказало важное влияние на исследования следующих поколений учёных-востоковедов.

Николай Николаевич Поппе – советский и американский монголовед, лингвист, фольклорист. Он стоял у истоков российской и советской школы востоковедения, занимался исследованием монгольской литературы. В 1926-1932 годах Н.Н. Поппе провёл полевые исследования в Монголии и Бурятии. В итоге учёный опубликовал несколько книг и научных статей, посвящённых героическому эпосу народов Центральной и Восточной Азии.

Особое место в трудах Н.Н. Поппе занимает изучение эпоса «Гэсэр». В одной из первых работ, посвящённой языковым особенностям монгольской версии Гэсэриады, автор указывает на значимость данного литературного произведения, кратко знакомит с исследованиями учёных XVIII-XIX веков, которые занимались данной проблемой, рассказывает о разных версиях возникновения эпоса о Гэсэре. Анализируя тексты Гэсэриады, Н.Н. Поппе раскрывает особенности монгольского литературного языка, демонстрирует его выразительность и красоту. Особое внимание автор обращает на процесс формирования монгольского письменного языка и его изменения. Учёный считает, что «... монгольский письменный язык классического периода не является последним этапом в развитии языка. Со временем классический язык превратился в ряд провинциальных литературных диалектов, в которых всегда преобладают языковые особенности соответствующих областей Монголии» [8, с. 3]. В конце статьи автор приходит к выводу о том, что эпос о Гэсэре сформировался как литературное произведение на юге Монголии, но изначально был переведён с тибетского языка.

В своей статье «Некоторые проблемы бурят-монгольского эпоса» [5] автор пишет о существовании нескольких теорий происхождения героического эпоса о Гэсэре. Н.Н. Поппе сравнивает три версии Гэссэриады (тибетскую, монгольскую и бурятскую) и утверждает, что монгольская версия «... вполне оригинальное и самостоятельное произведение, для которого были лишь использованы некоторые сюжеты тибетского Гэсэра» [5, с. 9]. Бурятская версия Гэсэриады носит название «Девять ветвей Гэсэра». Автор полагает, что «девять ветвей» – это девять глав Гэсэриады. Интересно, что, сравнивая бурятский устный и монгольский письменный варианты эпоса о Гэсэре, Н.Н. Поппе видит в них много отличий, считая их самостоятельными эпическими произведениями народов Востока.

Рассматривая циклы бурятских легенд и былин, Н.Н. Поппе обращает особое внимание на Гэсэриаду как на особо важное литературное произведение. В статье «Проблемы бурят-монгольского литературоведения» [6] автор отмечает значимость эпоса и особенности его распространения в Бурятии: «Ставшая очень популярной Гэсэриада распространилась по всей Бурятии до крайнего запада ... устным путем за незнакомством западных бурят с монгольской письменностью» [6, с. 23].

Другой выдающийся русский ученый-востоковед, лингвист, тибетолог Юрий Николаевич Рерих посвятил ряд своих работ изучению Гэсэриады. В 1923 - 1928 годах учёный участвовал в Центральноазиатской экспедиции, где занимался сбором информации о Гэсэре. Благодаря знанию диалектов и наречий Индии и Тибета, Ю.Н. Рерих свободно общался с местным населением, записал повествования сказителей о герое тибетского эпоса. В 1942 году он опубликовал своё исследование под названием «Сказание о царе Кэсаре Лингском» [7].

Ю.Н. Рерих обратил внимание на то, что главная проблема в изучении героического эпоса о Гэсэре заключается в недостаточном знании исследователей о версиях, происхождении и влиянии на эпос народов Тибета и Монголии. В своём труде автор утверждает, что «... без предварительного обзора невозможно подойти к сложному вопросу о происхождении «Сказания о Кэсаре (Гэсэре)» и его датировке, а также к проблеме монгольских версий и перевода его на монгольский язык» [7, с. 56]. В научном труде Ю.Н. Рериха дан подробный рассказ о разных версиях тибетской Гэсэриады и их распространённости среди народов Востока.

В своей работе автор отмечает, что он сам и Г.Н. Потанин смогли найти две версии эпоса из Амдо (регион Китая на северо-востоке Тибетского нагорья). Говоря о разных версиях Гэсэриады, автор утверждает, что «... печатная версия эпоса в несколько сокращённой и «отредактированной» форме ... существует» [7, с. 57].

Анализируя содержание эпоса, автор обращает особое внимание на обычаи, традиции, особенности языка в текстах рукописных версий Гэсэриады. В результате исследований автор пришёл к выводу о том, что героический эпос зародился среди кочевых племен северо-восточного Тибета, став литературным произведением в первой половине IX в. Автор отмечает, что «... все это хорошо знакомые темы на тибетском северо-востоке, и можно сказать, что эпос точно воспроизводит жизнь кочевников (данного региона)» [7, с. 59].

Ю.Н. Рерих выделил четыре этапа развития эпоса о Гэсэре: 1. примитивный эпос; 2. рукописные версии эпоса; 3. печатная сокращённая версия эпоса; 4. устные версии эпоса [7, с. 60]. Каждый из этапов учёный описал и проанализировал, определив влияние буддизма на изменения содержательной части эпических текстов. Поддерживая точку зрения немецкого тибетолога А.Г. Франке, автор рассуждает о том, что в более поздней версии Гэсэриады проявляются буддийские элементы. «В своей исходной форме эпос о Кэсаре (Гэсэре) имел добуддийскую основу, и даже в современном тексте эпоса можно найти частые аллюзии тибетской религии бон. ... Буддийские элементы, проникшие в эпос, заменили Индру на Гуру Падмасамбхаву, а сам Кэсар (Гэсэр) стал защитником буддийской веры и строителем буддийских монастырей» [7, с. 61-62].

В статье автор раскрывает содержание тибетской версии эпоса о Гэсэре и описывает типы эпических сказителей, их костюмы, подготовку к пению, особенности декламации: «Профессиональные сказители редко пользуются рукописями эпоса во время исполнения. Они знают его наизусть и часто поют в состоянии своеобразного транса. Непрофессионалы, напротив, читают его по рукописи и редко знают наизусть, за исключением нескольких фрагментов» [7, с. 61].

Автор находит различия в эпизодах восточнотибетской версии Гэсэриады (в записи А. Давид-Неэль) и западнотибетской версии (в записи А.Г. Франке). Ю.Н. Рерих считает, что эпизод о рождении Гэсэра в западнотибетской версии эпоса, записанной А.Г. Франке, находится под влиянием буддизма.

Говоря о монгольской версии эпоса, Ю.Н. Рерих отмечает, что данная версия Гэсэриады существует как в печатном, так и в рукописном виде. Он подробно описывает содержание 15 глав рукописной версии монгольского эпоса и отмечает, что «... текст монгольской версии несёт явные следы перевода с тибетского оригинала. Имена основных героев и названия местностей, упомянутых в тексте, это либо монгольская транскрипция, либо монгольский перевод тибетских имен» [7, с. 74].

Ю.Н. Рерих высказал мнение о том, что идентификация царя Кэсара (Гэсэра) с Гуань-ди (богом войны в китайской

народной мифологии) связана с деятельностью китайского императора Канси династии Цин. Автор считает, что Канси сделал это для того, чтобы укрепить отношения между монгольскими и тибетскими народами. Именно при императоре Канси в 1716 г. в Пекине появилась первая монгольская печатная версия эпоса о Кэсаре (Гэсэре) [7, с. 80].

Безусловно весомый вклад в дело развития российского востоковедения внёс советский монголовед, академик АН СССР Сергей Андреевич Козин. Учёный посвятил изучению эпических произведений монгольской литературы многие годы, оставил заметный след в истории науки. Благодаря результатам исследований С.А. Козин получил широкое признание в мировых научных кругах.

В 1935 году С.А. Козин опубликовал перевод монгольского эпоса «Гэсэр» [3]. В данной работе особый интерес представляет вступительная статья с комментариями. Здесь автор раскрывает историю происхождения Гэсэриады, даёт историко-литературную характеристику героическому эпосу. С.А. Козин старается обобщить и систематизировать знания об эпосе. Говоря о том, что Гэсэриада распространена среди народов Восточной и Центральной Азии, автор обращает внимание на то, что данный эпос «... в качестве литературного памятника ... имеется на тибетском языке (в рукописях и ксилографах), на монгольском и, наконец, на ойратском (калмыцком) языках» [3, С. 8]. С.А. Козин указывает на то, что тексты ойратских и монгольских рукописей совпадают. Автор обращает внимание на то, что устные версии Гэсэриады попали к российским и европейским исследователям благодаря записям путешественников со слов рассказчиков (певцов-сказителей).

В статье С.А. Козина дана подробная информация об изучении Гэсэриады российскими востоковедами. Автор пишет о вкладе учёных и о достижениях в деле изучения героического эпоса народов Востока. Однако автор указывает на то, что «... Гэсэриада нуждается в исследовании ... со стороны выраженных в ней социальных отношений» [3, С. 15]. С.А. Козин утверждает, что перед учё-

ными, занимающимися изучением героического эпоса «Гэсэр» стоит много проблем, которые требуют решения.

В статье «Общая характеристика свода монгольского эпоса о Гесере» [4] С.А. Козин выделяет две версии Гэсэриады, одна из которых носит «демократический характер», а другая (более поздняя) «клерикальная версия», созданная под влиянием буддийской церкви. Изучив обе версии Гэсэриады, автор статьи обращает внимание на то, как был подменён образ Гэсэра – народного героя, борца за справедливость в теократического лидера, «... который на всей земле утверждает буддийское космополитическое государство» [4, С. 174]. Именно поэтому автор предлагает сопоставлять разные варианты текстов Гэсэриады, сравнивать их для того, чтобы иметь более объективное представление об этом сложном литературном произведении.

Кроме того, С.А. Козин отмечает «... исключительные свойства памятника (Гэсэриада), обладающего классическими ясными чертами своей композиции, своего языка, условиями и обстоятельствами своей литературной жизни» [4, С. 173]. Автор обращает внимание на значимость Гэсэриады, представляющей собой характерный памятник монгольской литературы, включённой в сокровищницу мировой литературы.

Российские и советские учёные-востоковеды, исследовавшие Гэсэриаду в первой половине XX века, внесли большой вклад в дело изучения героического эпоса. В своих научных трудах исследователи представили широкий обзор и анализ эпической средневековой литературы Восточной и Центральной Азии, где Гэсэриада была рассмотрена с точки зрения исторической науки, лингвистики, культурологии, религиозной мысли. Учёными были выдвинуты новые гипотезы формирования и распространения нескольких версий эпоса. Несмотря на значительный объём работ, посвящённых Гэсэриаде, героико-эпические традиции народов Востока нуждаются в дальнейшем детальном исследовании с использованием более широкого круга источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. – Москва: «Восточная литература», 2003. – С. 58-76.
2. Владимирцов Б.Я. Монголо-ойратский героический эпос. – Москва: «Всемирная литература», 1923. – 252 с.
3. Козин С.А. Гесэриада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане искоренителе десяти зол в десяти странах света. – Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1935. – 245 с.
4. Козин С.А. Общая характеристика свода монгольского эпоса о Гесере // Известия Академии наук Союза ССР. – 1946. – № 3. С. 173–178.
5. Поппе Н.Н. Некоторые проблемы бурят-монгольского героического эпоса // Известия Академии наук Союза ССР. – 1940. – № 2.
6. Поппе Н.Н. Проблемы бурят-монгольского литературоведения // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. – 1935. – № 3.
7. Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. – Самара: Издательский дом «Агни», 1999. – 361 с.
8. Poppe N. Geserica: Untersuchung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der mongolischen Version des Gesser Khan // Asia Major. 1926. Vol. 3. S. 1-32.

© Ли Цинцзе (119261018@qq.com), Белоус Борис Сергеевич (bbelous@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗ ЗВЕЗДЫ В ЛИРИКЕ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА

Лю Лэ

Аспирант, Балтийский федеральный университет им.
Иммануила Канта, (г. Калининград)
liule130324@mail.ru

THE IMAGE OF A STAR IN THE LYRICS
OF VALERY PERELESHIN

Liu Le

Summary: The article is devoted to issues related to the study of Russian emigration through the prism of Valery Pereleshin's lyrics. The author examines this issue through the image of a star in the poet's works. Through metaphors, the poet expresses loneliness and separation from his homeland. Pereleshin's lyrics reflect the feelings of Russian emigrants and their desire to overcome loneliness.

Keywords: Pereleshin, Russia, China, poet, language, emigrant, national spirit, poetry, image of a star.

Аннотация: Статья посвящена вопросам, связанным с исследованием русской эмиграции через призму лирики Валерия Перелешина. Автор рассматривает данный вопрос через образ звезды в произведениях поэта. Через метафоры поэт выражает одиночество и разлуку с родиной. Лирика Перелешина отражает чувства русских эмигрантов и их стремление к преодолению одиночества.

Ключевые слова: Перелешин, Россия, Китай, поэт, язык, эмигрант, национальный дух, поэзия, образ звезды.

Валерий Францевич Перелешин (1913 – 1992), родившийся в Иркутске в 1913 году, был выдающимся китайско-русским поэтом XX века, тонким переводчиком китайских текстов на русский язык, мемуарист «первой волны» эмиграции. Перелешин приехал в Китай еще ребенком вместе с матерью в 1920 году и поселился в Харбине, а в молодости много ездил по стране. После переезда в Бразилию в 1953 году, благодаря высокому поэтическому мастерству, он стал известен как «лучший русский поэт южного полушария XX века» [3, с.9] и занял достойное место в мировой поэзии. В своих стихах Перелешин часто рассказывает о своем жизненном опыте и выражает любовь к родине. Кроме того, его стихотворения демонстрируют мастерство создания богатой символической образности, подчеркивают красоту поэтического смысла благодаря уникальному поэтическому языку. Поэтому символизм является неотъемлемым элементом при изучении поэзии Перелешина.

Образ звезды в творчестве поэтов встречается довольно часто. Так в творчестве А.С. Пушкина звезда является образом свободы и символом освобождения и судьбы. В произведениях М.Ю. Лермонтова звезда – образ божественного, космического величия мироздания. Это один из самых распространенных образов в творчестве поэта. Звезда является символом счастья. Она дает лирическому герою жизненные силы. Она, как маяк, как талисман, помогает ему выжить в этом трудном мире, дает надежду.

Несмотря на изменение условий жизни, национальный дух и культура оставались глубоко укорененными в сердце каждого русского эмигранта второго поколения. Национальный менталитет – это глубинная психологическая структура, присущая нации и включающая в себя

язык, литературу, искусство, характер, ценности и идеи. Зачастую она является главным духовным ресурсом, позволяющим нации выжить или противостоять внешним вызовам.

Русская диаспора в Китае всегда испытывала глубокую приверженность к собственной культуре, подобно тому, как человек испытывает непреодолимую привязанность к матери, обусловленную природой. Идентичность человека часто определяется национальной культурой, языком и ностальгия по родине многих русских писателей-эмигрантов, несомненно, являлась источником их духовной поддержки на чужом континенте. В поэзии Перелешина легко обнаружить, что постоянная ностальгия по России является главным содержанием его произведений, и где бы он ни находился – в Китае или Бразилии – родина в том или ином виде напоминает о себе в его стихах. Одним из таких постоянных и частых образов в его лирике является звездное небо.

С древности и поныне звезды, с их богатой символической семантикой, часто использовались в различных произведениях. Древние вавилоняне называли звезды «овцами на небе», а планеты – «овцами года». Представления предков о звездном небе возникли из их собственной жизни, но были дополнены различными смыслами. В настоящее время звезды, изображенные в художественной литературе, воспринимаются не только как природные небесные тела, но воплощают в себе богатый метафорический подтекст и содержат эмоциональную окраску.

В лирике Перелешина звезды являются не только символом России, они передают тоску поэта по утраченной жизни, выражают его ностальгию по родине и желание

вернуться туда. В бескрайней Вселенной движутся бесчисленные звезды, но люди видят лишь малую часть из них, и хотя кажется, что они совсем рядом, на самом деле они бесконечно далеки. Так и родина для русской диаспоры в Китае: казалось бы, она совсем близко, но суровая реальность не позволяет русским вернуться на родной берег. В стихотворении «Мы» Перелешин пишет: «Встречаемые здесь и там, / По всем краям и украинам, / По широтам и долготам, / Все звезды повидав чужие / И этих звезд не возлюбя, – / Мы обрели тебя, Россия, / Мы обрели самих себя!» [4, с. 49]. Во Вселенной одно солнце, одна луна и одно небо. Русские эмигранты, находящиеся в разных концах мира, должны видеть одни и те же звезды, но в глазах поэта увиденное им в Китае звездное небо не принадлежит родному краю, а мерцающие чужие звезды словно напоминают странникам о русском континенте: «Мы стали русскими впервые / (О, если бы скостить века!), / На звезды поглядев чужие, / На неродные облака» [4, с. 49].

Перелешин пытается избавиться от мирских проблем, ищет баланс между официальным статусом русского эмигранта и иноземца на чужбине, но тоска по России лишь обостряется, а точки звездного света усиливают чувство скорби в его сердце, и он еще сильнее ощущает одиночество. В последней строфе стихотворения «Ностальгия» поэт также применяет образ звезды для изображения тоски по родине: «И вдруг опадают, как сложенные веера, / Улыбки, и сосны, и арки... Россия, Россия! / В прохладные эти, задумчивые вечера / Печальной звездой восходит моя ностальгия» [4, с. 118]. Мириады звезд на небе подобны эмигрантам и странникам, разбросанным по всем уголкам огромной земли, и мысли каждого о России – словно звезды, все вместе составляющие звездное небо. В этой же строфе «улыбки», «сосны», «арки» – приметы родины, вместе с мыслями поэта составляющие прекрасную картину России.

В стихотворении «Томление» Перелешин также неоднократно использует образ звезды: «Но в эту ночь молитва некрылата, / И вместо звезд – глухие облака» [4, с. 87]. Поэт описывает ночь, полную одиночества и меланхолии, в которой печаль заслоняет звездное небо, словно темная туча. Разлука и тоска никогда не исчезают из сердца поэта, но в эту ночь неизбывная грусть окрашивает его мысли о своей судьбе, предначертанной свыше: «Зачем же мне звезда Твоя блеснула / И столько дней вела меня, как мать?» [4, с. 87]. Взаимосвязь метафор – важная черта произведений Перелешина, отражающая уникальный стиль поэта, выработанный в процессе творчества. Принятие одной и той же когнитивной перспективы на одну и ту же описываемую образность облегчает улавливание внутренних чувств поэта в процессе чтения и создает определенные благоприятные условия для интерпретации содержания и смысла стихотворения. Перелешин использует метафору образа звезд и во второй, и в третьей строфах стихотворения, делая этот образ и мысли тесно

переплетенными в сознании читателя, подчеркивая его сильную любовь к родине.

Звездное небо издревле использовалось путешественниками для определения направления пути (не случайно существует фразеологизм «путеводная звезда» [1, с. 204]), и в стихах Перелешина мерцающие на небе звезды не только говорят о тоске по России, но и указывают направление движения русским эмигрантам. Образ звезды в поэзии Перелешина – это символ тоски и поиска родины не только в земном, но и в духовном смысле, выражающий тонкие эмоции русской диаспоры. Поэту кажется, что мерцающие в бескрайнем небе звезды находятся в пределах досягаемости, но на самом деле их разделяют тысячи километров – здесь прямая параллель между поэтом и русским континентом, который кажется близким, хотя в действительности нужно преодолеть множество препятствий, чтобы его обрести.

Кроме того, звезды в стихах Перелешина не только символизируют желание вернуться в Россию, но и являются синонимами многих прекрасных вещей, что полностью подтверждает прекрасный и благородный статус России в сознании поэта. Например, «Ты права, ты права! Этот молод, и чист, и достоин Быть навеки твоим: на земле, на звезде и в аду» [4, с. 37]. Рай, ад и Земля – три измерения, и здесь поэт заимствует звезду для обозначения рая, утверждая, что мерцающий свет звезды переплетается с такими прекрасными качествами, как молодость и чистота. «Что значит это: звезды все погасли! Теперь звезда, как благосклонный демон, Не склонит луч в пастушеские ясли, Не станет над пещерой Вифлеема» [4, с. 65]. Ведь мы прекрасно знаем, что звезда – это свет, который вечно сияет на небе. Он всегда излучает чистый белый свет, и его свет не погаснет, а лишь будет закрыт темными тучами. В этом стихотворении поэт считает, что погасший свет звезды – это воплощение дьявола, и что погасший свет звезды принесет несчастье, что также подтверждает важность звезд в его сознании. Ведь пока светит звезда, у человека остается надежда. Как только она гаснет – надежда исчезает.

Поэзия – это, в первую очередь, выражение эмоций поэта. Она отличается от романов и эссе тем, что выбор слов должен быть точным, чтобы выразить мысли поэта. Перелешин использовал метафору звезд на протяжении всех периодов своего творчества, чтобы вызвать к сильным патриотическим чувствам, чтобы читатель мог почувствовать его особую манеру выражения, а также проявить в процессе чтения свои творческие способности.

Образ звезды в лирике Перелешина призван передать вечные чувства, запечатлеть тот звездный свет, который никогда не будет стерт из сердца поэта, обречен

ного обитать в чужом краю, вдалеке от родины. Согласно словарю символов, звезда «поддерживает силы духа, выступающие против сил тьмы» [2, с. 206]. В лирике Перелешина свет, который звезда излучает в темной ночи,

обращен к сердцам людей, чтобы указать им верную дорогу, дорогу веры и надежды. Именно этот свет вдохновляет русскую диаспору и дает ей силы для продолжения своего нелегкого пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
2. Керлот Х. Э. Словарь символов. — М.: REFL-book, 1994. — 608 с.
3. Чжан Юнсян. Лучший русский поэт южного полушария XX века. Русская литература и искусство. 2005, (04): С. 9-10.
4. Перелешин В. Три родины: Стихотворения и поэмы. Том 1 — М.: Престиж Бук, 2018. — 608 с.

© Лю Лэ (liule130324@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РУСИЗМЫ «РУБЛЬ» И «КОПЕЙКА» В ИСПАНСКИХ СЛОВАРЯХ

Мамилова Светлана Абдурахметовна

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
serdle@mail.ruRUSSIANISMS "RUBLE" AND "KOPECK"
IN SPANISH DICTIONARIES

S. Mamilova

Summary: The article explores the topical issue of the presence of Russianisms in Spanish dictionaries of various types. The relevance of the study is due to the fact that a special study of Russianisms in Russian Ibero-Romanistics is being carried out for the first time. The novelty of the article lies in the following facts: it is for the first time in Russian Ibero-Romanistics that analysis of the functioning of Russianisms in the Spanish language is carried out, while the historical context of their appearance, methods of assimilation and interpretation of their meanings are considered on the example of names of Russian monetary units. In addition, it is for the first time that a critical analysis of Spanish lexicographic sources is given in connection with these lexical units. The purpose of our article is to investigate Spanish lexicographic sources containing Russianisms, to systematize various dictionary definitions of the studied Russianisms, to consider their conceptual scope depending on the goals and objectives of the source, to identify statistical data on the use of Russianisms and to draw conclusions about the frequency of these Russianisms. We have reviewed the dictionary definitions of the words "ruble" and "kopeika" given in thirteen Spanish dictionaries published from 1793 to 2007 (these are: the dictionary of the Spanish Royal Academy, the dictionary of Maria Moliner, the Sopena dictionary, the «dictionary of the Spanish language, with terms of science and art» by Esteban Terreros y Pando in 4 volumes, the Anaya dictionary, the Larousse dictionary, the Spanish dictionary for foreigners, the Clave dictionary, the school educational dictionary, the encyclopedic illustrated dictionary Espasa, the Salamanca dictionary). The dictionary entries of the items in question were analyzed. As a result, the variability of definitions was revealed depending on the specifics of the dictionary, as well as the variability of the word "kopeika" both in spelling and in the category of gender and number. We also turned to the diachronic corpus of the Spanish language CNDHE in order to trace the chronology of the appearance of these Russianisms in Spanish-language texts and to the corpus of the Spanish language Corpes XXI in order to determine the number of uses of the words "rublo" and «kopek» in recent years in texts of different genres and topics and provide statistical data. An attempt was made to look at the use of these words throughout the Spanish-speaking area. Our comparative study of dictionary definitions allowed us to conclude that the word "rublo" can be called an assimilated loan-word in Spanish, while the word "copec" ("kopek") remains a historicism. According to the current Spanish corpus of the XXI century, it can be concluded that the word "rublo" is most often found in fiction, while the word "copec" ("kopek") is used exclusively in fiction.

Keywords: russianism, rublo, kopek, borrowing, spanish, reality, spanish dictionary.

Аннотация: В статье исследуется актуальная тема презентации русизмов в испанских словарях разных типов. Важность исследования обусловлена тем, что специальное исследование русизмов в отечественной иберо-романистике осуществляется впервые. Новизна статьи заключается в том, что впервые в отечественной иберо-романистике проводится анализ функционирования русизмов в испанском языке, рассматривается исторический контекст их появления, способы ассимиляции и интерпретации их значений на примере русских денежных единиц, кроме того, впервые дается критический анализ испанских лексикографических источников. Целью нашей статьи было исследовать испанские лексикографические источники, содержащие русизмы, систематизировать различные словарные определения изучаемых русизмов, рассмотреть их понятийный объём в зависимости от целей и задач источника, выявить статистические данные по использованию русизмов, сделать выводы о частотности данных русизмов. Мы рассмотрели словарные дефиниции слов «рубль» и «копейка», данные в тринадцати испанских словарях от 1793 г. до 2007 г. издания (это словарь Испанской королевской академии, словарь «Ñ», словарь Марии Молинер, словарь «Sopena», «Словарь испанского языка, с терминами науки и искусств» Эстебана Террероса-и-Пандо в 4 томах, словарь «Анаа», словари «Larousse», словарь испанского языка для иностранцев, словарь «Clave», школьный учебный словарь, энциклопедический иллюстрированный словарь Espasa, словарь «Саламанка»). Был проведен анализ словарных статей. В результате была выявлена вариативность дефиниций в зависимости от специфики словаря, а также вариативность слова «копейка» и в орфографии, и в категории рода и числа. Мы также обратились к диахроническому корпусу испанского языка CNDHE с целью проследить хронологию появления данных русизмов в испаноязычных текстах и к корпусу испанского языка Corpes XXI с целью определить количество употреблений слов «rublo» и «kopek» за последние годы в текстах разных жанров и тем и привести статистические данные. Мы рассматривали употребление этих слов во всей испаноязычной зоне.

Ключевые слова: русизм, рубль, копейка, заимствование, испанский язык, реалья, испанский словарь.

Введение

Статья посвящена теме русизмов, т.е. заимствованиям из русского языка в испанском языке. Тема заимствований является особенно актуальной в эпоху глобализации. Заимствованиям из русского языка в испанский посвящено не так много работ. Новизной является то, что русизмы были выявлены именно в испанских словарях, а не в художественных или публицистических текстах, и их определения рассматриваются впервые. Статья посвящена двум русизмам-денежным единицам в испанских словарях – rublo и корек. Они были взяты как примеры присутствия русизмов в испанском языке, т.к. встречаются почти во всех рассмотренных нами словарях¹, в отличие от многих других русизмов. Так, в словаре Испанской королевской академии (21 издание) русизмов насчитывается 25. Все рассмотренные нами словари были изданы в Испании с 1793г. по 2007г.: словарь Испанской королевской академии, словарь «N», словарь Марии Молинер, словарь «Sorpena», «Словарь испанского языка, с терминами науки и искусств» Эстебана Террероса-и-Пандо в 4 томах, словарь «Анауа», словари «Larousse», словарь испанского языка для иностранцев, словарь «Clave», школьный учебный словарь, энциклопедический иллюстрированный словарь Espasa, словарь «Саламанка». Надо отметить, что слово «рубль» – одно из самых ранних заимствований, оно относится к XVI-XVII вв. по разным источникам, а заимствование слова «копейка» относится к XIX в. Среди методов, применявшихся в работе, можно назвать метод лексикографических дефиниций, статистический метод и метод количественного анализа.

Экскурс в историю и определение понятий «русизм» и «заимствование»

Слова из русского языка зафиксированы в испанских словарях уже в XVII в. (тогда их было менее 10), в словарях же XX в. таких слов уже около 30. Наше обращение к корпусу испанского языка показало, что в эпоху глобализации тема заимствований в естественных языках приобретает особую актуальность. Изучение заимствований является важной задачей, оно позволяет выявить особенности социально-культурных взаимосвязей между странами. Что касается Испании и России, то, вероятнее всего, первые русизмы появились в результате первых дипломатических и культурных контактов. По словам М.П. Алексеева, «официальные сношения Московского государства с Испанией начались сравнительно поздно и до конца XVII века носили эпизодический характер». Из случайно сохранившихся документов мы узнаем, что русские люди бывали в Испании уже в XIV-XV вв., а испанцы приезжали в Московию. В XVI веке начались деловые отношения между двумя государствами

[Алексеев, 1985]. Закономерно, что при этом в испанский язык проникали слова, обозначающие русские реалии.

В испанском языке имеется несколько десятков русизмов. Согласно словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «русизм – это слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из русского языка или созданные по образцу русских слов и выражений» [Ожегов, Шведова, 1997]. По определению Лингвистического энциклопедического словаря, «заимствование – элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [ЛЭС, 1990]. А в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой заимствование характеризуется как «обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющих и обозначения неизвестных прежде предметов» [Ахманова, 2005]. Заимствования могут быть устными и книжными, а также лексическими, семантическими и синтаксическими. Заимствованные слова чужого языка могут употребляться в текстах заимствующего языка в качестве иноязычных вкраплений, сохраняя свой облик; если они начинают употребляться более-менее регулярно, их называют «варваризмами» [ЛЭС, 1990].

Мы будем рассматривать лексические заимствования, обозначающие российские реалии. Тема реалий подробно представлена в книге С. Влахова и С. Флорина, где они предлагают такое определение: «реалия – предмет, вещь, материально существующая или существовавшая, нередко связанная по смыслу с понятием «жизнь» [Влахов, Флорин, 1980].

Виды словарей

Как уже было сказано, в испанском языке имеется почти три десятка слов, заимствованных из русского языка (это только попавшие в словари). И если слово rublo во всех словарях пишется одинаково, то слово сорес имеет множество вариантов: сореса, соресо, сорес, соресек, корес, корек, коресек. Различны и определения, данные в разных словарях этим словам. Эти определения зависят от специфики словаря. В большинстве словарей дается этимологическая справка об этих словах. Существуют различные виды словарей. В своей работе испанский лексикограф Х. Фернандес-Севилья выделяет такие словари: исторические (Diccionario de autoridades 1726-1739 гг.), этимологические (словарь Короминаса начало 1980-х), идеологические, всеобщие (или тезаурусы, где собрана вообще вся лексика языка), структурные (слово определяется как система отношений), генеративные (где определяются сочетаемость слова, его контексты, правильное употребление; основаны на учении

1 Речь идет о словарях, хранящихся в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино и в Институте Сервантеса в Москве.

Н. Хомского), словари синонимии и антонимии, нормативные (*Diccionario de dudas*), специальные (например, словарь морских терминов), словарь конструкций и управления, (*Diccionario de construcción y régimen* P. X Куэрво), двуязычные словари [Fernández – Sevilla, 1974, с. 44-68; с. 177-178]. В свою очередь, немецкий лингвист и лексикограф Г. Хаенш делит словари на: словари конструкций и управления; поговорок и пословиц; цитат; словоупотреблений; синонимов; антонимов; омонимов и паронимов; рифм; жестов; архаизмов; неологизмов; диалектов Испании; испанского языка Америки; литературного языка; эвфемизмов; социолектов; иностранных слов; авторские; грамматические; орфографические; этимологические; исторические и другие [Haensch, 1997, с. 7-8]. Мы рассматривали различные словари – и этимологические, и энциклопедические, и толковые словари, а также словари словоупотребления.

Определения слова «рубль»

Обратимся сначала к толковым словарям. Несомненно, самый авторитетный из испанских словарей – это толковый словарь Испанской королевской академии. Мы рассматривали 21 издание 1999 года (издательство Espasa). Видный отечественный лексикограф А.В. Садиков считает, что этот словарь Академии довольно архаичен и консервативен, что академики не успевают (или не хотят) обновлять его. Многие определения существуют в нем уже около двухсот лет [Садиков, 2019]. Как отмечается в предисловии к нему, словарь призван поддерживать языковую общность более чем трехсот миллионов людей, живущих по разные стороны Атлантики и объединенных общностью взгляда на мир и на жизнь. Поэтому в словаре учтены все лексические и семантические особенности языка, который «родился под солнцем Кастилии более тысячи лет назад» [*diccionario de la lengua española*, 1992, с. 7]. Эта работа осуществлена в сотрудничестве с Академиями других испаноязычных стран, в том числе Филиппин, в сотрудничестве с Академиями точных и естественных наук. В этом словаре мы выявили 25 русизмов. Слово «rublo» в нем определяется так: «del ruso “rubl”, un derivado de “rubitj”, cortar (por ser un antiguo “rublo” un pedazo cortado de una barra de plata), m. Moneda de plata que es en Rusia la unidad monetaria»². В современной электронной версии словаря Испанской Королевской Академии дается почти то же определение, только опущено упоминание о серебре (как известно, в обиходе давно уже не серебряные рубли)³. В

толковом словаре «*Diccionario Ñ*» (2006 г., издательство Espasa Calpe, второе издание) тоже дается историческая справка: «rublo – m. Unidad monetaria de la Rusia zarista, la antigua URSS y, en la actualidad, de la Federación de Rusia, Ucrania, Bielorrusia, Moldavia y otras repúblicas que la formaban»⁴ [*diccionario Ñ*, 2006]. Необходимо уточнить тот факт, что на момент публикации словаря определение уже было устаревшим. В предисловии к этому словарю говорится, что статьи построены в соответствии с решениями Ассоциации академий испанского языка; почти на каждое слово даны примеры.

Обратимся теперь к учебным словарям. Это новый тип тезаурусов. В толковом учебном «Словаре испанского языка для иностранцев» 2002 года издания (издательство SM, второе издание) включаются и слова, имеющие широкое хождение на американских континентах (особенно в густонаселенных странах), часто встречающиеся в периодике и литературе. В предисловии говорится, что словарь призван помочь изучающим испанский язык иностранцам обогатить свой словарь, понять смысл слов и уметь создавать устные и письменные тексты на хорошем испанском языке, и его статьи отличаются краткостью и лаконичностью. В словаре дается не этимологическая, но историческая справка: «rublo s. m. Unidad monetaria de la antigua Unión Soviética (antiguo país euroasiático) y de algunos de los países nacidos después de que se desintegrara»⁵ [*Diccionario de español para extranjeros*, 2002]. Этимологическая справка дана в учебном словаре «Anaya» (первое издание было в 1979 г.): «rublo – del ruso “rubl” < rubitj=cortar) s. M. Unidad monetaria de la URSS»⁶ [*diccionario Anaya*, 1996]. Этот словарь был переиздан в 1996 г. (Grupo Anaya, третье издание). Он был создан, прежде всего, для школьников и студентов, обучающихся испанскому языку, поэтому его определения отличаются ясностью и лаконичностью (но ни в коем случае не упрощенностью). Прологи к нему (к разным изданиям) написаны известным лингвистом Фернандо Ласаро Карретером (принимавшем участие в составлении словаря). Он пишет о том, что издатели-филологи этого словаря очень тщательно отбирали слова для включения в него, т.к. он предназначен именно для обучающихся испанскому языку, и туда были внесены слова, пока не признанные в качестве официальной лексики, но часто употребляемые в повседневной жизни и в СМИ (это, например, термины из спорта или жаргон). Карретер пишет и о том, что словарь имеет важное практическое значение, потому что учитывает все контексты,

2 От русского “рубль”, которое происходит от глагола “рубить”, т.к. старинный «рубль» был куском серебра; серебряная монета, денежная единица России) – здесь и далее перевод автора – С.М.

3 <https://dle.rae.es/rublo?m=form>, дата обращения 15.11.2023.

4 Рубль, м. р. – денежная единица царской России, бывшего СССР, а в настоящее время – и Украины, Белоруссии, Молдавии и других составлявших его республик.

5 Рубль – денежная единица бывшего СССР (старой евроазиатской страны) и некоторых стран, появившихся после ее развала.

6 От русского «рубль», от глагола «рубить», денежная единица СССР.

в которых могут встретиться те или иные слова и выражения. Много внимания уделено и этимологии, т.к. она важна при овладении лексикой – каждая статья снабжена справкой. Дается и морфологический разбор слова (например, из каких греческих или латинских корней и суффиксов оно состоит). Кроме того, даются синонимы и антонимы, близкие слова, однокоренные слова, комментарии. Словарь «Апауа» также снабжен множеством иллюстраций. В словаре есть приложение с нормами правописания, спряжением глаголов, глоссарием терминов и т.д.

В «Diccionario didáctico avanzado primaria», школьном учебном словаре 2003 г. (издательство Cesma) рублю дается краткое определение: «rublo – s. m. Unidad monetaria rusa y de otros países»⁷ [Diccionario didáctico avanzado primaria, 2003]. В предисловии к этому изданию Алонсо Самора Висенте, член Испанской королевской академии, пишет, что авторы ставили перед собой цель создать словарь, с помощью которого учащийся (прежде всего тот, для которого испанский язык родной) мог развеять свои сомнения и усовершенствовать владение языком. Каждый человек, по их мнению, уже владеет каким-то своим языком повседневного общения; словарь же призван не ограничиваться этими узкими рамками и дать научную лексику и лексику новых технологий. Он должен помочь самовыражению ученика в устной и особенно в письменной речи на языке, имеющем давнюю и славную историю. Висенте отмечает, что в словарь не попали редкие слова, ненужные примеры, диалектизмы, техницизмы. Работа имела целью достичь максимальной ясности и простоты в обращении со словарем. В него был включен именно актуальный набор живых слов и выражений, используемых в повседневной жизни и в СМИ, но еще не зарегистрированных академией. В словаре даются справки по произношению, орфографии, морфологии, синтаксису, семантике и словоупотреблению, а также этимологии.

В уникальном толковом авторском словаре словоупотреблений (Diccionario de uso, второе издание, издательство Gredos) Марии Молинер, изданном в 1998 году (создан он был в 60-х гг., во времена диктатуры Ф. Франко), даются примеры словоупотребления и предложное управление; кроме этого, учитывается и ситуация, и контекст, в которых употребляется слово. Автор стремилась быть ясной и исключительно точной в определениях. В словаре даны и примеры на каждое слово, чтобы читатель мог понять все определения. По мнению А.В. Садикова, «этот словарь является своеобразным вызовом Академии... Исследовательница... учла опыт одного из сравнительно новых направлений словарного дела – учебной лексикографии, переживавшей свое

становление в Европе и Америке на протяжении XX в.» [Садиков, 2019]. Позже эта тенденция стала называться «системной», а также (особенно в России) «активной» лексикографией. В испаноязычных странах такая тенденция стала складываться ещё в конце XIX – XX веке, в словарях Р.Х. Куэрво и Х. Касареса. Однако главным событием здесь стал труд М. Молинер, который стал поворотным моментом в истории испанской лексикографии.

Активная лексикография стремится расширить традиционно сообщаемую словарную информацию и в парадигматическом, и в синтагматическом плане. Действуя в первом направлении, лексикографы стараются отразить положение каждого слова в общей лексико-семантической системе языка, помещая его в определённое семантическое поле и характеризуя его сходства с другими элементами этого поля – чаще всего синонимами, но также с гиперонимами, гипонимами, антонимами. Что касается синтагматического плана, то здесь активные словари задают способы употребления слова в речевом контексте, для чего иллюстрируют характеристику слова речевыми примерами на уровне законченных предложений, при этом давая образцы сочетаемости. Эти тенденции и постаралась отобразить М. Молинер, стремясь представить лексику испанского языка как систему взаимосвязанных единиц. Сама она отмечала, что словарь служит инструментом, ориентирующим в употреблении испанского языка его носителей и иностранцев. Эти задачи решаются путем построения группировок слов, близких по значению, и системы отсылок к другим статьям, выражающим смежные понятия. Кроме этого, они решаются грамматическими указаниями в каждой статье, составлением собственно грамматических статей и примерами, дополняющими определения, которые прояснили бы читателю потенциал употребления слов. Исследовательница строго следовала определениям Академического словаря, но при этом они были впервые полностью переформулированы и выражены более современным, лаконичным и живым языком, что позволяет избежать путаницы и искажений [Садиков, 2019]. Что касается определения слова «рубль», то в этом словаре также дается этимологическая справка: «rublo (del ruso "rubl" de "rubitj"; cortar). m. *Moneda *rusa de plata, unidad monetaria»⁸ [diccionario Moliner, 1998].

Рассмотрим теперь словарь испанского языка «Саламанка». Как пишет А.В. Садиков, это коллективный труд, выполненный под руководством Х. Гутьерреса Куадрато и Х.А. Паскуаля Родригеса (профессоров соответственно Барселонского и Саламанкского университетов) группой преподавателей названных и некоторых других учебных заведений. Это один из немногих испанских словарей, в которых ощущается непосредственное влияние

7 Рубль, м. р. – денежная единица России и других стран.

8 Рубль, м. р. – от глагола «рубить», серебряная монета, денежная единица России.

М. Молинер и ее новаторских установок. В то же время они стремятся подчинить излагаемую ими информацию строгим правилам формального описания, как того требует лексикография конца XX – начала XXI века. Этот словарь включает все то, что стало обязательным в европейской лексикографии (грамматическую характеристику слова и особенности его морфологии и морфосинтаксиса – в частности, новым для испанской лексикографии стало содержащееся здесь указание на исчисляемость/неисчисляемость существительного, включение в словарь аффиксов, отражение синонимических связей; система помет о принадлежности слова к определенному функциональному стилю, территории или социальной группе). Несмотря на некоторые недостатки, словарь «Саламанка» является важной вехой в становлении современной испанской лексикографии [Садиков, 2019]. Определения слова «рубль» в нем краткое: «rublo s.m. – unidad monetaria de Rusia y de la antigua Unión Soviética»⁹ [diccionario Salamanca, 1996].

Обратимся к еще одному словарю словоупотребления современного испанского языка – словарю «Clave» (Diccionario de uso del español actual). Этот словарь впервые был представлен публике издательством Ediciones SM в 1997 г., затем был обновлен и переиздан им же в 2006 г. В нем имеется не только определение слов, но также говорится об особенностях употребления, оттенках и различиях значения. В нем даются слова и выражения живого языка, актуальные именно на момент выхода словаря, даются примеры употребления слов. В словаре отмечаются и все особенности произношения, орфографии, морфологии, синтаксиса, семантики и употребления¹⁰. В нем учтены все рекомендации Испанской королевской академии. Предисловие к нему написано Габриэлем Гарсия Маркесом. Здесь дается пример предложения со словом rublo и кратко говорится об этимологии. Вот определение: «rublo s. M. Unidad monetaria rusa y de otros países. El rublo ruso tiene distinto valor que el rublo bielorruso. Etimol. Del ruso rubl»¹¹ [diccionario Clave, 2006].

Рассмотрим энциклопедические словари. В словаре «El Pequeño Larousse Ilustrado» не дается определение рублю (зато дается определение копейке, но об этом ниже). Интересно отметить, что в словаре «Larousse Universal Ilustrado» рубль сравнивается с песо (денежной единицей некоторых латиноамериканских стран): «rublo m. Moneda rusa de plata, unidad monetaria equivalente al peso. Parón. Rubro»¹² [diccionario El Pequeño Larousse

Ilustrado, 2007]. По мнению А.В. Садикова, «словари этой серии (Малый Ларусс) отличаются широким охватом лексики, наличием большой энциклопедической части, а также и огромным объемом наглядной информации. Ларусс продолжает давнюю традицию разработки и издания словарей французского, испанского и других языков, начатую основателем издательства Пьером Ларуссом. К числу несомненных достоинств лексикографических трудов, принадлежащих этой традиции, следует отнести тщательный отбор составителей и особую строгость в вопросе объективного осмысления материала при условии его постоянного обновления» [Садиков, 2019].

В предисловии к словарю «Diccionario enciclopédico nuevo ilustrado» издательства Espasa 1999 г. издатели отмечают, что в наше время интернета мы нуждаемся в источнике, который помог бы сориентироваться в потоке информации. Энциклопедический словарь Espasa был создан именно для этого. Издатели старались включить как можно больше полезной информации, поданной как можно более ясным языком. Лексический корпус основан на словаре Испанской королевской академии, кроме того, содержит иностранные слова, ставшие обычными в испанском языке, американизмы, неологизмы, арго и специальные термины. В словаре было уделено особое внимание именно испаноговорящему миру. В этом словаре дана и короткая историческая справка о рубле: «rublo – m. Econ. Unidad monetaria de la Federación de Rusia, Bielorrusia y Tayikistán. Antes de la disolución de la URSS era la moneda común de sus quince repúblicas»¹³ [diccionario enciclopédico nuevo ilustrado, 1999].

Обратимся к иллюстрированному энциклопедическому словарю «Sopena» в пяти томах. Впервые он был издан еще при Ф. Франко в начале 70-х годов. Его издатели отмечают, что это один из самых полных словарей на испанском языке. Они старались включить в словарь как можно больше информации, сделать его как можно более современным, и в то же время как можно более удобным в обращении. Это аутентичный и полный словарь испанского языка, содержащий не только слова, признанные Испанской королевской академией, но и слова, постоянно встречающиеся в СМИ и в технических и специальных текстах. Этот словарь предназначен для самого широкого читателя. Издатели старались сделать его актуальным и соответствующим переживаемому Испанией периоду, когда постоянно возникают новые отрасли науки, появляются новые лица в политике и искус-

9 Рубль – денежная единица России и бывшего СССР.

10 К словарю прилагается и CD-Rom.

11 Рубль, м. р. – денежная единица России и некоторых других стран. Пример: Российский рубль имеет иную ценность, чем белорусский рубль.

12 Российская серебряная монета, равная одному песо. Пароним – «рубро» – «красный» либо, в некоторых латиноамериканских странах, наименование».

13 Рубль – м. р., экон. Денежная единица Российской Федерации, Белоруссии и Таджикистана. Перед упразднением СССР был единой денежной единицей пятнадцати республик.

стве, новые культурные течения и т.д. В словаре много рисунков, т.к. они более наглядные, чем фотографии. В конце словаря даются схемы спряжений всех неправильных глаголов, а также атлас.

В этом словаре дается исчерпывающее определение слову *rublo*: «(del ruso "rubl" de "rubitj), cortar) m. Unidad monetaria de la URSS; se divide en 100 kópek»¹⁴ [diccionario Sopena, 1980]; кстати, в других словарях в статье о рубле о копейках не говорится. Кроме того, здесь дается большая и обстоятельная статья об истории рубля. Мы считаем нужным привести в сноске ее дословный перевод¹⁵.

Интересно, как в данной словарной статье в соответствии с испанской традицией транслитерируются русские слова «ассигнации», «совзнаки» и «червонец» – «assignatsis», «sovznaki» и «chervonetz» (эти слова даны курсивом с целью выделения, видимо, как экзотизмы). Видно, что нет устоявшейся традиции: в «assignatsis» слово приобретает испанское окончание-показатель множественного числа «s», а «sovznaki» почему-то нет, слово не изменяется. Кроме этого, русская буква «ц» в словах «assignatsis» и «chervonetz» передается двумя разными способами – в первом случае сочетанием букв «ts», во втором сочетанием «tz».

В Испании существовала и альтернативная лексикография. На протяжении периода с 1786 по 1793 гг. священник-иезуит Эстебан Террерос-и-Пандо издал 4 тома своего «Словаря испанского языка, с терминами науки и искусств» («Diccionario castellano con las voces de ciencias y artes»), в который было включено большое количество

терминологической лексики из самых различных областей знания и творчества. Им давались рациональные определения на уровне науки того времени. Словарь содержит и лексику обычного языка, т. е. сочетает в себе качества и энциклопедического, и толкового словаря. Подобные лексикографические источники принято называть «универсальными», и эта традиция была продолжена в Испании и в последующем. Труд Террероса стал первым на испанской почве словарем неакадемической традиции, увидевшим свет после основания Королевской академии [Садиков, 2019]. «Словарь испанского языка с терминами науки и искусства» Э. де Террероса и Пандо был переиздан в 1987 г. (издательство Arco Libros). В то время первому изданию было уже двести лет. В своей работе Террерос ориентировался на классических авторов, на просвещенную публику. В этом словаре находим такое определение: «*rublo* – *moneta corriente de Moscovia: cuatro rublos hacen un doblón de oro de España. Fr. Rouble, ruble*»¹⁶ [diccionario castellano con las voces de ciencias y artes, 1987]. Как видим, происхождение слова здесь возводится к французскому языку (т. е. слово, вероятно, пришло через французский), а хождение рубля относится только к временам Московии.

Таким образом, сделав обзор основных испанских словарей, можно констатировать, что слово «*rublo*» вполне ассимилировано в испанском языке: оно имеет испанское окончание «o» и во всех словарях имеет категорию мужского рода (в отличие, например, от слова «*vodka*», где ни род (оно может употребляться и в женском, и мужском роде), ни написание (через «s» или через «k») еще не устоялись).

14 От русского „рубль“, который, в свою очередь, произошел от „рубить“, м. р. – денежная единица СССР; состоит из 100 копеек.

15 История. Это очень старая монета, ее происхождение относят к XIII в. Монету начали использовать новгородские торговцы, и тогда она представляла собой ровные полоски серебра весом примерно двести грамм. Позже такую полоску стали делить на дробные равные части, которые имели свою ценность. Употребление такого рубля-полоски (первоначальное назначение которой было облегчать оплату) в скором времени распространилось и на другие княжества, хотя в каждом размер и вес исходного куска серебра, а также количество частей, на которые он делился, различались. Так, московский рубль состоял из двухсот шестнадцати монет, а новгородский – из двухсот. В первой половине XV в. рубль-полоска исчезает с тем, чтобы превратиться в монету и в основное платёжное средство России, пусть и неофициальное. В 1725 г. Петр Великий сделал его официальной денежной единицей и определил его характеристики, сделав их такими: его вес составлял 28,4 грамм серебра, а равнялся он ста копейкам. На этом рубле, называвшимся также «петровским», отразились политические и экономические события, через которые прошла страна, влияя на содержание в нем серебра и на его покупательскую способность. В 1769 г. Екатерина II ввела в обращение бумажные деньги (ассигнации), но эта мера не имела ожидаемого успеха и привела к обесцениванию. Денежный кризис продолжался и во время наполеоновского вторжения, даже усилившись из-за того, что вторгшаяся армия распространяла фальшивые рубли. Во время реформы 1839 г., которой очень содействовал министр финансов Канкрин, бумажный рубль был изъят, и остался только серебряный рубль, а во время реформы 1897 года, совершенной тогдашним министром финансов Витте, был введен золотой рубль, который, однако, не закрепился, хотя в ходу были монеты достоинством пять, десять и пятнадцать рублей. В 1915 г. вследствие Первой мировой войны рубль опять переживает кризис. Исчезли золотые монеты и почти все монеты из серебра, их заменили бумажным рублем. Победа революции 1917 г. привела к попытке упразднить рубль. Согласно новой экономической политике было напечатано огромное количество билетов, так называемых «совзнаков» (советских знаков), которые заменяли рубль и чья ценность была чуть больше номинальной, так как они не имели финансовой поддержки. В 1921 г. вновь стали чеканить серебряный рубль, а в 1922 был запущен в оборот «червонец» (золотой рубль) с целью стабилизировать советскую денежную систему. Его ценность была равна 50 млрд. совзнаков. В 1947 г., после Второй мировой войны, произошла новая денежная реформа, при этом десять старых рублей были равны одному новому; вместе с этим исчезло наименование «червонец». В 1961 имела место очередная реформа; рубль был установлен все в той же пропорции – десять старых рублей равнялись одному новому, из-за чего СССР достигло того, что его денежная единица приобрела международную ценность, которой до этого не было, что должно было благоприятно отразиться на экономических транзакциях со странами, не принадлежащих к коммунистическому блоку» [diccionario Sopena, 1980].

16 Монета, имевшая хождение в Московии: четыре рубля равны одному золотому дублону Испании». Франц. Rouble, ruble.

Определения слова «копейка»

Что касается слова «копейка», то оно, скорее всего, пришло только в конце XIX в., т.к. встречается главным образом в переводах художественной литературы (об этом ниже). В каждом словаре дан свой вариант написания этого слова. В словаре Испанской Королевской Академии (21 издание) два варианта: «сóрес m. Сореса», в статье на это слово находим: «сореса (del ruso kopeika) f. Moneda rusa, equivalente a la centésima parte de un rublo»¹⁷ [diccionario de la lengua española, 1992]. Интересно, что в актуальном электронном варианте словаря видим: варианта «сореса» не существует, есть «сорес» и отсылка к «корек», (оба слова без ударения), и определение дается на вариант «корек»¹⁸. В словаре «Ñ» тоже разные варианты: «кóрес, kóрек o koreck (voces rusas) m. Сóрес (т. е. идет отсылка). И «сóрес m. – moneda rusa que es la centésima parte de un rublo. И далее говорится: También se escribe «сореса», «кóрес», «кóрек» o «koreck» (т. е. даются разные варианты орфографии) [diccionario Ñ, 2005].

В «Diccionario de la lengua española para extranjeros» находим написание с начальным и финальным через k: «korek s. M. Moneda rusa equivalente a la centésima parte de un rublo»¹⁹. И дается транскрипция: pron. [kóрек] [diccionario de la lengua española para extranjeros, 2002]. В словаре «Anaya» «копейка» определяется иначе – слово пишется через испанские «с» и тоже без ударения: «сорес (voz rusa) s.m. Moneda fraccionaria rusa con valor de un céntimo de rublo»²⁰. В этом же словаре дается вариант написания с «ск» на конце [diccionario Anaya, 1996]. В «Diccionario didáctico avanzado» дается две статьи на это слово. Первая на слово, написанное через две «с» и с ударением, тут же дается и второй вариант написания: «сóрес – s. m. Moneda rusa equivalente a la centésima parte de un rublo; сореса» («русская монета, равная одной сотой рубля»). Далее говорится о его использовании: 1. Aunque la RAE prefiere «сореса», se usa más «сóрес» 2. Es innecesario el uso del término ruso «корек»²¹. На этот последний вариант есть вторая статья: «корек (del ruso) s. m. – > сóрес (отсылка к первой статье). Здесь же дается транскрипция: pron. [kóрек] и говорится: «su uso es

innecesario»²² [Diccionario didáctico avanzado primaria Lengua española, 2003].

В словаре Марии Молинер дается несколько вариантов слова. Первая статья начинается с варианта на k – «корес m. Сорес», вторая на «с»: сóрес, сореса o coreck (del fr. coreck) [т. е. слово, вероятно, пришло из французского языка] m. *Moneda *rusa, centésima parte de un rublo²³ [22]. В словаре «Саламанка» копейка определяется так: «сóрес, kóрес o kóрек (plural – сóрес, kóрес o kóрекс). s. m. Moneda rusa, centésima parte de un rublo. De mi viaje a Rusia solo me quedaron algunos сóрес»²⁴ [diccionario Moliner, 1998]. Как видим, здесь даны три варианта написания слова, уточнено образование множественного рода и дан пример. В словаре «Clave» в основной статье дается вариант с двумя английскими «к» и без ударения: korek s.m. – coreck. Etimol. De origen ruso. Pron. [korek]²⁵ [diccionario Clave, 2006].

В словаре «El Pequeño Larousse Ilustrado» «копейка» определяется так: «сорес, m. - > korek», т.е. идет отсылка к этому варианту. При обращении к нему находим следующее определение: «korek o сорес s. m. Moneda fraccionaria que vale 0,01 rublo»²⁶ [diccionario El Pequeño Larousse Ilustrado, 2007]. В словаре «Larousse Universal Ilustrado» возникает еще один вариант написания: «Korek. V. Coreck.». Т.е. здесь основной вариант coreck. В статье о нем дано другое определение: «coreck m. Moneda de cobre rusa, céntimo del rublo. Korek.»²⁷ [diccionario Larousse Universal Ilustrado, 1958]. В «Diccionario enciclopédico nuevo Espasa Ilustrado» три варианта написания: «korek m. Сорес». Текст статьи на последний вариант такой: «сорес m. Econ. Moneda rusa, centésima parte del rublo. También se escribe koreck»²⁸ [diccionario Espasa, 1999]. В энциклопедическом словаре «Sorpena» отразились колебания не только в написании этого слова, но и в роде, это единственный словарь, где оно женского рода: «сорес, f. Moneda de Rusia, equivalente a un centésimo de rublo»²⁹. Также есть статьи на «сореса, f.» и «соресо m.» - > сорес (т. е. эти статьи отсылают к основному варианту «сорес») [diccionario Sorpena, 1980]. По всей видимости, это варьирование по

17 От рус. «копейка», российская монета, равная сотой части рубля.

18 <https://dle.rae.es/korek?m=form>, дата обращения 15.11.2023..

19 Российская монета, равная сотой части рубля.

20 Российская разменная монета стоимостью в одну сотую рубля

21 1. Хотя Королевская Академия предпочитает «сореса», чаще используется «сóрес» 2. Нет необходимости употребления варианта «корек».

22 Его употребление необязательно.

23 Слово м. р., российская монета, сотая часть рубля.

24 Копейка – российская монета, сотая часть рубля. *После моего путешествия в Россию у меня осталось только несколько копеек.*

25 Мужского рода, происходит из русского языка»; также дается транскрипция.

26 Разменная монета, равная 0,01 рубля.

27 Российская медная монета, сотая часть рубля.

28 Российская монета, сотая часть рубля, также пишется coreck.

29 Российская монета, равная сотой части рубля.

роду связано с источником заимствования. В польском и немецком языках слово «копейка» женского рода, во французском – мужского. В «Diccionario castellano con las voces de ciencias y artes» от статьи о слове *copec* неожиданно идет отсылка на статью о слове *altin*: «moneda de Moscovia que vale tres copecs y el copec vale como tres cuartos, con que el altin es cosa de un real de vellón»³⁰. Надо отметить, что слово «altin» («алтын») написано без ударения, т.е. оно читается как [áлтин] [diccionario castellano con las voces de ciencias y artes, 1987]. Таким образом, можно констатировать, что этот русизм, в отличие от *rublo*, еще не окончательно ассимилирован в испанском языке: наблюдается колебание по роду, а также есть различные орфографические варианты. Кроме того, можно отметить, что в данных словарных статьях иногда сочетаются различные элементы семантизации, например этимологизация и толкование.

Корпусные исследования

Мы посчитали необходимым для нашего исследования обращение к диахроническому корпусу испанского языка (CNDHE), который позволяет получить объективные данные о времени и количестве употреблений слов «*rublo*» и «*copec*» в испанском языке, хотя мы понимаем, что не все тексты, включающие эти русизмы, были оцифрованы. Так как в этом корпусе даны только сведения с XII в. по 2000 г., то мы и рассматривали этот промежуток времени. Оказалось, что слово «*rublo*» существует в испаноязычных текстах с 1775 г.: оно отмечено 56 раз в 32 документах. В форме множественного числа «*rublos*» оно встречается с 1779 г. по 1998 г. 186 раз в 83 текстах различных испаноговорящих стран³¹. Слово «копейка» мы проверяли в разных написаниях; «*corek*» в этом корпусе встретилось 1 раз в испанском документе 1931г. (мн. ч. «*coreks*» 8 раз в 5 испанских, венесуэльских и аргентинском документах с 1979 по 1995г.), «*cores*» не встретилось ни разу, «*coresk*» отмечено 1 раз в аргентинском документе 1881г., «*cores*» 37 раз в 11 чилийских документах с 1983 г. по 1992 г. (при этом 2 раза в варианте с ударением «*sóres*»), «*corek*» встретилось 10 раз в единственном кубинском документе 1966³²г.

Мы также обратились к корпусу испанского языка *Corpes XXI* с целью рассмотреть количество употреблений слов «*rublo*» и «*corek*» (*copec*) за последние годы в текстах разных жанров и тем. Мы брали употребление этих слов во всей испаноязычной зоне. Графики показали, что слово «*rublo*» с 2001 по 2023 год употреблялось в 141 документе 224 раза (0,56 на миллион). Данные графиков, посвященных видам текстов, в которых употре-

бляется это слово, мы расположили в таблице (табл. 1).

Таблица 1.

Употребление слова «*rublo*» в различных видах текстов.

Вид текста	Количество употреблений	Доля в %
Тексты об актуальных вопросах, досуге и повседневной жизни	24	10,7
Тексты об искусстве, культуре, зрелищных мероприятиях	11	4,91
Тексты о социальных науках, религии и аналитические тексты	19	8,48
Тексты о науках и технологиях	26	11,6
Повести, романы	50	22,3
Рассказы	8	3,57
Политические, экономические, юридические тексты	73	32,6
Медицинские тексты	1	0,446
Театральные тексты	12	5,36

Данные графиков, посвященных жанрам текстов, в которых употребляется слово «*rublo*», также даны в таблице (табл. 2).

Таблица 2.

Употребление слова «*rublo*» в текстах различных жанров.

Жанр текста	Количество употреблений	Доля в %
Художественная литература	70	36,5
Академические тексты	11	5,13
Научно-популярные тексты	3	1,56
Биография, воспоминания	2	1,04
Новости	60	31,3
Хроника	1	0,521
Репортаж	15	7,81
Редакционные колонки	4	2,08
Журналистские колонки	9	4,69
Интервью	9	4,69
Критические тексты	1	0,521
Блоги	6	3,13
Остальные тексты	1	0,521

Что касается слова «*corek*» (именно в таком написании), то с 2009 по 2021 год оно употреблялось в 7 документах 13 раз (0,03 на миллион). Данные графиков, посвящен-

30 Монета Московии, равная трем копейкам, а копейка равна трем куатро (испанская медная монета), так что алтын равен одному сплаву из серебра и меди.

31 <https://apps.rae.es/CNDHE/org/publico/pages/consulta/entradaCompleja.view>, дата обращения 09.12.2023.

32 <https://apps.rae.es/CNDHE/org/publico/pages/consulta/entradaCompleja.view>, дата обращения 09.12.2023.

ных видам текстов, в которых употребляется это слово, мы расположили в таблице (табл. 3).

Таблица 3.

Употребление слова «корек» в различных видах текстов.

Вид текста	Количество употреблений	Доля в %
Романы, повести	11	84,6
Рассказы	1	7,69
Театральный текст	1	7,69

Если говорить о жанрах, то это слово встретилось исключительно в художественных текстах. Вариант «сорес» с 2001 по 2022 год употреблялся 76 раз в 48 документах (0,18 на миллион). Данные графиков, посвященных видам текстов, в которых употребляется это слово, мы расположили в таблице (табл. 4).

Таблица 4.

Употребление слова «сорес» в различных видах текстов.

Вид текста	Количество употреблений	Доля в %
Тексты об актуальных вопросах, досуге и повседневной жизни	8	10,7
Тексты об искусстве, культуре, зрелищных мероприятиях	2	2,67
Тексты о науке и технологиях	15	20
Повести, романы	3	4
Политические, экономические, юридические тексты	45	60
Медицинские тексты	2	2,67

Данные графиков, посвященных жанрам текстов, в которых употребляется слово «сорес», также даны в таблице (табл. 5).

Таблица 5.

Употребление слова «сорес» в текстах различных жанров.

Вид текста	Количество употреблений	Доля в %
Художественная литература	3	7,14
Академические тексты	3	7,14
Новости	12	28,6
Научно-популярные тексты	1	2,38
Репортаж	22	52,4
СМИ	1	2,38

Остальные варианты написания слова «копейка» отсутствуют в корпусе, написания с ударением и без него не различаются. Можно подсчитать, что вариант «корек» употреблялся в среднем 1 раз за год, а вариант «сорес» 3,6 раз, что почти в 3 раза больше³³.

Заключение

В ходе исследования мы проследили историю употребления слов «рубль» и «копейка» в испанском языке. Проведенное нами сопоставительное исследование словарных дефиниций позволило проследить изменения в представлении носителей языка о двух проанализированных нами русизмах и сделать вывод о том, что слово «rublo» можно назвать ассимилированным заимствованием в испанском языке, а слово «сорес» («корек») остаётся историзмом. По актуальному испанскому корпусу XXI в. можно сделать заключение о том, что слово «rublo» чаще всего встречается в художественной литературе, а слово «копейка» в вариантах «сорес» и «корек» – исключительно в художественной литературе (главным образом, в переводах русских авторов). При этом вариант «сорес» характеризуется значительно большей частотностью, хотя в словаре Испанской королевской академии определение дается на вариант «корек», т.е. такое написание признано Академией нормативным для испанского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Diccionario Anaya de la lengua española, 1996. Madrid: Madrid: Group Anaya, pp: 1079.
2. Clave. Diccionario de uso del español actual, 2006. Madrid: EDICIONES SM, pp: 2000.
3. Diccionario didáctico avanzado primaria Lengua española, 2003. Madrid: Cesma, pp: 1308.
4. Diccionario enciclopédico Nuevo Espasa ilustrado, 1999. Madrid: Espasa Calpe, pp: 1800.
5. Diccionario enciclopédico Sopena, 1980. Barcelona: Editorial Ramon Sopena S.A.
6. Diccionario de español para extranjeros, 2002. Madrid: EDICIONES SM, pp: 1408.
7. Diccionario de la lengua española, 21 edición, 1992. Madrid: Espasa Calpe.
8. Diccionario de la lengua española «Ñ», 2005. Madrid: Espasa Calpe, pp: 1430.
9. Diccionario El Pequeño Larousse Ilustrado, 2007. Ediciones Larousse Sa De Cv, pp: 1825.

33 <https://www.rae.es/banco-de-datos/corpes-xxi>, дата обращения 13.12.2023.

10. Diccionario Larousse Universal Ilustrado, 1958. Paris, Buenos Aires: Larousse.
11. Diccionario Salamanca de la lengua española, 1996. Madrid: Santillana, pp: 1726.
12. Moliner M., Diccionario de uso del español, 1998. Madrid: Gredos.
13. Terreros y Pando, E. Diccionario castellano con las voces de ciencias y artes, 1987. ARCO Libros, pp: 734.
14. Алексеев М.П. «Русская культура и романский мир», Ленинград, Наука, 1985, 542 с.
15. Ахманова О.С. «Словарь лингвистических терминов», Москва: УРСС, 2005, 569 с.
16. Влахов С., Флорин С. «Непереводимое в переводе», Москва, Международные отношения, 1980, 416 с.
17. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой, Москва, Сов. энцикл., 1990, 682 с.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, Москва, Азбуковник, 1997, 907 с.
19. Садиков А.В. Испанский язык сквозь призму лексики, Москва, УРСС, 2019, 327 с.
20. Fernández – Sevilla J. Problemas de lexicografía actual, 1974. Bogota: Instituto Caro y Cuervo, pp: 190.
21. Haensch Günther. Los diccionarios del español en el umbral del siglo XXI: Problemas actuales de la lexicografía. Los distintos tipos de diccionarios, una guía para el usuario. Bibliografía de publicaciones sobre lexicografía, 1997. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, pp: 293.
22. <https://dle.rae.es> (словарь Испанской Королевской Академии), дата обращения 25.05.2023.
23. Corpes XXI <https://www.rae.es/corpes/>, дата обращения 02.06.2023.
24. БСЭ bse.slovaronline.com/37160-RUBL

© Мамилова Светлана Абдурахметовна (serdle@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИГРЫ С КЛАССИКАМИ, ИЛИ МЕДИАТИЗАЦИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СФЕРЕ ТОВАРОВ И УСЛУГ

GAMES WITH CLASSICS, OR MEDIATIZATION OF CLASSICAL RUSSIAN LITERATURE IN THE SPHERE OF GOODS AND SERVICES

D. Minets

Summary: The article examines the literary component of modern media consumption culture, in particular, the subject of analysis is the methods of transformation and forms of use of classical Russian literature in the field of goods and services. We analyzed over 150 items of goods on the popular marketplaces "Wildberries" and "Ozon", which in one way or another use literary material in the naming of their products. The network environment is actively mastering the literary heritage, implementing educational and cognitive, communication, relaxation and creative functions. To adapt a traditional text in the media space, digitalization, visualization, creative interpretation and creation of one's own content are used, based on the classics transferred to modern realities. Mediature actualizes the literary text, stimulating interest in the creative exploration of reality among the mass audience.

Keywords: mediatization of literature, intertext, allusion, reminiscence, naming, media space, media format.

Минец Диана Владимировна

кандидат филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
dv.minets@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается литературная составляющая современной медиакультуры потребления, в частности – предметом анализа становятся способы преобразования и формы использования классической русской литературы в сфере товаров и услуг. Нами было проанализировано свыше 150 единиц товаров на популярных маркетплейсах «Wildberries» и «Ozon», так или иначе задействующих литературный материал в нейминге своей продукции. Сетевая среда активно осваивает литературное наследие, реализуя образовательную и познавательную, коммуникационную, релаксационную и креативную функции. Для адаптации традиционного текста в медиапространстве применяются операции цифровизации, визуализации, творческой интерпретации и создания собственного контента с опорой на классику, перенесенную в современные реалии. Медиакультура актуализирует литературный текст, побуждая в массовой аудитории интерес к творческому освоению действительности.

Ключевые слова: медиатизация литературы, интертекст, аллюзия, реминисценция, нейминг, медипространство, медиаформат.

В настоящее время все более наблюдается так называемая медиатизация литературы, под которой мы понимаем процесс вовлечения литературных произведений в различные медиаформы и медиапространства (кино, реклама, телевидение, интернет и социальные сети и пр.). Это в свою очередь подразумевает адаптацию литературных произведений под фильмы, сериалы, видеоигры, рекламу, маркетинг, сферу услуг, создание аудиокниг, рассказов и аудиопостановок, а также продвижение литературы через социальные медиа и блоги. Сам процесс неоднозначен, поскольку, с одной стороны, может позволить широкой аудитории ознакомиться с литературными произведениями и увеличить их популярность, а с другой стороны – может привести к потере оригинальности и глубины произведений, когда визуальные или звуковые эффекты заменяют литературные приемы и размывают особенности оригинального текста. К тому же, в этом ключе остро встает проблема «конвертации» классики и конвертируемых и неконвертируемых форматов, так как на первый план выходят вопросы этики. Особенно важен вопрос о сохранении литературным знаком своей культурной значимости в условиях такой «эксплуатации», которая состоит в том, что он подвергается различным структурным и смыс-

ловым трансформациям. Можно перефразировать композитора Джона Кейджа, который в середине XX века утверждал, что «все, что мы слышим, – это музыка». Во всем, что нас окружает, есть классическая литература – ее прямые цитаты или намеки на нее. Все эти примеры медиатизации литературы позволяют привлекать новых читателей и зрителей, а также сохранять и расширять интерес к классическим и современным литературным произведениям (см. Рис. 1-3).

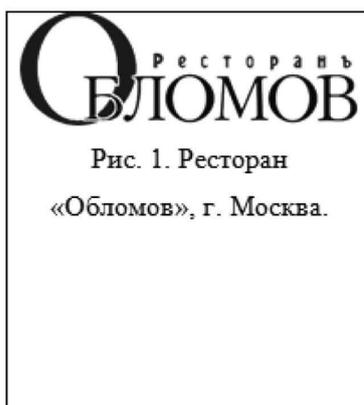
Связь с классической литературой можно обнаружить даже в тех сферах, которые, казалось бы, от нее достаточно далеки. Возьмем, например, шрифты, которые были разработаны для Microsoft Word: к вопросу о жизни мира компьютерной каллиграфии. Накануне празднования 200-летия Александра Сергеевича была разработана группа шрифтов (Pushkin) на основе почерка поэта [8]. Подобная же судьба и у шрифта Gogol [3]. Он так же был подготовлен к 200-летию со дня рождения писателя, а в его основе – рукописи второй главы «Мертвых душ».

Рассмотрим, как работает литературный интертекстуальный код, становясь составляющей медийного. На принте футболки представлены портреты Пушкина и Го-

голя, стилизованные под персонажей кинокартины Квентина Тарантино «Криминальное чтиво» (Рис. 4). Подпись же на футболке гласит «У тебя три ошибки!!! В одном слове...», что соотносимо с дискурсом учителя русского языка и литературы, дающего наставления нерадивым студентам. Стоит отметить, что сфера товаров и услуг сейчас переживает небывалый подъем литературоведческой тематики. Яркий пример – литературные серии носков бренда «St.Friday», посвященные Сергею Довлатову (Рис. 5) и другим литературным персоналиям. (Рис. 4-5.)

Остановимся на иных форматах медиатизации литературных персоналий, представленных в сфере товаров и услуг. Заранее оговорим, что открытость и постоянная обновляемость медиакультуры, доступность материалов культурного характера и электронных инструментов, провоцирующих создание собственного контента разного уровня талантливости, способствует возникно-

вению любительских медиакультурных опытов, построенных на использовании и преобразовании уже имеющих медиакультурных единиц литературной тематики [6, с.34]. Нами было проанализировано свыше 150 единиц товаров на популярных маркетплейсах «Wildberries» и «Ozon», так или иначе задействующих литературный материал в нейминге своей продукции. Значительная доля товаров – одежда и аксессуары. Сразу скажем, что при большом желании сегодня любой одеться может даже не от кутюр – от литературы – с головы до ног. И речь пойдет даже не о визуальных цитатах – портретах писателей, фразах, принадлежащих тем или иным авторам, которые размещаются на одежде. В интервью представителя одной из торговых марок, занимающейся производством такой «литературной одежды» прозвучала фраза: «Классиков нужно не только читать, но и носить». Носят всех, носят на всем (портреты и цитаты украшают футболки, свитшоты и даже платья): весь XIX век, весь XX,

встречаются уже стихи современных писателей – например, Дмитрия Воденникова. Самой популярной цитатой из Достоевского (несложно догадаться) является фраза «Тварь я дрожащая или право имею?».

Существует торговая марка «Великие и любимые», слоган которой – «Великие и любимые. Носите и читайте». И в данном случае, (во всяком случае хочется в это верить), преследуется цель вызвать интерес к чтению. В число великих и любимых вошли А. Ахматова, Л.Н. Толстой, В. Маяковский и С. Есенин, Н.В. Гоголь, А.П. Чехов, И. Бродский.

Во всех приведенных примерах в основе лежит использование прецедентных текстов. В данном случае – это цитаты, позаимствованные из известных текстов тех или иных авторов. В традиционном понимании цитата – это прямая передача чужих слов с указанием автора, либо без указания. В этом случае прецедентные тексты узнаются реципиентами без отсылки. И зависит это всякий раз, во-первых, от степени известности и хрестоматийности используемого текста, а также от культурной памяти реципиента.

Кроме привычных цитат, вербальных, часто встречаются и цитаты визуальные (если текст понимать в широком смысле). К ним можно отнести портреты и писателей, и фотографии книг этих писателя. Часто встречаются использование в качестве принта не просто изображения тех или иных авторов, но стилизованные изображения. Это попытка вписаться в актуальный контекст, явное заигрывание с публикой (молодыми людьми). Включение торговой марки в литературный контекст в таких случаях будет выполнять уже референтивную функцию и выступать как знак качества. Не привлекать внимание опреде-

ленной группы людей (молодежи), не популяризировать латентно чтение, а формировать положительный образ.

Один из таких примеров – белье ручной работы «Мастер & Маргарита» (Рис.6). Заявленная миссия продукта соответствует его визуализации – логотипу (летающая на метле обнаженная девушка с распущенными волосами): «Внешняя красота – одна из составляющих женской магии. Мы поможем довести ее до совершенства. Остальные ингредиенты глубже... в тебе». Для усиления образа маркетинговое описание дополняется непосредственно строками булгаковского романа, посвященными Маргарите: «...Ну, что ж... *Ведьма*, так *ведьма*... Очень славно! ... и *роскошно*...» [1]. В этом случае, как и в ряде других, рекламный образ эксплуатирует яркий эпизод романа – полет обнаженной Маргариты над ночной Москвой на бал к Воланду. Образ Мастера, заявленный в названии, брендом не объективируется. (Рис. 6-7.)

Еще одна попытка прочтения литературной классики представлена брендом женской одежды из натуральных тканей «Tatiana Larina». Маркетинговое описание продукции апеллирует к следованию традициям: «Нам было важно создавать одежду, в которой бы считывалась *русскость*, но при этом она *не была яркой*, парадной и острохарактерной, как русский сарафан. Нам хотелось делать одежду *элегантную, с тонким тактичным намеком на наши традиции и историю*» [9] (курсив наш. – Д.М.). Анализ пушкинского «романа в стихах» на предмет поиска актуализированных создателями бренда концептов позволяет выявить следующие семантические сближения: «...Татьяна (русская душою)»; «...И вспомнил он Татьяны милой/ И бледный цвет и вид унылый...»; «...Представить ясные черты /Провинциальной простоты, /И запоздалые наряды, /И запоздалый склад речей...» [5].

Рис. 6. «Мастер & Маргарита» (магазин нижнего белья)

Рис. 7. «Tatiana Larina» (магазин женской одежды из натуральных тканей)

В некоторых случаях название продукции бренда не столько противоречит исходному литературному источнику, сколько получает «неожиданное» развитие» (Рис.8). Таково вечернее платье «Natasha Rostova» [2]. Как правило, расхожие обывательские штампы соотносят образ героини толстовского романа с первым балом: «... белые дымковые платья на розовых шелковых чехлах, с розанами в корсаже. Волоса должны были быть причесаны à la grecque. Все существенное уже было сделано: ноги, руки, шея, уши были уже особенно старательно, по-бальному, вымыты, надушены и напудрены; обуты уже были шелковые ажурные чулки и белые атласные башмаки с бантиками; прически были почти окончены» [7]. Однако создатели продукта акцентирует внимание на том, что это платье для беременных, и таким образом развивают сюжетную линию эпилога романа-эпопеи: «Она пополнила и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу»; «Наташа вышла замуж ранней весной 1813 года, и у ней в 1820 году было уже три дочери и один сын» [7].

Обзор товаров популярных маркетплейсов показал, что апелляция к литературной классике – излюбленный маркетинговый ход создателей продукции. Нами также были замечены платье «Анна Каренина» и женская одежда довольно популярного в сети бренда «Соня Мармеладова» (Рис.9). В обоих случаях литературная рецепция ограничивается сугубо названием. Хотя девиз торговой марки «Соня Мармеладова» – «Платья для культурных барышень». Однако восстановить связь с романом можно только на уровне ассоциаций. (Рис. 8-9.)

Более разнообразным и интересным с точки зрения реализуемых стратегий представляется нам мужской литературный ассортимент товаров. Яркий пример – мужское нижнее белье «Модный Фагот». Если «модный» – расцветка, а «Фагот» – клетчатый, то перед нами уже цитата. Вспомним характеристику Коровьева. То и дело акцент делается на «клетчатости» героя: «...клетчатый гражданин...»; «...было прервано клетчатым Фаготом...»; «...в клетчатых брючонках, в треснутом пенсне и... рожа совершенно невозможная!..» [1] и пр. (Рис. 10)

Еще одна интересная история – торговая марка «Onegin». «Евгений Онегин» – одно из самых знаменитых произведений Александра Сергеевича Пушкина. Полагая, у создателей бренда практически нет сомнений в том, что предполагаемая целевая аудитория обладает необходимой для декодирования нужной информации интеллектуальной базой. Памятуя о сюжете знаменитого романа, об образе главного героя, наверное, каждый сможет составить представление о том, что предлагает бренд. Плюс, чтобы ни у кого не осталось никаких сомнений, сложившееся представление подкрепляется фотографией мужчины, который облачен в одежду, представляемую торговой маркой (Рис. 11). Образ мужчины выступает как визуальная цитата, даже аллюзия (намек, аналогия). Вопросы возникли, если бы бренд носил название «Борис Годунов» или «Петр Гринев». (Рис. 10-11.)

Пользуясь лингвистическим термином, обозначим подобные явления термином трансонимизации антропонимов [4, с. 331]. Речь идет о том, что имя собственное

Рис. 8. Вечернее платье «Natasha Rostova»
(платье для беременных)

Рис. 9. Бренд женской одежды «Соня Мармеладова»

Рис. 10. Мужское нижнее белье «Модный Фагот»

Рис. 11. Бренд мужской одежды «Onegin»

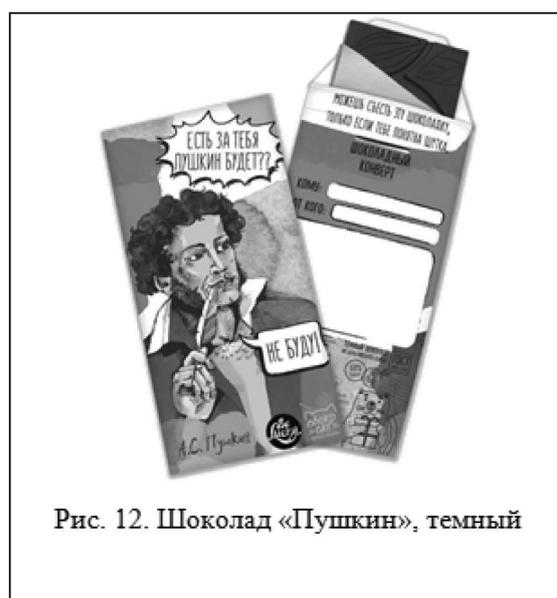

Рис. 12. Шоколад «Пушкин», темный

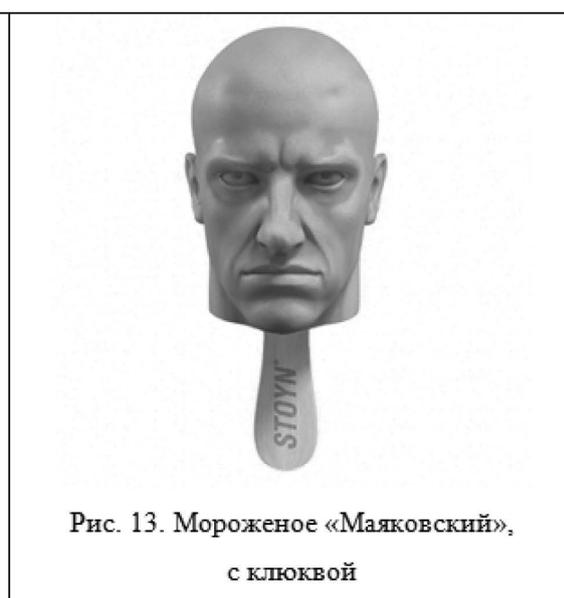

Рис. 13. Мороженое «Маяковский», с клюквой

человека (антропоним) превращается в прагматоним, утрачивая номинативную и информирующую функции – на первый план выдвигается воздействующая функция (узнавание известного имени, сопровождаемого приятными ассоциациями): (Рис. 12-13.)

Таким образом, сегодня сфера медиатизации литературы представлена как популяризацией литературы

через медиа, так и ее самопрезентацией там; кроме того, значительную долю конвертируемого литературного контекста занимает медийная интерпретация и осмысление литературных произведений, а также коммерциализация литературных персоналий. Иными словами, литература в современной медиасреде не теряет своих позиций, но, напротив, ищет новые формы существования, взаимодействуя с разными сферами общественной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита. URL: <https://masterimargo.ru/book.html> (дата обращения: 09.02.2024).
2. Вечернее платье «Natasha Rostova». URL: <https://storydress.ru/vechernie-platy/natasha-rostova/> (дата обращения: 09.02.2024).
3. Гоголь. Шрифт. URL: <https://www.fonts.uprock.ru/fonts/gogol> (дата обращения: 09.02.2024).
4. Осильбекова, Д.А. Трансонимизация антропонимов в названиях кафе и ресторанов города Москвы // Преподаватель XXI век. Москва, 2020. № 3. С. 331-338.
5. Пушкин, А.С. Евгений Онегин. URL: <https://www.culture.ru/poems/4481/evgenii-onegin> (дата обращения: 09.02.2024).
6. Солдаткина, Я.В. Литература в сети интернет и основные направления развития медиакультуры: доцифровой текст и его сетевые трансформации // Наука и Школа / Science and School, 2021. №1. С. 29-38.
7. Толстой, Л.Н. Война и мир. URL: <https://ilibrary.ru/text/11/index.html> (дата обращения: 09.02.2024).

8. Шрифт по имени Pushkin Приключения Александра Сергеевича Пушкина в мире компьютерной каллиграфии // Год литературы, 06.06.2020. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/06/06/shrift-po-imeni-pushkin> (дата обращения: 09.02.2024).
 9. Tatiana Larina. Женская одежда из натуральных тканей. Официальный сайт. URL: <https://larinat.ru/osnovatelnicy-brenda> (дата обращения: 09.02.2024).
-

© Минец Диана Владимировна (dv.minets@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ АНТРЕПЕНЕРОВ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Пяо Хуэйминь

аспирант, Московский университет
имени М.В. Ломоносова
gmdw123@hotmail.com

INTERPRETATION OF THE IMAGES OF ENTREPRENEURS IN THE PROSE OF A.P. CHEKHOV

Piao Huimin

Summary: The theme of theater holds significant importance in Chekhov's literary works, spanning both fiction and non-fiction. Due to his close associations with numerous theater artists, the exploration of the theater theme plays a crucial role in understanding his works. Typically, Chekhov's theatrical works are analyzed with a particular focus on the portrayal of actors, given their central role in the theatrical stage. However, our unique study aims to shift the spotlight onto the portrayal of theatrical entrepreneurs for the first time. This article delves into the depiction of entrepreneurial characters in various Chekhov's works, uncovering their distinct traits and characteristics.

The relevance of this article lies in the fact that it touches upon a problem that remains understudied. In recent years, the analysis of the theatrical theme and the image of the actor in A.P. Chekhov's works has attracted increasing interest of researchers, but there are still no special studies devoted to a special theatrical group – entrepreneurs.

The aim of the study is to understand Chekhov's portrayal of entrepreneurs.

Objectives of the study:

1. to analyze the images of entrepreneurs in the prose of A.P. Chekhov
2. to give a characterization of entrepreneurs within the framework of the topic under study.

Scientific novelty is characterized by the fact that the research on the images of Chekhov's entrepreneurs has not been developed in sufficient detail.

Keywords: Russian literature of the XIX century, A.P. Chekhov's prose, theatrical theme, the mores of the theater, images of entrepreneurs, portrayal of people of the theater.

Чехов в своих произведениях с темой театра изображает большое количество «пестрых» театральных артистов. Например, все шесть рассказов первого его сборника «Сказки Мельпомены» построены на теме театра. Нетрудно заметить, что обычно главными героями этих произведений становятся актеры, притом писателю удается показать читателям их малоизвестную закулисную жизнь. Но в то же время есть и другая группа людей, которым также уделяется много внимания: театральные антрепренеры. В русском театре чеховского времени (и не только) роль театрального антрепренера была крайне важна, и зачастую он занимал место между сценой и зрительным залом, между актерами и публикой.

Аннотация: Театр – важная тема в творчестве Чехова, причем не только в художественных произведениях, но и в нехудожественных. Чехов тесно общался со многими произведениями с темой театра, поэтому театральная тема имеет большое значение в изучении его произведений. Обычно в исследованиях таких произведений А.П. Чехова основное внимание уделяется анализу образа актеров, поскольку актеры играют центральную роль в театральном пространстве. Однако в нашем исследовании впервые предпринята попытка сфокусироваться на фигуре театральных антрепренеров. В данной статье рассматриваются персонажи-антрепренеры в разных произведениях писателя, выявляются их своеобразия и характеристики.

Актуальность данной статьи заключается в том, что в ней затрагивается проблема, которая до сих пор остается малоизученной. В последние годы анализ театральной темы и образа актера в произведениях А.П. Чехова вызывает все больший интерес исследователей, однако специальных исследований, посвященных особой театральной группе – антрепренерам, по-прежнему отсутствуют.

Цель исследования – уяснение изображении А.П. Чехова образов антрепренеров.

Задачи исследования:

1. провести анализ образов антрепренеров в прозе А.П. Чехова
2. дать характеристику антрепренеров в рамках исследуемой темы.

Научная новизна характеризуется тем, что исследование об образах чеховских антрепренеров не разрабатывалось достаточно подробно.

Ключевые слова: русская литература XIX века, проза А.П. Чехова, театральная тема, нравы театра, образы антрепренеры, изображение людей театра.

Большинство произведений, в которых центральным персонажем является театральный антрепренер, появились в 1885–1886 годах, исключение составляет лишь рассказ «Душечка», который был опубликован в 1899 году.

В рассказе «Средство от запоя» 1885 г. в город приехал известный актер. Никто не ожидал, что перед началом гастролей он был настолько пьяным, что не смог выступить. Узнав об этом, антрепренер театра Почечуев был полон ярости и беспокоился, но ничего не мог поделать.

На запой актера антрепренер реагирует с сильными

выражениями, сопровождаемыми «биением по груди кулаками» [1, с. 175–176].

Он восклицает: «... пустить себе пулю в лоб? Чего же жду я? Боже, чего я жду?» [1, с. 176]. Три вопроса похожи на монолог театрального актера. Он совпадает с высказыванием Чехова: «трагик и по профессии, и по натуре».

В такой неотложной ситуации появился парикмахер Федор Гребешков, кто умеет лечить запои.

В начале антрепренер пытается уговорить парикмахера на лечение. Затем, когда он видит, как парикмахер стал бить актера, он сразу спрятался за соседней дверью, его пугливый характер постепенно раскрывается.

Почечуев сожалеет о том, что пригласил парикмахера, он застонал от страха, и в итоге даже решает отменить спектакль. Мы видим, что профессия как бывший актер оказывает определенное влияние на поведение персонажа.

Слова антрепренера дают нам впечатление резкого контраста, в начале рассказа он говорит, что за запой и повесить актера мало, а в конце он сам хочет дать актеру водку.

В данном рассказе антрепренер Почечуев отличается своей трусливостью. Почечуев не похож на типичный образ «антрепренера», напротив, его трусость и паника при избиении известного актера отражают его слепое подчинение перед знаменитым. В то же время, то, что его бывшее трагическое амплуа все еще оказывает влияние на его поведение создает некий комический эффект для сюжета произведения.

Итак, в рассказе «Средство от запоя» антрепренер труслив, он «дрожит» перед известным актером. А в следующем произведении образ антрепренера изображен иначе.

Название рассказа «Антрепренер под диваном» 1885 вызывает наше любопытство: почему антрепренер находится под диваном?

В данном рассказе речь идет о том, что однажды, во время переодевания, молодая артистка Клавдия Матвеевна Дольская-Каучукова услышала странный звук в комнате, а как она знает, здесь должна была находиться только она одна.

Вздых исходил из-под дивана, где прятался антрепренер театра Индюков. Испуганная актриса крикнула Индюкову, чтобы тот немедленно уходил, но, к ее удивлению, антрепренер умолял ее остаться и объяснял, что он прятался здесь не для того, чтобы подсматривать, а потому, что муж его возлюбленной был снаружи, более

того, он был и в долгах у него. Актриса не согласилась на его просьбу. В такой ситуации, Индюков пообещал ей прибавку к зарплате в размере 75 рублей плюс пол бенефиса.

Когда после спектакля актриса вернулась в гримерку, антрепренер отвернулся от нее, объяснил, что в театре сидел не его соперник, и он не может сдержать своего обещания.

Начнем с фамилии антрепренера – Индюков. Переносное значение слова «индюков» таков: глупый, заносчивый, надменный человек. А.М. Эль Агами в своей статье предполагает, что большое количество героев ранних рассказов Чехова являются «носителями пошлости, мещанской ограниченности», Индюков также принадлежит к ним, автор полагает, что их фамилии часто «создают как бы визитную карточку, по которой можно определить ее носителя» [2].

Несомненно, антрепренер есть носитель пошлости, он спрятался в гримерке актрисы, чтобы избежать встречи с мужем любовницы, и он даже боится, что тот его застрелит.

Уж не говоря об ответственности антрепренера, он без всяких колебаний лжет, обещает делать актрисе заманчивые предложения.

Почему-то он упоминает Бога, смерть, рай и ад: «Накажи меня бог! Клянусь! Чтоб мне ни дна, ни покрывки... <...> Провались я сквозь землю! Чтоб мне царствия небесного не было!» [3, с. 264]. Трудно сказать, верующий он или нет, мы только уверены, чтобы достичь своей цели, он мог говорить все, что угодно. И это как раз напоминает нам другой рассказ «Бумажник» 1885г., где провинциальные актеры решили убивать друг друга недалеко от церкви. Уродливая человеческая натура часто появляется вместе со священными религиозными образами.

А.Н. Ярко отмечает, что главной чертой антрепренеров является жадность, и они изображены «крайне негативно» [4]. С этим высказыванием трудно не согласиться.

И так, по сравнению с предыдущим рассказом, Индюков также трусливый, как Почечуев. Но более ярким характером в портрете Индюкова, это жадность. Антрепренер использует разницу во власти, служебном положении между управляющим и актрисой в своих интересах.

Найдем следующего антрепренера в рассказе «Актёрская гибель» 1886 г. Здесь образ антрепренера изображен лицемерно.

Узнав, что коллега Щипцов болеет, антрепренер Жуков пошел к нему в дом. Помощь больному антрепренера – пустые слова.

В начале антрепренер изображается смешно: «Антрепренер Жуков обыкновенно в конце каждого горячего объяснения начинал истерически хохотать и падал в обморок» [5, с. 345].

Антрепренер проигнорировал болезнь своего коллеги и сказал не относящиеся к делу слова. Его слова кажутся теплыми: «Вы меня там и ругали и... с кулаками даже лезли, а я вас люблю! Ей-богу, люблю! Уважаю и люблю!» [5, с. 348–349], но оказываются бессмысленными.

Данный сюжет происходит вне пространства театра, а антрепренер поступает, как будто играет на сцене. Существует некое сходство между Жуковым и Почечуевым, при том, у Жукова не был никакой опыт актера.

Как обычно, после горячего объяснения придут «истерический хохот» и «падение в обморок» антрепренера, но он вдруг осознал, что сейчас не в театре, а в доме коллеги. Так что он передумал, и уехал.

Театральный антрепренер в этом произведении делает все на показ, даже если жизнь коллеги скоро кончается, а его симпатия к сотруднику, или вообще к человеку, кажется, давно исчезла.

Последний герой-антрепренер раннего периода творчества писателя – Фениксов-Диамантов в «Юбилее» 1886 г.

В гостинице празднуют юбилей трагика Тигрова, в мероприятии участвуют все члены труппы, кроме антрепренера. Он не подписался в списке гостей, для того чтобы не тратить деньги.

Антрепренер Фениксов-Диамантов пришел тогда, когда трагический актер произнес свой эмоциональный тост. Его внешний вид таков: «высокий, тощий человек с лицом отставного стряпчего и с большими кусками ваты в ушах» [6, с. 454]. Очевидно, фигура человека не соответствует его фамилии (ни фениксу, ни диаманту).

В глазах Чехова антрепренеры входят так: «семена ножками, потирая руки и пугливо озираясь назад, словно только что крал кур или получил хорошую встрепку от жены». И у всех антрепренеров «озябший и виноватый вид», они говорят «противным, заискивающим тонком» [Там же].

Трагик не был рад приезду антрепренера, он пытался продолжать свою речь об упадке сценического искусства. Но антрепренер прервал: «для сцены не нужна жизненность! Пропади она, жизненность! Ее ты увидишь везде: и в трактире, и дома, и на базаре, но для театра ты давай экспрессию! Тут экспрессия нужна!» [Там же].

Высказывание «тут экспрессия нужна!» антрепренера обозначает «школу представления», пример ее мы

видим в рассказе «Трагик», где герой на сцене «кричал, шипел, стучал ногами, рвал у себя на груди кафтан» [7].

Трагик, которого дважды заставили остановиться, наконец, разразился: «Чёрт ли в ней, в экспрессии, если актеры по целым месяцам жалованья не получают!» [6, с. 455]. Задержка зарплаты актерам, видимо, является обыкновенным явлением в театральной среде.

Антрепренер хотел уйти, пока ситуация не стала более напряженной. Когда он добрался до двери, он заметил реквизит из театра: «А креслице-то вы из театра взяли! <...> Не забудьте назад принести, а то «Гамлета» придется играть, и Клавдию не на чем сидеть будет» [Там же]. Скупость и почти что подлость персонажа доведены до крайности.

Чехов в рассказе «Рыбье дело» 1885 г. писал так: «Окунь. Красивая рыбка с достаточно острыми зубами. Хищен. Самцы состоят антрепренерами, а самки дают концерты» [8]. В глазах Чехова антрепренер часто бывает «хищным», фраза, конечно, шуточная, писатель как будто говорит о рыбе, а на самом деле имеет в виду людей. Мы полагаем, что «хищность» с «острыми зубами» в конкретных рассказах заключается в бесконечной жадности, трусливости, и лицемерии.

Антрепренер следующего произведения «Душечка» 1899 года отличается ни жадностью, ни трусливостью, ни лицемерием, а горькой судьбой. Однотипные персонажи в разные периоды творчества автора имеют разные тональности.

Заглавие «Душечка» относится к героине Оленьке, но фокус нашего внимания сосредоточится на ее муже Кукине: первый муж героини Оленьки, антрепренер театра. Несмотря на то, что, этот персонаж занимает не большое место в содержании рассказа (он довольно скоро умер), мы можем получить определенное представление о театре.

Рассказ был закончен в декабре 1898 года и впервые был опубликован в 1899 г. в журнале «Семья». В этом году (1898) состоялась успешная постановка «Чайки» в Московском Художественном театре. И взгляд Чехова на современный театр претерпевает некоторые изменения. Посмотрим, как герои связаны с театром.

Кукин – театральный антрепренер «увеселительного сада “Тиволи”», иначе говоря, частного театра, но у него нет собственного дома, он квартирует во флигеле.

Кукин, человек трудолюбивый, он часто жалуется друзьям на свою работу. Он управляет местом, куда люди ходят, чтобы развлекаться, а он все еще ломает голову, все время думает, как улучшить ситуацию, театр для него – серьезное дело. Мы видим ответственное отношение антрепренера к своему делу.

Оленька с Кукиным живут в одном районе, и первые слова, которые Кукин сказал своей будущей жене такие: «Опять будет дождь! Каждый день дожди, каждый день дожди — точно нарочно! Ведь это петля! Это разоренье! Каждый день страшные убытки!» [9, с. 102]. Почему дождь привел его в такое «отчаяние»?

Было две вещи, которыми он был крайне недоволен — невежественной публикой и плохой погодой. Об аудитории он сказал: «Даю ей (публике — Пяо Х.) самую лучшую оперетку, феерию, великолепных куплетистов, но разве ей это нужно? Разве она в этом понимает что-нибудь? Ей нужен балаган! Ей подавай пошлость!» [Там же]. Он считает, что он выше своей аудитории. Но ему как человеку управляющему театром, нужны эти пошлые зрители. И вот почему он ненавидит дождь.

Чехов описывает: «на лице у него всегда было написано отчаяние» [Там же]. Именно отчаяние является главным эмоциональным настроением героя. Но в любом случае, он возбудил в Душечке настоящее, глубокое чувство.

Взгляды Кукина на театр отражаются в начале рассказа, в дальнейшем тексте мы не слышим его речи. А Душечка все время ведет себя как диктофон мужа, повторяя его слова: «Но разве публика понимает это? — Ей нужен балаган!» [9, с. 104].

Душечка любила Кукина, который дорожил искусством, и считала, что его взгляды на театральное искусство есть истина, поэтому его мнения и слова были ей дороги: «самое важное и нужное на свете — это театр и что получить истинное наслаждение и стать образованным и гуманным можно только в театре» [Там же].

Мы вспоминаем рассказ «Он и Она» из первого сборника Чехова «Сказки Мельпомены», в котором главный герой также глубоко любит героиню, которая является деятелем искусства. Ради актерской карьеры жены он готов бросить все и следовать за ней хоть на край света. Мы полагаем, что определенное сходство между Душечкой и Им в их почти слепом обожании своего партнера-художника.

Антрепренер провинциального театра сколотил небольшое состояние. Но амбиция приводит его в Москву нанимать актеров, и, кажется, он недоволен не только зрителями, но и актерами.

Чехов пишет, намечая будущую трагедию: «Кукин худел и желтел, и жаловался на страшные убытки» [Там же]. Его и без того желтое лицо стало еще более желтым. Непонимание и равнодушие публики к искусству, вульгарные репетиции и выступления актеров, невнимательность музыкантов и, конечно, сплошные дождливые дни, — все это болезненно отражается на антрепренере, и, наконец, как последняя соломинка, поездка в Москву

стала финалом его жизни, и все это произошло очень неожиданно.

В.Б. Катаев описывает Кукина как «циркового клоуна-неудачника». Здесь присутствуют принципы «повторения и переключки»: «...антрепренер Кукин, как цирковой клоун-неудачник, трижды проваливается, трижды оказывается жертвой ненавистных для него враждебных сил — дождливой погоды и невежественной (то есть равнодушной к его затеям) публики» [10].

Конец его истории (часть рассказа, где Кукин присутствует) заключает в себе иронию. Слова в телеграмме еще раз представляют собой отголосок судьбы и жизни антрепренера. В телеграмме написано: «Иван Петрович скончался сегодня скорострительно сучала ждем распоряжений хохороны вторник» [9, с. 105]. Опечатки, быть может, не случайны. Если мы обратимся к самому началу рассказа, то прочитаем: «На другой день под вечер опять надвигались тучи, и Кукин говорил с истерическим хохотом» [9, с. 102].

«Хохороны» и «хохот», мы имеем право считать намеренным повторением писателя. Об этом исследователь В.Б. Катаев пишет, что «Эти “хохороны вторник” странно повторяют ранее уже связанный с Кукиным мотив. Свой монолог с жалобами на судьбу он произносил в начале рассказа “с истерическим хохотом”. Как будто эхом-втором с того света звук этого кукинского истерического хохота отозвался в телеграмме» [10].

Не повторяется только смерть Кукина, а мир вокруг него находится в непрерывном повторении.

Образ антрепренеров в ранних произведениях сначала изображен отрицательно. А изображение Кукина в позднем периоде изменяется, поскольку Чехов сосредоточил внимание на судьбе героя. Антрепренер Кукин уже не вызывает насмешек читателей, он жертва несчастной жизненной судьбы, но в то же время его трагедия показана Чеховым комедийным методом.

У всех противоречий есть две стороны: и театр, и публика несут ответственность за то, что театры становятся все более развлекательными. Между прочим, в чеховское время антрепренеры играют такую значительную роль, как мост между сценой и зрителем. Мы не можем делать поспешные выводы о том, что Чехов категорически против всех антрепренеров: на самом деле он скорее выступает против выродившегося театрального искусства.

Летом 1902 года Чехов шутил с женой: «К приезду моему ты обязана пополнить и стать полной, пухлой, как антрепренерша» [11]. «Антрепренер», появляющийся в письмах Чехова в последние два года его жизни, — это уже не воплощение «трусливости» или «жадности», а своего рода добродушная шутка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А.П. Средство от запоя // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4. М.: Наука. 1976. С. 175–180.
2. Эль Агами А.М. К вопросу об антропонимии в произведениях А.П.Чехова и ее передаче в переводе // Веснік Беларускага ун-ту. 1985. №2. С. 61–62.
3. Чехов А.П. Антрепренер под диваном: (Закулисная история) // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4. М.: Наука. 1976. С. 263–265.
4. Ярмо А.Н. Различные аспекты театральной жизни в эпике А.П. Чехова // Литература и театр. Москва.: Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина. 2016. С. 67.
5. Чехов А.П. Актерская гибель // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4. М.: Наука. 1976. С. 345–350.
6. Чехов А.П. Юбилей // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5. М.: Наука. 1976. С. 451–456.
7. Чехов А.П. Трагик // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 2. М.: Наука. 1976. С. 184.
8. Чехов А.П. Рыбье дело // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4. М.: Наука. 1976. С. 39.
9. Чехов А.П. Душечка // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 10. М.: Наука. 1977. С. 102–113.
10. Катаев В.Б. К пониманию Чехова. М.: ИМЛИ РАН. 2018. С. 116.
11. А.П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 10. Письма. М.: Наука. 1981. С. 253.

© Пяо Хуэйминь (gmdw123@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРЕАТИВНЫЙ КОНТЕНТ КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ PR-СОПРОВОЖДЕНИЯ БРЕНДА

Решетникова Дарья Александровна

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации.
resheetkaaa@gmail.com

CREATIVE CONTENT AS A KEY TOOL FOR BRAND PR SUPPORT

D. Reshetnikova

Summary: The scientific article is devoted to the study of the role of creative content in brand PR support. The author analyzes the impact of creative approaches to content creation, as well as the results of such creatives. The article is based on the analysis of the components of creative content, highlighting key techniques and tools that contribute to the formation of a positive image and attract the target audience. The study highlights the need to consider the basic rules when creating creative content in PR support for the successful implementation of a full-scale strategy. The results of the study can be useful for specialists in the field of marketing, PR and advertising, as well as for companies seeking to improve their content management strategy and strengthen their position in the market.

Keywords: creative content, PR, brand, effectiveness of PR campaigns, creativity, content marketing.

Аннотация: Научная статья посвящена исследованию роли креативного контента в PR-сопровождении бренда. Автор анализирует влияние креативных подходов к созданию контента, а также результаты подобных креативов. Статья основывается на анализе составляющих креативного контента, выделяя ключевые методики и инструменты, способствующие формированию позитивного имиджа и привлечению целевой аудитории. В ходе исследования подчеркивается необходимость учета основных правил при создании креативного контента в PR-сопровождении для успешной реализации полномасштабной стратегии. Результаты исследования могут быть полезны для специалистов в области маркетинга, PR и рекламы, а также для компаний, стремящихся улучшить свою стратегию контент-менеджмента и укрепить свою позицию на рынке.

Ключевые слова: креативный контент, PR, бренд, эффективность PR-кампаний, творческий подход, контент-маркетинг.

На сегодняшний день контент-менеджмент является одним из важнейших инструментов, используемых PR-специалистами для продвижения бренда и коммуникации с его целевой аудиторией. Благодаря активному развитию графических, текстовых, интерактивных аудио- и видео-форматов контента, с каждым годом наблюдается появление все большего количества новых и неординарных подходов к PR-сопровождению. Перед специалистами по связям с общественностью встает ряд вызовов и задач, требующих от них инновационных решений и взглядов на контент-стратегию бренда с целью сохранения или выхода на лидерские позиции на рынке и поддержания позитивного имиджа, авторитета. На этом этапе и формируется проблема выбора наиболее интересной формы взаимодействия с потребителем посредством контент-менеджмента.

В современных реалиях использование креативного контента, под которым принято понимать совокупность творческих и нестандартных решений, реализуемых посредством современных технологий, направленных на эмоциональную реакцию потребителя, обсуждение в кругах целевой аудитории, запоминаемость и отстройку от конкурентов, становится скорее необходимостью, нежели выбором PR-специалиста. Пандемия COVID-19, обрушившаяся на мир в 2019 году, продемонстрировала, что актуальность бренда зависит не только от качества предоставляемых им продуктов и услуг, но и от исполь-

зуемых в его PR-сопровождении инструментов. В этом контексте креативный контент становится ключевой составляющей контент-стратегии в PR-деятельности любого бренда, направленной на привлечение внимания потенциальных клиентов и укрепление позиций на рынке.

За последнее десятилетие понятие креатива в PR прочно вошло в словарь специалиста по связям с общественностью. В переводе с английского, creative — творческий. А творчество ставит основной задачей зарождение чего-либо качественно нового, не существовавшего ранее и отличного от существующего. Обращаясь к определению, под креативом в PR принято понимать оригинальные и специфические психологические, технические, художественные, социальные, политические и другие приемы, имеющие целью формирование позитивного имиджа бренда и его продукции или услуг в обществе целевой аудитории. В таком случае PR выполняет роль стратегического инструмента в сопровождении бренда, используемого для создания гармонии между концепцией компании и ее продуктов и услуг с позиционированием того и другого на потребительском рынке.

История становления креатива гласит, что первые решения зародились еще в 20 веке, когда стандартные технологии продвижения перестали приносить необходимый компаниям результат. Лео Бернетт — один из

известных рекламных специалистов и исследователей в сфере связей с общественностью 1900-х годов, придумал несколько подходов и методик, способных сдвинуть фокус с традиционных ценностей PR того времени на элементы креатива, неординарный подход, образ и имидж. Цитируя Бернетта, «визуальное красноречие более убедительно и эффективно, чем пустые сообщения и длинные повествования» — данная фраза стала основополагающей в зарождении неординарных контент-решений, апеллирующих к чувствам и эмоциям потребителей.

В современном PR-сопровождении креативный контент имеет ярко-выраженную эмоциональную окраску, с помощью которой выполняет ряд функций [1]:

1. Привлечение внимания и создание интереса к конкретным товарам или услугам бренда, либо же к бренду в целом.
2. Построение яркого имиджа объекта PR-кампании и повышение доверия к нему.
3. Акцентирование на острых социальных проблемах и важных для общества вопросах.
4. Создание условий для участия в PR-проектах бренда.
5. Увеличение эффекта от PR-кампании и эффективности её воздействия на целевую аудиторию.

Креативный контент также включает в себя множество задач, которые необходимо учитывать при его создании: привлечение внимания, повышение лояльности и осведомленности аудитории о бренде, влияние на выбор потребителя, что повлечет за собой увеличение продаж [2].

Важно отметить, что перенасыщение креативом — так же пагубно для PR-сопровождения, как и отсутствие креативного контента. Именно поэтому специалистами по связям с общественностью широко используется ряд технологий, позволяющих создавать креативный контент [3]:

1. Гипербола — преувеличение маловесных или вербальных составляющих.
2. Метонимия — изменение какого-либо понятия схожим по смыслу или внешнему виду.
3. Сравнение — создание параллелей и сравнительных характеристик.
4. Литота — преуменьшение словесных или вербальных составляющих и характеристик.
5. Ассоциации — возникновение воспоминания о каком-либо объекте/субъекте/предмете.

Обращения к культуре, моде и трендам современности являются одними из самых востребованных решений в реализации креативного контента в PR-сопровождении последнего десятилетия. Тем не менее, существует ряд требований, которым подобный контент должен соответствовать [4]:

1. Оригинальность. Единица контента должна быть

уникальной.

2. Новизна. Идея должна предлагать новые способы реализации концепции, новые взгляды на ситуацию/продукт/услугу, новый уровень коммуникации с обществом.
3. Гибкость. Контент должен иметь возможность к модификации и трансформации в случае изменения трендов или ситуации в обществе.
4. Привлекательность. Идея должна быть привлекательной для потенциальной аудитории, отвечать ее потребностям, желаниям и целям.
5. Ясность. Основная задумка в контенте должна быть выражена четко и не требовать дополнительной расшифровки.

Игорь Ганжа — председатель попечительского совета Британской Высшей Школы Дизайна, вице-президент российского отделения Международной Рекламной Ассоциации, академик Российской Академии Рекламы, ввел в оборот классификацию креативного контента по критерию необходимости иллюстраций, которая играет ключевую роль в современном PR-сопровождении. Согласно его концепции, креативный контент можно подразделить на:

1. Копирайтерский — словесный креатив, реализованный в тексте или статье.
2. Дизайнерский — визуальный креатив, реализованный в постах, баннерах, видеороликах.
3. Смешанный — сочетание словесных и визуальных элементов.

Были определены и основные этапы реализации креатива в PR-сопровождении:

1. Ориентация — формулирование четкой проблемы.
2. Подготовка — поиск и сбор информации.
3. Анализ — рассмотрение полученного материала.
4. Идея — размышление над различными вариациями мысли.
5. Инкубация — период во времени, во время которого и случается озарение.
6. Синтез — подготовка финального решения.
7. Оценка — изучение сформированных результатов и идей.

Переходя к оценке креативного контента и его роли в PR-сопровождении, стоит отметить, что существует множество видов анализа, позволяющих объективно оценить его работу:

Составление вопросов. Важно обращать внимание на детали. При составлении вопросов следует учитывать, что работа рассматривается как со стороны потенциального потребителя, так и со стороны заказчика креатива. Важно понимать и разделять выгоды каждого, фокусироваться на посыле и смысле работы. Главная задача креативного контента при этом виде анализа – ответить на все поставленные вопросы.

Анализ конкурентов и сравнение. Анализ подразумевает под собой аналитику данных, представленных в общем доступе, сравнение и выписывание плюсов и минусов, советов и критики. Данная информация собирается для того, чтобы в дальнейшем увидеть в работе недостатки и возможности для улучшения.

Создание фокус-группы. При создании фокус-группы важно грамотно подходить к выборке людей. Они не должны быть знакомы друг с другом, а также им следует быть из разных сфер общества и из разных сегментов целевой аудитории бренда — все это является ключевыми критериями для получения максимально объективного мнения. Группе необходимо предоставить анализируемый креативный контент и изучить их честное мнение, вывести их на дискуссию.

Только качественно созданный и разработанный креативный контент способен эффективно влиять на целевую аудиторию бренда, поэтому в работе над нестандартным предложением важно не упускать ни один из разобранных выше пунктов. Одним из актуальных примеров, доказывающих эффективность использования креативного контента в PR-сопровождении, является парфюмерный и косметический бренд — Золотое Яблоко. До 2016 г. на российском рынке косметического ритейла преобладала олигополия. Основные сегменты рынка поделили между собой его главные игроки — Летуаль, РивГош, ИльДеБоте. В 2016 г. ситуация резко изменилась: малоизвестная Екатеринбургская компания Золотое Яблоко, существовавшая с 1996г., вдруг выбилась в лидеры. Ими было принято решение полностью пересмотреть стратегию позиционирования, осуществить ребрендинг и использовать в своем контенте преимущественно креативные методики. Стоит заметить, что по критерию соотношения количества магазинов к числу городов присутствия в России, «Золотое яблоко» проигрывает конкурентам. К примеру, у «Л'Этуаль» 1000 магазинов, в то время как у «Золотого яблока» всего 33. Однако отношение меняется при обращении к обороту сети: по оценке ИА INFOnline, он превышает 11 млрд рублей в год. Это означает, что каждый магазин продает в среднем на сумму, превышающую 1 млрд рублей, что яв-

ляется значимым результатом для компании, сумевшей обойти лидеров рынка за несколько лет. Активатором успеха «Золотого яблока» выступает грамотно реализованный креативный контент в PR-сопровождении: яркие изображения запоминающийся текст и формат коммуникации с целевой аудиторией, коллаборации. Примерами подобного креатива могут служить:

1. Онлайн-сотрудничество с медийными персонами и лидерами мнений в социальных сетях (обзоры новых коллекций бренда на партнерской или бартерной основе)
2. Офлайн-коллаборации с инфлюенсерами (медийные персоны в качестве продавцов-консультантов на кассах московских магазинов бренда «Золотое яблоко»)
3. Оригинальные подарки («боксы» собственного производства или ностальгическая акция с предоставлением конфет из детства при каждом заказе)
4. Яркий контент (узнаваемые эльфы на обложках «Золотого яблока», как символ бренда, необычные подарочные карты с уникальным дизайном)
5. Позиционирование бренда (акцент на инновации, молодость и позицию «ближе к аудитории»)

Резюмируя вышесказанное, хочется отметить, что креативный контент играет ключевую роль в PR-сопровождении бренда, помогая привлечь внимание аудитории и создать уникальный имидж компании. Правильно подобранный контент способен увеличить узнаваемость бренда, повысить его авторитет и установить эмоциональную связь с потребителями. В современном мире конкуренция на рынке контента очень высока, поэтому важно не только создавать креативный контент, но и следить за его эффективностью, анализировать реакцию аудитории и вносить коррективы в стратегию контент-маркетинга. Только таким образом можно добиться успеха и удержать лидирующие позиции на рынке. Однако необходимо помнить, что креативность должна сочетаться с целевыми задачами и ценностями бренда, чтобы донести нужное сообщение и вызвать желаемую реакцию у аудитории. Важно инвестировать в разработку качественного креативного контента, чтобы успешно продвигать бренд и поддерживать его позиции на рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Креативные стратегии в рекламе» 7-е изд, А. Джером Джулер, Бонни Л. Дрюниани, «Питер» 2003год;
2. «Креативный менеджмент» В.А. Коноваленко, М.Ю. Коноваленко изд. «Дашков и К» Москва 2009год;
3. «Креатив в рекламе» Ия Имшенецкая, изд «Рип-Холдинг», 2002 год;
4. Creativity in advertising: when it works and when it doesn't work // Harvard business review. URL: <https://hbr.org/2013/06/creativity-in-advertising-when-it-works-and-when-it-doesnt> (дата обращения: 15.03.2024).

© Решетникова Дарья Александровна (resheetkaaa@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КЕННИНГ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

KENNING AS A MEANS OF REPRESENTATION OF CULTURAL HERITAGE: TRANSLATION ASPECT

*N. Soloveva
A. Malysheva*

Summary: The article updates the methods of translating kenning from English into Russian as a means of representing cultural heritage. The research material is an advertising text on tourism topics.

The structure and peculiarities of kenning are analyzed. Translation transformations used to organize a context that meets the author's intentions, in which the influencing potential of selected lexical units can be realized, have been identified. As a result of the study, the features of kenning translation are highlighted, associated with the translator's desire to reproduce the pragmatic potential of the original created by kenning and to avoid the chain of genitive cases.

The scientific significance of the study lies in identifying the features of the translation of linguistic means of representing cultural heritage as the main identifier of the nation, as well as considering kenning and identifying the features of its translation in a modern prose text.

Keywords: cultural heritage, kenning, structure and peculiarities of kenning, diachronic translation, translation transformations.

Соловьева Наталья Анатольевна

*кандидат педагогических наук, доцент, Тихоокеанский
государственный университет, (г. Хабаровск)
sologap@mail.ru*

Малышева Алена Максимовна

*Тихоокеанский государственный университет,
(г. Хабаровск)
frogheart_21977@mail.ru*

Аннотация: В статье актуализируются приемы перевода с английского на русский язык кеннинга как средства репрезентации культурного наследия. Материалом исследования является рекламный текст туристической тематики.

Проанализированы структура и свойства кеннинга. Выявлены переводческие трансформации, используемые для организации контекста, отвечающего интенции автора, в котором может быть реализован воздействующий потенциал выбранных лексических единиц. В результате исследования выделены особенности перевода кеннинга, связанные со стремлением переводчика воспроизвести прагматический потенциал оригинала, создаваемый кеннингом, избежать цепочки родительных падежей.

Научная значимость исследования заключается в выявлении особенностей перевода лингвистических средств репрезентации именно культурного наследия как основного идентификатора нации, а также в рассмотрении кеннинга и выявлении особенностей его перевода в современном прозаическом тексте.

Ключевые слова: культурное наследие, кеннинг, структура и свойства кеннинга, диахронический перевод, переводческие трансформации.

В современном мире значительное влияние на межгосударственные отношения оказывает культура, которая выступает не только в качестве инструмента самовыражения, но и в качестве инструмента влияния. Кроме того, культура способствует достижению взаимопонимания между народами.

Понятие культурного наследия неразрывно связано с понятием культурных ценностей, которыми выступают «предметы материального и духовного мира, имеющие, в представлении общества, культурную значимость» [8, с. 22]. Совокупность культурных ценностей формирует культурное наследие [8].

«Демонстрация культурных ценностей членам других обществ приводит к созданию искусственных идиом, которые помогают опровергнуть любой аргумент в свою пользу. Предметы искусства... являются... односторонними утверждениями, которые заставляют оппонентов признать их как факт, тем самым прокладывают путь для иных видов согласия. И чем более впечатляющая будет демонстрация этих культурных ценностей, тем легче удастся завоевать аудиторию» [6, с. 6].

Данное утверждение справедливо в том числе для лингвистической репрезентации культурного наследия, когда с целью оказания на реципиента желаемого воздействия используются различные лингвистические средства. Одним из таких средств является кеннинг, так как он, будучи средством поэтизации текста, способствует созданию его прагматического потенциала.

Ранее кеннинг (будучи элементом древнегерманской поэзии) и особенности его перевода рассматривались исследователями в диахроническом аспекте, однако в современных текстах (в том числе прозаических) также наблюдаются элементы, обладающие структурой кеннинга.

Под кеннингом (или *простым кеннингом*) понимается двусоставный субстантивный перифраз, состоящий из основы (*Gruntwort*) и определения (*Bestimmung*) [3].

В основе многих эддических и скальдических кеннингов лежит метафора/метонимия, в связи с чем общепринятым считалось определение кеннинга как метафоры с ассоциативной связью. М.И. Стеблин-Каменский

называет такой кеннинг *аллегорическим* [7].

Однако недостаточность данного определения отмечают многие исследователи. Одной из причин является то, что С. Стурлусон, автор учебника для скальдов *Младшая Эдда* относит к кенningам также неаллегорические двусоставные субстантивные перифразы [3].

На сегодняшний день универсальным определением кенningа можно считать определение Б. Фидьестола, согласно которому кенning – это «перифраз...; двухкомпонентное единство, состоящее из базового слов в любом падеже, в зависимости от требований синтаксиса, и слова-определителя либо в родительном падеже, либо в виде первого компонента составного слова» [9, p. 42].

Структурная формула кенningа как метафоры с отклонением, предложенная А. Хойслером [11], применима, однако, и для неаллегорического кенningа и выглядит следующим образом: A = B:C, где A – референт, B – основа; C – характеризующее B определение из сферы A (что и позволяет установить описываемый референт).

Например, город Инвернесс (Шотландия) репрезентируется неаллегорическим кенningом *the Capital of the Highlands* [10], где основа – лексическая единица *Capital*, называющая город по его статусу; а определение – лексическая единица *the Highlands*, позволяющая установить референт, так как Инвернесс расположен на территории Хайленда (Северо-Шотландского нагорья).

Английское графство Кент репрезентируется аллегорическим кенningом *The Garden of England* [10], где основа – лексическая единица *Garden*, заключающая в себе синекдоху (разновидность метонимии), так как называет графство по его части (множеству фруктовых садов, оранжерей и др.); определение – лексическая единица *England*, позволяющая установить референт, так как Кент расположен на территории Англии.

Одним из свойств кенningа (хотя и необязательным) является возможность варьирования его структурных элементов [12]. Это позволяет посмотреть на описываемый референт с разных сторон.

Например, Виндзорский замок (Англия) репрезентируется кенningами *the official residence of His Majesty The King, home of the British monarchy, the home of the Royal Family, the home of 40 Monarchs* [10].

Кенning формирует лаконичный и красочный образ описываемого референта, а значит – способствует созданию прагматического потенциала текста.

Кенning может сопровождаться адъективными элементами (или *расширителями*) [3]. Если в рамках аллитерационного размера древнегерманского стиха рас-

ширители выполняют «важную “техническую” функцию» (однако, все же, считаются избыточными), то в условиях современного прозаического текста, не подчиненного аллитерационному размеру, расширители факультативны (хотя и способствуют созданию прагматического потенциала текста).

Например, факультативным является расширитель *disused*, сопровождающий кенning *'ghost' stations*, так как лексическая единица *'ghost'* уже указывает на то, что станции не эксплуатируются.

Как следует из теоретической части исследования, кенning – это перифраз, способствующий созданию прагматического потенциала текста за счет формирования лаконичного образа репрезентируемого объекта.

Структура кенningа представлена основой в любом падеже (в зависимости от требований синтаксиса) и определением в родительном падеже, либо в качестве первого элемента составного слова.

(1) *Pingvellir “Symbol of the Icelandic Consciousness”, is in a rift valley between the American and European geological plates and Lake Þingvallavatn contains species of fish found nowhere else.*

Кенning, указанный в примере (1) выступает репрезентантом долины Тингветлир и одноименного национального парка в Исландии.

Основу кенningа составляет лексическая единица *symbol*. Определением кенningа выступает синтаксически неделимое словосочетание *Icelandic Consciousness*, позволяющее установить референт, так как, начиная с 930 года нашей эры, в долине собирался альтинг – всенародное собрание (сегодняшний парламент).

(2) *Tour Warner Bros. Studio in London and discover the magical world of Harry Potter™.*

Как видно из примера (2), указанный кенning выступает репрезентантом лондонской студии Уорнер Бразерс.

Основу кенningа составляет лексическая единица *world*. Определением кенningа выступает имя собственное *Harry Potter™*, позволяющее установить референт, так как в студии снимали фильмы по мотивам книг о Гарри Поттере.

(3) *Travel by train to Cork and enjoy a tour of the culinary capital of Ireland.*

Как видно из примера (3), указанный кенning выступает репрезентантом ирландского города Корк.

Основу кенningа составляет синтаксически недели-

мое словосочетание *culinary capital*, называющая город по его статусу.

Определением кеннинга выступает лексическая единица *Ireland*, позволяющая установить референт, так как Корк расположен на территории Ирландии.

(4) **The City of Dreaming Spires** is home to the prestigious University of Oxford – the oldest university in the English-speaking world, and a must-see city for Harry Potter fans.

Как видно из примера (4), указанный кеннинг выступает репрезентантом английского города Оксфорд.

Основу кеннинга составляет лексическая единица *City*, называющая город по его статусу.

Определением кеннинга выступает синтаксически неделимое словосочетание *dreaming spires*, позволяющее установить референт, так как Оксфорд славится готической архитектурой.

Аллегорический кеннинг, в основе которого лежит метафора/метонимия, формирует не только лаконичный, но и красочный образ репрезентируемого объекта.

5) *Spend the day at leisure discovering Kent, also known as the 'Garden of England'.*

Как видно из примера (5), указанный кеннинг выступает репрезентантом английского графства Кент.

Основу кеннинга составляет лексическая единица *Garden*, заключающая в себе синекдоху (разновидность метонимии), так как называет графство по его части (множеству фруктовых садов, оранжерей и др.).

Определением кеннинга выступает лексическая единица *England*, позволяющая установить референт, так как Кент расположен на территории Англии.

(6) *Spend time shopping and visiting lively drinking spots in the Grassmarket area, the heart of Edinburgh's Old Town.*

Как видно из примера (6), указанный кеннинг выступает репрезентантом рыночной площади Грассмаркет в шотландском городе Эдинбург.

Основу кеннинга составляет лексическая единица *heart*, метафорически называющая площадь сердцем на основе их схожести, так как Грассмаркет и сердце образуют общей семой *центральный*.

Определением кеннинга выступает синтаксически неделимое словосочетание *Edinburgh's Old Town*, позволяющее установить референт, так как площадь Грассмаркет расположена на территории эдинбургского рай-

она «Старый Город».

(7) *Known as the 'Palace of the Peak', this vast edifice 3 miles northeast of Bakewell has been occupied by the earls and dukes of Devonshire for centuries.*

Кеннинг, указанный в примере (7) выступает репрезентантом дома Чатсуорт-хаус (Англия).

Основу кеннинга составляет лексическая единица *Palace*, метафорически называющая дом дворцом на основе их схожести, так как Чатсуорт-хаус и дворец образуют общими семами *пышный, роскошный*.

Определением кеннинга выступает лексическая единица *Peak* (сокращение от *Peak District*) позволяющая установить референт, так как Чатсуорт-хаус расположен на холмистой территории национального парка «Пик-Дистрикт».

Так как, формируя лаконичный образ репрезентируемого объекта, кеннинг является средством поэтизации текста и способствует созданию его прагматического потенциала, перевод кеннинга с английского языка на русский язык следует осуществлять, сохраняя его структуру, ведь «именно... форма и превращает подобного рода "высказывания" в поэзию» [5].

(1) **The City of Dreaming Spires** is home to the prestigious University of Oxford – the oldest university in the English-speaking world, and a must-see city for Harry Potter fans. – **Город дремлющих шпилей** – родина престижного Оксфордского университета, старейшего среди университетов англоязычных стран, а также город, который непременно нужно посетить поклонникам «Гарри Поттера».

Кеннинг *The City of Dreaming Spires* передан словарным переводческим соответствием (эквивалентом) *Город дремлющих шпилей*.

Эквивалентами переданы кеннинги, указанные в следующих примерах:

(2) See **disused 'ghost' stations** such as *Down Street through which Churchill travelled during the Blitz*. – Посетите **недействующие станции-призраки**, такие как «Даун-стрит», которая служила бомбоубежищем премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля во время Второй мировой войны.

(3) *Spend the remainder of the day exploring the 'Capital of the Highlands'.* – Проведите остаток дня, прогуливаясь по «столице горной Шотландии».

Часто кеннинг не имеет словарного переводческого соответствия в языке перевода, в связи с чем передача кеннинга осуществляется, как правило, переводческим соответствием-калькой:

(4) *Tour Warner Bros. Studio in London and discover **the magical world of Harry Potter***TM. – Присоединитесь к туру по студии Уорнер Бразерс в Лондоне и исследуйте **волшебный мир Гарри Поттера**TM.

(5) *Travel by train to Cork and enjoy a tour of **the culinary capital of Ireland***. – Сядьте на поезд до Корка – **кулинарной столицы Ирландии**.

(6) *True to its name, **the Garden County** boasts some of the most beautiful gardens and homes in Ireland*. – Оправдывая свое название, **Графство-Сад** славится садами и дворцово-парковыми ансамблями – одними из самых красивых в Ирландии.

(7) *In **the Viking village** Njardarheimr in Gudvangen you can see and experience first-hand what it was like to live in the Viking Age*. – В **поселении викингов** Ньярдхеймар (музей под открытым небом в поселении Гудваген) вы увидите и ощутите на себе как жили люди в эпоху викингов.

(8) *For more than a hundred years, Molde has been dubbed **the Town of Roses** due to its lush, flowering rose gardens*. – Более ста лет Молде называют **«Городом Роз»** за его пышные, цветущие розовые сады.

Однако калькирование не всегда способствует воспроизведению прагматического потенциала оригинала, в связи с чем переводчик частично преобразует структурные элементы кеннинга:

(9) *Þingvellir “**Symbol of the Icelandic Consciousness**”, is in a rift valley between the American and European geological plates and Lake Þingvallavatn contains species of fish found nowhere else*. – **«Символ сознательности исландцев»**, национальный парк Тингветлир расположен в долине, где расходятся Северо-Американская и Евразийская тектонические плиты; а в озере Тингватлаватн водятся уникальные виды рыб.

При переводе синтаксически неделимого словосочетания *Icelandic Consciousness* лексическая единица *Consciousness* передана вариантным переводческим соответствием *сознательность* в соответствии с экстралингвистическим контекстом.

Из-за несовпадения правил лексико-семантической сочетаемости в исходном языке и в языке перевода применена переводческая трансформация *грамматическая замена*: лексическая единица *Icelandic* (имя прилагательное) передана окказиональным переводческим соответствием *исландцы* (имя существительное).

(10) *Visit Windsor Castle, **home of the British monarchy** for more than 900 years*. – Посетите Виндзорский замок, который более 900 лет является **отчим домом британских монархов**.

Лексическая единица *home* передана вариантным соответствием *отчий дом* в соответствии с экстралингвистическим контекстом.

Из-за несовпадения правил лексико-семантической сочетаемости в исходном языке и языке перевода синтаксически неделимое словосочетание *the British monarchy* передано окказиональным соответствием *британские монархи* в результате применения переводческой трансформации *модуляция*.

(11) *Drive to Nordmøre before taking a short ferry crossing (not included) from Halsø to Kanestrø, which brings you towards **the clipfish town** of Kristiansund*. – Отправляйтесь к переправе Халса (район Нордмор), откуда быстрый паром (проезд не включен в стоимость) доставит Вас до переправы Канестраум, а затем в Кристиансунн – **город сушеной рыбы**.

В связи со стремлением переводчика добиться более точного понимания оригинала лексическая единица *clipfish* передана окказиональным переводческим соответствием *сушеная рыба* в результате применения переводческой трансформации *экспликация*.

Ввиду того, что аллегорический кеннинг формирует не только лаконичный, но и красочный образ репрезентируемого объекта, при его переводе с английского на русский язык следует не только сохранить структуру, но и передать метафорический/метонимический образ, лежащий в основе кеннинга:

(12) *Spend the day at leisure discovering Kent, also known as **the ‘Garden of England’***. – Проведите день в свое удовольствие, прогуливаясь по графству Кент, также известному как **«Сад Англии»**.

Кеннинг *the ‘Garden of England’* передан словарным соответствием (эквивалентом) *«Сад Англии»*.

(13) *Commence your journey back to Dublin, travelling through the Boyne Valley, which is **the ancient soul of Ireland***. – По дороге назад в Дублин посетите долину Бойн – **древнюю душу Ирландии**.

Лексическая единица *soul* передана вариантным соответствием *душа* в соответствии с экстралингвистическим контекстом, в результате чего образ, созданный синекдохой (разновидностью метонимии), передан.

(14) *Encircled by mountains and sea, Reykjavík is the world's northernmost capital and **the cultural heartbeat of Iceland***. – Окруженная горами и морем, Рейкьявик – самая северная столица в мире и **сердце культурной жизни Исландии**.

Из-за несовпадения образов в исходном языке и в

языке перевода лексическая единица *heartbeat* передана окказиональным переводческим соответствием *сердце* в результате применения переводческой трансформации *генерализация*.

(15) *The Games, or Gatherings, take place in towns and villages throughout the country and are a highlight of the Scottish calendar, making for a truly memorable day out amongst grand Highland scenery.* – «Гвоздь» **ежегодных шотландских мероприятий**, которые проводятся в городах и загородных поселениях по всей стране, – Игры горцев, или Собрания горцев, сделают Ваш день среди величественных пейзажей горной Шотландии поистине незабываемым.

Из-за несовпадения образов в исходном языке и в языке перевода лексическая единица *highlight* передана окказиональным переводческим соответствием «гвоздь» в результате применения переводческой трансформации *модуляция*.

В связи со стремлением переводчика добиться более точного понимания оригинала синтаксически неделимое словосочетание *the Scottish calendar* передано окказиональным соответствием *ежегодные шотландские мероприятия* в результате применения переводческой трансформации *экспликация*.

(16) *Known as the 'Palace of the Peak', this vast edifice 3 miles northeast of Bakewell has been occupied by the earls and dukes of Devonshire for centuries.* – Во «Дворце Холмов» – величественном здании, расположенном примерно в 2 километрах к северо-востоку от города Бейкуэлл, веками жили графы и герцоги Девонширские.

Лексическая единица *Palace* передана вариантным переводческим соответствием *Дворец*, в результате чего образ, созданный метафорой, передан.

В связи со стремлением переводчика сохранить лаконичность кеннинга лексическая единица *Peak* передана окказиональным переводческим соответствием *Холмы* в результате применения переводческой трансформации *модуляция*.

Однако сохранение структуры кеннинга при переводе возможно не всегда:

(17) *Ålesund – the art nouveau town.* – Олесунн, **город в стиле «ар-нуво»**.

В связи со стремлением переводчика добиться более точного понимания оригинала при переводе кеннинга *the art nouveau town* использован переводческий прием *добавление* (добавлена лексическая единица с предлогом в стиле).

(18) *Visit Dove Cottage, the home of William Wordsworth, Great Britain's most famous poet, or cruise along Lake*

Windermere, England's largest lake. – **Посетите коммедж «Дав» – место, где жил Уильям Вордсворт, – самый известный британский поэт, – или совершите круиз по озеру Уиндермир, самому большому озеру Англии.**

В связи со стремлением переводчика избежать цепочки родительных падежей, усложняющих понимание текста, лексическая единица *home* передана окказиональным соответствием *место, где жил* в результате применения переводческой трансформации *экспликация*.

Экспликация, обусловленная стремлением переводчика избежать цепочки родительных падежей, применена в следующем примере:

(19) *Reykholt, in Borgarfjörður, is one of Iceland's major cultural centres, most notably as the venue of an internationally-renowned classical music festival in July – and of medieval scholar and poet Snorri Sturluson (1179-1241), whose farmstead is now a popular museum.* – Расположенное в Боргар-фьорде, поселение Рейкхольт – один из крупных исландских культурных центров. В первую очередь это **место, где проводится всемирно известный июльский фестиваль классической музыки, и где жил средневековый ученый и поэт Снорри Стурлусон (1179-1241)**, чья усадьба сейчас является популярным музеем.

(20) *Visit Westminster Abbey, the site of many royal weddings.* – **Посетите Вестминстерское аббатство – место, где венчаются многие члены королевской семьи.**

В примере (20) в связи со стремлением переводчика избежать цепочки родительных падежей, усложняющих понимания текста, а также из-за несовпадения правил лексико-семантической сочетаемости в исходном языке и в языке перевода синтаксически неделимое словосочетание *many royal weddings* передано фразой *где венчаются многие члены королевской семьи* в результате применения переводческой трансформации *целостное преобразование*.

Основываясь на результатах, полученных в исследовании, можно выделить следующие особенности перевода кеннинга:

- в связи со стремлением переводчика воспроизвести прагматический потенциал оригинала, создаваемый кеннингом, передача кеннинга с английского языка на русский язык осуществляется, как правило, словарным переводческим соответствием (эквивалентом) или переводческим соответствием-калькой;
- из-за того, что калькирование не всегда способствует воспроизведению прагматического потенциала оригинала, структурные элементы кеннинга могут передаваться окказиональными переводческими-соответствиями в результате

применения переводческих трансформаций (таких как *грамматическая замена, экспликация, модуляция, генерализация*). Структурные элементы кеннинга могут передаваться вариантными переводческими соответствиями в соответствии с экстралингвистическим контекстом;

— в связи со стремлением переводчика добиться более точного понимания оригинала структура

кеннинга может быть изменена в результате использования переводческого приема *добавление*. В связи со стремлением переводчика избежать цепочки родительных падежей, усложняющих понимание текста, структура кеннинга может быть изменена в результате применения переводческих трансформаций (таких как *экспликация, целостное преобразование*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Третьякова Т.Н. Историко-культурное наследие региона. Учебное пособие в 3-х частях. Ч.1: учебное пособие для студентов и магистрантов туристских специальностей. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. - 293 с.
2. Лазоркина О.И. Культурная дипломатия: пособие для студентов фак. междунар. отношений. Минск: БГУ, 2012. - 80 с.
3. Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. URL: <http://ulfdalir.ru/literature/902> (дата обращения: 12.04.2024).
4. Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. URL: https://norroen.info/articles/steblink/hist_poe/ (дата обращения: 15.01.2024).
5. Fidjestøl B. Selected Papers / ed. by O.E. Haugen, E. Mundal. Odense: Odense University Press, 1997. - 406 p.
6. Heusler A. Meissner, Die Kenningar der Skalden. [Besprechung (1922)]. Berlin, 1969. - Bd. I. S. 296.
7. Krause W. Die Kenning als typische Stilfigur der germanischen und keltischen Dichtersprache. Halle (Saale), 1930.
8. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 02.12.2023).

© Соловьева Наталья Анатольевна (sologap@mail.ru), Малышева Алена Максимовна (frogheart_21977@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ НЕЙРОННЫЕ СЕТИ)

METHODS OF TRANSLATION OF TERMINOLOGICAL VOCABULARY (BASED ON THE SUBJECT AREA OF NEURAL NETWORKS)

N. Stafeeva
I. Medvedeva
M. Zaichko

Summary: The article discusses the features of the translation of terms in the field of neural networks. These features are due to the divergence of the systems of concepts present in different languages. The goal of the authors is to focus on the integration and improvement of terminology and relevant concepts in the field of neural networks. The purpose of translating terminological vocabulary is to achieve an accurate and understandable transfer of the meaning of a word or phrase. These translations ensure effective communication in the scientific field.

Keywords: anglicism, neural network, neurons, deep learning, translation, terminology.

Стафеева Наталья Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент, Тюменский
Индустриальный Университет
natali.stafeeva.78@mail.ru

Медведева Инесса Александровна

Старший преподаватель, Тюменский Индустриальный
Университет
inessa2370@list.ru

Заичко Маргарита Васильевна

Старший преподаватель, Тюменский Индустриальный
Университет
rzaichko@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности перевода терминов в области нейронных сетей. Особенно актуальной становится данная тема в предметных областях, где используются специализированные термины и понятия. Авторы раскрывают тему интеграции и совершенствования терминологии. Перевод требует глубокого понимания технических аспектов нейронных сетей и умения находить соответствующие понятия в русском языке, чтобы обеспечить корректный и понятный перевод. Различия в специфических терминах и понятиях между этими двумя языками создают трудности перевода. Целью перевода терминологической лексики является достижение точной и понятной передачи смысла слова или словосочетания. Данные переводы обеспечивают эффективную коммуникацию в научной сфере.

Ключевые слова: англицизм, нейросеть, нейроны, глубокое обучение, перевод, терминология.

Перевод терминологической лексики является одним из важных аспектов коммуникации и обмена знаниями между различными языковыми и культурными средами. Особенно актуальной проблемой становится перевод терминов в предметных областях, где используются специализированные термины и понятия. В области нейронных сетей, которая представляет собой важную сферу искусственного интеллекта, существует необходимость в точном и адекватном переводе терминологии с английского на русский язык.

На данный момент заинтересованность в исследовании такой темы как нейронных сетей в области компьютерных наук очень высока, вследствие чего при написании научной литературы используются множество специализированных терминов для описания сущностей или процессов.

Проблема перевода терминологии с английского на русский язык в области нейронных сетей возникает из-за различий в специфических терминах и понятиях между этими двумя языками. Некоторые термины могут не иметь точного эквивалента в русском языке, что создает

сложности при попытке передать их смысл и контекст. В таких случаях, переводчики и специалисты по предметной области сталкиваются с задачей выбора наиболее точного и понятного перевода, который соответствует особенностям русского языка и сохраняет смысл и точность оригинального термина. Это требует глубокого понимания технических аспектов нейронных сетей и умения находить соответствующие термины и понятия в русском языке, чтобы обеспечить корректный и понятный перевод.

Одна из основных причин сложностей с переводом терминологии нейронных сетей связана с тем, что на русском языке отсутствуют точные аналоги для некоторых терминов и понятий, используемых на английском языке [6]. Это связано с тем, что некоторые термины нейронных сетей имеют сильную связь с конкретными контекстами и семантикой, которые могут быть потеряны при простом переводе.

К примеру, термин «neural network» (нейронная сеть) является ключевым понятием и его перевод должен передать суть представляемой сферы. Однако в русском

языке нет точного аналога для данного термина, что приводит к необходимости использовать его в оригинальной форме или использовать приближенный перевод, который может не охватывать все аспекты и семантику оригинального термина.

Если разбирать словосочетание «нейронная сеть», то оно состоит из двух слов: «нейрон» и «сеть». Слово «нейрон» берёт свои корни из греческого языка, обозначая «жила, сухожилие, нерв». В русском языке изначально присутствовало слово «неврон», которое окончательно было вытеснено в 1960 году и заменено словом нейрон, берущий свои корни из немецкого. Слово «Neuron» предложил немецкий анатом и гистолог Вальдейером Г.В. В 1981 году для обозначения нервной клетки. Впоследствии это слово трансформируется как в русском, так и в английском языке и будет иметь привычное для нас наименование «нейрон».

Также, некоторые термины могут иметь неоднозначные или многозначные переводы на русский язык, что увеличивает сложность выбора наиболее подходящего перевода в контексте нейронных сетей. Например, термин «activation function» можно перевести как «функция активации» или «активационная функция», и каждый из этих вариантов может нести нюансы в смысле, которую необходимо учесть при переводе.

Для успешного перевода терминологии нейронных сетей с английского на русский язык переводчики и специалисты должны обладать пониманием, как английского, так и русского языка, а также иметь технические знания в области нейронных сетей. Это позволяет выбирать наиболее точные и понятные переводы, учитывая особенности и контекст обоих языков, чтобы сохранить смысл и точность оригинальной терминологии.

Нейронные сети — это сложная и быстро развивающаяся область, которая использует специальные термины и терминологию, которые не всегда можно однозначно перевести на русский язык, потому что сходные концепции могут иметь разные термины в разных научных дисциплинах, создаются дополнительные сложности при переводе терминологии.

Поэтому стоит разобраться в теме нейронных сетей, чтобы иметь представление о тех словах, которые перешли в русский язык из других языков. Начать стоит с того, что первую модель искусственного нейрона предложили У. Мак-Каллок и У. Питтс в 1943 году в своей статье «Логичное исчисление идей, относящихся к нервной активности» [3]. В своей работе авторы описали нейронную сеть как связанные между собой нейроны, где один нейрон способен решать определённые задачи, а уже два и более нейронов дают возможность решать боль-

шое количество задач, а также увеличить их сложность. Авторы статьи предложили не только саму модель искусственного нейрона, но также способ установить связь между этими нейронами, которая и образует нейронную сеть, имеющую структуру слоёв.

В 1957 году была предложена модель под названием «перцептрон» (Perceptron—это математическая или компьютерная модель восприятия информации мозгом), которую создал учёный Фрэнк Розенблатт на основе идеи Мак-Каллока и Питтса. Перцептрон стал первой реализованной нейронной сетью.

Впоследствии стала развиваться тематика глубокого обучения или же deep learning, после исследования, которой возрос интерес к нейросетям, поскольку глубокое обучение позволяла тренировать модели на большем количестве данных определённым методом, который более точно определял закономерности и тем самым давал лучше результат. В 1990 году был применён алгоритм обратного распространения ошибки, или же Back propagation algorithm, для глубокого обучения, однако выяснилось, что нейросети обучались достаточно медленно. На тот момент нейросети очень сильно отставали по скорости обучения по сравнению с другими алгоритмами машинного обучения, например, методу опорных векторов (Support Vector Machines – это набор контролируемых методов обучения, используемых для классификации, регрессии и обнаружения выбросов).

С развитием вычислительной техники нейронные сети стали решать различные задачи из множества сфер жизни человека, что привело к заинтересованности исследователей не только из технических областей, а также из медицины, финансах, транспорте, розничной торговле, маркетинге, обработке естественного языка и других. Такое междисциплинарное взаимодействие и интерес к нейронным сетям открывает новые возможности для сотрудничества и обмена знаниями между разными областями.

Изучением темы англицизмов в нейросетевой области занимались различные авторы, но хотелось бы отметить Дьяков А.И. и Чирейкина О.Ю., которые рассмотрели англицизмы в русских терминологических системах и составили «Словарь англицизмов русского языка» [1]. С точки зрения авторов, англицизм стоит понимать как английское слово, словосочетание или предложение, которое было перенесено в русский язык путём трансформации определённым способом или же оставившее свой оригинальный облик. Сама трансформация может происходить разными способами, которые разделяются на модели с собственными процессами:

1. транскрибированные англицизмы, то есть это такие англицизмы, которые передают звучание сло-

ва (например: Clustering и Кластеризация— это класс задач по группировке множества объектов на подмножества, по какому-либо признаку и группе признаков [2]).

2. транслитерированные англицизмы–англицизмы, в которых происходит трансформация путём отражения графической формы без учёта фонетического содержания (например: Algorithm и Алгоритм - Процесс выполнения набора предписаний для выполнения задач. Обычно применяется в компьютерах [7]).
3. трансформированные англицизмы – это некоторая переделка англицизма на русский язык, то есть имитация русского слова. (например: Dropout и Дропаут–техника регуляризации, применяемая в нейронных сетях для предотвращения переобучения [8]).
4. калькированные англицизмы – это такой перевод, при котором сохраняется исходная семантика и часто структуру заимствования (например: Neural network и Нейронная сеть– это компьютерная система, смоделированная по образцу человеческого мозга [7]).
5. трансплантированные англицизмы – это англицизмы, которые не имеют формы из русских букв, а употребляются в своей изначальной форме (например, Back propagation– это метод обучения нейронных сетей, относится к методам обучения с учителем [7]).
6. комбинированные англицизмы – это такие англицизмы, которые собирают в себе определённые качества из всех вышеперечисленных моделей (например: Generative adversarial networks и Генеративная состязательная сеть – метод, при котором две нейронные сети, одна из которых генерирует контент, вторая старается отличить подлинный контент от сгенерированного).
7. компенсированные англицизмы – это такие слова, которые получили в русском языке определённую форму, не имея в языке-источнике формальных или отличительных признаков (например: Data mining и Интеллектуальный анализ данных– это процесс изучения и обнаружения закономерностей в данных для получения новой информации).

Однако не стоит забывать, что не все слова рождаются в английском языке, а также проходят определённую трансформацию и приобретают свою форму, однако чаще всего именно из английских слов происходит трансформация в другие языки. Связано это с тем, что английский язык – это самый популярный язык на планете из-за чего множество исследований и научных работ пишется на английском языке, чтобы охватить большую часть исследователей [2]. Вследствие чего множество научных деятелей оформляют свои работы на английском языке и производят трансформацию определённых слов, которые в последующем

являются устоявшимися словами или словосочетаниями, которыми пользуются множество других людей в своих работах с отсылкой на первоисточник.

Также темой особенностей перевода англоязычных терминов рассматривала Абрамова Е.В., также выделив ряд способов, которые применяются при переводе понятий из иностранного языка [5]:

1. Акронимы – слово, состоящее из первых букв слов предложения. Слова для аббревиатуры подбираются таким образом, чтобы была возможность составить другое понятное слово, и оно передавало суть сущности или процесса. При таком способе возможна также замена определённых слов на синонимы, чтобы получился акроним (FACT–fully automatic completing technique – полностью автоматический компилирующий метод)
2. Перевод путём использования полных эквивалентов, то есть равнозначных соответствий в языках, не зависящих от контекста (Artificial Intelligence - Искусственный интеллект — это наука и технология разработки компьютеров, выполняющих функции, которые до недавнего времени считались прерогативой человеческого интеллекта [7])
3. Дословный перевод – перевод иностранного слова или его точное воспроизведение средствами другого языка. Точный перевод сохраняет ту же последовательность, что и в оригинале (Computer vision- Компьютерное зрение - Междисциплинарная научная предметная область ИИ и информатики, посвященная изучению и разработке компьютеров, способных к визуальному распознаванию информации на входе [8]).
4. Транслитерация – воспроизведение буквенного состава иностранного слова на языке, на которое осуществляется перевод (Heuristics- Эвристика- это процесс, поиска решения методом проб и ошибок в процессе которой формируется «опыт» - правила.[7])

Вследствие чего получается, что английский язык собирает в себе определённый список слов, которыми пользуются специалисты области исследования. Так как сфера нейронных сетей связана и с другими сферами, такими как компьютерные технологии, анализ данных, математика, информатика и так далее, из-за чего слова могут трансформироваться в зависимости от сферы, где они применяются.

Языковая мода и авторитетность языка-источника являются важными причинами для заимствования. С точки зрения российского учёного Крысина Л.П., «восприятие иноязычного слова более престижно», что является одним из факторов, при котором заимствуют то или иное слово из языка [4].

Таким образом, область нейронных сетей на данный момент имеет очень большую популярность у исследователей разных стран, поэтому для её изучения необходимо переводить терминологию таким образом, чтобы передавать смысл одной и той же сущности, процесса

или метода. Применение способов перевода позволяет исследователям и учёным приходиться к единому варианту, который будет описывать значение слов или словосочетаний таким образом, чтобы, не прибегая к точному определению, понимать, о чём ведётся речь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Е.В. Особенности перевода англоязычных терминов, связанных с информационными технологиями, на материале терминологии, используемой в научно-исследовательских статьях "SKOLKOVO COMMUNITY" и "RUSBASE" // Абрамова Е.В. – Текст: электронный // Научный журнал «Наука, техника и образование». 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-angloyazychnyh-terminov-svyezannyh-s-informatsionnymi-tehnologiyami-na-materiale-terminologii-ispolzuyemoy-v> (Дата обращения: 27.11.2023)
2. Глоссарий самых часто употребляемых терминов в области машинного обучения- URL: https://nnz-ipc.ru/glossarij/osnovnye_ponyatiya_mashinnogo_obucheniya/ (Дата обращения: 01.12.2023)
3. Дьяков А.И. Англицизмы в русских терминологических системах / Дьяков А.И., Чирейкина О.Ю. – Текст: электронный: АНООВО ЦРФ СибУПК, Новосибирск, Россия, 2020. – URL: <https://research-journal.org/archive/5-95-2020-may/anglicizmy-v-russkix-terminologicheskix-sistemax> (Дата обращения: 17.11.2023)
4. Ильина Т.С. Англицизмы как специфика в научно-технической терминологии русского языка / Ильина Т.С., Ионикова Е.П. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-kak-spetsifika-v-nauchno-tehnicheskoy-terminologii-russkogo-yazyka> (Дата обращения: 24.11.2023)
5. Ковалиева Е.Р. Причины стремительного развития нейронных сетей / Ковалиева Е.Р., Алексеева В.П. – Текст: электронный // Научный журнал E-Scio, 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-stremitelnogo-razvitiya-neyronnyh-setey> (Дата обращения: 22.11.2023)
6. Особенности влияния англицизмов на русский язык XX-XXI веков - <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vliyaniya-anglitsizmov-na-russkiy-yazyk-xx-xxi-vekov>
7. Тадеусевич Р. Нейронные сети. Толковый словарь: словарь / Тадеусевич Р., Шаленец М./ Перевод с польск. И.Д. Рудинского. 2022 – 3-4с.Текст: непосредственный.
8. Тюкина Л.А. Информационные технологии в профессиональной деятельности переводчика / Тюкина Л.А., Пузенко И.Н. – Текст: электронный // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: сборник научных трудов. Выпуск 13. - Москва: Российский университет дружбы народов, 2018. – URL: <https://elib.gstu.by/handle/220612/22667> (Дата обращения: 29.11.2023).

© Стафеева Наталья Анатольевна (natali.stafeeva.78@mail.ru), Медведева Инесса Александровна (inessa2370@list.ru),
Заичко Маргарита Васильевна (rzaichko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

IMPLEMENTING TOOL FOR THE INFORMATIVENESS CATEGORY IN POLITICAL DISCOURSE

K. Ulanova
E. Morozov
E. Dmitrieva
G. Khorokhorina
S. Usov

Summary: This article examines in detail the topic of information content in political discourse, identifying various methods and strategies for its implementation. Key aspects such as the presentation of facts and data, the explanation of political processes, the conduct of public speaking and interviews, the use of media materials, and the willingness to engage in dialogue and discussion are examined. Particular attention is paid to controlling information through verification to avoid the dissemination of false or distorted information. It is emphasized that information content in political discourse plays an important role in shaping public opinion, understanding political processes and making informed decisions. Various strategies are analyzed that help participants in the communication process present objective information and provide access to high-quality political information, thereby promoting the development of information content and civic engagement in society.

Keywords: information content, discourse, political discourse, communication, tool, strategy.

Уланова Капитолина Леонидовна

Кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)
ulanova-kl@rudn.ru

Морозов Евгений Александрович

Кандидат филологических наук, доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
buddenbroki@mail.ru

Дмитриева Елена Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет
katkova_helen@mail.ru

Хорохорина Галина Анатольевна

Кандидат исторических наук, доцент, Российский биотехнологический университет (г. Москва)
galina_rgsu@mail.ru

Усов Сергей Сергеевич

Старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)
usov-ss@ranepa.ru

Аннотация: В данной статье подробно рассматривается тема информативности в политическом дискурсе, выявляются различные методы и стратегии ее реализации. Анализируются ключевые аспекты, такие как представление фактов и данных, объяснение политических процессов, проведение публичных выступлений и интервью, использование медийных материалов, а также готовность к диалогу и обсуждению. Особое внимание уделяется контролю информации через ее проверку во избежание распространения ложной или искаженной информации. Подчеркивается, что информативность в политическом дискурсе играет важную роль в формировании общественного мнения, понимании политических процессов и принятии обоснованных решений. Анализируются различные стратегии, которые помогают участникам процесса коммуникации представить объективную информацию и обеспечить доступ к качественной политической информации, способствуя тем самым развитию информативности и гражданской активности в обществе.

Ключевые слова: информативность, дискурс, политический дискурс, коммуникация, инструмент, стратегия.

В современной лингвистике термин «дискурс» обычно используется для описания способа, которым язык пользуется в конкретном контексте коммуникации [7]. Дискурс включает в себя не только определенные высказывания, но и их организацию, связь между ними, применение языков средств для определенных задач [8, с. 140]. Согласно общему мнению исследователей, термин дискурса понимается как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами

[5], а также характеризуется некоторыми факторами. Во-первых, связностью текста как такового. Это свойство дискурса, которое относится к тому, как отдельные элементы текста (слова, фразы, предложения) соединяются друг с другом, чтобы образовать связный текст или разговор. Во-вторых, когерентностью, которая касается того, насколько текст или разговор кажется логически связанным и понятным для реципиента речи. В-третьих, дискурс всегда встроен в определенный контекст, кото-

рый может включать в себя различные социокультурные факторы, идеи говорящего или писателя, а также информацию или знания, которые разделяют участники коммуникации. В-четвертых, каждый дискурс имеет свою цель или цели, которые могут варьироваться от убеждений и информированности участников процесса коммуникации. В-пятых, дискурс может отражать социальную роль или статус участников коммуникации, а также их идентичность, включая возраст, пол, принадлежность к социальному классу и т.д. [3].

В целом, дискурс в лингвистике изучает не только отдельные слова и их значения, но и способы их использования в контексте реальных коммуникативных ситуаций. Для изучения и описания таких ситуаций 3.3. Харрисом был введен термин «анализ дискурса» [17].

Дискурс включает в себя различные типы или виды, которые могут различаться в зависимости от контекста и целей коммуникации. Рассмотрим основные из них. Публичный дискурс происходит в общественных сферах, таких как политика, медиа, образование и т.д. Он охватывает широкий спектр коммуникации, включая политические речи, дебаты, лекции, пресс-конференции и т.д. Академический дискурс характеризуется научными и академическими обсуждениями, проводимыми в высших учебных заведениях или же размещенных в текстовом виде в научных журналах и т.д. Медийный дискурс включает в себя коммуникацию через средства массовой информации, такие как телевидение, радио, газеты, журналы, интернет и т.д. Профессиональный дискурс связан с коммуникацией в профессиональных областях, таких как медицина, право, бизнес и т.д. К нему можно отнести специализированный терминологический набор, общение с клиентами и коллегами, а также документацию и отчетность.

Вышеперечисленные типы дискурса могут делиться на подтипы для более глубокого разделения по областям знаний. Отдельно можно выделить жанры дискурса, такие как научная статья, эссе, рассказ, диалог, каждый из которых имеет свои характерные особенности и цели. Также следует указать, что все типы и подтипы дискурса взаимодействуют друг с другом в различных контекстах в зависимости от цели участников коммуникации.

В нашем исследовании мы отдельно остановимся на подтипе публичного дискурса – политическом дискурсе.

Политический дискурс – это специфическая форма коммуникации, которая используется политическими лидерами, деятелями и другими участниками политической сферы для формирования общественного мнения, влияния на политические процессы и достижения различных целей в рамках политической деятельности. Политический дискурс охватывает широкий спектр форм и

контекстов, включая выступления политиков, интервью, статьи, политические программы, социальные медиа и многое другое [6, с. 27].

Политический дискурс характеризуется идеологической ориентацией, часто вкладываясь в определенные идеологические рамки, которые определяются политическими взглядами и убеждениями участников [9, с. 43].

В политическом дискурсе широко используются риторические приемы, такие как эмоциональное окрашивание, аргументация, метафоры, упрощения и т.д. с целью убеждения аудитории и вызова определенных реакций, нужных политику [11, с. 105].

Политический дискурс часто используется для манипуляции общественным мнением и формирования определенных представлений о политических событиях, личностях или идеях, что может включать в себя искажение фактической информации [12, с. 154].

Политический дискурс представляет собой форму публичного представления, которая может быть адресована различным аудиториям (избиратели, политики, СМИ). Типичными формами политического дискурса являются публичные выступления, интервью и заявления политиков [13].

В то же время политический дискурс всегда встраивается в определенный социокультурный, исторический и политический контекст, а его понимание имеет ключевое значение для анализа и интерпретации политических высказываний и действий, так как является средством выражения и осуществления власти и влияния. Политические лидеры и организации используют инструменты политического дискурса для укрепления своих позиций, мобилизации сторонником и достижения политических целей [15].

Политический дискурс является динамичным и многослойным явлением, отражающим сложность политической коммуникации в современном обществе. Исходя из этого, учеными-лингвистами делается вывод, что дискурс всегда информативен [14].

Что же такое информативность дискурса или информативность текста? В дискурсивной лингвистике этот термин относится к способности коммуникации и текста предоставлять полезную или значимую информацию. Информативность характеризуется тем, насколько эффективно сообщение передает знания, факты, аргументы или другие важные сведения своей целевой аудитории. Информативность играет ключевую роль в коммуникации, поскольку помогает слушателям или зрителям лучше понять тему, о которой идет речь, и сформировать обоснованные выводы и решения [10, с. 234].

Чтобы дискурс считался информативным, он должен быть понятным и доступным. Информация должна быть представлена таким образом, чтобы быть понятой целевой аудиторией, соответственно, требуется наличие ясного и понятного языка, избегание сложных терминов, а также учет потребностей и уровня знаний аудитории. И.Н. Крутова, Г.А. Хорохорина, Е.А. Акбилек в своём исследовании информативности политического текста и способах влияния на аудиторию приводя в пример речь Президент США Дж. Байдена, указывают на использование модальности (модальных глаголов в английском языке), метафор и других специфических форм языка, направленных конкретно на американский электорат [4, с. 64].

Информация в тексте должна быть основана на достоверных и проверенных источниках, аргументах или фактах. Представленные утверждения должны иметь обоснование и поддерживаться соответствующими доказательствами или авторитетными источниками. Помимо этого, информацию следует связывать с темой или контекстом обсуждения, отражая текущее состояние дел или современные тренды в соответствующей области.

Учитывая, что политический дискурс не односторонен, информативный текст должен представлять различные точки зрения или аспекты рассматриваемой темы, а также учитывать разнообразие мнений и перспектив. Это помогает аудитории получить более полное и объективное представление о рассматриваемом вопросе.

Информация должна быть направлена на достижение определенных целей или намерений говорящего, что характеризуется попытками убеждения реципиентов речи в зависимости от контекста коммуникации и ее целей.

Таким образом, информативность в дискурсе играет важную роль в обеспечении эффективной коммуникации и помогает аудитории лучше понять и оценить предоставленную ей информацию. В политическом дискурсе информативность характеризуется способностью сообщать факты, аргументы и другую информацию об определенных политических вопросах или событиях. Она играет важную роль в формировании общественного мнения, понимании политических процессов и принятии обоснованных политических решений.

Хотя политический дискурс часто предполагает выражение определенных взглядов или позиций, феномен информативности требует сохранения соответствующего уровня объективности при представлении фактов аудитории, что позволяет сформировать собственное мнение на основе объективной информации.

Кроме того, информативность в политическом дискурсе подразумевает открытость к диалогу и обмену информацией между различными сторонами или участни-

ками, что позволяет достичь более полного понимания политических вопросов и разработать более эффективные решения.

В целом, информативность политического дискурса важна для обеспечения доступа к объективной и качественной информации, необходимой для принятия осознанных политических решений и формирования общественного мнения, а также для предотвращения конфликтных ситуаций [18, с. 132].

В политическом дискурсе информативность реализуется через различные стратегии и приемы, которые помогают представить факты и информацию по определенным политическим вопросам и событиям. В первую очередь информативность достигается через само представление фактов и данных. Политические лидеры и участники процесса политического дискурса используют презентацию конкретных фактов, статистики, исследований и других объективных данных для поддержки своих аргументов и позиций, что, в свою очередь, помогает обосновать свои утверждения и убедить аудиторию в правильности своего взгляда. Кроме того, часто в контексте политических явлений важно объяснить сложные процессы, законы, инициативы и события, делая их понятными для широкого круга реципиентов речи.

Кроме толкования процессов и событий для реализации информативности в политическом дискурсе используются публичные выступления и интервью, в которых представляется информация о программах, позициях и мнениях по различным вопросам.

Н.Н. Вольская в своих исследованиях уделяет внимание иллюстрированному материалу и фотографии как инструментам реализации информативности в политическом дискурсе [1, с. 110; 2, с.11]. Данный инструмент, служащий для распространения информации о своих позициях и предложениях, можно отнести также и к подтипу медийного дискурса.

Информативность также реализуется через открытость к диалогу и обсуждению с широкой аудиторией. Политики могут устраивать общественные дебаты, форумы или встречи с избирателями, во время которых имеют возможность обсудить политические вопросы и обменяться мнениями.

Для обеспечения информативности важно также проводить проверку информации (факт-чекинг) и контроль за распространяемой информацией, чтобы избежать появления ложной или искаженной информации [16, с. 254].

Комбинация этих стратегий и приемов помогает обеспечить информативность в политическом дискурсе и

помогает реципиентам речи понимать политические процессы и события.

Из всего вышеописанного можно сделать вывод о важности информативности в процессе политического дискурса, что свидетельствует о том, что эффективная коммуникация требует не только умение передать сообщение, но и обеспечить его содержание информацией,

которая является понятной, достоверной, актуальной, релевантной и целенаправленной. Информативность помогает участникам дискурса лучше понимать обсуждаемые темы, принимать обоснованные решения и формировать свое мнение на основе фактов и аргументов. Таким образом, она является ключевым аспектом успешной коммуникации в различных сферах общественной жизни, включая политику, науку, образование и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольская, Н.Н. Иллюстративный материал как инструмент реализации категории информативности в политическом дискурсе / Н.Н. Вольская // Наука сегодня: вызовы, перспективы и возможности: материалы международной научно-практической конференции, Вологда, 12 декабря 2018 года / Научный центр «Диспут». – Вологда: ООО «Маркер», 2018. – С. 110-112. – EDN YRCRXN.
2. Вольская, Н.Н. Фотография как инструмент реализации категории информативности в политическом дискурсе / Н.Н. Вольская // Наука и инновации в современном мире: Сборник научных статей. Том Часть I. – Москва: Издательство «Перо», 2018. – С. 11-13. – EDN TUJVUE.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 1981. – 139 с. – EDN VXKANF.
4. Крутова, И.Н. Информативность политического текста как способ влияния на реципиента речи (на примере выступления Президента США Дж. Байдена) / И.Н. Крутова, Г.А. Хорохорина, Е.А. Акбилек // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 6-2. – С. 64-68. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.06-2.12. – EDN FFEJYB.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с. – ISBN 5-85270-031-2. – EDN RXSTYX.
6. Сидоров, Е.В. Координационный механизм семантической организации дискурса и единицы наивной политической категоризации / Е.В. Сидоров, Д.И. Петропольский // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2013. – Т. 1, № 3(115). – С. 27-29. – EDN RXYBIB.
7. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров; Е.В. Сидоров. – Изд. 2-е. – Москва: URSS, 2009. – 228 с. – ISBN 978-5-397-00072-7. – EDN QUDUWD.
8. Сидоров, Е.В. Особенность семантического отношения в дискурсе / Е.В. Сидоров // Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтническом вузе. – Издание 2-е дополненное, исправленное и переработанное. – Москва: ООО «ТрансАрт», 2013. – С. 140-146. – EDN UBWIET.
9. Сунами, А.Н. Выражение риск-рефлексов через формирование дискурса вражды в медиасфере / А.Н. Сунами, Г.А. Труфанов // Конфликтология. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 43-57. – DOI 10.31312/2310-6085-2020-15-4-43-57. – EDN ZEXXAG.
10. Усов, С.С. Содержательно-концептуальный аспект информативности текста / С.С. Усов // Инновации и инвестиции. – 2014. – № 12. – С. 234-235. – EDN WAYXXR.
11. Усов, С.С. Эмоционально-оценочная номинация реалий в политическом дискурсе в XXI в / С.С. Усов, М.А. Сафонов, Н.Л. Харченко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3(146). – С. 105-109. – EDN NPTBRS.
12. Харченко, Н.Л. Манипулятивные структуры в политическом дискурсе / Н.Л. Харченко // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 154-158. – EDN UCOMRT.
13. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2006. – 136 с. – ISBN 5-89349-987-5. – EDN RWLPMR.
14. Шапочкин, Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект / Д.В. Шапочкин. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2012. – 260 с. – ISBN 978-5-400-00658-6. – EDN QXERMH.
15. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: специальность 10.02.00 «Языкознание»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 431 с. – EDN NLROTZ.
16. Языковые средства выражения элементов фантастики в политическом дискурсе / И.А. Синицына, М.А. Сафонов, С.С. Усов [и др.] // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31, № 2. – С. 254-263. – DOI 10.35634/2412-9534-2021-31-2-254-263. – EDN QFOJRR.
17. Harris Z., *Discourse analysis*, «Language», 1952, v. 28, № 1.
18. Trufanov, G.A. Crisis and conflict in Russian contemporary social media / G. A. Trufanov // Конфликтология. – 2021. – Vol. 16, No. 1. – P. 132-158. – EDN DZCTXE.

© Уланова Капитолина Леонидовна (ulanova-kl@rudn.ru), Морозов Евгений Александрович (buddenbroki@mail.ru), Дмитриева Елена Владимировна (katkova_helen@mail.ru), Хорохорина Галина Анатольевна (galina_rgsu@mail.ru), Усов Сергей Сергеевич (usov-ss@ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЫРАЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА СЛОЖНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ РАЗГОВОРНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Червоный Александр Михайлович

Д. филол. н., профессор, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
ckutrik@yandex.ru

EXPRESSION OF THE SEMANTIC SUBJECT BY COMPOUND NOUNS OF COLLOQUIAL FRENCH

A. Chervony

Summary: The article is devoted to the expression of the semantic subject by means of compound separate nouns of colloquial French. In the paper compound French nouns are represented by various syntactic models formed by the combination of almost all parts of speech, and express various features, properties, qualities (mainly in negative aspect), that reveal peculiarities of character, behaviour, profession and kinship of the subject. The variety of word-formation models is explained by the developed word-formation system of the French language. In the nomenclature of French compound substantives there are lexemes of reduced vocabulary: common parlance, the vernacular, argot.

Keywords: semantic subject, word formation, syntactic model, compound word, colloquial French language.

Аннотация: Статья посвящена выражению семантического субъекта сложными отдельно оформленными существительными разговорного французского языка. В работе сложные французские существительные представлены разнообразными синтаксическими моделями, образованными сочетанием практически всех частей речи, и выражают различные черты, свойства, качества (в основном в негативном аспекте), раскрывающими особенности характера, поведения, профессиональной и родственной принадлежности субъекта. Разнообразие словообразовательных моделей объясняется развитой словообразовательной системой французского языка. В номенклатуре французских сложных субстантивов присутствуют лексемы сниженной лексики: просторечия, профессионализмы, арго.

Ключевые слова: семантический субъект, словообразование, синтаксическая модель, сложное слово, разговорный французский язык.

Семантический субъект, под которым мы понимаем – человека разумного, чувствующего, планирующего, казуирующего, реального деятеля, осуществляющего определенные действия в процессе своей жизнедеятельности, получает в языке самое разнообразное выражение: от местоимений и личных имен, до метафорических номинаций и имплицитного (нулевого) выражения. Одним из средств номинации семантического субъекта являются структурно сложные французские слова. Сложные слова могут состоять из двух и более корней (основ) [3,4,5], некоторые типы сложных слов приближаются по структуре к словосочетаниям и состоят из комбинации целых слов [1, с. 469; 3]. О последнем типе сложных слов французского языка и пойдет речь в данной статье. Этот тип лексем весьма широко представлен в разговорном стиле французского языка. В результате процесса словообразования в недрах разговорного стиля речи происходит формирование и пополнение лексикона французского языка сложно оформленными субстантивами, обозначающими семантический субъект. В нашем понимании «Сложное слово данного типа – это французская лексическая единица – субстантив, состоящий из двух и более слов, обладающих семантическим единством, функционирующих как одно целое слово и, следовательно, обладающих единными грамматическими категориями, свойственными французским существительным. К особенностям данного типа слов можно отнести их графическое оформление, а именно: написание

через дефис и наличие одного ударения.

Следует отметить: лексические единицы разговорного регистра помимо номинативных функций обладают коннотативным значением, отражающим отношение говорящего к теме высказывания. Чаще всего коннотация разговорных лексем имеет отрицательную окраску. Это объясняется, по-видимому, тем, что человеческое сознание отмечает, прежде всего, негативную сторону или отрицательные черты индивидуума. Все положительное в человеке довольно часто не вызывает психолингвистической реакции, представленной в лексико-эмоциональной реализации, поскольку, осознается, считается мыслящим субъектом – *Roseau pensant* (Паскаль) морально-этической, психологической и физической нормой.

Рассмотрим словообразовательные модели и семантическое значение сложных французских слов рассматриваемой семантики. Источником эмпирического материала послужил, прежде всего, словарь разговорной лексики французского языка Е.Ф. Гриневой и Т.Н. Громовой, а также некоторые другие источники разговорной французской лексики.

Как показал лексико-семантический и структурный анализ, сложные французские слова представлены разными словообразовательными моделями и характеризуются определенным семантическим и коннотативным

значением. Сложные французские субстантивы могут передавать общую оценку субъекта, его физические, возрастные, поведенческие особенности, его характерные черты, родственную и профессиональную принадлежность, его социальный статус. Компонентами сложных французских слов выступают существительные (имена собственные, одушевленные и неодушевленные), глаголы [7], прилагательные, причастия, наречия, местоимения, числительные, предлоги, употребленные в определенном сочетании и в определенной последовательности. Семантическая и структурная неадекватность, а также имеющееся переосмысление значения слов, роднит сложные французские слова с фразеологическими единицами. В работе используется семасиологический подход, т.е. анализ языкового материала проводится от формы к значению. Рассмотрим соотношение основных словообразовательных моделей и свойственных им семантических значений. В результате аналитической работы были выявлены следующие характеристики субъекта, представленные сложными раздельно оформленными субстантивами разговорного французского языка:

I. Морально-этическая, интеллектуальная характеристика субъекта

1) N+N

Peigne - cul (train; zizi; derche) (m) – 1) *por* жалкий тип 2) *por зануда* 3) *por невежа деревенщина, серость, мужлан, пентюх* 4) *por жмот, крохобор*

– Je refusai bel et bien [...] croyant aussi que tous les promeneurs n'auraient d'yeux que pour moi l'ex-peigne - train maintenant installé comme un roi dans la voiture découverte ... (Y. Gibeau) [2].

– «Ah on ne lésine pas sur l'euphémisme! La guerre? Un «conflit»! Crever? «Disparaître»! Et moi, je réponds: démagogie!... Les peigne - zizis (M. Perrier) [2].

– Il se disculpe devant ses invités encore valides, soucieux de ne pas passer pour un peigne-zizi à leurs yeux sévères (San Antonio) [9].

Данное обидное прозвище часто звучит в устах героев – школьников французского художественного фильма «La guerre des boutons».

2) V+N

Gobe - mouches (m) – *fat простак; наивняк*
– «Tu peux bien parler de philosophie, Brid'oison inepte et balourd, bélitre et benêt [...] gobe - mouches, niquedouille et ganache!» (R. Sabatier) [2].

II. Возраст субъекта

1) N+V+Num+N

Marie-pisse-trois-gouttes (f) – *por девочка; соплячка*
– «La cour du lycée est pleine de petites Marie - pisse -

trois - gouttes qui révisent leurs cours sur le gazon» [2].

2) Adj +P.p.

Petit-salé (m) – *por ребенок, малыш*
– «Elle a vu les petits - salés de sa mère pour la première fois».

III. Родственная принадлежность

Adj +N

Belle-frangine (f) por – *невестка; сноха*
– «Vingt minutes après, j'arrivais Porte d'Orléans, à l'adresse du magasin de vélo de la belle-frangine à Gaby [6].

Belle-doche (f) por – *теща, свекровь, свекруха*

– «Et toi, mon vieux, mon pote Lucien, c'est vrai qu't'habites chez ta belle-doche, que t'es marié, que t'as des mioches» (R. Séchan) [2].

Grand-dab (m/f) – *arg дед; бабка*

– «On pourrait presque compter les cheveux de son chignon en bouton de souprière. Tout à fait celui de la grand-dab à Olga ce chignon (J.-P. Sartre) [2].

IV. Неаккуратность, пренебрежение к чистоте одежды, тела и т.д.

2) Npropre+N

Marie - Graillon (f) – *por некрасивая и нечистоплотная женщина, лахудра*

– «Fais - toi belle, ma fille, va chez le coiffeur, chez la manucure. Une marie-graillon, ça n'a jamais beaucoup plus aux hommes!» [2].

Marie - Salope (f) – *por грязнуля и шлюха*

– «Et pourquoi, pourquoi, dis, que je ne suis plus jamais, jamais revenu? Dis-le, toi, Robert, qui rigoles! A cause d'une Marie-salope, oui, mesdames, d'une Marie-salope, je ne retirerai pas le mot!» (L. Aragon) [2].

Marie - Souillon (Torchon) (f) – *por грязнуля, замарашка*

– Les maries-souillons ont la saleté triste [2].

V. Поведение

а) Речевое поведение

1) Npropre+Adj

Marie-berdasse (f) – *болтливая девушка*
– «Tout le monde détestait cette Marie-berdasse».

2) N+ Prép +N

Langue-de-serpent (f) – *злой язык (метафора)*
– «Les langues de serpent sont plus dangereuses que les pistolets (A.S.Pouchkin)

3) Adj+ Prép +N

Fier-à-bras (m) – хвастун

«C'était un jeune officier nommé Haye, doux, timide, faisant de petits sonnets, un peu le jouet des fiers-à-bras de garnison (Barrés) [9].

b) Притворное поведение. Жеманность.

1) Npropre+P.p.

Marie-gercée (f) – *por манерная девица, ломака*

– Il préfèrait ne pas avoir affaire à cette Marie-gercée.

2) Adj+ Adj

Saint-nitouche (f) – *fat недотрога*

– « Vous remarquerez que je n'ai pas essayé de jouer la saint-nitouche ». (G. Simenon) [2].

c) Противоправное, общественно опасное поведение

N+Adj

Peau-rouge (m) – *arg бандит, хулиган*

– «C'est ici, sur ces quais d'une blancheur éblouissante, que flamboient les Peaux-Rouges de Paris, les débardeurs» (Richepin) [9].

– «Un Peau-Rouge de la rue de Gergovie, nommé Polyte, avait buté un nière [homme, individu] » (Trignol) [9].

d) Социально-психологическая форма поведения

Pron. pers. + Prep + N

Je-m'en-fichiste (m); je-m'en-foutiste (m) – *fat бездельник; пофигист*

– «Ah! le pauvre garçon n'a pas la hautaine indépendance d'un contempteur carré, d'un je m'en foutiste! On sent chez lui un respect humain de domestique pour les sentiments» (Goncourt) [9].

– « Mais à part deux je-m'en-foutistes, qui du reste se feront constamment récuser, chacun semble bien décidé à apporter là toute sa conscience et toute son attention» (Gide) [9].

VI. Положительное духовно-нравственное качество личности

Adj + Adj

Blanc-bleu (m) – *arg надежный человек; что надо; свой в доску*

– «Ce mec était vraiment un blanc-bleu».

VII. Профессиональная принадлежность

1) N+N

Cul - terreau (m) – *fat et réjor крестьянин*

– « Les paysans ont eu l'amour de la terre, qu'ils servent captifs avec le même soin dévotieux qu'ils avaient fait hommes libres. Certains d'entre nous riaient de pitié quand

ils surprenaient d'aventure quelques «culs-terreux» à parler entre eux de leurs travaux, qui disaient mes bœufs, mes vaches, mes betteraves, ma charrue, tous possessifs ridicules au jugement de qui ne connaît pas les champs... » (Ambrière) [9].

2) N+ Prép +N

Fil-de-feriste (m) – *акробат; акробатка на металлическом канате*

– «Acrobate ça m'aurait assez plu. Fil-de-fériste: épatant» (Queneau) [8].

3) V+N

Gratte-papier (m) – *1) fat et réjor мелкий служащий; канцелярская крыса 2) fat плохой писатель; графоман*

– «Qu'est - ce que tu deviendras quand tu seras grand? Un Gratte-papier comme ton père» (L. Aragon) [2].

Pisse-copie (m f) – *fat журналист; газетчик*

– « Cinq colonnes à la une, siute à la quatre, avec alors de ces détails! Les réels et les moins vrais, les ragouts du coin et les inventions de pisse-copie...» (A. Boudard) [2].

Fouille-merde (m) *arg* – тот, кто вынюхивает, высматривает; ищейка, шпик

– «Au risque de devenir un fouille-merde, il met le nez dans la marmite bouillonnante» (J.-L. De Villalonga) [2].

Pousse-canule (m) *arg* – санитар

– «Les soldats parmi lesquels se trouvaient de nombreux blessés attendaient impatiemment leur pousse-canule».

4) V+ Prép +N

Guette-au- trou (f) – *por акушерка; повитуха*

– « Un jour, suivant l'exemple de sa grand-mère, elle a décidé de devenir guette-au- trou».

– «Marie a commencé à accoucher, son fils aîné est allé chercher une guette-au- trou».

5) Prép +N

Sous-bite (m) – *arg лейтенант*

– «Autant l'ancien sous - bite était sympas, autant le nouveau me débecte» [2].

Sous-fifre (m) – *fat мелкая сошка; пешка*

– «Cette espèce de salaud (qu'il comprenne ou non qualificatif je m'en fous) est sous - fifre dans un ministère comme me l'apprit le bougnat d'en face» (J.-P. Clebert) [2].

Таким образом, многие сложные отдельно оформленные французские субстантивы образованы и функционируют в разговорной среде французского языка. Именно подобные дериваты являются тем словообразовательным ресурсом, обогащающим лексическое ядро

национального французского языка.

Сложные французские существительные представлены разнообразными синтаксическими моделями, образованными сочетанием практически всех частей речи, и выражают различные черты, свойства, качества (в основном в негативном аспекте), раскрывающими особенности характера, поведения, профессиональной и родственной принадлежности субъекта.

Компоненты сложных французских существительных составляют единое нерасторжимое смысловое и графическое целое. Их написание следует определенным орфографическим правилам, а именно: они пишутся слитно, через дефис. Разнообразие словообразовательных моделей объясняется развитой словообразовательной системой французского языка. В номенклатуре французских сложных субстантивов присутствуют лексемы сниженной лексики: просторечия, профессионализмы, аргю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.А. Словообразование // Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
2. Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка: (На материале современ. худож. лит. и прессы): Ок. 9000 слов /. – 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1988. – 637 с.
3. Зияева Ш.Н. Современные проблемы французского словообразования и словосложения // Молодой ученый. – 2018. – № 50 (236). – С. 484-488. – URL: <https://moluch.ru/archive/236/54705/> (дата обращения: 19.03.2024).
4. Лопатникова Н.Н. Лексикология современного французского языка. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2006. – 333 с.
5. Цыбова И.А. Словообразование в современном французском языке. – М.: URSS, 2019. – 200 с.
6. Bastiani A. Mollo sur la joncaille. 1955. <https://www.languefrancaise.net/Bob/76562>(дата обращения: 19.03.2024).
7. Villoing F. Les mots composés VN Université Paris Nanterre .2009 – URL: <http://tpts://www.researchgate.net/publication/47563563>(дата обращения: 19.03.2024).
8. Petit Robert: Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. – P.: Société du nouveau littré. Le Robert, 1981. – 2175 p.
9. Trésor de la langue française informatisé – URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.Htm> (дата обращения: 19.03.2024).

© Червоний Александр Михайлович (ckutrik@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ АРГУМЕНТАТИВНОСТИ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ)

LINGUOPRAGMATIC MEANS OF IMPLEMENTING ARGUMENTATION IN JUDICIAL DISCOURSE (BASED ON THE TEXTS OF COURT DECISIONS)

Zhang Helin
Li Zexin

Summary: The article is devoted to the study of the pragmatic orientation of the texts of court decisions based on the analysis of the syntactic structures presented in them. To identify and describe linguopragmatic means of implementing argumentativeness, morphological, syntactic, contextual and semantic criteria were identified. The analysis made it possible to draw the following conclusions: 1) the basis of argumentation in the texts of court decisions is the desire for brevity and accuracy, which is achieved through the use of simple sentences and isolated participial constructions; 2) complex sentences expressing cause-and-effect relationships act as a key structure for the formation of reasonable and logical conclusions in the motivational part of the text.

Keywords: pragmatics, judicial discourse, argumentativeness, linguopragmatic means, syntactic constructions.

Чжан Хэлинь

Аспирант, Хэйлунцзянский университет
635370604@qq.com

Ли Цзесинь

Аспирант, Хэйлунцзянский университет,
1472180778@qq.com

Аннотация: Статья посвящена изучению прагматической направленности текстов судебных решений на основе анализа представленных в них синтаксических конструкций. Для выявления и описания лингвопрагматических средств реализации аргументативности были выделены морфологический, синтаксический, контекстуальный и семантический критерии. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы: 1) основой аргументативности в текстах судебных решений является стремление к лаконичности и точности, что достигается через использование простых предложений и обособленных причастных конструкций; 2) сложноподчиненные предложения, выражающие причинно-следственные отношения, выступают в качестве ключевой структуры для формирования обоснованных и логичных выводов в мотивировочной части текста.

Ключевые слова: прагматика, судебный дискурс, аргументативность, лингвопрагматические средства, синтаксические конструкции.

Изучение юридического дискурса вообще и судебного дискурса в частности в настоящее время набирает силу, проводятся исследования дискурса с точки зрения различных научных парадигм: рассматриваются речевые стратегии и тактики в судебном дискурсе [4; 7; 8]; некоторые лингвисты фокусируются на судебной лингвистике как научном направлении, включая изучение конфликтной коммуникации [11]; уделяется внимание дискурсивным и метаязыковым функциям лексических единиц и их роли в юридическом тексте [10]. Т.В. Дубровской в диссертации «Судебный дискурс: речевое поведение судьи» была построена модель речевого поведения судьи, исследованы языковые особенности речи судей и их ролевое поведение в контексте судебного процесса [2].

Однако необходимо признать, что в данной области исследований немало вопросов все еще ожидает детальной проработки и систематизации. Речь идет, в частности, о лингвопрагматических аспектах аргументации в рамках отдельных жанров юридического дискурса, об анализе структурных особенностей аргументативных текстов, определения средств, способствующих реали-

зации аргументативной функции и др.

Т.В. Сушенцова определяет судебное решение «как центральный жанр судебного дискурса» [9, с. 184]. Тексты судебных решений представляют собой уникальный жанр юридического дискурса, отличающийся высокой степенью стандартизации и формализации. Они не только фиксируют юридически значимые факты и правовые нормы, но и отражают процесс юридического аргументирования, который направлен на достижение справедливости. Именно поэтому изучение аргументативности в данных текстах позволяет не только выявить лингвопрагматические средства, используемые для обоснования решений, но и понять механизмы воздействия данных средств на получателей юридической информации – от субъектов рассматриваемого дела до широкой общественности.

Судебное решение является юридическим документом, фиксирующим результат разрешения спора. Данный документ предназначен для разнообразной аудитории, в которую входят не только профессиональные юристы, но и люди, которые могут недостаточно свобод-

но владеть формальным юридическим языком. В результате формулировка, используемая в судебном решении, должна быть ясной и точной.

Синтаксис, функционирующий как набор правил, регулирующих построение предложений, оказывает существенное влияние на организацию информации [3], построение аргументов и повышение убедительности текста.

В качестве материала исследования были выбраны тексты судебных решений по делам об административных правонарушениях иностранных граждан, основанные на применении нормы статьи 18.8 КОАП (нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации). Такой выбор был обусловлен тем, что документы, предназначенные для реципиентов, не владеющих в полной мере русским языком, требуют от их составителей пристального внимания к прагматической направленности текста.

Целью исследования является изучение прагматической направленности текстов судебных решений на основе анализа представленных в них синтаксических конструкций как средств реализации интенции автора (судьи), направленной на формирование аргументативности и коммуникативной ясности.

Судебное решение не имеет стандартизированной формы, однако его содержание включает ряд компонентов, организованных в определенной последовательности: «по степени жесткости действия официально-деловых текстовых норм судебное решение относится к документам, построенным по образцу-модели» [5, с. 14].

При рассмотрении структуры текста судебного решения становится очевидным, что его текстовая композиция сложна и выполняет различные функции и цели в отдельных его разделах. Вводная часть служит преамбулой, подготавливающей почву для последующего обсуждения, предоставляя контекстуальную справочную информацию и очерчивая масштаб рассматриваемого юридического вопроса. В описательной части судья обрисовывает детали дела, не выражая при этом явных мнений или суждений: раздел посвящен представлению всестороннего обзора фактических обстоятельств и событий, приведших к юридическому спору, закладывая основу для последующего анализа [1].

Мотивировочная часть представляет собой основу судебного решения, где судья анализирует доказательства, юридические аргументы и применимые законы, чтобы сформулировать выводы и обоснования окончательного решения. Данный раздел представляет наи-

большую лингвистическую сложность, поскольку здесь часто используются разнообразные предложения с придаточными [6].

Наконец, резолютивная часть содержит директивы, определяющие последующие юридические действия, которые должны быть предприняты сторонами [9].

Таким образом, перед судьями стоит задача не только убедительно представить факты и провести их юридический анализ, но и составить обоснование окончательного решения суда.

При анализе прагматической направленности текстов судебных решений акцент делается на их аргументативности и ясности. Для выявления и описания указанных параметров были выделены следующие критерии: 1) морфологический критерий, который предполагает анализ состава предложений по отношению к общему количеству предикативных единиц; 2) синтаксический критерий, который оценивает связанность сложных синтаксических единиц в тексте; 3) контекстуальный критерий, предполагающий определение цели предложений, учитывая ситуативный и коммуникативный контекст; 4) семантический критерий, направленный на выявление аргументативных и функциональных свойств предложений.

1. Исследование синтаксических структур в судебных решениях, согласно морфологическому критерию, выявило заметное преобладание в анализируемых текстах пассивных конструкций (55%): «с участием лица, в отношении которого *ведется* производство по делу» [12]; «Фактические обстоятельства по делу *установлены* судом верно, *подтверждены* исследованными доказательствами» [12]; «Административный штраф ... *должен быть уплачен* не позднее следующего дня» [13] и др. Пассивный залог используется для выражения объективности, нейтральности и формализма при изложении юридических аргументов и решений, он служит для передачи авторитетности, беспристрастности и точности при формулировании правовых принципов и постановлений.

При этом пассивный залог преимущественно передается не посредством возвратного глагола, что составляет лишь 31% всех пассивных конструкций, а посредством использования причастия прошедшего времени в его сокращенной пассивной форме, что составляет значительное большинство – 69%: «Гекс Даинарс *признан* виновным в совершении административного правонарушения» [14]; «ей *назначено* наказание в виде административного штрафа» [15] и др. Краткий и формальный характер сокращенного пассивного причастия согласуется с потребностью в ясности, точности и эффективности при передаче юридических аргументов и суждений.

Пассивные конструкции присутствуют как в описательной, так и в мотивировочной частях судебного решения. Роль подлежащего в этих разделах выполняет либо наименование одного из субъектов судебного разбирательства, либо ссылка на соответствующие акты и материалы дела: «Конституцией Российской Федерации (часть 3 статьи 62) *закреплено*, что иностранные граждане ...» [15]; «Материалами дела *установлено...*» [15]; «требования статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях судьей районного суда *соблюдены*» [16] и др.

Использование инфинитивных конструкций в судебных решениях оказалось менее распространенным и составило лишь 16% случаев. Однако важно подчеркнуть, что употребление инфинитивных конструкций обязательно в резолютивной части решения суда: в этом разделе излагается вердикт суда относительно принятия или отклонения иска: «Производство по делу об административном правонарушении в отношении ... *прекратить* в связи с отсутствием состава административного правонарушения» [17]; «постановление Володарского районного суда Астраханской области *оставить* без изменения» [18].

Широко используются в судебных решениях безличные предложения (25%), в которых сказуемое выражено кратким причастием прошедшего времени, что позволяет сохранить отстраненный и объективный тон, характерный для юридического дискурса: «при этом за это время никаких мер по легализации своего нахождения на территории Российской Федерации ей *принято не было*» [16]; «Исходя из положений вышеуказанного нормативного правового акта у районного суда *не имелось* правовых оснований для решения вопроса» [18] и др.

Представим количественное соотношение проана-

лизированных, согласно морфологическому критерию, синтаксических конструкций (Рис.1):

2. Синтаксический критерий (связанность сложных синтаксических единиц).

В текстах судебных решений преобладают простые синтаксические конструкции. Однако, если рассматривать состав сложных предложений, то доминирующей формой являются сложноподчиненные предложения, которые составляют 26% от общего количества анализируемых синтаксических единиц. Бессоюзные и сложносочиненные предложения представлены в значительно меньшей доле, не превышающей 4%. При этом сложносочиненные предложения зачастую формируются с использованием стилистически нейтральных союзов («также», «а именно», «однако»), которые способствуют последовательному и логическому развитию аргументов в тексте: «переводчик предупреждается об административной ответственности за выполнение заведомо неправильного перевода, *а также* за отказ или за уклонение от исполнения обязанностей» [13]; «не был привлечен переводчик, *однако* ФИО2 русским языком не владеет» [13].

Стоит отметить, что бессоюзным как правило является предложение на стыке вводной и описательной частей: «Судья Верховного Суда ..., при секретаре судебного заседания ..., рассмотрел в открытом судебном заседании ..., вынесенное по делу.... Проверив материалы дела, изучив доводы жалобы, судья установил...» [19].

Наиболее распространенными подчинительными союзами в исследуемых текстах оказались союзы «что», «который», «так как», «поскольку», «в связи с чем», «тем самым»: «предусмотрено, *что* нарушение иностранным гражданином» [16]; «ставится вопрос об отмене поста-

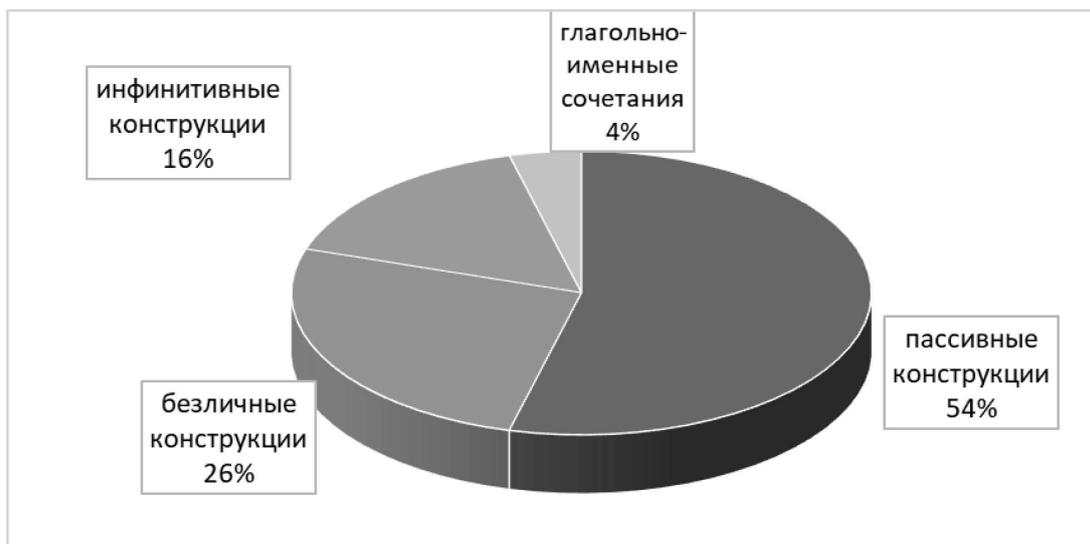

Рис. 1. Количественное соотношение синтаксических конструкций по составу предикативных единиц (морфологический критерий)

новления суда, прекращении производства по делу, поскольку не смогла выехать за пределы Российской Федерации» [18] и др.

Представим количественное соотношение проанализированных, согласно синтаксическому критерию, простых и сложных предложений (Рис. 2):

3. Контекстуальный критерий (определение типа предложений).

Количественное распределение сложноподчиненных предложений согласно их цели представлено на Рисунке 3.

В составе анализируемых текстов преобладающими являются придаточные предложения изъяснительного и определительного типа, составляющие более 70% от общего числа сложноподчиненных предложений. Указанные синтаксические структуры придают тексту нейтральный стиль и способствуют точности и ясности изложения. Обращает на себя внимание преобладание придаточных предложений, выражающих причинно-

следственные связи (21%), хотя они и не характерны для официально-деловых текстов. Причинно-следственные синтаксические конструкции служат для обеспечения логической последовательности и обоснованности рассуждений в мотивировочной части решения, где излагаются обстоятельства дела и аргументация решений суда.

4. Семантический критерий (выявление аргументативно-функциональных свойств предложений).

Решение суда, являясь итогом судебного разбирательства, содержит многочисленные ссылки на материалы дела и правовые акты. Выдержки из законов и нормативной базы органично интегрируются в структуру судебного решения посредством конструкций с использованием отыменных предлогов («в соответствии с», «согласно», «на основании», «в силу»): «В соответствии со статьей 24.1 Кодекса Российской Федерации» [13]; «Согласно ч. 2 ст. 24.2 КоАП РФ» [13]; «На основании изложенного и руководствуясь статьями 30.2 - 30.9 КоАП РФ, судья решил» [20] и др.

Когда судебные решения ссылаются на законода-

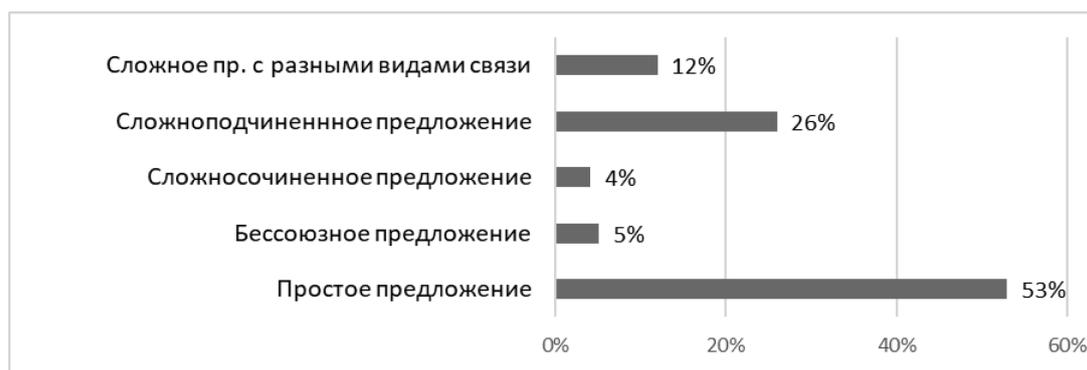

Рис. 2. Соотношение количества простых и сложных предложений в текстах судебных решений

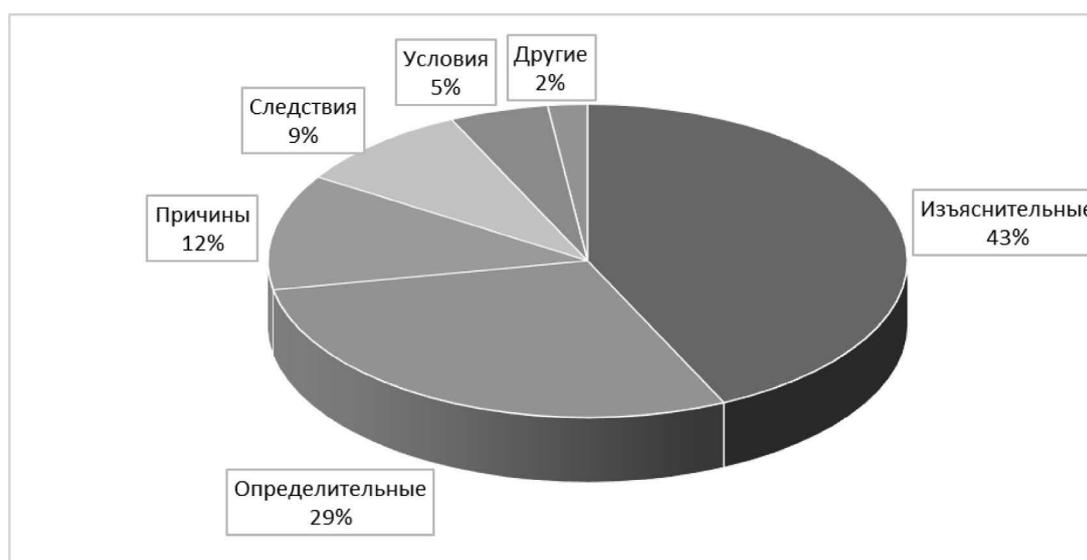

Рис. 3. Количественное распределение сложноподчиненных предложений по цели высказывания

тельные акты без их прямого цитирования, ссылки включаются в причастные обороты: «признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1.1 статьи 18.8 КоАП РФ» [20]; «о назначении административного наказания, установленных статьей 31.9 настоящего Кодекса» [21].

Ссылки также могут быть оформлены в круглых скобках в конце предложения: «Проверив законность и обоснованность постановления судьи в полном объеме (ч. 3 ст. 30.6 КоАП РФ)» [21]; «Конституцией Российской Федерации (часть 3 статьи 62) закреплено, что иностранные граждане...» [18].

Синтаксические конструкции, содержащие ссылки на материалы дела, проявляются преимущественно в виде сложных предложений с изъяснительными или, реже, определительными придаточными. Такие конструкции отличаются смещением семантического акцента от главного предложения к придаточному: «В постановлении судьи указано, что правонарушение ФИО2 совершено при следующих обстоятельствах...» [13]; «защитником Козловой Т.Л. принесена жалоба, в которой просит судебный акт отменить» [13].

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что тексты судебных решений характеризуются как выражением

особенностей официально-делового стиля, так и наличием специфических черт, направленных на реализацию прагматических целей, в частности, усиления аргументативности и достижения коммуникативной прозрачности. Использование обособленных причастных оборотов реализует стремление к лаконизму. Простые предложения, составляющие более половины структуры проанализированных текстов (53%), служат этой же цели, облегчая восприятие и интерпретацию текста. Соединительная функция союзов в сложных предложениях, составляющих незначительную долю (4%), способствует созданию логически последовательной и структурированной композиции текста, что облегчает его юридический анализ и понимание. Различные интегративные структуры, такие как отыменные предлоги, вставные конструкции при цитировании законодательных актов и сложноподчиненные предложения для отсылок на материалы дела, способствуют дифференцированному и точному изложению содержания решения. В мотивировочной части текста преобладают причинно-следственные конструкции, приближая стиль изложения к научному, и подчеркивая логичность и обоснованность аргументации.

Таким образом, анализ синтаксических структур в текстах судебных решений позволяет значительно обогатить понимание механизмов реализации аргументативности в судебном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А.Ю. Содержание судебного решения / А.Ю. Александров, В.Р. Гамзатова // Заметки ученого. – 2019. – № 4(38). – С. 34-39. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть / Г.Л. Осокина. – Москва: НОРМА, 2007. – 960 с.
2. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). – М.: Академия МНЭПУ, 2010. – 351 с.
3. Егорова М.Р. Некоторые особенности передачи тема-рематической организации предложений при переводе с английского языка на русский текстов экономического профиля / М.Р. Егорова // Начала Русского мира. – 2023. – № 4. – С. 13-17.
4. Зайцева И.Д. Дискурсивные признаки жанра постановления: на материале русских текстов правового дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2011. – 20 с.
5. Катышев П.А. Вариативность языковой нормы в текстах официально-делового стиля / П.А. Катышев, С.В. Оленев // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 1 (15). – С. 12-17.
6. Кашанина Т.В. Юридическая техника: Учебник / Кашанина Т.В., – 2-е изд., пересмотр. – Москва: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 496 с.
7. Никифорова Э.Ш. Стратегии коммуникативного воздействия в аргументативно-суггестивных текстах: на примере текстов судебного дискурса английского, русского и казахского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2013. – 21 с.
8. Солдатова А.А. Специфика речевых стратегий в адвокатском дискурсе / А.А. Солдатова // Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты: мат. междунар. науч.-практич. конф. 56 июня 2011 г. – Пенза – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 163-166.
9. Сушенцова Т.В. Семантико-функциональные особенности аргументативных компонентов текста (на материале судебных решений) / Т.В. Сушенцова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9-2(27). – С. 184-186.
10. Федулова М.Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 21 с.
11. Чудинов А.П. Судебная лингвистика как научное направление: исследование конфликтной коммуникации / А. П. Чудинов, М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 4 (70). – С. 182-184.
12. Решение № 30-1-200/2023 от 29 сентября 2023 г. по делу № 30-1-200/2023 // Ярославский областной суд (Ярославская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5QVBh1nXslb/>
13. Решение № 30-1-185/2023 от 6 сентября 2023 г. по делу № 30-1-185/2023 // Ярославский областной суд (Ярославская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DWjNR8aifMQR/>
14. Решение № 7-152/2021 от 26 июля 2021 г. по делу № 7-152/2021 // Липецкий областной суд (Липецкая область) [Электронный ресурс]. URL: <https://>

- sudact.ru/regular/doc/XL5E5DmVrUxT/
15. Решение № 12-192/2021 5-417/2021 7-192/2021 от 23 июля 2021 г. по делу № 12-192/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ly0k8iRHfHUU/>
 16. Решение № 12-227/2021 5-178/2021 от 23 июня 2021 г. по делу № 12-227/2021 // Брянский областной суд (Брянская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3ycLm5RS2bon/>
 17. Решение № 7-272/2021 от 21 июля 2021 г. по делу № 7-272/2021 // Иркутский областной суд (Иркутская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4IAHeF1QKEIR/>
 18. Решение № 12-192/2021 5-417/2021 7-192/2021 от 23 июля 2021 г. по делу № 12-192/2021 // Астраханский областной суд (Астраханская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ly0k8iRHfHUU/>
 19. Решение № 5-6380/2021 7-2369/2021 от 25 августа 2021 г. по делу № 5-6380/2021 // Верховный Суд Республики Татарстан (Республика Татарстан) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AJTZEa1LkuxJ/>
 20. Решение № 12-89/2021 А-7-12-89/2021 от 6 апреля 2021 г. по делу № 12-89/2021 // Калужский областной суд (Калужская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iSYANiuc5xUT/>
 21. Решение № 12-318/2020 5-95/2020 от 28 декабря 2020 г. по делу № 12-318/2020 // Саратовский областной суд (Саратовская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/poV7UAD5QFT/>

© Чжан Хэлинь (635370604@qq.com), Ли Цзесинь (1472180778@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДУАЛИЗМ РОМАНА ДЖОРДЖ ЭЛИОТ «САЙЛЕС МАРНЕР» КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ АВТОРА

Широкова Ганна Атанасовна

аспирант, старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
glory_glint@mail.ru

THE DUALISM OF GEORGE ELIOT'S NOVEL "SILAS MARNER" AS A REFLECTION OF THE AUTHOR'S CONTRADICTORY RELIGIOUS VIEWS

G. Shirokova

Summary: The article deals with the religious aspect of George Eliot's work and biography – one of the most complex issues in the context of the study of the writer's heritage. However, it is practically not investigated in Russian literary studies – both in general and in relation to individual works and, in particular, the novel «Silas Marner». Given the importance of the religious question in understanding Eliot's work, it is necessary to recognise the relevance of the problem raised in this article. The paper concludes that the writer's dual perception of religion influenced the poetics of the novel, determining its duality, manifested on many levels.

Keywords: George Eliot, «Silas Marner», religious views, duality, Christianity, Devil, God, character construction, religion of humanity.

Аннотация: В статье рассматривается религиозный аспект творчества и биографии Джордж Элиот – один из самых сложных вопросов в контексте изучения наследия писательницы. Однако он практически не исследован в отечественном литературоведении – как в целом, так и в отношении отдельных произведений и, в частности, романа «Сайлес Марнер». Учитывая важность религиозного вопроса в понимании творчества Дж. Элиот, необходимо признать актуальность поднимаемой в данной статье проблемы. В работе делается вывод о том, что двойственное восприятие писательницей религии повлияло на поэтику романа, определив его дуальность, проявившейся на многих уровнях.

Ключевые слова: Джордж Элиот, «Сайлес Марнер», религиозные воззрения, дуальность, христианство, Дьявол, Бог, образ героя, религия гуманности.

Джордж Элиот (1819 – 1880) в ряду писателей Викторианской эпохи занимает особое место, которое во многом определяется попыткой автора решить социально-религиозные проблемы времени [10, http]. Примечателен и мужской псевдоним писательницы, продолживший в этом отношении традиции Жорж Санд и Шарлотты Бронте и сигнализирующий о её амбициях творить. Американская исследовательница М. Опп даёт Джордж Элиот следующую характеристику: «Джордж Элиот можно отнести к модернистам сакральной возможности, поскольку религиозное воображение Джордж Элиот вывело её за рамки фейербаховского гуманизма к гораздо более сложному пониманию религиозного опыта» [9, с. 12].

По словам китайского исследователя Л. Чжана, отношение Элиот к христианству двойственно: с одной стороны, личность писательницы была сформирована этой религией и находилась под её влиянием; с другой стороны, она утратила веру в христианского Бога, но в то же время не могла избавиться от симпатии к Нему [11, с. 445].

Таким образом, в духовном мире Джордж Элиот парадоксально уживаются неприятие христианства и тяготение, даже зависимость от него. Будучи настроенной, скептически по отношению к религии, она вместе

с тем не являлась атеисткой. Подобная оригинальная и парадоксальная позиция позволила Элиот создать собственное духовное пространство в её произведениях, в котором место Бога занял человек. Иными словами, писательница предложила новую религию – религию человечества.

На формирование взглядов Дж. Элиот повлияла не только Викторианская эпоха, которой были свойственны духовные поиски, стремление объяснить устройство мира с научной точки зрения (достаточно вспомнить труды Ч. Дарвина, которые также оказали воздействие на писательницу), но и личный интеллектуальный опыт.

Если говорить о Викторианской эпохе более подробно, то следует отметить, что по своей сути она была парадоксальной. С религиозными традициями соседствовали научные поиски, социальные и политические изменения. Не только Ч. Дарвин являлся революционером эпохи – она отличалась и другими радикальными проявлениями. Всё это в совокупности оказывало активное воздействие на Джордж Элиот, которая вместе со своими современниками переживала кризис веры.

В итоге она отвергла евангельскую веру, руководствуясь своими интеллектуальными и моральными принципами. Осуществив перевод «Жизни Иисуса», Эли-

от стала пропагандировать почерпнутую оттуда мысль, что Иисус не имел божественного происхождения. Эта идея стала популярной, она во многом повлияла на утрату веры бывшими христианами. Но отказ от религии, как правило, влечёт за собой духовный кризис, так как человек оказывается одиноким во вселенной без Бога, в связи, с чем ему оказывается необходимым заполнить эту пустоту. Для Джордж Элиот таким способом восполнения утраты стала её религия гуманности без Бога.

В начале своей литературной деятельности Элиот занималась переводами. Она перевела такие труды, как «Жизнь Иисуса» Д. Штрауса, «Сущность христианства Л. Фейербаха», «Этика» Б. Спинозы. Во многом благодаря им у Дж. Элиот сложилось религиозное мировоззрение, которое определило и творческие, и жизненные устремления. Л.В. Сидорченко пишет: «Переводческая деятельность и эссеистика стали необходимым этапом, предварившим рождение писательницы, Джордж Элиот» [4, [http](#)].

Тем не менее, необходимо напомнить, что писательница была воспитана в духе христианского благочестия, но по достижении двадцатилетнего возраста решила пересмотреть свои религиозные взгляды. Переосмыслив имеющийся опыт, она пришла к выводу о том, что человечеству необходим мир без Бога, но управляемый законами любви, нравственности, морали.

Не исключала Элиот и основные христианские категории – такие, как покаяние, смирение, самопожертвование ради других, любовь. Л. Чжан пишет: «Элиот привнесла в христианскую идеологию свои собственные новации: союз альтруизма и эгоизма, относительность добра и зла, новую модель покаяния» [11, с. 447].

В свете этих понятий и следует рассматривать религию человечности Джордж Элиот. В ней делается акцент на гуманность, что позволяет говорить о потере этой концепцией признаков традиционной религии и превращении в нравственно-философскую установку, окрашенную религиозными тонами. В религии гуманности не было ничего сверхъестественного, мистического, а его основной функцией было преодоление раскола между разумом и рационализмом, препятствовавших восприятию сверхъестественности Бога и потребностью в вере – чувства, воспитанного в человеке с детства.

В религии гуманности Джордж Элиот привлекла возможность сместить фокус от Бога к человеку, а от сверхъестественного к реальному. Тем не менее, несмотря на приверженность к религии гуманного и отказу от сверхъестественного, Джордж Элиот так или иначе обращалась к христианским идеям, особенно в раннем творчестве. И в этом состоит один из парадоксов её творчества.

Роман «Сайлес Марнер», находящийся в центре вни-

мания данной статьи, является отражением своеобразного религиозно-философского мышления Джордж Элиот, которое заключалось в отходе от христианских догматов. Более того, писательница подвергла критике англиканскую церковь, в лоне которой была воспитана, настаивая на первичности не божественного, а человеческого, а именно – на доминировании моральных принципов в жизни людей.

А.Л. Лугайс пишет, подчёркивая неоднозначность и многослойность этого произведения: «“Сайлес Марнер”, обыкновенно рассматриваемый как незамысловатая, подчас утомительная моральная притча, является в сущности сложным интеллектуальным образованием, насыщенным философскими, научными и идейными течениями XIX века» [2, с. 139 -140].

Основу идейно-художественного замысла романа составляет мысль о морально-нравственном преображении личности, которое наступает не в результате взаимодействия человека с Богом, а под воздействием испытаний и тягот.

Это произведение можно смело отнести к тем шедеврам Элиот, в которых наиболее полно проявилась проповедуемая автором религия гуманности. Роман не только совершенен по писательскому мастерству и при этом является примечательным примером религии гуманности, её функционирования в жизни человека. Религиозные и нравственные размышления автора, изложенные в этом романе, можно охарактеризовать как вызов традиционным верованиям. Отметим, что в раннем творчестве Джордж Элиот транслировалось её двойственное отношение к христианству, которое можно обозначить и как несколько насмешливое, и как одобрительное (особенно импонировали ей моральные нормы этой религии). Однако прямых выпадов против христианства она не совершала.

Тем примечательнее является тот факт, что в романе «Сайлес Марнер» впервые прозвучала идея писательницы о возможности жизни человека без Бога и была поставлена двойственная проблема – каким образом человек может спасти себя и свою душу в подобной ситуации. Наличие дуальности в романе выделяет и Р. Харрис, по мнению которой, Джордж Элиот постоянно создаёт различные альтернативы, и не только различные формы, созидательные и разрушительные, но и моральные дилеммы, которые встают перед героями и заставляют их выбирать [7, с. 61].

Этот роман уникален тем, что религиозная концепция Элиот была репрезентирована читателям открыто и прямо. Переход главного героя от ортодоксального христианства к религии человечности свидетельствует о том, что Элиот была полна решимости порвать со

своей прежней религией и построить новый духовный мир. Только любовь, а не Бог, может спасти человеческую душу от безнадежного и беспомощного мира тьмы. История ткача Марнера стала лучшим примером новаторской религиозности Элиота.

Данное произведение приобрело славу уникального романа, в котором религия гуманности Элиот открылась публике совершенно открыто и непосредственно. Переход героя от ортодоксального христианства к религии гуманности свидетельствует о том, что Элиот приняла решение порвать с прежней религией и намерена построить новый духовный мир. Через историю Марнера Элиот смело раскрыла суть своей религии гуманности – только любовь, а не Бог, может спасти душу человека от безнадежного и беспомощного темного мира. История ткача Марнера стала лучшей демонстрацией новаторской религии Элиот. Б.М. Проскурнин также выделяет моральную составляющую романа Джордж Элиот: «произведение, с одной стороны, полно реалистически точных наблюдений над английским провинциальным социумом того времени, по большей части – сельским: достаточно обратиться к массовым сценам разного рода, будь то сельские праздники или сцены в пабе, балы поместных дворян и бытовые зарисовки из жизни ремесленников и батраков. А с другой стороны – в нём немало от сказки о победе добра и справедливости, о моральном преображении и просветлении человека за счёт любви и страдания» [3, с. 26].

Писательница мастерски реализовывает линию конфликта. В романе противопоставлены два общества – мрачная, фанатичная религиозная секта в Лэнтерн-Ярде и материалистическое, более рационально мыслящее общество в деревне Равелу. Автор показывает, как герой, разочаровавшись в несправедливости и бесчеловечности первой общины, уходит в самоизоляцию, а затем постепенно интегрируется во вторую общину. Это исследование противостояния двух сообществ и, в частности, типов религии, с помощью которых происходит интеграция; религии, через которую эта ткань проявляется.

В первой части романа жизнь Сайлеса охарактеризована как «... had been filled with the movement, the mental activity, and the close fellowship, which, in that day as in this, marked the life of an artisan early incorporated in a narrow religious sect, where the poorest layman has the chance of distinguishing himself by gifts of speech, and has, at the very least, the weight of a silent voter in the government of his community» [5, http]. Лэнтерн-Ярд – это тесное, замкнутое сообщество, в котором люди не связаны между собой человеческой симпатией.

Сайлес становится центром интереса только после того, как во время молитвенного собрания происходит его первая таинственная катаlepsия. Реакция сек-

ты – немедленное отрицание любого человеческого, естественного объяснения: «To have sought a medical explanation for this phenomenon would have been held by Silas himself, as well as by his minister and fellow-members, a wilful self-exclusion from the spiritual significance that might lie therein» [5].

Очень скоро постоянные поиски сверхъестественных объяснений в Фонарном дворе становятся всё более агрессивными. Герой решает, что гуманное применение его знаний о лекарственных травах неправильно, «полагая, что травы не могут быть эффективны без молитвы, а молитва может быть достаточной и без трав» («... but of late years he had had doubts about the lawfulness of applying this knowledge, believing that herbs could have no efficacy without prayer, and that prayer might suffice without herbs...») [5, http]. Вместо того, чтобы быть идеей добра, идея Бога в Фонарном дворе стала античеловеческой.

События, которые разрушают мировоззрение Сайлеса и приводят к его отказу от церкви, подчёркивают слабость связей, удерживающих такую общину вместе. Одержимые желанием получить уверенность в спасении, члены общины впадают в духовную гордыню и ревность.

Этот пронзительный рассказ о потере веры Сайлесом должен прояснить методы Джордж Элиот, в частности, характер взаимоотношений между сверхъестественной интерпретацией событий и психологией персонажей.

Сайлес Марнер считался образцовым молодым человеком примерной жизни и горячей веры, он был известен в Фонарном дворе своей приверженностью к религии. Поэтому, когда его заподозрили в краже, он рассчитывал, что Бог снимет с него вину. По иронии судьбы, его религиозная секта рассматривала дело по жребью, чтобы Бог показал, кто виноват, и именно таким способом Марнер был осуждён. Тяжёлый удар был нанесен не только по его вере, но и дружбе: осознав, что именно лучший друг предал его, Марнер почувствовал глубокое отчаяние, и это пошатнуло в нём доверие к Богу и человеку.

Происшествие заставило Марнера покинуть Фонарный двор. Он чувствовал себя гонимым всеми и думал, что если его, невинного и честного человека признали виновным, значит, в этом мире царят мрак и несправедливость. Бог всегда был для Марнера духовным утешением, поэтому он был предан Ему и ожидал, что Он благословит и поможет. Однако Бог, по его мнению, не спас, а толкнул в преисподнюю, что заставило героя чувствовать себя обманутым, поэтому в его духовном мире больше не существовало Бога.

Поселившись в Равелу, Марнер в течение пятнадцат-

цати лет вёл уединенный образ жизни и как до минимума сократил с обществом. Он замкнулся в узком мирке, где от любви к Богу перешёл к любви к деньгам. Золото для Марнера заменило религию, и духовное назидание он искал уже не в Боге, а в золотых монетах. Он работал по шестнадцать часов в день и копил всё заработанное. Единственным и самым большим удовольствием для него было пересчитывать накопленное.

Механическая работа и золотые монеты составляли всю жизнь и опору в его духовном мире. Марнер на долгие годы предпочёл уединённое существование, посвятив себя накопительству, отчего его жизненный круг становился всё примитивнее, превращаясь в простое чередование потребностей и их удовлетворения, без всякой связи с какой-либо другой человеческой душой.

Однако после ограбления герой вновь теряет веру в жизнь. Потеря денег означала, что надежда Сайлеса исчезла, и его духовный мир снова рухнул. Замысел Джордж Элиот в сюжете об ограблении был во многом очевиден для читателей. По мнению автора, преклонение перед золотом ведёт к потере души, способствует деградации человека и даже его демонизации. Ожидание героя найти в деньгах счастье и смысл жизни, оказалось ложным.

Следует отметить, что в основе образа Сайлеса лежит дуальность: он как будто находится между светом и тьмой, Богом и дьяволом. Из-за этого своего свойства Марнер оказался открытым для дьявольских искушений. Первым указанием на это служат описания его каталептических припадков, которые и сам Марнер сочли признаком воздействия тёмных сил. В результате этого происшествия Сайлес начал восприниматься как посланник дьявола. Абсурдность и трагичность этой ситуации заключается в том, что такое отношение к нему сформировалось в той же среде, в которой он недавно считался практически святым. Подобный поворот событий стал возможен благодаря тому, что автор противоречиво интерпретировала религию, считая, что внутри религиозных организаций царят ложь и лицемерие. С другой стороны, она не могла окончательно порвать с религией.

Тем не менее, писательница горько иронизирует над религиозной общиной, и об этом свидетельствует другой случай с Марнером, связанный с обвинением в краже, на что указывает тот факт, что она позволила читателю изначально знать истинного виновника – Уильяма, который, обвинив Сайлеса, добивается того, что остальные члены собрания объединяются с ним против главного героя. Так ложь приобретает форму истины, и именно в этом заключается настоящее проявление присутствия дьявола, который обладает способностью менять местами правду и ложь.

По мнению М. Гнинга, Сатана действительно присутствует в этом обществе, но попадает туда не через Марнера, а через Уильяма, который пытается заставить людей поверить в вину Сайлеса. Уильям становится носителем антихристианской морали, которой постепенно проникается вся община. Кроме того, дьявол также представлен здесь в лице этих якобы религиозных людей (других представителей секты), которые слепо верят Уильяму [6, с. 337].

Всё это способствует тому, что двойственность, изначально заложенная в природу Сайлеса, прогрессирует и на какое-то время он начинает всё более тяготеть к тьме, чем к свету, полностью отдавшись страсти к накопительству и деньгам, в чём его можно сравнить с диккенсовским Скруджем.

Это объясняется тем, что доверие, которое Сайлес раньше питал к своей вере и церкви, нивелировалось. Прежние ценности потеряли свою привлекательность, и теперь основной целью стало золото, и ничто другое, кроме как круглосуточно ткать на станке, чтобы получить больше этого золота, не имело значения. Деньги стали для него для него символом земных благ, а также свидетельством приверженности к сатане, поскольку поклонение деньгам и поклонение дьяволу равнозначно.

Однако герою удаётся освободиться от тьмы и прийти если не к Богу (в полной мере), то к свету. Но прозрение к нему пришло не сразу, и приоритеты герой поменял намного позже, поскольку с ним произошло чудо, также подобное чуду, случившемуся со Скруджем. Неслучайно Марнер поначалу принимает найденного младенца за обретенное золото: «The heap of gold seemed to glow and get larger beneath his agitated gaze. He leant forward at last, and stretched forth his hand; but instead of the hard coin with the familiar resisting outline, his fingers encountered soft warm curls. It was a sleeping child» [5, http].

Тем не менее, он сразу чувствует, что это событие является для него судьбоносным и связанным с прошлым: «... like old friendships impossible to revive; and yet he had a dreamy feeling that this child was somehow a message come to him from that far off life» («... как старая дружба, которую невозможно возродить; и всё же у него было мечтательное чувство, что этот ребёнок – некое послание, пришедшее к нему из той далёкой жизни») [5, http].

Найдёныш пробуждает душу Марнера, даёт ему возможность вспомнить старые чувства и пережить новые: «старый трепет нежности – впечатления благоговения от предчувствия некоей силы, управляющей его жизнью» («old quivering of tenderness – old impressions of awe at the presentiment of some Power presiding over his life») [5, http].

Приведённая цитата отсылает к прошлому героя, его

жизни в Фонарном дворе; в те времена, когда он жил в мире, покое и счастье. Поступок Марнера, который из добрых побуждений берёт себе младенца, символизирует ту важную роль, которую сыграл ребёнок в восстановлении веры: позволил сменить нравственные ориентиры и спас от тьмы.

Главный герой переродился, а Эппи в романе олицетворяется с ангелом, спасшим его от гибели. Она снова открыла ему глаза на реальность мира, благодаря сему его душа приходит в гармонию с телом (о дисгармонии свидетельствовали припадки). Имплицитно автор проводит мысль о том, душа Сайлеса словно была изгнана из тела и находилась в своеобразном чистилище, поэтому он претерпевал такие страдания [8, с. 41]. Но Эппи удалось соединить эти два начала, что позволило Марнеру стать полноценной личностью.

В данном отношении показательно имя Эппи, которое может трактоваться как символ любви и счастья. Предположительно, оно имеет библейские истоки: в Библии Хефзиба (Hephzibah) – это имя жены царя Езекии, которая была известна своей красотой и мудростью. Эппи (Eppie) может быть производным от Хефзибы.

Благодаря Эппи Марнер вновь обрёл связь с социумом, встретил добрых и нравственных людей. Здесь следует выделить Долли, которая отличается особыми качествами: «She was a “comfortable woman”—good-looking, fresh-complexioned, having her lips always slightly screwed, as if she felt herself in a sick-room with the doctor or the clergyman present. But she was never whimpering; no one had seen her shed tears; she was simply grave and inclined to shake her head and sigh, almost imperceptibly, like a funereal mourner who is not a relation!» [5, http].

И.Ф. Гнюсова отмечает тот факт, что, несмотря на периферийное положение этой героини в сюжете, она занимает очень важное место в идейно-художественной системе романа, поскольку её цельный и нравственный образ оказывает сильное влияние на личность Сайлеса, его моральное возрождение, так как он получает большое впечатление от её доброты, милосердия, умения сострадать [1, с. 18].

Хотя эти люди принадлежали к англиканской церкви, они не исповедовали догматического христианства, а в своих моральных решениях опирались на старомодный

здоровый смысл и дух общины. Именно любовь, симпатия и дружеские чувства объединяли людей и заставляли их жить гармонично.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роман Джордж Элиот, его моральная основа, во многом переключаются с личным опытом автора. Как и её герой, писательница в юности столкнулась с религиозным кризисом. Однако ей удалось реконструировать свой религиозный мир и создала религию человечества (гуманности), чтобы заменить утрату Бога. Джордж Элиот выдвинула свою религию человечности в «Сайлесе Марнере» и стремилась научить людей вновь обрести веру, следуя примеру её героя. Она преобразовала свой духовный мир и создала религию гуманности взамен утраченного Бога. Этот опыт отразился в романе «Сайлес Марнер», который может способствовать пониманию основных идей этого произведения и их тесной связью с личными духовными практиками Элиот и её двойственным подходом к религии.

Поклонение дьяволу не могло спасти Марнера от краха, и только любовь и сочувствие позволили возродить надежду на жизнь. Зимней ночью, когда Сайлес впервые нашёл брошенного младенца, он принял его за своё потерянное золото. Ребёнок становится неким посланием, пришедшим к герою из далёкой жизни, поскольку вызывает в нём ассоциации с прошлым, пробуждает сентиментальные, но оживившие его душу чувства. Таким образом, сюжет с младенцем можно считать ключевым в воплощении концепции новой религии Джордж Элиот, а также как символ, показывающий, что ребёнок сыграл доминирующую роль в перестройке убеждений героя.

В двойственном контексте раскрывается и тема религии в романе, которая сначала показывается как несправедливая и лицемерная. Однако облик веры восстанавливается в финале – после возвращения героя в церковь и крещения Эппи. Независимо от обстоятельств, герой осознаёт, что его вера и моральные принципы всегда могут быть опорой. В конце жизни он обретает счастье, придя к пониманию необходимости следовать традиционным моральным ценностям. В итоге можно сделать вывод о том, что дуальность, проявляющаяся на разных уровнях романа (образы героев, хронотоп, идейно-тематический комплекс) обусловлены противоречивыми религиозными воззрениями автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнюсова, И.Ф. Две Долли: отклик на роман Джордж Элиот «Сайлес Марнер» в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 17-23.
2. Лугайс, А.Л. Проблема реализма и натурализма в творчестве Джордж Элиот (Ранний период 1851 – 1861). Таллин: Эсти раамат, 1987. 191 с.
3. Проскурнин, Б.М. Уильям Шекспир и Джордж Элиот: традиции, влияние, аллюзии // Мировая литература в контексте культуры. – 2014. № 3 (9). С. 24-38.

4. Сидорченко, Л.В. Джордж Элиот // (История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / Л. В. Сидорченко, И. И. Булова, А. А. Аствацатуров и др. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2004. 541 с.
5. Eliot, G. Silas Marner (1861) [Electronic resource] // URL: <https://www.gutenberg.org/files/550/550-h/550-h.htm> (accessed 30.08.2023).
6. Gning, M. The Crisis of Ethics in Victorian Britain: A Critical Analysis of Silas Marner by George Eliot [Electronic resource] // URL: <file:///C:/Users/LENOVO/Downloads/10.11648.j.ijla.20221006.11.pdf> (accessed 22.11.2024).
7. Harris, R. Silas Marner And Felix Holt: Antitheses and Affinities [Electronic resource]. / URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1362&context=ger> (accessed 22.11.2024).
8. Jive, L. The Dilemma of 'God and Humanity' as Reflected by George Eliot's Silas Marner [Electronic resource] // URL: https://www.researchgate.net/publication/349862711_The_Dilemma_of_'God_and_Humanity'_as_Reflected_by_George_Eliot's_Silas_Marner (accessed 22.11.2024).
9. Orr, M. George Eliot's Religious Imagination. A Theopoetics of Evolution. Illinois : Northwestern University Press, 2017. 190 p.
10. Zhang, L. "A Moral World without God – On the Religion of Humanity of George Eliot in Silas Marner" // Theory and Practice in Language Studies. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 445-451.

© Широкова Ганна Атанасовна (glory_glint@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Aisen Ia. – postgraduate student, Moscow State University

Alekseenko S. – Doctor of Medical Sciences, Rector, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnodar

Baskina E. – SUE "Moscow Metro"

Baste Z. – Candidate of Philological sciences, (Ph. D.), Associate Professor Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Baturyan M. – Candidate of Philological sciences, (Ph. D.), Associate Professor Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Belous B. – Candidate of History, Herzen State Pedagogical University of Russia

Bobrovitskaya O. – teacher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Boiko B. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Alexander Nevsky Military University of the Russian Defense Ministry (Moscow)

Chervony A. – D. philol. Sc., professor, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) FSBEI HPE "RGEU (RINH)"

Chevpilova K. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Budennovsk, Budennovsk

Dahi Lama – Postgraduate, People's Friendship University of Russia, named after Patrice

Deng Xi – PhD student, Lomonosov Moscow State University

Dmitrieva E. – Associate Professor, Orenburg State University

Drobot N. – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnodar

Efimov D. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Shadrinsk State Pedagogical University

Fan-Yung G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Volga State University of physical culture, sports and tourism, Kazan

Fokin R. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Associate Professor, Federal State Public Military Institution of Higher Education "Military space Academy named after Mozhaisky", Saint-Petersburg

Our authors

Gaivoronskaya T. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnodar

Gornostaeva A. – Associate Professor, Associate Professor, Moscow State Linguistic University

Grigorev A. – Grand PhD in Philology, Professor, The Kosygin State University of Russia (Moscow)

Guo Li Hong – Associate Professor, Qiqihar University; Postgraduate student of the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University

Ignashina Z. – Candidate of Philology, Associate Professor, Financial university under the government of the Russian Federation

Karelina I. – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Khorokhorina G. – Associate Professor, Russian Biotechnological University (Moscow)

Kinderknekht A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Perm State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov

Kiseleva I. – Postgraduate student, State University of Education, Mytishchi

Kishkinova O. – Senior Lecturer, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Kryzhanovskiy A. – assistant professor, candidate of history, MGIMO University

Kunasheva M. – graduate student, Kabardino-Balkar State University named after H.M Berbekov, Nalchik

Kuznetsov G. – Candidate of Biological Sciences, associate professor. Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Budennovsk, Budennovsk

Lazarev M. – Candidate of Psychological Sciences, Moscow Pedagogical State University

Levchuk K. – Senior Lecturer, FSBEI HE Novosibirsk State Medical University

Li Qingjie – Northwest Minzu University, Gansu, China

Li Zexin – Heilongjiang University

Lisitsa A. – Senior Lecturer, FSBEI HE Novosibirsk State Medical University

Liu Le – Postgraduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

Maksimova S. – Associate professor, Udmurt State University, Izhevsk

Malysheva A. – Pacific National University, Khabarovsk

Mamilova S. – Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University

Medvedeva I. – Tutor, Industrial University of Tyumen

Melnikov Yu. – PhD, Associate professor, Udmurt State University, Izhevsk

Mikhailov A. – postgraduate student, State University of Management, Moscow

Mindlin Yu. – Candidate of Economic Sciences, associate professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Minets D. – Candidate of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research University "Higher School of Economics»

Minets D. – Candidate of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research University "Higher School of Economics»

Morozov E. – Associate Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University

Palchik V. – postgraduate student, State University of Management, Moscow

Piao Huimin – Postgraduate, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Popova E. – PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University

Popova I. – Senior Lecturer, FSBEI HE Novosibirsk State Medical University

Povarnitsina T. – candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kamchatka State Technical University

Pushkarev A. – PhD, Associate professor, Udmurt State University, Izhevsk

Pyanova M. – Candidate of Philological Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Reshetnikova D. – Financial University under the Government Russian Federation

Rong Xin – School of Foreign Languages, Qiqihar University

Shirokova G. – Postgraduate Student, Senior Lecturer, Perm State University

Shliakhovoi D. – Candidate of Philological Sciences, Alexander Nevsky Military University of the Russian Defense Ministry (Moscow)

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Smirnova M. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Alexander Nevsky Military University of the Russian Defense Ministry (Moscow)

Solomatina G. – Doctor of pedagogical sciences, associate professor, Kuban State University, Russia, Krasnodar

Soloveva N. – Candidate of Sciences (Pedagogy), assistant professor, Pacific National University, Khabarovsk

Stafeeva N. – Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Industrial University of Tyumen

Tatarintseva R. – Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation

Tkacheva L. – Senior Lecturer, Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

Todis L. – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Tsoi T. – Candidate of Philological Sciences, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Ulanova K. – Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Usov S. – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Vankina E. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev"

Varnakova N. – Senior Lecturer, FSBEI HE Novosibirsk State Medical University

Vorobyeva O. – Senior Lecturer, Moscow University for Industry and Finance "Synergy"

Vozmitel' M. – Assistant, Luhansk State Pedagogical University

Yan Qiaoyan – Hunan Institute of Technology, Hengyang, China; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Zaichko M. – Tutor, Industrial University of Tyumen

Zhang Helin – Heilongjiang University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).